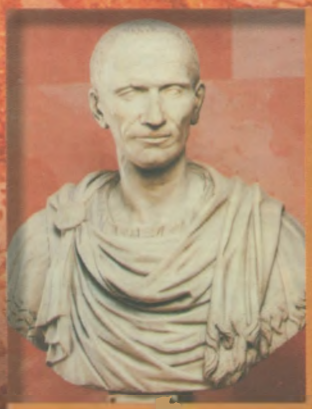

Российская академия наук
Государственный университет гуманитарных наук
Научно-образовательный центр по истории

В.П. Буданова, В.Н. Токмаков, В.И. Уколова, Н.А. Чаплыгина

Древний РИМ

Учебное пособие для вузов

А с т р е л ь

Российская академия наук
Государственный университет гуманитарных наук
Научно-образовательный центр по истории

В.П. Буданова, В.Н. Токмаков,
В.И. Уколова, Н.А. Чаплыгина

Древний Рим

Учебное пособие
для вузов

Руководитель проекта —
академик РАН
А.О. ЧУБАРЬЯН

АСТ • Астрель
Москва • 2006

УДК 94(37)
ББК 63.3 (0)32
Д73

Ответственный редактор проекта —
доктор исторических наук, профессор В.П. БУДАНОВА

Оформление обложки —
дизайн-группа «Дикобраз»

Древний Рим: учеб. пособие для вузов / Российская
Д73 академия наук; Государственный университет гуманитарных
наук; Научно-образовательный центр по истории;
В.П. Буданова, В.Н. Токмаков, В.И. Уколова, Н.А. Чаплы-
гина; рук. проекта А.О. Чубарьян. — М.: Астрель: АСТ,
2006. — 686, [2] с.

ISBN 5-17-035857-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13667-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Учебное пособие «Древний Рим» посвящено тысячелетней истории древнеримской цивилизации от времени появления первых общин латинских поселенцев в Италии и рождения Рима до гибели Западной Римской империи в ходе бурной эпохи Великого переселения народов.

Пособие состоит из 8 глав: «Племена и народы Древней Италии», «Рим в эпоху царей», «Период Ранней республики (V—IV вв до н.э.)», «Преобразование Рима в Средиземноморскую державу», «Эпоха Поздней республики и гражданских войн», «Ранняя Римская империя», «Кризис Римской империи», «Поздняя Римская империя». Каждая глава имеет четкую структуру, облегчающую поиск нужного материала. Приводятся объяснения основных исторических терминов и понятий изучаемого периода.

Авторы книги — ведущие специалисты Российской академии наук, известные ученые-историки, имеющие богатый опыт преподавательской работы.

Для студентов высших учебных заведений, преподавателей и всех, интересующихся историей.

УДК 94(37)
ББК 63.3 (0)32

Подписано в печать 24.01.2006 г. Формат 60х90^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 43,0. Тираж 3 000 экз. Заказ № 1294

ISBN 5-17-035857-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13667-1 (ООО «Издательство Астрель»)

© Буданова В.П., Токмаков В.Н.,
Уколова В.И., Чаплыгина Н.А., 2006
© ООО «Издательство Астрель», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (В.П. Буданова).....	18
ГЛАВА I	
ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ (В.Н.Токмаков).....	25
<i>Нураги на Сардинии</i>	34
Колонии «Великой Греции».....	35
Сибарис и сибариты	38
Гермократ — «человек опоры» или «случайный игрок»?	39
Держава Дионисия Старшего	40
Этруски — таинственная цивилизация	42
Этрусский язык	48
Спина — этрусская Венеция	50
Этрусские гробницы	51
<i>Мастарна</i>	53
От Аскания до Нумитора — от Лавиния до Альба-Лонги	54
Легенда об Эвандре	55
Эней и латины	56
Ромул и Рем.....	57
<i>Померий</i>	58
<i>Похищение сабинянок</i>	59

РИМ В ЭПОХУ ЦАРЕЙ (В.Н. Токмаков).....	60
Палатин — сердце Рима.....	64
Римский Форум сквозь века.....	66
Капитолий.....	69
<i>Стена Сервия Туллия</i>	70
Общественное устройство	70
Род и фамилия.....	70
Курии и трибы.....	72
Паги.....	73
Куриатные комиции.....	74
<i>Куриатный закон об империи</i>	75
Римские имена.....	76
Патриции.....	78
Брак и свадебные обряды римлян.....	78
Клиенты и патроны.....	83
Древнейший Сенат.....	84
Царская власть.....	85
<i>Целеры</i>	86
Римские цари	87
Ромул — закон и порядок.....	87
<i>Праздник «Поплифугий»</i>	88
Нума Помпилий — религия и право.....	89
Тулл Гостилий — война и слава.....	89
<i>Легенда о Горациях и Куриациях</i>	91
Анк Марций — мир и строительство.....	91
Тарквиний Древний — мощь и величие.....	92
<i>Танаквиль</i>	93
<i>Сивиллины книги</i>	94
Сервий Туллий — легенда и реальность.....	95
<i>Отцеубийца Туллия</i>	96
Реформа Сервия Туллия.....	97
<i>Марсово поле</i>	99
<i>Люстрации</i>	99
<i>Трубачи и горнисты</i>	99
<i>Ценз</i>	100
<i>Ассы</i>	100
Тарквиний Гордый — тиран или благодетель?.....	101
<i>Капитолийский храм</i>	102
<i>Великая клоака</i>	103
<i>Регифугий</i>	104
Легенда о Лукреции.....	105

Древнейшие религиозные культы, календарные и родовые празднества	106
Сатурналии	123
Коллегии жрецов	125
Авгуры и ауспиции	126
Понтифики	128
Фламины	129
Весталки	129
Фециалы	131
Салии	132
Арвальские братья	134
<i>Арвальские празднества</i>	135
Луперки	136
<i>Луперкалии</i>	137
Аргейские священнодействия	138
Гаруспики	139
 ГЛАВА III	
ПЕРИОД РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ (V—IV вв. до н.э.) (В.Н. Токмаков)	140
Тираноборец Юний Брут	144
Валерий Попликола, отец-основатель Республики	145
<i>Право провокации</i>	146
<i>Содады</i>	147
Осада Рима Порсеной — история под пеленой легенды	147
Гораций Коклес	148
Бесстрашный Муций Сцевола	149
Подвиг Клелии	150
Римский народ квиритов	150
Плебеи	150
Всадники на общественном коне	152
Общественное поле	153
<i>Оккупация и ассигнация</i>	153
Политическая организация civitas	154
Центуриатные комиции	154
<i>Мостки и загоны</i>	155
Трибутные комиции	156
Сенат	157
<i>Интеррекс</i>	158

Магистратуры	159
Консулы	159
<i>Империй</i>	160
Преторы	160
<i>Ликторы и фасции</i>	161
Цензоры	161
Диктатор	162
Консулярные трибуны	163
Плебейские трибуны	163
Эдилы	164
Квесторы	165
 «Борьба сословий»	165
Первая сецессия плебеев и «священные законы»	165
Взлет и низвержение Кориолана	167
Предатель патрициев Спурий Кассий	170
Коллегия децемвиров	172
Законы XII таблиц	173
Вторая сецессия плебеев	174
<i>Легенда о Вергинии</i>	175
<i>Законы Валерия—Горация</i>	177
<i>Закон Канулея</i>	177
<i>Сикций Дентат — «плебейский Ахилл»</i>	178
«Заговор» Спурия Мелия	178
Марк Фурий Камилл — превратности судьбы «второго Ромула»	179
Отступник Марк Манлий Капитолийский	182
Законы Лициния—Секстия — победа плебеев	183
<i>Закон Петелия</i>	185
Цензор-реформатор Аппий Клавдий Цек	185
<i>Фасты и «Великие анналы»</i>	187
 Военная история Рима	187
Разгром Фабиев на Кремере	187
Диктатор-землепашец Цинциннат	188
Осада Вей — реванш Рима	189
Нашествие галлов — расплата за гордыню	191
<i>Битва при Аллии</i>	193
<i>«Гуси Рим спасли»</i>	194
<i>«Горе побежденным!»</i>	194
Экспансия в Самний	195
<i>«Кавдинский позор»</i>	196
<i>Маний Курий Дентат</i>	197
<i>Кампанский мятеж</i>	197

Покорение латинов	198
<i>Обет Публия Деция Муса</i>	199
Война с Пирром — овладение Италией	200
<i>Пирр — «кондотьер Античности»</i>	202
<i>«Пиррова победа»</i>	203
Военная организация Республики	204
Легион	206
<i>Манипул</i>	207
Манипулярная тактика	207
<i>Гаста и пилум</i>	208
Римский лагерь	208
<i>Децимация</i>	209

ГЛАВА IV

ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СРЕДИЗЕМНОМОРСКУЮ ДЕРЖАВУ (В.Н. Токмаков)	210
---	-----

Римское общество и сословия	215
Нобилитет	215
Всадники и публиканы	217
<i>Менялы</i>	218
<i>Люмпен-пролетарии</i>	218
Вольноотпущенники	219

Создание Римско-италийской федерации	220
Муниципии	221
Колонии	221
«Союзники»	222
Префектуры	222
Провинции	223
<i>Римские дороги</i>	224

Лица и личности римской политики	225
Защитник плебеев Гай Фламиний	226
Корнелий Сципион — «блеск и нищета» принцепса Сената	227
Катон — «суровый римлянин»	229
Тит Квинций Фламинин — прагматичный эллинофил	231
Сципион Эмилиан — между честью и долгом	233

Рим и Карфаген — борьба хищников за Западное Средиземноморье	234
Первая Пуническая война: Сицилианский гамбит	234
<i>Экспедиция Регула</i>	237
<i>Сражение у мыса Экиом</i>	238
<i>Триремы и пентеры</i>	238
Нашествие Ганнибалы: война на истощение	239
<i>Клятва Ганнибалы</i>	245
<i>Падение Сагунта</i>	246
<i>Сражение у Требии</i>	247
<i>Побоище у Тразименского озера</i>	247
Битва при Каннах	248
<i>«Ганнибал у ворот»</i>	249
<i>Архимед и взятие Сиракуз</i>	250
<i>Судьба Ганнибалы</i>	251
Третья Пуническая война: разрушение Карфагена	252
<i>Жена Гасдрубалы</i>	254
Схватка за Балканы	255
На подступах к Эллады: завоевание Иллирии	255
Первая Македонская война — «жар чужими руками»	257
Вторая Македонская война: танец «на лезвии бритвы»	257
<i>Битва при Киноскефалах</i>	259
Лозунг «Свобода Греции»	260
Война Рима с Антиохом III Великим — трепка величия	261
Третья Македонская война и крушение Македонского царства ..	265
<i>Персей и Деметрий</i>	269
<i>Битва при Пидне</i>	270
Усмирение Эллады	271
<i>Триумф и трагедия Луция Эмилия Павла</i>	272
Восстание Андриска	273
Падение Коринфа и крах Эллады	274
«Огнем и мечом» — утверждение гегемонии Рима в Средиземноморье	276
Восстание Вириата в Лузитании	276
Блокада Нуманции	277
Восстание Аристоника — последний глоток свободы	279
<i>Аристоник и гелиополиты</i>	280
Государственные празднества	281
Римские игры	282
Плебейские игры	282

Столетние игры	283
Аполлоновы игры	283
Флоралии	284
Мегалезийские игры	285
Вакханалии	286
Триумф	288
Первопроходцы римской литературы	290
Ливий Андроник — просветитель из Тарента	290
Невий — первый стихотворец	291
Энний — реформатор латыни	291
Плавт: и вечный смех!	291
Теренций — комедиограф положений	292
Театральные представления	292
Театр	294
<i>Фесценнины</i>	295
<i>Гистрионы</i>	295
<i>Ателлана</i>	295
<i>Сатура</i>	296
Цирковые состязания	296
Большой цирк	296
<i>Спйна</i>	297
<i>Помпа</i>	297
Фламиниев цирк	298
Цирковые ристания	298
<i>Венеты и прасины</i>	299
<i>Атлеты</i>	300

ГЛАВА V

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН (В.Н. Токмаков)	301
--	-----

Гражданские смуты — пролог в багровых тонах	306
--	-----

Тиберий Гракх	306
Реформа Тиберия Гракха	307
Гай Гракх	310
Реформы Гая Гракха	310

Рабство и рабовладение	313
-------------------------------------	-----

Первое восстание рабов на Сицилии	315
Второе восстание рабов на Сицилии	317

Гладнаторские бои	318
<i>Вооружение гладиаторов</i>	319
Великая война Спартака	320
<i>Спартак</i>	323
Военная экспансия и угрозы	323
Военная реформа Гая Мария	323
<i>Когорта</i>	325
<i>Конница</i>	325
<i>Центурионы</i>	326
<i>Военные трибуны</i>	326
Война с Югуртой	327
<i>Югурта: уроки «примерного ученика»</i>	328
Нашествие кимвров и тевтонов	329
<i>Аквы Секстиевы и Верцеллы —</i> <i>триумф Гая Мария</i>	330
Охота на «Понтийского льва»	331
Первая война с Митридатом	332
<i>Сражение при Херонее</i>	333
<i>Битва при Орхомене</i>	334
Звезда и смерть Митридата Эвпатора	334
Борьба марианцев и сулланцев	337
Гай Марий — тяжелая десница судьбы	337
<i>Движение и гибель Сатурнина</i>	340
<i>Плебейский трибун Сульпиций Руф</i>	341
Союзническая война	342
Корнелий Цинна и недолгое торжество марианцев	343
Битва за Рим	344
<i>Побойще у Коллинских ворот</i>	345
Луций Корнелий Сулла — лев или лисица	346
Диктатура и конституция Суллы	347
<i>Проскрипции</i>	348
<i>Ветераны</i>	349
<i>Отречение диктатора</i>	350
<i>Погребение Суллы</i>	350
Квинт Серторий — возмутитель Испании	351
<i>Белая лань и римская булла</i>	353
Стагнация власти (бурные 70—60-е)	354
Гней Помпей и популяры	354
<i>Борьба Помпея с пиратами</i>	357

Заговор Катилины	358
Гай Юлий Цезарь — начало «большого пути».....	360
«Трехглавое чудовище»: Помпей, Цезарь, Красс	362
<i>Цицерон, Клодий и «жена Цезаря»</i>	364
Марк Туллий Цицерон — прозрения и падения политического гения	365
<i>Судебные ораторы и иски</i>	367
Покорение Цезарем Галлии.....	368
<i>«Косматая» Галлия</i>	369
<i>Друиды</i>	370
<i>Переправа через Рейн и вторжение в Британию</i>	370
Великое Галльское восстание	371
<i>Осада Алезии</i>	373
Крах армии Красса при Каррах.....	373
 «Рубикон перейден». Вторая гражданская война	375
<i>Битва при Фарсале</i>	378
Цезарь — пожизненный диктатор.....	378
<i>Мартовские иды</i>	380
<i>Юлианский календарь</i>	381
 Третья гражданская война и агония Республики	382
Марк Антоний — «император на час».....	383
Юный Октавиан — скромный наследник Цезаря.....	383
Второй триумвират: власть легионов.....	384
Новые проскрипции — царство террора	386
<i>Битва при Филиппах — гибель последних республиканцев</i>	387
<i>Секст Помпей — «сын за отца»</i>	387
Антоний и Клеопатра — брак по расчету и смерть по любви	387
<i>Сражение у мыса Акций</i>	389
 Литература «золотого века»	390
Тит Лукреций Кар — волшебная лира философа	391
Гай Валерий Катулл — сладкоголосый соловей любви.....	391
Марк Теренций Варрон — энциклопедист-политик	392
Саллюстий Крисп — честный историк.....	392
«Записки» Гая Юлия Цезаря.....	393

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

(В.П. Буданова, В.Н. Токмаков, Н.А. Чаплыгина) 394

От Октавиана до Августа — сотворение Империи 400

Принципс Сената 402

Отец отечества 403

Сакрализация власти 404

Форум Августа 406

Мавзолей Августа 407

Статуи Августа — зримое величие Империи 407

«Pax Romana» — идеология глобализации по-римски 408

Алтарь Мира 411

Система управления Империей и обществом.

«Согласие сословий» 412

Императорские и сенатские провинции 414

«Хлеба и зрелищ!», или искусство управлять массами 414

Префект города 416

Префект претория и преторианцы 418

Прокуратор 419

Фиск — бездонная машина императоров 420

Закон о роскоши: суета сует 422

Законы о семье и браке:

моральный кодекс строителя Империи 423

«Железные» легионы Империи 426

Империя и варварский мир при Августе —

защита нападением 427

Зачистка «белых пятен» в Испании и Альпах 428

«Тучи за Рейном» и восстание паннонских племен 430

Катастрофа в Тевтобургском лесу 431

Создание «Дунайского вала» 432

Фамилия Августа и тщетность упований принципса 433

Октавия Младшая — «женская доля» сестры Августа 435

Атия — жизнь ради сына 436

Сломанная судьба Скрибонии 436

Императрица Ливия Августа, или красота на службе

у честолюбия 437

Друз Старший — ратоборец «без страха и упрека» 439

Две Юлии: «сладкий жизни сон» и «хмурое утро»	441
<i>Луций и Гай Цезари: отроки под колесом Фортуны</i>	444
<i>Горести «невольника власти» Агриппы Постума</i>	445
Расцвет римской культуры эпохи Августа	446
Первый спонсор изяшных искусств Мecenат	448
Воитель и благотворитель Азиний Поллион	450
«Римский Гомер» Вергилий	451
«Из ничтожества был славой я избран»: Гораций и его нерукотворный «Памятник»	453
Метаморфозы Кифареда: изгнанник Овидий	454
Элегический Тибулл: ностальгия по настоящему	457
Возвышенный и упоительный Проперций	458
Тит Ливий — летописец римского величия	459
<i>«Деяния божественного Августа»</i>	460
<i>Театр Марцелла</i>	461
Преемники Августа из династии Юлиев—Клавдиев	461
Тиберий — скорбное одиночество сурового властителя	463
<i>Закон «Об оскорблении величия»</i>	465
<i>Фавор и позор Луция Элия Сеяна</i>	466
Германик, или прерванный полет римского орла	468
<i>Слава и опала Агриппины Старшей</i>	469
Мятеж паннонских легионов	470
Восстание в Галлии	472
Восстание Такфарината, или Африка в огне	473
Калигула — от любви до ненависти	475
<i>Декоративные походы Калигулы</i>	478
<i>Филон Александрийский — философ-иудей и хулиган-император</i>	479
Клавдий — рассудительный чудак	480
Бюрократизация дворцового управления	484
<i>Дарование прав провинциям</i>	485
Покорение Британии	486
<i>Валерия Мессалина: женщина как она есть</i>	487
Нерон — властная длань «артиста»	488
<i>Луций Анней Сенека — состоятельный бессребренник и стоический сановник</i>	494
<i>Законодатель вкусов и обличитель нравов Гай Петроний Арбитр</i>	495
<i>Царица бриттов Боудикка и усмирение Британии</i>	497
Восстание Юлия Виндекса и сотрясение провинций	497

«Смутное время» гражданской войны	
68—69 гг. — «битва в пути»	498
Иудейская война: падение Иерусалима	501
Династия Флавиев: Империя по наследству	503
Прижимистый Веспасиан	504
<i>Постановление о верховной власти</i>	505
Тит и Домициан — разные судьбы	505
<i>Строительство Колизея</i>	508
Дакийский бастион — первый штурм	508
«Золотой век» Антонинов	510
Траян и покорение Дакии. Последний рывок Империи	513
<i>Роль городских кураторов</i>	518
<i>Алиментация</i>	519
Эллинофил Адриан: право и защита	519
<i>«Вал Адриана» в Британии</i>	522
<i>Вторая Иудейская война: кровавая дорога к храму</i>	522
Долгое правление Антонина Пия: мир и процветание	523
<i>Колонны и колонаты</i>	525
<i>Сальтус</i>	525
Философ Марк Аврелий: одиночество «лучшего императора»	526
Маркоманские войны: поток с севера	529
<i>Колонизация</i>	532
<i>Ветераны Империи — новое сословие</i>	532
<i>Лимес</i>	533
<i>Канаба</i>	533
Император Коммод — новый Геркулес в порфире	534
Культура Империи в I—II вв.: «Серебряный век»	536
Лукан — первый «диссидент» Империи	538
Марк Валерий Марциал — игривый сатирик	539
Разящий «Ювеналов бич»	540
Апулей и его «Золотой осел»	541
Безбожник Лукиан	542
Великий моралист и патриот Плутарх	544
История от Тацита: без гнева и пристрастия	546
Сановник Аппиан и его след в истории	547
«Естественная история» Плиния Старшего	549
<i>Письма Плиния Младшего</i>	550
«Отец астрономии и географии» Клавдий Птолемей	551

Луций Юний Колумелла Модерат — теоретик и практик агрономии	553
Стоицизм Эпиктета	554
«Институции» Гая и развитие римского права	555
Изобразительное искусство	557
<i>Колонна Траяна</i>	557
<i>Трофей Траяна из Адамкиси</i>	557
<i>Мост Аноллодора</i>	558
<i>Вилла Адриана в Тибуре</i>	558
<i>Пантеон</i>	559
Медицина в Древнем мире	560
Коллегии врачей	562
<i>Армейские врачи</i>	563
<i>Энциклопедист медицины Авл Корнелий Цельс</i>	563
<i>Знаменитый врач Гален</i>	564
Одежда римлян	565
«Народ, одетый в тоги»	566
Туника — повседневное платье	568
Верхняя одежда: пенула, лацерна, паллий, палудамент, каракалла	569
Женский костюм: стола, фламеум, палла	570
<i>Римская обувь</i>	571

ГЛАВА VII

КРИЗИС РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III века

(В.Н. Токмаков, В.И. Уколова, Н.А. Чаплыгина)..... 573

Гражданская война 193—197 гг.:

престол по сходной цене	576
Септимий Север: «обогащение солдат»	578
Каракалла — буян на троне	581
<i>Эдикт Каракаллы</i>	583
<i>Макрин: ничтожество во власти</i>	583
«Танцующий бог» Элагабал	584
Александр Север и Юлия Мамея: владыка Рима под каблуком матери	586
Взлет и крах императора-солдафона Максимины Фракийца	587
Гордиан III и Филипп Араб. Кровавая чехарда «солдатских» императоров	588

Апогей кризиса Империи: Валериан, Галлиен и «Тридцать тиранов»	590
<i>Зенобия — звезда Востока</i>	592
Император Аврелиан: отчаянный шаг от пропасти	593

Крестный путь раннего христианства.

В поисках истины и Бога	595
«Святая земля» Палестины накануне пришествия Иисуса	595
Жизнь Иисуса	599
Учение Иисуса Христа	602
Апостолы — посланцы веры	605
<i>Петр — камень веры</i>	606
<i>Из Савла в Павла</i>	607
<i>Апокалипсис от Иоанна</i>	609
Христианские общины	610
Гонения на христиан	611

Соперники христианства

Гностицизм — мистика познания	614
<i>Мандеисты и манихеи</i>	616
Митраизм — «религия света» или предтеча христианства?	616

ГЛАВА VIII

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

(В.П. Буданова, В.Н. Токмаков, В.И. Уколова, Н.А. Чаплыгина)	619
---	-----

Апофеоз и отречение Диоклетиана

Тетрархия: новая вертикаль власти	625
Реформы Диоклетиана: «свет в конце туннеля»	627
<i>Эдикт о твердых ценах</i>	630
<i>Эдикт о запрещении христианского культа</i>	630
Отречение от власти	631

Единодержавие Константина: «Сим победиши!»

<i>Константинополь — Второй Рим</i>	634
Арианство. Христианская церковь на духовном распутье	635
<i>Дерзновенный вызов ортодоксии пресвитера Ария</i>	637
<i>Никейский Вселенский собор. «Символ веры»</i> <i>торжествующего христианства</i>	639
Юлиан Отступник	639

«Отцы Церкви»	641
<i>Иероним Стридонский и библейский канон</i>	
«Вульгата»	641
<i>Выдающийся проповедник</i>	
<i>Амвросий Медиоланский</i>	642
Алтарь победы. Последнее сражение	
между христианством и язычеством.	643
Великое переселение народов	644
Восстание везеготов.	648
Феодосий I Великий	652
Варваризация армии и аппарата управления	653
<i>Федераты</i>	654
<i>Фравитта и Гайна. Варвары на службе Империи</i>	654
<i>Вандал Стилихон — надежный щит Италии</i>	655
Конец Западной Римской империи	655
Падение «Вечного города»	658
<i>Конунг Аларих</i>	658
Сражение на Каталаунских полях — битва народов	
за наследство Рима.	660
<i>Правление Майориана — последние</i>	
<i>конвульсии Империи</i>	662
<i>Юный Ромул Августул:</i>	
<i>финал Западной Римской империи</i>	663
<i>Одоакр</i>	664
Культура Поздней Римской империи на перепутье эпох	665
Последний «соловей поэзии» Децим Магний Авзоний	666
Последний певец римского могущества Клавдий Клавдиан	667
Страстный патриот и истовый язычник	
Клавдий Рутилий Намациян	668
Последний историк Рима Аммиан Марцеллин	668
Последний энциклопедист Кассий Дион Кокцеян	670
Последний ритор Империи Либаний	670
Неоплатонизм.	672
Аврелий Пруденций Клемент — зачинатель	
христианской поэзии	674
Последний ревнитель воинской славы Рима	
Флавий Вегетий Ренат	675
Литература	677

ВВЕДЕНИЕ

Плох тот студент, который, открывая новое учебное пособие, не задает себе вопрос: «А что мне даст эта книга?». Плох тот автор, который всем текстом своей книги не отвечает на вполне справедливый вопрос студента.

Определение места Древнего Рима в мировой истории, его вклада в мировую цивилизацию, знакомство читателя с его социально-экономическими, политическими и культурными структурами, с основными фактами, событиями и явлениями римской истории, с ее терминологией — главное содержание настоящего учебного пособия. Значительное место отводится историческим портретам, образам богов и деяниям героев. Дается представление о повседневной жизни и земных радостях римлян, их занятиях и пристрастиях. Изложение этих вопросов соответствует современному уровню развития исторической науки, учитывает основные тенденции требований к повышению уровня преподавания и подготовки специалистов с высшим образованием.

История Древнего Рима изучается, как правило, на первом курсе. Объективно эта дисциплина несет важную образовательно-воспитательную функцию. Она призвана не только дать студентам системные научные знания, но и сформировать новое, адекватное реальности мировоззрение. Именно с этими целями в учебном пособии был реализован *цивилизационный подход*. Категория «цивилизация» используется в значении этапа истории человечества, связанного со всем многообразием его жизни в условиях рукотворной среды обитания. Это обусловило пристальное внимание к антропологическому потенциалу Римской цивилизации, ибо человек в Риме ставился выше формальных законов. Личность рано вошла в фокус внимания римского общества, представляя особую ценность. Ознакомившись с тем, что римляне делали, о чем думали в часы триумфов и трагедий, какие вопросы волновали их, студент имеет возможность убедиться, что многие из этих вопросов актуальны и сейчас.

Обычно, любой человек, даже если он профессиональный историк или собирается им стать, вглядывается в окружающую его действительность чаще и пристальнее, чем в события тысячелетней давности, ибо в ней он живет, и для него все же важнее понять настоящее и попытаться заглянуть в будущее. Но имен-

но здесь историческая наука может протянуть руку или подставить ножку. «И откуда все это?» — с удивлением восклицает порой наш современник, удивляясь происходящему. «Из прошлого!» — ответит историк. И богатейшим материалом для ответов на многие современные вопросы является история Древнего Рима.

История Древнего Рима охватывает значительный этап истории всего человечества — более тысячелетия: с VIII в. до н.э., когда на периферии юного античного мира в Италии, на берегах Тибра возникли первые общины латинских поселенцев в окружении более развитых культур этрусков, других итальянских народов и греческих колоний-полисов, и до середины V в. н.э., когда великая, но одряхлевшая Римская империя развалилась под ударами варварских племен. В то же время история Древнего Рима была органичной частью античной цивилизации, в рамках которой вызревали основные принципы человеческого общежития, многообразие форм общественных отношений и государственности.

Немало времени минуло, прежде чем молодой, духовно незрелый Рим вышел за пределы скромной племенной общины и вырос в крупное государство, разновидность античного полиса, доминировавшего на всем Апеннинском полуострове, а затем, властно втягивая в орбиту своего неотвратимого влияния все новые общины и города, примитивные племена и высокоразвитые государства, возвысился до главы громадной Средиземноморской державы, со временем превратившись в мировую Империю.

Именно в пределах глобального римского мира и далеко за его формальными рубежами античная цивилизация достигла своего наивысшего расцвета и полноты воплощения всех своих имманентных черт. Именно в рамках истории Древнего Рима выкристаллизовались или получили завершение в последующие эпохи современные способы производства и формы собственности, принципы гражданского коллектива и прав личности, политические системы — от демократии до абсолютной монархии, от выборных магистратур Республики до бюрократического аппарата Империи. Именно в плавильном котле римской культуры бурлили воспринятые от эллинских и древневосточных культур сложные процессы познания общества и природы человека, созревали новые направления общественной и правовой мысли, блистали прозрения человеческого гения, воплотившиеся в шедеврах мировой литературы и искусства, науки и

зодчества, наконец, в феномене христианства. Именно политические конструкции римской имперской государственности, скрепленные прочным раствором романизации и расцветенные многообразием духовных свершений и идейных исканий, и заложили основы грандиозного здания современной европейской цивилизации.

Общеизвестно, что в основе римской государственности и внешней политики лежало твердое соблюдение моральных принципов. Неограниченная власть нобилитета на определенном этапе истории Рима не привела к тирании и хаосу, ибо сдерживалась нравственными нормами. Рим имел свои «сферы интересов» и «сферы влияния» далеко за пределами своей территории. Однако, подчиняя народы, Рим действовал не только огнем и мечем, но дипломатией и своим моральным авторитетом, оказывая подчиненным защиту, принимая их под покровительство римского народа. Опираясь на доверие, Рим вносил в жизнь подчиненных племен мир и порядок, создавал «круг земель», земной мир, отражающий совершенное мировое кругоустройство. За его пределами, в представлении римлян, кончалась и человечность, и социальность. Там бушевала неорганизованная варварская стихия.

Единение государственного деятеля и римского народа, устойчивое сохранение древних традиций во всех областях жизни, особая роль примера в государственной деятельности, в литературе и искусстве — ключи к тайне политической одаренности римлян. В Риме культивировалось уважение к традиции. Старое всегда органически включалось в новое, возрождалось, преобразовалось, но никогда не отменялось начисто, ибо новое создавалось с ориентацией на образцовое старое и само становилось образцом. Стремление к созданию прочного и вечного во всех сферах жизни было всегда необычайно характерно для римлян. Личность политического деятеля высоко ценилась, так как он проявлял себя не столько в смелости и неожиданности действий, сколько в обдуманности и мудрой предусмотрительности. Идеал римского правителя в его надежности, желании при всех обстоятельствах не рисковать, а сохранить достигнутое. Для римлян слава вождя неразрывна со славой всего народа, который возвеличивался подвигами своих принцепсов. В римском мироощущении правитель гарантировал мир, порядок и соблюдение закона. Закон, действуя не сам по себе, но через волю правителя, отождествлялся с высшей Божественностью, восп-

ринимался римлянами как всепроникающая сила, сопоставимая с законами природы.

Для современной цивилизации история Древнего Рима значительно больше, чем история наследия. Она, как корневая система, питает своими живительными соками культуру Европы от Ренессанса до постмодернизма, постоянно воспроизводится в политических теориях и общественном менталитете, довлеет над нашим мировоззрением и системой ценностей. Это наследие настолько живуче и уникально, что его «замшелый мрамор царственных могил» не смогли расточить ни нашествия варваров, ни «темные века» отрицания и забвения, ни общественные катаклизмы и неоглобалистские эксперименты.

Но не только этим важна для нас, ныне живущих, и наших потомков история Древнего Рима. Это был первый в истории опыт мировой глобализации, создания универсального многонационального общества, в котором были выявлены магистральные направления исторического развития с его взлетами и падениями, невиданным прогрессом и диким варварством. Древний Рим — это не только шедевры мирового искусства, но и кровавые гладиаторские бои, разнузданные оргии, наследие которых сохранилось до наших дней. Именно Рим дал не только римское право — основу многих современных правовых систем, — но создал столь мощную и по-своему универсальную бюрократическую систему, что ее не смогли разрушить даже варвары. Империя рухнула, бюрократия осталась. И, наконец, история Древнего Рима демонстрирует первую трагическую в своей всеобщности и полноте картину гибели глобальной цивилизации, цивилизационного слома, оказавшего невиданное ранее воздействие на весь последующий ход мировой истории. Эра древнеримской цивилизации — это своего рода ретроспективное зеркало истории, в котором все новые поколения человечества с искренним изумлением или любопытством наблюдают собственные ошибки и заблуждения, открывают все новые примеры государственной мудрости и суетного тщеславия, высокого самопожертвования и великой подлости, воинской славы и морального предательства, неистового прорыва в будущее и разочарованного возвращения на «круги своя».

Все это дает современному человеку бесценный опыт познания себя и людей, предупреждает о грядущих ошибках и заблуждениях. И сейчас, когда мировые цивилизационные процессы столь сложны, противоречивы, а порой трагичны, когда остро

встает вопрос о «конце» цивилизации или новом цивилизационном витке, особенно важно взглянуть в зеркало Истории. Но, чтобы взглянуть, надо открыть глаза. В данном случае глаза человеку открывает знание римской истории. Авторы этого пособия не питают склонности к морализаторским посылам. Они относятся к Истории заинтересованно и уважительно, предлагая студенту, изучающему историю Древнего Рима, самому составить свое мнение и сделать выводы.

Для облегчения работы с материалами пособия авторы построили его на синтезе двух принципов: целостности и дискретности. Содержание пособия соответствует требованиям учебных программ высшего профессионального образования и дает целостный материал, охватывающий основные принятые в исторической науке этапы истории Древнего Рима. В *первый, Царский и Раннереспубликанский период* (VIII—V вв. до н.э.) Рим прошел путь от первобытного общества с родовыми и общинными порядками до создания гражданской общины в виде полиса с развитой социально-политической системой республики. *Второй период, расцвета Республики* (IV—II вв. до н.э.), характеризуется развитием рабовладельческих отношений и утверждением Рима на международной арене как мощного государства — Средиземноморской державы, вобравшей в себя достижения эллинистического мира. *Третий период, эпоха Поздней республики* (конец II — I вв. до н.э.), ознаменован выходом Рима за рамки полисного коллектива и кризисом республиканского устройства. В *четвертый период, Ранней империи* (I—II вв. н.э.), Рим превращается в мировое универсальное государство, в котором находит наивысшее воплощение античная цивилизация, рабовладельческая экономика. Достигает апогея многонациональная античная культура и общественная мысль. *Заключительный период истории Древнего Рима, эпоха Поздней империи* (III—V вв.), отмечен постепенным разложением рабовладельческих отношений и всего античного способа производства, который перерос свои возможности и становился тормозом общественного прогресса, кризисом имперской, глобалистской государственности и античного мировоззрения и культуры, в недрах которой расцветает христианская система ценностей. Подспудная трансформация античного социально-экономического уклада в новый, протофеодальный была значительно ускорена внешним воздействием в ходе Великого переселения народов, когда разрушенные, но не уничтоженные римский общественный уклад

и государственные принципы стали основой зарождения новой европейской идентичности. В этом смысле созданная за тысячелетие Средневековья современная европейская цивилизация является по сути вторичной, ибо стоит на плечах великой античной цивилизации, нашедшей наивысшее воплощение в истории Древнего Рима.

Структурно материал пособия разделен на 8 глав. Главы начинаются общим обзором соответствующего этапа римской истории. Внутреннее информационное пространство главы имеет трехуровневую конкретизацию исторического материала, состоящего из текстов-блоков. Каждый из таких текстов имеет самостоятельное смысловое содержание и логическую завершенность. Все тексты-блоки связаны по принципу — от общего к частному. В текстовом варианте как бы реализуется компьютерный принцип: информационный массив — «папка» — «файл». «Папка» — комплекс взаимосвязанных текстов, раскрывающих какую-либо крупную тему, — начинается с текстов-«файлов» более общего характера, где исторический материал дается на уровне кратких исторических очерков, обобщений, характеристик общей логики событий. Этот материал конкретизируется в других текстах-«файлах», посвященных отдельным событиям, историческим лицам, произведениям искусства, предметам материальной культуры. В качестве «меню» выступает оглавление пособия, с помощью которого читатель быстро «откроет» нужный «файл».

Такое структурно-логическое построение материала реализует некоторые элементы программированного обучения и придает пособию многоцелевой и многофункциональный характер. Прочитанное в полном объеме, оно может дать целостную картину истории Древнего Рима, отражающую общие исторические линии и в то же время позволяющую «погружение» в историческую конкретику. Студенту, которому необходимо ознакомиться с общей характеристикой основных тенденций развития древнеримской истории, достаточно последовательно проработать базовые общие тексты-«файлы» в каждой главе-«папке». Студент, готовящий реферат или курсовую работу по конкретной теме, без труда отберет тексты-«файлы», связанные именно с этой темой. И, наконец, пособие может служить своеобразным справочником по отдельным вопросам истории Древнего Рима, дополненным систематизированной и развернутой библиографией.

Пособие сочетает в себе возможности традиционного издания подобного рода, дающего целостную историческую карти-

ну, дополняющего и конкретизирующего материалы учебника, и своеобразного «текстового справочника», позволяющего оперативно отыскать необходимый материал по широкому комплексу общих и конкретных вопросов древнеримской истории.

Учебное пособие предназначено для преподавателей и студентов гуманитарного профиля. Оно может оказаться полезным учителям учреждений среднего образования. Доступный язык изложения, сжатый «клиповый» текст дают возможность старшим школьникам, учащимся колледжей и лицеев корректно дополнить свои знания по истории Древнего Рима.

Пособие подготовлено ведущими специалистами Института всеобщей истории РАН, преподавателями Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, Российского государственного гуманитарного университета.

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ ИТАЛИИ

К олыбелью Римского государства был Апеннинский полуостров, расположенный на юге Европы. С севера он ограничен Альпийскими горами, а с остальных трех сторон омывается прозрачными водами теплого Средиземного моря. Очертаниями своими он напоминает сапог, мысок которого поддевает треугольный мяч — остров Сицилию. Вместе с ним Апеннинский полуостров образует естественный мост между Европой и Африкой, который делит Средиземноморье почти пополам. С древности те части Средиземного моря, водная гладь которых создавала причудливые извивы и обширные заливы берегов полуострова, также назывались морями. Так, о его восточное побережье плещутся волны Адриатического моря; с юго-востока Апеннинский полуостров отделяется от Балкан Ионическим морем, навевавшим воспоминания о греках-ионийцах. Имя Тирренскому морю в бассейне между западным побережьем и островами Сардинией и Корсикой, географически также принадлежащими к Италии, дали отважные мореходы тиррены (так греки называли этрусков), с ранних времен бороздившие эти пространства. Наконец, обширный залив, вдававшийся в полуостров на северо-западе и обрамленный с юга островом Корсика, носил имя Лигурийского моря.

Свое название Италия получила от греков, чьи колонии, словно ожерельем, усыпали ее южное побережье, которое изобиловало обширными пастбищами. У тамошних племен слово «vitulus» означало «теленка», поэтому и вся южная часть полуострова стала именоваться греками *Виталия*, т.е. «Страна телят». Но в древнегреческом алфавите отсутствовала буква «в», и слово переименовали в «Италию». В III в. до н.э. это понятие было распространено на весь Апеннинский полуостров, а с I в. до н.э. в него стали включать и его северную территорию вплоть до Альп.

Береговая линия Апеннинского полуострова менее изрезана, чем Балканского, и на востоке имеет мало удобных бухт и заливов. Берега здесь либо круто обрываются в море, либо покрыты отмелями. Но на западном и южном побережьях находится немало глубоких заливов, небольших бухт и устьев рек, пригодных для пристанища судов. Поэтому с древности здесь бурно развивалось мореходство и рыболовство. Тем более что глубины Средиземного моря были полны разнообразной рыбой — там ходили густые стада сардин и тунцов, косяки жирной кефали, ставриды и макрели, в изобилии водились деликатесные краснопородки и плоские камбалы, — не говоря уже о богатых запасах моллюсков и ракообразных, любимого лакомства древних (да и нынешних) обитателей Италии.

На протяжении веков береговая линия Апеннинского полуострова причудливо меняла свои очертания: на одних участках берега поднимались, на других — море поглощало прибрежные долины. Так, в ПUTEОЛАХ близ Неаполя (совр. ПОЦЦУОЛИ) и сейчас можно видеть полузатопленные колонны храма Сераписа, изъеденные морскими моллюсками значительно выше современного уровня воды, что свидетельствует о неоднократных подъемах и опусканиях берега в этой местности на протяжении двух последних тысячелетий. Напротив, город на северо-востоке Италии Равенна, бывший в Античности крупным морским портом, ныне отстоит от моря на несколько десятков километров.

Значительно отличался от современного в древние времена и климат Италии. Страна никогда не знала периодов оледенения, но его дыхание ощущалось более явственно, чем теперь. Так, север полуострова лежал в зоне умеренного климата, свойственного современному югу России. Центральную и южную части согревали субтропики — там погода была мягкой и теплой, в отличие от иссушающего зноя нашего времени. На юге регулярно шли дожди, орошая зеленые равнины с густой, соч-

ной травой. Снег выпадал ненадолго, и то на севере, в долине реки Пад (совр. По). Редкостью были ненастные дни и бури; лишь на самом юге, в Апулии, зимой периодически дули пронзительные сухие ветра из Африки (африк., ныне сирокко).

Вдоль всего полуострова тянутся горные цепи — Апеннины. Это сравнительно молодые горы высотой до двух с половиной тысяч метров, имеющие даже вулканы, действующие и уже потухшие, например, знаменитый Везувий или вулкан Этна на Сицилии. Вершины большинства гор низкие и пологие со склонами, поросшими лесами. По обеим сторонам от Апеннин простираются холмистые равнины, изобилующие широкими долинами, весьма пригодными для земледелия и садоводства. Климат в них мягкий благодаря высокой влажности и защищенности горами от резких морских бризов, а почвы в большинстве своем хоть и не богатые, но способные давать обильные урожаи. Естественной житницей являлась обширная долина реки Пад на севере полуострова, куда круто обрывались Апеннинские горы, а с севера над ней нависали величественные Альпы, преграждавшие путь холодным северным ветрам. Теплый воздух Адриатики, как в воронку, втягивался в Паданскую равнину, создавая там мягкий умеренно влажный климат.

С отрогов Апеннинских гор к омывавшим Италию морям стекает множество речек и речушек, да и просто ручейков, в период весенних паводков превращавшихся в полноводные потоки. Крупных рек мало. Лишь река Пад, зарождающаяся в Западных Альпах, несет свои воды почти на 700 километров через всю Северную Италию в Адриатику, разливаясь ближе к устью до 800 м в ширину. В Адриатическое море впадали также реки Рубикон, Метавр и Авфид. На запад к Тирренскому морю (если смотреть с севера на юг) текли Арно, Тибр, Лирис и Вольтурн. Некоторые речки в период разливов заболачивали низменности близ устья, создавая непроходимые топи. Таковы Тосканские и Помптинские болота в низовьях рек соответственно Арно и Тибра. Пологие горные ложины и котловины служили естественным резервуаром для озер, особенно многочисленных в отрогах Альп. Но и в Апеннинах немалую роль в жизни древних играли такие озера, как Тразименское в Этрурии, Регильское и Альбанское в Лации и Фуцинское в Самнии. Они были богаты рыбой, в частности в альпийских озерах добывались вкуснейшие миноги.

Крутые горные склоны Апеннин и цветущие долины в древности покрывали густые леса. Хвойные сосны, пихты и ели по

мере понижения высоты сменялись грабами, дубами, буками, каштанами и ясенями, а в долинах и на побережье буйствовала вечнозеленая растительность: кипарисы, пинии, лавры, мирты, олеандры, акации и пальмы! Как это непохоже на нынешнюю скудную растительность большей части Италии с остатками чахлых рощиц посреди выжженных от зноя холмов! Еще в доисторическую эпоху трудолюбивые жители полуострова стали разводить виноград, сажать груши и яблони. Под влиянием греков по всей Италии с начала I тысячелетия до н.э. зашумели оливковые рощи, абрикосовые и персиковые сады.

Леса буквально кипели от живности — в отличие от наших дней. Поселенцев нередко тревожили медведи, лисы и кабаны, сушей напастью для стад были волки. Не от того ли волк и волчица занимали столь важное место в верованиях и религиозных культах итальянских народов? Рощи и поля наводняли белки, зайцы и сони, в горах паслись газели и серны. Очень рано были одомашнены овцы и свиньи. С глубокой древности человек приручил диких быков.

Италия небогата полезными ископаемыми, но в древности были известны и разрабатывались многие месторождения, которые истощились в последующие эпохи. Огромное значение для хозяйства имели залежи железа на острове Ильва (совр. Эльба) у северо-западных берегов Италии, а также сланцев, меди и олова в Этрурии, железа, меди и серебра на полуострове Бруттий — «носке» итальянского «сапога». В Альпах добывали золото, в Апеннинских — мрамор и строительный камень. Лучшая глина имелась в Кампании, а крупные залежи соли в устье Тибра были залогом процветания для окрестных племен, прежде всего латинов, которые снабжали ею всю остальную Италию по знаменитой «Соляной дороге».

Природа и климат, как видим, благоприятствовали жизни людей, и люди в полной мере использовали предоставленные им возможности. Человек начал осваивать Апеннинский полуостров еще в каменном веке. Ученые обнаружили в гроте Романелли на юге Италии изготовленные из камня орудия первобытных людей — топоры, скребла, кремневые наконечники стрел. А на севере, в Лигурии можно войти в пещеры, стены которых покрыты картинами художников каменного века. Они наглядно отображают основные занятия людей в то время — это собиранье диких плодов, охота на зверей и рыболовство.

С течением времени люди вышли из пещер и стали сооружать примитивные хижины, занимаясь разведением скота.

Пытливые обитатели полуострова с III тысячелетия до н.э. открыли для себя медь. Мало-помалу медь уступала место более прочному металлу — бронзе. Из нее изготавливали оружие и украшения. Более развитой становится и жизнь людей. На севере Италии во II тысячелетии до н.э. начали строить по берегам озер и рек — и даже на воде — целые поселки из хижин на сваях. Они были недоступны для хищных зверей, да и недоброму пришельцу трудно было нанести урон их жителям. Вокруг таких селений археологи находили целые горы мусора из отходов пищи, обломков орудий труда и утвари, смешанные с землей. Итальянцы прозвали эти характерные мусорные кучи «терра марна» («жирная земля»). И по ним все поселения подобного типа нарекли культурой «террамара».

Террамарцы жили родовым строем. Они уже знали бронзу и изготавливали из нее сложные орудия труда. Они научились возделывать злаки и разводить домашних животных. О первом говорят находки в кучах мусора зерен пшеницы и бобов, а о втором — кости коров и свиней. Умерших сородичей жители террамар предавали огню, а урны с прахом погребали неподалеку от поселений. Культура террамара существовала в Северной Италии, главным образом, в долине реки Пад. А в Центральной и Южной Италии в то же время развивалась другая культура бронзового века. Ее называют Апеннинской. Следы ее обнаружены в Лации и других районах Центральной Италии. Люди, создавшие Апеннинскую культуру, сооружали постройки из крупных камней и рыли каналы для осушения земель. В районах распространения Апеннинской культуры археологи встречают множество глиняных изделий с красочными росписями. Такие изделия очень напоминают микенскую керамику, характерную для Греции II тысячелетия до н.э. И действительно, большая часть такой керамики привозилась на кораблях из Греции — из «Микен златовратных», из пышного Аргоса, грозного Тиринфа и других центров микенской Эгеиды.

Важнейшим шагом вперед в развитии хозяйства и всей жизни древних обитателей Италии стало открытие в конце II — начале I тысячелетия до н.э. железа. В середине XIX в. ученые впервые вскрыли захоронения в местечке Вилланова близ современной Болоньи, и взору их предстали оставленные для душ умерших железные орудия труда, оружие, а также бронзовая посуда и украшения. Прах мертвых помещали в урны в виде двух перевернутых конусов или в форме круглых хижин с кониче-

ской крышей — своего рода жилища для мертвых. И хотя подобные могильники были впоследствии обнаружены в Этрурии, в Лации у Альбанских гор и на месте самого Рима, название свое они получили по месту первого открытия — культура Вилланова. Существовала она примерно до 700 г. до н.э. Железо быстро распространялось и среди других народов древнейшей Италии железного века. И вот на северо-западе, в долине реки Пад, складывается похожая культура, известная под именем культура Голасекки, а на северо-востоке, в районе расселения племен венетов, — культура Эсте. Они были разновидностями все той же культуры раннего железного века.

Под железным топором трещали вековые леса, расширяя пашни и луга, плуг с железным лемехом глубоко бороздил почву, что повышало урожаи. Росло производство, расширялся и обмен. Племена торговали между собой и даже с весьма отдаленными странами. Например, при раскопках поселений в Этрурии и Умбрии найдены изделия из янтаря, а он добывался только на побережье Балтийского моря. Сложно представить, какой длинный путь проделали эти кусочки застывшей смолы, ценимые в эпоху Античности на вес золота, прежде чем попасть в Центральную Италию. Нам даже трудно вообразить, насколько оживленным было мореплавание по Средиземному морю, с глубочайшей древности не столько разделявшее, сколько сближавшее людей, разные народы и земли. Уже в начале I тысячелетия до н.э. его волны бороздили корабли египтян и финикийцев, критян и микенцев, привозя в Южную Италию и на Сицилию керамические изделия, амфоры и другую посуду, украшения, ткани, изделия из бронзы и железа. На сосудах, найденных в Таренте, обнаружены надписи, сделанные знаками так называемого критского линейного письма А; встречаются даже священные египетские скарабеи из Навкратиса.

Благодаря подъему производства растет численность племен, на месте скромных поселений из бедных круглых или квадратных хижин постепенно возникают целые города. Впрочем, они также представляют собой скопище хаотически расположенных жилищ земледельцев, скотоводов и ремесленников. Но уже прокладываются первые улицы, на центральных площадях воздвигают святилища богам — покровителям родов и племени. Из общей массы соплеменников выделяются наиболее уважаемые и богатые старейшины, родоначальники знатных родов. Да и сами поселения все менее напоминают собой объединения

нескольких родов, связанных между собой кровным родством. Теперь по соседству друг с другом селятся люди одного племени, но из разных родов — возникает соседская община. В них уже есть богатые и бедные. Только в Лации таких общин-городков, по преданию, насчитывалось тридцать; в Этрурии же — несколько десятков.

Все, что мы рассмотрели выше, относится к материальным свидетельствам о жизни древнейшего населения Италии. Они могут показать нам уровень их жизни, род занятий, быт и некоторые обычаи. Но эти немые памятники не в силах заговорить и поведать о языке, на котором общались обитатели полуострова, о взаимоотношениях внутри племен и их традициях, наконец, о том, как именно называли они сами себя и к каким народам принадлежали.

Античные авторы именуют древнейших жителей Апеннинского полуострова лигурами. Известно, что лигуры помимо Италии расселились некогда на территории от Пиренейского полуострова до юга современной Франции. Некоторые ученые считают их индоевропейцами, другие относят к так называемой средиземноморской расе. Однозначный ответ дать трудно, потому что уже в начале I тысячелетия до н.э. лигуры были вытеснены с большей части Италии другими пришлыми племенами, и их язык был утрачен. Они сумели закрепиться только на ее северо-западном побережье, передав этой области свое имя «Лигурия». Там они длительное время отстаивали свою независимость и самобытность вплоть до начала нашей эры, ведя примитивный образ жизни в укрепленных поселениях — кастеллах.

В конце II — начале I тысячелетия на Апеннинский полуостров хлынули волны новых переселенцев. Самыми многочисленными из них были италики. Родиной их считают Дунайские плавни и Южнорусские степи. Италики были индоевропейцами и переселялись на новую родину разными путями. Некоторые пришли с севера полуострова по суше. Другие — умбры и оски, латины и сиккулы — могли плыть через Адриатическое море. Кроме италиков на Апеннинский полуостров устремились племена пеласгов, иллирийцев (япигов), а с начала I тысячелетия до н.э. и новая волна греков, которые основывали колонии в южной части полуострова, но забирались и гораздо севернее. Пеласги некогда были весьма многочисленным народом, распространившимся от Балканской Греции до юга Франции. В Италии они оставили след, главным образом, в легендах и

древнейших слоях итальяйских языков. Но пеласги очень быстро смешались с местными племенами, а затем были поглощены новыми переселенцами.

С IX в. до н.э. на Сардинию и Сицилию стали проникать финикийцы. А в долине реки Пад с середины I тысячелетия до н. э. утверждаются кельты, известные римлянам как галлы. Они пробирались с севера через горные перевалы в Альпах и быстро освоили плодородные земли Северной Италии, потеснив на восток из долины Пад этрусков и живших там издревле венетов, народа загадочного происхождения. Некоторые даже отождествляют венетов с предками славян или племенами славянского корня — венедами Балтийского Поморья, что сомнительно. Венеты дали свое имя римской провинции и городу Венеция. Долина реки Пад впоследствии получила название Цизальпинская Галлия (т.е. «Галлия по эту, итальянскую сторону Альп»). Долгое время она даже не считалась частью Италии и отделялась от нее пограничной рекой Рубикон (откуда и произошло название «рубеж»).

Добавим, что каждый народ делился на множество племен, подчас различавшихся между собой диалектами языка, уровнем развития, а впоследствии и исторической судьбой. Многие племена смешивались между собой, образуя новые народы, иногда сохранявшие старые имена, иногда создававшие новые. Нередко имена возводились к легендарным царям или местным богам и могли легко изменяться. Античная мифология даже название Италия производила от имени мифического царя Итала.

В целом этническая карта Италии выглядела в древности чрезвычайно пестро. Южнее Цизальпинской Галлии и уже упомянутой Лигурии лежала Этрурия — область обитания *этрусков*. Между ней и восточным побережьем Италии расположились Умбрия и Пицен, населенные племенами умбров и пиценов. Жили они в укрепленных деревнях, каждая обособленно от других. Племена латинов осели в Центральной Италии, южнее реки Тибр, дав название области «Лаций». Сами древние авторы полагали, что первоначальное население Лация составляли аборигины. Их происхождение покрыто мраком неизвестности. Одни считали их коренными жителями Италии, другие называли их кочевым народом, пришедшим в Италию с волной переселений, третьи (а их большинство) отождествляли аборигинов с латинами, основавшими поселение даже на месте будущего Рима. Вокруг Лация проживало множество небольших племен — саби-

нян, эквов, фалисков, герников и вольсков, которые по языку и обычаям были близки к латинам, хотя нередко и враждовали с ними.

Гористые районы Самния юго-восточнее Лация заселили оски, а также скотоводы самниты и сабеллы (марсы и марруцины). Неоднородным было население Кампании, благодатного региона вдоль побережья Тирренского моря южнее Лация. Там перемешались между собой племена осков и авзонов, или аврунков, родственных латинам. Сильнейшее влияние на язык, культуру и образ жизни этих племен оказали многочисленные греческие колонисты, обосновавшиеся в Кампании с VIII в. до н.э. Апулию и Калабрию, расположенные в юго-восточной части Италии с выходом на Адриатическое побережье, занимали япиги (так стали называть потомков иллирийских мессапов), а также певкины, пелигны и калабры, а самую южную оконечность Апеннинского полуострова, Луканию и Бруттий — племена оскского корня, а также греки в прибрежных городах. Даже в небольшой Сицилии соседствовали племена более древних средиземноморских сиканов и пришлых сикулов, по языку родственных латинам. Некогда сикулы были одним из крупнейших италийских племен, чьи места обитания раскинулись от Лация до Бруттия, но затем новые волны переселенцев оттеснили их из Центральной Италии в Сицилию, которая от них и обрела свое имя. Кроме того, восточное побережье Сицилии было плотно заселено выходцами из Греции, а на западном в течение долгого времени процветали колонии финикийцев-карфагенян.

Племена Италии разнились между собой не только по языку и происхождению, но и по уровню хозяйственного и общественного развития. Они образовывали многочисленные межплеменные союзы, вели друг с другом постоянные войны за обладание пахотными землями и богатыми урожаями, за господство над другими племенами и народами. Удача, однако, улыбнулась в конечном счете лишь одному народу — римлянам, который произошел из смешения латинских и сабинских племен.

В результате длительных войн римлянам удалось покорить всю Италию, и к I в. до н.э. сложилась единая италийская народность. Повсеместно распространился римский образ жизни, обычаи, одежда, органы государственной власти. Местные языки постепенно были вытеснены латинским даже в обиходе, хотя и они оказали влияние на развитие словарного запаса и совершенствование грамматики латинского языка, высшей формой которого стала в I в. до н.э. «классическая латынь», недаром названная «золотой».

Нураги на Сардинии

Примерно в середине II тысячелетия до н.э. на острове Сардиния возникла и расцвела уникальная культура бронзового века. Она получила название «культура нурагов». Дело в том, что почти внезапно, в течение короткого исторического периода, жители этого изолированного острова, жившие в условиях первобытности, вдруг начали сооружать огромные башни из грубых камней, которые называются «нураги». Многие каменные глыбы достигали веса в несколько тонн. При этом каждое новое кольцо камней чуть-чуть сдвигалось к центру, и в результате возникал свод в виде перевернутого конуса или купола.

Внутри башни-нурага скрывался обширный круглый зал диаметром от четырех до семи метров с высоким сводчатым потолком, вокруг него размещались по окружности на разных уровнях вспомогательные каморки, соединенные с центральным залом лишь низкими входами, наружу прорубались редкие узкие окна. Но и этого мало. Толщину циклопических стен — это трудно даже представить — пронизывали винтовые лестницы с каменными ступенями и сводчатыми потолками, они огибали центральный зал, отделенные от него каменной кладкой, и вели на самый верх нурага, где выходили на открытую «смотровую площадку».

До сих пор ученые и писатели спорят о назначении этих удивительных сооружений. Легенды приписывали возведение нурагов мифологическим циклопам. Поэтому и характерный для них вид кладки камней стали называть циклопическим. В числе строителей нурагов древние писатели называли и легендарного критского мастера Дедала. Иные любители-фантасты и даже солидные исследователи сравнивают сардинские нураги с египетскими пирамидами, с британским мегалитическим святилищем Стоунхендж, тоже сооруженным из гигантских каменных глыб, или даже с храмами инков и майя в Америке и делают выводы о некоей единой высокоразвитой цивилизации (даже инопланетной), представители которой построили все эти «чудеса света». И в самом деле, нельзя с порога отрицать, что создателями нурагов были пришельцы из других стран Средиземноморья, культура и строительные навыки которых оказали влияние на местных жителей. Ведь мы знаем немало примеров морских миграций целых народов в глубочайшей древности.

Самый же простой ответ — нураги служили жилищами для рода или целого племени, или, по крайней мере, убежищами на случай нападения врагов. Не потому ли входы в нураги прорубались на большой высоте над землей, и к ним нужно было взбираться по приставным лестницам? В случае опасности нураги превращались в неприступные крепости, а свезенные в них запасы (обнаружены цистерны для воды, емкости для зерна, ограды для скота) позволяли пережить долгую осаду. Нураги всегда возвышались посреди долин, каждая из которых в

древности была владением одной родовой общины. С их верха (а некоторые нураги имели до двух десятков метров в высоту) можно было наблюдать за всей долиной и вовремя заметить неприятеля, если он появится на гребне окаймлявших ее столовых гор. Поданный с вершины нурага сигнал опасности воспринимали все земледельцы и пастухи в окрестностях и спешили под защиту его стен, пока враг еще только спускался со склонов. Для Сардинии, чья территория в древности была ареной многочисленных переселений племен и пиратских набегов, такая предосторожность оправдывала небывалые усилия по сооружению огромных нурагов.

Возможно, нураги использовались и в качестве религиозных святилищ: в центральном зале в дымном свете факелов собирались старейшины племени и жрецы для совершения жертвоприношений на каменных круглых то ли алтарях, то ли очагах для костров, которые находят посреди центрального зала в нурагах. Не исключено, что в каморках и нишах, спрятанных в стенах сводчатого зала и винтовых лестниц хранили прах умерших знатных членов племени, а сами нураги совмещали функции некрополя и святилища. Как бы то ни было, ничего подобного культуре нурагов на Сардинии — и отчасти Корсике — мы не встречаем во всем Средиземноморье.

К началу I тысячелетия до н.э. строительство нурагов прекратилось так же внезапно, как и началось. Уже готовые нураги были покинуты и постепенно погребены под слоем песка и земли. В настоящее время известно до восьмисот нурагов преимущественно в центральной и южной части Сардинии. Открытие тайн строительства нурагов и исследование жизни их строителей еще впереди.

КОЛОНИИ «ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИИ»

Греческая колонизация Италии — одна из интереснейших страниц Античности. Именно в Италии было больше всего греческих колоний, именно здесь они очень рано достигли небывалого расцвета, превосходя размерами и могуществом свои греческие метрополии.

Впервые греки-ахейцы высадились на берегах Италии еще в микенскую эпоху в середине II тысячелетия до н.э. Тогда они освоили Липарские острова в южной части Тирренского моря и побережье Кампании. Археологи обнаружили следы пребывания греков даже в той местности, где спустя века возник Рим. Важным перевалочным пунктом в торговле микенских греков с италийскими племенами была Апулия на юго-востоке Апеннинского полуострова. Там, у местечка Скольо дель Тонно, раскопано целое поселение микенских ахейцев. Немалое влияние

оказали их торговые связи на развитие племен пресловутой Апеннинской культуры.

А на другой стороне Апеннинского «сапога», на острове Искья и в городке Луни в Южной Этрурии, обнаружены укрепления и кладбища времен бронзового и раннего железного века! Причем во множестве встречаются обломки керамики, привезенной из Микенской Греции! Вероятно, эти поселения были своего рода перевалочными пунктами в нелегком пути микенских мореходов на север вдоль западного побережья Италии. Блестящим подтверждением этого стала сенсационная находка у мыса Гелидония. Там на дне Тирренского моря подводные археологи в 60-е годы XX в. обнаружили под слоем ила целое микенское торговое судно. Оно затонуло, как уверяют специалисты, в 1200 г. до н.э.!

С крахом микенской цивилизации в конце II тысячелетия до н.э. жизнь в микенских торговых форпостах затухает. Но уже через несколько столетий начинается новый этап «великой греческой колонизации». И одним из главных направлений ее, уже проторенным микенскими греками, стали Италия и Сицилия. Около 750 г. до н.э. выходцы из города Халкида, что на Эвбее, высадились на берег обширного залива в Кампании и заложили здесь город Кумы — первую греческую колонию в Италии. В 734 г. до н.э. ими же была основана первая колония на Сицилии — город Наксос. После этого греки с воодушевлением устремляются к приветливым бухтам и на благодатные нивы Италии. Как из рога изобилия, посыпались все новые и новые колонии, которые со временем густо заполняют побережье Тирренского моря к югу от Кум до Сицилии и вновь на север вдоль прибрежной полосы Ионического моря вплоть до Калабрии. Коринфяне основывают Сиракузы в Сицилии (733 г. до н.э.), ахейцы выводят колонию Сибарис в Бруттии (721 г. до н.э.), родосцы и критяне — Гелу (688 г. до н.э.). Даже спартанцы поддались всеобщему поветрию и вывели в Италию в 706 г. до н.э. единственную свою колонию, но какую — Тарент!

Достигнув расцвета, многие греческие колонии сами отправляли излишки своего населения в новые эмпории. Так, Кумы основали целую плеяду колоний: Неаполь, Дикеархию (римляне переименовали ее в Путеолы), Абелу, Нолу и Занклу в Сицилии напротив узкого пролива, отделявшего остров от материка. (Впоследствии Занкла получила новое имя Мессана.) Сибариты, изнеженные жители Сибариса, около 700 г. до н.э.

вывели колонию Посейдонию, а Гела в Сицилии основала Акрагант, который вскоре выдвинулся на первое место среди греческих городов острова.

Мошным двигателем колонизации была торговля, поэтому располагались колонии всегда у моря на берегу удобного залива или в устье реки. Недаром сами греки в шутку называли свои колонии «лягушками, квакающими по берегам пруда», т.е. Средиземного моря. Окрестные земли обрабатывали земледельцы. Отношения с местными племенами складывались по-разному. Иногда они были мирными и способствовали развитию торговли. Но многие племена — бруттии, япиги, луканы или оски, а также сиканы на Сицилии — долгое время держались воинственно и враждебно, часто вспыхивали конфликты, и колонистам приходилось думать о собственной защите. Поэтому города обносили мощными стенами и башнями, а все граждане несли службу в ополчении.

Удобство географического расположения, мягкий климат и плодородие почв, которых так не хватало на их гористой родине, дали основание древним грекам окрестить Южную Италию и Сицилию Великой Грецией. В городах Великой Греции процветало сельское хозяйство, ремесло и торговля со всем Средиземноморьем, чеканилась монета, развивались искусство и архитектура, возникали новые философские школы. Так, в Кумах проповедовал свои идеи философ Пифагор, учение которого широко распространилось не только в Италии, но и по всему греческому миру, в Таренте в IV в. до н.э. — его последователь Архит. Отсюда же, из Кум, этруски заимствовали греческий алфавит и многие обычаи и верования. В Локрах чуть ли не ранее Греции были записаны законы Залевка, а в Сицилии впервые возникла риторика, игравшая большую роль в греческом образовании.

Жизнь в греческих городах-полисах была полна превратностей. Им угрожали не только внутренние раздоры демократов и олигархов, зачастую возносящие на вершину власти честолюбивых тиранов, но и внешние опасности. Вспыхивали распри между различными городами. Нередко восставали покоренные окрестные племена. Народы, жившие в глубине Италии, также тревожили греков своими набегами, привлеченные известиями об их неслыханных богатствах. В 491 г. до н.э. воинственные самниты одержали победу над греками, и с тех пор угроза вторжений постоянно нависала над Тарентом в Калабрии, Регием и

Фуриями в Бруттии. Главными противниками греков в Италии были этруски и карфагеняне. Этруски издавна зарились на плодородные области Кампании и стремились расселиться там, вступая в противоборство с кампанскими греками. В течение V—III вв. до н.э. кампанские, а следом за ними греческие колонии на юго-западном побережье Италии приходили в упадок и покорялись новому властелину — Риму.

Сибарис и сибариты

Судьба отпустила Сибарису краткий, но яркий век существования. Основанный в 720 г. до н.э. ахейцами, Сибарис очень быстро достиг процветания и сам выводил колонии. Его власть распространилась на окрестные племена и множество греческих городов-колоний юга Италии. По сообщению Страбона, в зависимости от Сибариса находились четыре племени и двадцать пять городов. Среди них были луканы, бруттии и сикулы. Это позволяло городу выставять армию в 300 тысяч человек! Расположенный на юге Тарентинского залива Сибарис вскоре стал центром торговли всего Западного Средиземноморья. Это тем более удивительно, что город не имел удобной гавани, и с торговых судов вдали от берега товары перегружали на лодки. Иноземные купцы доставляли в город предметы роскоши и закупали сырье и пшеницу, обильно росшую на тучных нивах в окрестностях города. Поплины за товары давали немалую выгоду жителям Сибариса — сибаритам. Славился Сибарис также виноградарниками и лошадьми.

Сибариты заключали договоры о дружбе и торговле с этрусками и сардами, успешно воевали с Тарентом. Доходы от торговли и дань с зависимых племен и городов позволяли сибаритам большую часть времени проводить в праздности, вольно предаваясь искусствам, развлечениям и неге. Богатство и процветание города вызывали яростную зависть соседей. В 510 г. до н.э. аристократы расположенного неподалеку города Кротона, давнего соперника Сибариса, напали и разрушили город, образ правления в котором был демократическим. Жителей либо перебили, либо продали в рабство. С тех пор Сибарис исчез с исторической сцены, и даже место его нахождения археологи до сих пор не могут определить точно, несмотря на десятилетия раскопок. Все, что осталось от некогда славного города, — это слово «сибарит», до наших дней обозначающее изнеженного и

пресыщенного радостями жизни человека. Так судьба покарала древних сибаритов за чрезмерную гордыню.

Гермократ — «человек опоры» или «случайный игрок»?

Крупнейшая греческая колония на Сицилии Сиракузы знала и взлеты, и падения. Сиракузы создали крупную державу на востоке Сицилии и нередко одерживали победы над карфагенянами и афинянами. Но их раздирали внутренние противоречия. Одной из ярких личностей, блеснувшей на небосклоне сиракузской политической жизни, был Гермократ. В судьбе этого незаурядного человека, как в капле воды, отразились все противоречия и катаклизмы бурных событий Пелопоннесской войны в Греции, занявшей всю последнюю треть V в. до н.э.

Время рождения его неизвестно, как и его происхождение. Мы застаем его уже зрелым мужем и видным государственным деятелем Сиракуз в тяжкий период их истории. В 415 г. до н.э. к берегам Сицилии пристал огромный флот афинян с целью захватить и наказать Сиракузы, воевавшие против Афин на стороне Спарты. Вопреки ожиданиям Сиракузы не собирались сдаваться. Общий враг объединил людей разных политических пристрастий. Во главе ополчения встали Гермократ, близкий к олигархии, и «демагоги» Афинагор и Диокл. Больше года длилась осада Сиракуз, но город выстоял и нанес чувствительные поражения афинским войскам. Наконец, истрепанный в морских баталиях флот вывез остатки афинян обратно в Элладу.

Однако победа над столь сильным противником обострила внутренние разногласия. Верх одержали демократы. В 412 г. до н.э. их вождь Диокл провел важные преобразования в государственном строе Сиракуз. Сторонник правления богатых, Гермократ происками своих политических противников оказался осужден на изгнание — тяжелейшее наказание в те времена. Сам он узнал об этом у берегов Малой Азии, где с отрядом сиракузских кораблей сражался на стороне Спарты. Казалось бы, его судьба решена. Но не тут-то было! Прошли времена, когда гражданин беспрекословно повиновался решению граждан полиса. Навербовав отряд наемников, честолюбивый Гермократ в 408 г. до н.э. поспешил обратно в Сицилию.

Но он не посмел открыто выступить против родного города, а попытался вернуть себе власть обходным путем. Пользуясь своим богатством, он пополнил свое войско гражданами горо-

дов, разгромленных карфагенянами, и на свой страх и риск повел войну с их колониями, расположенными на западе Сицилии. Его лозунгом было «Очистить Сицилию от пунийцев!». Это не могло не найти отклика в душах сиракузян, которые уже больше столетия вели бесконечные войны с Карфагеном. Симпатии простых людей все больше склонялись в пользу возвращения Гермократа, в пылу патриотического угара был даже устранен вождь крайних демократов Диокл.

Казалось бы, цель близка, и ворота Сиракуз готовы распахнуться перед победителем Гермократом. Но его демагогия вызвала обратный эффект и оттолкнула от него состоятельных граждан. Они предпочли видеть своим вождем умеренного Дафнея, нежели непредсказуемого отщепенца Гермократа. В отчаянии тот устремляется в Сиракузы и с помощью своих сторонников проникает в город. Но граждане расценивают это как мятеж и с оружием в руках выходят на защиту своей свободы. На городской площади отряд мятежного Гермократа был окружен вооруженными жителями и после ожесточенной схватки уничтожен. Погиб и сам несостоявшийся тиран.

Держава Дионисия Старшего

406 г. до н.э. выдался для Сиракуз в Сицилии трудным и страшным. Под ударами карфагенян пал крупный город на южном берегу — Акрагант. Легкомысленные и бездарные командующие сиракузскими войсками ничего не смогли сделать, чтобы отстоять эту твердыню против натиска пунийцев. Падение Акраганта повергло в ужас сицилийских греков. В самих же Сиракузах оно привело к политическому кризису.

Во главе мятежа встал молодой военачальник, соратник покойного Гермократа, Дионисий. Он вышел на Народное собрание и подверг уничижительной критике сиракузских полководцев-стратегов. За его спиной стояли видный аристократ Гиппарин и богач Филист, впоследствии известный историк. Мастерству демагога этого двадцатипятилетнего юноши мог позавидовать и прожженный политик. В его речи патриотические лозунги перемежались с угрозами вторжения карфагенян и переворота олигархов. Увлеченное им, большинство Народного собрания досрочно отрешило от должности прежних демократических стратегов и избрало новых во главе с самим Дионисием. Но и они были ложно обвинены Дионисием и отстранены от власти, а сам он провозглашен верховным правителем — стратегом-автократом.

Затем Дионисий спровоцировал ложное нападение на самого себя и потребовал от возмущенного этим народа охрану. И он получил ее в количестве 600 человек, причем самолично отобрал преданных себе людей, доведя их число до тысячи. В течение без малого сорока лет (405 — 367 гг. до н.э.) Дионисий, прозванный Старшим, оставался единовластным правителем Сиракуз.

Его энергия была через край. Он твердой рукой управлял городом, подавляя восстания то богачей, то разочаровавшихся бедняков. Разгромив мятеж аристократов, он щедро раздал их земли беднейшим гражданам, а также отпущенным на волю рабам аристократов. Эти рабы стали так называемыми «новыми гражданами» и обеспечивали полную поддержку всех начинаний Дионисия Старшего. Такими решительными мерами новоявленный тиран сумел надолго сохранить маску народного вождя.

Причем он умел ловко лавировать между интересами «старых граждан», поддерживая среди них относительное равенство, и прослойкой людей, которые были лично обязаны правителю своим имуществом и положением. При нем сохранялись демократические институты, созывалось Народное собрание, избирались должностные лица. Но, раз узурпировав неограниченные полномочия, Дионисий неоднократно добивался их продления вполне «демократическим» путем благодаря силе и влиянию в Народном собрании своих «друзей», вольноотпущенников и наемников. Подобные методы использования демократии сохранили свою живучесть вплоть до наших дней в разных странах.

Но главные лавры Дионисий Старший пожал на ниве внешней политики. Он развернул военные действия против карфагенских колоний. И вначале чуть было не перечеркнул все достигнутое ранее. Страшный разгром под Гелой и унижительный мир с Карфагеном низвели Сиракузы до положения рядового города, лишённого всех союзников и подданных племен. Но гигантским напряжением сил были созданы новая армия и флот, выстроены мощные укрепления вокруг города, а главное, возобновилось наступление на греческие города Сицилии. И мало-помалу власть Сиракуз над большей частью острова была восстановлена. В начале IV в. до н.э. Дионисий Старший почти десять лет вел войну с карфагенянами и своим давнишним противником городом Регий на южной оконечности Италии. Он сумел раздвинуть границы своей державы до реки Гимеры на западе Сицилии. В руках карфагенян осталась лишь малая толика бывших владений. В 386 г. до н.э. был взят штурмом Регий, и власть Дионисия распространилась на весь юг Италии. Через

пару лет он нанес сокрушительный удар по этрусским приморским городам, разрушил порт Пирги и положил конец господству этрусков на Тирренском море.

Созданная тираном держава объединила под его властью и в единое целое множество городов Сицилии и юга Италии, сплотив их в сильное государство во главе с монархом — Дионисием Старшим. Был положен конец бесконечным раздорам, ослаблявшим греческие колонии, созданы все условия для развития мореходства и торговли. Держава Дионисия, по признаниям древних, была самой мощной во всей Европе и почти полвека оказывала сильное влияние на политические дела как на Западе Средиземного моря, так и на Востоке.

Главным источником успеха Дионисия Старшего были постоянные внешние наступательные войны. Они спланивали сицилийское общество вокруг Дионисия, служили оправданием его тиранических замашек и господства Сиракуз над остальными землями и доставляли немалую добычу и рабов для процветания хозяйства. Но с кончиной Дионисия Старшего рухнуло и дело его жизни. Его наследник, распутный и слабовольный Дионисий Младший, бездарно разбазарил наследие отца. А соперничество со своим сводным братом Дионом завершило гибель великой державы. Дионисий Младший был свергнут отрядом наемников Диона, но и тому не удалось удержать сиракузский трон.

И уже к середине IV в. до н. э. в водовороте мятежей, калейдоскопической смены тиранов в Сицилии воцарился хаос. Каждый город имел своего тирана, озабоченного лишь собственным выживанием в борьбе с соперниками. Карфагеняне вновь усилили натиск на остров. Положение не спасло даже успешное правление в Сиракузах Тимолеонта, уроженца Коринфа в Греции. В 344—337 гг. до н. э. ему удалось на некоторое время очистить Сицилию от тиранов и восстановить былое могущество Сиракуз, но вслед за его уходом сицилийские города вновь погрузились в пучину смуты.

ЭТРУСКИ — ТАИНСТВЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Этруски были одним из самых загадочных народов Античности, несмотря на то что в настоящее время они хорошо изучены по данным археологии. Яркой звездой вспыхнув на небосклоне истории и достигнув неправдоподобного процветания

среди примитивных племен древности, этрусская цивилизация столь же стремительно исчезла с исторической сцены, не оставив ни потомков, ни материальной культуры, ни языка. Даже название их вызывает споры. Древние греки называли их тирренами, сами себя они величали «расена», а имя «этруски», или точнее «туски», им дали римляне. До сих пор в науке нет единого мнения о том, откуда они все-таки появились в Италии.

Некоторые историки (Бартольд Нибур и др.) полагали, что они пришли с севера, из-за Альп из области ретов (ср. «расена»), а Дионисий Галикарнасский считал их коренными жителями Италии — автохтонами. В современной науке эту теорию отстаивают итальянские ученые — уж очень им претит признать создателей древнейшей в Италии цивилизации пришельцами. Крупнейший итальянский этрусколог Массимо Паллотино считал, что этруски возникли из среды местных племен культуры Вилланова (кстати, резко отличной от этрусской), а все их восточные черты объясняет торговыми связями с греками. Но непонятно, как могла столь внезапно расцвести высокая культура в местах, ничем ранее не выделявшихся? И как торговля с Востоком могла повлиять на сходство их погребальных обрядов и архитектуры с народами Малой Азии?

Знаменитый греческий историк Геродот рассказывал, что еще в конце II тысячелетия до н.э. часть лидийского народа из Малой Азии во главе с царским сыном Тирсеном переправилась морем в Италию*. Другие античные авторы отождествляли этрусков с пеласгами, пришедшими из Греции, с иллирийцами или даже с троянцами. Теорию о восточном происхождении этрусков обоснованно защищал крупный русский ученый XIX в. Василий Иванович Модестов. Он указывал на удивительное сходство этруских могильников и кладки каменных сооружений с теми, что обнаружены в Малой Азии.

В самом деле, в культуре и быте этрусков прослеживается немало древневосточных черт. Поразительно сходство в культурных достижениях этрусков и народа государства Урарту на территории нынешней Армении. Религиозные обычаи этрусков — гадания по полетам птиц и по внутренностям животных, характерные музыкальные инструменты — также роднят их с народами

* Мнение Геродота было столь популярно в Античности, что, когда в I в. до н.э. римляне обсуждали вопрос о помощи Сардам, столице области Лидия в Малой Азии, на заседание сената специально пригласили представителей этрусков.

ми Малой Азии. В Египте, в храме Карнака читаем на стене надпись иероглифами, в которой повествуется о нашествии на Египет с севера неких «народов моря» и среди них называется народ «турша», т.е. тиррены.

Наиболее вероятно, что предки этрусков действительно переселились в Италию из Малой Азии, осваивая по пути острова Средиземного моря, заимствуя культуру их обитателей, прежде всего микенских греков. Они увлекли с собой часть жителей островов Ахейской Эгеиды, побывали на Сардинии и Корсике, следуя от острова к острову, пока не увидели на горизонте берега новой родины; причем долгое время осваивали лишь прибрежные мысы. В Италии начиная с VIII в. до н.э. они смешались с местными племенами самого разного происхождения, в том числе и с пеласгами, а также волной переселенцев из Иллирии. Каждый народ внес в общий котел частицу своих хозяйственных навыков, знаний и традиций. И одобренная сильным влиянием достижений микенской культуры эта смесь дала удивительный результат — уникальную этрускую цивилизацию.

Этруски первыми на Апеннинском полуострове стали строить настоящие города, похожие на города античного мира, с прямоугольной планировкой кварталов, мощеными широкими улицами, каменными домами с черепичными крышами, с мощными крепостными стенами и величественными храмами богам — Тинии, Уни, Менрве и ее супругу богу Херкле (таковы раскопанные археологами Рузеллы, Цэре и город близ местечка Марцаботто, прозванный «этрускими Помпеями»).

На острове Ильва этруски добывали железо, центром переработки которого стали города Популония и Ветулония, расположенные на материке прямо напротив Ильвы. Отсюда драгоценное железо расходилось не только по всей Италии, но и за ее пределами. Этруски первыми начали чеканить собственную монету, правда, подражая греческим образцам. Искусны были этруски в обработке золота, чеканке и в гончарном ремесле, одном из самых важных в античном мире. Рисунки для керамических сосудов они зачастую заимствовали у греков, но славились и своими оригинальными сосудами черного цвета, украшенными рельефами в виде животных, так называемыми «буккеры». В большом почете было искусство живописи и ваяния. В городе Веи пользовалась заслуженной известностью школа скульпторов. Этруски обладали немалыми познаниями в архитектуре. Слава о зодчих Этрурии гремела по всей Италии, соперничая с греками.

Мироощущение этрусков было пронизано жизнелюбием и вниманием к человеку, его внутреннему миру, наполненному сонмом духов и демонов. Этруски верили, что они определяют все поступки и даже мысли людей. Отсюда неукоснительный религиозный фатализм этрусков, слепое повиновение «законам Тага», легендарного сына бога Тинии, посланного на землю ради вразумления людей, чью волю толковали *гаруспики* по внутренностям животных и полетам птиц. Этруски верили в свою богоизбранность (что свойственно ближневосточным культам) и в то, что сами они когда-нибудь станут богами на земле.

Художники изображали на фресках в этруских храмах и гробницах сцены из жизни не только знати, но и простых людей. Даже саркофаги они любили украшать скульптурными изображениями покойных, возлежащих за пиршественным столом. На крышках погребальных урн мы видим, например, скульптуры в виде супружеских пар, нежно прижавшихся друг к другу. Вообще брак и семья у этрусков стояли на первом месте. Женщины пользовались немалой свободой, а в домашних делах вообще главенствовали. Отличаясь отменной красотой (это видно по скульптурам и фрескам), они наряжались в длинные хитоны, носили замысловатые прически с буклями и изяшно уложенными косами.

Знатные этруски наряжались в расписные тоги, носили длинные волосы, расчесанные на пробор в косы. Они вели праздный образ жизни, развлекаясь пирами, музыкой и театральными представлениями. Греческий историк Диодор сообщает, что в жилищах этрусков было «наготове немалое число прислуживающих рабов, из них одни выделяются красотой, другие убранством в более роскошные одежды, чем подобает их рабскому происхождению». На пирах и на церемониях погребения знатных людей этруски любили лицезреть сражения гладиаторов. Сначала это была форма ритуального человеческого жертвоприношения, поскольку этруски верили, что умершие продолжают жить среди людей (их даже продолжали считать среди членов семьи), участвуют в деятельности родственников и им «позарез» требуется настоящая кровь для поддержания существования.

Но и образы богов будоражили воображение этрусков, воплощаясь в поразительных фресках и скульптурах, подобных статуе Аполлона из Вей. Даже такой, казалось бы, незатейливый предмет обихода, как зеркало, превращался в умелых руках эт-

русских мастеров в произведение искусства. Зеркала делали из бронзы (стеклянных зеркал древний мир не знал), тщательно полируя лицевую сторону до «зеркального блеска». А обратная сторона служила основой для резных миниатюр, представлявших этрусских богов в различных эпизодах из мифов и легенд. Особой любовью пользовались сцены Троянской войны (суд Париса, похищение Елены) и приключений Геракла.

Этруски вошли в историю как искусные мореходы и пираты. На своих небольших кораблях они бороздили волны не только Тирренского моря, ставшего им родным, но и всего Западного Средиземноморья. Их корабли оригинальной конструкции напоминали суда финикийцев, но были более широкими и ходкими: весла проходили не поверх бортов, а через отверстия в них, что облегчало работу гребцов и защищало их от волн высокими фальшбортами, на которых были укреплены щиты. Как и всегда, большой прямой парус позволял быстро маневрировать и развивать хорошую скорость.

Общество этрусков было неоднородным и делилось на зависимых бедняков «лаутни», привилегированный слой «этера» и военно-жреческую знать «лукумонов». Этера составляли знатные дружинники и клиенты вождей из числа наиболее приближенных. Старейшины родов лукумоны оказывали влияние на все стороны жизни городов. Нередко вожди сплачивали вокруг себя в дружины челядь и обедневших людей и искали счастья в других странах.

Во главе этрусских городов первоначально стояли цари, которые обладали военными и жреческими полномочиями. Обычно цари восседали на троне. В одной из этрусских гробниц найден великолепный экземпляр трона царя Аримнеста. Его ножки выполнены в форме звериных лап, спинка и сиденье украшены изображениями зверей. Сам трон, судя по надписи, имел религиозное значение и был посвящен Зевсу Олимпийскому. Но уже в VI в. до н.э. царская власть в большинстве городов уступила место выборным должностным лицам. В каждом этруском городе назывались они по-разному — «зйлаки», «пуртна» или «марунухи». Они были подобны римским преторам и диктаторам. Возникали аристократические городские республики. Города объединялись в союзы с общими военными и религиозными целями. Во главе их стояли зилаки, выбранные на общем совете правителей всех общин. Союзы назывались Двенадцатиградьями, по числу входивших в них городов.

Наиболее известно собственно этрускское Двенадцатиградье. Центром его был город Вольсиний, где размещалось святилище бога Вертумна и богини Норции. Здесь ежегодно проходили выборы главы союза, они сопровождались празднествами и ярмарками (известны также ежегодные ярмарки в роше Феронии). В 265 г. до н.э. городская беднота и зависимое население Вольсиний восстали против этрусской знати и выдворили ее из города. Лишь с помощью римлян изгнанникам удалось вернуть свое господство, но ценой этого стало подчинение города Риму. В состав Двенадцатиградьа входили также Клузий, Популония, Перузия, Ветулония, Арреций, Цэре, Тарквинии, Фалерии, Волатерры и Вейи. На самом деле городов было больше. Известны этрусские города Рузеллы и Кортонa. Вокруг главного города обычно группировалось несколько небольших городков, а многие имели на побережье, как бы в виде своего продолжения, порты. Скажем, центр производства меди город Цэре, отстоявший от берега на семь километров, располагал портом Пирги.

В VI в. до н.э. этруски начали активно захватывать все новые территории. Они овладели восточными берегами Сардинии и Корсики. В 535 г. до н.э. в союзе с карфагенянами этруски нанесли поражение греческому флоту в морском бою у города Алалия на Корсике. В устье реки Пад был основан этруско-греческий город-порт *Спина*, а на побережье Адриатики — Атрия и Равенна. Но лакомым куском для этрусков была Кампания с ее плодородными землями и удобными морскими портами. В Кампанию этруски вывели ряд колоний. Вскоре возник союз этруских городов в Кампании, куда входили в частности Нола, Геркуланум, Соррент и Помпеи, а во главе стояла Капуя.

Но Кампания к тому времени уже давно была занята греками. Начались бесконечные столкновения. Борьба велась с переменным успехом, но в 524 г. до н.э. этруски были разбиты греками во главе с тираном Кум Аристодемом сначала в Кампании, а затем и в Лации у города Ариция. Спустя полвека, в 474 г. до н.э., они вновь потерпели поражение в морском бою близ Кум. Это знаменовало конец их наступлению на юг. Оправиться от удара этруски уже не смогли. От этрусской зависимости освобождается юный Рим, а его владения отрезают Этрурию от Кампании. Влияние этрусков в этом регионе стремительно падает. Завоевание Кампании воинственными горными племенами самнитов окончательно вытесняет отсюда этруское население. Новая напасть обрушивается с севера. В V—IV в. до н.э. в доли-

ну реки Пад вторгаются племена воинственных галлов, сметая на своем пути этрусские города и селения.

Внутреннее соперничество подтачивает этрусское Двенадцатиградье изнутри. Когда римляне осадили влиятельный город Вейи, остальные члены союза отказались предоставить ему помощь. В начале IV в. до н.э. Вейи пали, и это было началом заката этрусской цивилизации. Одновременно в 384 г. до н.э. сиракузский тиран Дионисий Старший нанес удар по этрусским портам на побережье Тирренского моря, полностью сокрушив их морское господство (в частности он разрушил роскошный храм богини Девкотеи в Пиргах). В IV—III вв. до н. э. союз городов окончательно распадается — каждый город пытается выжить в одиночку, но один за другим падает под ударами набирающих силу римлян. Ко II в. до н.э. вся Этрурия была покорена Римом и обращена в провинцию. Сюда густым потоком устремляются римские колонисты-ветераны, вытесняя местных обитателей. К началу нашей эры этрусская культура сходит на нет, и даже этрусский язык был прочно забыт.

Среди причин столь стремительного заката цветущей цивилизации ученые называют разнородность этрусских переселенцев, потоки которых с берегов Дуная и из Малой Азии оказались неспособны образовать единый этнос среди множества местных племен, консервацию отживших родовых традиций и слепое повиновение верованиям в интерпретации *гаруспиков*, вызвавших деградацию общества, местную замкнутость и приверженность к своему уже устаревшему и неэффективному оружию и способам борьбы с врагами.

Но влияние, которое этрусская культура оказала на своего победителя, было огромно, и римляне, к чести своей, никогда не отрицали, что письменностью, образованием, многими религиозными обрядами и государственными институтами они обязаны северному соседу.

Этрусский язык

Этруски были образованным и культурным народом. Очень рано они создали свой алфавит из трех десятков букв, на основе греческих начертаний. Это письмо и легло в основу латинского. Этруски оставили после себя великое множество надписей. Первая крупная надпись была найдена близ Перуджи на стене погребального склепа. Она состояла из 27 слов, написанных в

три строки. В настоящее время число надписей перевалило за одиннадцать тысяч и все возрастает. Это и плиты с посвящениями богам, и надгробные надписи, и пластинки, где слова и целые предложения поясняют сюжет рисунков. Встречаются надписи на глиняных сосудах и бронзовых зеркалах, застежках для одежды и стенах гробниц. В конце XIX в. на полосках полотна, спеленавших мумию, найденную в Александрии в Египте (!), были обнаружены этрусские тексты (около 530 слов), известные как «Книга мумии».

Надписи легко прочесть, так как буквы очень похожи на греческие, слова отделены друг от друга (хотя и пишутся справа налево). Вот только смысл этих слов остается непонятным, несмотря на все старания ученых-лингвистов. За столетие усиленных поисков расшифровки надписей удалось с уверенностью установить значение не более сотни слов. И это для такого богатейшего языка!

Его сравнивали с языками народов Северного Кавказа и Малой Азии, отрицали принадлежность к индоевропейской семье, и, наоборот, выискивали сходные формы слов в языках иллирийцев, микенцев и древних иберов Испании. Были найдены слова многих народов, например, албанского, одинаково звучащие с этрусскими, но с совсем иным значением. Созвучие оказалось случайным. Выясняется, что этрусский язык не имеет родственников среди известных нам языков как древних, так и современных!

Над разгадкой этрусского языка бились в сонме прочих такие видные ученые, как русский филолог XIX в. В.И. Модестов, французский профессор Закари Майяни и болгарский лингвист Васил Георгиев. Георгиев проводил сравнение языка этрусов и хеттов, народа, жившего в Малой Азии, предполагаемой прародине этрусов. Он считал этот язык индоевропейским и приписывал его пеласгам. Полагают также, что этрусский язык сложился из нескольких языков разных племен, как пришлых, так и местных, образовавших в итоге единый этрусский народ.

Долгое время ученые возлагали надежды на тексты, написанные сразу на двух языках (билингвы), например, на этруском и греческом, чтобы определить значения этрусских слов. И что же? Такие надписи были найдены и в самом деле позволили установить смысл двух-трех десятков слов, но они никоим образом не помогли понять структуру этрусского языка, а значит этими словами открытие и ограничилось. Дальше опять ту-

пик. Таким образом, несмотря на отдельные успехи ученых, которые в поисках ключа к отгадке этрусского языка прибегли к компьютеру, тайна эта остается надежно заперта, и не на один, а на несколько запоров, и еще ждет своего исследователя.

Спина — этрусская Венеция

Предания о Спине покрылись мхом забвения уже в эпоху Античности. Полагали, что этот город в устье реки Пад (часто отождествлялась с рекой на краю мира Эриданом) основал герой «Илиады» Диомед. Его жители считались повелителями Адриатического моря и десятую часть доходов от морской торговли посвящали знаменитому в Греции храму в Дельфах. Но соседние варвары захватили город. Кем же они могли быть, если не этрусками?

Археологи давно мечтали отыскать этот легендарный город — и все безрезультатно. На помощь ученым в октябре 1956 г. пришла аэрофотосъемка. Благодаря ей руководитель раскопок итальянский археолог Нерео Альфиери и знаток фотографии профессор Вальвассори увидели на пленке контуры древнего города. Наконец, удача! Темные полосы отмечают более густую растительность на месте бывших каналов, светлые прямоугольники указывают места домов.

Город оказался не только типично этрусским, но и стоящим, в прямом смысле слова, на воде. Ведь в древности море доходило почти до его границ. Спина была вся прорезана каналами, вода в которых постоянно очищалась благодаря морским приливам, а дома сооружались на сваях. Каналы делили ее на квадраты, люди же передвигались на лодках. Прямо в город заходили морские корабли, привозя товары из Греции и других заморских стран. Археологи буквально из болотной грязи выуживали покрытые лаком керамические вазы из Аттики, великолепные бронзовые статуэтки, изображавшие воинов в доспехах, атлетов с диском и скребком, женщин, глядящихся в зеркало...

Влияние греческой культуры в городе было столь велико, что ученые заговорили о мирном сосуществовании прежней греческой колонии с этрусским населением, о греко-этрuscoм торговом центре в VI—IV вв. до н.э. Но постепенно торговля стала замирать. Морские пути переместились на западное побережье Италии. Натиск галлов сделал опасным путь из Спины в глубь Италии. Наступала на город и природа. Постоянные на-

воднения разрушали каналы и дамбы, сил же для их восстановления не хватало — население все убывало. Со временем каналы заносил ил, песчаные отмели преграждали выход в морскую лагуну. Море отступало все дальше и дальше. Так заглохла жизнь в некогда цветущем городе, а на его месте в начале нашей эры осталась только жалкая деревушка, которую уже никто не отождествлял с легендарной Спиной. Через пару сотен лет и от нее не сохранилось даже воспоминаний, пока в XX в. лопата археолога не вонзилась в вязкую землю вдали от Адриатического побережья.

Этрусские гробницы

Этруски с большим уважением относились к загробному миру. Уход из жизни знатного человека, тем более вождя или царя, сопровождался пышными погребальными церемониями. А тело покойного, уложенное в саркофаг, помещалось внутрь гробницы. Уже два столетия — сначала любители старины, а затем и ученые — открывают все новые гробницы, рассеянные по всей Этрурии. Они исчисляются тысячами. В 1828 г. бык из упряжки крестьянина провалился в неведомо откуда взявшуюся на поле яму. Так была обнаружена первая из гробниц у местечка Вульчи. За ней последовали сотни других находок. Особенно много гробниц вскрыто близ городов Тарквинии (свыше 500) и Вульчи (этруские Вольцы). На поверхность извлекались изделия из золота, украшения, драгоценная утварь, оружие и статуэтки.

Этруские гробницы — это массивные сооружения из камней, засыпанные землей наподобие курганов. Внутренние помещения имеют высокий свод и нередко несколько камер, оформленных как земное жилище, что говорит о строительном мастерстве этрусков. Склепы обставлялись мебелью, лежанками и креслами, стены расписывались под окна. Умершего снабжали посудой и едой, предметами обихода, знаками его земного достоинства: меч и шлем — воину, царственный посох — лукомону. Словом, заботились о том, чтобы усопший в потустороннем мире ни в чем не испытывал нужды. Ибо этруски рассматривали смерть как переход в иное состояние жизни и не испытывали страха или уныния.

Но нас сейчас привлекают не столько причины, подвигшие зодчих на весьма трудоемкие работы, сколько содержание фресок, которые покрывают стены и своды гробниц. На них пред-

стает все многообразие художественных вкусов, пиршество красок, преимущественно теплых тонов, и поразительное мастерство этрусских живописцев, особенно если иметь в виду, что творили они исключительно для усопших обитателей усыпальниц. Для живых это поразительное искусство оставалось «табу», что находит аналогии разве что с росписями пирамид и гробниц фараонов в Египте. Но при этом с каким изумительным мастерством и упоительным вдохновением они творили! По сюжетам фресок и сами гробницы получили в науке поэтичные имена: «Могила авгуров», «Гробница охоты и рыбной ловли», «Гробница леопардов», «Склеп с быками»...

На них воссоздаются сюжеты этрусских и греческих мифов, сцены из поэм об осаде греками Трои; буйством красок поражают картины земного быта «обитателей» гробниц. В неистовом танце летят нагие танцовщицы; водят хороводы томные юноши в воздушных хитонах; гадают по небесным знамениям, прижав ладони ко лбу, жрецы-гадатели в ниспадающих тогах; ветвятся на стенах гробниц экзотические деревья и режут могучие быки; слуги в пестрых одеяниях разносят пирующим напитки и яства, а флейтисты услаждают их слух нежной музыкой. А вот супруги завтракают на природе среди зелени и цветов в окружении детей — почти нагого мальчугана и двух девчушек в длинных легких хитонах; домашний пес под столиком, виляя хвостом, ждет подачки... На картинах участники празднеств, среди которых обычно представлен и сам умерший, живут одним мгновением, в вихре наслаждений забывая о смерти. Изысканностью и негой жизни веет от погребальных фресок, отражая жизнелюбие самих этрусков, в глазах которых гробницы служили магическим залогом бессмертия и вечности.

Но тут же мы видим, как демоны смерти во главе с мрачным крылатым змееволосым богом Тухулкой уносят души умерших в подземное царство. Мрачные демонические силы витают над человеком, который становится игрушкой в руках смерти. Представления о райской жизни после кончины сменяются покорностью печальной судьбе — так этрусские гробницы воплощают противоречивость философии народа расена, которая особенно сильно проявлялась по мере упадка тирренской цивилизации.

Пожалуй, одна из самых известных гробниц близ этрусского города Тарквинии — так называемая «Гробница Олимпийских игр». Она была открыта итальянским археологом Карло Леричи

в 1958 г. Перед раскопками внутрь гробницы опустили перископ. С его помощью взору археологов предстали на стенах подземелья стройные бегуны, обнаженный танцор и танцовщица в тунике с длинными рукавами, метатель диска, изготовившийся к броску, кулачные бойцы, атакующие друг друга. Но самой поразительной оказалась фреска с изображениями ристаний колесниц.

Мчатся колесницы пестрых тонов с конями в разноцветной сбруе. На одной возница в голубой тунике, обеими руками отчаянно впевившись в поводья, обгоняет упряжку, которой управляет возница в красном. Их настигает третья колесница, чей водитель неистово погоняет лошадь заостренной палкой. А позади бьется в агонии опрокинутый на спину конь. Яркость красок, талантливо схваченных древним художником изгибы тел людей и животных в яростном порыве состязания, — все это не только поражает современного зрителя своим высоким мастерством, умением уловить и гениально передать движение, но и открывает нам картину живой, трепетной жизни, бурлившей всего лишь полтора тысячелетия назад.

Мастарна

Среди этрусских подземных картин особенное любопытство историков вызывает одна, найденная в знаменитой «Гробнице Франсуа» под Вульчи. На красочных фресках, написанных во II в. до н.э., последовательно разворачивается целое действо: на левой фреске некто по имени Мастарна освобождает от пут своего друга Целия (или Гая) Вибенну; затем перед нашими глазами проходит вереница поединков нагих бородатых мужей. Каждый участник обозначен именем, в основном этруским. Но среди них встречаем римские имена: Марк Камитлас и Гневе Тархумиес Румах. И здесь нас подстерегает первая неожиданность: из римской истории нам известны и Марк Камилл, и Тарквиний, царь Рима (правда, с именем Луций). Причем на правом фрагменте именно они сходятся в поединке, и Марк Камилл бросает Тарквиния за волосы на землю.

Второй неожиданностью является совпадение этих сюжетов с древними преданиями, по которым Мастарна отождествлялся с римским царем *Сервием Туллеем*. Об этом уверял большой знаток этрусских древностей император I в. н. э. *Клавдий*. Римский историк Тацит приводит его речь: Сервий Туллий, — заявлял Клавдий, — был на самом деле этруским вождем Мастарной, «самым верным другом Целия Вибенны, всегда находился рядом с ним при всех его неудачах, а когда он был по прихоти судьбы изгнан и отступил с остатками воинов из Этру-

рии, он захватил один из римских холмов, назвав его в честь своего военачальника холмом Целия. Сам же он изменил имя — по-этруски он звался Мастарна — и, приняв имя Сервия Туллия, стал в качестве царя править на благо всем».

Долгое время эта история считалась легендой. Но открытие гробницы из Вульчи доказывает ее подлинность. Более того, во время раскопок в городе Вейи найден обломок вазы VI в. до н.э., на которой сохранилось написанное по-этруски имя Avile Vipiennas (Авл Вибенна, брат Целия). Вероятно, в последние годы правления в Риме Тарквиния Древнего в середине VI в. до н.э. вспыхнул конфликт между римлянами и правителями этрусского города Вольцы — братьями Целием и Авлом Вибеннами, причем Целий попал в плен к римлянам (покоритель Вей Марк Фурий Камилл, уже отошедший в область преданий, вполне мог затесаться в эту «теплую» компанию гробницы, напомним, II в. до н.э.). Но он был освобожден искателем приключений, главой вольного отряда этруском Мастарной, который попытался свергнуть Тарквиния Древнего. Однако это не значит, что он и царь Сервий Туллий — одно лицо. Скорее всего, перед нами попытка «облагородить» происхождение Сервия Туллия: по преданию, он был из рабов, так не лучше ли сделать его знатным этруском?

Как бы то ни было, добавив к этруским загадкам еще одну, фрески «Гробницы Франсуа» воссоздают драматические картины из бурной истории раннего Рима и Этрурии, когда шайки искателей приключений бродили по Центральной Италии, ища легкой добычи, а их вожди — власти. Таким вольным вождем мог быть и этруск Мастарна, чьи «подвиги» воплощены в гробнице его соратника.

ОТ АСКАНИЯ ДО НУМИТОРА — ОТ ЛАВИНИЯ ДО АЛЬБА-ЛОНГИ

Основателем Альба-Лонги римская традиция называет Аскания-Юла, сына *Энея*. Он же, по римским преданиям, считался родоначальником знаменитого рода Юлиев, к которому принадлежал и *Гай Юлий Цезарь*. Впрочем, обычай возводить свое происхождение к мифологическим героям и даже к богам был свойствен как римлянам, так и грекам.

Потомки легендарного Аскания получили прозвище «Сильвии», что значит «лесные жители», так как город стоял посреди дремучих лесов. Минули столетия. Четырнадцатым царем Альба-Лонги стал царь Нумитор. Но его брат, жестокий и коварный Амулий, сам мечтавший править страной латинов, сверг Нумитора и занял трон. Дряхлого Нумитора Амулий не боялся, а его дочь Рею Сильвию вынудил стать жрицей богини Весты, давав-

шей обет безбрачия и целомудрия. Но юную весталку посетил сам бог Марс, и вскоре у нее родились двое сыновей-близнецов.

Разгневанный Амулий в страхе перед будущей местью со стороны внуков свергнутого царя повелел казнить Рею Сильвию, а ее детей бросить в полноводный Тибр во время весеннего разлива. Но корзина с младенцами зацепилась за ветви растущего на берегу дерева. Крики их услышала волчица, которая ласково облизала детей и накормила своим молоком. В память об этом событии в храме на холме Капитолий была установлена статуя Капитолийской волчицы, которая стала символом Рима. Затем близнецов увидел царский пастух Фаустул, который вместе с женой воспитал их как своих детей. Одного он назвал *Ромулом*, другого — *Ремом*. Братья выросли, возмужали и превратились в сильных и ловких воинов. Скоро они стали вождями вольных отрядов, что нередко бродили по землям Центральной Италии, причем благодарная традиция изображает их защитниками бедных. В конце концов, желая отомстить за поправленные права деда, Ромул и Рем ворвались в город и убили жестокого Амулия. Они вернули власть деду, но сами не пожелали остаться в отчем городе, решив основать свой собственный. Им, по преданию, и стал Рим.

Город Альба-Лонга существовал в действительности и был расположен в полусотне километров от будущего Рима на юго-западном склоне Альбанских гор, недалеко от Альбанского озера, осушенного еще в древности. Раскопки открыли поселение начала I тысячелетия до н.э. Альба-Лонга играла главную роль в союзе латинских городов. Впрочем, подобных союзов было несколько. В отдельные периоды истории Лация возвышались города Тускул, Арриций, Ланувий, Кориолы и другие. Но первенство принадлежало все-таки Альба-Лонге до тех пор, пока она не была захвачена римлянами в VII в. до н.э. и не стерта с лица земли. Так римляне обошлись с городом, который сами же считали своей матерью.

Легенда об Эвандре

Одним из живучих преданий древнего мира была легенда об уроженце Аркадии, что в Греции, Эвандре. Незадолго до Троянской войны (т.е. примерно в XIII в. до н.э.) он прибыл к берегам Лация. Правивший в тех краях царь абorigинов Фавн добровольно предоставил аркадцам Эвандра своей земли столько,

сколько они пожелали. Аркадцы же, по совету пророчицы Фемиды, выбрали небольшой холм рядом с рекой Тибр, прямо посреди будущего Рима, и устроили около него небольшое селение, достаточное для двух рыбацких суденышек, на которых они уплыли из Греции. А имя ему дали Паллантий, как назывался их родной город в счастливой Аркадии. Дионисий Галикарнасский утверждал, что именно от этого Паллантия происходит наименование центрального холма, вокруг которого раскинулся Рим, — Палатин.

По преданию, Эвандр научил местных аборигинов письменности, различным ремеслам и игре на музыкальных инструментах, привезенных с его родины. Он первым запряг в ярмо быков и заставил их пахать землю. Он же считался основателем древнейшего религиозного праздника *Луперкалий*, сходного с аркадскими обрядами.

Долгое время рассказы об Эвандре почитались чистой легендой. Но только до тех пор, пока археологи не доказали, что на берегах Южной Италии и на близлежащих островах уже с середины II тысячелетия до н. э. селились микенские греки. Они основывали там свои торговые фактории и вели активную торговлю с местными племенами.

Эней и латины

Предания рассказывают, что вслед за Эвандром к берегам Италии прибыл троянский герой Эней, спасшийся с немногими спутниками из разрушенного ахейцами города Трои. Долго блуждал он по морям и землям, по пути лишился своей жены Креусы и отца Анхиза. С ним остался лишь его сын Асканий. Наконец троянцы высадились в устье Тибра, где и заночевали. Но одна из троянских женщин, Рома, предложила подругам прекратить путешествие, а для этого сжечь корабли, пока их мужья спят. В ее честь, по одной из версий, и Рим получил название (по-лат. Roma). Этот вариант предания приводит в своей знаменитой поэме «Энеида» Вергилий.

Другие же передают, что беглецы пристали к берегам Италии близ устья Тибра через 60 лет после *Эвандра*. В память об этом один из местных царей, Латин, сын Фавна, принял их дружелюбно, предоставил кров и даже выдал за Энея свою дочь Лавинию. В честь ее Эней основал город Лавиний на побережье Тирренского моря. Когда Латин скончался, Эней стал править

его народом, который объединился с троянцами. Единый народ в честь мудрого царя был назван *латинами*.

Но важно другое. В наши дни археологи раскопали место, где по легенде стоял город Лавиний, и обнаружили остатки поселения конца II — начала I тысячелетия до н.э., иными словами, примерно того времени, когда легендарный Эней высаживался на берег Лация. Там было найдено немало глиняной посуды и предметов быта явно микенского происхождения. Известно также множество статуэток, изображавших Энея со своим старым отцом Анхизом на плечах, а это говорит о популярности мифа об Энее в древнейшей Италии. Так археология сумела подтвердить историческую основу казалось бы вымышленных преданий об Энее, которые были излюбленным сюжетом древнеримской литературы.

Ромул и Рем

Предание гласит, что выбор нового города близнецами Ромулом и Ремом пал на то место, где когда-то они были выброшены на берег Тибра. Было это у подножия Палатинского холма. И тут между братьями вспыхнуло соперничество: чьим именем назвать новый город и где его строить. Братья обратились к выяснению воли богов по полету птиц. И первыми мимо Рема пролетели шесть коршунов, но вскоре над Ромулом появились двенадцать коршунов в блеске молнии и грохоте грома. Спор разгорелся с новой силой. Рем отстаивал свое первенство, а Ромул упирал на численное превосходство в птицах. А когда Рем, насмехаясь над братом, попытался перескочить через ров, который принялся копать Ромул, он был поражен его мечом. Таким образом братоубийство легло в основание будущего великого города. Ромул же произвел обряд закладки города и назвал его по своему имени Римом (лат. Roma). Сам же он стал его первым царем (рексом).

Такова легенда. Сами римляне свято верили в нее, хотя и признавали, что служит она скорее целям объяснить возникновение и название города. А поскольку Ромул — сын бога Марса, то и город его имени под столь грозным покровительством достоин был, полагали они, великой судьбы. Но в предании нашли отражение и отдаленные события седой древности, и связи Рима с латинской Альба-Лонгой, а через нее и с героями троянцами.

Еще древние историки спорили друг с другом по поводу точной даты возникновения Рима. Победу одержала точка зрения историка Варрона — **21 апреля 753 г. до н.э.** Но, конечно, процесс этот был постепенным и длился не одно столетие. Ученые выяснили, что первое поселение на месте будущего Рима появилось именно на Палатинском холме. Причем задолго до традиционной даты основания Рима.

Померий

Первой заботой основателя нового города было выбрать для этого место, которое указывали боги. В день основания Рима Ромул с соратниками совершил жертвоприношение, они прыгали через пламя костра, чтобы очиститься от всего скверного и плохого. Затем Ромул бросил в вырытую ямку горсть альбанской земли — она олицетворяла очаг и могилы предков, с которой были связаны души умерших (маны). На этом месте Ромул устроил алтарь и возжег огонь. Вокруг него расположился город, подобно тому, как дом строится вокруг очага.

Границы города отмечались бороздой. И здесь важно было тщательно соблюдать религиозные обряды. Плуг должен быть медным, в него запрягали белого быка и белую корову, чей цвет символизировал чистоту и был угоден богам. Сам Ромул в одежде жреца и с покрывалом на голове, держась за рукоять плуга, направлял его с пением молитв. Его спутники старательно отбрасывали внутрь черты борозды комья земли из-под плуга, чтобы ни одна частичка священной почвы не оказалась на чужой стороне. Эта черта должна была оставаться нерушимой, и никто не имел права переступить ее безнаказанно. Поэтому Ромул и убил своего брата Рема, осквернившего священные границы города, и это убийство не порицалось соплеменниками и потомками. Для обозначения входа и выхода из города Ромул приподнимал плуг, прерывая борозду. Такие промежутки назывались «порты». Здесь были устроены городские ворота, получившие те же названия. Отсюда «порт» и стал означать «ворота».

На этой священной борозде возводились стены, также считавшиеся священными и нерушимыми. Даже чинить их нельзя было без разрешения специальных жрецов. Полоса земли по обе стороны от стен оставлялась незастроенной и предназначалась для религиозных целей. Эта полоса и носила название «померий». Внутри померия запрещалось находиться с оружием. Здесь действовали законы и права граждан. Память об обряде основания города свято хранилась римлянами и проявлялась в ежегодном празднике дня рождения Рима, который справлялся 21 апреля.

Похищение сабинянок

Юный Рим был населен молодыми людьми, соратниками Ромула. Они были воинственны, часто совершали набеги на соседей, к ним тянулись беглецы и изгнанники из других городков Лация. Ведь Ромул основал на одном из холмов священное убежище. Но в нем было мало женщин. А окрестные племена презрительно отвергали всякие просьбы о женитьбе на их девушках, не желая родниться с разбойниками. Ромул прибегнул к хитрости. Он объявил об устройстве празднеств в честь бога Нептуна Конника. В долине между холмами Палатин и Авентин он соорудил арену для конских ристаний. Предстоящее зрелище привлекло множество гостей из соседних племен. Больше всего пришло из соседнего племени — сабинян. С собой они привели и жен, и детей. Когда мчавшиеся кони отвлекли внимание присутствующих, римляне по знаку Ромула бросились в толпу гостей, хватая девушек-сабинянок и унося их каждый в свой дом. Так об этом пишет римский поэт Овидий:

Ромул, это ведь ты был первым смутителем зрелищ,
Рати своей холостой милых сабинянок дав!

Оскорбленные сабиняне в ответ через некоторое время пошли войной на римлян. Во главе их был царь сабинян Тит Таций. Но сабинские женщины, многие из которых уже стали матерями, слезами и мольбами предотвратили смертельную схватку. На месте будущего форума Ромул и Тит Таций заключили мир и союз между двумя народами, обязавшись с тех пор жить вместе под единым правлением. Оба царя правили совместно, а после смерти Тита Тация верховным царем над объединенной римско-сабинской общиной стал Ромул.

До недавнего времени этот рассказ считался красивым, но чистым вымыслом. И вновь веское слово сказала археология. И под оболочкой легенды вскрылось ядро подлинной истории. На соседнем с Палатином холме Эсквилине были найдены следы поселения, равного по древности с Палатинским. Но его жители не сжигали своих умерших, а зарывали в землю. Многие ученые полагают, что это и были сабиняне, следы проживания которых в Лации довольно многочисленны. Конечно, объединение двух общин, латинской и сабинской, происходило не в один момент. Они долго сосуществовали друг с другом, разделенные топкими лощинами между холмами. И лишь когда эти лощины были осушены и освоены, два народа соединились в единый город, а сабиняне на равных участвовали в возникновении нового народа римлян. Именно это объединение (так называемый «синойкизм») и стало настоящим началом Рима.

РИМ В ЭПОХУ ЦАРЕЙ

Древний Рим был расположен на левом берегу Тибра, километрах в 25 от его устья. В эпоху расцвета Рим раскинулся на семи холмах (в древнейший период «холмами» называли и отличные от современных возвышенности). Ядром его стал Палатин. Археологи обнаружили на нем следы деревянных столбов от хижин VIII в. до н.э. Позднее к Палатину были присоединены холмы Квиринал, Эсквилин, Виминал, Авентин и Целий, а также холм Яникул на правой стороне Тибра. Авентин вошел в состав города лишь в IV в. до н.э.

Уже в XIX в. начались систематические раскопки Рима. На Палатине, Эсквилине и других холмах обнаружено множество могил. Наиболее тщательно раскапывался Форум. На нем найден так называемый Скрибонианский колодец близ фундамента Регии. Раскопаны мостовые Форума VII в. до н.э., фундаменты и глиняные украшения древних храмов, в том числе на Капитолии. Сохранился остов здания для хранения архивов на Капитолии (Табулярий), там же найдена бронзовая скульптура волчицы — кормилицы Ромула и Рема. Видны аркады водопровода, построенного цензором Аппием Клавдием Цеком. Большой вклад в археологическое изучение Рима, особенно ранних периодов, внес шведский археолог Эйнар Гьерстад, проводивший раскопки в 60-е годы XX в.

Вначале поселения возникали на вершинах холмов, разделенных заболоченными долинами, обитатели их вели обособленную жалкую жизнь. Жили они в круглых или прямоугольных хижинах, сооруженных из толстых прутьев, обмазанных глиной и покрытых соломой. Поселки окружались рвами и валами, для защиты от недругов сооружались башни. В близлежащих рощах прятались святилища божеств, покровителей рода и местностей.

Понемногу поселки разрастались и сливались между собой. Ранее всего объединились селения Палатина и одной из вершин Эсквилина Велии. В этот древнейший период сложился так называемый Квадратный Рим, названный так по своим очертаниям. Затем в единую общину влились поселки и других холмов — той части Палатина, что была известна как Гермал, а также Фагута и других вершин Эсквилина. Долгое время они сохраняли внутреннее самоуправление. Такой город был назван древними историками «Септимонтием», или «Семихолмием», по названию древнейшего религиозного праздника, которое его жители справляли вместе, но при этом каждый «холм» выставлял отдельную процессию жрецов. «Септимонтий» существовал в конце VIII — начале VII в. до н.э. Тогда же в городскую черту был включен холм Квиринал. На Капитолии со временем выросла общая для всех крепость — Аргх. Заболоченная низина между северным склоном Палатина, Капитолием и Велией была осушена уже в VIII в. до н.э. и превратилась в торговую площадь — Форум.

Население холмов было неоднородным. Латины, изгнав из тех мест или подчинив себе прежних обитателей — лигуров и сикулов, — заняли Палатин и Велию. Кроме них, на холмах селились сабиняне (на Квиринале, Эсквилине и Виминале), а позднее, возможно, этруски. Основным занятием жителей холмов у Тибра было земледелие и разведение скота на склонах холмов, по реке велась и оживленная торговля. Недаром уже в древнейшие времена на берегу Тибра южнее Капитолия и Палатина возник торговый рынок с пристанью для судов. Ценным товаром был скот, почему и торжище получило имя «Бычий рынок» (Forum Boarium). Постепенно город разрастался, застраивался, создавалась система осушительных каналов. Город окружали стенами. В VI в. до н.э. при царе Сервии Туллии была выстроена новая стена, руины которой можно видеть в Риме до сих пор.

В древнейший период истории Римом правили цари (рексы), что дало ему название «царской эпохи». Началом ее считается

примерное время основания Рима — середина VIII в. до н.э., а завершением — свержение в Риме царской власти в конце VI в. до н.э. Эти три столетия (а начало эпохи царей уходит еще дальше во мрак веков) были наполнены бурными событиями. Долгое время ученые отвергали рассказы о них у древних авторов как чистый вымысел, приукрашенные легенды и стремление представить скромное и жалкое рождение Рима в блеске и славе. Но исследования последних десятилетий, вовлечение в научный оборот новых данных археологии, лингвистики и эпиграфики позволили пролить новый свет на темное римское прошлое и обнаружить зерно исторической правды в цветистых преданиях.

Римляне сохранили память о семи царях, хотя, возможно, на самом деле их было больше. Древние авторы, например Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, Плутарх и другие, были настолько уверены в реальности римских царей, что высчитывали точные сроки их правлений, подробно перечисляли их деяния, а Плутарх даже написал биографии двоих из них — Ромула и Нумы Помпилия. В настоящее время ученые не сомневаются в достоверности многих сюжетов римской истории, приписанных тем или иным царям.

Вызывает вопрос, почему Рим стал центром Италии? Говорят о выгодном географическом положении посреди Апеннинского полуострова на судоходном Тибре. Но Неаполь в Кампании или Этрурия имели больше преимуществ для торговли. Рим не располагал плодородными нивами и никакими залежами полезных ископаемых в отличие от железных руд в Популонии или медных в Кампании; даже соляные промыслы в устье Тибра (как и само устье) стали доступны лишь под занавес царской эпохи. По уровню хозяйственного, общественного и военного развития Рим подчас уступал окрестным, более многочисленным латинским, сабинским и этрусским племенам, с которыми столетиями вел войны с переменным успехом. Даже Дионисий Галикарнасский удивлялся, каким образом вдребезги разбитые и уничтоженные (согласно римской героической мифологии) герники или вольски через какие-то десять-пятнадцать лет вновь выставляли против римлян полчища своей молодежи? Ответы на эти вопросы будоражат историков и в наше время. Вероятно, они коренятся как в изменчивости фортуны с ее круговоротом случайностей и счастливых обстоятельств, так и во внутренних стимулах развития, приведших к взрыву уникальной римской пассионарности.

В царскую эпоху Рим прошел долгий и трудный путь, превратившись из мелкого родоплеменного союза земледельцев и пастухов в спаянный коллектив граждан — горожан-ремесленников и землепашцев, из маленького скопления жалких хижин, в беспорядке громоздящихся по склонам холмов, в настоящий город с мошеными улицами и каменными зданиями храмов и дворцов.

Война в те времена была столь же обыденным делом, как и сельский труд. Враждебные соседи то и дело нападали на римские пределы в расчете поживиться сжатым хлебом или стадом скота. А надо иметь в виду, что все, что окружало в те времена человека за пределами родной ему общины, представляло враждебным, пугающим и опасным. Впрочем, воинственные римляне не оставались в долгу, ежегодно, словно на сезонные работы, отправляясь в набеги на города и нивы соседних племен сабинян и эквов, вольсков и герников, фалисков и латинов. Добычей служили скромная домашняя утварь, орудия труда и украшения из бронзы или серебра. Особо ценилось оружие и доспехи, поскольку железо было очень редко и дорого.

Чтобы жить в постоянной готовности к войне, требовалась мощная военная организация. И она была создана римлянами. Ее основателем предание называет *Ромула*. В конце царской эпохи войско было реорганизовано царем *Сервием Туллем*. Его реформа означала конец господства родового строя в Риме и начало складывания государства. Благодаря отлаженной военной организации, в которой каждый общинник был воином, мало-помалу римляне одерживали верх над соседними народами.

Чем больше войн вели римляне, чем мощнее становилось римское войско, тем больше усиливалась власть царей. Развитие хозяйства, приток новых поселенцев и расширение территории Рима размывали древние родовые устои. Они уже не отвечали ни потребностям управления разросшимся населением, ни нуждам военной организации. В VII—VI вв. до н.э. резко усиливается царская власть. Цари «этрусской династии» начинают претендовать на передачу своей власти по наследству.

Вообще *этруски* (как и кампанские греки) оказали сильнейшее культурное влияние на молодой, духовно неотесанный Рим. От них римляне без стеснения заимствовали религиозные обряды (гадание по внутренностям животных) и строительные навыки, символы власти (от «курульного кресла» до «авгурского жезла») и предметы одежды (например, тогу), веру в бессмертие

душ и гладиаторские бои, не говоря уже о воинском вооружении и алфавите. При «этрусских» царях в Риме проживало немало этрусков: беглецов из родных городов и зодчих, торговцев и ювелиров... Сохранилось даже название улицы, где они преимущественно селились — «Этрусская улица» (via Tuscus), рядом с Палатином. Все это дало повод многим ученым заявлять даже о прямом покорении Рима этрусками и превращении его в этрускую колонию в VII—VI вв. до н.э. Однако этому противоречит как самобытность собственно римской общественной и государственной организации, не говоря уже о народной культуре и верованиях, так и отсутствие в источниках каких-либо сведений о подобном политическом подчинении. И ладно бы речь шла только о древних авторах, которые могли и приукрасить прошлое своего города, но и материалы археологических раскопок не дают никаких оснований для столь однозначных выводов. Тем более что и римляне отнюдь не стыдились заимствовать все полезное для их государства у самых разных племен, с умом приспособливая нововведения к своему римскому духу. Именно эта способность римского общества к творческому восприятию лучших достижений иных народов обеспечила им гегемонию над разрозненными племенами и городами, закосневшими в рамках отживавшей родовой «самобытности».

Итак, к концу царской эпохи Рим подошел уже сложившимся городом-государством. Большинство населения проживало в городе, где складывалась городская культура. Такой город-государство получил в науке название «полис», а его разновидность в Риме — «цивитас» (civitas). Численность населения достигала пятидесяти тысяч человек, а владения «цивитас» занимали до восьмисот квадратных километров. Коллектив граждан совместно владел *общественной землей* (ager publicus). Все вместе они составляли римский народ квиритов (populus Romanum Quiritium). Главным правом было участие в новом Народном собрании, а обязанностью — служба в войске. Но окончательное складывание государства произошло уже в следующий период, в Раннюю республику.

Палатин — сердце Рима

Один из центральных холмов Рима Палатин, несмотря на свои небольшие размеры, по праву считается колыбелью Вечного города. Высотой до 35 метров и около двух километров по

периметру Палатин походит на остров благодаря своим обрывистым склонам. Еще во времена римского историка Тацита, во II в. до н.э., здесь показывали межевые камни, расположенные на некотором расстоянии друг от друга, которые обозначали старое ромулово городище — «Квадратный Рим» (Roma Quadrata). Он был назван так не только из-за формы самого холма, но и потому, что был выстроен в соответствии с правилами искусства жрецов-авгуров. И сейчас можно видеть на Палатине остатки древней стены из огромных камней. По преданию, ее заложил еще Ромул в VIII в. до н.э.

На Палатинский холм с Форума можно подняться по дороге, которая ответвляется от Священной улицы и ведет к древним воротам, остатки которых сохранились до сих пор. Через них в древнейшие времена гнали скот на выгон, где позднее возник Форум. Справа от ворот размещался храм Юпитера Остановителя (Iuppiter Stator). Его соорудил Ромул на месте, где Юпитер, внемля его мольбам, якобы остановил римлян, бежавших под натиском сабинян во время войны после похищения сабинянок. Позднее неподалеку от этого храма жил царь *Тарквиний Древний*. Чуть ниже путник мог лицезреть первоначальный храм богини Весты, от которого остался лишь фундамент.

Палатин как бы огорожен с четырех сторон глубокими лощинами. Северную низину занял *Форум*, с юга в удобной вытянутой котловине был устроен еще при царях *Большой цирк*, служивший местом конских ристаний, а впоследствии и состязаний колесниц, с востока Палатин подпирался холмом Целий, а северо-западный склон носил название Велабр; он обрывался в узкую лощину, по которой проходила Великая клоака, и отделял холм от Капитолия. Вдоль него тянется улица под именем «Спуск Победы», в начале нее находились Римские ворота, сооруженные Ромулом. Лишь юго-западным углом Палатин выходил к Тибру. И там на берегу в древности возник Бычий рынок, а позднее через реку был перекинут первый римский свайный мост. Там же сохранился знаменитый круглый храм то ли богини Весты, то ли Геркулеса.

На склоне холма, обращенном к Бычьему рынку, можно было увидеть небольшой грот, осененный фиговым деревом, где, согласно легенде, волчица накормила своим молоком Ромула и Рема. Грот назывался Луперкал и был облюбован жреческой коллегией луперков для своих разнузданных религиозных празднеств. А неподалеку возвышался Великий алтарь (Ага

Махима), установленный, как полагали, самим греческим героем Эвандром. Его еще называли Алтарем Геркулеса и ежегодно приносили герою жертвы. Прямо над алтарем, на вершине Палатина бережно сохранялась так называемая хижина Ромула, остатки которой были открыты в ходе раскопок.

Уже в царскую эпоху город перешагнул границы Палатина, но холм навсегда остался его сердцем и местом проживания царей, римской знати, а в эпохи Республики и Империи превратился в средоточие особняков аристократии и императорских дворцов. Здесь находились храмы Юпитера Победоносного и Матери Богов. Здесь селились преимущественно родовитые патриции, сенаторы и высшие должностные лица государства. Именно на Палатине выстроил себе роскошный дворец первый римский император Октавиан Август и так и назвал его — «Палатий». В европейский языках это слово стало нарицательным для обозначения дворца. На Палатине возводили себе дворцы многие римские императоры: Калигула, Нерон, Домициан и Септимий Север.

Римский Форум сквозь века

Первоначально на месте будущего Форума была болотистая равнина, куда жители соседних холмов Палатина, Веллии и Эсквилина выгоняли скот или сами сходились для торжища. С северо-запада ее подпирал Капитолийский холм, у подножия которого добывали камень. Впоследствии в заброшенных каменоломнях была устроена страшная Мамертинская тюрьма, или Карцер, в каменных мешках которой без света и воздуха ожидали своей участи государственные преступники. В начале эпохи царей болота были осушены. Царь *Нума Помпилий* выстроил у края Форума храм Весты и дом жриц-весталок. Следующий царь *Тулл Гостилий* воздвиг здание для заседаний сената, первоначально деревянное, названное Гостилиевой Курией, а перед ней расчистил свободное место для проведения Народных собраний — Комиций.

Особый блеск приобрел Форум в эпоху Республики. Он стал центром торговли и средоточием общественной жизни. Туда сходились граждане, чтобы обсудить свои дела и политические новости, вокруг Форума теснились лавки торговцев и школы для обучения детей. На склоне Капитолия высилось здание Табулярия — государственного архива, а у его подножия, южнее Мамер-

тинской тюрьмы, стояли храмы Сатурна и Согласия. В первом хранилась государственная казна, а во втором — военная.

Форум имел вид неправильного четырехугольника. Парадный вход на него располагался с южной стороны. Там проходила старейшая улица Рима — «Священная улица» (*via Sacra*) шириной в семь метров, отделенная от Форума невысокими лавками и статуями героев Рима. Она огибала Форум с юга по направлению на Капитолий, куда с древнейших времен двигались процессии жрецов во время торжественных празднеств. В эпоху Империи неподалеку от него вознеслись триумфальные арки императоров и могучий Колизей. Но все это в будущем!

В период Республики рядом со «Священной улицей» шла колоннада храма Венеры, одного из древнейших в Риме, а в 120 г. до н.э. при входе на площадь была воздвигнута первая триумфальная арка в честь победителя аллоброгов Фабия Максима. У храма Весты был устроен «трибунал» — специальное возвышение, где преторы публично разбирали судебные дела. Следом посетитель проходил мимо храма Кастора и Поллукса, божественных близнецов — покровителей города. Наконец, западная сторона была занята лавками и конторами ростовщиков и менял, пока в середине I в. до н.э. *Юлий Цезарь* не построил здесь грандиозную базилику Юлия.

Сам Форум в течение веков служил местом, где римляне запечатлевали все знаменательные события своей истории. В результате он оказался плотно заставлен бронзовыми и мраморными статуями богов и героев Рима. Тут взору представляли статуи божества Марсия и сабинского царя Тита Тация — именно в том месте, где тот заключил исторический мир с Ромулом, — статуи льва на месте погребения пастуха Фаустула, воспитавшего Ромула, и *Горация Коклеса*, храбро защищавшего Рим от этрусков, статуи этрусского царя Порсены (в знак благодарности за пощаду Рима в начале Республики) и победителя герников Марция Тремула, не говоря уже о множестве других.

В самом центре Форума можно было видеть маленькое невзрачное здание храма, состоящее из двух соединенных между собой ворот, обращенных на запад и на восток. Он был посвящен в древнейшие времена двуликому богу Янусу, богу входа и выхода, начала и конца. По обычаю ворота этого храма должны были открываться лишь во время войны. С наступлением мира ворота торжественно запирали. Но римляне вели войны постоянно, поэтому всего лишь дважды в период Республики ворота были закрыты.

Посреди Форума росли священные растения, защищенные решетками. Здесь были Руминальская смоковница, под сенью которой укрывались младенцы Ромул и Рем (она начала засыхать только в I в. н.э.), лотос — египетское растение, которое по преданию было древнее самого Рима (он рос между храмами Сатурна и Согласия), священная олива и виноградная лоза около источника нимфы Ютурны, где девы-*весталки* совершали омоения. Ведь Ютурна считалась супругой бога Януса и матерью бога источников Фонса, к ней воспылал страстью сам Юпитер. Вода этого источника славилась как целительная и использовалась для жертвоприношений.

Древнейшая надпись в Риме высечена на «Черном камне» с римского Форума. Он имел форму конуса и был засыпан землей, на которую положена черная плита. Надпись относится к VII—VI вв. до н.э. Правда, текст плохо сохранился, но слова в нем латинские, начертанные, однако, греческими буквами. Эту плиту считают могилой самого Ромула или, по крайней мере, местом его почитания.

«Священная дорога» заканчивалась у Бычьего переулка, проходившего перед храмом Сатурна. Справа от него возвышались ростры — высокие трибуны, с которых ораторы произносили свои речи. Трибуны и стоявшая рядом ростральная колонна были украшены носами (рострами) кораблей, захваченных в 260 г. до н.э. у карфагенян. Ростры были обращены на восток и перед ними открывался уже упомянутый Комиций, где проходили собрания сначала курий, а затем обычно триб.

В эпоху Поздней республики на восточной стороне Форума лавки торговцев уступают место двум величественным сооружениям — базилике Эмилия и дворцу сената. Во дворец были перенесены заседания этого высшего государственного органа, после того как Гостилиева курия несколько раз горела. В базилике, сооруженной в 34 г. до н.э. на средства Эмилия Павла (это обошлось ему в 15 млн сестерциев), также располагались торговые ряды, а в прохладных портиках судебные ораторы принимали просителей и вели судебные процессы.

Римский Форум неоднократно менял свой облик, перестраивался, вокруг него сооружались новые форумы римских императоров, но всегда сохранял значение сердца римской жизни и центра римского мира. Недаром именно здесь находился нулевой мильевой столб, от которого вели отсчет все дороги. Это и породило знаменитую поговорку: «Все дороги ведут в Рим».

В Средние века Форум оказался разрушен и заброшен, мрамор и камни древних храмов пошли на строительство здесь же христианских церквей. Но в последние десятилетия лопата археолога вновь обнажила живые пласты истории, позволила досужему туристу увидеть фундаменты и колоннады седых от времени, но все так же величественных зданий, а пытливому ученому сделать уникальные находки, которые углубляют наши знания о жизни людей этого удивительного мира.

Капитолий

Расположенный у самого Тибра Капитолий — самый высокий из римских холмов. Его обрывистые склоны, нависающие над Форумом, венчают две вершины — собственно Капитолий и Крепость (Аргх), являющую собой естественное укрепление. Там находился храм Юноны Монеты (советчицы) и священный камень — авгуракул, стоя на котором, одни из самых почитаемых жрецов — *авгуры* предсказывали будущее и совершали гадания по полету птиц. Однако для жилья холм был не слишком пригоден и потому использовался с ранних времен как общее убежище и святилище. Еще Ромул основал на нем алтарь Юпитеру. Но лишь в VI в. царь *Тарквиний Гордый* заложил на первой вершине постоянный храм в честь верховного бога римлян Юпитера Всеблагого Величайшего (Iuppiter Optimus Maximus).

С тех пор именно там проходили все важнейшие государственные церемонии. Там, на Капитолии, происходило торжественное вступление в должность высших магистратов, там в канун Нового года совершались пышные жертвоприношения и молебствия о благе и процветании Рима. На Капитолий двигалась величественная процессия во время триумфов, и полководец-триумфатор у ворот храма совлекал с себя взятые на время триумфальные одежды и корону, символ самого Юпитера, и приносил могучему хранителю Римской державы тучные жертвы. Там было место служения одного из главных жрецов, *фламина* Юпитера. В более древние времена на Капитолии даже собирались «калатные комиции».

При этом Капитолий позже всех остальных холмов, только в I в. до н.э., был включен в городскую черту (*померий*). На склоне Капитолия была высечена лестница Гемоний, которая вела к зубчатым стенам главной римской тюрьмы — Карцера. По ней преступников выводили на казнь, что и дало ей имя «Лестницы

рыданий». На нее же после казни бросали головы или тела преступников. Одна из круч Капитолия называлась Тарпейской скалой (в память о предательнице Тарпее, проводшей во времена Ромула по тайной тропке сабинян), с нее многие века сбрасывали вниз приговоренных к смерти государственных преступников.

Стена Сервия Туллия

Римские историки приписывают создание мощных укреплений города шестому римскому царю Сервию Туллию. В середине VI в. до н.э. он обнес стеною всю территорию Рима. По площади она оставляла позади многие греческие и этрусские города Италии того времени. Многие историки полагали, что сооружение такой стены было тогда не под силу римлянам. Они относили ее возведение к гораздо более позднему времени — после галльского пожара начала IV в. до н.э.

Ответ был получен после детального исследования остатков этих стен, а их в Риме по сей день насчитывается четырнадцать участков. Наиболее известен фрагмент, расположенный рядом с центральным вокзалом Рима «Термини». Специалисты установили, что часть этих руин относится действительно к VI в. до н.э., как и фундамент остальных. Они сложены из небольших туфовых блоков. На других участках камни более крупные, привезенные из дальних каменоломен. Они были сложены в IV в. до н.э., когда стены были восстановлены после разрушений. Сейчас уже никто не сомневается в правдивости сообщений римских авторов о том, что истинным строителем стены был именно Сервий Туллий.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Род и фамилия

Основой жизни и хозяйства был род (gens), куда входили кровные родственники нескольких поколений. Члены одного рода жили общиной и вели родство по отцу (агнаты). Всего в Риме по позднейшей традиции насчитывалось триста родов, хотя число это, конечно, искусственно и условно. Иные роды состояли из сотен человек. Члены каждого рода были связаны взаимным правом наследования. Они сообща справляли родовые религиозные праздники, поклонялись своим родовым божествам и хоронили умерших на родовом кладбище. В роде свято соблюдалось почитание предков. Основой жизнедеятельности

рода была коллективная собственность на землю. Родичи совместно пользовались лугами и лесами.

На принадлежность к одному роду указывало общее родовое имя, произведенное от реального или мифического предка. Например, род Юлиев вел свое происхождение от Аскания-Юла, сына троянского героя Энея и внука самой богини Венеры, а род Эмилиев — от Мамерка, сына царя Нумы Помпилия, или Эмилии, дочери Энея и Лавинии. Валерии вели свой род от соратника сабинского царя Тита Тация Волеза, потомка бога Марса. А другой знаменитый род Фабиев считал своим предком самого Геркулеса. Впрочем, многие родовые имена произведены от того священного животного, которому поклонялись предки: у рода Каниниев это собака, у Порциев — свинья, а у Вителлиев — бык.

Постепенно в Риме внутри родов начинают выделяться отдельные семейства, которые ведут свое хозяйство самостоятельно, — фамилии (*familia*). Во главе семейства стоял домовладыка, или отец семейства (*pater familias*). Не порывая с родовыми узами, фамилии уже в царскую эпоху становятся главными ячейками раннеримского общества. В состав фамилии входили три-четыре поколения потомков отца семейства. При этом все они полностью подчинялись ему не только в быту, но и в хозяйственных делах. Отец семейства имел право распоряжаться жизнью своей жены и женщин, вышедших замуж за его сыновей. Он мог продать в рабство своих сыновей. Известны случаи, когда отец собственноручно казнил своего сына за проступки. Римская фамилия была по сути целой общиной. Она включала не только родственников, но и все имущество семьи, в том числе хозяйственные постройки, рабов и скот. В эпоху Республики отдельные семьи приобрели ведущее значение.

Римские традиции не признавали за женщинами равных прав с мужчинами. Дочь (как, впрочем, и сыновья) считалась собственностью отца семейства, а после замужества переходила в род мужа, правда, принося с собой приданое. После этого она полностью зависела от мужа, который мог в любой момент развестись с нею, однако, обязан был при этом вернуть обратно приданое. И все же положение женщин отнюдь не было столь же приниженным, как в Древней Греции. В доме власть женщины была беспрекословной. Она становилась матроной — матерью семейства и пользовалась всеобщим уважением. Римляне не держали своих жен в уединении гинекеев, как греки. Ее мес-

то было в атрии — центральной части дома, где горел священный очаг и стояли жертвенники Ларам. Все это находилось под присмотром матроны.

Катон Старший восклицал: «Везде мужи управляют мужами, а мы (римляне), которые управляем всеми мужами, находимся под управлением наших жен». Матрона совершала жертвоприношения домашним богам, воспитывала детей и управляла хозяйством и рабами, если они были. Более того, матрона также имела право на развод, а став вдовой (что в те времена войн и эпидемий было не редкостью), она обретала все имущественные и юридические права: могла покупать любую собственность и продавать ее, даже выступать в суде.

Курии и трибы

Курии возникли в глубокой древности, очевидно, еще до традиционного основания города. Первоначально они представляли собой союз мужчин-воинов. Но затем курии превращаются в замкнутые объединения отцовских родов, спаянных внутренней дисциплиной, общими куриатными религиозными культами и службой мужчин в куриатном народном ополчении. При этом отметим, что членами курий могли быть только члены исконных римских родов, иными словами *патриции*. Плебеи в курии не допускались. Каждая курия владела общинной землей. Эта земля регулярно перераспределялась между отдельными родами и фамилиями курии.

В царскую эпоху сложилось 30 курий, причем каждая состояла из десяти родов, но количество их могло быть разным. Члены курий — взрослые мужчины участвовали в общих собраниях курий, где они выбирали старейшин курий — курионов и обсуждали внутренние родовые дела, и в Народных собраниях всех курий римской общины — куриатных комициях. Курионы представляли курию в сенате и руководили религиозными церемониями, проводимыми по куриям. Во главе всех курий стоял «великий курион» (*curio maximus*).

После проведения реформы Сервия Туллия в середине VI в. до н.э. родовые устои римского общества оказались сильно подорваны, и роль курий резко упала. Они были отстранены от решения общегосударственных вопросов, выбор должностных лиц уплыл из их рук. Но оставались дела о наследстве, о принятии новых членов в род и о религиозных родовых культах, на

которые римляне никогда не посягали. Ибо курии в представлениях римлян были наделены особыми религиозными свойствами. Они оставались хранителями вековых моральных и религиозных устоев, древних традиций, без соблюдения которых римляне не мыслили свою жизнь.

В царский период со времени Ромула население Рима делилось на три трибы. Каждая состояла, по преданию, из десяти курий и ста родов. Поэтому такие трибы называют в науке *родовыми*. Как считали древние авторы, первоначально, до объединения Рима в единую общину, каждая триба была независимым племенем. Отголоски существования отдельных племен звучат в названиях трех родовых триб — Рамны, Тиции и Луцеры. Трибу Рамнов причисляли к латинам, Тициев — к сабинянам, а Луцеров по сходству звучания с этрусским словом «лукумон» — к этрускам.

В жизни царского Рима трибы не играли серьезной роли. После реформы Сервия Туллия прежние родоплеменные трибы были упразднены. Вместо них вся территория Римского государства была разделена на округа, которые также стали называться трибами. Но входили в них уже не члены родов и курий, т.е. патриции, а все жители данного округа, в том числе плебеи. В Риме было создано четыре городских трибы. В период Ранней республики было семнадцать *сельских триб*, но постепенно их число дошло до тридцати одной (с городскими стало 35).

Многие трибы носили названия тех местностей или рек, где они располагались: трибы Крустуминская, Стеллатинская, Сабатинская или Фалернская. Но нередко наиболее могущественный патрицианский род давал имя всей сельской трибе. Таковы трибы Клавдия, Корнелия, Фабия, Горация и др. В Римской республике трибы постепенно превратились в простые административные подразделения, подобно современным областям или штатам.

Паги

Пагом называлась сельская местность, где располагались владения римского рода, которыми совместно пользовались все его члены. Это и пашня, и рощи, и луга для выпаса скота. Древнейшие паги существовали и в черте города. Сердцем пага были святилища, где устраивались алтари в честь божеств—покровителей пага. Любая рощица или родник, пещера в скале или древ-

ний пень служили местом встреч жителей пага и торжественных церемоний жертвоприношений. Самым распространенным и древним был праздник *Паганалий*.

Паги служили также административными единицами еще задолго до Ромула. Жители пага совместно выбирали предводителя—магистра пага. Частью пага были села (*vici*), где обитало несколько отдельных фамилий. Уже в царскую эпоху в них селились не только кровные родственники, но и фамилии из других родов, и паг превращался в большую соседскую общину. Именно в пагах проходила большая часть жизни простого римлянина, там был его надел земли и отчий очаг, алтари привычных и близких богов, защитников посевов и стад, от которых зависела его жизнь и благополучие.

Куриатные комиции

Веками с вершины Капитолийского холма верховный жрец *понтифик*, совершив положенные жертвоприношения, определял благоприятный день для проведения Народного собрания, а быстрые гонцы разносили призыв явиться на Форум всем квиритам, полноправным римлянам, по пагам и куриям. Веками зоркие жрецы *авгуры* пристально вглядывались в бездонные небеса, каждый на своем участке, чтобы по полету птиц или блеску молний вовремя определить благоприятные или нет знамения богов для торжественного изъяснения воли всего римского народа. А сам народ стекался на Форум к подножью Капитолия, на ту его часть, что зовется Комиций, чтобы принять участие в Народном собрании.

Слово *comitia* означало «сходка». А проводилось она первоначально по куриям. Потому и древнейший вид Народного собрания римской общины был наречен куриатными комициями. Участвовать в собрании могли только *патриции*. Все члены родов собирались вокруг знака своей курии. Каждая курия имела один голос. Все действие было проникнуто религиозным смыслом и сопровождалось обрядами и клятвами богам. В любой момент собрание могли прекратить, если *авгуры* обнаруживали в небе знаки божественного нерасположения.

Куриатные комиции решали самые разнообразные дела. Здесь обсуждали религиозные культы и знамения, оглашали завещания (ведь это было связано с наследованием собственности рода!), принимали в состав общины новые роды и утверждали

усыновления людей из одних родов отцами семейств других родов. Иными словами, решались жизненно важные родовые вопросы. Все это затрагивало интересы родов и курий в целом. Решения принимались в виде торжественной священной клятвы, что все члены родов и всего народа римского дают согласие и будут неукоснительно выполнять решенное. Такая разновидность религиозно-родовых куриатных собраний имела еще одно название — калатные комиции, поскольку день их проведения по воле богов выкликал (*calare*) Великий понтифик.

Но были в царскую эпоху и иные дела, затрагивающие интересы всей общины. Это выборы царя и объявление войны. Не забудем, что все члены курий были и воинами, а царь — прежде всего военным вождем. И вот уже в качестве воинов, только что без оружия, те же общинники, по призыву царя, а не жреца, опять сходились на Комиций. Там они выслушивали предложения сената, который имел право заранее обсуждать и предлагать вопросы и кандидатуры. Затем выражали свое одобрение или негодование голосованием по головам. Но голоса считали в каждой курии, а полученное большинство и становилось общим мнением всей курии. Поскольку далеко не все сородичи, особенно бедные сельчане, могли присутствовать на собрании, то решение зачастую принимались голосами наиболее знатных родов. Тем не менее непосредственное участие народа-воина в решении наиболее важных вопросов позволяет назвать такой строй, переходный от родового общества к классовому, «военной демократией».

Куриатный закон об империи

Внимание историков давно привлекал тот странный факт, что после своего избрания царь вновь вносил в куриатное собрание, но уже в его разновидность, *калатные комиции*, закон об утверждении этого избрания. Такой закон носил название «Закон курий об империи» (*Lex curiata de imperio*). Зачем об одном и том же голосовать дважды? Дело в том, что формально царя избирало войско, люди грубые и оскверненные кровью, и следовало утвердить их решение уже с помощью религиозных процедур, вручить вновь избранному царю символ высшей власти — *империй*.

Со временем этот закон стал важнейшей функцией куриатного собрания. Он настолько сильно почитался, что даже после того, как курии утратили всякое политическое значение, а вместо царей должностные лица *консулы* стали избираться в *центуриатных комициях*, никто из римлян не осмелился посягнуть на право курий вручать консулам высшую власть специальным куриатным законом об империи.

Римские имена

Римские имена были не похожи на современные. Они состояли из двух, а впоследствии и из трех частей. Главным, а в глубокой древности и единственным, было родовое имя. Оно так и называлось — *помен* и означало принадлежность человека к самому важному для него коллективу людей — роду. Оно всегда оканчивалось на «-ий», что означало «из таких-то»: Ацилий, Гораций, Квинций, Кальпурний, Лициний, Манлий, Сульпиций, Фабий и т.д. Самыми знаменитыми и знатнейшими в Риме были роды Аврелиев, Эмилиев, Валериев, Клавдиев, Корнелиев и Юлиев.

Лишь когда ребенок подрастал, ему лет в 10—11 давали личное имя — *граепомен* (дословно «предымя»). Оно служило лишь для различения мальчиков внутри одного рода или семьи и не блистало разнообразием. Нередко одно и то же личное имя передавалось из поколения в поколение, а иные имена имели хождение только в пределах одного единственного рода (например, Мамерк, Спурий или Маний, а имя Аппий было наследственным в роду Клавдиев). Всего употреблялось не более семнадцати личных имен. Наиболее распространенными из них в эпоху Республики были Авл, Гай, Гней, Луций, Марк, Публий, Тиберий и Тит. Высокая детская смертность понуждала отмечать выживших детей простыми числительными в виде личных имен: Квинт («Пятый»), Секст («Шестой») и Децим («Десятый»). Девочкам личных имен не давали; они носили только родовое имя, а если дочерей в семье было несколько, то для определения старшинства их определяли как Майор («Старшая»), Минор («Младшая»), Секунда («Вторая») и Терца («Третья»).

Но постепенно роды разрастались, как ветви дерева, из их состава стали выделяться семьи (фамилии). Возникла необходимость как-то различать представителей разных ветвей рода. Выход был найден в почетных прозвищах — *согномен* (последнее). Его получал основатель нового рода, и со временем оно закреплялось за его потомками, более всего напоминая привычную нам фамилию, т.е. отличительное обозначение членов той или иной семьи.

Так, первый римский консул Публий Валерий в конце VI в. до н.э. заслужил прозвище Попликола («Любимец народа»), и оно перешло к его потомкам. Позднее из рода Валериев выделились и другие ветви: Валерии Мессалы, Корвы, Левины, По-

титы, Флакки. Анциаты. К тому же роду юридически принадлежали историк Валерий Максим, поэт Катулл, создатель эпиграмм Марциал. Род Клавдиев прославился не только тремя поколениями ревностных гонителей плебеев Аппиев Клавдиев, но и цензором-реформатором Аппием Клавдием Цеком (Слепцом), полководцами и государственными деятелями из фамилий Клавдиев Марцеллов, Крассов, Пульхров: из Клавдиев Друзов Неронов вышли императоры Тиберий, Клавдий и Калигула. Особенно ветвистым был старинный патрицианский род Корнелиев: он дал Риму полководцев Сципиона и Корнелия Косса, диктатора Суллу и консула Цинну, сенатора Сципиона Назику и историков Непота и Тацита.

Впрочем, человек мог заслужить и свое собственное прозвище — то ли по черте внешности или характера, то ли по выдающемуся деянию во славу отечества. Тогда оно добавлялось к фамильному прозвищу в качестве четвертого имени. К примеру, победитель Ганнибала Корнелий Сципион получил почетное прозвище «Африканский», а тоже Корнелий Сципион, но из боковой ветви, передал своим детям дополнительное прозвище «Назика» (Носатый). В III в. до н.э. один из Сципионов привел на Форум в виде судебного залога ослицу, груженую золотом, и получил за это прозвище «Азина» (Ослица). У некоторых же родов вообще никогда не было прозвищ. Назовем лишь полководца Гая Мария и триумвира Марка Антония.

Кстати, само прозвище «Сципион» происходит от латинского слова «посох», так как один из членов этого рода служил своему слепому отцу поводырем вместо посоха, а Манлий Империйз заслужил прозвище из-за чрезмерной жестокости. Когномен оратора Марка Туллия Цицерон значит «горошина», а Корв — «ворон», предки Барбатов были, по-видимому «бородачами», а Крассов — «толстяками». Первый из Страбонов отличался косоглазием, а Эмилиев Павлов — маленьким ростом.

Если человека, даже вполне взрослого, усыновляли, он принимал родовое имя и прозвище усыновителя, а свое прежнее родовое имя присоединял в виде когномена с окончанием «-ан»: Корнелий Сципион Эмилиан (из рода Эмилиев) или Гай Юлий Цезарь Октавиан (из рода Октавиев, будущий император Август — кстати, это было его пятое, дополнительное имя).

Лишь человек, у которого были все три имени, мог считаться полноценным римлянином. Долгое время такой привилегией обладали только патриции, но уже с V в. до н.э. и у *плебеев* распространяются все три имени.

Патриции

Патрициями называли древнейшее население Рима, полноправных членов римской общины, объединенных в *роды* и *курии*: а именно тех, кто мог указать своих отцов (*patres*), т.е. родовых предков. Отсюда и происходит их название. Поскольку главы всех родов могли входить в сенат, то и все сородичи считались детьми «отцов»-сенаторов, хотя бы теоретически. Принятые в роды и курии чужеземцы легко становились патрициями. Скажем, род знатного сабинянина Атта Клавза, переселившегося в начале V в. до н.э. в Рим, был принят в курию и получил землю в паге Клавдия. А сам глава рода под именем Аппий Клавдий был избран в сенат и стал основателем патрицианского рода Клавдиев.

Патриции обладали правом коллективно пользоваться землями родов и курий, а также *общественным полем*. Они участвовали в *куриатных комициях* и несли службу в куриатном военном ополчении и коннице. После того как с VI в. до н.э. в римскую общину и войско были приняты *плебеи*, патриции стали частью нового римского гражданства, но частью привилегированной, в качестве коренных граждан, носителей древних родовых и религиозных традиций, наделенных якобы особой божественной благодатью.

Только патриции могли совершать важнейшие для суеверных римлян священные общественные обряды и птицегадания (*ауспиции*). Поэтому в первое столетие Республики консулами или диктаторами избирались исключительно патриции. Они вдобавок сохранили за собой право формировать Сенат. Но постепенно в связи с распадом родовых отношений и успехами плебеев в борьбе за равные права роль патрициев в управлении государством неуклонно падала, и в эпоху Поздней республики слово «патриций» употребляли лишь для того, чтобы подчеркнуть принадлежность человека к наиболее древнему и уважаемому роду.

Брак и свадебные обряды римлян

Вступление в брак — важнейшее событие в жизни каждого человека. Создавая семью, человек обретал самостоятельность и самодостаточность. Воспитывая детей, он продолжал свой род в новых поколениях и выполнял высшую общественную функ-

цию человека, укрепляя общество и государство. И римляне именно в этом видели предназначение брака. А потому важное значение придавалось и всем сторонам вступления в брак, прежде всего свадьбе. Практически у всех народов свадьба выходит за рамки личного дела двух людей и рассматривается как общественное явление, которое затрагивает интересы и судьбы целого коллектива — родственников, которые отныне вступают в иные отношения с людьми, ранее им чужими, соседей и всех окружающих жителей, рядом с которыми возникает новая семья. И все это многообразие личных, родовых, общественных и даже имущественных связей преломляется и воплощается в одном из самых радостных, красочных, пронизанных глубоким внутренним высшим смыслом и религиозными представлениями обрядов — свадебных церемониях.

Римляне придавали этим церемониям особое значение и сакральный смысл, который отражал их подход к самому браку и положению в нем женщины. Как говорили сами древние: грек женится, чтобы иметь законных детей и хозяйку в доме; римлянин — чтобы иметь подругу и соучастницу всей жизни, в которой отныне жизни обоих сольются в единое нераздельное целое.

Римское право признавало две формы заключения брачного союза. В соответствии с одной из них девушка переходила из-под власти отца или заменявшего его опекуна под власть мужа, и ее принимали в семью супруга по обычаю *conventio in manum* («переход под власть супруга»). В ином случае она оставалась под властью своего отца, основой брака было просто обоюдное согласие на совместное проживание без особых юридических процедур (*sine conventionione in manu*). И хотя с I в. до н.э. последняя форма стала вытеснять все другие, наиболее полноценным считался все же первый способ. Но он также имел различные религиозно-правовые формы, в которых мог быть совершен обряд бракосочетания.

Древнейшим видом брака была *confarreatio* (букв. «совершение обряда с полбенным хлебом») — наиболее торжественная и официальная форма, чаще всего использовавшаяся римлянами. Обряд совершался главным жрецом — Великим понтификом и фламином Юпитера. Во время него читались молитвы богам и совершались жертвоприношения хлебом или лепешкой из полбяной муки, которой обносили также новобрачных и гостей, обязательно было присутствие десяти свидетелей. Заключение брака в форме *confarreatio* имело и религиозный характер, так

как высшие жреческие должности были доступны только детям, рожденным супругами, сочетавшимися браком в форме конфарреации.

Другой формой брака была *coemptio* (досл. «купля»), когда девушка переходила из-под власти отца под власть мужа путем своего рода символической «продажи» невесты ее будущему супругу. Этот обряд обставлялся всеми атрибутами обычной торговой сделки. Жених-«покупатель» в присутствии пяти свидетелей ударял монетой по весам, которые держал специальный посредник при торговых сделках — весовщик, как бы уплачивая цену. Затем он брал девушку под руку и объявлял ее своей собственностью. Девушке, однако, полагалось выразить согласие на свою «продажу», иначе договор лишался силы. Обряд этот удивительно похож на известную присказку сватов во время русской помолвки: «У вас есть товар, у нас — купец!» В Риме эта форма брака стала исчезать уже в конце Республики, а последние сведения о ней относятся к эпохе правления императора Тиберия.

Наконец, бытовал и брак в форме *usus* (букв. «пользование»). Правовой основой такого вида брака было совместное проживание женщины под крышей дома супруга в течение не менее года (ср. совр. «гражданский брак»). При этом женщина не должна была провести вне дома супруга более трех ночей. После истечения этого «срока давности пользования» женщина признавалась законной женой, находившейся во «владении» мужа. Если женщине не нравился муж, она искала возможность провести несколько ночей вне дома мужа и тем самым избавиться от его притязаний. Но такая примитивная форма брака стала пережитком еще в Ранней республике, редко заключалась уже в I в. до н.э., а при Августе была формально упразднена.

Независимо от формы бракосочетания свадьбе предшествовало обручение. Но если в Греции согласие на брак от имени девушки давал только ее отец или опекун, то в Риме молодые люди обычно сами принимали решение, публично произнося взаимные брачные обеты. Каждый из них на вопрос, обещает ли он (она) вступить в брак, отвечал: «Обещаю». После совершения всех необходимых формальностей жених и невеста считались помолвленными, хотя письменно это обещание никак не скреплялось. Обручение, или сговор, было тихим домашним праздником, на который приглашались только родные и друзья. Жених вручал будущей жене монету как символ заключенного между

их родителями свадебного соглашения или железное кольцо, которое невеста носила на безымянном пальце левой руки. Золотое кольцо вошло в обиход довольно поздно. К вечеру устраивали пир для друзей обеих семей и гости подносили молодым «спонсалии» — подарки на обручение. Если одна из сторон решала расторгнуть договор, она должна была уплатить особую пеню.

Свадебные обряды были связаны с культом богов — покровителей земли и ее плодов, поэтому важное значение имел выбор сроков свадьбы: самым удачным временем для вступления в брак считалась вторая половина июня, а также период сбора урожая, когда покровительствующие земледельцам божества особенно благожелательны к людям и одаривают их щедрыми плодами земли. Неблагоприятны были весь март, посвященный богу войны Марсу, май, когда справлялись дни поминовения мертвых Лемурии, а духи усопших выходили из-под земли, и первая половина июня, занятая работами по наведению порядка и чистоты в храме Весты. Запретными были и дни поминовения умерших — римляне верили, что в этот день открывается ход между миром живых и миром мертвых.

Накануне свадьбы невеста приносила в жертву богам Ларам свои детские игрушки и одежду, которую она носила в девичестве. В торжественный день ее обряжали в простую длинную тунику прямого покроя, которая была стянута белым шерстяным поясом, завязанным сложным «геркулесовым узлом». Волосы расчесывали на шесть прядей, в которые вплетали шерстяные нити, и косами укладывали вокруг головы. Лицо невесты прикрывала короткая фата красно-золотого или шафранного цвета и венки из цветов, собранных ею собственноручно (обычно вербена или майоран). Поэтому невеста в Риме называлась «нупта» («укрытая покрывалом»). На тунику надевалась *палла* такого же яркого цвета, что и покрывало. Наряд жениха не отличался от его повседневной одежды — *тоги*. Со временем утвердился обычай украшать голову миртовым или лавровым венком.

Любое торжество в Риме начиналось с гаданий — *ауспиций* и жертвоприношений богиням Теллус и Церере, дарующим щедрые урожаи. Позднее к ним присоединилась богиня, покровительница семьи Юнона. Невесту к жениху и гостям выводила «пронуба» — своего рода сваха, или посаженная мать. Это была почтенная женщина, обязательно состоявшая в одном браке. Она помогала невесте при гадании и соединяла руки невесты и

жениха в знак взаимной верности. Если гадания оказывались благоприятными, новобрачная сама совершала жертвоприношения, принимая на себя тем самым роль жрицы домашнего очага в доме мужа. Иногда молодые усаживались в специальные кресла, поставленные рядом и покрытые шкурами жертвенного животного, а потом обходили вокруг алтаря; впереди несли корзину с предметами культа. Затем десять свидетелей подписывали брачный контракт на табличках, в котором определялось приданое жены. После окончания религиозных церемоний начинался свадебный пир, сначала в доме родителей невесты, затем — в доме молодоженов. Пир затягивался допоздна и в знатных семьях нередко отличался роскошью. Император Август даже установил законом норму трат на свадебное угощение: тысячу сестерциев. За столом обязательно подавали особые пирожные, которые гости уносили с собой.

После пиршества наступала вторая часть торжества — *deductio*, проводы новобрачной в дом ее мужа. В память о традиции, когда невесту просто похищали (вспомним похищение сабинянок при Ромуле), невеста должна была сопротивляться, вырываться и плакать. Но пронуба вырывала ее из объятий матери и передавала мужу. пышную процессию открывал мальчик, который нес факел из прутьев терновника, или боярышника. Считалось, что злые силы не смеют подступить к этому дереву. Этот мальчик должен был быть из семьи, где оба родителя были живы — римляне старательно избегали участия в церемониях в той или иной мере «нечистых» (морально), или «несчастливых» людей, чтобы их внутренняя ущербность не перешла на новобрачных. За мальчиком шествовала новобрачная, ее вели под руки двое других мальчиков — тоже не сироты; за ними несли символы домашнего труда: льняную кудель и веретено с прялкой. Далее шли родственники, друзья, знакомые и незнакомые. Свадебный кортеж сопровождали флейтисты и певцы, звучали свадебные песни и шуточные куплеты (*фесценнины*). По пути участников процессии осыпали орехами в знак того, что жених вступает теперь во взрослую жизнь и кончает с детскими забавами. Но правильное сказать, что орехи символизировали плодородие, и их обилие должно было обеспечить новой семье обильное потомство. Вспомним аналогичные обряды у других народов: молодых осыпали тем злаком, который был наиболее распространен — рисом, просом и т.п.

На пороге нового дома новобрачную ждал ее муж, встречавший ее ритуальным приветствием. На это невеста отвечала зна-

менитой формулой: «Где ты, Гай, там и я, Гайя». По представлениям древних, в этой формуле выражалась идея неразделимости супругов. Затем новобрачная смазывала двери дома, куда она входила как будущая мать семейства, жиром кабана — животного, посвященного Церере, или волка — жертвенного зверя Марса, и украшала дверной проем цветными лентами из шерсти. Это должно было обеспечить благосклонность Ларов новой семье. Молодую переносили через порог на руках, чтобы она не споткнулась (дурной знак!). Муж принимал ее «водой и огнем»: обрызгивал водой из домашнего колодца и подавал ей факел, зажженный от домашнего очага. Этим обрядом молодая жена приобщалась к новой семье и ее святыням.

Наконец, пронуба вводила молодую жену в атрий ее будущего дома, где стояло супружеское ложе, находившееся под опекой божественного гения-покровителя семьи; к нему и обращала новобрачная свои моления даровать ей защиту и помощь, здоровье и благополучное потомство.

Наутро гости собирались вновь в доме молодоженов на пирушку после большого застолья. В их присутствии жена совершала жертвоприношение на домашнем алтаре, принимала гостей, угошала их и даже усаживалась за прялку, дабы показать, что она уже приступила к обязанностям хозяйки дома. Существовали и местные вариации свадебных обычаев. Например, отправляясь в дом мужа, новобрачная должна была иметь при себе три медные монеты: звоном одной из них она в пути заручалась помощью местных богов, другую отдавала мужу (возможно, как символ «купли» жены), а третью монету приносила в жертву Ларам.

Но учтем, что все эти торжественные обряды, которые происходили при большом стечении народа, совершались только при первом вступлении женщины в брак. При вторичном заключении брака вдова или разведенная женщина ограничивалась только принесением взаимного брачного обета, нередко даже без свидетелей. Но в целом свадебные и брачные обычаи сохранялись у римлян в течение долгих столетий.

Клиенты и патроны

С древнейших времен в Риме складывается институт клиентов. Обедневшие сородичи, разорившиеся земледельцы или пришлые люди, лишенные поддержки своих родов, искали помощи у состоятельных и влиятельных патрицианских родов, ко-

которые становились их покровителями — патронами. Такие клиенты (что значит «послушные, зависимые») вступали в род патрона, принимали его родовое имя и получали надел земли и помощь в случае нужды. Зависимые лично от патрона клиенты составляли часть патрицианской родовой организации.

Главным занятием клиента была работа на полях патрона, в чем-то сходная с трудом крепостных крестьян. Чем больше было у патриция клиентов, тем влиятельнее и могущественнее считался его род. Клиент обязан был выступать в поход вместе с патроном в его отряде и выкупать его из плена. В ответ и патрон обязан был позаботиться о судьбе плененного клиента, а также защищать его в суде. Клиенты участвовали в куриатных комициях, голосуя вместе с родом патрона и по его приказу. В суде клиент не мог свидетельствовать против патрона, а в случае, если он умирал бездетным, его имущество наследовал род патрона. Узы между клиентом и патроном считались священными и разорвать их могла только смерть.

С разложением родовых отношений происходят коренные изменения в судьбе прежних родовых клиентов. Они в массе своей освобождаются от личной зависимости и переходят в разряд *плебеев*. А их место в хозяйстве знати все больше занимают рабы. Однако в эпоху Республики название «клиент» сохраняется, но так именуют уже любого человека, который домогается покровительства влиятельного богача и аристократа. «Новый» клиент, а это обычно мелкий ремесленник, вольноотпущенник или просто неимущий бедняк-горожанин (*люмпен-пролетарий*), выполнял для своего патрона различные поручения, оказывал всевозможные услуги, служил ему свитой при выходах в свет, повышая его престиж и получая взамен ежедневное подавание на пропитание, покровительство в делах и защиту в суде.

Древнейший Сенат

По преданию, римский Сенат из ста человек учредил Ромул. Впоследствии число его членов было увеличено до трехсот человек, что соответствует тремстам римским родам. Само слово «сенат» происходит от *senex* — «старик». Изначально Сенат состоял из старейшин родов. Но в Сенате были представлены не все роды, а только наиболее знатные. Кроме них в Сенат входили начальники пагов и курий (курионы). Члены Сената назывались «отцами» (*patres*). Таким образом, Сенат по своей сути был

органом родового общества. Он ведал всеми вопросами жизни римской общины, распоряжался общественной землей, определял внешнюю политику, занимался финансами и продовольствием.

Все решения куриатных комиций обязаны были получить одобрение Сената, в этом проявлялась «власть отцов» (*auctoritas patrum*). Сенаторы же были хранителями отеческих традиций и советниками царей. После смерти царя верховная власть в общине переходила к Сенату, пока *интеррексы* не представляли народу кандидатуру на царский престол.

На протяжении царской эпохи отношения между царями и «отцами» складывались напряженно. Тарквиний Гордый даже обрушил на сенаторов настоящие репрессии, предав многих из них смерти. Но истребить этот важнейший орган управления римской общиной не удавалось никому.

Царская власть

Почти три столетия во главе римской общины стоял царь (*rex*). Однако он имел мало общего с царями Средних веков и Нового времени. Во-первых, его власть не передавалась по наследству. После смерти прежнего царя нового избирал весь римский народ квиритов на куриатных комициях. Там же ему вручали право осуществлять высшую власть (*империй*). Царями могли стать не только римляне, но и пришельцы из других земель. Так, Нума Помпилий был родом сабинянин, а Тарквиний Древний — выходцем из Этрурии.

Однако есть сведения, что в древнейшие времена претендент на царскую власть добывал себе ее, вступая в поединок с действующим царем; победитель получал золотой венец по праву сильнейшего. Не случайно римские авторы отмечают, что смерть многих царей была насильственной, подчас от рук преемников, как например, Анка Марция, Тарквиния Древнего и Сервия Туллия.

Цари изначально были военными вождями, верховными жрецами и судьями. Они возглавляли военное ополчение общины, совершали жертвоприношения богам Марсу, Юпитеру и другим за благополучие и процветание общины. Цари считались верховными жрецами *авгурами*, и в их жилище Регии хранились священный «авгурский» жезл и небесные щиты «анцилии». Но в своей власти они были ограничены сенатом, с которым многие цари находились в натянутых отношениях и даже вступали

в соперничество из-за влияния на обшинников. Своей опорой цари стремились сделать войско, что далеко не всегда удавалось, ибо войско комплектовалось из членов курий. В противовес цари усиливали роль конницы, которую выставляли трибы, или окружали себя отрядами телохранителей (*целерами*).

Из толпы соплеменников царь сразу выделялся своей трабеей, золотой короной в виде венка из дубовых листьев, скипетром, увенчанным орлом — священной птицей грозного Юпитера. Трабеей назывался плащ алого цвета, окаймленный пурпуром и скрепленный на плече брошью. Издревле трабея служила знаком высшего отличия царей как верховных жрецов и авгуров и имела священное значение. По мнению древних, существовало три рода трабей: одна, целиком из пурпура, была посвящена богам, другая, тоже пурпурная, но с окаймлением белого цвета, принадлежала царям, третья, пурпурно-алая — авгурам.

На людях царь восседал в кресле из слоновой кости на небольших колесиках, так называемом курульном кресле. Оно было заимствовано римлянами из Этрурии и по форме восходило к колеснице. Впереди царя, внушая народу страх и карая виновных, шли служители-*ликторы* с пучками прутьев, в которые были вложены боевые топоры. Однако эти символы царской власти пришли к римлянам не сразу, а лишь с утверждением на престоле в конце VII в. до н.э. царей из «этрuscoй династии», которые пытались усилить свою власть и сделать ее наследственной. Но это вызвало недовольство патрициев и привело к свержению царского образа правления. Однако и в эпоху Республики жреческие функции царей оказались ничем незаменимыми, и римлянам пришлось учреждать должность специального «царя священнодействий».

Целеры

Тит Ливий сообщает, что Ромул, став царем, окружил себя отрядом телохранителей числом триста человек и назвал их целерами (от *celeres* — «быстрый»). Они всегда были при нем и на войне, и в мирное время. Некоторые ученые отождествляют их с римской конницей, что ничем не подтверждается кроме совпадения их численности. На самом деле всадники были отрядами родовых *триб*, а целеров Ромул набирал по *куриям*. Всадники сражались на лошадях, а целеры — как в конном, так и в пешем строю. «Быстрыми» же их прозвали за расторопность в выполнении поручений, а не за езду на лошадях.

Отряд целеров был создан Ромулом, чтобы усилить свою власть и создать себе надежную опору среди сородичей. Не без основания Ро-

мул опасался и противодействия своим широким замыслам со стороны сената. Недаром после его таинственной гибели отряд целеров был распущен Нумой Помпилием. Осталась, однако, должность их начальника — трибуна целеров, который превратился в помощника царя и стал выполнять важные жреческие обязанности.

РИМСКИЕ ЦАРИ

История царей была предметом гордости римлян. Она заменяла им мифологию, подобную греческой. Не умея объяснить подлинные причины происхождения тех или иных учреждений и обычаев, римляне приписывали их деятельности того или иного царя. Это обстоятельство давно вызывало критическое отношение историков к ранним событиям римской истории. Особенно беспощаден был итальянский историк начала XX в. Этторе Пайс. Он начисто отвергал любое правдоподобие известий древних писателей о семи римских царях, считая эти рассказы чистым вымыслом, мифами. А в рассказах источников он усматривал отражение событий поздней римской истории. Однако развитие в XX в. археологии и других исторических дисциплин убедительно подтвердило достоверность многих сведений древних авторов, несмотря на ряд фантастических деталей, и позволило по-новому взглянуть на ранний период истории Рима.

Конечно, твердо установленный факт сооружения, к примеру, Большой клоаки в VI в. до н.э. еще не дает нам уверенности, что ее строил действительно царь Тарквиний Гордый, как об этом возвещают римские писатели. Тем не менее, почему мы не должны им верить? Поэтому в настоящее время в исторической науке утвердилось разумно доверительное отношение к источникам: им можно доверять, если не доказано обратное. И не важно, что половина сказаний о римских царях вымышлена поздними писателями. В этих вымыслах сквозят отголоски реальных событий, древние обряды и установления. В целом история царей все больше обретает плоть и кровь, наполняя туманные истоки Рима дыханием живой жизни, страстей и свершений.

Ромул — закон и порядок

Согласно римской традиции первый царь Рима **Ромул** правил с 753 по 717 г. до н.э. Мы можем уверенно говорить лишь об «эпохе Ромула». Тогда начинается превращение Рима в го-

род, а его населения в единую общину. Ромулу приписывали разделение жителей на патрициев и плебеев, учреждение сената и народного ополчения из трех тысяч человек, названного легионом, а также создание постоянной конницы, состоявшей из трех центурий по сто человек в каждой. Их выставляли древние родовые трибы, по ним центурии всадников и назывались Тициями, Рамнами и Луцерами. Впоследствии состав каждой центурии перевалил за триста человек. Ромул был царем-жрецом. Сам город он основал, сообразуясь с наукой *авгуров* и совершал богам торжественные жертвоприношения. Так, он посвятил Юпитеру снятые им с убитого на поединке вождя доспехи и основал по данному им в бою обету храм Юпитера Остановителя.

Ромул рисуется в источниках воинственным царем. Во главе победоносного войска он неоднократно разорял земли соседних народов: вейян, фиденян, сабинян и латинов. «Его трудами, — пишет Тит Ливий, — город стал так силен, что на протяжении последующих сорока лет мог пользоваться прочным миром». Наибольшее расположение Ромул снискал у простонародья, у рядовых общинников, а воинам был гораздо более по сердцу, чем «отцам»-сенаторам.

Кончина его была внезапна и таинственна. Сенаторы убеждали народ, что Ромул был вознесен на небо как сын бога Марса и сам стал богом. Но росла и крепла молва, что на самом деле великий царь был растерзан руками сенаторов, невзлюбивших его за гордый нрав и нежелание делиться властью с родовыми владыками. Недаром после его смерти сенаторы никак не желали упускать власть из своих рук и целый год препятствовали избранию нового царя, пока к этому их не принудил народ и прежде всего войско. Как бы то ни было, после смерти Ромул был обожествлен под именем бога Квирина, ставшего покровителем Рима, а сами римляне стали называться квиритами, чтобы подчеркнуть свое происхождение от Ромула-Квирина.

Праздник «Поплифугий»

Название праздника переводится как «Бегство народа» и считается воспоминанием о том, как народ стал изумленным свидетелем бесследного исчезновения с Форума Ромула. Испуганный народ метался по всем уголкам в поисках царя, пока сенаторы не объявили, что он был вознесен на небо. Однако знаток древних обычаев Варрон отвергает эту трогательную легенду и связывает происхождение названия с бегством

римлян из города во время страшного нашествия галлов в 390 г. до н.э. О достоверности и того и другого объяснения судить трудно, но праздник отмечался римлянами долгое время как архаический ритуал.

Нума Помпилий — религия и право

Второй римский царь Нума Помпилий был родом из сабинского города Куры. Правил он примерно в 716—673 гг. до н.э., или сорок три года. Именно ему римляне приписывали создание законодательства, учреждение специальных коллегий жрецов для отправления культа различных божеств. Приверженец мира, Нума заключил договоры о мире со всеми соседями и выстроил храм Януса, чьи открытые ворота означали войну, а закрытые — установление мира. При нем ворота были всегда закрыты. Нуме потомки приписывали и учреждение множества священнодействий, например, *Аргейских*.

Будучи по натуре хитроумным, Нума подкреплял свои нововведения волей богов, по наущению которых он якобы и действовал. А чтобы уничтожить сомнения и сломить сопротивление, он объявил себя супругом ни много ни мало нимфы Эгерии, регулярно отправляясь на свидания с ней в уединенную рощу, посвященную Каменам. Таким образом, в римских преданиях о Нуме нашли отражение длительные процессы складывания религии римлян и их духовно-нравственных устоев.

Одним из важнейших дел Нумы стало составление календаря. Ему приписывали разделение года на 12 месяцев в соответствии с ходом Луны и определение благоприятных и неблагоприятных для занятий делами с точки зрения знамений дней. А так как в лунном календаре нет тридцати дней, то он вставлял через каждые несколько лет добавочные месяцы. Упорядочение календаря имело огромное значение не только для религиозных нужд, но и для земледелия. Недаром римляне придавали календарю божественное происхождение. Он определял дни религиозных празднеств, молитв и сельскохозяйственных занятий. Римляне пользовались им семь столетий вплоть до реформы календаря Юлием Цезарем.

Тулл Гостилий — война и слава

После смерти Нумы народ избрал царем Тулла Гостилия, внука прославленного бойца с сабинянами еще во времена Ромула. Римская традиция наградила его неистребимой воинст-

венностью, превосходящей даже Ромула. Он правил, по преданию, в 672—640 гг. до н.э. и всюду искал повода к войне, полагая, что в покое государство дряхлеет. На него перенесли римляне воспоминания о славных сражениях и победах, возвеличивших славу Рима силой оружия. Сколько из этих побед в действительности совершил Тулл Гостилий, мы никогда с уверенностью не скажем, да и нет в этом надобности.

Неоднократно воевал Тулл Гостилий с городом Альба-Лонга, праматерью самого Рима и главного города латинов в то время. В рассказах об этих войнах сквозит память о древнем соперничестве Рима и Альба-Лонги за гегемонию среди латинов. Исход первой войны был решен, по преданию, поединком братьев *Горациев* из Рима с братьями *Куриациями* из Альба-Лонги. Победа Горациев принесла мир, заключенный с помощью специально учрежденных жрецов-послов *фециалов*. В союзе с альбанским войском, возглавляемым вождем Меттием Фуфетием, римляне выступили против фиденян. Коварный Меттий предал Тулла Гостилия и увел войско в сторону, когда вражеская конница прорвала строй римлян. Лишь отчаянной хитростью удалось Туллу внушить воинам, что альбанцы по его приказу обходят врага сзади. После сокрушительной победы римлян Меттий Фуфетий поспешил присоединиться к победителю. Но терпенье Тулла истощилось. На общей сходке для жертвоприношения центурионы хватают двоедушного Меттия и, привязав к двум упряжкам колесниц, разрывают на части.

После жестокой расправы с вождем альбанцев римляне захватывают без боя Альба-Лонгу и силой переселяют его жителей в Рим, а сам город разрушают до основания. Так Рим становится преемником Альба-Лонги, объединив оба народа. (Кстати, раскопки археологов выявили следы разрушения Альба-Лонги в VII в. до н.э.) Население Рима удваивается, побежденные принимаются в римские курии и войско. Они пополняют конницу и сенат. Старейшин из альбанских родов Юлиев, Сервилиев, Куриациев (как мы помним, соперников римских Горациев), Клелиев и ряд других царь включил в число сенаторов.

Слава и могущество Рима при нем многократно возрастают. По преданию, впервые специальное здание для заседаний сената было выстроено царем Туллом Гостилием и освящено по обряду *авгуров*. Поэтому его обозначали как храм (*templum*). За ним закрепилось название Гостилиева курия, ибо Сенат состоял из глав родов и курий. Но видимо она была сооружена лишь

в VI—V вв. до н.э. представителями рода Гостилиев. Она многократно перестраивалась и просуществовала до 52 г. до н.э., когда сгорела во время беспорядков в Риме. На смену ей пришла возведенная по приказу Цезаря Юлиева курия.

Кончину Тулла Гостилия легенды рисуют весьма драматически. На вершине славы на Рим обрушилось моровое поветрие, которое сломило дух и силы могучего царя. Свирепый нрав уступил место богобоязненности. Царь отдался тайным священнодействиям Юпитеру, но разгневал бога неверным соблюдением обряда и погиб, пораженный молнией.

Легенда о Горациях и Куриациях

Во время войны римлян с Альба-Лонгой вожди согласились решить дело единоборством. Римляне выставили трех братьев-близнецов Горациев. Противниками оказались также три брата-близнеца Куриация. В ожесточенной схватке погибли двое из Горациев. Оставшийся в живых прибег к хитрости: притворным бегством он принудил раненых противников отделиться друг от друга и сумел поразить их поодиночке. Война была закончена миром, а победитель Гораций впереди войска вернулся в Рим, неся трофейные доспехи побежденных. При входе в город его встретила сестра, невеста одного из Куриациев. Узнав на плечах брата плащ своего жениха, вытканый ею самою, она выпускает волосы и с громким плачем выкликает имя суженого.

Свирепую душу Горация, по выражению Тита Ливия, возмутило поведение сестры, омрачившей его победу и опозорившей род оплакиванием врага. В гневе он пронзает сестру мечом. Но римляне сочли этот поступок черным делом, и по закону Горация как сестроубийцу приговорили к смерти. Лишь обращение осужденного к Народному собранию спасло ему жизнь — в глазах народа его подвиг перевесил преступление. Но чтобы искупить скверну убийства, отцу Горация поручили провести священное очищение. Для этого он перекинул через улицу брус и заставил сына с покрытой головой пройти под ним, словно под позорным ярмом. Знак сохранился в веках под именем «Сестрин брус» (*Sororium tigillum*) на месте, где несчастная сестра пала мертвой. Под ним с тех пор проходили возвращавшиеся из военного похода воины, чтобы очиститься от крови врагов.

Анк Марций — мир и строительство

В последнем царе латинского происхождения **Анке Марции**, правившем в 640—616 гг. до н.э., память римлян воплотила образ идеального правителя, силой оружия и властью законов за-

вершившего начинания Ромула и Нумы. Он установил правила объявления и ведения войны (право *фециалов*). Нанеся поражения взбунтовавшимся соседям, он переселил в Рим жителей множества латинских городков, выделив им место на Авентине и в долине Мурции близ него. Но при этом он не включил их в курии и трибы. Огромный приток населения, лишенного полных прав, положил начало образованию прослойки *плебеев*. И в дальнейшем Авентин всегда был оплотом плебса.

При Анке Марции начинается строительство новых стен. Через Тибр был перекинут деревянный, без единого гвоздя, Свайный мост, соединивший город с поселением на холме Яникул на правом берегу реки. В центре города на месте каменоломен неподалеку от Форума возводится Мамертинская тюрьма, или Карцер. В ознаменование военных успехов строится храм Юпитера Феретрия. Власть римлян распространяется вплоть до устья Тибра, где был основан город Остия и начали добывать соль — важнейший пищевой продукт в древности и залог процветания Рима на столетия вперед.

Тарквиний древний — мощь и величие

Родом Тарквиний Древний был из Этрурии, из города Тарквинии, и звался сначала Лукумоном. Римская традиция рисует его отпрыском знатного грека Демарата из Коринфа, бежавшего в Этрурию из-за междоусобиц, — в общем типичный образ благородного изгнанника-принца. Трудно сказать, чего больше в этой легенде — стремления римлян доказать свое родство с культурными греками хотя бы через предков или воспоминаний о действительно оживленных связях Этрурии и Рима с Грецией в древние времена.

Вместе с женой Танаквиль Лукумон переселяется в Рим при царе *Анке Марции* и под именем Луция Тарквиния быстро занимает в нем влиятельное положение. Он и сенатор, и ближайший помощник и советчик престарелого царя, назначенный даже опекуном его повзрослевших детей. И он же сумел отстранить любимых воспитанников от престола, сам домогаясь царской власти; ведь она не переходила по наследству. За его заслуги народ избрал его царем, несмотря на иноземное происхождение.

Тарквиний Древний правил, согласно традиции, в 616—578 гг. до н.э. Он укрепил свою власть, записав в сенаторы сто своих

верных сторонников, ставших «отцами младших родов», и пополнив конницу. Он вел успешные войны с латинами и сабинянами, захватил множество городков и доставил в Рим богатую добычу, переселенцев и рабов.

При Тарквинии Древнем в Рим начинает проникать этрусские культура и традиции, в том числе заимствуются знаки царской власти. Ему приписывают проведение первых общественных празднеств с состязаниями колесниц и кулачных бойцов, приглашенных из Этрурии. Для этих целей было отведено место для зрелищ в низине между Палатином и Авентином, позднее известное как *Большой цирк*; на склонах были устроены места для сенаторов и всадников и помосты для простонародья. С этого времени римляне вели отсчет обычаю справлять ежегодно общегосударственные *Римские* (или *Великие*) *игры*.

Прославился царь и своей строительной деятельностью. При нем начато возведение новых стен города, осушены низины вокруг Форума и проложена *Великая клоака*, на Капитолии заложено основание храма *Юпитера Капитолийского*. Вещественные доказательства этой деятельности видны в Риме и сейчас. Однако судьба настигла его своей мезтью. Тарквиний Древний, по преданию, пал от рук некогда отстраненных им сыновей Анка Марция, устроивших против него заговор. Возможно, в этой драматической легенде отразилась реальная борьба за царскую власть путем поединков претендентов и победы более сильного соперника.

Танаквиль

Легенды представляют Танаквиль уроженкой Тарквиний в Этрурии из самого высокого рода, честолюбивой и предприимчивой. Выйдя замуж за Лукумона-Тарквиния, она не могла смириться с тем, что ее мужа этруски презирали как чужеземца-изгнанника, и решила покинуть отечество, только бы видеть супруга в почете. И самым подходящим местом ей показался молодой Рим, где доблесть и деятельность доставляют знатность. Ей не составило труда убедить мужа сняться с места со всем имуществом.

Древние придавали большое значение знамениям. Вот и о Тарквинии они передают следующее. На подъезде к Яникулу, холму на правом берегу Тибра, к колеснице, где восседали Лукумон и Танаквиль, спустился орел и унес с его головы шапку. Немного покружив, он вновь сбрасывает шапку аккуратно на голову Лукумона и улетает прочь. Сведущая в толковании небесных знамений Танаквиль тотчас же усматривает в этом провозвестие великой участи супруга. Ведь орел —

символ Юпитера — вновь возложил на его голову убор, словно корону от божества.

Властность, воля и хладнокровие Танаквиль в полной мере проявились после трагического убийства ее царственного супруга заговорщиками в покоях дворца. Во время поднявшейся суматохи она приказывает запереть двери от любопытствующей толпы и приготовить лекарства для лечения ран, словно царь лишь легко ранен. Но, предвидя неизбежное, она задумывается о сохранении власти, для чего призывает воспитанника Тарквиния *Сервия Туллия* и вручает ему царскую власть, требуя защиты. Более того, она из окна дворца обращается к народу с известием, что царь-де жив и скоро поправится, а пока повелевает повиноваться Сервию Туллию как его заместителю.

Тем самым ей удалось обмануть народ и выиграть время, чтобы упрочить положение свое и Сервия Туллия и обеспечить избрание его новым царем. Уловка оправдала себя. Обманутые известием, что царь остался жив, организаторы заговора, сыновья прежнего царя Анка Марция, спешно удалились в изгнание. Путь был расчищен. Когда через несколько дней объявили о смерти Тарквиния Древнего, уже ничто не помешало Сервию Туллию объявить себя царем с согласия Сената.

Сивиллины книги

Согласно легенде, к Тарквинию Древнему явилась старуха-чужестранка и предложила купить девять книг (по другой версии, три) оракулов пророчицы Сивиллы из греческого города Кумы. Когда же царь отказался, она сожгла треть книг и предложила оставшиеся по той же цене. Царь опять отказался, тем более не желая покупать меньшее количество книг за прежнюю цену, и она сожгла вторую треть книг. Удивившись ее настойчивости, Тарквиний посоветался с *авгурами* и приобрел последние три (или одну) книги за первоначальную цену. В них оказались изречения, сочиненные таким образом, что первый стих каждого изречения воспроизводился акростихом (т.е. первыми буквами строчек).

Тарквиний поручил охрану и изучение Сивиллиных оракулов двум знатым гражданам. В эпоху Республики их число дошло до десяти. Они образовали специальную коллегию жрецов священнодействий. Сивиллины книги хранились в святилище под Капитолийским храмом и сгорели при его пожаре в 83 г. до н. э. Тогда их решили восстановить, собрав сохранившиеся остатки: одни из италийских городов, другие — из города Эритры в Малой Азии, куда Сенат отправил трех послов для переписывания, а также от частных лиц.

Сами оракулы хранились в тайне и подлежали исключительно ведению жрецов священнодействий, так что даже переписывать пришедшие в ветхость записи они должны были собственной рукой. Предание гласило,

что одного жреца, Марка Ацилия, Тарквиний Гордый казнил как отцеубийцу за то, что тот позволил переписать некоторые оракулы. Таким образом, эту коллегия отличали тайные знания, в то время как деятельность *понтификов* и авгуров была доступна и не жрецам. Более того сами оракулы, видимо, не сообщались, известным становилось лишь их толкование жрецами, что позволяло использовать их в тех или иных политических интересах. Обращались к этим книгам только в исключительных обстоятельствах, в минуты смертельной опасности для государства, когда обычные меры не помогали или проявления гнева богов были особенно грозны и многочисленны.

Сервий Туллий — легенда и реальность

Пожалуй, ни один римский царь не вызывал столь противоречивых оценок, не пользовался такой популярностью и не обладал такой таинственностью, как шестой римский царь Сервий Туллий. Традиционные даты его правления — 578—534 гг. до н.э. По преданию, он был сыном пленницы-рабыни Окризии из городка Корникул. Этим объясняли его имя Сервий (от *servus* — «раб») и латинское происхождение. Иные римские авторы стремились «облагородить» его, изображая мать знатной женщиной, избавленной от рабства и взятой в царский дом, где она и родила мальчика.

Рождению его сопутствовали таинственные явления: как-то раз вдруг голова спящего ребенка запылала и так же неожиданно потухла. Супруга царя Тарквиния Древнего, мудрая Танаквиль, усмотрела в этом божественный знак, что мальчик будет светочем царского дома и уговорила мужа дать ему соответствующее воспитание. Высказывали даже мнение, что Сервий был сыном самого бога Вулкана! Но, несмотря на эти аристократические сказания, Сервий Туллий воспринимался потомками как царь-народолюбец. *Плебеи* считали его своим первым заступником и чтили его память. Легенда рассказывает, что патриции составили заговор против Сервия Туллия и убили его.

Став царем после гибели Тарквиния Древнего, Сервий Туллий успешно воевал с этрусками. При нем в Риме на Авентине, где жили плебеи, был выстроен храм Дианы, любимой общелатинской богини. Этим латины признали Рим главою латинских городов. Он окружил Рим новыми стенами, охватившими кольцом мощных укреплений новые холмы и районы города. Эти границы сохранились вплоть до I в. н.э. Рим становится настоящим городом, а Сервий из племенного вождя превращается

в царя государства. Но главным делом его жизни стала реформа римского войска и всего общественного устройства — вошедшая в историю как *центуриатная реформа*.

Главной ее особенностью стало объединение в одном войске и одном центуриатном собрании патрициев с прежде бесправными *плебеями*. Греческий историк Дионисий Галикарнасский передает, что Сервий «дал права плебеям» и даже вольноотпущенникам, заботясь об увеличении числа граждан. В центуриатной системе их права определялись не происхождением и членством в курии, а размерами имущественного состояния. Это открыло плебеям доступ в новую гражданскую общину и стало вехой на пути складывания в Риме государства. Создав новое войско вместо прежних куриатно-родовых ополчений, Сервий Туллий укрепил свою власть и принизил родовую аристократию, которая этими ополчениями командовала. А чтобы еще больше подавить ее, он перераспределил землю, наделяя ею бедняков. Еще большую популярность в народе доставило ему учреждение праздника *Сатурналий*.

Долгое время ученые отрицали возможность такого кардинального переустройства слишком примитивного общества в эпоху царей. Однако новейшие исследования начисто опровергли измышления об отсталости Рима и неразвитости в нем в VI в. до н.э. хозяйственных и политических отношений. Доказано, что в Риме процветали ремесло и сельское хозяйство, в торговом обороте находились медные деньги (*ассы*), а растущий слой земельных собственников, как и в Греции, рвавшийся за тесные рамки родовых норм, требовал для себя политического выражения. Конечно, центуриатная система складывалась постепенно, по мере усложнения общественной жизни, но начало ей положил, несомненно, шестой римский царь Сервий Туллий.

Отцеубийца Туллия

В Риме существовала так называемая «Проклятая улица». Название ее было связано с преданием о неслыханном преступлении, совершенном дочерью царя Сервия Туллия. Две дочери, и обе Туллии, были выданы отцом за внуков царя Тарквиния Древнего Луция и Аррунта. Свирепая нравом Туллия Младшая, супруга кроткого Аррунта, быстро разочаровалась в муже и потянулась к Луцию Тарквинию, видя в нем родственную душу. Заразив юного честолюбца страстным безрассудством, она подвигает его избавиться от своей жены и ее опостылевшего супруга. Так свершается первое двойное преступление — убийство сестры и брата, открывшее двери новому браку.

Помыслы «неистовой Туллии», как ее называют древние авторы, устремляются к новым преступлениям. Не удовлетворенная положением всего лишь дочери царя, она желает стать сама царицей и подстрекает Тарквиния на новое злодеяние. Тот вербует сторонников среди сенаторов, недовольных реформами Сервия, и подкупает молодежь. Наконец, во главе заговорщиков он врывается на Форум и, усевшись в царское кресло, созывает сенаторов в Курию, где всячески чернит царя, обвиняя его в рабском происхождении и ущемлении прав достойных граждан. Явившийся на шум престарелый Сервий Туллий пытался образумить наглеца, но был сброшен Тарквинием с лестницы за порог.

Посланные Туллией вдогонку преследователи добивают израненного царя у Эсквилинского холма. Вскоре с Форума домой направилась и Туллия, первая назвавшая Тарквиния царем. Неожиданно возница осадил колесницу перед телом зарезанного Сервия. Но обезумевшая дочь сама погнала колесницу прямо по телу отца и, сама окровавленная, привезла на окровавленной повозке пролитую отцовскую кровь к порогу своего дома. Древние верили, что хранители дома пенаты разгневались на столь кощунственное преступление и обрекли царствование Тарквиния Гордого на дурной конец. А улица, где Туллия переехала тело отца, так и осталась «Проклятой».

Реформа Сервия Туллия

Источники сообщают, что Сервий Туллий после длительных войн с этрусками провел обширные преобразования. Прежде всего он учредил *ценз*. В зависимости от величины имущества он разделил население, способное носить оружие, на пять цензовых разрядов (классов). Первый разряд включал тех, чье имущество оценивалось в 100 тыс. *ассов*; второй — 75 тыс. *ассов*, третий — 50 тыс., четвертый — 25 тыс. и, наконец, 5-й — 11 тыс. *ассов*. Помимо них имелись граждане, чье имущество было меньше, чем у пятого разряда, именовавшиеся пролетариями.

Каждый сервианский класс выставлял для нужд войны определенное количество центурий пехотинцев: первый класс формировал 80 центурий, со второго по четвертый — по 20, а пятый класс — 30 центурий. Кроме них, две центурии ремесленников были приданы первому классу, а две центурии горнистов и трубачей добавлены к четвертому разряду. Таким образом, включая 18 центурий всадников, всего по реформе Сервия Туллия было создано 193 центурии, по которым распределялись все граждане. Поэтому такое устройство общества получило название *центуриатной системы*.

Слово «центурия» происходит от латинского *centum* (сотня) и первоначально означало воинский отряд из ста человек. Со времени Сервия Туллия все население разделяется на центурии, численность которых была весьма произвольна. Но каждая центурия граждан выставляла для войны отряд из своих членов, набранных по спискам очередников. Кроме того, каждый разряд делился по возрастам на равное количество центурий. Граждане до 46 лет входили в центурии юниоров («младших»), а свыше этого возраста — в центурии сениоров («старших»).

Члены каждого разряда должны были носить определенное вооружение. Так, воины первого класса располагались в первых рядах войска и были вооружены панцирем, шлемом, поножами, щитом, а из наступательного оружия — копьем и мечом. Такое полное вооружение называется гоплитским. Воины второго класса уже были лишены панциря, а вместо круглого гоплитского щита (клипеус) имели на вооружении продолговатый щит (скутум). В бою традиция отводит им место во втором ряду боевых порядков. Третий разряд по сравнению со вторым не имел поножей, а четвертый носил лишь щиты, меч и два копья — длинную гасту и метательный дротик. В бою его члены занимали последнюю боевую линию. Воины же пятого разряда вооружались только пращами и метательными камнями и размещались вне строя в качестве вспомогательных войск. К этому же разряду помимо горнистов и трубачей были причислены акцензы («добавленные»). Центурии разных классов были разной величины, а центурии сениоров были малочисленнее юниоров, так как немного людей в то время доживало до старости.

Сервий Туллий также разделил Рим на территориальные *трибы*, упразднив три прежние родовые. Новое деление граждан и войска вызвало к жизни и новый тип Народного собрания не по куриям, а по центуриям — *центуриатные комиции*. Это было важно, ибо центурия была не только воинским отрядом, но и голосующей единицей.

Политический вес членов того или иного разряда в центуриатных комициях был напрямую связан с их правом-обязанностью несения военной службы в ополчении общины, регулярность которой в свою очередь определялась величиной ценза. Древние полагали, что лучший воин тот, кто владеет собственностью, ибо он заинтересован в эффективной защите ее, а значит и всей общины, поэтому он и должен получить наибольшее влияние в государстве и долю в военной добыче, в том числе и в распоряжении *общественным полем*.

Марсово поле

Такое название получила равнина к северу от Рима на берегу в излучине Тибра. Оно занимало площадь почти в 250 гектаров. Тит Ливий сообщает, что в эпоху царей этим полем владел царь-тиран Тарквиний Гордый. Но после его изгнания из Рима в 510 г. до н.э. римляне решили посвятить это поле богу Марсу. По другим сведениям, это поле и ранее было посвящено Марсу, и на нем проходили смотры римского войска перед отправлением в поход, поскольку поле находилось вне пределов померия. Такой смотр провел царь Сервий Туллий. В эпоху Республики Марсово поле служило также местом проведения *центуриатных комиций*. В V в. до н.э. в его южной части было выстроено специальное святилище. А в начале I в. н.э. император Август был с огромными почестями погребен на Марсовом поле в сооруженном для этих целей мавзолее. В Средние века мавзолей Августа был превращен в крепость «Замок Ангела», и в наши дни он возвышается на берегу Тибра.

Люстрации

Люстрациями римляне называли особый вид очистительных жертвоприношений богам. Они преследовали цель очистить людей, здания, поля или скот от всего нечистого, скверного, злого, а, главным образом, от влияния злых духов. Люстрации совершались жрецами-*авгурами* и *понтификами* перед любым важным общественным мероприятием, будь то выборы должностных лиц или устройство общественных игр. Но самыми важными были люстрации войска: оно воплощало силу и славу Рима и должно было быть свободным от грехов и скверны — иначе боги и удача отвернутся от Рима. Поэтому перед ежегодным отправлением войска в поход в конце марта устраивали обряд очищения боевых труб (тубилиюструм), а осенью по возвращении воинов из кровавых битв обязательно очищалось оружие (армилюструм).

Известно о люстрации, проведенной царем Сервием Туллем после завершения *ценза* и создания им нового, центуриатного войска. По его призыву все римские граждане, всадники и пехотинцы, явились с рассветом на Марсово поле. Там войско выстроилось по центуриям и царь принес за него очистительную жертву — кабана, барана и быка. С тех пор каждая перепись населения по цензу завершалась люстрацией римской общины.

Трубачи и горнисты

Трубачи и горнисты составили по реформе Сервия Туллия самостоятельные центурии. Главным полем их деятельности была армия. В горячке боя, среди бешеной рубки гулкие и пронзительные звуки

труб и рожков давали воинам представление о командах военачальников и надлежащих маневрах. Главным инструментом трубачей была медная труба (называвшаяся «тубой»), заимствованная у этрусков. Длина ее составляла полтора метра, а звук был резкий и пронзительный, своей мощью покрывавший гул боя. Именно тубы освящали 23 марта на празднике очищения *Тубилюструм*. Иногда их использовали в погребальных церемониях и цирковых играх.

Инструментом горнистов был боевой медный рог закругленной формы наподобие латинской буквы G. Вариантом рога была букцина, также полукруглой формы, но менее длинная. И рог, и букцина издавали звуки, более низкие и гнусавые, чем труба, и нередко применялись вместе с ней, чтобы усилить звучание для устрашения противника.

Ценз

Со времени реформы Сервия Туллия *цензом* (дословно «оценка») называлась процедура определения состояния каждого гражданина Рима. Первоначально цензы проводились время от времени, но с середины V в. до н.э., особенно после введения должности *цензоров*, цензы происходили раз в пять лет. Сначала консулы, затем цензоры проверяли по спискам имущество каждого главы семейства: количество земли, скота, рабов и прочего имущества — и оценивали его в деньгах в соответствии с рыночной стоимостью и установленными законом нормами ценза для каждого имущественного класса. После чего совершались торжественные *люстрации* и устанавливался пятилетний срок для следующего ценза.

Если гражданин богател или разорялся, его переводили в другой класс. Уклонение от ценза или предоставление неверных сведений считалось государственным преступлением и серьезно каралось. Ведь от ценза зависело, в какой категории воинов обязан служить римлянин. Благодаря цензу можно было легко и быстро набирать войска и держать народ в постоянной готовности к войне. С развитием общества менялись и нормы. Уже с II в. до н.э. устаревшие *ассы* сменяются сестерциями, возрастает и сумма, требуемая для причисления к тому или иному классу. Например, ценз всадников был установлен в 100 тысяч сестерциев, сенаторов — в 400 тысяч, а ценз для службы в легионе, наоборот, снижен до четырех тысяч ассов.

Ассы

Первоначально в качестве платы при расчетах служили быки или бараны; отсюда латинское название денег — *ресупиа* (от *ресус*, «скот»). Позднее применяли слитки необработанной меди (*aes rude*). Поэтому древнейшие римские монеты также назывались ассами. С VI в. до н.э. появляются *тяжелые ассы* (*aes grave*) весом более фунта. А с V в. до н.э. археологи находят слитки меди (обычно в сплаве с оловом) с оттисну-

тыми на них изображениями — ветки, трезубца, кабана, птицы, жезла, меча или треножника — *сигнированные ассы* (aes signatum). При необходимости их разрубали на части. По преданию, первым начал чеканить ассы царь Сервий Туллий. Современная археология подтверждает античную традицию.

Но со времени правления децемвиров стала чеканиться настоящая монета: кусочки меди весом в римский фунт (librum, 327,5 г) — *либральные ассы*. На них изображали символы Рима и богов, например, Януса. Это было громоздкое средство платежа: когда в 406 г. до н.э. сенаторы выплачивали новый налог на содержание войска, то ассы везли на повозках. Впоследствии такие ассы весили 273 грамма и делились на части: полушку, треть, четверть (квадрант), шестую часть и двенадцатую — *унцию* (27,3 г). Однако с выпуском серебряных денег стоимость ассов резко падает (как и их вес — до четырех унций, отсюда и название *третичные ассы*), и большинство из них ушло в переплавку. Поэтому их так редко находят археологи. Ассами же стали называть самые мелкие медные монеты.

Долгое время единственными римскими деньгами были медные ассы, если не считать привезенных греческих монет. Но с развитием торговли в 269 г. до н.э. римляне начали чеканить серебряные деньги — *сестерции*, равные двум с половиной третичным асам. Скоро к ним добавились *квинарии* (пять ассов) и *денарии* (10 ассов). Обилие новых денег вызвало обесценение асса в 217 г. до н.э. одной унции; сестерций состоял уже из четырех ассов, а денарий — из 16.

Собственно римскую золотую монету начал выпускать лишь Цезарь в середине I в. до н.э. Она так и названа была — *ауреус* («золотой») и стоила сто сестерциев, хотя вес ее постоянно уменьшался.

Тарквиний Гордый — тиран или благодетель?

Последний римский царь **Луций Тарквиний**, получивший прозвище «Гордый» (лат. слово *Superbus* звучит более точно: «Надменный»), заслужил у древних авторов дурную репутацию тирана, убийцы и узурпатора. Он первый начал царствовать в 534 г. до н.э., не избранный народом и не утвержденный Сенатом. За что и был изгнан из Рима в 510 г. до н.э., а вместе с ним почила и идея царской власти. Сколько правды содержится в возводимых на него обвинениях, сложно сказать. Не исключено, что мрачный образ Тарквиния призван был оправдать переворот и узаконить новый порядок правления. В то же время многие деяния Тарквиния подтверждены данными археологии.

Тарквинию ставили в вину репрессии против *патрициев* и казни наиболее знатных сенаторов, окружение себя отрядом телохранителей (значит, боялся народа!) и единоличное разбира-

тельство уголовных дел, что давало ему право ссылать людей и лишать имущества по своему усмотрению. Иначе говоря, виной его было укрепление царской власти!

Но главное преступление Тарквиния Гордого состояло в том, что он умалил достоинство и численность Сената тем, что запретил записывать в «отцы» новых членов и нарушил древний обычай советоваться во всех делах с Сенатом. Именно это вызывало ярость знатных патрицианских родов, привыкших самочинно вершить судьбы Рима. А тут еще Тарквиний Гордый развернул небывалое городское строительство, щедро расходуя на общественные работы свои средства и давая заработок неимущим беднякам и плебеям. Тем самым они избегали продажи в рабство патрициям за долги, но зато роптали на тяжесть работ, недостойных римского гражданина. При нем возводятся *храм Юпитера Капитолийского* и *Великая клоака*, прокладываются улицы и каналы.

Даже хулители Тарквиния Гордого признавали за ним военные таланты. Почти бескровно он овладел городом Габии, в Суэссе Помеции захватил огромную добычу (по некоторым сведениям, более сорока талантов золота!), которую пожертвовал на строительные работы. Он мирными средствами укрепил господство Рима над латинскими городами, отдав вождю латинов Октавию Мамилию в жены свою дочь и заключив с ними равноправный договор о создании совместного войска. Он обещал разделить с латинами захваченные на войне земли, чем опять-таки посягнул на единовластные права Сената и привилегии патрициев!

Стерпеть такое было нелегко. И вот возникает заговор патрицианской аристократии, во главе которого встают военные командиры — племянник царя по сестре *Луций Юний Брут*, родственник царя Тарквиний Коллатин и *Публий Валерий*. Организовав восстание войска, осаждавшего город Ардею, они двинулись на Рим и свергли царя с престола. Им удалось возбудить толпу рассказом о смерти *Лукреции*, обесчещенной царским сыном, и затворить перед возвратившимся царем ворота. Тарквинию, процарствовавшему 25 лет, не оставалось ничего другого, как удалиться в изгнание с сыновьями и женой Туллеей, которую с проклятиями римские матроны выгнали из царского дома.

Капитолийский храм

Самый главный из римских храмов находился на Капитолии. Он был посвящен Юпитеру Капитолийскому. Несмотря на столь высокое покровительство, храм в течение римской истории неоднократно стра-

дал от пожаров, но каждый раз восстанавливался на том же месте и по тому же древнему, освященному богами плану.

Он был заложен еще Тарквинием Древним, но достроен последним римским царем Тарквинием Гордым в конце VI в. до н.э., а освящен уже во время Республики. На Капитолии расчищается площадка, для чего сносятся старые святилища других богов, кроме бога Термина, разрушить которое не позволили *ауспиции*. Для строительства храма были приглашены зодчие и скульпторы со всей Этрурии. Царь не жалел денег на рельефы, статуи и украшения. И храм стал образцом этрусской архитектуры на римской почве. На высоком четырехугольном постаменте возносились в небо ряды стройных колонн: перед фасадом по три ряда и по одному с боков. Задняя стена оставалась глухой. Здание было очень низким, а пространство между колоннами слишком широким на взгляд ревнителя классических пропорций греческой архитектуры. Поэтому вид оно имело несколько придавленный и неуклюжий, что, правда, компенсировалось его расположением на горе.

Внутреннее помещение разделялось на три отдельные святилища. Среднее было посвящено Юпитеру. Здесь посетитель видел статую бога, представленного сидящим и с молнией в руке. Она была сделана из глины и раскрашена киноварью. На Юпитере была расписанная пальмовыми листьями тога, корона и скипетр, которые он на время *триумфов* одалживал триумфатору. Предание называет автором этой статуи Туриана из Фрегелл. Справа располагалось святилище Юноны, слева — Минервы. Все вместе боги образовывали так называемую Капитолийскую трицу. Причем это был редкий случай, когда храм посвящался сразу трем богам. Двускатная крыша храма была обита позолоченной медью. А над фронтоном возвышалась колесница, запряженная четверкой лошадей, которой правил Юпитер — ее изваял скульптор Вулка из Вей. В эпоху Поздней республики глиняная колесница была заменена бронзовой. В 83 г. до н.э. храм был сожжен неизвестными со всеми своими богатствами и восстановлен только Юлием Цезарем. Именно тогда на фронтоне появилось изображение Рима, сидящего на щитах, а перед ним — волчица, вскормившая Ромула и Рема. На коньке крыши вздымалась колесница с Юпитером, со скипетром и молниями в руках, сопровождаемым Юноной и Минервой. В эпоху Империи храм еще не раз подвергался перделкам.

Великая клоака

Окружавшие Палатин и другие холмы долины, включая позднейший *Форум*, в древности были заболочены. Поэтому римляне неоднократно пытались их осушить. Для этого они сооружали рвы и каналы, но этого оказывалось недостаточно. И вот при царе Тарквинии Гордом в VI в. до н.э. был сооружен громадный канал для отвода воды в Тибр.

Главным нововведением явилось то, что канал был подземным. Он тянулся от Форума к реке на протяжении восьмисот метров и выходил к ней в виде полукруглой арки диаметром около пяти метров. Этот грандиозный подземный тоннель представлял собой выдающийся памятник архитектуры, названный римлянами «Великой клоакой» (Cloaca maxima). Свод и стены его сложены без применения цемента из больших глыб камня, добытого у города Габии, севернее Рима. Их размеры — около двух метров в длину и метр в ширину. Точная высота туннеля неизвестна, так как уровень воды в Тибре поднялся, но в древности по нему могли плыть на лодке. По крайней мере так поступил ближайший сподвижник императора Августа Агриппа, которому была поручена перделка водосток. В царскую эпоху был сооружен и другой водосток, фундамент которого был высотой 90 см, а каменные блоки — двух с половиной метров. Впоследствии были построены и другие подземные каналы между Эсквилином, Виминалом и Квириналом; часть из них прямоком шла в Тибр, но другие вливались в Великую клоаку, которая служила накопителем для всех сточных вод Рима. Она просуществовала 2500 лет и до сих пор находится в отличном состоянии.

Регифугий

Происхождение этого обряда весьма туманно. Его можно истолковать как «Бегство царя». В нем древние видели отражение самых разных событий своей давней истории, например, бегство с Форума царя Тарквиния, который в 510 г. до н.э. был за свою жестокость изгнан народом.

Усматривали в обряде и первобытный ритуал испытания царя или претендента на царский престол «на прочность» и выносливость. Ежегодно, совершив жертвоприношения на Форуме, царь совершал ритуальный бег по Священной улице. Тем самым он доказывал свою силу и здоровье. Такие обычаи бытовали у разных народов. Ведь в личности царя или вождя люди хотели видеть сильного и здорового предводителя, который способен своей физической мощью защитить простой народ от внешних врагов и править мудро и энергично. Поэтому старые и дряхлые правители не годились для исполнения своей миссии и должны были отказываться от власти. Если же они отвергали это требование, то обязаны были в состязании с более молодым соперником доказать свое право на царский трон. Проигравшего во времена пращуров ждала печальная участь, как правило, его убивали.

Однако уже в период Республики обряд превратился в туманный пережиток. Ежегодно 24 февраля (или 24 мая) после совершения жертвоприношений при стечении народа на Комиции (специальном месте Форума) царь священнодействий бегом покидал жертвенник. Вместе с ним в этом обряде участвовали жрецы *салии*.

Легенда о Лукреции

По преданию, однажды сын царя Тарквиния Горлого Секст пировал с друзьями в военном лагере под Ардеей. Присутствовал среди них и родственник царя из города Коллация Тарквиний Коллатин. Разговор у мужчин, естественно, заходит о женщинах. Каждый нахваливает красоту и добродетель собственной жены. В пылу спора Коллатин предлагает наглядно доказать достоинства своей супруги Лукреции, неожиданно нагрянув к ней — затея опасная во все времена! Разогретые вином, юноши ночью скачут в Коллацию, где застают Лукрецию в окружении служанок за прядением шерсти. Жены же остальных собутыльников в это время сами пировали с подругами.

Красота и целомудрие Лукреции возбудили страстную похоть в душе Секста Тарквиния. Вскоре он тайком возвращается в Коллацию, с мечом в руке проникает в спальню Лукреции и силой и угрозой позорного оговора бесчестит ее. Однако дух Лукреции сломить он не мог. Она посылает за мужем и отцом, Спурнием Лукрецием. С ними приехали *Публий Валерий* и *Луций Юний Брут*. Поведав им о страшном поругании, Лукреция гордо отвергает утешения и, верная добродетели истинной римлянки, пронзает себя кинжалом.

Скорбь и негодование охватывает близких, а Брут клянется отомстить не только насильнику, но и всему его преступному роду. Тело Лукреции выносят на площадь и созывают народ, возмущенный бесчестием. С отрядом добровольцев Юний Брут прибывает в Рим, всюду «сея страх и смятенье». Там он выступил перед народом (в основном патрициями) со страстными обвинениями царя в гордыне, в давнем убийстве Сервия Туллия, в тягостных трудах плебеев, «загнанных в канавы и подземные стоки», но больше всего в чудовищном поругании Лукреции, ее ужасной гибели и скорби ее отца. При этом он ни словом не обмолвился о каких-то жестокостях Тарквиния по отношению к гражданам и сенаторам! Тем не менее Народное собрание постановило изгнать Тарквиния со всей семьей из города. Так поруганная добродетель Лукреции изменила судьбу Рима.

Легенда о Лукреции стала важным явлением в римской исторической традиции. И не имеет значения, что она, скорее всего, плод вымысла поздних римских летописцев и историков, а реальные причины свержения царской власти лежали совсем в другой стороне! Главное, она утверждала римские ценности,

прославляла высокую добродетель, гордое благородство и верность долгу римских женщин. Она как бы оттеняла чистоту помыслов вождей восстания и придавала ореол законности их действиям.

ДРЕВНЕЙШИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ, КАЛЕНДАРНЫЕ И РОДОВЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

В царский период возникают римская религия и тесно связанная с нею культура. Многие древнеримские празднества были связаны с поклонениями родоплеменным божествам и зародились в глубокой древности в VIII—VI вв. до н.э., когда римляне жили еще первобытнообщинным строем. Иные божества восходили к столь седой, еще первобытной старине с отзвуками матриархата, что их имена были неясны для римлян и обозначались просто как Добрая Богиня (*Bona Dea*), богиня Дия (*Dea Dia*), Мать Матута (*Mater Matuta*). Но они сохранялись в последующие времена благодаря консервативному характеру римской религии.

Римляне бережно относились к архаическим верованиям и пронесли сквозь века отжившие свое обряды и ритуалы, которые потеряли для них всякое практическое значение и стали непонятными и туманными им самим. Причины этого кроются в ревностном внимании римлян к внешней, обрядовой стороне религии. Ведь вся их повседневная жизнь регламентировалась тем или иным божеством или гением. Ряд божеств воплощали абстрактные силы или людские качества (богини: судьбы — Фортуна, победы — Виктория, мужества — Виртус, войны — Беллона, благочестия — Пйетас, справедливости — Фемида). Занятие земледелием требовало размежевания полей — и появляется бог межи Термин, а урожай обеспечивала богиня Опс, развитие скотоводства нуждалось в умиловивлении покровительницы пастухов и скота Палес. Все эти бесчисленные божества и силы природы, названия которых люди не знали или уже забыли, определяли каждый шаг человека, помогали или вредили ему в трудной борьбе за выживание. Поэтому их нужно было умиловивлять, просить защиты или отвращать злые чары. А для этого необходимо было, по мысли римлян, тщательно соблюдать раз и навсегда установленный ритуал, безукоризненно точно выполнять все обряды, даже если их значение и смысл оказались за давностью лет утрачены.

И звучали на торжественных празднествах при огромном стечении народа молебны и гимны безвестным богам, слова которых были неясны, и шествовали по улицам Рима, по селам и весям процессии одетых в белые тоги или старинные накидки жрецов, совершавших странные, на первый взгляд, телодвижения и жесты, и возлагались на почерневшие от времени алтари дымящиеся от крови внутренности жертвенных животных, окропленные вином и медом.

Каждый отец семейства обязан был знать молитвы и ритуальные действия, разбираться в том, когда и каким богам приносить жертвы. Поначалу эти знания передавались устно, но со временем их стали записывать как жрецы, так и римские писатели. Например, во II в. до н.э. Катон Старший в своем труде «О сельском хозяйстве» сохранил подробное описание многих культовых обрядов и сакральных формул.

Скромная и суровая жизнь тружеников долгое время не позволяла устраивать роскошные жертвоприношения, и отзывчивые родовые божества вполне удовлетворялись скромной лептой. Как писал Овидий:

Встарь, чтобы милость богов заслужить человеку, довольно
Было полбы и с ней соли блестящих крупич...
Дымом курился алтарь, довольный травой сабинской,
И, разгораясь на нем, громко потрескивал лавр.

Позднее в период расцвета Республики (III—I вв. до н.э.) жертвы становились все пышнее и кровавее — грозные и величественные боги могучего государства требовали соответствующих знаков поклонения. И даже в эпоху расцвета могущества Римской державы высшие должностные лица — консулы, а затем императоры — полагали своим святым долгом участвовать в подобных архаических церемониях и даже возглавлять их, испрашивая у богов милости и благополучия для государства и народа римского.

Первобытная вера в духов (добрые маны и злые лемуры) и бестелесные божества лесов, полей, вод (нимфы, дриады и наяды), домов (Лары, Пенаты) и хранителей человека и семьи (Гении) постепенно сменяются поклонением богам, олицетворяющим грозные или, напротив, мирные силы природы (таким как Марс, Нептун, Юпитер, Вулкан, Янус, Конс, Флора) или покровителям общины земледельцев и скотоводов (Сатурн, Фавн, Церера, Сильван, Квирин, Геркулес). В конце царской эпохи все большим влиянием пользуются боги, заимствованные из

Этрурии, как, например, Минерва, Юнона или из Лация — Диана. От этрусков же римляне переняли обычай изображения богов в виде статуй.

Многие боги проявлялись в разных ипостасях в зависимости от рода своего попечения. Так, Марс первоначально выступал в роли всемогущего бога-творца всего живого, охранителя общины (Mars Gradivus) и земледелия и лишь позднее был переосмыслен в воинственного бога-защитника римских пределов, покровителя воинов. Культ Юпитера как верховного бога сложился достаточно поздно, лишь в конце царского периода в связи со строительством Капитолийского храма Юпитеру Всеблагому Величайшему (Iuppiter Optimus Maximus). Ранее он выполнял функции бога-заступника и хранителя (Юпитер Остановитель и Консерватор) и гаранта процветания римской общины (Iuppiter Feretrius — «Несущий победу»). Нептун был издревле «лошадным» богом, покровителем всадников (Нептун Конник), и в его честь проводились конские ристания. Лишь в эпоху Республики он был отождествлен с греческим богом морей Посейдоном. Юнона (впоследствии «выданная замуж» за Юпитера) покровительствовала молодежи (Юнона Сорория) и роженицам (Юнона Луцина), так же как и Венера — первоначально хранительница семьи и потомства (даже при их переходе в мир мертвых — Венера Либитина). Любимая дочь Юпитера Минерва оказывала попечительство мирной городской жизни, ремеслам, наукам. Отождествленная с греческой Афиной, она стала ведать и делами войны.

Римские праздники были тесно связаны с календарем, отмечая смену времен года и основные занятия жителей, главным из которых было, конечно же, сельское хозяйство — только этот вид деятельности долгое время признавался римлянами достойным свободного человека и гражданина. Замечательную энциклопедию римских празднеств и верований оставил известный поэт I в. до н.э. Овидий. Он назвал ее «Фасты», так римляне обозначали государственные летописи, где были отражены важнейшие события в году: празднества занимали в них почетное место, ибо редкий день не был отмечен каким-нибудь религиозным обрядом, жертвоприношением многочисленным богам и древним духам (всего насчитывалось до 175 праздничных дней).

Наиболее торжественно справляли римляне **Новый год** сначала 1 марта, а затем 1 января. С 153 г. до н.э. это празднование стало официальным как в Риме, так и во всей Италии, а впос-

ледствии и во всей огромной Римской империи и отмечалось в каждой провинции. В этот день вступали в свою должность избираемые ежегодно консулы. В доме каждого из консулов собирались сенаторы, друзья, знакомые и клиенты. Там консулы облачались в консульскую одежду: долгое время это была тога с широкой пурпурной каймой (тога претекста), а с конца I в. до н.э. — наряд триумфатора. Затем они двумя отдельными торжественными процессиями двигались на Капитолий, где сливались в одно шествие и приносили благодарственные жертвы Юпитеру Капитолийскому. Со II в. н.э. вся процессия стала строиться по образцу триумфального шествия, еще более пышного и зрелищного. После окончания официальных церемоний устраивались пиры и приемы, римляне ходили друг к другу в гости, обменивались подарками (сначала это были фрукты и сладости, затем нередко деньги) и пожеланиями счастья, так как верили, что каким будет день Нового года, таким окажется и весь год. Недаром он был связан с богом начала и конца, входа и выхода Янусом, которому в этот день приносят жертвы.

Новый год 9 января сменяли **Агонии** — один из самых древнейших праздников (1 марта, в древнейший Новый год справляли аналогичный праздник **Агоналии** в честь Марса). Царь, а затем консул, приносил торжественную жертву Янусу. Уже древним писателям было непонятно происхождение названия и смысла самого праздника. Так, Овидий предлагает различные толкования слова «агоналия» — то ли от возгласа жреца, обнажившего нож над жертвенным животным: «Поражу ее!» (по-лат. *Agone!*); иль потому, что скот к алтарю погоняют (*agantur*):

В этом, по-моему, смысл истинный слова сокрыт.

Как бы то ни было там, но жрец верховный обязан

В жертву богам принести мужа шерстистой овцы (т.е. барана).

Очевидно, что праздник являлся по сути пастушеским. Январь был месяцем, когда скот прекращал доиться, усиливалась бескормица, болезни. Вот почему умилованием богов древний человек пытался оградить свой скот от несчастий, без потерь перезимовать и встретить зеленую весну с сохраненным стадом. Праздник этот имеет явные сабинские корни и, вероятно, пришел в Рим после объединения в VIII в. до н.э. двух общин на холмах близ Тибра.

Более или менее спокойный месяц отдохновения от сельских забот январь завершался 24 числа древнейшим праздником пагов **Паганалий** — в честь богов (в частности Теллус), которые покро-

вительствовали каждому из римских селений. По преданию, этот праздник (как и торжества Компиталий) был учрежден Сервием Туллем (VI в. до н.э.), но скорее всего он был гораздо древнее и в то же время сохранялся в народе на протяжении всей римской истории. Римляне считали землю священной, а границы земельных участков и владений каждой деревни неприкосновенными. Поэтому ежегодно 24—26 января старейшины (магистры) пагов совершали торжественные обходы границ земельных полей, сопровождая их жертвоприношениями богам, для того чтобы очистить их от скверны. Овидий призывал:

Пусть будет праздник в селе: очистите села, селяне,
Пусть ежегодный пирог каждый очаг испечет.
Матери злаков Земле и Церере в жертву несите
Полбы муку и нутро отяжелевшей свиньи.
Общее дело ведут совместно Церера с Землею:
Та зарождает плоды, эта им место дает.
Вы насыщайте селян, урожай им давая богатый,
Чтобы достойно могли вознаграждаться труды.

Праздник этот знаменовал собой завершение всех тяжелых трудов, связанных с прошлогодним урожаем, и начало подготовки к весенним полевым работам в феврале. Поэтому именно в этом месяце наиболее многочисленны были торжества, связанные с древнейшими земледельческими культами и верованиями. Кроме известного пастушеского ритуала Луперкалии (см. ниже) и празднества в честь бога лесов и полей Сельского Фавна 13 февраля (**Фавналии**), очень важным считался праздник Терминалий.

Терминалии (23 февраля) были праздником межевых камней. Древние верили, что первым разделил землю между людьми легендарный царь Нума Помпилий. Именно он, считали римляне, построил храм богу границ Термину, учредил соответствующий религиозный праздник и установил на границах земельных наделов межевые камни, посвященные этому богу, впоследствии отождествленному с Юпитером Термином. Для камня выкапывали яму, зажигали в ней очистительный огонь, затем закалывали жертвенное животное (ягненка), так чтобы его кровь стекала в яму. Затем туда же бросали плоды, лили вино и мед и только после этого устанавливали межевой камень, который украшали венком. Так об этом рассказывает Овидий:

Общего Термина тут орошают кровью ягненка
Иль сосунка свиньи, Термин и этому рад.

Попросту празднуют все, и пируют соседи все вместе.
И прославляют тебя песнями, Термин святой!
Грань ты народам, и грань городам, и великим державам,
А без тебя бы везде спорными были поля.

Дионисий Галикарнасский сообщает, что римляне почитали каждый межевой камень, как божество. Каждый год в селениях два соседа приносили на общую межу два пирога, увенчивали межевой камень или пень и сооружали алтарь, к которому крестьянка приносила в глиняной черепице огонь из очага дома, старший крестьянин зажигал костер, а ребенок бросал в него из корзины первые плоды из нового урожая. Приносить Термину кровавые жертвы вначале запрещалось. Во время праздника жреческая коллегия арвальских братьев совершала ритуал очищения границ всей римской общественной земли. Он происходил на древней границе Рима, у пятого и шестого межевых камней на дороге к городу Лавренту. Наконец, коллегия жрецов-понтификов совершала очистительные жертвоприношения от имени всего римского народа священному камню Термину, который находился на Капитолии в храме Юпитера. Несмотря на древний религиозный характер, Терминалии имели и чисто практическое значение. Частные лица проверяли перед началом нового земледельческого и военного сезона границы своих личных владений, а старейшины селений (*пагов*), арвальские братья и понтифики инспектировали общественные владения.

А чуть раньше, 17 февраля, отмечались одновременно два праздника — **Квириналии** и **Форнакалии**. Первый воздавал честь богу Квирину, от которого, по преданию, сами римляне получили прозвище квиритов. Впрочем, Овидий предлагает различные варианты происхождения этого имени:

Иль потому, что копье встарь звали сабиняне «курис»,
И по нему в небесах звался воинственный бог,
Иль что царя своего этим именем звали квириты
Или что с римской землей Куры он соединил...

Но очень рано этот бог стал отождествляться с легендарным основателем Рима царем Ромулом, вознесенным на небо. Правда, имя Квирина сабинского происхождения и гораздо древнее времени жизни самого Ромула. Но в веках сохранился главный смысл праздника: почитание в этот день отцов и предков и подтверждение их заветов — быть всегда в готовности к войне и защите своих отеческих очагов.

И не случайно в тот же день справляли так называемые Форнакалии. Они были главным праздником куриий и отмечались в честь печей, в которых сушилось зерно, перед тем как его мололи; обычно такая печь была общей для всех членов села. И вот, богиню печей Форнаку молили о том, чтоб она не выжигала зерна и не обрекала тем самым на голод сельчан. О начале церемоний объявлял верховный курион — глава всех начальников куриий. Церемония проходила на Форуме, причем место каждой курии обозначалось особыми дощечками.

В марте с 15 числа и в течение пяти дней справляли праздник **Квинкватрии**, что, собственно, и значит «Пятидневие». Первоначально он был посвящен богу Марсу, но впоследствии также богине Минерве, культ которой постепенно утверждался в Риме как культ ремесленников, людей искусства и учащейся молодежи. В первый день Квинкватрий в жертву богине приносили лепешки, маслины, возливали вино. В последующие дни устраивали выступления поэтов, чтецов, репетиции театральных представлений. Занятия в школах отменялись, и учащиеся пользовались вольными каникулами. В пору расцвета в Риме в этот день стали устраивать также соревнования в цирках и гладиаторские бои, окропляя кровью арены.

На 17 марта приходились **Либералии** — в честь Либера, бога застольного веселья, дарующего свободу. Этот бог был настолько древним и с неопределенными обязанностями, что сами римляне путались в определении его пола, почитая наряду с ним и его жену богиню Либеру. Только этим можно объяснить, почему в этот день отмечались довольно-таки несхожие по характеру обряды. Так, еще в ранние времена исконный римский бог плодородия Либер был отождествлен с заимствованным из Греции богом вина Дионисом (Вакхом). Поэтому в основном торжества были связаны с почитанием фаллоса как символа могучей производительной силы и плодородия и сопровождались неумеренными возлияниями.

В латинском городе Лавинии этому празднику был отведен целый месяц, в течение которого жители возили на повозке фаллос и ругались непристойными словами. А в Риме в дни праздника на улицах появлялись пожилые женщины с венками из плюща на головах. На переносных жаровнях они пекли пирожки весьма своеобразной эротической формы, которые предлагали купить прохожим, чтобы тут же совершить жертвоприношение Либеру. Иными словами, эти женщины выступали жрицами бога.

Но отнюдь не только вольным поведением запоминался этот день. Именно тогда особое торжество царило в семьях, где имелись сыновья, достигшие совершеннолетия (16 лет). В празднества Либералий их вносили в списки полноправных граждан. Это действо имело религиозный характер приобщения юношей к сплоченному коллективу граждан, перехода в новую возрастную категорию. Оно сопровождалось красочным обрядом, во время которого юноши при большом стечении умиленных родственников, просто народа и в присутствии должностных лиц государства меняли детскую одежду — тогу-претексту с пурпурной каймой — на гладкую белую тогу взрослых мужчин — римских граждан (так называемую «вольную тогу» — отсюда и пошел обычай приурочивать столь важное для юношества событие к чествованию вольного бога Либеры).

Весеннее солнце, все более пригревавшее землю в марте—апреле, вызывало новый всплеск земледельческих трудов, а значит и связанных с ними праздников. Ведь всякому виду сельских работ должны были предшествовать соответствующие обряды, заклинания и жертвоприношения бесчисленным богам и духам. От этого, по верованиям римлян, зависели плодородие земли, судьба урожая, успех в различных мероприятиях. Поэтому перед вспашкой нови нужно было улестить бога Вервактора, а для лучшего унавоживания почвы — Стеркулия. Севом ведал бог Инситор, а росту семян помогал уже Сатурн, цветению же покровительствовала Флора, а налитое зерно сохранял от засухи и дождей бог Конс. Сбор урожая зависел от расположения богини Цереры, которой оказывал помощь бог жатвы Мессор. Перед началом жатвы — важнейшего вида работ, от которого зависела сама жизнь земледельца, — возносили возлияния вином и воскуряли ладан Янусу, Юпитеру и Юноне, а затем закалывали в честь Цереры так называемую «преджатвенную свинью». Чтобы хлеба не оказались пораженными страшными болезнями, такими, как хлебная ржа, следовало испросить благоволения сурового бога Робига. Даже подрезать деревья или выкорчевывать пни невозможно было без жертвоприношений богам или богиням—покровителям той или иной роши.

Самым почитаемым в сельском календаре в общегосударственном масштабе было празднество **Цереалий**. Оно справлялось 12 апреля и посвящалось богине плодородия и урожая Церере. Устройством его ведали плебейские эдилы, что подчеркивает его народный земледельческий характер. В это время в честь

Цереры устраивались игры и бега в цирке, плебеи делали друг другу поларки, а самой богине в жертву приносили муку и соль — основные продукты питания, а при отсутствии таковых (голодание было нередким среди крестьян) — зажигали факелы. Кроме того, бросали зерна ладана в древние очаги в честь богини, которая была непритязательна, как и сама жизнь простого труженика, а потому удовлетворялась небольшими, но чистыми дарами. Как предупреждает Овидий:

Просит Церера себе малых, но чистых даров.
Не заколайте волов, жрецы, подоткнувши одежды:
Вол — это пахарь; колоть праздную надо свинью.
Пусть занесенный топор подъяремную шею не тронет,
Пусть скотина живет, вечно трудясь над землей!..
Белое все по душе Церере: наденьте одежды
Белые в праздник ее: темная шерсть не про нас.

Обязательно при этом возносились мольбы о вечном, столь любезном Церере мире, без которого невозможны были благополучие и достаток. Так воспевают празднество в честь Цереры знаменитый поэт Вергилий:

Прежде всего — богов почитай, годовичные жертвы
В злых лугах приноси богине, великой Церере,
Тотчас, едва лишь зима отойдет, уже ясной весною.
...Сельская вся молодежь да творит поклоненье богине.
С перебродившим вином молока замешай ты и меду,
Трижды пускай зеленыя обойдет благосклонная жертва,
Хор и товарищи пусть ее с торжеством провожают.

Празднество Цереалий повторяли и 19 апреля. В этот день на волю отпускали лисиц, к хвостам которых привязывали зажженные факелы. Бытовал даже обычай сжигать чучело лисицы — похитительницы кур.

Следующим 15 апреля был праздник **Фордицидии**. Во время него в жертву Матери Земле жрецы-понтифики приносили стельную корову. Заклание тридцати других коров происходило в куриях.

«Форлой», — поясняет Овидий, — корону зовут,
что беременна, но не телилась:
«Форла» от «ферре» — носить, так же как «фетус» — телок.
Ныне беременен скот, беременна почва песною,
А плодотворной земле плодная жертва под стать.
В храме Юпитера часть, а тридцать коров закалают
В курии: льется там кровь полным, широким ручьем.
Только лишь вынули плод из нутра материнского чрева,

А сжигать там телят поручают старшей весталке,
Чтобы народ очищать леплом в Палилиев день.

Учреждение праздника приписывалось царю Нуме Помпилию. Тогда случился страшный неурожай и бесплодие скота. По велению бога лесов и полей Фавна, «Стельной коровы приплод приносят в жертву; обилен / Стал этот год, родили щедро и скот и земля» (*Овидий. Фасты*). Этот ритуал, по верованиям римлян, должен был обеспечить им плодородие земли и скота и богатый приплод вместе с тучным урожаем.

Не успевали стихнуть вопли лисиц в Цереалии и мычание коров в Фордиции, как подходило время справлять Палилии (21 апреля). Данный праздник также был преимущественно деревенским, но отмечался и в самом Риме. По времени он совпал с годовщиной основания Рима. В этот день сельские жители приносили в жертву богине лесов и пастбищ Палес лепешки, молоко, а кроме того, пепел теленка, сожженного незадолго до этого во время обряда заклания коров, и стебли бобов. Затем в три ряда раскладывали костры и прыгали через них, лавровой ветвью разбрызгивая воду. Не удивительно, что этот веселый обряд поразительно напоминает древнерусские игры в ночь на Ивана Купалу. Кроме того, между кострами проводили стада скота, чтобы очистить их от зла и бедствий. Совершали также ритуальные очищения стойл, хлевов и конюшен, дабы уберечь их от заразных болезней.

Постепенно празднество это стало государственным, и весталки изготовляли для Палес жертву, составленную из крови принесенного в жертву Марсу коня, одержавшего победу на скачках, пепла ягненка и стеблей бобов. О значении этого обряда говорит красноречивый факт. В начале II в. н.э. император Адриан с огромной пышностью отметил праздник Палилий, совпадавший с днем основания Вечного города, и это торжество продержалось среди официальных вплоть до V в. н.э.

Сами обряды праздника впечатляют своей трогательной простотой и безыскусностью. В начале сумерек пастух села символически очищал овец от скверны. Для этого он сначала разбрызгивал воду и бороздил веткой почву. Затем он украшал овчарни листьями, ветвями, а двери их гирляндами из цветов. После этого пастух зажигал серу, чтобы ее пары обволакивали овец. Он и сам очищался огнем, для чего зажигал смолистый факел с розмарином и так называемыми «сабинскими травами», а в центр очага водружал ветвь лавра. В дар богине пастух при-

носил лепешку из ячменя и молоко; повернувшись лицом к востоку, он затем трижды молил лесную владычицу Палес охранить скот, собак, пастухов от напастей, отвратить от них голод, болезни, а от хлебов — зло, сделать скот плодовитым, простить, если скотина забрела в освященное место или в запрещенную рощу, потоптала место, где ранее горели погребальные костры, и если сам пастух допустил по неведению какое-либо бесчестие.

Но кроме земледелия и скотоводства немалую роль в древней Италии играло виноградарство. Следовало поторопиться подумать о будущем урожае винограда, а значит вслед за Палилиями наступал черед праздника **Виналий** (23 апреля). Юпитеру, дававшему в незапамятные времена латинам богатый урожай винограда, приносили в жертву внутренности собаки. Причиной такой странной на первый взгляд жертвы было то, что в это время на небосклоне всходило созвездие Гончих Псов, с появлением которого связывали судьбу будущего урожая винограда. Но чествовали тогда же и Венеру, поскольку в этот день в 212 г. до н.э. римский полководец Клавдий Марцелл захватил Сиракузы и увез в Рим из тамошнего знаменитого святилища Эрикс статую Афродиты (Венеры), следуя пророчеству Сивиллиных книг. С тех пор Виналии стали своеобразным «профессиональным» праздником всех римских куртизанок и гетер.

Не следовало также для земледельца пренебрегать и обрядами **Робигалий** (25 апреля), если он хотел, чтобы бог Робиг сохранил его посевы от засухи и болезней. Для этого фламин Квирина во главе толпы людей шествовал в священную рощу Робига, где сжигал на алтаре внутренности собаки и овцы. После чего он возносил мощному Робигу, повелителю влаги, мольбы не губить нежные стебли посевов, не мучить злаки Цереры, а вместо этого лучше грызть ржавчиной мечи и прочее вредоносное оружие, чтобы на земле утвердился мир. «Острый заступ, двузубец кирки, сошник изогнутый, Ваше время — блеснуть, время оружий — ржаветь», — передает эти мольбы Овидий.

Летом сельских празднеств почти не было, времени для этого из-за непрестанных полевых хлопот не оставалось. И только в конце августа возобновлялись торжественные обряды: 25 августа они справлялись в честь богини Опе Сеятельницы, покровительницы урожаев и жатвы. Затем наставало время **Вертумналий** (27 августа) — праздника Вертумна, бога превращений и изменений, в том числе смены времен года, как считалось, от него также зависела судьба урожаев. В октябре (13) отмечали древний

народный праздник **Фонтиналий**. Тогда чтили воду: на колодцы возлагали венки, которые затем пускали по воде, струившейся из родников.

В августе (21) и декабре (15) отмечали праздник **Консуалии**, посвященный богу убранных и спрятанных на зиму плодов и злаков Консу, на нем богу приносили в жертву первинки плодов, пахотные быки украшались венками. Праздник восходил к тому времени, когда собранный общиной урожай закладывали на хранение в общее хранилище, которое и находилось под покровительством Конса. Впоследствии Конса начали отождествлять с Нептуном, покровителем не только морской стихии, но и лошадей. Поэтому в дни Консуалий устраивались различные состязания, бега лошадей и мулов. Кстати, по преданию, именно в день устройства Консуалий римляне во главе с Ромулом похитили приглашенных на праздник женщин-сабинянок.

Примерно в эти же дни справлялись **Компиталии**. Дословно это слово означает «праздник божеств (Ларов) перекрестка». Дело в том, что перекрестки у римлян считались местом, особенно пригодным для чародейства. Именно там появлялись различные призраки, духи, которых надо было умиловать. Перекрестки были местом обитания Ларов, духов — охранителей домов и дорог. В церемониях участвовали жители одного квартала, которые сходились все вместе на перекресток улиц города или сельских троп. Допускались к ним и рабы, поскольку считалось, что служба рабов «приятна Ларам». Как и Паганалии, эти празднества сопровождались различными состязаниями на призы, плясками (иногда они проводились в масках), сельчане пели хором, при этом не брезговали обмениваться солеными шутками, вообще вели себя «распущенно», или просто раскованно, качались на качелях, веселились, так как это считалось угодным божествам земли и плодородия — Ларам, Либеру, Церере, Термину, Фавну.

Немало дней было посвящено женским праздникам, поскольку матроны в Риме занимали почетное положение в обществе и семье. Главными культами почитания женщин были, естественно, богини — покровительницы домашнего очага, семейного благополучия и верности, которым возносили молитвы за счастье в семье, здоровье детей и сохранение любви мужей.

Уже в начале года, 11 и 15 января, женщины справляли **Карменталии** — праздник пророчицы Карменты (от *carmen* — «песня»). Ее чтили как покровительницу рождения детей. В красоч-

ных религиозных обрядах молений за сыновей и за рождение девиц принимал участие верховный жрец Рима — понтифик. А это показывает, что потомству римляне придавали общегосударственное значение. В этот день запрещалось вносить в святилище Карменты ножи, чтобы «святых очагов трупами не осквернить». Праздник имел древнейшие корни. Поэтому имена божеств, которым возносили молитвы, были почти позабыты римлянами. Но Овидий напоминает о молениях сестрам богини — Порриме и Постверте, одна из которых пела о том, что свершилось, другая — о том, что должно было свершиться потом.

А 1 марта римские матери семейств отмечали **Матроналии**. Овидий связывает возникновение обычая с легендой о похищении сабинянок во времена Ромула и примирении римлян и сабинян после того, как жены и родившиеся от этих браков дети уговорили пошедших на Рим войной сабинян пожалеть их и не делать вдовами.

Важным для римских женщин было и почитание в период пышного цветения природы и пробуждения живительных сил и чувств 1 апреля богини Венеры Вертикордии («Обращающей сердца»), охраняющей слабых женщин от супружеской неверности и всякой недозволенной страсти и помогающей поддерживать в семье мир и согласие. В 114 г. до н.э. ей был сооружен специальный храм в Риме, где и сосредотачивались главные торжества. Жены и невесты в этот день приходили в храм и снимали покровы и украшения со статуи богини, затем они обмывали статую водой, как символ чистоты и целомудрия, и вновь украшали ожерельями и свежими розами. Затем женщины обнаженными проходили вереницей у водного источника Мужской Фортуны и курили ладан. Овидий объясняет этот обряд извечным, как мир, стремлением женщин казаться красивее, чем на самом деле, и отвести глаза мужьям:

Всякий заметен порок в их обнаженных телах, —
Все это скроет из глаз мужей Мужская Фортуна,
Если ее умолить, ладаном ей покурив.

А в благодарность Венере приносили растертые с молоком маковые зерна и мед, выжатый из сотов; ведь, по преданию, этот напиток испила сама богиня любви, взойдя на брачное ложе своего супруга бога Вулкана. Как ни странно, но именно на попечение Венере были издревле отданы сохранение красоты женщин и их целомудрие. Образ Венеры как искусительницы и

ветреницы был нехарактерен для римлян и сложился позднее под воздействием греческих представлений об Афродите, отождествленной с Венерой после завоевания Римом Эллады во II в. до н.э. Большой знаток вопросов любви Овидий передает легенду о том, что при прашурах римлянки стыд позабыли; это падение нравов настолько беспокоило отцов-сенаторов, что они обратились за советом к священным книгам пророчицы Сивиллы (а это допускалось только по исключительно важным поводам — вот как ценили в старину женскую честь!). «Храмы велела она возвести в честь Венеры, — продолжает Овидий, — и вот уж Стала Венера с тех пор женские нравы блюсти».

Через два месяца, 1 июня наступал праздник **Карнарии**, посвященный древней италийской богине Карне, которая оберегала телесное здоровье. В этот же день римские женщины приносили богатые жертвы богине Юноне Монете («Указующей») — подательнице добрых советов, потому что в этот день некогда был освящен храм в честь этой богини.

Жены латинские чтут плодотворное время законно:
Это пора их борьбы да и мольбы за приплод.
Сверх того: там, где держал римский царь неусыпную стражу,
На Эсквилинском холме, как он зовется теперь,
Снохами был возведен латинскими храм в честь Юноны,
А заложили его в этот же, помнится, день.

Любопытно, что еще царь Нума Помпилий запретил женщинам, совершившим прелюбодеяние, прикасаться к алтарю Юноны, поэтому такие женщины не имели права участвовать в церемониях на празднике Карнарий, что служило своеобразным публичным порицанием безнравственного поведения. Однако, если такая женщина все же умудрялась проникнуть в святилище и воздать почести богини на ее жертвеннике, она могла получить прощение. В этом случае она обязана была по закону распустить волосы в знак раскаяния и принести в жертву богине овечку.

В честь богини домашнего очага Весты 9 июня совершались церемонии **Весталии**. Эти празднества были очень популярны в народе, а рабам в этот день дозволялся отдых. Специальная коллегия жриц-весталок приносила в дни этого праздника жертвы Весте в ее храме. Этот день был и праздником хлебопеков, так как издревле хлеб пекли на золе очага. Поэтому в эти дни пекари украшают цветами мельницы и вешают венки из хлеба на шею ослам, которые вращали эти мельницы. Во время обрядов:

Жертвуй Весте, несут в чистых тарелках еду.
Вот выступают в венках ослыта, везущие хлебы,
Вот обвивают кругом жернов шершавый цветы.
Прежде в печах лишь полбу одну сушили селяне
(И в честь богини печной праздник справляли они),
А в очагах на золе пекли настоящие хлебы,
По черепкам разложив их на горячем полу.
Вот почему хлебопек и ослица, вертящая жернов,
Чествуют вместе очаг и госпожу очагов.

Еще один из довольно многочисленных «женских» праздников, **Матралий**, проводимый 11 июня, был связан с жертвоприношениями древнейшей богини зари Матери Матуте и богине домашнего очага Весте. Во время него совершался торжественный ритуал изгнания рабыни из храма Матери Матуте, заложенного еще царем Сервием Туллем, и обращения римских женщин-матрон к Матери Матуте с молитвой за благоденствие детей своих сестер. Ритуал этот был гораздо древнее времени правления Сервия Туллия (середина VI в. до н.э.) и рано стал непонятен самим римлянам, но если обратиться для сравнения к индийской мифологии, то многое проясняется. У индийцев богиня зари изгоняет мрак, а вместе с ним все варварское, злое, враждебное, что воплощалось в рабыне. Вероятно, подобные верования в древнейшие времена существовали и у римлян. Впоследствии они были забыты, но сам обряд сохранился и превратился в празднование римских женщин—матерей семейств. Не исключено, что обряды Матралий воплощают отголоски некогда существовавшего у римлян группового брака, поэтому женщины и молились за детей своих сестер. Но затем у римлян утвердился семья, состоящая только из мужа и жены. Поэтому изгнание рабыни из храма могло символизировать удаление из дома мужа его наложниц в пользу законной жены, матроны, которая находилась под покровительством богинь Матери Матуты и Юноны.

К семейным торжествам можно отнести и дни поминовения усопших. Римляне трепетно относились к культу предков, считая, что их духи (маны) продолжают помогать живущим потомкам и охранять свои дома. Поэтому в каждом, даже небогатом доме в атриум хранились глиняные маски, снятые с лиц усопших. Они почитались как хранители дома и рода. Так, в феврале справлялся праздник **Фералий** (21 февраля), во время которого почести воздавали манам, принося им скромные жертвы. Как уверяет Овидий:

Честь и могилам дана. Ублажайте отчие души
И небольшие дары ставьте на пепел костров!
Маны немногого ждут: они ценят почтение выше
Пышных даров. Божества Стикса отнюдь не жадны.
Рады они черепкам, увитым скромным веночком,
Горсточке малой зерна, соли крупинке одной,
Хлеба кусочку в вине, лепесткам цветущих фиалок:
Все это брось в черепке посередине дорог.
Можно и большее дать, но и этим ты тени умолишь,
И помолись ты еще у погребенных костров.
Этот обычай введен был благочестивым Энеем
В землях твоих в старину, гостеприимный Латин.

По преданию, во время длительных и упорных войн римляне забыли о почитании духов отцов и понесли страшное наказание. Рим запылал пожарами, а из могил появились предки и стали стенать, бродя толпами бесплотных теней по дорогам. И лишь после возобновления обряда они вернулись в свои могилы.

И характерно, что сразу после этого поминального дня следует радостный праздник **Каристий** (22 февраля). Как возвещает Овидий:

День Каристий идет затем: для родных это праздник,
И собирается тут к отчим семейство богам.
Память усопших почтив и родных посетивши могилы,
Радостно будет к живым взоры свои обратить
И посмотреть, сколько их после всех умерших осталось,
Пересчитать всю семью, весь сохранившийся род...

Этот день отмечался в тесном семейном кругу как день семейной любви и согласия. Собирались лишь самые близкие родственники — посторонние не допускались. Однако по всему Риму следовали совету, отмеченному Овидием:

Ладан курите семейным богам! Согласье ведь должно
В этот особенно день кротко и мирно хранить.
И учреждайте пиры вы в честь подпоясанных Ларов,
Ставьте тарелку для них — почести знак и любви.

Радость и печаль шли в жизни и в празднествах рука об руку, и в течение нескольких дней (9, 11 и 13 мая) римляне справляли **Лемурии** и воздавали почести лемурам — духам умерших, но, по верованиям италийцев, неприкаянных и блуждающих по ночам:

...Будет Лемурий ночных совершаться обряд стародавний:
Манам безмолвным тогда жертвы начнут приносить.

В эти дни запирали храмы, запрещались свадьбы, отцы семейств в полночь без обуви выходили за порог дома и, делая магические жесты рукой, отвернувшись, чтобы не встретиться взглядом с лемуром, бросали на дорогу девять черных бобов для умиловливания духов. Римляне верили, что идущий вслед за человеком лемур подбирает эти бобы. При этом отец семейства заклинал от имени всех членов семьи: «Уходите, вы, отчие маны!»

Немало празднеств в Древнем Риме имели древние корни, уходящие в эпоху первобытного строя. Истинный смысл их был за туманом веков утрачен, но сами празднества оставались любимыми простыми людьми и превратились в народные гуляния, которые позволяли отдохнуть от трудов и воздать почести древним пращурам, а заодно умиловливать и тех богов, чьи имена стерлись в памяти людей. Одним из наиболее примечательных был праздник **Анны Перенны** 15 марта у источника, посвященного ей. Вот как красочно описывает его Овидий:

В илы мы празднуем день торжественный Анны Перенны
Недалеко от твоих, Тибр-чужеземец, берегов.
Толпы народа идут и здесь, растянувшись на травке,
Пьют и в обнимку лежит каждый с подружкой своей.
Многие — прямо под небом, немногие — ставят палатки,
Иль из зеленых ветвей строят себе шалаши,
Иль вместо твердых столбов тростники они в землю втыкают
И покрывают потом сверху одеждами их.
Солнцем они и вином разогретые пьют за здоровье,
Стольких желая годов, сколько кто чаш осушил...
Песенки также поют, каким научились в театрах,
Сопровождая слова вольным движением рук,
И хороводы ведут неуклюжие, выпив, подружки,
И, распустив волосы, пляшут в нарядах своих.
А возвращаясь, идут, спотыкаясь, толпе на потеху,
И называет толпа встречных счастливыми их.

Другим почитаемым праздником были **Ларенталии** (23 декабря) в честь древнейшей богини Акки Ларенции. Ежегодно на ее гробнице один из самых уважаемых жрецов — фламмин Квирина или понтифик — совершал жертвоприношение. Сами римляне уже забыли о том, кто же она была такая. Ее считали женой пастуха Фаустула, который подобрал на берегу реки младенцев Ромула и Рема, а Акка Ларенция их выкормила. Ходила и более легкомысленная легенда. Рассказывали, что Акка некогда была знаменитой гетерой в Риме, храмовый служитель проиграл ее в кости самому Гераклу, а тот в благодарность за ласки даровал ей брак с богачом Тарутием. Акка унаследовала его бо-

гатство и передала его римскому народу, за что римляне стали почитать ее как богиню.

Очень любопытно происхождение праздника **Мамуралии**. Этот праздник совершался 14/15 марта и посвящался, согласно традиции, легендарному кузнецу Ветурию Мамурию, изготовителю священных щитов Марса анцилий. О самом празднике Мамуралий известно очень немного. Историки сомневаются даже в том, имел ли он действительно отношение к умелому кузнецу, разве что сходством названия. Известно только, что в этот день одетого в козлиную шкуру человека, называвшегося Мамурием, били на площади Рима длинной палкой или тонкими прутьями. При этом бьющие отпускали язвительные, не всегда пристойные шуточки в адрес избиваемого. Древний писатель Иоанн Лид вспоминает легенду о происхождении столь странного обычая: возник он тогда, когда у римлян случились какие-то несчастья со священными щитами, изготовленными этим оружейником, и вину за это возложили на Мамурия, безжалостно прогнав его из города и избивая палками. Этот день даже считали «злосчастливым». Но имя Ветурия Мамурия восходит к древнему эпитету бога Марса — «Старый, грозный Марс». Не исключено, обряд этот был связан с обычаем изгнания зимы, весьма распространенным у самых разных первобытных народов (достаточно вспомнить сжигание чучела зимы — Костромы у древних славян). А возможно, этим ритуалом общинники пытались оградить свою общину от враждебных ей внешних сил природы. У римлян он сохранялся очень долго, утратив свое первоначальное значение и превратившись в забавный казус.

Сатурналии

Сатурналии были самым любимым народным праздником римлян и широко отмечались с 17 по 23 декабря. Они как бы подводили итог прошедшего года и служили вознаграждением тружеников за успехи в работе. Эти торжества отражают воспоминания о «золотом веке» Сатурна. Учреждены они были для народа, по преданию, царем Сервием Туллием в VI в. до н.э. А в начале V в. после победы римлян над латинами они были возобновлены. В 497 г. до н.э. у подножия Капитолийского холма воздвигли храм богу Сатурну. С этих пор праздник Сатурналий окончательно вошел в обычай. Во время праздника закрывались суды, не проводились занятия в школах, прекращалась всякая

работа. Семь дней Сатурналий были не праздничными, а днями отдыха. В то же время это были дни всеобщего очищения от скверны и искупительных жертвоприношений в виде первых плодов нового урожая и молодого скота.

На площадях Рима накрывали столы с яствами и винами, за которыми на равных сидели свободные граждане и рабы. Рабов на время проведения игр объявляли свободными, с «закованных» снимались кандалы, а в ранние периоды истории Рима хозяева рабов даже прислуживали им. Кстати говоря, римляне считали, что Сатурн, сам «связанный» в течение всего года, в конце его получал свободу. Римский поэт Лукиан так описывает нравы, царившие в эти дни: «Никому никаких, ни общественных, ни частных дел не делать в течение всего праздника, за исключением того, что имеет отношение к шутке, забаве и радости: только пекари да повара пусть работают. Пусть господствует для всех равенство — и для рабов и свободных, и для бедняков и богачей».

По сообщению Макробия, истоки этого празднества уходят в незапамятные времена Сатурнова царства, когда «... дом Сатурна был казной римлян, так как... при нем вообще не было никакой частной собственности». Это было время, когда потомки Геракла и пеласги совершали в его честь человеческие жертвоприношения, а поля, скот и даже движимое имущество еще не были поделены. Поэтому свято блюди обычай обмениваться подарками в виде глиняных фигурок, статуэток или рельефных изображений. Объяснялся он тем, что в древности существовали человеческие жертвоприношения в один из последних дней Сатурналий, 23 декабря, который назывался Компиталии, но еще в царский период они были заменены на куклы, сделанные из шерсти. Однако соответствующий ритуал долгое время сохранялся в обычае избирать царя Сатурналий из рабов, который носил особый головной убор Сатурна — «пилей» в виде войлочного колпака. По завершении празднества царя приносили в жертву богам.

Во время Сатурналий богатые обязаны были делать дорогие подарки своим родственникам, друзьям и клиентам, уплачивать долги за своих друзей-бедняков, тем самым изгоняя из своих домов сребролюбие и корыстолюбие. Но уже в эпоху Ранней республики обряд погашения долгов и освобождения должников во время Сатурналий стал носить чисто символический характер.

В конце V в. до н.э. появились **лектистернии** («пиршества богов»), которые приравнивались по своему социальному значению к Сатурналиям. Как и в Сатурналиях, в течении семи дней приносились в жертву первинки урожая и устраивались совместные пиршества. Праздник представлял собой пир, устроенный для богов. Для этого на Форуме ставили три пиршественных ложа: одно для богов Аполлона и Латоны, другое — для Геркулеса и Дианы, третье — для Меркурия и Нептуна. Интересно, что одно из божеств в каждой паре почиталось преимущественно плебеями, другое — патрициями. Такой подбор символизировал примирение этих сословий, да и весь праздник носил такой же характер. Правда, во время других лектистерний пары богов и их число менялось. Например, во время войны с Ганнибалом в 217 г. до н.э. торжественно угощали шесть пар богов (Юпитера с Юноной, Нептуна с Минервой, Марса с Венерой, Аполлона с Дианой, Вулкана с Вестой и Меркурия с Церерой, иными словами, перед лицом страшной угрозы в лице Ганнибала римляне предпочли заручиться милостью как можно большего числа могущественных богов). Во время лектистерний римляне также должны были прощать друг другу обиды и долги, прекращать ссоры и тяжбы, снимать колодки с закованных в цепи должников, во всем городе открывались все двери, чтобы выпустить на волю благодетельные для народа силы, толпа знакомых и незнакомых людей наперебой пользовалась выставленными на порог вещами, пришлых людей хозяева ласковыми речами вели к себе в гости. Но лектистернии проводились гораздо реже Сатурналий и только в тех случаях, когда жрецы объявляли по сивиллиным оракулам о необходимости умиловливания богов. Так в IV в. до н.э. они проводились всего лишь пять раз.

КОЛЛЕГИИ ЖРЕЦОВ

Особенностью римской религии было наличие особых сообществ жрецов, ведавших жертвоприношениями, соблюдением обрядов и почитанием тех или иных богов и древнейших божеств, олицетворявших силы природы и оказывавших покровительство римской общине. Такие сообщества назывались жреческими коллегиями. Во главе коллегий стоял магистр, выбираемый на собрании всех членов, как правило, на определенный срок, но иногда и пожизненно.

Религия в Древнем Риме не была отделена от общества и служение богам считалось обязанностью каждого римлянина, любой из которых мог стать членом коллегии жрецов, даже если он занимал какую-либо государственную должность. Для этого он должен быть полноправным гражданином, лучше всего патрицием, и отличаться благонравием. Жрецами становились обычно в юном возрасте и оставались ими пожизненно. Новых членов принимали на общем собрании единогласно. Впрочем, из коллегии можно было и выйти по возрасту, состоянию здоровья или после избрания на некоторые государственные посты.

Жрецы каждой коллегии во время богослужений носили особую одежду и совершали обряды, строго следуя старинным правилам, даже если смысл их был со временем утрачен. Римляне верили: если смертным обряды и песнопения могли быть и непонятны, то многочисленные божества их прекрасно разбирали и ревностно относились к любому нарушению заведенного порядка.

Каждая коллегия жрецов ведала поклонением какому-либо одному богу, но богов могло быть и несколько. Нередко члены коллегии и собирались только раз в год для организации праздника в честь своего подопечного бога, а все остальное время проводили как светские люди. Под надзором коллегий жрецов находились храмы, древние алтари и священные рощи, где и происходили жертвоприношения и шествия в честь богов. Кроме коллегий, существовали также отдельные жрецы, но и они больше напоминали должностных лиц, нежели священнослужителей в современном понимании.

Авгуры и ауспиции

Искусство авгуров возникло в незапамятные времена и почиталось римлянами и этрусками превыше всех прочих религиозных священнодействий. С течением времени должность пяти жрецов-авгуров стала почетной и пожизненной. Их занятием было наблюдать за полетом птиц (по-лат. *avis*, отсюда и название), звездами и движениями светил и вообще за небом и небесными явлениями (по-лат. — *divinatio*). Ведь небо служило обителью богов, а птицы считались знамениями их воли.

Гадания по полету птиц назывались *ауспиции* (досл. «птицегадания»). При этом во внимание принималось все: и то, куда летит птица, и высота ее полета, и как она машет крыльями или

чистит перья, и где садится, и как кричит. Если раздавался глухой, сдавленный крик ворона, это расценивалось как дурной знак. Таковым же считалось оживленное карканье вороны, раздавшееся с правой от авгура стороны, или уханье совы. А вот крик слева зеленого дятла (символа Марса) был благоприятен. Свое предзнаменование возвешали полет коршунов или появление орла.

Заметим, что в этих суевериях кроется и глубокое знание, ведь птицы — наиболее восприимчивые к атмосферным явлениям (грозам, перепадам давления и даже землетрясениям) существа. Если знамений было несколько, их требовалось согласовать друг с другом; от авгура же зависело и время, когда знамения следовало считать действительными. Он мог ограничиться одним знамением, если оно благоприятно, или пропустить несколько неблагоприятных в ожидании удачи. Как видим, безбрежная произвольность толкований теоретически ограничивалась только честностью жреца и скрупулезным подчинением авгурским правилам.

Главным инструментом авгуров был авгурский жезл, который представлял собой изогнутую палку без единого сучка и назывался еще Квиринальским, потому что его носил сам бог Квири́н. С помощью жезла авгур размечал небо на четыре части для совершения ауспий и наблюдения за небесными явлениями — рукой он не имел права это делать. Авгурский жезл схож с царским скипетром, так как первоначально цари были одновременно авгурами. Без жезла авгур не мог определять границы полей или выносить решение на судебном процессе.

Волю богов выявляли по поведению кур при кормежке (*signa ex tripudiis*): если они жадно клюют, роняя зерна, боги благосклонны. Нередко для получения нужного результата прибегали к уловкам: кур не кормили долгое время, а затем демонстрировали толпе их прожорливость. Еще Цицерон возмущался таким извращением воли богов.

Практически каждое движение природы попадало в поле зрения авгуров и подвергалось истолкованию, смысл которого был понятен только им самим. Кроме авгуров, но обязательно с их помощью, ауспии могли совершать цари, а в эпоху Республики высшие должностные лица — консулы и диктаторы. Всякое действие должностного лица требовало ауспий. Поэтому при войске обязательно возили священных кур.

Понтифики

Слово «понтифики» происходит от лат. *pons* (мост) и дословно переводится как «мостостроители». Следовательно, вначале их обязанностью было наблюдать за постройкой мостов через Тибр, имевших священный характер. Ведь река считалась божеством. Однако, чем же в самом деле первоначально занимались понтифики, остается скрытой завесой тайны. Мы застаем их уже объединившимися в специальную жреческую коллегию, занимавшую ведущее место среди остальных. Древние даже называли их начальниками над всеми жрецами. Символами жреческого достоинства понтификов служили предметы, употреблявшиеся при жертвоприношениях: жертвенная чаша, секира, нож и особый головной убор «апекс». Ливий говорит, что Нума Помпилий: «...все прочие жертвоприношения, общественные и частные, подчинил решениям понтифика, чтобы народ имел, к кому обратиться за советом, и в божественном праве ничто не поколебалось от небрежения отеческими обрядами и усвоения чужеземных».

Наибольшими почетом и властью обладал глава коллегии — Великий понтифик. В эпоху Империи эту роль выполняли сами императоры. У Плутарха в биографии Нумы Помпилия читаем: «Великий понтифик надзирает не только над общественными обрядами, но следит и за частными жертвоприношениями, препятствуя нарушению установленных правил и обучая каждого, как ему почтить или умиловить богов». Он же принимал решения о всех отеческих и чужеземных обрядах, разъяснял смысл и порядок служения богам, правила погребения, толковал знамения в виде молний. Для этого еще Нума Помпилий соорудил на Авентине алтарь в честь Юпитера Элиция. Ежегодно Великий понтифик в белоснежной тоге и с покрытой головой в сопровождении весталки шествовал на Капитолий, где возносил молитвы и жертвы Юпитеру Капитолийскому, прося у него процветания для всего государства. Он также устраивал торжественный «пир Юпитеру» и совершал другие древнейшие обряды, например, вызывания дождя.

Одной из задач понтификов было ведение календаря, связанное, в частности, со сроками священнодействий. В Древнем Риме это имело особое значение, поскольку дни здесь разделялись на несколько категорий со своими особенностями не только религиозного, но и политического характера — например, не во всякий день можно было проводить Народное собрание или

вершить суд. Учет этих особенностей и вели понтифики. Как пишет об этом римский историк Сервий: «А если кто хочет знать, какие празднества какими людьми или в какие дни осуществляются, или что разрешено делать в праздничные дни, пусть читает понтификальные книги». В этих книгах содержались не только записи религиозного характера, но и своды древних законов и летописи государственных событий. Книги понтификов долгое время скрывались от народа, что позволяло жрецам влиять на политические события. Лишь в IV в. до н.э. они были обнародованы.

Фламины

Наиболее древними и почитаемыми богами римлян были Юпитер, Марс и Квири́н. Юпитер воплощал могущество и власть римской общины, Марс — производительную силу земли и воинскую доблесть, а Квири́н как «мирный Марс» считался воплощением обожествленного Ромула и богом Народных собраний общины. Для служения этим богам царь Нума Помпилий, по преданию, учредил специальных постоянных жрецов — фламинов. Всего их было пять. Фламины играли важнейшую роль в общественных празднествах и обрядах, причем помимо названных богов совершали служения и многим другим.

Наибольшим почетом пользовался фламин Юпитера, которому были пожалованы отличия — особый головной убор в виде остроконечной войлочной шапки с плюмажем из конского хвоста (апекс) и курульное кресло, символ царской власти. Его жизнь была подчинена строгому ритуалу и опутана множеством запретов. Ему нельзя было ездить верхом и даже смотреть на мертвое тело или оружие, так как это могло осквернить его. Он не мог спать более трех ночей вне дома и прикасаться к козе, сырому мясу или плющу. Овдовев, фламин обязан был оставить должность. Все эти запреты говорят о глубокой древности фламинов, чья деятельность была пронизана первобытными магическими ритуалами и суевериями.

Весталки

Из темной глубины веков идет культ богини Весты, богини домашнего очага, жаркого и неугасимого. Община римлян мыслилась общим домом, в центре которого также пылал священ-

ный огонь. Римляне верили — пока горит огонь, будет жить Рим. Поэтому поддержание пламени в очаге общины и государства являлось важнейшим делом. В доме очаг топил жена, вот и для общественного огня Весты выбирали шесть юных дев, чья непорочность была залогом чистоты помыслов и святости общины. Как водится, создание коллегии жриц Весты — весталок ставили в заслугу Нуме Помпилию. Он возвел храм Весты (до этого огонь пылал в простом шалаше) около царского жилища Регия и поставил дом, где постоянно проживали шесть весталок.

Это была единственная коллегия, служение в которой было уделом жизни жрицы. В весталки брали девочек от шести до десяти лет из лучших патрицианских семей. Весталка давала обет безбрачия, однако по истечении тридцати лет могла покинуть свой пост и вступить в брак. При посвящении в сан им остригали волосы, что означало второе рождение. Весталки не состояли под властью отца, свободно распоряжались родовым имуществом и пользовались всеобщим уважением. На улицах их сопровождали ликторы, а для осужденного на казнь встреча по дороге на эшафот с весталкой означала жизнь и свободу. Сам Цезарь спас себе жизнь во время смуты благодаря заступничеству весталки. Оскорбить весталку или даже просто коснуться на улице ее носилок считалось святотатством. Но и весталка, потерявшая целомудрие, каралась смертью — ее заживо зарывали в землю на «поле преступников»; ведь прегрешение грозило государству неисчислимыми бедами со стороны богов. За их деятельностью пристально наблюдал Великий понтифик, который даже имел право сечь их за небрежение в соблюдении обрядов.

Главной обязанностью весталок было поддержание огня в храме Весты, который торжественно возжигался заново в день Нового года. Кроме того они совершали священнодействия с помощью ритуально «чистой» муки с солью, которые весталки готовили сами. За водой для священнодействий девы ходили к священному источнику Ютурны близ Форума.

Один из храмов Весты сохранился и поныне, он располагается недалеко от Колизея рядом с руинами римского Форума. С древнейших времен сохранилась его форма в виде скромного круглого здания под конической крышей, так не похожая на позднейшие роскошные храмы с колоннадами и украшениями. Первоначально его стены были сплетены из гибкой лозы, а крыша — из соломы, как ранние хижины римлян. В эпоху Поздней республики на его месте был выстроен каменный храм под

бронзовой крышей, но тех же самых размеров. Такая форма без единого угла отражала представления древних о мироздании, символизируя круглую Землю и Солнце в виде очага в центре его с неугасимым огнем. В храме не было изображения богини Весты, ее воплощал священный огонь. Во внутреннем святилище храма, куда не было доступа никому, кроме весталок и их верховного попечителя — Великого понтифика, находился Палладий — статуя Афины с прялкой и веретеном в руках, которая, по преданию, спасла героя Энея из пожара Трои и считалась залогом благополучия Рима, и две фигурки Пенатов, хранителей римского народа.

Коллегия весталок существовала более тысячи лет и оказалась последней, закрытой по велению торжествующих христиан в V в. н.э. Тогда погас священный огонь и Вечный город прекратил свое существование.

Фециалы

Жреческая коллегия фециалов, по преданию, была учреждена еще Туллом Гостилием, но окончательно священные правила фециалов оформились в правление Анка Марция. Хотя, конечно, этот жреческий институт существовал задолго до него и встречается у других италийских народов. Фециалы ведали обрядами объявления войны. Послами они направлялись к противникам Рима для того, чтобы предъявить им претензии от лица римской общины и попытаться решить дело миром. Если претензии оставались без ответа, фециал объявлял войну, бросая деревянное копье с обожженным концом (отголосок глубокой древности) на вражескую землю. Только в этом случае война становилась справедливой. Обязательны были торжественные клятвы, отточенные столетиями, и призывы в свидетели богов Юпитера, Януса и Квирина. В поздние времена копье бросали в самом Риме у храма богини войны Беллоны, где был выделен специально участок «вражьей земли». Фециалы сопровождали лиц, подлежащих выдаче врагу за то, что они нарушили свои обещания, данные другому народу. Они ручались за отношения доверия между общинами различных народов и присутствовали при заключении договоров, скрепляя их строго регламентированными обрядами. Вообще фециалы выступали консультантами при решении дел, связанных с заключением мира или перемирия.

Точный состав коллегии неизвестен. Вероятно, их было двадцать, но обычно послами были два члена коллегии: «вербенарий», который нес с собой вырванную с корнем траву из римской крепости на Капитолии, что олицетворяло родную землю, и «отец-отряженный» (*pater patratus*, т.е. «назначенный отцом»). Он представлял перед лицом врага римскую общину, как отец семейства — фамилию. Из древних религиозных, магических обрядов фециалов впоследствии выросло римское международное право.

Салии

Кто мне расскажет теперь, почему, Мамурия слава,
Марса божественный щит Салии с пеньем несут? —

такой вопрос задает римский поэт Овидий. Коллегия салиев принадлежит к наиболее древним религиозным организациям римской общины. Свое название они получили от латинского глагола *salire* («прыгать, скакать») и были хранителями двенадцати священных щитов бога Марса — анцилий. Коллегия салиев состояла из двух частей по 12 человек в каждой: одна из них называлась Палатинскими салиями, а другая — Коллинскими (или Квиринальскими). Она возникла во время, когда на холмах близ Тибра существовали независимые поселения, еще не объединившиеся в единый римский народ. В члены коллегии принимались только патрицианские юноши, у которых живы были отец и мать, которые родились в Риме и не имели никаких физических недостатков.

Традиционной одеждой салиев была короткая вышитая пурпурная туника, пояс из меди на бедрах, а также трабея. На голове каждый салий имел высокую шапку с шишаком, который во время обрядов заменялся медным шлемом. Кроме того, они носили меч, в правой руке — копье или жезл, а в левой — анцилий.

Плутарх сообщает, что на восьмой год царствования Нумы неожиданно явилось чудесное знамение в виде внезапно упавшего с небес прямо в руки царю медного щита. «Дар этот был безупречным щитом, округлым и гладким, — отмечает Овидий. — Ни одного угла острого не было в нем». По совету нимфы Эгерии царь заявил народу, что это оружие было даром богов и явилось во спасение городу. Овидий рассказывает:

Помня, что щит сей упал залогом судьбы государства,
Он хитроумно еще к мудрой уловке прибег:
Точно таких же щитов приказал он несколько сделать

Так, что нельзя отличить было бы их от него.
Эту работу он дал Мамурию. Тот был известен
Как безупречный кузнец, честностью славный своей...

Эти щиты имели форму, близкую к восьмерке, и названы были «анцилии». Сохранность щитов означала, что грозный бог Марс не оставил римлян своим покровительством и дарует им победы в войнах. Во время шествия 1 марта салии выносили анцилии из Регии, жилища царя. Это знаменовало выход «на тропу войны» и самого Марса. Особое внимание римляне придавали правильному обращению со щитами. Не случайно дни празднеств, когда священные щиты находились в движении, считались неблагоприятными для работы.

В Регии хранилось также священное копье, которое римляне почитали как символ Марса. Они верили, что самопроизвольное движение этого копья предвещало войну. Ежегодно при выступлении войска в поход военачальник (царь, затем консул) приходил в здание (курию) палатинских салиев и вначале двигал анцилии, а затем «копье Марса» со словами: «Марс, бди!» Тем самым он как бы побуждал Марса проявить свое расположение к Риму. Обряды эти сохранились и во времена Империи.

Ежегодно 1 и 15 марта происходили торжественные шествия салиев, исполнявших своеобразные военные пляски в полном вооружении. Процессия 1 марта с пением гимнов богам обходила Город по периметру древнейшей городской черты (*померия*). Переходя от алтаря к алтарю, салии совершали у них различные жертвоприношения и другие обряды богам, вознося им молитвы. По пути следования салиям устраивали роскошные пиры. Обильность их со временем вошла у римлян в поговорку. Так, оратор I в. до н.э. Цицерон с восторгом писал другу: «... я пиршествовал наподобие салиев». В этих демонстративных пирах видны отголоски первобытных ритуалов насыщения, символизовавших изобилие и плодородие всей общины.

Во главе процессии салиев выступали два предводителя этой коллегии: «запевала» возглавлял хор салиев и был главным знатоком и хранителем священных гимнов салиев, а «скакун» (*praesul*) предводительствовал их плясками. Они производились на три счета (так называемый трипудий) и состояли из прыжков и поворотов; причем каждое движение было проникнуто религиозной значимостью и имело свое наименование. Пляски салиев воспроизводили действия воинов в бою, чтобы этой первобытной магической имитацией предопределить военный успех

всей общины римлян. Сама коллегия салиев почитала прежде всего грозного бога войны Марса под именем Марса Градива как бога-творца и охранителя всей общины, бога-покровителя воинов и земледельцев. Почитали салии также Квирина, Минерву, Юпитера, а также Ларов, Пенатов, целый ряд родовых божеств, непонятных даже самим античным авторам.

Практически салии отправляли ритуалы в течение всего марта — месяца подготовки общины к военным действиям. Завершал его 23 марта обряд «очищения труб» (Тубилиюструм). Но салии принимали участие в церемониях и культах и по истечении данного срока, в частности в культах Арвальских братьев, в празднестве Регифугий (24 февраля), Агоналий (14—17 марта) и в церемонии «очищения оружия» (Армилиюстрий) 19 октября.

Арвальские братья

Древнейшая коллегия жрецов, восходящая к первобытным временам, называлась арвальскими братьями. Это подчеркивает уже их наименование братьями, в чем слышится воспоминание о временах родовых отношений. По старинной легенде, первыми жрецами были кровные братья, двенадцать сыновей Ромула и богини Акки Ларенции. Возглавлял коллегия магистр. Братьям помогали специальные служители и государственные рабы. Имелся также свой секретарь, который записывал все деяния братьев в специальные книги.

Римский историк Варрон сообщает о цели коллегии: «Арвальскими братьями названы те, кто совершает общественные священнодействия ради того, чтобы поля приносили плоды». Об этом же свидетельствует и само их название от слова *arvā* («зерна, колосья»). Свои торжества братья проводили в особой роще по правому берегу Тибра, куда запрещен был вход посторонним, а сами обряды были наполнены таинственностью.

Римская традиция приписывает возникновение коллегии Ромулу. Однако оформление культа богов, несомненно, было длительным процессом. Окончательное возникновение самой коллегии арвальских братьев, видимо, относится к VIII—VII вв. до н.э. Благодаря особой консервативности римской религии этот культ сохранил следы древнейшего состояния общества и его религиозной жизни.

Ритуалы арвальских братьев справлялись непосредственно перед жатвой, в конце мая, и представляли собой магическую защиту

полей. Во время богослужения арвальские братья надевали венки из колосьев, скрепленные белыми лентами. В честь исконной латинской богини Деи Ди и бога Марса арвальские братья совершали своеобразные и малопонятные уже самим римлянам обряды, сопровождая их гимнами. В этих древнейших гимнах, записанных архаическим языком в специальных книгах, они молили Марса и других богов об урожае и благоденствии общины. Кроме того, в гимнах наряду с Янусом, Вестой, Юпитером и Марсом можно встретить неопределенные божества, а также духов и Ларов. Имя главной богини арвальских братьев — Дея Дия переводится как «божественная Богиня». Видимо, оно означало одно из женских божеств плодородия, чье имя хранилось в тайне. Ритуалы коллегии каждый раз фиксировались на особых мраморных плитах.

При императоре Августе был построен специальный храм Деи Ди. С того времени именно в нем стали проходить основные и древнейшие обряды арвальских братьев — священнодействия с горшками и священный танец «трипудий», сопровождавшийся магическим заклинанием.

Арвальские празднества

Это были сельскохозяйственные религиозные священнодействия, которые справляли ежегодно в мае в течение трех дней арвальские братья. В первый день праздника они приносили на Палатинском холме благодарственную жертву богине Дее Ди — фимиам и вино, а затем умащивали ее статую. После полудня братья пировали в доме главы коллегии магистра и там возливали богам вино и воскуряли фимиам; в этом им помогали четыре знатных мальчика, дети сенаторов, которые принимали участие в пире наравне с жрецами.

Через день наступал главный день празднества. Сначала глава коллегии приносил искупительные жертвы Дее Ди на алтаре, который находился перед священной рощей арвальских братьев. Перед полуднем арвальские братья, надев специальные жреческие одеяния — претексты, сходились в свое здание, где поедали мясо и кровь принесенных в жертву свиней. Затем глава коллегии перед входом в храм курил фимиам и возливал вино из серебряных чаш. Жрецы при этом оставались перед входом, а двое из них вместе с принадлежавшими коллегии рабами собирали зеленые колосья, которые затем передавали друг другу, причем отдавали их правой рукой, а принимали левой. Считалось, что таким образом они передавали друг другу сверхъестественную силу урожая, ведь правая рука сильнее левой. В таких странных магических действиях явно проглядывает седая древность обряда. Это же видно и

из молитвы, обращенной к особым жреческим горшкам, выбрасывавшимся затем из дверей храма вдоль склона холма, на котором он стоял. Эти горшки изготавливались из необожженной глины, т. е. из земли, без применения гончарного круга, поэтому они мыслились как олицетворение подземных духов. Осколки таких горшков археологи нередко находили при раскопках.

Далее жрецы в запертom храме распевали по книжкам древнюю песню-заклинание, танцуя при этом старинный танец в три такта — «трипудий». Затем избирали главу коллегии (магистра) и назначали особого жреца-фламина. После чего весело пировали в священной роще. Главный день праздника завершался соревнованиями квадриг и наездников. На следующий день жрецы вновь собирались на пир в доме магистра. Расходились они, как обычно, с пожеланиями счастья. На этом главный праздник арвальских братьев завершался.

Другим важным праздником арвальских братьев были **Амбарвалии**, во время которых жрецы трижды обходили римские поля, славя Марса, Цереру и богиню Дею Дию. Считалось, что этим очищались от зла и напастей не только посевы, но и сами поля, где в начале лета уже колосились хлеба. Обряды эти совершались в каждой сельской местности.

Луперки

Коллегия луперков относится к числу древнейших, а ее культ просуществовал дольше других — до V в. н.э., проявив огромную живучесть даже во времена христианства. Луперки справляли чрезвычайно популярный праздник *Луперкалии*, для чего собирались раз в год в пещере на склоне Палатина, где, по преданию, волчица выкормила молоком Ромула и Рема. Она носила имя Луперкал. Полагали, что от слова «волчица» (по-лат. *lupa*) возникло и название луперков.

Коллегия луперков была двойной и состояла из представителей двух древнейших патрицианских знатных родов — Квинтилиев и Фабиев, поэтому назывались они *Quinctii* и *Fabiani*. Древние объясняли такую традицию ритуальным соревнованием двух отрядов. Так, Овидий рассказывает, что некогда во время подготовки к пиру в честь Фавна у римлян был угнан скот, и Фабии во главе с Ремом, а Квинтилии — с Ромулом порознь побежали вдогонку за похитителями, и более быстрыми оказались Фабии: «Память осталась о том; вот и мчат бегуны без одежды, / И об успешной борьбе слава доселе живет», — писал Овидий. Но с течением времени родовой принцип отпал, и луперками могли становиться юноши из других родов, а в период Республики забота о по-

полнении этой первоначально патрицианской коллегии была передана сословию всадников. В I в. до н.э. Юлий Цезарь учредил третью коллегию луперков — Луперков Юлия. Это было связано с тем, что Цезарь возводил свой род к сыну легендарного троянского героя *Энея* Юлу, потомками которого были вскормленные волчицей Ромул и Рем. Римляне верили, что первым луперком был сам Ромул, и Цезарь хотел присоединиться к его славе.

Луперкалии

Первоначально Луперкалии были праздником пастухов. Они отмечались 15 февраля, а возникли в глубокой древности, когда основным занятием населения холмов у Тибра было скотоводство. Овидий даже возводит их возникновение к легендарным обитателям Италии пеласгам. Однако название обряда созвучно со словом *lupus*, что значит «волк». Возможно, Луперкалии были обрядом, с помощью которого пастухи старались оградить свои стада от грозных врагов — волков. Однако волки наделялись не только зловредными, но и благотельными качествами. Так, почитался священный волк бога войны Марса. Волчица, по легенде вскормившая близнецов Ромула и Рема, также отождествлялась с богиней Луперкой, по имени которой и названы были празднества и специально созданная для этого коллегия жрецов.

Праздник Луперкалий был связан также с обрядами превращения юношей в настоящих мужчин. Во время обряда луперки уединялись в специальной священной пещере бога Луперка, так и называвшейся Луперкал. Там они приносили в жертву собаку и козла. Во время обряда фламин Юпитера ножом, смоченным кровью жертвенного козла, прикасался ко лбу двух знатных юношей, другие же луперки немедленно стирали кровь шерстью, смоченной молоком. При этом юноши должны были засмеяться. Затем, располозова козью шкуру на ремни, луперки, опоясанные шкурами и с венками на головах, выбегали из пещеры: одна группа мчалась налево, вдоль Форума, а другая — направо, по Священной дороге, на бегу стегая встреченных женщин ремнями, сделанными из шкур жертвенных козлов. При этом женщины стремились охотно подставить под их удары свои нежные руки. Согласно поверью, такие удары освященными хлыстами могли помочь женщинам излечиться от бесплодия и способствовали легким родам. В обрядах луперков в тайной пе-

щере сквозит почитание духов подземного мира, духов мертвых, что было свойственно земледельческим культам. Отметим, что бег луперков проходил не по отдаленным пастбищам, а вокруг Палатина. Тем самым «голые луперки», по выражению Варрона, «очищали» древнее палатинское укрепление, вокруг которого некогда паслись стада.

Своим бегом вокруг Палатина луперки как бы очерчивали магический круг, который защищал от внешних зол всех оказавшихся внутри него, т.е. все римское население. Поэтому очень рано праздник был переосмыслен как стимулирующий плодovitость семейств. Этим и объясняется хлестанье ремнями женщин. Подобные обряды повышения плодородия земли и скота, умиротворения мертвых существовали с древнейших времен у самых разных народов и связаны с обрядами очищения от зла и скверны. Завершалось празднество роскошным пиром в пещере Луперка.

Луперки возносили свои мольбы к богу плодovitости Иную, а покровительницей Луперкалий стала считаться Юнона Луцина — помощница при родах. Позднее луперки поклонялись также таким богам, как Фебруй, Луперк и Марс. Почитали луперки и бога лесов Фавна, подобного греческому Пану.

Аргейские священнодействия

Эти важнейшие праотческие священнодействия совершали в соответствии с инструкцией священной книги «Аргейских жертвоприношений» члены жреческой коллегии аргеев, преимущественно по ночам. Варрон называет аргейскими 27 святилищ, находившихся в четырех древнейших регионах Рима, которые обычно именуют трибами царя Сервия Туллия. Ежегодно они обходили аргейские святилища, расположенные внутри храмов древнейших богов, торжественным шествием через весь город вдоль городских стен с остановками обычно на перекрестках дорог и у городских ворот. Обходили они и храм Юпитера Фидия, и алтарь Юпитера Лациарского, и храм Юноны Луцины, и храмы Ромула на вершине Палатина Гермале и богов Пенатов на Велийском холме.

Варрон считал, что аргеями прозывали также 27 тростниковых кукол, изображавших стариков со связанными руками и ногами. Кукол жрецы Рима во главе с понтификами или жрицы-весталки в ночь с 14 на 15 мая сбрасывали в Тибр с так на-

зываемого Свайного моста. Эти обряды сопровождались ритуальным купанием их участников на рассвете в Тибре. Чучела заменили собой древние человеческие жертвоприношения богам Сатурну и Юпитеру, что легенды приписывают как мифическому Геркулесу, так и реальному царю Нуме Помпилию. Об этом образно заметил Овидий:

Старцу, несущему серп, племена, приносите два тела
В жертву, ввергая тела в тускской глубины реки.

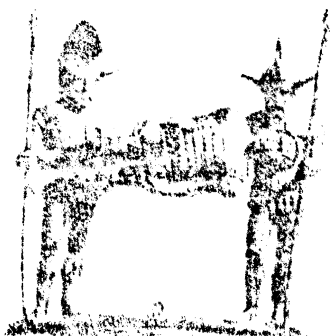
Чаще всего античные авторы связывают аргейские обряды с якобы существовавшим в незапамятные времена обычаем сбрасывать с моста шестидесятилетних старцев. Причиной такой жестокости древние считали голод, воцарившийся в Риме после нашествия галлов в 390 г. до н.э., либо закон того же времени, который запретил римлянам старше 60 лет участвовать в выборах на Народных собраниях. «Или, быть может, юнцы стариков низвергали с подмостков, / Чтобы на выборах шли только свои голоса?» — риторически вопрошал Овидий. Можно сказать, что эти важнейшие очистительные обряды были связаны с проходившими в мае поминальными ритуалами.

Гаруспики

Гаруспиками в Этрурии называли истолкователей знамений, прорицателей и гадателей по внутренностям жертвенных животных. По форме и состоянию печени быков, сердца, легких и прочей требухи овец и свиней они определяли, будет ли благоприятным то или иное мероприятие и как следует поступить в затруднительных обстоятельствах. В Риме, где этой «этрусской науки» не знали, они появились при «этрусских» царях в VII в. до н.э. И в эпоху Республики гаруспиков по-прежнему приглашали из Этрурии. Истый римлянин Катон Старший откровенно удивлялся, как это гаруспики могут смотреть друг на друга без смеха. Тем не менее вплоть до эпохи Империи римляне постоянно обращались к их услугам, включая важнейшие государственные и военные предприятия. Например, Гай Юлий Цезарь был извещен гаруспиками, что отсутствие сердца (!?) у жертвенного животного сулит ему гибель от пурпурной мантии и золотого трона (т.е. диктаторской власти).

ГЛАВА III

ПЕРИОД РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ (V—IV вв. до н.э.)

В 510 г. до н.э. восстание римского войска, возглавленное группой патрициев, свергло царскую власть. Народное собрание, по инициативе Юния Брута, принесло торжественную присягу, что отныне римляне под угрозой смерти никого не потерпят для себя царем. Весь род Тарквиниев изгонялся из Рима, а оставшееся имущество царя подверглось разграблению народом по постановлению сената.

После упразднения царской власти, в 509 г. до н.э. устанавливается республика (от латинского *Res publica* — «общественное дело»). Период с V по начало III в. до н.э. называют *Ранней республикой*. Источники по этому периоду немногочисленны и полны легендами и сказаниями о подвигах римлян во славу свободы и римской доблести. Но в них, как в зеркале, отразились сложные и противоречивые события, связанные с установлением в Риме гражданского общества и государства, которое является характерной чертой периода Ранней республики. В это время Рим выходит за пределы близкой округи и начинает расширять свои владения сначала на земли соседних племен. К концу V в. до н.э. власть Рима распространялась лишь на часть Лация. К середине IV столетия его владения охватывали уже всю Среднюю Италию:

Лаций, Кампанию, Самний, Пицен, часть Умбрии и Этрурии. А к концу Ранней республики Рим подступил к границам Апулии и Лукании на юге и вывел в начале III в. до н.э. колонию Сену Галльскую в пределы Цизальпинской Галлии.

Основным занятием римлян остается земледелие и скотоводство. Бурно развивается ремесло и торговля. Уже в 509 г. до н.э. Рим заключает договор о торговле с Карфагеном. В настоящее время достоверность его не ставится под сомнение. Рост населения требует все большего увеличения пахотных земель. Достичь этого можно было лишь путем военных захватов. С самого начала Республики грабеж других народов возводится в ранг государственной политики, а ненасытная жадность знати требует все новых и новых военных походов. Эта эпоха наполнена бесчисленными войнами. Не все из них были удачными, страшный урон был нанесен нашествием галлов в начале IV в. до н.э. Но превосходство римского оружия и военной организации, основой которой с IV в. до н.э. становится *легион*, позволяли Риму выходить победителем из столкновений сначала с соседними небольшими племенами — герниками, вольсками, эквами, рутулами, марсами, а затем и с более сильными. В начале IV в. до н.э. Рим захватил богатейший этрусский город Вейи, в трех войнах победил и покорил латинов и самнитов, поодиночке подчинил города этрусского Двенадцатиградья, наконец, нанес поражение эпирскому царю Пирру. К началу III в. до н.э. под властью Рима оказалась почти вся Италия.

Именно в период Ранней республики в Риме развиваются органы управления и государственный аппарат. Высшие государственные должности становятся выборными (*консулы, преторы, плебейские трибуны, эдилы* и т.д.), а верховная власть формально переходит в руки римского народа. Вместо небольшой общины с родовыми общественными отношениями окончательно складывается государство, где коллектив граждан, наделенных правами и обязанностями, резко противопоставляет себя пришлым иноземцам, лишенным гражданских прав. Гарантией соблюдения этих прав выступают уже не родовые обычаи, а законы, принятые Народными собраниями (*цензуриатными и трибутными комициями*).

Все граждане Рима пользовались следующими правами: они участвовали в Народных собраниях и обсуждении государственных дел (право голосования); они могли выставять свои кандидатуры на государственные должности (магистратуры) и быть

избранными на них, хотя бы теоретически (право почести); они свободно занимались хозяйственной и торговой деятельностью на территории Рима и заключали сделки с римскими гражданами (право коммерции); наконец, они могли вступать в законный брак с римлянками, передавать и наследовать семейное имущество (право заключения браков), что было напрямую связано с вопросами собственности. Эти гражданские права стали краеугольным камнем в основании любого государства вплоть до наших дней.

Римляне называли свое государство *civitas*, что значит «гражданство». Оно является разновидностью греческого полиса, но имеет и существенные отличия. Так, полис — небольшая сельская территория, примерно равные наделы которой обрабатывали граждане, проживавшие в городе — политическом, торговом и культурном центре полиса (отсюда и определение его как города-государства). Ограниченные размеры округа диктовали и небольшую численность граждан, которые перекрывали доступ в свои ряды переселенцам из других мест. Даже если те постоянно обитали в городе (как афинские метеки), они были лишены гражданских прав, а значит, и защиты гражданского коллектива.

Все эти признаки сложились и в Риме. Однако территория римского полиса превышала все мыслимые для Греции размеры и неуклонно возрастала за счет отобранных у покоренных народов Италии земель (*ager publicus* — «общественное поле»). Римское гражданство было более открыто для приема в него новых членов. Не только плебеи получили в Ранней республике полные гражданские права, но и позднее целым общинам, жителям италийских городов и отдельным лицам из других народов за заслуги перед Римом нередко даровалось римское гражданство. Скажем, родственные римлянам латины после долгих войн признали в III в. до н.э. власть Рима и обрели положение латинских граждан (они не могли лишь претендовать на римские магистратуры).

В период Ранней республики изменяется и сама римская община. Сенатская аристократия, совершившая государственный переворот в 510 г. до н.э., вынуждена была предоставить прежде бесправным плебейм некоторые права. Но на деле вся власть сосредотачивается в руках патрицианского Сената и назначаемых им магистратов, также исключительно из патрициев. Они становятся привилегированным, господствующим сословием, при-

надлежность к которому определяется родовым происхождением. На долю граждан-плебеев остается лишь обязанность нести воинскую службу в центуриатном войске и своей кровью оплачивать захват новых земель (общественного поля), пользоваться которыми имели право только патриции. Эта несправедливость подвигла плебеев на борьбу за равноправие. Она получила в истории название «*борьбы сословий*», хотя по сути была скорее социальной и даже классовой.

Главными требованиями плебеев было добиться права доступа наравне с патрициями к общественному полю и уничтожить долговое рабство. Борьба была длительной и тяжелой. Страсти бушевали не только на Форуме и в Народных собраниях, но и в войске. Пользуясь своим превосходством в центуриатных и куриатных комициях, патриции во главе с Сенатом пресекали все попытки плебеев и их вождей принять земельные и долговые законы, а в случае обострения недовольства вводили *диктатуру*. Наивысшего накала борьба патрициев и плебеев достигла в первой половине V в. до н.э. и выплеснулась в открытые восстания вооруженного плебейского войска — *сецессии*.

После первой сецессии была учреждена должность *плебейских трибунов*, ставших пламенными вождями и защитниками плебеев. Они-то и расширили требования плебеев, включив в них претензии на занятие высших магистратур, что отвечало интересам богатой плебейской верхушки. В середине V в. до н.э. плебеи смогли настоять на создании комиссии из десяти человек (*децемвиров*) для записи законов — *Законы XII таблиц*. Их издание в 449 г. до н.э. отняло у сената возможность их произвольного толкования к своей вящей выгоде и означало, что на смену родовому обычному праву пришло письменное право зрелого государства.

Во второй половине V и в течение IV в. до н.э. удалось частично решить долговой вопрос (закон Петелия) и открыть плебеям доступ к общественному полю, ограничив размеры патрицианских земельных владений (*законы Лициния—Секстия*). А в 367 г. до н.э. плебейские трибуны Лициний и Секстий, словив яростное сопротивление патрициев, настояли на принятии закона о выборах одного из двух консулов обязательно из плебеев. Постепенно и другие должности стали им доступны, и наконец, первый плебейский диктатор Гортензий в 287 г. до н.э. проводит закон о том, что постановления трибунных, преимущественно плебейских комиций (*плебисциты*) приобретают силу закона для всех.

Это означало конец «борьбе сословий»: различия между патрициями и плебеями постепенно стираются и возникает новое расслоение общества, признаком которого становится богатство. Верхушки плебеев и патрициев сливаются в новое правящее сословие — *нобилитет* (от *nobilis* — «знатный»), а рядовые граждане образуют большинство населения Римского государства, которое, правда, сохраняет название «плебс», но совсем с другим смыслом — «простонародье». Третьим, промежуточным, но богатым сословием выступают *всадники*. Так, в муках и борьбе складывается единое патрицианско-плебейское государство с четко выраженными чертами аристократической, а с III в. до н.э. олигархической республики.

Тираноборец Юний Брут

Древние авторы донесли до нас чеканный образ **Луция Юния Брута** как тираноборца и негибимого борца за республику. Согласно преданиям, Брут был сыном сестры царя Тарквиния Гордого, т.е. не чуждым царскому роду. Но в душе он оставался ревнителем свободы. Опасаясь буйного нрава царя, погубившего его отца и старшего брата, в детстве он вынужден был прятать природный ум под личиной неотесанного простофили, за что и заслужил свое прозвище («Брут» по-лат. «Тупица»). Отправленный с двумя сыновьями Тарквиния в знаменитое в Греции святилище Аполлона Дельфы, дабы получить толкование случившихся в Риме необычных явлений, Брут единственный разгадал пророчество о том, что царем в Риме станет тот, кто первым из посланцев поцелует свою мать. И пока недалекие спутники сговаривались обмануть оставшегося в Риме брата, Брут, словно споткнувшись, припал к земле — матери всех живущих — и поцеловал ее.

В следующий раз мы застаем Брута уже в жреческой должности трибуна целеров, весьма почетной в Риме и не слишком подходящий к его прозвищу. Этим обстоятельством объясняли, почему именно он возглавил в 510 г. до н.э. восстание против тирана Тарквиния Гордого, произвел набор по центуриям воинов и привел народ к присяге на верность свободе. Очевидно, не очень-то он был уверен в поддержке простых граждан Рима — плебеев.

Восторженный народ избрал Брута и Тарквиния Коллатина первыми консулами на следующий, 509-й год. И первым делом Брута стало пополнение Сената до трехсот человек, пожалуй,

одна из главных целей заговорщиков. Затем Брут (как мы помним, родственник царя) отстранил от власти своего безусловно честного и искреннего коллегу Тарквиния Коллатина, ссылаясь на его принадлежность к ненавистному роду Тарквиниев. И это при том, что именно гибель его жены Лукреции сделала Коллатина кровным врагом царя! Под угрозой разграбления имущества Коллатин разделил участь изгнанного царя.

И тут вскрылось новое злодеяние. Часть «золотой молодежи», друзей и *содалов* царских сыновей, отнюдь не довольная переменами, вступила с Тарквинием Гордым в сговор, чтобы вернуть ему трон. Заговор был раскрыт рабом, и юношей ждала жалкая участь — смертная казнь у позорных столбов на площади (как требовала присяга римлян). Однако что это? У столбов закованными в цепи среди прочих видим сыновей самого Брута! И они выступили против отца и учрежденной им консульской власти. Взоры всех устремлены на отца. Суровый Брут недрогнувшей рукой отдает ликторам приказ начинать казнь. В римской традиции этот эпизод стал символом верности долгу и свободе, примером римской добродетели; суровых, но справедливых «нравов предков» (*mores maiorum*). Но он же служит подтверждением жестокой незыблемости власти «отца семейства» распоряжаться жизнью своего потомства.

Кончина Луция Юния Брута также была героической. Во время боя с латинами и римскими изгнанниками он командовал пехотой и погиб в конном поединке с сыном Тарквиния Аррунтом. Его товарищ по должности Валерий Попликола устроил ему торжественные похороны за государственный счет, что для римлян было высшей наградой. А римские матроны целый год в трауре оплакивали Брута, как отца.

За этой героической легендой кроется ожесточение борьбы в период установления Республики. И вот что интересно: род Юниев с тех пор был известен только как плебейский. Возможно, казнь сыновей и гибель главы фамилии привели к его вырождению?

Валерий Попликола, отец-основатель Республики

Сподвижник Юния Брута, **Публий Валерий**, сын Волеза, был избран консулом вместо изгнанного Тарквиния Коллатина. Валерий храбро сражался с латинами, пытавшимися вернуть в Рим

изгнанного царя, и в честь победы первым справил пышный триумф, восседая на колеснице, запряженной четверкой белых лошадей.

Но, начав строить себе дом на вершине холма Велия, выглядевший неприступной крепостью, Валерий столкнулся с ропотом народа. А уж когда он не поспешил провести выборы коллеги по консульству после гибели Брута, римляне и вовсе заподозрили его в стремлении к царской власти. Чтобы развеять подозрения, Валерий перенес свой дом к самому подножию холма, где жили простолюдины.

Валерию приписывают принятие законов, которые закрепили республиканский строй и права граждан. Отныне каждый имел *право провокации*, а тот, кто помыслил о царской власти, подлежал проклятию и смерти. Говорят, что он перенес римскую казну из жилища царя Регии в храм Сатурна. За это Валерий и получил почетное прозвище «Попликола» (или Публикола), т.е. «Угодный народу».

Еще четырежды римляне избирали Валерия Попликолу консулом — неслыханное дело. Так велико было уважение сограждан к его заслугам. И не раз еще он во главе войска отстаивал свободу Рима, пока не умер в 503 г. до н.э. Причем личное состояние его оказалось столь ничтожно, что его не хватило на погребение, и обряды были оплачены за общественный счет.

Валерий Попликола не был плодом фантазий ученых римских авторов. В 80-е годы XX в. недалеко от Рима в Сатрике была найдена надпись начала V в. до н.э. В ней содержится имя Публия Валерия и упоминаются его «друзья» — *содалы*.

Право провокации

В словаре римлян слово *provocatio*, вошедшее в наш язык с одиозным оттенком, имело иной смысл — «обжалование», «побуждение». Каждый гражданин по закону *Валерия Попликолы* имел право обратиться к Народному собранию и обжаловать любое действие магистрата, если оно касалось его лично или всего государства. Наибольшее значение право провокации имело для тех, кого обвиняли в преступлении, за которое полагалась смертная казнь (по-лат. *capit* — «лишение головы», отсюда и русское понятие «уголовный»). Без решения центуриатных комиций приговор не мог быть приведен в исполнение! Только народ имел право решать судьбу согражданина. Тем самым ставилась преграда на пути произволу должностных лиц, мздоимству судей, оговорам и сведению счетов. Но это было в идеале. В действительности же

закон о провокации постоянно нарушался, сенаторы добивались его отмены и откровенно не соблюдали.

Страдали от этого прежде всего плебеи, которых кредиторы несправедливо заковывали в цепи за якобы невыплаченные долги, а консулы вне очереди записывали в войско и гнали на войну лить кровь за интересы патрициев. Плебеи упорно добивались выполнения закона. В 449 г. до н.э., по закону консулов Валерия Потита и Горация Барбата, право провокации было возобновлено и объявлено, что ни один магистрат не может выбираться без права обжалования его действий, а тот, кто посягнет на это священное право, подлежит немедленной смерти и проклятию. Конечно, столь суровые кары не спасали от нарушений закона, но все же он стал фундаментом, на котором следующие поколения и цивилизации выстраивали здание прав человека и гражданина.

Содалы

Родовые связи и традиции почно опутывали римлян вплоть до конца Республики. Чем знатнее был род, тем больше вокруг него объединялось зависимых людей. Покровительства влиятельного главы фамилии искали не только плебеи-клиенты, но и члены обедневших патрицианских родов, особенно молодежь. Такие юноши становились содалами («друзьями») родового вождя. Они составляли его свиту, а в случае войны и дружину, и были связаны тесными узами взаимопомощи и взаимовыручки.

ОСАДА РИМА ПОРСЕНОЙ — ИСТОРИЯ ПОД ПЕЛЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ

Первое испытание Римской республике выпало уже в самом начале. Как передают источники, изгнанный царь Тарквиний Гордый, потерпев неудачу в союзе с латинами вернуть себе власть в Риме, обратился за помощью к этруским. На призыв откликнулся царь наиболее могущественного тогда города Клузий Порсена. В 508 г. до н.э. с огромным войском, усиленным сторонниками Тарквиния, он двинулся на Рим. Римские авторы времен Поздней республики рисуют нам героическую эпопею обороны Рима в виде вереницы славных подвигов доблестных патрициев. Хотя реальная картина несколько отличается от созданного мифа, сходного с описанием осады Трои в «Илиаде» Гомера.

Захватившие власть в Риме патриции оказались не готовы к нападению, да и собственных плебеев они боялись не меньше,

чем этрусков. Потому-то и поспешили хлебными подачками, снижением налогов на соль и временным освобождением племени от непосильных податей привлечь их на свою сторону и побудить сражаться за Республику.

Как уверяли древние писатели, Порсена не сумел овладеть городом: приступ был храбро отбит отрядами консулов Спурия Лукреция Триципитина и Валерия Попликолы. Длительная осада также не принесла успеха. В конце концов Порсена не только снял осаду, но и оставил в лагере на холме Яникул все добро в дар римлянам. Чтобы народ не разграбил попросту «дары Порсены», консулы поспешили распродать их с торгов.

Осада Рима Порсеной — исторический факт. Этруски были заинтересованы в сохранении в Риме власти царя этрусского происхождения, да и сам город занимал стратегически важное положение на пути из Этрурии на юг, к этруским колониям в Кампании. На самом деле Порсене удалось взять Рим штурмом (об этом сообщают Корнелий Тацит и Плиний Старший). Но восстановить власть царей он не смог и ограничился заключением с римлянами тяжелого для них договора: им запрещалось использовать железо для изготовления оружия, а только для орудий труда. В благодарность за милостивое обращение римляне даже соорудили Порсене статую на Форуме.

Причина же «милости» Порсены кроется в том, что вскоре он потерпел сокрушительное поражение недалеко от Рима, у Ариции от соединенного войска арицийцев и греков из Кум во главе с Аристомедом. Разгром надолго пресек планы этрусков укрепиться в Кампании, а для Рима стал подарком судьбы, позволив окончательно освободиться от этрусской зависимости.

Гораций Коклес

Когда царь Клузия Порсена напал на Рим, жители из окрестных сел на правом берегу Тибра поспешно бросились искать убежища в Риме. У Свайного моста через реку, единственного в то время, образовалась давка. Там оказался и молодой воин Марк Гораций Коклес (что значит «Одноглазый»). Отважный юноша не поддался панике и громко упрекал римских воинов, спасавшихся бегством. Вместе с ним у моста остались еще двое патрицианских юношей. Втроем они долгое время сдерживали натиск этрусков. За это время спохватившиеся римляне успели разломать мост, нарушив возможность переправы врагов.

Оба соратника Горация пали, и лишь тогда герой в полных доспехах кинулся в воду и под густым градом стрел сумел переплыть на левый берег.

В благодарность за его славный подвиг сограждане после победы воздвигли ему почетную статую на Форуме и выделили в награду участок земли такой величины, какой он смог обойти с плугом за целый день, что, впрочем, немного. Впоследствии статую перенесли на площадь Вулкана у Свайного моста. Не исключено, что это и был бог-кузнец, ведь первые статуи в честь людей появились в Риме около 400 г. до н.э., но римлянам так хотелось обессмертить имя древнего героя, что это уже неважно!

Бесстрашный Муций Сцевола

По преданию, происхождение прозвища «Сцевола» (Левша) в славном, но рано угасшем роду Муциев было связано не с врожденным качеством кого-либо из предков, но именно с подвигом, свершенным во время осады Рима Порсеной Гаем Муцием. Имя его, кстати, сохранилось и в названии Муциева луга, что за Тибром.

Не в силах бездействовать в осажденном Риме юноша является в Сенат и просит не считать его перебежчиком, ибо он решил направиться во вражеский лагерь на великое дело. Сенат выражает свое одобрение, и вот Муций с мечом за пазухой пробирается в ставку Порсены. Неопознанный, он появляется перед царским шатром в тот момент, когда царь с помощью разодетого писца раздавал войску жалование. Муция ввела в заблуждение сходная одежда (в те скромные времена царя мало чем выделялись среди толпы подданных), и он по ошибке вонзает меч в писца. В жаркой схватке убийца был схвачен и приведен к царю.

Отважный юноша Гай Муций назвал себя и заявил, что за ним собираются следовать еще триста смельчаков, готовых на все. Разгневанный царь посулил ему пытку, если он не признается, что значат эти угрозы. В ответ римлянин гордо бросил ему в лицо: «Знай, сколь мало ценят плоть те, кто жаждет великой славы!» И сам положил свою правую руку на пылающий алтарь, не проронив ни слова, ни вздоха, пока она обугливалась. Потрясенный его стойкостью, царь велел оттащить Муция от огня и отпустил домой. Сам же в страхе за свою жизнь, опасаясь, что за Муцием придут еще триста таких же героев, поспешил предложить римлянам перемирие.

Легенда о Муции Сцеволе получила распространение в III в. до н.э. не без влияния греческой мифологии. К сведению, в конце Республики и в период Империи в Риме действительно было несколько знаменитых юристов, знатоков права Муциев Сцевола. Но все они были из плебейского рода. Предоставим же читателю выбирать вариант происхождения прозвища «Левша».

Подвиг Клелии

Во время осады Рима Порсена потребовал от римлян выдать ему заложников, тогда он уйдет от города. Среди заложников оказалась знатная девушка Клелия. Воспользовавшись тем, что лагерь этрусков был расположен на берегу Тибра, она обманула стражу, под предлогом купания позвала с собой других девушек на реку и, неожиданно бросившись в воду, переплыла с ними на другой берег под стрелами неприятеля, вернув всех по домам.

Разгневанный Порсена вытребовал себе назад Клелию, но, изумившись ее храбрости, решил вознаградить. Он объявил, что отпускает ее обратно и дает ей право увести с собой часть заложников по выбору. Тогда она выбрала несовершеннолетних, как наиболее слабых и беззащитных. Такая небывалая женская отвага и рассудительность была прославлена римлянами в летописях, а самой Клелии в конце Священной улицы установили конную статую.

Впрочем, обычай ставить такие статуи пришел в Рим из Греции не ранее IV в. до н.э. Возможно, она изображала не Клелию, а богиню Венеру, а причудливая память римлян в более поздние времена придала ей черты легендарной героини — кто знает?

РИМСКИЙ НАРОД КВИРИТОВ

Плебеи

В течение царской эпохи римляне охотно принимали в свои ряды жителей покоренных городов, особенно латинских, а также добровольных переселенцев, привлеченных удобным расположением города и его военной мощью. Новые жители со своими родами распределялись по римским *куриям* и получали все права, какими пользовались и старожилы. Но примерно с конца VII в. до н.э. римская родовая община достигла пределов своего расширения и грозила стать неуправляемой. Поэтому прием но-

вых поселенцев в роды и курии был прекращен, хотя поток их на римскую территорию не ослабевал. В результате в Риме скопилось множество «чужестранцев», которые не входили в курии и *трибы* и были лишены прав коренных общинников — участвовать в куриатных комициях, занимать общественные должности и пользоваться земельными наделами на *общественном поле*. Позднее их стали называть *плебеями* или собирательно — *плебсом* (что значит «толпа, множество»).

Часть плебеев была принята в патрицианские роды в качестве *клиентов*, но большинство осталось вне общественной организации граждан-патрициев, хотя и было свободным. Именно эти люди, стоявшие вне родовой организации коренных римлян и порвавшие связи с родиной, оказались питательной средой для развития частнособственнических отношений. Плебеи обрабатывали небольшие наделы земли на правах частной собственности, занимались ремеслами и торговлей. У них складывалась собственная общинная организация, были свои роды, но очень рано выделилась зажиточная верхушка. Однако объединяло всех плебеев общее неравноправие с патрициями. Патриции не вступали с ними в браки и не допускали ни до какой должности.

Став по реформе Сервия Туллия воинами, плебеи получили право участвовать в *центуриатных комициях*, т.е. обрели некоторые гражданские права. Они приняли активное участие в установлении Республики, поскольку страдали от тяжелых строительных повинностей, которыми их обложил царь Тарквиний Гордый, но не получили главного: разрешения пользоваться общественным полем, громадные участки которого были источником благополучия патрицианских родов.

Неудивительно, что с самого начала Республики плебеи испытывали недостаток земли, а бесконечные войны, которые затевал Сенат в интересах патрициев, разоряли их и без того невеликие хозяйства. Страшным бичом для плебеев стало кабальное рабство. Плебеи вынуждены были арендовать землю у патрициев и влезать к ним в долги. Малейшая просрочка в выплате чудовишных процентов превращала плебея, нередко с женой и детьми, в кабальных рабов. Хозяин мог оставить их на своих бывших наделах, но уже как батраков, или даже продать. Вырваться из кабалы было невозможно. Уже в начале V в. до н.э. невыносимое долговое рабство распространилось настолько, что угрожало существованию плебеев как свободного сословия и вынудило их к борьбе за свои права.

В эпоху Ранней республики плебеи сложились в особое сословие, которое подвергалось угнетению со стороны патрициев. Особенно тяжела была «военная эксплуатация» плебеев, так как они составляли большинство пешего войска, но львиную долю добычи получали патриции, служившие преимущественно в коннице или командирами. В ходе длительной «борьбы сословий» плебеям удалось создать свою плебейскую организацию, трибунные комиссии во главе с *плебейскими трибунами* и добиться получения доступа к земле и отмены долгового рабства, а верхушка плебеев постепенно срослась с патрициями в единый правящий слой нобилей. С III в. до н.э. плебсом уже называют всю основную массу мелких и средних крестьян и ремесленников независимо от происхождения, включая даже вольноотпущенников.

Всадники на общественном коне

Царь Сервий Туллий в VI в. до н.э. учредил вдобавок к прежним трем сдвоенным центуриям конницы еще двенадцать новых центурий из богатейших людей, включая плебеев (всего 18). Причем лошадей им выделяло государство. А средства на их содержание доставляли ежегодно богатые вдовы и сироты, так как они освобождались от обычной воинской службы. Поэтому таких конников стали называть «всадниками на общественном коне» (*equites equo publico*). Всадник нес ответственность за свою лошадь и подвергался штрафам за нерадивое содержание. Как и древние «ромуловы» всадники, они продолжали пользоваться особым уважением и в центуриатных комициях всегда голосовали первыми (прерогативные центурии).

С конца V в. до н.э. в пору военной опасности богатые люди стали на собственные средства приобретать лошадей и нести на них военную службу. Они получили имя «всадники на собственном коне» (*equites equo privato*). В IV—III вв. до н.э. конницу в армии стали набирать среди союзных Риму племен, и боевая роль римских всадников сошла на нет. Однако члены всаднической организации и их потомки превратились в особое сословие и заняли в обществе привилегированное положение. Но они имели мало общего с прежней конницей, на лошадях не ездили, хотя по традиции продолжали получать от государства «общественного коня». Теперь это — сословие богачей, землевладельцев и ростовщиков, прибравших к рукам торговлю и финансы. Но это уже другая история.

Общественное поле

Аграрные отношения в Древнем Риме были сложны и запутанны. Но они красной нитью проходят сквозь всю римскую историю. Практика пользования землей — главной ценностью в древности — досталась римлянам в наследство от их родоплеменного прошлого и руководствовалась не письменным, а обычным правом.

В ходе войн римляне отбирали у покоренных народов в свою пользу третью часть их земли (или даже две трети в зависимости от силы сопротивления). Из этой земли образовывался запас земель, принадлежавшей всей римской общине — «общественное поле» (*ager publicus*). Со временем такие земли оказались разбросанными по всей Италии. Формально ими могли пользоваться все члены римской общины, но только родовой патрицианской, в действительности же ею распоряжался преимущественно Сенат, а его члены захватывали в свое владение большую и лучшую часть общественных земель. Плебеи как пришлые люди не подпускались к их освоению.

Нередко патрицианский род или фамилия брали земли гораздо больше, чем могли обработать даже с помощью клиентов, так сказать «на вырост». Тем самым обширные пространства угодий лежали невозделанными, в то время как плебеи корпели над жалким клочком земли под боком у патрицианских целинных залежей.

Фонд общественных земель постоянно пополнялся за счет войн, что обеспечивало примерное равенство граждан римской *civitas*. Вот почему римляне так заботились о приобретении новых земель, а война стала постоянным спутником их жизни и условием благополучия.

Оккупация и ассигнация

Словом *occupatio*, или попросту «захват», называлась у римлян такая форма владения земельным фондом «общественного поля», при которой земля распределялась среди патрицианских родов бесплатно и свободно, кто сколько сможет занять. Если патриций занимал землю более двух лет, она становилась его владением, а сам владелец назывался *possessor* («держатель»), но не был частным собственником. Участки оставались в собственности всей римской общины и периодически подвергались переделам, их можно было также отобрать за небрежное использование или за какие-либо преступления посессора против государства. Плебеи были отстранены от права оккупации, но в Ранней

республике с ростом земельного голода при наличии огромных владений знати стали предъявлять соответствующие права и требовали ограничить величину таких владений 500 югерами (125 га).

Ассигнацией (т.е. «наделением») у римлян называлось наделение граждан участками земли из фонда *ager publicus* на правах частной собственности. Как правило, это была лишь небольшая часть недавно захваченных у противника земель. Нередко патриции соглашались распределить ее среди плебеев, чтобы такой половинчатой мерой сбить накал борьбы за доступ ко всей общественной земле. Добавим, что распределялась она не бесплатно и была по карману лишь плебейской верхушке. Чаше всего такие земли выделялись на отдаленных границах государства, куда выводились колонии римских граждан. Таким способом сенат стремился избавиться от излишков беспокойного плебса. Но плебеев это никак не удовлетворяло, так как колонисты лишались многих гражданских прав.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ CIVITAS

Центуриатные комиции

Центуриатные комиции объединяли всех взрослых военно-обязанных граждан независимо от того, патриций он или плебей. Этим они резко отличались от родовых куриатных комиций, куда доступ плебеям был закрыт. Фактически центуриатные комиции считались собранием войска, поэтому местом их проведения стало Марсово поле. Туда на рассвете по сигналу трубы *classicum* сходились граждане, сначала с оружием, а затем и без, чтобы дать решение по важнейшим для всего государства законам и выбрать себе консулов. На время проведения комиций на Капитолии взвевался красный флаг, в знак того, что войско покинуло город, а на холме Яникул выставляли сторожевой пост на случай нападения врагов.

Совершив молебствия, председательствующие консулы (или диктатор) расставляли центурии по местам и тянули жребий, чтобы определить, какая центурия будет голосовать первой. Она называлась прерогативной, или «центурией для предварительного голосования», и выбиралась вначале только из 18 центурий всадников, затем — и из центурий первого класса. Римляне смотрели на выборы, как на своего рода определение воли богов, и эту волю являла прерогативная центурия. Только после объявления ее результата к голосованию приступали все остальные, причем их выбор редко противоречил ее решению.

Каждая центурия обладала одним голосом. Голосование начиналось с 18 центурий всадников, затем вызывались 80 центурий первого класса, а в случае разделения их голосов поровну приглашали голосовать центурии следующих цензовых разрядов. Однако вместе центурии первого класса и всадников (98) превосходили числом все остальные (95), что обеспечивало им преимущество при решении любых вопросов. Это бросалось в глаза уже античным авторам и приводило их к выводу, что Сервий Туллий перехитрил народ, предоставив ему формальные политические права, фактически же исключив его из участия в управлении общественными делами. На самом деле такая непропорциональность объяснялась чисто военным характером центуриатных комиций — ведь основой войска были тяжеловооруженные гоплиты и конница, у них и было больше всего центурий.

В середине III в. до н.э. центуриатные комиции подверглись серьезному реформированию: отныне центурии состояли из всех жителей сельской трибы независимо от состояния. Каждый класс выставлял теперь по 70 центурий — по десять от трибы, и их вместе с 18 центуриями всадников и пятью «нестроевыми» стало 373. В эпоху Поздней республики центуриатные комиции превратились в собрания небольшой части римлян, решения подчас принимала кучка городского плебса, подкупленная различными влиятельными политиками. Диктатор Сулла в 82 г. до н.э. сделал попытку восстановить истинную «сервианскую» конституцию, но вскоре она была отменена.

Однако центуриатные комиции сыграли важнейшую роль в развитии Римского государства. Они превращали толпу в народ, служили ареной политических споров, приобщали граждан к формированию государственных органов, создавали главный инструмент деятельности государства — законы.

Мостки и загоны

Голосование в центуриатных комициях проходило в больших, окруженных дощатым забором отсеках на Марсовом поле, похожих на загоны для скота. — они так и назывались «овчарни» (oviles). К загоны со множеством входов во избежание суетоки проходили по специальным деревянным мосткам, у каждого из которых уже толпились члены той или иной центурии. Мостки и загоны сохраняли свой скромный вид в течение столетий. Только мостки делались все уже, чтобы исклю-

чить просачивание посторонних. А в начале IV в. до н.э. молодежь даже сталкивала с мостков престарелых граждан, требуя запретить им участие в выборах.

По сигналу центурии одновременно приступали к голосованию. При входе на мост гражданин получал табличку, на которой сам или с помощью писца писал имена своих кандидатов в магистраты. На другом конце моста, у входа в загон таблички опускали в урну. Попав в загон, гражданин уже не мог выйти и проголосовать таким образом дважды. Кстати, такой порядок был установлен только в 139 г. до н.э. и стал большой победой народа, ибо до тех пор избиратели вслух объявляли писцу свое мнение и бедняки опасались открыто выступать против знати, да и подтасовать результаты было легче.

Трибутные комиции

В ходе борьбы плебеев за равные права с патрициями возникли собрания плебеев по округам — трибам. Они назывались «советом плебса» (*concilium plebis*). Первоначально они собирались в противовес патрицианским куриатным комициям. Но по мере усиления позиций плебеев в государстве их значение росло. По закону 449 г. до н.э. «совет плебса» был преобразован в трибутные комиции, а решения их — плебисциты (постановления плебса) объявлялись обязательными для всех граждан, включая патрициев, после утверждения сенатом. В 339 г. до н.э. законом плебейского трибуна Публилия Филона подтверждалась обязательность плебисцитов для всех граждан, но Сенат уже должен был утверждать их предварительно, на стадии законопроекта, что ослабляло зависимость трибутных комиций от сенаторов. Сопrotивление последних вызвало необходимость еще раз подтвердить в 287 г. до н.э. при первом плебейском диктаторе Квинте Гортензии политические права трибутных комиций как общенародного собрания, а плебисциты освобождались от мнения Сената.

С самого начала трибутные комиции отличал демократический характер. В них участвовали все жители триб независимо от сословия и состояния (*ценза*). Каждая триба имела один голос и равные права. Поэтому они представляли римский народ в наиболее полном виде, а численный перевес плебеев в сельских трибах помогал им нередко брать верх над патрициями. Недаром плебеи усиленно стремились превратить трибутные комиции в высший орган народовластия, оттеснив не только куриатные, но и центуриатные комиции от решения большинства государственных дел. Это встречало ожесточенное сопротивление патрициев.

Все же в конце V — IV в. до н.э. трибунные комиции сосредоточили в своих руках объявление войны и принятие большинства видов законов. Главными из них были земельные и долговые законы. Однако у них не было законодательной инициативы: они обсуждали только вопросы, внесенные магистратами и одобренные Сенатом. В конце IV в. до н.э. реформы цензора *Аппия Клавдия Цека* еще более усилили демократическую направленность этих комиций. В эпоху реформ братьев *Гракхов* (II в. до н.э.) именно в трибунных комициях, превратившихся в основной вид Народного собрания, кипели политические схватки и решалась судьба большинства римского крестьянства.

Сенат

С установлением Республики римский Сенат приобрел ведущее значение. Теперь не один раз за все правление царя, а ежегодно после сложения консулами своих полномочий сенат назначал «междущарей»-*интеррекссов* для проведения новых выборов. И от предложенной ими кандидатуры зависел исход голосования в центуриатных комициях, где патриции также преобладали в политическом отношении.

Ни один законопроект не поступал на рассмотрение Народного собрания, если не был вначале одобрен Сенатом. Лишь трибунные комиции избавились от этой зависимости. Более того, Сенат имел право одобрять уже принятый закон; лишь после этого он считался окончательно принятым. Благодаря этому контроль Сената за деятельностью Народных собраний еще более усилился по сравнению с эпохой царей. Ведь цари играли самостоятельную роль, а республиканские магистраты — консулы должны были отчитываться перед Сенатом в своих действиях и целиком зависели от его воли.

Сенат обсуждал все текущие дела, вопросы собственности, земельных и родовых отношений, принимал иноземных послов и сам отправлял посольства. Его волей начинались многие войны, в которых «убойным мясом» служили плебеи, а результаты присваивали себе патриции. Он распределял военную добычу и прежде всего отнятую у врагов «общественную землю», потворствуя ее бесконтрольному захвату патрициями и самими сенаторами. Сенат определял численность войск и ведал их снабжением. Словом, он сосредоточил в своих руках контроль за всей жизнью и управлением Рима.

Сразу после учреждения Республики Сенат был увеличен до трехсот человек за счет богатейших всадников и плебеев, чтобы привлечь их на свою сторону. Но в отличие от прежних, исконных сенаторов — «отцов» (*patres*), входивших в его состав по праву глав родов и фамилий, новые члены Сената получили название «конскриптов» («приписанных»). С тех пор сенаторов официально именовали: *patres conscripti* («отцы-сенаторы», или точнее «отцы и приписанные»). В конце II в. до н.э. число сенаторов, по закону Гая Гракха, возросло до шестисот. Старейший из сенаторов именовался принцепсом («первым»). Он не пользовался официально особой властью, но при принятии решений его мнение всегда спрашивали первым. В конце I в. до н.э. Октавиан Август присвоил себе пожизненный титул принцепса, поэтому и первый период Империи вошел в историю как принципат.

С V в. до н.э. состав Сената стал пополняться магистратами, отслужившими свой срок. Затем это правило стало автоматическим, и Сенат превратился со временем в собрание бывших магистратов. Они заносились в особый список. Причем первыми стояли бывшие цензоры, затем консулы и преторы. Созывать Сенат могли только высшие магистраты. А решение Сената называлось декретом или сенатусконсультом и формально считалось советом, консультацией, но на деле ставилось наравне с законами. В эпоху Поздней республики Сенат из пожизненных членов и их потомков образовал высшее, сенаторское сословие, обладавшее множеством привилегий. Несмотря на многочисленные проявления народом недовольства всевластием Сената и попытки его ограничить, никто не посягнул вообще отменить этот оплот олигархии. Даже диктаторы Сулла и Цезарь, которые устраивали на сенаторов настоящую охоту и пополняли Сенат своими сторонниками и вольноотпущенниками, обращались к нему за одобрениями своим действиям. Сенат был необходим как единственный постоянный и профессиональный орган управления, к тому же обладающий особым священным авторитетом (*patrum auctoritas*), данным ему богами и считавшимся источником его власти.

Интеррекс

После смерти царя Сенат назначал так называемое междуцарствие. В период междуцарствия, вплоть до выборов нового царя, государством управляли по 10 человек, выбираемых из среды сенаторов — интеррексов (досл. «междуцарей»). Они правили по пять дней, причем

ликторы были у одного. Затем власть переходила к следующей десятке. Главной задачей их было подготовить и организовать выборы нового царя и назвать кандидата. Делалось это для того, чтобы не прерывалось действие священного *империя*, без которого община не могла существовать. В период Республики междуцарствия стали проходить ежегодно после сложения консулами своих полномочий и давали в руки сенаторов действенное оружие для усиления своей власти. Иногда ин-террексы правили месяцами.

МАГИСТРАТУРЫ

В эпоху Республики высшая власть в Риме принадлежала выборным должностным лицам — магистратам (от *magister* — *начальник*). Все магистратуры были коллективными, образуя коллегии, члены которых назывались коллегами. Этим стремились предотвратить злоупотребления и опасность усиления единоличной власти.

Все выдающиеся римляне времен Республики проявляли себя и на государственном поприще, и на военной службе. Не случайно латинское слово *virtus* (доблесть) произведена от *vir* (муж). Обязанности магистратов считались не работой, а почетом и потому были безвозмездными. Более того, кандидат на должность должен был выложить немало собственных средств на избирательную кампанию, а после избрания содержать за свой счет целый штат служителей, писцов, глашатаев, охраны и т.д. В конце Республики расходы достигали 60 талантов золота, т.е. миллионы сестерциев! Только очень богатый человек мог позволить себе претендовать на магистратуру. Зато во время исполнения должности он освобождался от судебного преследования и не мог быть смещен.

Система магистратур сложилась окончательно к IV в. до н.э. и подразделялись на обычные (ординарные) и чрезвычайные (экстраординарные). К первым относились 2 консула, 2 цензора, 2 претора, 4 эдила, 10 плебейских трибунов и 4 квестора. Ко вторым — диктаторы и коллегии для решения особых дел, называвшиеся по числу членов: коллегии десяти мужей (децемвиры), двух (дуумвиры) и другие.

Консулы

Консулы (от лат. *consulo* — *совещаться*) являлись высшими должностными лицами. Как говорил Цицерон, консулы обладали властью (*империем*), равной царской, но действовавшей толь-

ко в течение года. Два консула были равноправны и могли отменять решения коллеги, если оно противоречило законам и интересам государства (право интерцессии).

Консулы поочередно командовали армией, осуществляли высшую гражданскую власть, обладали правом созывать Сенат и Народные собрания, где предлагали народу законопроекты. Каждый консул правил в течение месяца, после чего передавал свои полномочия коллеге. Символами их власти выступали унаследованные от царской власти двенадцать *ликторов*, неших в руках фаски с топориками. Любое их действие могло быть обжаловано в Народном собрании (право провокации). Но во время военных действий консул пользовался в войске неограниченной властью. Он совершал священнодействия, определяя волю богов, и мог приговаривать воинов к смерти за любой проступок.

Империй

Римляне верили, что вся их жизнь определяется и направляется богами, которые являют свою волю в знамениях. Поэтому и высшую власть над общиной осуществляли боги: могучий Юпитер, грозный Марс и рассудительный Квирин, не говоря уже о множестве других. Но они правили не сами, а с помощью земных заместителей, которым передавали знаки своего благорасположения и право сообщать людям повеления богов. Эта мистическая сила воплощалась в империи (*imperiū*, от *impero* — «повелевать»). Она наделяла избранника сверхъестественной силой, в ней воплощалась мощь всей общины, ее процветание.

Империй считался достоянием всех граждан и лишь на время переходил к магистрату. От имени всей общины и под покровительством богов его специальным законом вручали куриатные комиции. Неделимый империй давал право приказывать и повелевать жизнью и смертью воинов и граждан. Поэтому только высшие правители — царь, а затем консул и диктатор — имели право распоряжаться империем.

Преторы

Вначале так называли предводителей войска, которым помогал заместитель — *квестор*. Ученые полагают, что вначале Республики возглавляли Рим один или два претора («идущих впереди»), т.е. военачальника. Лишь в середине V в. до н.э. они были переименованы в консулов, а их полномочия расширены.

В середине IV в. до н.э. преторам была передана судебная власть. С тех пор один из них (городской претор) разбирал тяжбы римских граждан, а второй (претор peregrinorum) занимался делами чужеземцев, проживавших или посещавших Рим. Преторам принадлежало право издавать указы, где толковались нормы и правила применения законов. Эти указы (эдикты) составили основу римской юридической системы — преторское право.

Ликторы и фасции

Почетная стража из 12 *ликторов* возникла в Этрурии и в конце царской эпохи была заимствована римлянами. В период Республики перед каждым консулом во время всех появлений в народе шествовали шесть ликторов, а перед диктатором — все двенадцать. Одетые в белые тоги-претексты ликторы несли на правом плече связки прутьев — фаски (или фасции — от лат. *fascis*, «пучок», «вязанка»). Долгое время они имели практическое применение. Этими розгами секли приговоренных к наказанию. В фасции во время выхода консулов в военный поход вставлялся топорик с двумя лезвиями. Он пришел к этрускам из темной глубины веков — из крито-микенского мира. Греки называли его «лабрис» и считали религиозным атрибутом критских царей. Топор мог в любую минуту отсечь голову смутьяну или дезертиру.

Цензоры

Должности двух цензоров были учреждены в 443 г. до н.э. Их могли занимать только патриции и сенаторы из бывших консулов на срок 18 месяцев. Обязанностью цензоров было распределять всех граждан по имущественным классам и проверять списки членов Сената и сословия всадников. В их власти было исключить из этих списков любых людей, заподозренных ими в неблагоприятных проступках или безнравственном поведении. Эти права были переданы им в 312 г. до н.э. законом Овиния. Должность цензоров считалась самой почетной, вершиной карьеры магистрата. В 338 г. до н.э. по закону Публилия Филона один из цензоров обязательно должен был избираться из плебеев. В анналах истории сохранились имена великих цензоров Аппия *Клавдия Цека* и *Катона Старшего*.

Диктатор

Магистратура диктатора была чрезвычайной. Его назначали в случае тяжелой или продолжительной войны для выполнения конкретной задачи и на срок не более шести месяцев. Но многие диктаторы в период Ранней республики слагали свои полномочия и через две недели после назначения.

Впервые диктатура возникла в начале V в. до н.э. во время войны с латинами. Однако в науке существует мнение, что под именем «начальник народа» (*magister populi*) такая должность была и при царях. Они замещали царей, если те отсутствовали или были больны.

Единственный из всех магистратов, диктатор не избирался, а назначался консулом по решению Сената. Фактически тем самым Сенат осуществлял свое прямое правление войском и всей общиной. Сам диктатор обязан был выбрать себе помощника — начальника конницы (*magister equitum*). Диктатор обладал высшей властью, ему подчинялись все остальные магистраты, включая консулов. При нем не действовало право провокации, закрывались суды; диктатор не привлекался к ответственности после окончания службы.

Но пределы полномочий диктатора были достаточно узки — это ведение военных действий. Лишь с IV в. до н.э. начинают назначать диктаторов и для решения внутренних дел, например, для освящения храма или процедуры «вбивания гвоздя» в его стену, чтобы этим магическим действием предотвратить страшную эпидемию или стихийное бедствие. Поскольку к диктаторам переходил не только высший империй, но и право осуществления государственных *ауспиций*, считалось, что их заступничество перед богами будет эффективнее.

В период Ранней республики диктаторы назначались почти ежегодно, что говорит о неразвитости в то время государственной власти. После диктатуры Квинта Гортензия в 287 г. до н.э. она исчезает с политической сцены. Однако в смуте гражданских войн I в. до н.э. о ней вновь вспоминают, и диктатором становится Луций Корнелий Сулла, а вскоре и Юлий Цезарь. Но поздняя диктатура существенно отличается от ранней: она становится пожизненной (у Цезаря) и направленной против не внешних врагов, а политических противников внутри государства. С тех пор понятие «диктатура» становится синонимом жестокого, авторитарного, зачастую незаконного правления.

Консулярные трибуны

С 444 г. до н.э. наряду с консулами в течение семидесяти лет выбирались и военные трибуны с консульской властью, или консулярные трибуны, среди которых были и плебеи. Количество трибунов менялось из года в год: нередко оно достигало четырех-шести человек. Они обладали равными властью и империем. Но их должность считалась более низкой по сравнению с консулами. Они как бы оставались военными командирами, заместителями консулов. Одновременно с учреждением должности из ведения консулярных трибунов было изъято право проведения ценза и передано в руки специально созданной патрицианской магистратуре цензоров.

Каждый год разгорались нешуточные страсти по поводу того, каких именно магистратов выбирать: консулов или консулярных трибунов — Сенат стоял за первых, но если верх брали плебеи, то выбирали вторых. Кстати, плебеев среди них было не так уж много, дело было, скорее, в принципе. Кроме того, плебейам было не безразлично, под чьим началом воевать. Переходная должность консулярных трибунов сыграла важную роль в демократизации высшей магистратуры Рима и привлечении плебейской верхушки к управлению государством. В 367 г. до н.э. консулярный трибуна́т был окончательно заменен обновленной коллегией консулов.

Плебейские трибуны

Название происходит от слова «трибы», где и проживали плебеи. Плебейским трибуном мог стать только плебей. В Поздней республике патриций, желавший занять эту должность, обязан был перейти в плебейский род. Впервые плебейские трибуны были избраны собранием плебеев в 494 г. до н.э. Сначала их было двое с тремя помощниками, с 471 г. — пять, а с 459 г. — десять.

Плебейские трибуны избирались сначала сроком на один год *центуриатными*, а с середины V в. до н.э. — *трибутными комициями*, т.е. стали общегражданской магистратурой. Их должность была священной, а личность — неприкосновенной. Любой, кто посягнет на жизнь и достоинство трибуна, обрекался на смерть и проклятие богов, а его имущество конфисковывалось. Такими мерами плебеи стремились оградить своих защитников от давления и ненависти патрициев.

Впрочем, не всегда успешно. Не раз на Форуме звучали из уст сенаторов оскорбления трибунов, устраивались побои. Тем не ме-

нее плебейские трибуны вошли в историю как пламенные борцы за права плебеев, несгибаемые защитники обиженных и угнетенных.

Власть плебейских трибунов была очень велика. Они могли созывать трибутные комиции, вносить законопроекты в другие виды Народных собраний. Трибуны не подчинялись ни консулам, ни сенаторам. Они могли даже арестовать консулов и опротестовать решение Сената (право интерцессии, т.е. «вмешательства»). Они обладали правом вето в отношении решений магистратов — для этого трибуну достаточно было произнести слово «Veto» («Запрещаю!»). Трибуны не имели право войти в Курию, где заседал Сенат, но, сидя у дверей на особой скамеечке, могли накладывать вето на его решения.

Плебейские трибуны обладали большими судебными полномочиями. Они могли вызвать к себе любого гражданина и подвергнуть аресту или денежному штрафу всех, кто им противодействовал. Наряду с этим они имели право прекращать следствие, освобождать из тюрем должников и брать под защиту уклонявшихся от обременительной военной службы.

Но главное право плебейских трибунов заключалось в том, что они оказывали помощь и покровительство каждому обращавшемуся к ним плебею, а впоследствии и каждому гражданину. В любое время дня и ночи обиженный мог постучаться в их дверь, прося защиты. Поэтому трибуны не должны были отлучаться из Рима, а двери дома держали открытыми даже ночью.

Власть трибунов была ограничена только территорией города Рима и его окрестностями не далее полутора миль. В войске во время похода она не действовала. Кроме того плебейские трибуны могли отменять и решения друг друга, сводя на нет действия коллег. Этим стремились пользоваться сенаторы, подкупая или переманивая на свою сторону отдельных нестойких трибунов. К трагическим последствиям привела такая практика во II в. до н.э. во время реформ *Тиберия Гракха*.

Эдилы

Жизнь римлян проходила не только на Форуме и в комициях; она кипела на рынках, улицах, в храмах. С ростом города все сложнее было поддерживать в нем порядок. Для этих целей и была учреждена должность эдилов. Двое из них назывались курульными. Они избирались из патрициев и обладали правом восседать на курульном кресле. Должность курульных эдилов была учреждена в 366 г. до н.э. в противовес плебейским эдилам, которые с 494 г. до н.э. выступали помощниками плебейских трибунов.

Судя по названию (от *aedes* — *храм*), вначале эдилы были попечителями храмов и заведовали общественной казной, хранившейся в них. Затем им было поручено следить за благоустройством города, порядком на рынках и справедливыми ценами. Отсюда уже недалеко было и до обязанности обеспечивать растущий город продовольствием, особенно хлебом, которого всегда не хватало и приходилось снаряжать целые экспедиции то в Сицилию, а то и в Египет, чтобы предотвратить голод. Мало этого, эдилы заботились также и о проведении общественных игр и празднеств, значение которых возрастало по мере усиления могущества Рима. Так, курульные эдилы организовывали Римские игры, а плебейские соответственно опекали Плебейские игры.

Квесторы

Как полагают, квесторы (от *quaestio* — *расследование*) возникли в царскую эпоху и занимались расследованием уголовных дел в качестве низших судей. В начале Республики они стали помощниками консулов, позднее одной из низших магистратур, первой ступенькой для честолюбивого политика. Но роль их была поистине незаменима. Ведь они заведовали государственной казной, вели опись всех расходов и доходов — выступая своего рода бухгалтерами Древнего Рима.

В военных походах они сопровождали консулов и диктаторов и распоряжались распределением или чаще продажей с торгов военной добычи и пленных. А ведь добыча и примитивный грабеж других народов составляли вожделенную цель бесчисленных войн римлян. Значит, от квесторов зависело благосостояние государства в целом и отдельного воина в частности. С IV в. до н.э. именно они стали выплачивать воинам жалование или премиальное вознаграждение из добычи.

«БОРЬБА СОСЛОВИЙ»

Первая сецессия плебеев и «священные законы»

Борьба плебеев за равные права с патрициями пронизала историю всей Ранней республики и длилась более двухсот лет. Она определила длительность складывания в Риме государства и

гражданского общества, но стала плавильным тиглем общественных и политических процессов, показав, как трудно добиться своих прав мирным путем.

Борьба плебеев принимала разные формы. Уже к началу V в. до н.э. *плебеи* составляли большинство войска, но страдали от нехватки земли и долгового рабства. А *патриции* отправляли их на все новые войны. Характерный эпизод проводит Тит Ливий. Однажды на Форум ворвался старик весь в рубцах, изможденный и оборванный. С великим изумлением узнали в нем прославленного командира центурии — центуриона. Собравшейся толпе плебеев несчастный поведал, что пока он воевал на сабинской войне, враги опустошили его поле, сожгли дом и разграбили добро. Пришлось ему лезть в долги, чтобы выплатить военный налог трибут. «Взросший от процентов долг лишил его дедова и отчего поля и, наконец, подобно заразе, вьелся в само его тело: заимодавец не просто увел его в рабство, но заковал в колодки и бросил в застенки, подвергая побоям», — писал Ливий. Вид иссеченного тела заслуженного центуриона словно прорвал плотину гнева. Множество людей оказалось в таком же положении. Перепуганные сенаторы укрылись по домам (а ведь многие из них и были заимодавцами и ростовщиками!) И вот, в 495 г. до н.э., когда на Рим двигались вольски, плебеи отказались братья за оружие: «Сенаторы пусть воюют, чтобы опасности войны пришлось на долю тех, на чью и добыча!» — рвался клич из их груди.

С огромным трудом, пообещав серьезные уступки и облегчение долговой кабалы, удалось консулу Сервилию собрать войско и отбросить вольсков. Но на границах замаячили отряды сабинян, эквов и аврунгов. Значит, снова война, гибель кормильцев и закабаление семей плебеев? А тут еще второй консул Аппий Клавдий, надменный ревнитель господства патрициев, принялся с пристрастием вершить суд над должниками, заковывая в цепи и тех, кого простил ранее Сервилий. Город бурлил негодованием.

Консулы тем временем объявили очередной набор. Придя на Форум, они поднялись на четырехугольное возвышение (трибунал, названный так от трибы), где стояло курульное кресло, и стали выкликать имена юношей-призывников. Но никто не отозвался. Посланных для наведения порядка ликторов толпа народа отогнала. Пытавшихся вмешаться сенаторов чуть не забросали камнями. В страхе созывают Сенат. Ожесточенные

сенаторы причиной неповиновения черни считают не собственную алчность, а право провокации! И предлагают назначить диктатора.

Диктатор Маний Валерий, где угрозой расправы, а где посулами смягчить бремя долгов, сумел набрать войско и одержать славную победу, захватив богатую добычу. Вернувшись, диктатор предложил Сенату утвердить его распоряжения относительно освобождения должников из рабства. Своекорыстный Сенат, оправившись от страха, чванливо отклоняет его. Честный Маний Валерий, разгневанный такой близорукостью, слагает с себя полномочия, чем заслуживает признательность плебеев. Напряжение витает в воздухе.

Опьяненные гордыней, сенаторы из страха перед народными сходками повелевают вывести победоносное войско из города, хотя война уже закончена. Последовал взрыв: в 494 г. до н.э. возмущенные плебеи уходят из города, но уходят сами, без позволения консула. Они удаляются на Священную гору в трех милях от Рима (по другому мнению — на холм Авентин, оплот плебеев в Риме). Там плебеи-воины устраивают лагерь, обнеся его частоколом, и выбирают из своей среды предводителей. С тех пор *сецессия* (т.е. «удаление») из Рима стала действенной формой борьбы плебеев.

Как передают источники, в Риме воцарился великий страх: город оказался без войска, оставшиеся плебеи боялись мести патрициев, сенаторы — насилия со стороны плебеев. Пришлось патрициям смирять гордыню и принимать меры по возвращению мятежников. Почтенный сенатор Менений Агриппа убедил плебеев пойти на примирение ради «согласия сословий».

Сецессия 494 г. до н.э. закончилась возвращением плебеев на условиях создания специальной должности плебейских трибунов и принятия патрициями «священных законов» (*leges sacrae*) о прощении мятежников и соблюдении прав плебеев в будущем. Однако это было лишь прологом к новым схваткам.

Взлет и низвержение Кориолана

Образ Гнея Марция Кориолана яркой звездой вознесся на небосклоне раннеримской истории и стал сюжетом многих литературных произведений, в том числе одноименной трагедии Шекспира. Многие в связанной с ним легенде могло быть приукрашено и просто выдуманно. Но сам образ героя без всякого

сомнения вызрел на почве реальной жизни и ярко воплотил в себе всю противоречивость внутренней борьбы в Риме патрициев и плебеев, те муки, в которых рождалось единое Римское государство.

Гней Марций (в некоторых источниках его ошибочно называют Гаем) рано осиротел и воспитывался матерью, истинной римлянкой Ветурией. Будучи родовитым патрицием, Марций не мыслил иной жизни, чем ратное дело. В ожесточенной битве при Регильском озере (499 г. до н.э.) безусым юношей он спас в бою римского воина — высший подвиг по понятиям того времени. За это диктатор Постумий наградил его среди немногих одной из высших наград — дубовым венком. В последующих войнах он неизменно проявлял свою беспримерную доблесть, радуя мать новыми наградами. В 493 г. в битве за город племени вольсков Кориолы он во главе горстки смельчаков один противостоял неприятелю, совершившему дерзкую вылазку. Увидев ворота, открытые для возвращавшихся из вылазки вольсков, он устремился к ним, увлекая безумной храбростью дрогнувшие римские войска. Участь Кориол была решена, а Марций получил почетное прозвище «Кориолан» и вдобавок десятую часть всей добычи (легенда гласит, что от добычи он отказался).

Неуемность натуры Кориолана проявилась и в мирных делах. Он был одним из самых крайних приверженцев патрициев и взглядов своих не скрывал. Марций считал, что только патриции достойны управлять государством. Не было в Риме в то время большего ненавистника плебеев, чем Марций Кориолан. Он был решительно против каких-либо уступок плебеям, предлагая успокаивать толпу только силой. С особой неприязнью относился он к только что учрежденным плебейским трибунам. Во время голода он открыто выступил за продажу плебеям купленного на Сицилии зерна по самой высокой цене, если те не откажутся от этой должности. Излишки плебеев он предлагал высылать в колонии, лишая их тем самым большинства гражданских прав.

Сказать, что поведение Кориолана возбуждало недовольство народа, значит, не сказать ничего. Но от него стали отходить и многие соратники. Во время выборов консулов Кориолан выставил свою кандидатуру, но был поддержан только патрициями. Народ именовал его не иначе как «палач плебеев». От расправы Кориолана спасло только то, что плебейские трибуны вызвали его в суд. Марций высокомерно отверг саму мысль, что

судить его будут трибуны: «Они — для плебеев, но не для патрициев», — заявлял он. Но негодование народа пересилило желание сенаторов защитить своего представителя. В день разбирательства Марций на процесс не явился и был осужден заочно. Правда, есть и другие мнения древних авторов: Марций был-таки в суде, но в ответ на обвинения в измене народу заявил, что плебеи для него — не народ и еще пожалеют о содеянном, он же из презрения к ним удаляется в изгнание.

И Кориолан ушел, да не куда-нибудь, а к недавним врагам вольскам. Там он нашел гостеприимство у знатнейшего из них Аттия Туллия. Вместе они замыслили коварство. В Риме тогда повторяли *Римские игры* из-за неблагоприятных знамений о первых. На празднество собралось множество гостей из других народов; больше всех было вольсков. Но Аттий Туллий тайно, якобы из чистого доброхотства, уведомил Сенат о несдержанном и вспыльчивом характере своих сограждан, чем спровоцировал решение Сената об их удалении из Рима. Толпу оскорбленных соплеменников на обратном пути встретил пышущий сочувствием Туллий и стал подстрекать отомстить римлянам за оскорбление.

Полководцами в этой войне стали Аттий Туллий и Гней Марций Кориолан. Жгучая ненависть к плебеям сделала его изменником. Его полководческие таланты проявились сполна. Он отвоевал у Рима латинские города и подступил к стенам родного города, предавая по пути особенно беспощадному грабежу поля плебеев, но щадя владения патрициев. Мирные посольства Кориолан с презрением отвергал. Тогда римские женщины, по совету знатной римлянки Валерии, умолили его мать и жену Волюнию отправиться к грозному вождю.

И вот уже толпа женщин во главе с Ветурией с детьми на руках приходит во вражеский лагерь. Сыновья преданность побудила Кориолана броситься в объятия матери. Но та отстранила его со словами: «Прежде скажи, к кому я пришла? К врагу Рима или к своему сыну? Кого я произвела на свет? Неужели предателя, который, не роди я его, не стоял бы сейчас с войском врагов под стенами Рима? Чтобы я не видела этого позора, лучше убей меня сразу!» Не смог Кориолан устоять перед слезами матери и жены и приказал отвести войска от Рима. Вернувшимся женщинам Сенат предлагал великие награды за их подвиг, но они отвергли их, просив только, чтобы им дозволили соорудить храм, посвященный Женскому счастью, на том месте, где гордость и воля Кориолана были побеждены его матерью.

Судьба Кориолана теряется во мраке древних преданий. Полагали, что он погиб от рук возмущенных двойным предательством вольсков, но передавали также, что он дожил в изгнании до глубокой старости, повторяя, что доля изгнанника из отечества — самая горькая.

Конечно, можно (и нужно) осуждать Кориолана за чрезмерное честолюбие, гордыню и тупое упрямство аристократа, но не следует забывать, что Гней Марций Кориолан, воспитанный в родовых традициях, был свято уверен в непогрешимости своей позиции и праве патрициев на верховную власть как исконных граждан Рима в противовес каким-то пришельцам без роду и племени, плебеем. Трагедия Кориолана в том, что его честное и безупречное следование отжившим родовым устоям пришло в противоречие с новой эпохой. И вынести этого противоречия Кориолан не смог, потому и умер.

Предатель патрициев Спурий Кассий

Борьба плебеев за право занимать и обрабатывать земельные наделы из фонда *общественного поля* была долгой и трудной. Не раз плебейские трибуны вносили в центуриатные комиции аграрные законопроекты (рогации) о наделении плебеев землей; все они проваливались голосами центурий всадников и первого класса, где заправляли патриции. Несправедливость отстранения плебеев от земли, которую они сами добывали в сражениях у врага, осознавали и лучшие представители патрициев. Они понимали, что правильнее поделиться частью, чем потерять все из-за тупости Сената и озлобления плебеев.

Но Сенат не прощал «изменников» замшелым родовым привилегиям. Предложения немногих смельчаков о разделе земли отвергались с порога, а их самих ждали опала и унижения. Так, в 467 г. до н.э. они обрушили ярость на консула Тита Эмилия за его предложение о справедливом разделе земли. Спасло его половинчатое решение коллеги вывести колонию в захваченный недавно город Анций и тем самым заткнуть подачкой рот плебеем.

Но, пожалуй, самая горестная судьба выпала на долю **Спурия Кассия Вецеллина**. Лицо это историческое. Неоднократный консул, победитель эквов и герников, заслуживший почетный триумф, Спурий Кассий в 493 г. до н.э. заключил знаменитый договор с латинами, предполагавший равноправие двух родст-

венных народов. В этом проявилось умение Кассия регулировать сложные отношения с соседями. Текст «Кассиева договора», выгодного римлянам, был выбит на бронзовом столбе и выставлен на Форуме. Вновь избранный консулом, он в 486 г. до н.э. заключил договор с герниками, по которому у них было отобрано две трети земель, поступивших в фонд римского общественного поля. И вот этот блестящий полководец и государственный муж предлагает половину захваченных земель отдать союзным латинянам, согласно договору, а половину — римским плебеям. Более того, он замахнулся и на ту часть старых общественных земель, которой незаконно владели частные лица. А лицами этими были многие сенаторы! И они быстро поняли, какая опасность грозит их имуществу, которое они привыкли считать безраздельно своим.

Сенаторы и второй консул грудью встали на защиту своих «прав». На сходках и площадях они стали кричать, что такими щедрыми дарами «за чужой счет» (напомним, земля считалась не частной, а достоянием всей общины) Спурий Кассий ищет популярности, опасной для свободы, что он пролагает-де себе дорогу к царской власти! Главный упор делался на принятие в долю союзников латинов — как можно с кем-либо делиться римским богатством? Это грабеж плебеев! Это желание Кассия стать их вождем! На самом же деле Кассий обнаружил большой государственный ум. Уступая часть земель союзникам, он создавал из них заслон против вольсков и эквов, а, идя навстречу плебеям, пытался смягчить внутренние противоречия.

К сожалению, демагогия патрициев возымела успех и часть плебеев поддалась на «патриотическую» пропаганду сенаторов, усмотрев в разделе земель с союзниками некое ущемление своих прав, как будто они рассчитывали на большее. Даже деньги, вырученные государством от продажи сицилийского зерна, присвоенные Сенатом, которые Кассий приказал возвратить народу, не спасли его от расправы. После сложения полномочий консула Спурий Кассий был привлечен к суду квесторами, осужден за стремление к царской власти и преступление против отечества (!) и казнен в 485 г. Даже дом его был разрушен, а на краю пустыря выстроен храм богини земли Цереры, в жертву которой и обрекали государственных преступников.

По другой версии, казнь над Спурием Кассием совершил его собственный отец после домашнего разбирательства: он высек его розгами и обезглавил, доказав тем самым суровость и беспощад-

ность власти главы фамилии над детьми. Так кончил свою жизнь выдающийся деятель Рима реформатор Спурий Кассий. Его аграрный законопроект стал первым в череде других, каждый из которых приводил к величайшим потрясениям в государстве.

Коллегия децемвиров

В начале Республики плебеи больше всего страдали от отсутствия в Риме письменных законов. Вместо них действовали нормы так называемого обычного права: родовые традиции, религиозные установления, обычаи предков, передаваемые изустно. Знатоком и толкователем обычного устного права был Сенаат. Многие хозяйственные и правовые сделки совершались с использованием религиозных процедур, по священным книгам понтификов, авгуров и фламинов, которые были тайными и скрытыми от народа. Проверить истинность толкований Сенаата и жрецов, тем более их беспристрастие, простому плебею, не допущенному к патрицианским таинствам, было невозможно. Да и многие нормы уже устарели, не отвечали потребностям быстро развивающегося хозяйства. Это порождало злоупотребления и беззакония со стороны патрициев и вызывало стремление плебеев сделать право открытым для народа. Они хотели, чтобы право было более простым, помогало быстрее совершать сделки, защищало их частную собственность.

Не раз и не два плебейские трибуны выступали за создание письменных законов, но встречали упорное противодействие патрициев. В 462 г. до н.э. настроения коренным образом изменились: не только плебеи, но и часть рядовых патрициев выступала за кодификацию права. Дело уже шло к принятию Народным собранием рогации Терентилия Гарсы о создании комиссии из пяти человек для составления законов о консульской власти. Предлагалось, чтобы консулы пользовались только теми правами, какими их наделит народ, а не собственной прихотью. Но патриции, цепляясь за власть, пошли на крайние меры. Накануне голосования автор законопроекта, страстный поборник прав плебеев, трибун Гай Терентилий Гарса был найден убитым в своем доме. Посреди всеобщей скорби и растерянности патриции с глумливыми улыбками даже и не скрывали, чьих рук это дело. Перейдя к открытому террору, им удалось запугать остальных трибунов и отложить обсуждение рогации Терентилия Гарсы.

Но спустя десять лет требования приступить к составлению письменных законов звучали уже от всех слоев общества, кроме

Сената. Плебеи даже согласились на временное упразднение должности плебейских трибунов и права провокации — столь сильным было желание жить по праву, а не произволу родовладык.

И вот в 451 г. до н.э. римляне избирают коллегия из десяти человек (децемвиров) на срок один год, которым поручалось свести воедино все действующие законы и разработать новые, отвечающие нуждам общества. На время работы децемвиров отменялись все остальные магистратуры, а их действия не подлежали обжалованию. К работе над законами были привлечены лучшие знатоки права, в том числе из греческих городов Южной Италии. Есть сведения, что децемвиры отправили даже посольство в Афины, дабы изучить законы Солона (но, возможно, это поздний вымысел). Законы составлялись в удивительной обстановке демократизма и всеобщего обсуждения. Было объявлено, что каждый гражданин может прийти на собрание, прочитать законы, обдумать каждую статью и внести поправки и дополнения. По истечении года децемвиры представили на утверждение центуриатных комиций свод законов. Их текст был высечен на десяти больших бронзовых досках.

Но оказалось, что для полного завершения свода римского права недостает еще двух таблиц. Их доработка была поручена новой коллегии децемвиров, избранной на следующий 450 г. В ее состав, кроме патрициев, впервые вошли и несколько плебеев, что сделало работу более демократичной. Вскоре таблицы были готовы и вместе с первыми десятью составили первый полный свод римского частного и гражданского права, так и названный — *Законы XII таблиц*.

Законы XII таблиц

Римский историк Тит Ливий справедливо назвал Законы XII таблиц (они были выбиты на бронзовых досках) «истокom всего государственного и частного права». Сами таблицы не сохранились, как и их тексты. Но они имели настолько большое значение для римлян, что огромное число цитат и пересказов в разнообразных письменных источниках позволяет нам примерно восстановить их структуру и содержание.

В Законах XII таблиц было определено различие в правах патрициев и плебеев, патронов и клиентов, свободных и рабов. В них впервые встречается понятие *cives* (гражданин), а высшим общегражданским органом власти закрепляется центуриатное Народное собрание, названное «великим» (*comitiatus maximus*).

Главное внимание уделялось частному праву: проблемам наследования, передачи имущества по завещанию, регулированию совершения сделок купли-продажи, правам собственности, земельным вопросам (квиритской собственности), таким как аренда земли, система штрафов и наказаний за незаконную порубку деревьев, самовольный отвод воды из общего канала или перепахивание межи между двумя участками. Квиритской собственностью (землей и ее плодами) обладали только римские граждане. Она предполагала соблюдение юридических норм, общих для всех граждан.

Важным завоеванием плебеев явилось ограничение процентов по долгам. Отразилось в законах и развитие в Риме рабовладения: определение рабов и рабов-должников, наказания хозяев за проступки рабов, порядок отпуска раба на волю и права вольноотпущенника. Законы, однако, были суровы к должникам: кабальных рабов можно было продавать «за Тибр», т.е. за пределы Рима; можно было даже разрывать тело должника на части, если кредиторов было несколько. Законы размывали родовую собственность, что ослабляло единство патрициев. В то же время патрициям удалось включить в таблицы и статью, запрещавшую браки между патрициями и плебеями.

Законы XII таблиц явились важнейшим признаком зрелости государства. На многие столетия они стали основой всего последующего законодательства, ядром римского права. Юристы эпохи Империи ссылались на них, как на решающий аргумент в спорах, а школьники времен Цицерона, по словам самого знаменитого оратора, зубрили статьи из XII таблиц наизусть. И по сей день корни многих норм современного права уходят в этот кладезь правовой мудрости.

Вторая сецессия плебеев

Итог правления децемвиров ознаменовался драматическими событиями, в корне изменившими общественный и политический строй Рима. По обыкновению поздние римские авторы наполняют свое повествование о них душеспасительными легендами и морализаторскими проповедями. Но под их наслоением скрываются факты реальной истории.

По преданию, во главе децемвиров второго срока оказался демагог и лицемер Аппий Клавдий Красс, больше думавший об утверждении своей власти, нежели о благе государства. Под его

влиянием и остальные децемвиры, раз вкусив власти, вознамерились продлить свои полномочия и после завершения срока полномочий. Это вызвало всеобщее недовольство. Плебеи смущало отсутствие защиты плебейских трибунов, патрициев же во главе с сенаторами — то, что из их рук уплывает прежняя безраздельная власть.

Вызов децемвирам бросили сенаторы Луций Валерий Потит, внук Попликолы, и Марк Гораций Барбат. Собрав Сенат якобы для обсуждения войны с сабинянами, они попытались убедить сенаторов отрешить децемвиров от должности. Но наиболее консервативная часть больше боялась народного возмущения, чем децемвиров, и склонилась к тому, чтобы позволить децемвирам продолжать формально править, а народ, во избежание волнений, отправить подальше на войну. Плебеи не слишком-то были расположены к децемвирам, но вся власть перешла в руки Сената, который отнюдь не торопился восстанавливать республиканские магистратуры. Чашу народного терпения переполнило гнусное поведение Аппия Клавдия, который попытался овладеть плебейской девушкой Вергинией. Возмущенный народ вышел на улицы, восстание вспыхнуло и в войске, куда весть о свержении децемвиров принес энергичный вождь плебеев, бывший трибун Луций Ицилий.

Войско двинулось на Рим; за ним последовало второе войско, возглавленное Марком Дуиллием. Пройдя через весь Рим, плебейские войска, как и полвека назад, удалились на Священную гору. Вслед за ними Рим покинули и толпы плебеев. «Обезлюдивший Рим, — сообщает Тит Ливий, — превратился в пустыню». Страх сковал сенаторов и покорных им децемвиров, просивших лишь о защите от людской ненависти. На этот раз победу одержали сторонники Валерия и Горация. Лишив децемвиров формальной власти, они отправились на Священную гору, просить плебеев вернуться. Сила народного восстания была так велика, что Сенат вынужден был пойти на куда более серьезные уступки, нежели в первую сецессию.

Легенда о Вергинии

Поводом к свержению децемвиров послужило вероломство главы этой коллегии Аппия Клавдия Красса, наиболее однозной фигуры даже среди других представителей этого рода, всегда отличавшихся наденностью и непомерными амбициями. Он воспыал страстью

к Вергинии, дочери уважаемого плебея и невесте плебейского трибуна Луция Ицилия. Вергиния отвергла подарки и посулы Аппия. Тогда он решил добиться своего ложным обвинением. Клавдий подговорил своего клиента Марка Клавдия объявить Вергинию дочерью своей рабыни, пока отсутствовал в Риме ее отец, который нес службу в войсках. Дело в том, что собственность клиента считалась собственностью его патрона.

Когда Вергиния в сопровождении кормилицы направлялась по Форуму в школу, Марк при всем народе наложил ей руку на плечо. По римскому закону это означало, что девушка находится в его собственности (право манципации). Однако сбежавшаяся толпа, прекрасно знавшая родителей девушки, почти вырвала ее из рук насильника. Но Марк для доказательства своих прав прибег к другому способу и вызвал девушку в суд, где арбитром оказался как раз Аппий Клавдий. Однако разбирательство пришлось отложить до прибытия ее отца Авла Вергиния.

Поспешно вернувшись в город, Вергиний облачился в траур и привел свою дочь, также одетую в знак печали в лохмотья, к Аппию Клавдию. Их сопровождала толпа мужчин и плачущих матрон. Суд был превращен в издевательство над правосудием, и Вергиния признана рабыней. Обуянный похотью Аппий уже тянул к девушке руки, как к своей собственности, грозя ее защитникам смертью, словно мятежникам. Даже толпа в оцепенении расступилась, принося девушку в жертву «священному праву собственности». Однако отцу удалось отойти с ней в сторону, как бы для прощания; у рядов лавок на Форуме он схватил нож мясника и вонзил его в грудь своей дочери со словами: «Только так я могу сделать тебя свободной!»

При виде ужасного поступка толпа вышла из оцепенения и окружила Вергиния, а Ицилий с товарищем Нумиторием подняли бездыханное тело напоказ народу, выкликая кары на голову злодея Аппия. Попытки децемвира разогнать толпу и схватить Вергиния провалились — толпа просто разломала ликторам фасции! На пути ликторов встали также сенаторы Валерий и Гораций, открытые противники Аппия Клавдия. Сломленный духом децемвир в страхе за свою жизнь укрылся в близлежащем доме.

Весть о трагедии разнеслась по Риму и привела к военному мятежу и второй сецессии плебеев. После восстановления Республики Аппия Клавдия вызвали в суд, а первым обвинителем назначен был Вергиний. Он предложил Аппию оправдаться хотя бы в одном из своих многочисленных преступлений — обращении в рабство свободного человека, его дочери. Зная, что оправдываться нечем, недавний ниспровергатель свободы, грозивший с трибунала людям казнями и розгами, воскликнул: «Обращаюсь к народу!» Иными словами, он прибег к тому самому закону о провокации, который сам же и отменил. Но надежды того, кто попирает закон и по произволу казнил и разграблял имущество граждан, не оправдались. Народ был настроен решительно и лишь преждевременная смерть (или самоубийство) до дня суда спасла Аппия Клавдия от позора.

История Вергинии недаром относится к разряду легенд. Литературное сходство ее с легендой о Лукреции отмечалось самими древними. Они представляют две стороны медали, высокой добродетели римских женщин — патрицианки Лукреции и плебейки Вергинии. Однако древние не сомневались в ее достоверности, тем меньше оснований для этого у нас.

Законы Валерия—Горация

Возвратившись в город после второй сецессии, победившие плебеи стекаются на Авентин, где под руководством Великого понтифика (других магистратов для совершения ауспий не осталось) на Народном собрании были избраны *плебейские трибуны* и среди них вожди восстания: Луций Ицилий, Марк Дуиллий и Гай Сициний. Затем в трибутных комициях было принято два закона: о запрете преследования тех, кто участвовал в сецессии, и об избрании консулов с правом обжалования их действий перед народом. Возможно, должность консулов сменила магистратуру прежних преторов. Их полномочия расширились. Консулы были более независимы от Сената и подотчетны Народному собранию.

Избранные консулами на 449 г. до н.э., Валерий и Гораций предлагают уже центуриатным комициям ряд важнейших законодательных реформ, вошедших в историю как законы Валерия—Горация. Первый принятый закон гласил, что решения трибутных комиций обязательны для исполнения всеми гражданами, в том числе патрициями. Тем самым они уравнивались с законами самих центуриатных комиций. Возникло два равноправных собрания, но каждое со своей сферой деятельности. Затем было восстановлено и упрочено *право провокации* и подтверждена неприкосновенность *плебейских трибунов*, а кроме того, эдилов и коллегии «десяти судей», в чьем ведении находились дела о гражданстве и свободе. Теперь это не просто «священная» клятва, а юридический закон, безжалостный и суровый. Наконец, постановили доставлять в храм Цереры плебейским эдилам все решения Сената, которые ранее утаивались от народа или искажались по произволу консулов. Вершиной реформ Валерия—Горация стало опубликование Законов XII таблиц, выставленных на всеобщее обозрение на Форуме. Законы Валерия—Горация окончательно оформили политическую систему Римской республики, способствовали объединению патрициев и плебеев в единое мощное государство.

Закон Канулея

Свое логическое продолжение дело консулов-реформаторов нашло в принятии в 445 г. до н.э. закона плебейского трибуна Канулея, признавшего законность браков между патрициями и плебеями, запре-

щенных, было, децемвирами. Закон Канулея заложил основы для слияния богатой верхушки плебеев с патрициями в одно сословие и лишил патрициев исключительной привилегии отправлять родовые культы и общинные священнодействия, прежде всего *ауспиции*. Вторым законопроект Канулея — о допуске плебеев к консульской магистратуре — вначале был отвергнут. Но затем не без сопротивления было удовлетворено и требование плебеев занимать высшую должность, хотя и не консулов, а приравненных к ним военных трибунов с консульской властью.

Сикций Дентат — «плебейский Ахилл»

Вожди плебеев играли большую роль в борьбе плебеев против Сената. Одним из таких вождей был Луций Сикций Дентат. Сведений о нем в пропатрицианской римской историографии немного, но в источниках он предстает как блестящий воин — сорок лет провел он в походах, заслужил все мыслимые награды и получил должность военного трибуна. Сикций командовал крупными отрядами, что было уникально для плебея в то время. Недаром он заслужил прозвище «Плебейский Ахиллес». Он ревностно защищал интересы плебеев; в 454 г. до н.э. выступал за принятие смелого земельного закона и резко нападал на патрициев. Так, он привлек к суду консула Ромилия, попытавшегося расправиться с неугодным вождем.

В период правления децемвиров Сикций Дентат не остался в стороне от войны с сабинянами и командовал большим отрядом добровольцев-ветеранов. Он не скрывал ненависти к децемвирам второго срока и активно склонял воинов к восстанию. По секретному приказу децемвиров он был послан с небольшим отрядом конницы якобы на разведку. На самом же деле ему устроили засаду и убили, как и его спутников. Но злодейское убийство Сикция вызвало бурное возмущение воинов. Разыскав его тело, сплошь заваленное трупами убитых им врагов, воины устроили ему торжественные воинские похороны. Гибель Сикция стала одной из причин второй сессии плебеев 449 г. до н.э.

«Заговор» Спурия Мелия

В начале 30-х годов V в. до н.э. в Риме возникло широкое движение за отмену долгового рабства, во главе которого встал богатый плебей всадник Спурий Мелий. На свои средства он закупил в Этрурии продовольствие для плебеев во время разразившегося страшного голода, причем патриции закрыли свои житницы. Он выкупал из долгового рабства бедняков и публично поносил сенаторов за алчность и презрение к нуждам народа.

Его речи вызвали все более мощный отклик в сердцах доведенных до отчаяния плебеев. Обуздать «наглеца» и выскочку было не так-то просто. Тогда патриции охотно пошли на подлость. По гнусному доносу Спурий Мелий был обвинен в том, что якобы устроил в своем доме целый склад оружия и проводит тайные сходки, без сомнения мечтая стать царем! Напомним, что по Законам XII таблиц проводить ночные собрания запрещалось, как и иметь оружие частным лицам в черте города, ну а «стремление к царской власти» и вовсе каралось смертной казнью.

Пресечь сразу же признанное сенаторами «беззаконие» надлежало магистрату, по выражению Тита Ливия, «не связанному путами закона», иначе говоря — диктатору. Самой подходящей кандидатурой единогласно стал прославленный полководец Луций Квинций Цинциннат, которому уже перевалило за восемьдесят лет. Тот назначает своим начальником конницы Сервилия Агалу. На следующий день диктатор расставляет по городу стражу и посылает Сервилия вызвать Мелия из дома на Форум. Поняв, что его ведут на смерть, Спурий Мелий вырывается из рук ликторов и бросается к толпе плебеев с мольбой заступиться и не дать ему погибнуть. Но brave Сервилий Агала догоняет его, самолично закалывает кинжалом, а затем, забрызганный кровью, докладывает диктатору, что Мелий оказал сопротивление и подстрекал толпу, за что и поплатился. История сохранила бесстрастные слова Цинцинната, обращенные к убийце безоружного римского гражданина: «Честь и хвала тебе, Сервилий, за спасение государства!» А взбудораженной толпе на сходке он объявил, что казнь Мелия законна, даже если тот не виновен в стремлении к царской власти, ибо он не явился на вызов диктатора. Да и кто такой Мелий, продолжал престарелый диктатор, он даже не патриций, а выскочка, за два фунта полбы купивший у сограждан свободу. Поэтому Цинциннат повелел распродать все имущество Мелия, а доход поместить в казну (ведаль которой, кстати, Сенат); дом же Мелия был скрыт, а пустырь получил с тех пор название Эквимелий.

Марк Фурий Камилл — превратности судьбы «второго Ромула»

Пожалуй, трудно найти во всей истории Древнего Рима персонаж, который был бы окружен столь мощным ореолом легенд и тщательно укрыт от досужего взора такой плотной завесой ми-

фологизации, как прославленный полководец и «второй основатель» Рима **Марк Фурий Камилл** (что значит «примерный юноша»). Возвеличивая Камилла, римские историки возвеличивали и Рим. В результате реальный исторический деятель превратился в патриотический миф, компенсировавший горечь уязвленного исторического самолюбия.

Впервые Камилл обратил на себя внимание в конце 30-х годов V в. до н.э. В битве с вольсками и эквами он мчался впереди всех на лошади, в бедро ему попал вражеский дротик, но отважный юноша, вырвав его из раны, продолжил бой и обратил неприятеля в бегство. Камилл достиг вершин военной и государственной карьеры. Никто не занимал больше должностей, нежели он. Шесть раз он становился консулярным трибуном, пять раз диктатором и четырежды справлял триумф. При этом ни разу он не был консулом, о чем с удивлением писал Плутарх. Именно назначенный диктатором Камилл блистательно завершил в 396 г. до н.э. тяжелейшую войну с этрусским городом *Вейи*, доставив в Рим огромную добычу и получив неслыханный по пышности триумф. Он тут же сложил с себя диктаторские полномочия, но вызвал неодобрение плебеев, заявив, что по данному им обету богам надлежит отдать десятую часть добычи в дар Аполлону.

На следующий год Камилл отправился во главе войска против города Фалерии. Здесь он явил граду и миру недюжинность своего таланта и благородства. Фалерийцы имели обыкновение выводить своих детей за городские стены для учебных занятий. Римляне не препятствовали им в этом. Тогда один учитель решил предать сограждан: он стал с каждым разом уводить детей все дальше от города и в конце концов очутился у римского лагеря. Приведенный к Камиллу, он сдал детей ему в заложники, чтобы родители из страха за их жизни открыли ворота города. Но добродетельный римлянин отверг гнусное предложение предателя и отправил его, нагого и со связанными руками, обратно в Фалерии под присмотром детей, вручив им розги. Потрясенные таким поступком, фалерийцы сами явились в Рим для заключения мира и уплаты денег.

Но вскоре судьба отвернулась от Камилла. Достоинейший из римлян был привлечен к суду плебейским трибуном Апулеем то ли по поводу куда-то пропавшей добычи из Вей, то ли за излишнюю пышность триумфа, когда Камилл святотатственно уподобил себя божеству. Пришлось Камиллу после стольких трудов на благо отчизны отправляться в изгнание.

Он прозябал в городе Ардея, когда на Рим обрушилась новая беда, — вторжение *галлов*, полчища которых захватили Рим, лишенный мудрого руководства Камилла. Забыв об обидах, доблестный римлянин убедил ардейцев помочь его родине. Собралось ополчение, к нему примкнули бежавшие из Рима воины. По решению Сената Камилл был назначен диктатором. За освобождение Рима он, вторым после Ромула, был удостоен почетных званий «Отец отечества» и «Второй основатель Рима». Благодаря ему город возродился из пепла, были отстроены храмы, многие на средства самого Камилла, восстановлены и укреплены стены царя Сервия Туллия. Тогда же были собраны и обнародованы уцелевшие в огне галльского пожара *Законы XII таблиц* и кое-какие царские законы.

Много раз еще Камилл воевал с галлами и другими врагами Рима. В минуты опасности он без промедления соскакивал с коня и сам бесстрашно устремлялся в первые ряды, увлекая дрогнувших воинов. Сохранились предания, что он даже бросал в гущу врагов знамя войска, чтобы побудить римлян отбить святыню. Ему приписывают преобразование римского войска, укрепление его боевых порядков и усовершенствование тактики боя. Уже в преклонных летах он вновь был назначен диктатором для войны с галлами, вторгшимися в Лаций. В недолгой кампании враг был разбит наголову, а полководец заслужил свой последний триумф.

Правда, в гражданской жизни Камилл придерживался прежней линии на господство патрициев. Так, он всячески препятствовал голосованию по поводу законов *Лициния—Секстия*: в день проведения Народного собрания он объявил воинский набор, во время которого все собрания прекращались. Но под угрозой присуждения за срыв комициев к высокому штрафу судом плебейских трибунов Камилл был вынужден сложить диктаторскую власть. Позднее он изменил свою точку зрения и стал выступать за примирение патрициев и плебеев, обещая даже построить храм Согласия после принятия законов *Лициния—Секстия*. Этим он стяжал себе всеобщее признание граждан. Но прожил он еще недолго. В 365 г. до н.э. страшная эпидемия чумы, поразившая город, унесла в числе прочих и жизнь великого сына Рима Марка Фурия Камилла.

Камилла называют самой искусственной фигурой римской истории, но не будем забывать, что под грузом легендарных наслоений билось живое сердце реального исторического деятеля и поистине незаурядной личности. Камилл был последним ге-

роем патрицианского Рима, политиком переломной эпохи, но он и сам был целой эпохой. Не вина Камилла, что из него позднее сделали икону. Но даже сквозь патину святости мы угадываем облик живого человека, выдающегося государственного деятеля, чье имя зафиксировано в Фастах, неплохого военачальника и смелого воина. Таким видится нам многократный консулярный трибун и диктатор, триумфатор и «второй Ромул», легендарный и реальный патриций Марк Фурий Камилл.

Отступник Марк Манлий Капитолийский

Среди известных римских фамилий в IV в. до н.э. выделялась фамилия Манлиев. Судьба одного из ее представителей, незаурядного государственного деятеля **Марка Манлия** оказалась весьма трагичной. В 392 г. до н.э. он исполнял консульские обязанности и с блеском справил *Великие игры*. За успехи в войне с эквами Марк Манлий был удостоен орации. Однако консульство омрачили печальные события: один из цензоров скончался, а оба консула заболели. Это было расценено как предвестие грядущих бед, ведь консул воплощал для суеверных римлян силу и мощь всего государства.

Бедя не заставила себя ждать. Через два года на Рим обрушилось нашествие *галлов*. Марк Манлий, бывший консул, отличился и здесь, возглавив защиту Капитолия, последнего оплота римлян. За спасение крепости он получил прозвище «Капитолийский». Изголодавшиеся осажденные приносили ему свою последнюю пищу — горсть каши из полбы.

После изгнания галлов Марк Манлий не остался в стороне от политических дел. В пережившем разруху Риме с новой силой обострился вопрос о долгах и кабальных рабах. Манлий не мог стерпеть несправедливости, видя, как его бывших соратников заковывают в кандалы. Он резко высказался в пользу должников и даже назначил большую часть своего немалого состояния и земель к продаже, дабы на вырученные деньги оплатить долги обнищавших бедняков и выкупить кабальных рабов из неволи. Более того, он обвинил сенаторов в утаивании средств, которые можно было бы пустить на помощь должникам.

Патриции, главные заимодавцы и потребители рабской силы, конечно же, расценили такое вопиющее для патриция поведение как оскорбление обычаев предков и посягательство на священные устои всевластия Сената. Диктатор по наущению сенаторов

вызвал Манлия в суд. Он явился, окруженный толпой плебеев. Но тщетны были оправдания Манлия, его обращения к богам, чьи храмы на Капитолии он храбро защищал и на которые теперь указывал рукой. Диктатор приказал заковать его и бросить в темницу. Невиданный взрыв народного негодования вынудил Сенат освободить Манлия. Волею судьбы и своекорыстной политикой патрициев дом Манлия превратился в оплот плебейского мятежа.

Растущая популярность Манлия не на шутку обеспокоили Сенат. Его благородный порыв был объявлен ни много ни мало стремлением к царской власти. Для патрициев это вошло уже в обычай для расправы с неугодными политическими деятелями, представлявшими угрозу их господству и произволу. Выходило, что истинным демократом мог считаться только тот, кто ненавистен народу. Сенаторы вновь вызвали Манлия в суд, прибегнув к изощренной демагогии и запугиваниям. Даже двое плебейских трибунов ради успокоения разбушевавшихся римлян решили пожертвовать Манлием. Сначала судебное разбирательство проходило в центуриатных комициях на Марсовом поле. Но оттуда был виден Капитолий, ставший памятником славы Манлия (что было бы с сенаторами, не удержи Манлий крепость?). Тогда бесчестные сенаторы перенесли заседание в другое место, ничем не напоминавшее народу о его героизме. Ужасный приговор был предreshен, хотя и дался судьям с трудом. Героя сбросили с Тарпейской скалы того самого Капитолия, который он доблестно защищал. И после смерти его обесчестили: было решено, чтобы ни один патриций не жил на Капитолии, а род Манлиев навсегда отказался от имени Марк. Так патриции заклеямили отступника их интересов. Народ же сожалел о Марке Манлии и даже вспыхнувшую на следующий год эпидемию чумы посчитал гневом богов за кощунственную казнь, осквернившую святыни Капитолия.

Законы Лициния—Секстия — победа плебеев

Важнейшим нерешенным вопросом для Рима в IV в. до н.э. оставалось долговое рабство. «Ростовщичество, — писал Тацит, — старое зло для Рима и самая частая причина мятежей и раздоров». Разоренные войнами и вражескими нашествиями плебеи, лишенные возможности пользоваться общественным полем, все больше и больше попадали в долговую кабалу от ростовщи-

ков и кредиторов. Большинство последних были сенаторами и знатными всадниками. Причем долговое бремя затронуло уже не только бедноту, но и виднейших плебеев. Патриции же сумели настолько укрепить свое положение, что не только прибрали к рукам все высшие должности *консулярных трибунов*, но и подкупали многих *плебейских трибунов*.

В таких условиях защитниками плебеев выступили **Луций Секстий** и **Гай Лициний Столон**, сами плебейского рода. По преданию, к решительным действиям их подвигли жены, уязвленные пренебрежением со стороны знакомых патрицианок. Выбранные плебейскими трибунами в 375 г. до н.э. Лициний и Секстий предложили на благо плебеям законопроекты о погашении задолженностей по долгам, об ограничении земельных владений 500 югерами земли (125 га) и о выборах одного из двух консулов обязательно из плебеев, при отмене должности консулярных трибунов вообще.

Столь радикальные законопроекты взбудоражили патрициев, ведь они разом посягали на все блага, непомерная жадность к которым была им свойственна: деньги, землю и власть! За неимением других средств патриции прибегают к подкупу остальных плебейских трибунов (напомним, их было десять). Те из корысти в сопровождении отрядов патрициев срывают голосование и не допускают проведения новых Народных собраний. В Риме воцаряется двоевластие: патриции с помощью предателей-трибунов препятствуют принятию законов, а Лициний и Секстий, семь лет подряд избираемые плебейскими трибунами, накладывают вето на выборы всех остальных магистратур.

Как сообщают древние авторы, лишь на восьмой год непреклонная воля Лициния и Секстия и растущая поддержка народа при усилившейся внешней опасности сломили упорное сопротивление Сената. В 367 г. до н.э. был сделан первый шаг: принят закон об избрании одного консула из плебеев. И первым плебейским консулом стал Луций Секстий. Не обошлось без компромисса — одновременно учреждались должности претора и двух курульных эдилов, занять которые могли лишь патриции. Судебная власть была одной из главных опор могущества патрицианского Сената. Но вскоре и эти должности стали достоянием плебеев.

Затем последовало принятие и других законов, вошедших в историю как «законы Лициния—Секстия». По этим законам разрешалось занимать земельные участки на общественном по-

ле (ager publicus) размером не более 500 югеров, запрещалось пасти на общественных лугах более ста коров или пятисот овец. Эта мера серьезно ударила по доходам патрициев. Наконец, облегчалось положение должников. Через несколько лет был установлен потолок для взимания процентов по долгам — 10 %, а в 347 г. до н.э. — даже 5 %.

Законы Лициния—Секстия стали важной вехой в истории Рима. Их принятие заметно сказалось на общественном облике плебса; теперь его верхушка уравнивалась с патрициями, утратившими почти все замшелые родовые привилегии. Укреплялось единство государства и гражданства. Плебеи впервые получили доступ к общественной земле. Открылась возможность превращения плебейской верхушки в крупных землевладельцев. (Кстати, сам Лициний Столон был осужден в 357 г. за нарушение своего же закона: вместе с отцом он оккупировал тысячу югеров общественной земли!) Клиентов для обработки таких имений у плебеев не было, что значительно ускорило развитие рабовладения.

Закон Петелия

В 326 г. до н.э. (по другим данным в 313 г.) плебеи добились очень важной реформы. По закону плебейского трибуна Петелия долговая кабала для римских граждан и членов их семей была отменена. Обращенные в рабство за долги освобождались. Тысячи людей скинули ненавистные кандалы и распрямили иссеченные плетью ростовщиков спины. С этого времени римский гражданин отвечал за свои долги перед кредитором только своим имуществом, но не телом. Это стало важнейшей гарантией прав гражданина. Ведь ранее, попав в долговую кабалу, римлянин терял не только свободу (теоретически он мог ее вернуть, отработав долг), но и свой имущественный ценз и гражданство.

В рабов отныне можно было обращать только иноплеменников, чаще всего военнопленных. Недаром примерно к этому времени относится первое сообщение Тита Ливия о продаже в рабство 4 тыс. вольсков (344 г. до н.э.) и 7 тыс. самнитов (307 г. до н.э.). С тех пор в Риме полным ходом развивается классовое общество.

Цензор-реформатор Аппий Клавдий Цек

Многогранные деяния Аппия Клавдия Цека (Слепца) запечатлены в писаниях многих античных авторов. До нас дошла даже почетная надпись, где перечисляются его заслуги при испол-

нении различных магистратур и подчеркивается строительная деятельность. Цек принадлежал к древнейшей знати и занимал должности претора, консула, диктатора и, наконец, *цензора* 312 г. до н.э. При нем в Риме был выстроен храм богини войны Беллоны, вымощена дорога от Рима до Капуи, получившая имя Аппиевой — она прекрасно сохранилась и до наших дней, — сооружен водопровод, питавший Рим ключевой водой, он действует и поныне. За 18 месяцев цензорства завершить столь грандиозные предприятия было, конечно, невозможно, и Аппий в нарушение законов остался в должности на все пять лет действия ценза. За это один из трибунов даже обвинял его в своевластии.

Но, к счастью, сместить Аппия с должности не удалось. И этот выдающийся деятель сумел провести крупные реформы, направленные на то, чтобы сделать строй Рима более демократичным. Например, он передал отправление древнейшего римского культа Геркулеса из рук членов патрицианского рода Поттиев в ведение государственных рабов. Сыновей вольноотпущенников, становившихся плебеями, он допустил к званию сенаторов. Людям, не имевшим земельной собственности, он позволил записываться в любую из сельских триб, а не только в четыре городские, как раньше. Это усилило влияние растущего слоя ремесленников и торговцев, многие из которых были из вольноотпущенников. Они получили возможность попасть в первый цензовый класс.

И совсем уже радикальный шаг — он велел обнародовать календарь, где были отмечены дни, в которые по религиозным причинам разрешалось вести судебные тяжбы, а также исковые формулы, наполненные священным смыслом, исказить который считалось недопустимым. Ранее всем этим ведали *понтифики*, что позволяло им влиять на ход судебных тяжб. Таким образом, Аппий Клавдий Цек с лихвой искупил все несправедливости и притеснения плебеев, бывшие отличительной чертой его родовых предков.

Аппий Клавдий был поистине разносторонним человеком. Он содействовал развитию юриспруденции и ораторского искусства. Сохранились сведения, что он писал стихи и усовершенствовал латинский алфавит, убрав из него архаическую греческую букву «дзету». В лице Аппия Клавдия Цека Рим приобрел выдающегося государственного мужа и деятеля культуры.

Фасты и «Великие анналы»

С древних пор римляне записывали важнейшие события своей истории. Главными летописцами были жрецы коллегии *понтификов*. Они ведали Фастами — религиозным календарем с записью важнейших событий (от *fas* — «высший закон»). В них отмечались затмения светил, войны, мор, необычные явления и т.д. Они же определяли дни, удобные и неудобные богам для ведения дел. Долгое время Фасты скрывались понтификами, которые с помощью тайного знания оказывали влияние на всю внутреннюю жизнь Рима. Только в 305 г. до н.э., по настоянию Аппия Клавдия Цека, они были опубликованы.

С началом Республики понтифики стали составлять списки консулов, так как по их именам обозначался год, а потом и других магистратов — «консульские фасты». Наряду с этим появились записи о триумфах полководцев — триумфальные фасты. В начале нашей эры они были также опубликованы, но лишь в XIX в. их удалось полностью восстановить, причем выяснилось, что в своей древнейшей части они были фальсифицированы. Многие знатные роды Поздней республики приложили к этому руку, стремясь «удревнить» и прославить свои роды.

На основе фастов развивались государственные летописи понтификов, в которых погодно отмечались важнейшие события. Их называли «Льняными книгами», поскольку материалом для записей служили свитки из льняной материи. Около 130 года до н.э. они были собраны и опубликованы в 80 книгах Великим понтификом Публием Мунием Сцеволой и стали известны как «Великие анналы» (от лат. *annus* — год). К сожалению, текст их практически не сохранился, удалось восстановить лишь многочисленные цитаты из них в сочинениях римских авторов. Но ученые доказали, что в основе своей «Великие анналы» содержали вполне достоверные сведения о римской истории.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РИМА

Разгром Фабиев на Кремере

В первые десятилетия V в. до н.э. римляне усилили свою военную активность, захватывая у соседних племен земли, скот и другую добычу. Но господство патрицианской аристократии, ее агрессивная корыстная политика чуть было не привела молодую Республику к катастрофе. Серьезным противником Рима был богатый этрусский город Вейи, расположенный всего в нескольких десятках миль от Рима на правом берегу Тибра. После многих лет войны силы римлян оказались на исходе: поражение

следовало за поражением. Особенно досаждала война роду Фабиев, представители которого много лет подряд занимали в Риме консульскую должность. Тогда члены рода во главе с консулом Цезоном Фабием в полном составе, с клиентами и содалами явились в Сенат и испросили разрешение повести войну с вейянами собственными силами, сняв бремя с государства. И вот 306 воинов, все одного рода, выходят из города и разбивают на речке Кремере, правом притоке Тибра, лагерь. Там они стали стражами римских пределов, защищая римские поля от набегов и сами нанося большой урон владениям вейянов. Но самоуверенность и презрение к врагу не довели до добра: попытавшись угнать стадо скота, в 478 г. до н.э. Фабии угодили в засаду. Этруски окружили их со всех сторон на холме у Кремеры и перебили всех до одного, несмотря на отчаянное сопротивление. По преданию, уцелел лишь один из Фабиев, еще подросток, оставшийся дома; он-то и продолжил этот славный патрицианский род.

Несомненно, героизированная версия похода Фабиев в качестве защитников Рима сложилась под влиянием патрицианской родовой историографии, возможно, не без участия римского историка II в. до н.э. Фабия Пиктора. Однако в ней слышны отголоски действительных событий начала Республики, когда отряды родовитых патрициев на свой страх и риск совершали набеги на соседей, чтобы поживиться добычей и приобрести славу в Риме. Войны же с вейянами с переменным успехом длились весь бурный V в. до н.э.

Диктатор-землепашец Цинциннат

Среди государственных мужей Ранней республики выделяется Луций Квинций Цинциннат. Всю свою жизнь этот знатный патриций посвятил служению отечеству: неоднократно избирался консулом, одерживал славные победы над бесчисленными врагами. Однако его сын Цезон, блестящий воин, но чванливый и безрассудный юноша, был яростным противником плебеев. Под его предводительством с Форума нередко прогоняли плебейских трибунов, сторонников аграрного закона, избивая сопротивлявшихся и срывая них одежду. В общем, бесчинствовали в полной уверенности в незыблемости родовых устоев. Привлеченный плебейским трибуном Авлом Вергинием к суду, Цезон предпочел удалиться в изгнание в Этрурию. В отместку у отца Цезона отобрали все деньги и имущество в виде штрафа, так что ему пришлось ютиться в заброшенной лачуге за Тибром.

Через два года, в 460 г. до н.э. усилиями патрициев Цинцинната избирают консулом. Только что был подавлен мятеж рабов и изгнанников во главе с сабинянином Аппием Гердонием, захватившими крепость на Капитолии. Народ еще находился под воинской присягой, и Цинциннат вознамерился вывести войско из Рима для того, чтобы не столько воевать, сколько провести вне города военное собрание и отменить все завоевания плебеев. Намерения были сорваны плебейскими трибунами, и Цинциннат вынужден был отказаться от планов мести за сына и от нового избрания консулом. Однако судьба распорядилась иначе. В 458 г. огромное войско сабинян и эквов вторглось в пределы римлян, подошло к самому городу и окружило в лагере римское войско. Положение казалось безвыходным и надеялись только на избрание диктатора: им единогласно стал Цинциннат.

Послы Сената нашли его на своем жалком клочке земли, который он пахал. Узнав о своем назначении, Цинциннат попросил жену принести ему тогу из их лачуги и напрямик отправился в Рим, едва утерев пот со лба. Плебеи, впрочем, встретили его без особой радости и не ошиблись. Запретив торговлю и закрыв суды, Цинциннат объявил призыв всех способных носить оружие, приказав принести с собой острые колья. Стремительным маршем подойдя к осажденному эквами лагерю, диктатор приказал окружить эквов и соорудить вокруг них вал с частоколом. Здесь и пригодились колья. За ночь частокол был возведен, и войска диктатора обрушились на ошеломленных эквов; изнутри ударили воины консула. Эквы были разбиты и молили о пощаде. Цинциннат повелел привести к себе их вождей в оковах, остальных же обрек на позор, заставив пройти под ярмом, сделанным из двух копий, воткнутых в землю, с перекладиной из третьего копья. В Рим Цинциннат возвратился с триумфом и огромной добычей. Выполнив долг за две недели, Цинциннат как истый римлянин тотчас сложил с себя полномочия диктатора и вновь удалился в свое захолустье. История Цинцинната, несомненно, героизированная, долгое время служила римлянам примером высоких добродетелей своих предков.

Осада Вей — реванш Рима

В конце V в. до н.э. истекал срок перемирия римлян с извечным врагом — богатым и могущественнейшим этруским городом Вейи. Предыдущая война закончилась для рим-

лян плачевно: враг чуть было не взял штурмом Рим. Теперь же в Вейях бушевали внутренние раздоры, да и другие этрусские города косо смотрели на их процветание. Словом, пришло время взять реванш. Придравшись, что старейшины вейян гордо отвергли неправомерные притязания римлян, Сенат объявляет Вейям войну. Однако война затянулась на целых десять лет (406—396 гг. до н.э.). И хотя из всех этрусков вейянам оказали помощь только жители Тарквиний, дело осложнялось тем, что воевать приходилось и с вольсками, и с городом фалисков Фалериями.

Римляне долго осаждали сами Вейи, прозябая в палатках даже зимой порой, хотя ранее с наступлением осени войска всегда распускали. Для возмещения ущерба от постоянной службы впервые была введена даже плата воинам. Но упорное сопротивление Вей и страшные знамения изматывали силы и дух римлян. Наконец, диктатором был назначен Марк Фурий Камилл. Готовясь к решительному штурму, он произвел новый набор, призвал на помощь союзных латинов и дал обет в случае победы устроить *Великие игры* и освятить храм Матери Матуты.

Расправившись вначале с фалисками и капенатами, Камилл подступил к городу. Видя неприступность стен Вей, он прибег к хитрости. Все силы воинов он бросил на подкоп городской стены. В назначенный день римляне пошли на приступ в самом далеком от подкопа месте, отвлекая силы вейян. Тем временем отборные отряды проникли подземным ходом прямо в храм богини Уни (Юноны). Позднее римляне расцветили это событие легендой о том, что, выйдя из подкопа, воины будто бы увидели в храме царя Вей в момент принесения жертвы и услышали слова гаруспика, возвестившего, что победа достанется тому, кто разрубит внутренности жертвенного животного. Римляне тут же выхватили внутренности и отнесли их к Камиллу, лишив врага победы волей божественных сил. Впрочем, сами римляне не верили в эту байку.

Действительность была страшнее: римляне устроили жестокую резню вейян и грабеж города, пока диктатор не повелел прекратить кровопролитие; тогда этруски начали сдаваться. Увидев своими глазами, сколь огромны богатства города и непомерна добыча, рассудительный Камилл вознес к небу молитвы, чтобы не слишком дорогой ценой пришлось платить ему и народу римскому за такое невероятное счастье, которое может вызвать зависть и богов, и людей. Передают, что во время мо-

литвы он оступился и упал. Спустя несколько лет, когда Рим пылал во время нашествия галлов, многие вспомнили этот случай, да поздно.

Судьба Вей была плачевна. Римляне сполна отыгрались за все прошлые обиды. Все свободные жители были проданы в рабство. А для грабежа добычи приглашались все граждане Рима. Огромной алчной толпой, с женами и детьми, патриции и плебеи, они устремились в покоренный город, спеша набить котомки и телеги чужим добром, унося законную добычу в складах тог и подолах женских одежд. Вывезя подчистую все земные богатства, римляне не преминули поживиться и дарами божественными. В Рим с приличествующими обрядами и торжествами была перевезена статуя богини царицы Уни (Юноны), чтобы являть покровительство уже новому хозяину.

Взятие Вей было трагичной страницей в истории этрусков. Римляне уничтожили многие памятники культуры, архивы и библиотеки, разорили цветущий город. Гибель его даже столетия спустя вызывала изумление потомков своим величием: ведь после десятилетней осады он был взят не силой, а хитростью.

Нашествие галлов — расплата за гордыню

В конце V в. до н.э. через горные проходы Альп перевалили воинственные племена кельтов — за украшавшие их головы и шлемы плюмажи из петушиных перьев римляне называли их галлами (от gallus — «петух»). Они начали теснить этрусков из долины реки Пад, продвигаясь все дальше к югу, в исконные владения этрусков.

Мирным сельским трудам галлы предпочитали сражения. Коренастые, с косматыми волосами и свисающими усами, галлы шли в бой, как на праздник: надевали пестрые одежды, шею украшали золотыми ожерельями. Оружием им служили длинный меч, кинжал и пика. Раненый галл не покидал рядов, презирая боль. Как бешеные, бросались галлы на врага, оглашая воздух страшными боевыми криками (отсюда и их уничижительное прозвище).

В начале IV в. до н.э. галлы подступили к этрусскому городу Клузий, опустошая окрестные земли. По просьбе клузийцев к ним были отправлены три посла, все из рода Фабиев. Галлы, никогда не слышавшие о Риме, согласились на мир с клузийцами в обмен на часть их пахотных земель. На вопрос римлян, по

какому такому праву, последовал гордый ответ: право галлов — на острие мечей; сильным принадлежит мир! На следующий день, презрев все обычаи войны, римские послы встали в строй клузийцев и приняли участие в бою. А Квинт Фабий даже поразил одного из предводителей галлов и стянул с него доспехи, но был опознан как римский посол.

Это заставило галлов обратить свой праведный гнев против Рима. Они отрядили своих послов в Рим и потребовали выдать Фабиев, нарушивших право народов. Но знатность последних, а может быть, и подкуп спасли их от справедливой кары. Более того они были избраны консулярными трибунами, иными словами, стали лицами неприкосновенными.

Гордыня римлян навлекла на них невиданные несчастья. Немедленно, в 390 г. до н.э. 70-тысячная армия галлов двинулась на Рим. Заносчивые римляне не подготовились к защите от каких-то варваров, и это стоило им страшного разгрома в битве у речки Аллии. Часть римских солдат в панике бежала в Рим, забыв даже запереть ворота, другие укрылись в недавно покоренных Вейях. Галлы сами не ожидали столь легкой победы и потому не осмелились сразу же ворваться в город. Получив передышку, часть жителей, в основном патриции и сенаторы, спешили укрыться на Капитолии. Оставшиеся, главным образом плебеи, устремились из города через Тибр на холм Яникул, а оттуда в Вейи. С толпой сограждан пешком покидали город и жрицы весталки, бережно пряча священные реликвии и огонь Весты. Один лишь плебей Луций Альбин, узнав их, усадил на свою повозку на место жены и детей.

Галлы вступили в Рим через Коллинские ворота, не встретив никакого сопротивления. Город казался вымершим. И лишь на Форуме захватчики обнаружили старцев, сидевших в креслах с длинными жезлами в руках. Это были старейшие сенаторы, не пожелавшие бежать. С опаской приблизился один из галлов к сенатору Марку Папирию и дернул его за бороду, чтобы проверить, живой ли это человек или статуя. Оскорбленный сенатор ударил его жезлом по голове. Тогда галлы набросились на стариков и зарубили их мечами.

Город подвергся страшному разграблению и пожарам. Однако взять Капитолий галлам не удалось. Вскоре в опустошенном городе не осталось продовольствия, и среди галлов начался голод. Один из отрядов, рыскавших по округе, был разбит войском ардейцев во главе с Камиллом, который сплотил римлян и

был провозглашен диктатором. Тем временем истощенные галлы согласились очистить город за выкуп в тысячу фунтов золота. Как гласит легенда, этому помешало появление в Риме Марка Фурия Камилла. В кровопролитной схватке на улицах Рима галлы были разбиты и оставили город. На следующее утро в новом сражении галлы потерпели сокрушительное поражение. Камилл вступил в Рим победителем.

В действительности, римлянам пришлось, конечно, откупиться золотом от галлов. Иначе как объяснить, что вторжения галлов повторялись на протяжении всего IV в. до н.э., в том числе и при жизни Камилла. Лишь спустя столетие римлянам удалось сломить их сопротивление в битвах при Сентине (296 г. до н.э.) и Вадимонском озере (283 г. до н.э.) и подчинить долину реки Пад, где они постоянно обитали. Но признать, что некогда они были побеждены полудикими варварами, было выше сил для гордых римлян; отсюда и утешительная легенда о чудесном избавлении от галлов, которая стала официальным мифом римской истории.

Битва при Аллии

Встреча римлян с огромным полчищем галлов произошла 18 июля 390 г. до н.э. на Соляной дороге у речки Аллии, при ее впадении в Тибр, неподалеку от Рима. Римские консулярные трибуны проявили удивительную беспечность, не укрепив лагерь, растянув боевой строй, так что тот в центре едва смыкался. А резерв поставили на холме с правого фланга. Он-то и послужил причиной трагедии. Вождь галлов Бренн именно против него обратил всю мощь своего войска, боясь, что римляне попытаются хитростью зайти ему во фланг и тыл.

Атака галлов была стремительна и сразу же сокрушила строй римлян. Лишь резервы некоторое время продержались на холме, остальные же, едва слышав крики сбоку и с тыла, обратились в бегство раньше, чем увидели врага. Как сообщает об этом позорном бегстве Тит Ливий, «никто не погиб в сражении, все убитые были поражены в спину, когда началась давка, а толчея затрудняла бегство». Страшная резня произошла на берегу Тибра, куда, побросав оружие, бежали все воины левого фланга. Многие кидались в воду, где под тяжестью доспехов погружались в пучину.

Паническое бегство привело к тому, что ворота Рима оказались даже не запертыми, а многие бежали напрямик в Вейи, уверенные, что Рим обречен. И только изумление галлов от собственной молниеносной победы и боязнь какого-либо подвоха спасли Рим от немедленно-го штурма и гибели граждан. Битва при Аллии навсегда осталась чер-

ной страницей в славной истории побед римского оружия. День поражения при Аллии — 18 июля — в дальнейшем считался в Риме траурным днем.

«Гуси Рим спасли»

Во время нашествия галлов часть боеспособной молодежи с женщинами и детьми укрылась на Капитолии. Разграбив дома и храмы, галлы решили взять Капитолий. Построившись «черепахой», они ринулись на приступ, но на середине склона были отбиты защитниками. Однако они обнаружили еще одну тропинку, которая вела к неприступной крепости от храма Карменты, петляя по обрывистому склону. Подняться по ней можно было лишь по одному. Ею и рискнули воспользоваться ночью варвары, взбираясь на плечи друг другу. Шорох поднимающегося галла разбудил гусей, посвященных богине Юноне, которые спали в клетках позади Капитолийского храма. Птицы загоготали и подняли на ноги защитников.

Первым проснулся Марк Манлий. Схватив щит, он сбил им с обрыва первого же поднявшегося галла, та же участь постигла и следовавших за ним. Натиск галлов был отбит. Вслед за этим, понимая, что начавшийся голод не позволит долго продержаться, Марк Манлий пошел на хитрость: он принял выбрасывать из крепости хлеб, желая показать, что осажденные имеют в изобилии припасы. Хитрость удалась, варвары поверили в устойчивость положения римлян. Сами же они испытывали лишения на пепелище Рима. Им не оставалось ничего другого, как уйти из города. Так возникла поговорка: «Гуси Рим спасли», а Марк Манлий и потомки его заслужили почетное прозвище «Капитолийский».

«Горе побежденным!»

Обстоятельства освобождения Рима от галльских полчищ римские писатели рисуют по-разному. Наибольшей известностью пользовался рассказ о том, что войско римлян во главе с Марком Фурием Камиллом подоспело к тому моменту, когда оставшиеся римляне передавали галлам выкуп. Золото для выкупа взвешивали на весах, и галлы стали руками наклонять чашу, бесчестно вынуждая римлян добавить драгоценного металла. А вождь галлов Бренн даже снял с себя пояс с тяжелым мечом и бросил на пустую чашу весов. «Что это?» — спросил римский посол. В ответ Бренн с издевкой бросил: «Горе побежденным, вот что!» С тех пор эта унижительная для римлян фраза вошла в поговорку.

По другому варианту предания, боги не могли допустить такого позора для римлян. Марк Фурий Камилл вмешался в происходящее и заявил, что договор о золоте заключили в отсутствие диктатора, а значит, незаконно. Свобода же для отечества добывается не золотом, а железом. Он строит к бою свои легионы и громит врага.

Экспансия в Самний

В середине IV в. до н.э. в горных районах Средней Италии сложился союз самнитских племен. Римляне первое время поддерживали с ними дружественные отношения и даже заключили договор. Но в 343 г. до н.э. самниты обрушились из своих горных ущелий на плодородные равнины Кампании и заперли кампанцев в самом крупном городе Капуе. Капуанцам пришлось призвать на помощь Рим, чьи владения уже подступали к Кампании.

Римляне никогда не отказывались пожить за чужой счет и объявили самнитам войну. Первая Самнитская война (343—340 гг. до н.э.) принесла победу римлянам. Их власть распространилась над всей западной частью Кампании, а в городах Капуе и Суессе появились римские гарнизоны.

Почувствовав вкус к победам, римляне открыто вмешались во внутреннюю борьбу в Неаполе, крупнейшей греческой колонии в Кампании. Конечно, они встали на сторону местной знати против простонародья и благодаря ее предательству овладели городом, после чего навязали ему неравноправный союз. Это послужило прологом Второй Самнитской войны (327—304 гг. до н.э.) и чуть было не погубило зарвавшихся римлян. Они попытались без подготовки прорваться в горные районы Самнии, но среди незнакомых теснин попали в засаду, устроенную самнитами в *Кавдинском ущелье*.

Разгром римлян надолго поверг их в состояние шока. Казалось бы, войне приходит конец. Но римляне доказали, что умеют даже из поражений извлекать победу. Они сумели огромным напряжением сил оправиться от позора, восстановить и реорганизовать свои воинские силы.

С этого времени римские легионы стали подразделяться на 30 манипулов, что облегчило ведение войны в условиях горной местности. Реформы Аппия Клавдия Цека сделали общество более демократичным и подняли боевой дух войска. В результате ряда мелких побед им удалось вытеснить самнитов из Кампании и значительной части Самнии. В 304 г. до н.э. самниты запросили мира. И он был дан на выгодных римлянам условиях: под власть Рима перешли не только Неаполь и Нола в Кампании, но и племена сабеллов, жившие вокруг Фуцинского озера. Их подчинение прикрывалось фиговым листком «союзного договора», по которому они лишались права на самостоятельную

внешнюю политику, обязались поставлять Риму вспомогательные войска и уступали часть своей территории под римское «общественное поле». Заодно земли были отобраны и у вольсков и эквов, поддержавших самнитов.

Но вскоре на Рим надвинулась грозная опасность. Через Альпийские горы перевалили новые полчища галлов и двинулись на юг, увлекая за собой племена, жившие в Цизальпинской Галлии, а также этрусков и умбров.

Выгодной ситуацией поспешили воспользоваться и самниты, примкнув к антиримской коалиции племен. Началась Третья Самнитская война (298—290 гг. до н.э.). На этот раз боевые действия сосредоточились вне Самния, в Умбрии, где соединенные войска галлов, этрусков и самнитов захватывали города и громили римские отряды. Но в решающей битве при Сентине в 296 г. до н.э. римские войска под руководством талантливого полководца, плебея Мания Курия Дентата нанесли им сокрушительный удар. Галлы отхлынули на север, этруски заключили с Римом неравноправный мир, а вот самнитам пришлось горше всех. Самнитская федерация распалась, а отдельные общины были вынуждены заключать унижительные союзы с Римом. Значительная часть их земель была отобрана в пользу римлян, и те вывели колонии своих поселенцев в области Самния, и даже в Пицен и Апулию на юге Италии. В то же время сабинянам было предоставлено римское гражданство «без права голосования». Так, применяя принцип «Разделяй и властвуй», шаг за шагом Рим утвердил свое господство над всей Средней Италией.

«Кавдинский позор»

В 321 г. до н.э. римляне стояли на границе Самния. Военачальник самнитов Гай Геренний решил заманить их в ловушку. Разбив лагерь у горного городка Кавдий, он разослал лазутчиков под видом пастухов, чтобы они распространили слух, будто самниты осаждают союзную римлянам Луцерию. К ней вели две дороги: длинная вдоль Адриатического моря и короткая через Кавдинское ущелье. Не разведав маршрута, римляне безрассудно двинулись коротким путем и тотчас были окружены превосходившими силами самнитов. Но и они колебались в нерешительности, опасаясь большого кровопролития. За советом послали к мудрому вождю, престарелому Гереннию Понтию. Его мнение было однозначным: выпустить римлян, не причиняя им вреда, это обеспечит мир и дружбу с римлянами. Если же унижить римлян, как предлагал его сын Гай Геренний, то позор стократ усилит их месть.

Самниты пренебрегли советом старца. Они согласились на просьбу римлян о мире, но заставили всех римских воинов, безоружных и раздетых, словно скот, пройти под ярмом — двумя воткнутыми в землю копьями с третьим в виде перекладины. По понятиям древних, это означало признание себя рабами победителей. Первыми прогнали консулов, сорвав с них консульское облачение. Затем сквозь строй самнитов провели остальных, подвергая их оскорблениям; тех же, кто сопротивлялся, тут же убивали. Не менее мучительным оказалось странствие опозоренных безоружных воинов через земли различных племен в Рим, где их ждало презрение сограждан. «Кавдинский позор» надолго запомнился римлянам не столько военным, сколько моральным поражением.

Маний Курий Дентат

Прозвище свое Маний Курий Дентат — Зубастый — получил из-за того, что родился с зубами. Родом плебей и «новый человек» на политической сцене Рима, Курий Дентат проявил себя на поприще плебейского трибуната, вынудив искусной речью сенаторов одобрить кандидатуру плебея в консулы, против чего возражал сам Аппий Клавдий Цек! Он оставил по себе добрую память сооружением второго после Аппиева водопровода в Риме, в бытность свою цензором в 272 г. до н.э. Он одержал победу над Пирром у Тарента в 273 г. до н.э. В должности консула Дентат блестяще завершил Третью Самнитскую войну, одержав решающие победы над самнитами и сабинянами.

В историю вошел рассказ о том, как послы разгромленных самнитов явились в лагерь к Дентату просить мира, предложив в подарок золото. Консула они застали, варящим себе в горшке репу. На их посулы герой отвечал, что предпочитает власть не над золотом, а над теми, кто им владеет. В этом ответе воплотилась гордость за римскую доблесть и презрение к корыстолюбию. Вызывает уважение и тот факт, что прославленный полководец, раздвинувший пределы Римской державы, до конца дней своих довольствовался скромным наделом рядового гражданина, который сам же и обрабатывал.

Кампанский мятеж

Во время войны с самнитами в 342 г. до н.э. римских воинов оставили после завершения кампании с фалисками и самнитами зимовать в лагерях Кампании, чем вызвали их недовольство. В Риме тем временем вновь обострился вопрос о ростовщиках и долгах, в которых завязли многие воины-плебеи. На многочисленных тайных сходках воины требовали либо отпустить их по домам, либо захватить богатые кам-

панские города и вывести туда колонии. Консул Гай Марций Рутил пытался удалить зачинщиков из лагеря под различными надуманными предложениями и поручениями и утихомирить заговор распространением слухов о размещении войск на постой по городам Кампании. Возмущенное войско всем составом двинулось к Риму, требуя соблюдения своих прав, и лишь уговоры Марка Валерия Корва погасили готовое вспыхнуть междоусобие.

Но сохранились и сведения о том, что дело дошло до открытого противостояния верных Сенату войск и мятежников у ворот Рима, и лишь сойдясь лицом к лицу, соседи и родственники со слезами на глазах бросились друг другу в объятия. Кампанский мятеж имел далеко идущие последствия. Он продемонстрировал высокий накал внутренней напряженности в Риме: впервые римское войско подняло оружие против отечества. После установления мира был принят «священный закон», запрещавший вычеркивать имя воина из цензовых списков без его согласия, — эта угроза нависала над кабальными должниками, лишая их тем самым гражданских прав. Народное собрание выступило за то, чтобы уменьшить всадникам, и без того состоятельным, жалование (ранее они получали в три раза большую плату, чем пехотинцы). Кроме того, было запрещено занимать одну и ту же должность ранее, чем через десять лет. Некоторые авторы передают также, что именно тогда плебейский трибун Луций Генуций предложил закон о запрещении ростовщичества.

Покорение латинов

Взаимоотношения римлян с родственными им латинами были полны противоречий. После изгнания из Рима царя Тарквиния Гордого в 510 г. до н.э. латинские города приняли его сторону, образовав Латинскую лигу, во главе которой стал Тускул, вождем которого был Октавий Мамилий. Почти десять лет длилась война, так называемая Первая Латинская. После поражения латинов в решающем сражении у Регильского озера в 499 г. до н.э. латиняне согласились на заключение равноправного мирного договора (Кассиев мир — 493 г. до н.э.). Условиями его были невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимная помощь и равное разделение добычи. Латины с тех пор объединились в союз восьми городов с центром в Ариции — Арицийскую федерацию. В 358 г. до н.э. союз ее с Римом был возобновлен, что позволило Риму потеснить этрусков и вольсков.

Но успехи римлян в войне с самнитами встревожили латинов. Они попытались потребовать, чтобы один из консулов в Риме и половина Сената избирались из числа латинов. Рим-

ляне категорически отказались, что привело к Второй Латинской войне (340—338 гг. до н.э.). В битве близ города Суесса на границе Кампании войска латинов и кампанцев потерпели поражение. Условия мира были тяжелыми для латинов. Их федерация распускалась, а союзы заключались с каждым городом в отдельности, что облегчало господство над ними Рима. Воплощался в жизнь римский лозунг «Разделяй и властвуй». Поэтому одни города получили все права римского гражданства, а другие — только часть (имущественные права). Последние положили начало так называемому латинскому гражданству, которое в дальнейшем стало дароваться людям вне зависимости от их племенной принадлежности. Союзные латинам вольски, аврунги и кампанцы лишились в пользу Рима значительной части земель. Некоторым из них были предоставлены имущественные права в Риме, но без права голосования в римских комициях.

Обет Публия Деция Муса

Плебей Публий Деций Мус прошел нелегкий путь гражданской и воинской доблести. Благодаря исключительной честности и добросовестности в середине IV в. до н.э. он стал военным трибуном, т.е. занял командную должность. Во время Первой Самнитской войны (343—340 гг. до н.э.) ему со своим отрядом удалось отвлечь внимание противника от войск консула, попавших в лесистую горную лошину. За этот подвиг Публий Деций был щедро награжден золотым венком и сотней быков. Воины Дециева отряда получили двойное жалование. Во время триумфа консулов Деций шел сразу же вслед за ними. Но главным было то, что его первым в роде избрали консулом на 340 г. до н.э. Он стал одним из членов плебейских родов, которые выдвинулись не по происхождению, а по личным заслугам.

В качестве консула Публий Деций сумел упрочить победу Рима в войне с латинами. Во время похода обоим консулам приснился одинаковый сон: величественный муж сообщил, что победа достанется тем, чей полководец отдаст себя в жертву подземным богам. Накануне сражения, как всегда, жрецы-гаруспики осматривали внутренности заколотых животных. В печени животного, принесенного в жертву Децием, гаруспик обнаружил изъян. Консул воспринял это как указание богов и решил обречь себя в жертву во имя победы в предстоящей битве.

Но чтобы обет был угодным богам, следовало совершить сложный ритуал, который подсказал Децию понтифик Марк Валерий. Децию надлежало завернуться в тогу с пурпурной каймой, дотронуться рукой до подбородка и, став ногой на копье, призвать римских богов, а также

богов пришлых (т.е. побежденных римлянами народов), небесных и подземных, даровать победу римскому народу. Затем он изрек слова заклания: «Я обрекаю в жертву богам присподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними!». После этого Деций вооружился, вскочил на коня и бросился в самое пекло начавшейся битвы. Он был столь величественным в своей отваге, что неприятели оцепенели от страха. Под градом стрел он погиб, но гибель его удвоила силы римлян и принесла им заслуженную победу.

Война с Пирром — овладение Италией

В 282 г. до н.э. в Рим явились послы греческого города Фурии, что на юге Италии, прося помощи против племен луканов, которые осадили их город. Предложение звучало соблазнительно, так как предоставлялся удобный случай для вмешательства в дела Южной Италии, к пределам которой уже подходили римские владения. Римляне направили на помощь фурийцам свое войско во главе с консулом Гаем Фабрицием Лусцином (Подслеповатым). Он разбил луканов и ввел в город свой гарнизон. Это событие привело к значительным последствиям. Крупнейший греческий город на юге Италии Тарент почувствовал опасность своей независимости. И когда римские суда, направлявшиеся в Адриатическое море, стали на якорь в Тарентинской гавани, это было расценено как нарушение договора Рима с Тарентом. Корабли подверглись нападению и были потоплены. Так возник повод для войны Рима с Тарентом.

В 281 г. до н.э. римское войско подступило к границам владений Тарента. Первая же битва показала превосходство римского оружия. Тарент не имел значительных воинских сил и вынужден был обратиться за помощью к эпирскому царю Пирру, охотно принявшему это предложение. В 280 г. до н.э. он высадился в Италии с хорошо вооруженной наемной армией численностью в 22 тысяч человек и три тысячи всадников. Главной ударной силой Пирра были двадцать боевых слонов — новинка военного искусства. Римлянам впервые предстояло столкнуться с таким грозным противником — это не племенные ополчения италийцев. Но и Пирру не приходилось иметь дело с пехотой, подобной римским манипулярным легионам.

Весной 280 г. до н.э. главные силы римлян из четырех легионов переправились через реку Сирис и вышли к городу Гераклею на берегу Тарентинского залива. У стен Гераклеи и произошло первое большое сражение. Семь раз римские легионы сталкива-

лись с фалангой Пирра, но исход битвы оставался неопределенным. Тогда царь бросил в бой слонов. Невиданные дотоле в Италии животные испугали римских лошадей и обратили в бегство конницу. Затем под напором слонов и греческой конницы дрогнули и побежали пехотинцы, бросив на разграбление даже свой лагерь. Семь тысяч убитых осталось лежать на поле боя; две тысячи были захвачены в плен. Но и потери Пирра тоже оказались велики, а сам царь ранен.

После этой победы на сторону Пирра перешли племена луканов и самнитов. Остатки римской армии укрылись в Апулии. Путь на Рим был открыт. Не встречая серьезного сопротивления, Пирр, пройдя через Самний и Кампанию, вторгся в Лаций. В городе было объявлено чрезвычайное положение, назначен диктатор. Консул Публий Валерий Левин сумел обойти Пирра в Кампании и заслонил ему путь на юг. Главное, на стороне римлян остались латины. Поэтому царь предпочел не рисковать и отойти в Тарент на зимние квартиры.

Весной 279 г. до н.э. Пирр двинул войска на Апулию, где римляне сосредоточили 70-тысячное войско. В Апулии, близ города Аускула, произошло второе генеральное сражение. Победа в нем досталась Пирру столь дорогой ценой, что он отправил в Рим послов с предложением мира. Глава посольства, советник царя Киней тонкой дипломатией и мягким обхождением сумел привлечь большинство Сената к заключению мира при условии признания власти Пирра над Южной Италией. Но интриги сорвал престарелый сенатор и бывший цензор Аппий Клавдий Цек. В пламенной речи он укорял сенаторов за постыдность криводушных решений и призвал продолжить войну. Мирные предложения Пирра были отвергнуты. Не менее достойно римляне повели себя, когда к ним явился лекарь Пирра, предлагая за деньги отравить повелителя: прославленный консул Курий Дентат с презрением выгнал его из лагеря. В борьбе с царем Рим надеялся на поддержку могущественного Карфагена и заключил с ним договор о взаимной помощи. В римскую гавань Остию вошел карфагенский флот.

Положение Пирра все более ухудшалось, тут еще он рассорился с тарентинцами, разочарованными в доблестях царя. А тот уже решил искать счастья в Сицилии под предлогом борьбы с натиском карфагенян. Откликнувшись на призыв Сиракуз, крупнейшего греческого города острова, Пирр переправляется в Сицилию, оставив в негодующем Таренте свой гарнизон. Одна-

ко первые блестящие победы начали кружить ему голову, его грандиозные планы морского десанта в Северной Африке требуют огромных затрат. Мало-помалу пригласившие царя сицилийские города начинают стонать от поборов и бесцеремонного поведения Пирра. Потерпев неудачу и здесь, энергичный царь возвращается в опустылевший Тарент.

Но положение в корне меняется и здесь. Пока царь мотался по городам и весям, римляне, как не раз уже бывало, извлекли уроки из поражений. Они изобрели приспособления для борьбы со слонами и приучили своих лошадей не бояться их. В 275 г. до н.э. около самнитского города Малевент (досл. «Дурной воздух») состоялось решающее сражение с римскими войсками, которыми командовал герой самнитских войн Маний Курий Дентат. Исход боя вновь решили слоны, но уже не в пользу Пирра. Римские стрелки осыпали их градом огненных стрел, что заставило огромных, но нервных животных повернуть назад, в бешенстве топча свои же войска. Ряды греков были смяты и обратились в паническое бегство. Победа римлян была ошеломительной. Он захватили огромную добычу. А Пирр под прикрытием всего нескольких всадников едва скрылся в Таренте.

Вскоре он покинул и его, вернувшись на родину, где и погиб в очередной авантюре. В ознаменование победы римляне постановили переименовать город Малевент в Беневент («Хороший воздух»), носящий это название и по сей день. В 272 г. до н.э. оставленный Пирром гарнизон сдал город римлянам. Тарентинцы вынуждены были выдать римлянам свои военные корабли и скрыть укрепления. В том же году Риму окончательно подчинились самниты, луканы и бруттии, воевавшие на стороне Пирра. В 270 г. до н.э. пал Регий, вавый южный город на берегу Мессинского пролива, где укрепился мятежный кампанский гарнизон. Примерно тогда же на севере был взят последний оплот сопротивления римлянам — этрусский город Вольсинии. Завоевание Италии было завершено.

Пирр — «кондотьер Античности»

Детство свое Пирр провел при чужеземном дворе, так как его отец был свергнут народом с престола небольшой гористой страны Эпира, расположенной на северо-западе Балканского полуострова. Еще в юности он обнаружил блестящие способности к военному делу. Когда сподвижника Александра Македонского спросили, кто самый вы-

дающийся полководец после смерти великого царя, тот не раздумывая ответил: «Пирр, когда подрастет». Стяжав блестящую воинскую славу, Пирр сумел восстановить свою власть над родной страной, но теперь она казалась ему уже тесной и бедной. Пирр относился к той разновидности талантливых, но увлекающихся и нетерпеливых людей, которые деятельно хватаются за новое дело, но быстро остывают, столкнувшись с первыми трудностями. Он был из породы типичных авантюристов, возникших в эпоху грандиозных завоеваний греков на Востоке. Его переполняли честолюбивые планы: он грезил о создании великой державы на Западе Средиземного моря, подобно той, которую воздвиг на Востоке Александр Македонский. А надеялся он только на свое счастье и преданное ему наемное войско.

Именно поэтому он с такой охотой ухватился за возможность осуществить свои планы в Италии — просьба Тарента о помощи послужила ему лишь предлогом. В общем-то судьба города его не слишком волновала. Завязнув в Италии, он предпочел перекинуться на новое поприще применения своих блестящих полководческих талантов в Сицилии и сумел разгромить карфагенян, вытеснив их из большинства крепостей острова. Но и здесь, не удовлетворившись достигнутым, он устремился душой к берегам Африки, в сердце Карфагенской державы. Властолюбие и самоуправство эгоистичного царя оттолкнули от него даже призвавших его сиракузян: союз с врагами-карфагенянами показался им безопаснее покровительства Пирра. В итоге разгромленный римлянами Пирр вынужден был убраться в Эпир, где также обострилась внутренняя ситуация. Но неумная натура не позволила ему усидеть в родовом гнезде. В 272 г. до н.э. Пирр вяжется в очередную авантюру в Греции и осаждает город Аргос в Пелопоннесе. Он первым лично врывается в город, но во время схватки на улицах получает смертельную рану. По преданию, непоседливый герой был прихлопнут куском черепицы, которую швырнула в него с крыши женщина.

«Пиррова победа»

Блестящий полководец Пирр в войне с римлянами одержал немало побед. Но в историю они вошли как «пирровы». В 279 г. до н.э. армии Пирра и римлян столкнулись у городка Аускул в Апулии. Два дня длилось упорнейшее сражение. В первый день счастье сопутствовало римлянам, но на второй день Пирр умелым маневром заставил их спуститься с крутых берегов реки, где преимущество было на стороне подвижных римских манипул, на равнину. Это позволило ему развернуть прославленную греческую фалангу, в полной мере использовать конницу и невиданных боевых слонов. И здесь они наводили страх и ужас на римлян. Они считали слонов неуязвимыми до тех пор, пока молодой воин Гай Нумиций, чье имя запечатали летописи, не отрубил ме-

чом хобот одному из них. С тех пор эффект от применения слонов был сведен на нет. Но в жестокой сече римляне вновь потерпели поражение и отступили, хотя царю не удалось захватить их лагерь.

Это была очередная победа, но на поле боя остались лежать до пяти тысяч эпирских отборных воинов. Он лишился многих близких ему военачальников и опытных командиров. Говорят, что после сражения в ответ на поздравления в победе, полководец с горечью воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!» С тех пор это крылатое выражение обозначает внешний успех, оборачивающийся поражением.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ

Основой могущества Рима была его военная организация. Она сложилась в глубокой древности и постепенно пронизала все стороны жизни римлян, проникла во все поры общественного организма. В царский период это было куриатное народное ополчение. В период Республики войско комплектовалось по имущественному цензу, который определял место воина в строю. Ежегодно весной на Форуме всходили на трибунал вновь избранные консулы и по спискам граждан выкликали очередников. Нередко к ним в надежде на большую добычу присоединялись и добровольцы. Но иногда плебеев приходилось заставлять записываться в войско силой и страхом наказаний. Каждый взрослый мужчина от 17 до 46 лет был военнообязанным и должен был отслужить в войске 20 военных кампаний, хотя и не обязательно подряд. Лишь после 60 лет он вычеркивался из цензовых военных списков. Такой способ комплектования войск называется милиционным — любой гражданин даже в мирное время знал свое место в военной центурии, был готов к войне и ежегодно вносил по трибам особый военный налог на приобретение себе вооружения — трибут. Возглавляли войско консулы, которые совмещали военное командование с гражданскими обязанностями. Все главные магистраты были, собственно говоря, военачальниками, а общее руководство осуществлял Сенат. Иными словами, весь распорядок жизни Римского государства был подчинен нуждам войны и военной организации.

Набранных воинов распределяли по центуриям в соответствии с их имущественным классом, снабжали оружием из государственного хранилища — эрария. После проведения на Марсовом поле торжественного смотра и люстрации войска с выносом из хранилища священных знамен его выводили из города на войну.

В бою пешие воины строились сплошными рядами — фалангой, с боков ее прикрывала конница. Основной ударной силой были воины первого класса, вооруженные копьем («гаста») и длинным рубящим мечом («спата»). Защитой им служил панцирь, металлический шлем полукруглой или остроконечной формы и круглый бронзовый щит («клипеус»). В соответствии с греческой традицией их называют гоплитами. Воины второго—четвертого классов, вооруженные щитами «скутум», продолговатой формы, строились позади фаланги гоплитов или по бокам от нее.

В IV в. до н.э. в ходе реформ, приписываемых *Марку Фурию Камиллу*, воинам начали выплачивать жалование, а основой воинских сил в середине века становится *легион*. Связано это было с тем, что римляне часто вели несколько войн против разных народов и на больших удалениях от Рима. Со временем изменился и способ набора воинов — не по цензовым классам и центуриям, а по римским трибам. Это облегчало комплектование войска и позволило сделать вооружение более или менее единообразным. Круглый щит «клипеус» полностью заменяется овальным «скутум», а длинная «гаста» уступает место метательному копью «пилум». Меняется и боевая тактика: на смену мощной, но неповоротливой фаланге приходит подвижный манипулярный строй. Окончательно легион превратился в главную воинскую единицу в ходе войн с самнитами во второй половине IV в. до н.э. Вначале в римской армии было четыре легиона, но впоследствии набирали и восемь, и двенадцать — в зависимости от потребностей войны.

После покорения Римом Италии по договору с римлянами италики обязаны были предоставлять ему свои войска в качестве «союзников» (*socii*). Как правило, они были равны по численности легионам (но назывались иначе — *когорты*) и имели сходную структуру и вооружение, но под командованием римских командиров (*военных трибунов*). Со II в. до н.э. в состав римской армии стали включать вспомогательные войска (*auxiliarii*) из италийских, а затем, обычно, неиталийских племен, которые заключали с Римом неравноправные договоры. Они сохраняли свои военные отряды, вооружение и выступали под командованием своих военачальников. Наиболее прославились пращники с Балеарских островов, лучники с Крита, конница из Нумидии. Обычно численность вспомогательных войск равнялась численности римских легионов, а располагались они на флангах, поэтому назывались алариями. Но, в отличие от легионеров, «союзники» и аларии не получали жалования, им дос-

тавалось и в несколько раз меньше военной добычи. Особо отличившиеся воины и командиры награждались венками, премиями и продвижением по службе.

Многие элементы своей военной организации римляне заимствовали у соседних народов и гордились этим. Скажем, от этрусков пришла фаланга, от кампанских греков — вооружение гоплита. в период галльских войн был взят на вооружение меч «гладиус», а у самнитов — щит «скутум». Гибкая система набора воинских сил, постоянное совершенствование тактики, создание уникального вида войскового соединения — легиона, как бы войска в миниатюре, — все это позволило римлянам поднять воинское искусство на недостижимую для Античности высоту, укрепить дисциплину и слаженность действий войска в бою. Закономерным следствием развития военной организации стало распространение власти и могущества римлян на многие народы.

Легион

Первоначально слово «легион» (от *legio* — «набор») обозначало все римское ополчение независимо от численности. Когда для каждого консула стали набирать отдельное войско, они воспроизводили состав друг друга и сохранили обозначение «легион». Во второй половине IV в. до н.э. состав и структура легионов устанавливаются окончательно. Они превращаются в основное воинское соединение, включающее разные рода войск.

Каждый легион насчитывал 4500 человек: из них 3 тысячи — тяжеловооруженной пехоты, 1200 — легковооруженных велитов и 300 — всадников. Однако в отдельных случаях его состав достигал 5 тысяч человек. В бою легион обычно строился в три боевые линии (*acies triplex*) шириной фронта от 240 до 400 метров. Первую занимали гастаты, наиболее молодые воины. Вначале они вооружались гастами, что дало им название. Они начинали сражение, а в случае неудачи отходили в тыл через интервалы второй линии, где стояли более опытные воины, принципы, которые прежде выступали в первых рядах, отсюда и название. Их тех и других было по 1200 человек. Вооружение у них было одинаковым: панцири, шлемы, овальные или прямоугольные щиты «скутум», «испанские» короткие (60 см) колющие мечи «гладиус» и «пилумы». Замыкали боевые порядки триарии (600 человек), — старые опытные ветераны, выделявшиеся пышными плюмажами на гребне шлемов. Они составляли резерв легиона и ожидали своей очереди, стоя на одном колене и выставив перед собой

частокол гаст. В бой они вступали в крайнем случае. Недаром поговорка: «Дело дошло до триариев» означала у римлян смертельную опасность. Вне боевых порядков находились отряды велитов, вооруженных лишь дротиками и щитами, и носивших на голове кожаную шапку или волчью шкуру.

Манипул

Манипулом называлось с IV в. до н.э. тактическое подразделение пехоты в римском легионе. Его боевым знаком (signum) было изображение ладони, укрепленное на древке (отсюда и название: manus — «рука»). Манипул состоял из двух центурий по 60 человек в каждой (всего 120) у гастатов и принципов и по 30 — у триариев. Возглавлял манипул центурион. Сдвоенный состав позволял манипулу маневрировать в бою: во время наступления центурии шли одна за другой и между манипулами оставались промежутки (интервалы), равные их фронту, но по мере приближения к противнику задняя центурия делала поворот «налево—направо» и заполняла интервал, образуя сплошную боевую линию.

Манипулярная тактика

Членение легиона на самостоятельные отряды—манипулы положило начало внедрению манипулярной тактики. В бою центр или правый фланг римской армии занимали римские легионы, по бокам размещались вспомогательные войска, на флангах — римская конница и конница союзников. Сражение начинали римские велиты или легковооруженные когорты союзников. Конница либо наносила первый удар с целью расстроить ряды противника, либо обходила врага с флангов вместе с вспомогательными частями. Легионеры гастаты одновременно метали в противника пилумы, а затем, обнажив мечи, устремлялась в рукопашную схватку. Их поддерживал второй натиск принципов.

Основным преимуществом манипулярного строя являлось ведение боя отдельными манипулами, что увеличивало гибкость и маневренность боевых порядков. При разомкнутом построении каждый манипул действовал самостоятельно, не существовало опасности нарушения всего строя, что было смертельно для фаланги. Сближаясь с противником, манипулы могли смыкать строй, предварительно пропустив в тыл сквозь свои интервалы велитов. Каждая боевая линия получала тактическое назначение, поддерживая или заменяя первую и наращивая удар из глубины боевых порядков.

Во II в. до н.э. римские полководцы научились применять обходной маневр и удар во фланг противника. Так, во время битвы при *Заме* (202 г. до н.э.) впервые было осуществлено эшелонирование боевого порядка. Иными словами, вторая линия (принципы) построились поодаль от первой линии (гастатов) и выполнили самостоятельную боевую задачу: обошли флангу карфагенян с флангов, что решило исход битвы. Сходный прием — удар во фланг противника третьей линией триариев — привел к оглушительным победам при *Киноскефалах* и *Пидне* в войнах с Македонией.

В походе римский легион выстраивался в колонну из трех рядов: гастаты справа, принципы в центре, триарии слева. Одна половина войск союзников двигалась впереди, другая позади. Авангард и арьергард составляла конница. Таким образом, армия была готова поворотом направо мгновенно развернуться к бою в регулярные боевые линии.

Гаста и пилум

Гастой (*hasta*) называли применявшееся в раннем Риме копье длиной до двух метров с наконечником в виде трапеции или листа дерева. Обычно перед боем его метали в противника, но могли пользоваться и в ближнем бою. С IV в. до н.э. гастами вооружались лишь триарии, остальные легионеры носили по два пилума. Это было уникальное метательное копье от 1,7 до 2 м длиной. Около половины его составлял наконечник из мягкого железа с маленьким острием. Древко соединялось с наконечником железным кольцом или раструбом. Пилумом редко наносили рану противнику, целили главным образом в его щит. При этом пилум вонзался так глубоко, что его невозможно было выдернуть, а железный наконечник лишал врага возможности обрубить его мечом; приходилось бросать щит и вступать в рукопашную с римскими воинами без защиты. А ведь у многих народов именно щит и составлял все доспехи.

Римский лагерь

Останавливаясь на привал в походе, римляне всегда сооружали лагерь. В древности просто огораживали стоянку частоколом, но с III в. до н.э. устройство лагеря приобретает упорядоченный вид, где бы он ни находился и на какое-бы время его не разбивали. Он имел форму четырехугольника, окружался глубоким рвом, валом и частоколом. В каждой из сторон имелись во-

рота со своими названиями: обращены к врагу были преторианские ворота, самыми дальними — декуманские. От них тянулись прямые улицы, на перекрестии которых расчищалась площадь (форум). В центре нее стояла палатка полководца. С земляного возвышения перед ней (претория) он обращался с речью к войскам; здесь трубили сбор трубачи и горнисты и совершались жертвоприношения. К подножию претория складывались трофеи. За ним размещался квесторий с палаткой квестора и казнохранилищем.

По бокам ставились палатки старших командиров, членов военного совета и отборной охраны полководца — преторианской когорты. Остальную часть лагеря занимали палатки легионеров, покрытые грубым холстом и кожей, разделенные улочками на кварталы в строгом соответствии с номером легиона, когорты, манипула и центурии. Со своими воинами отдыхали и центурионы. Пространство вдоль стен лагеря, словно фланги в боевых порядках, отводилось коннице и вспомогательным войскам союзников. По первому сигналу палаточный квартал превращался в готовую к бою войсковую единицу. Каждая часть выступала из лагеря через соответствующие ворота в строгом порядке. Ворота зорко охранялись сторожевыми когортами и мелкими постами. Регулярно трибуны совершали обход постов: за сон на посту — неминуемая смерть.

Децимация

Одним из крайних проявлений поддержания воинской дисциплины в римском войске служили децимации, или казни каждого десятого воина по жребию в случае позорного бегства воинов с поля боя. Из каждой манипулы и центурии отделяли обреченных (даже если лично они проявили храбрость посреди общей паники), затем перед строем ликторы их секли и отрубали головы.

Истоком децимации были религиозные нормы: таким своего рода жертвоприношением воинов, оскверненных нарушением воли богов, стремились искупить позор поражения и восстановить священную силу войска. Поэтому проводить такую децимацию изначально мог только полководец, наделенный *империем*. В III—I вв. до н.э. децимацией легионеров руководил военный трибун.

ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СРЕДИЗЕМНОМОРСКУЮ ДЕРЖАВУ

вести пятьдесят лет Рим завоевывал Италию, и менее века потребовалось ему, чтобы из небольшого города-полиса вырасти в крупнейшее государство, владения которого простирались от берегов Испании и Африки до Греции и Малой Азии. Превращение Рима в великую Средиземноморскую державу было главной чертой нового исторического периода — Средней республики (III—II вв. до н.э.). Оно поражало современников своей стремительностью и бесповоротностью. Известный греческий историк Полибий в середине II в. до н.э. не мог сдержать изумления: «Где найти человека столь легкомысленного или нерадивого, который не пожелал бы уразуметь, каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал под единую власть римлян в течение неполных пятидесяти трех лет?» (От Второй Пунической до Третьей Македонской войны.)

Сам Полибий объяснял возвышение Рима совершенством его политического устройства. Но были и другие причины. Рим занимал достаточно выгодное географическое положение в центре как Италии, так и всего Средиземноморья. Здесь очень рано начали скрещиваться торговые пути и по суше, и по морю. В бесчисленных войнах (см. главу III) совершенствовалась уни-

кальная военная организация Римской республики. Волею судеб Риму пришлось столкнуться с ведущими державами античного мира — Карфагеном, Македонией и эллинистическими монархиями Востока, — уже достигнув высокого внутреннего развития, сложившимся государством, главой мощной *Римско-италийской федерации*, объединившей под эгидой Рима всю Италию.

В состав Римско-италийской федерации вошли народы и государства-полисы, стоявшие на разных уровнях хозяйственного и общественного развития. Все они были в разное время подчинены Римом — кто мирным путем и союзными договорами, кто в результате длительного и напряженного противоборства. Главной особенностью Римско-италийской федерации было то, что все ее члены перешагнули уровень развития классического полиса, на котором остановилась Греция; причем Рим утратил такую важнейшую его черту, как замкнутость гражданского коллектива, а итальянские общины — независимость. Однако агрессивная политика Рима имела и положительные последствия. Она отражала подспудное, но исторически прогрессивное стремление народов и племен Италии к объединению: на месте множества разрозненных и слабых общин и полисов возникла новая, совершенно невиданная в Древнем мире государственная организация — союз полисов, сплотивший племена в единый итальянский народ.

В III—II вв. до н.э. в Римской республике переживает подъем сельское хозяйство. Земли, отобранные у покоренных народов, составили государственный земельный фонд римлян, по традиции называемый *общественным полем* (ager publicus). Благодаря ему и беднейшие слои римлян обеспечивались земельными наделами, и появилась возможность создавать крупные хозяйства знати — *виллы* и *латифундии*, которые производили продукцию преимущественно на рынок. Улучшалась обработка почвы, росли урожаи, увеличивалось число виноградников и садов, развивалось выращивание оливковых деревьев.

Не менее быстрыми темпами развивается и ремесло. Его успехи были невозможны без расширения сырьевой базы. Благодаря завоеваниям из провинций в Италию доставляют все больше металлов, дерева, шерсти, кож, стекла, строительных материалов. Вместо давно истощенных итальянских рудников интенсивно разрабатываются богатейшие месторождения металлов, включая золото и серебро, в Испании, Сардинии, Фракии и Малой Азии. В шахтах даже начали применять винт Архимеда

для откачки воды и подъема руды. Для отделки роскошных особняков знати и величавых государственных храмов ввозят ценные породы мрамора из Греции, приступают к разработке залежей красивейшего мрамора в Карраре (на севере Этрурии). Но дома простых горожан не построишь из мрамора, и римляне изобретают новые дешевые строительные материалы — прославивший их в веках знаменитый бетон и обожженный кирпич высокого качества. Совершенствуется строительная кладка из местных пород камня (туфа, известняка, травертина, даже базальта из района Везувия) в виде блоков квадратной, конической или параллелепipedной формы, уложенных уступами или «решеткой», что позволяло возводить как мощные стены городов, так и многоэтажные дома.

Множатся год от году ремесленные мастерские — от маленьких с одним-двумя рабами до крупных эргастериев, где в поте лица трудились по 10—20 человек, в основном рабы. Владельцами многих мастерских становятся *вольнотпущенники*; они же были основной наемной рабочей силой. Появляются мастерские по изготовлению оружия из прочной стали особой закалки и изящных металлических бытовых безделушек: брошей, фибул, бронзовых и серебряных зеркал, кубков. Такакие мастерские в Риме уже не ограничиваются производством грубой домотканой холстины, но снабжают изнеженных нобилей и римских модниц тонкими сукнами и полупрозрачными льняными и полушелковыми тканями. Ремесленники одной профессии обычно объединялись в специальные коллегии, со своими взносами, выборными старшинами (магистрами), профессиональными и даже религиозными праздниками. Кроме Рима, многие города Италии превращаются в крупные ремесленные центры. Так, Капуя славилась литьем из бронзы и свинца, ПUTEОЛЫ — обработкой железа, Арреций — знаменитой во всем мире керамикой, Тарент — шерстяными тканями, окрашенными драгоценным пурпуром.

Подъем сельского хозяйства и ремесла вызвали небывалое оживление торговли Рима и Италии в целом со всем Средиземноморьем. Предпочтение отдавалось торговле по морю. Это было и дешевле, и удобнее сухопутной торговли, особенно с усовершенствованием торговых судов. Нередко они достигали 200—300 тонн водоизмещения, появились дополнительные паруса и даже вторая мачта, более прочными стали рулевые весла. Но не менее бойко развивалась и торговля на суше. На рыночных площадях даже небольших городков или вдоль дорог устраивались многочисленные ярмарки и постоянные торжища.

Вслед за потребностями торговли идет развитие римского права, особенно частного, связанного с вопросами собственности, купли-продажи, заключением сделок и договоров (контрактов). Правовые нормы становятся более простыми, вводятся новые правила для регулирования операций по купле-продаже, обеспечения равенства партнеров, соблюдению добросовестности (*бона фиде*) при заключении контрактов и охране частной собственности (*доминий*). Право торговли и предпринимательства римляне начали предоставлять не только полным римским гражданам, но и гражданам латинским, и даже чужеземцам (*перегринам*). Для этого в 242 г. до н.э. учреждается специальная должность второго *претора* по делам перегринов.

Все это процветание опиралось на массовое использование рабской силы. Именно рабству обязана Италия своими успехами в развитии хозяйства и торговли. Важнейшим товаром в торговле становятся рабы. Благодаря им оказалось возможным обрабатывать обширные поля и огромные виноградники и превращать безжизненные целинные равнины в плодородные угодья, строить дороги и храмы и расширять ремесленные мастерские.

Даже в мелких хозяйствах римских крестьян, сельских плебеев, происходили изменения: мелкие клочки земли в два-три югера сменяются небольшими имениями в 10—30 югеров (4—12 га), в которых семье хозяина нередко помогают один-два раба. Несмотря на развитие рабства, именно свободные земледельцы выносили на своих плечах все тяготы нелегкого сельского труда и составляли основу римского общества.

Широкое применение рабов неслыханными темпами повышало благосостояние богачей-землевладельцев и знати по сравнению со скромным достатком даже родовитых патрициев эпохи Ранней республики. С тех пор как по *закону Петелия 326 г. до н.э.* запрещалось обращать в долговое рабство римских граждан, главным источником рабов становятся войны. Военнопленных и мирных жителей других стран продают оптом и в розницу: на аукционах после взятия вражеских городов и на особых рабских рынках, на рыночных площадях и в домашней обстановке.

Нужда в рабах для развития хозяйства подвигала Римское государство на новые захватнические войны во всех уголках тогдашнего обитаемого мира, а все больший подъем хозяйства требовал возрастающего притока свежей рабской силы взамен «от-

работанной». Нарастание этого круговорота и было причиной усиления агрессивной внешней политики Рима в III—II вв. до н.э. Уже не столько земли, сколько рабы становятся целью войн, а армия превращается в отлаженную машину по доставлению их в Италию, где они поглощались сельским хозяйством и ремеслом.

Но войны служили и средством ограбления других стран: богатства, произведенные народами Средиземноморья, постепенно перетекали в виде военной добычи в Рим. Она обогащала верхушку римского общества и превращала Рим в богатейшую державу Древнего мира, соперничать с которой не могло ни одно государство. Обеспечить господство Рима могла только армия, поэтому римляне уделяли ей особое внимание, постоянно совершенствуя военную организацию и боевую тактику. И «железные легионы» несли народам власть Рима, внедряли «огнем и мечом» римские ценности, образ мыслей и идею о безусловном превосходстве римского образа жизни и правления.

Но и сам Рим впервые вышел за узкие рамки полисных отеческих установлений и окунулся в неведомый пестрый мир чужеземных обычаев и незнакомых традиций, испытав немалое влияние со стороны побежденных народов. В приоткрытые двери обветшавших гражданских добродетелей и воинских доблестей предков хлынули высокое греческое искусство и восточные религиозные культы, философские учения и удивительные театральные зрелища, чудеса техники, мода на иностранную одежду (made in ... — все, как в наши времена!) и греческий язык.

Изменилось римское общество. Наряду со свободными гражданами все бóльшую роль в нем начали играть переселенцы из союзных италийских городов (латинские граждане и перегрины), вольноотпущенники, купцы и торговцы. Предав забвению некогда непримиримые разногласия, старая патрицианская знать и верхушка плебеев непринужденно слились в единое правящее сословие — *нобилитет*. Изменился и быт знати. Место скромного, подчас трудового образа жизни мужей Ранней республики занимает безудержная роскошь, суровые «нравы предков» заменяют разврат и тщеславие.

Быстрыми темпами усиливается расслоение общества, расширяется пропасть между богатыми и бедными. Постоянные войны требуют все новых и новых контингентов «убойного мяса». А армия сохраняет черты гражданского ополчения, в котором обязаны служить прежде всего крестьяне—владельцы земельных наделов. Но войны длятся годами, а крестьяне-легио-

неры, забросив участки земли и семьи, месят грязь солдатскими калигами где-то в лесах Испании или в горах Македонии. Не в силах соперничать с рабовладельческими виллами, многие крестьяне в этот период теряют землю и пополняют ряды городских плебеев как в Риме, так и в других городах Италии. Возникает и все более растет прослойка обездоленной городской бедноты — *люмпен-пролетариев*. Несмотря на высокий рост населения, число годных для службы в армии крестьян-собственников на протяжении II в. до н.э. сокращается. Разорение крестьян снижает боеспособность воинских сил, что наносит удар по интересам рабовладельцев-нобилей. Создается новый замкнутый круг, в котором Рим оказывается во второй половине II в. до н.э., — прямое следствие завоевательных appetitов Рима. Выбраться из этого порочного круга в рамках традиционных общественных и политических структур римского полиса оказывается невозможным. Кризис полиса в конце II в. до н.э. порождает грандиозные и трагические потрясения и открывает новую эпоху в истории Римской республики.

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОСЛОВИЯ

Нобилитет

С III в. до н.э. верхний слой римского общества составлял нобилитет, в состав которого входили патрицианские и влиятельные плебейские роды. Из их числа главным образом избирались высшие должностные лица, которые после завершения своих обязанностей пополняли римский Сенат. Сенат был оплотом нобилитета, его члены вместе со своими потомками образовали правящее сенаторское сословие. Господствовать в нем продолжали древние патрицианские роды: Эмилии, Валерии, Корнелии, Клавдии, Лицинии, Минуции, Фабии... Некоторые роды угасают или просто сходят с политической арены. На их место выдвигаются молодые честолюбивые плебейские роды, забывшие прежние непримиримые сословные разногласия с патрициями: отныне мерилom знатности становится богатство, оно же является ключом к достижению магистратур, дающих право на сенаторский ранг. Влиятельные плебейские роды Семпрониев, Теренциев, Кальпурниев, Ливиев, Цецилиев Метеллов и других по своей знатности ничем не уступают одряхлевшим патрициям. Им так же становятся чужды заботы и интересы рядовых собратьев по плебсу.

В IV в. до н.э. членами Сената могли стать многие состоятельные плебеи, даже вольноотпущенники. Но положение изменилось в III—I вв. до н.э. Замкнутая каста нобилей ревниво оберегала свои привилегии и не допускала в свои ряды чужаков. Пробриться в Сенат даже весьма богатым людям, но не имевшим в роду консулов или хотя бы преторов, не говоря уже о римской знати из глубинки, было практически невозможно. Поэтому во главе государства зачастую оказывались знатнейшие представители нобилитета, но бездарные правители. Недаром в римской истории III—II вв. до н.э. мы видим намного меньше ярких личностей и неординарных государственных мужей, нежели в эпоху Ранней республики. Немногих незнатных людей, сумевших все же сделать карьеру, нобили презрительно обзывали «новыми людьми» (*homo novus*), т.е. выскочками. Среди таких выскочек были люди, принесшие славу Риму: Марк Порций Катон, Гай Марий, а в I в. до н.э. — Марк Туллий Цицерон.

Основой могущества нобилей были крупное землевладение, огромные массы рабов и денежные средства. Несметные доходы давало управление *провинциями*, целиком находившееся в руках сенаторов. Ограбление провинций приняло в II в. до н.э. такие чудовищные размеры, что пришлось самому Сенату принять в 149 г. до н.э. закон Кальпурния, который позволял привлечь к суду наместника провинции за злоупотребление властью. Впрочем, это мало помогало. Постоянные войны обогащали прежде всего военных командиров и полководцев, большинство которых принадлежало к нобилитету. Захватив в свои руки все высшие государственные должности, нобили обогащались за счет своекорыстного использования средств казны, крупного ростовщичества и спекуляций. Потребовался закон Клавдия 220 г. до н.э., чтобы хоть немного обуздать торговые спекуляции сенаторского сословия.

В борьбе за дополнительные привилегии и влияние знатные нобили образовывали враждующие группировки, ради должностей роднились семьями и больше заботились о своих корыстных интересах, нежели о благе государства. Стремление повысить свой престиж толкало многих нобилей, причастных к жреческим и консульским должностям, используя служебное положение, «удревнить» свой род, подчистив и отредактировав консульские *Фасты*. Привычным делом было юридическое усыновление отпрысков дружественных родов: скажем, сыновьями Луция Эмилия Павла были Квинт Фабий Максим *Эмилиан* и Публий Корнелий Сципион *Эмилиан*. В домах нобилей с утра

толклись клиенты. Иные из сенаторов могли составить из клиентов и вольноотпущенников целые армии и содержать их месяцами, используя в политических целях.

Всадники и публиканы

В период Средней республики всадники окончательно утрачивают какую бы то ни было связь с военной конницей и превращаются в торгово-финансовую знать. Большинство всадников были обедневшими патрициями или незнатными плебеями, которым даже богатства не могли открыть дверь в Сенат. Но воспоминания о былой исключительности римского всадничества сделали из них второе правящее сословие. Многие всадники являлись землевладельцами, но не там черпали они свои немалые доходы: ведение внешней торговли, военные поставки и подряды, ростовщические операции и, конечно, так называемый откуп налогов — вот что составляло основу процветания этого сословия в III—I вв. до н.э.

В традиционной системе управления Рима не было места постоянным чиновникам и административному аппарату. Поэтому римляне собирали налоги с завоеванных провинций с помощью частных лиц — откупщиков (публиканов — от *publicum*, «государственные доходы, финансы»). Компании публиканов составляли исключительно всадники. Публикан вносил в римскую казну всю сумму налога с провинции целиком, а потом через своих подручных, нередко вольноотпущенников, собирал назначенную сумму с жителей провинции. При этом он не только восполнял затраты, но и выколачивал немалые излишки, которые клал в свой карман, не забывая делиться и с наместниками. А те, в свою очередь, закрывали глаза на чудовищные злоупотребления и поборы откупщиков, даже выделяли им в помощь войска, чтобы подавлять всякое недовольство местного населения. Не удивительно, что при такой системе провинции быстро истощались и разорялись, обогащая лишь узкую прослойку всадников-публиканов. Тит Ливий с горечью писал: «Где появляются публиканы, там либо право государства бессильно, либо союзники не располагают свободой».

На этой почве во II в. до н.э. нередко возникали трения между нобилиями и всадниками, хотя суть их состояла в том, что первые более дальновидно хотели грабить провинции умереннее и подольше, а вторые, за плечами которых не было громадных поместий знати, желали урвать кусок пожирнее и сразу, мало заботясь о несчастных провинциалах.

Впрочем, разногласия не мешали сословиям нобилей и всадников постепенно сливаться друг с другом. Сыновья сенаторов до занятия магистратуры причислялись к всадникам, а сами сенаторы, обходя закон, участвовали в финансовых спекуляциях и откупках всадников. Те же, в свою очередь, включались в важные судебные комиссии, потихоньку просачивались в Сенат. Слияние верхушки всадников с нобилитетом оформилось в период Поздней республики и получило трогательное название «согласие сословий» (*concordia ordinum*).

Менялы

Выход Рима на международную арену, наплыв золота и серебра в Рим в ходе победоносных войн, бурное развитие торговли, центром которой в период Средней республики мало-помалу становится Рим, — все это приводило к резкому увеличению количества денег. Рим, кроме *ассов*, начинает чеканить свою серебряную монету — *сестерций* и денарий, которая с грохотом «железных» легионов разносилась по всему Средиземноморью. Но и монеты со всего мира стекались в Рим. Разнообразие золотых, серебряных и бронзовых денег вызывало потребность в знающих людях — менялах. Чаше всего менялами (аргентариями) становились вольноотпущенники и чужестранцы, обосновавшиеся в Риме и его владениях. Они открывали меняльные лавки в городах, следили за денежным курсом, производили обмен и размен монет, хранили вклады и переводили деньги в другие конторы, словом, занимались деятельностью, очень схожей с современными банками. Но главный доход приносили ссуды денег под проценты.

С развитием торговли небывалого взлета достигло ростовщичество. Если в Италии, благодаря борьбе плебеев, процент по ссудам был уменьшен до 6% в год, то в провинциях такое ограничение отсутствовало. Это позволяло ростовщикам, нередко совместно с всадниками и даже нобиллями, безжалостно разорять целые города и области. В ответ ростовщики встречали ненависть населения. Характерно, что во время войн или восстаний в провинциях местные жители первым делом вырезали всех римских ростовщиков и публиканов вместе с семьями. Однако после усмирения на их место жадно устремлялись другие хищники.

Люмпен-пролетарии

По мере разорения крестьянства в конце II — I в. до н.э. в Риме сложилась многочисленная прослойка бедняков — люмпен-пролетариев. Они были свободными римскими гражданами со всеми полагающимися правами, но не имели своего хозяйства. Как правило, они и не

стремились его занять, разве что перебиваясь случайными заработками. Напротив, они паразитировали на своем гражданстве и жили за счет государственных подаваний: регулярных раздач хлеба и мелких денег. Первые хлебные раздачи организовали из благих побуждений во II в. до н.э. *Тиберий* и *Гай Гракхи*. В I в. до н.э. их содержание взяло на себя государство. По закону Кассия 73 г. до н.э., каждый люмпен-пролетарий имел право на получение примерно полутора кг хлеба в день. Их заносили в специальные списки и выдавали ежедневно паек из государственных складов. В середине I в. до н.э. таких нахлебников насчитывалось в Риме до 300 тысяч человек.

Дополнительно люмпен-пролетариев подкармливали и влиятельные политические вожди, чтобы усилить свою популярность, — ведь именно они, как правило, посещали Народные собрания. Эта лишенная собственных политических убеждений паразитическая масса была готова из корысти продать свой голос любому проходимцу, который обещал ей сытные подачки и воплощение лозунга: «Хлеба и зрелищ!».

Вольноотпущенники

С развитием в Риме рабовладения возникает и такая категория людей, как вольноотпущенники (либертины, от *libertas* — «свобода»). Нередко хозяева отпускали некоторых рабов на волю: иногда за выкуп, иногда из выгоды (вольноотпущенник лучше трудился), а подчас и из благодарности за верную службу. Вольноотпущенниками становились искусные ремесленники и проворные слуги, рабы — управляющие имениями знати (вилики) или служившие в доме секретарями, учителями, актерами и т.д.

Отпуск на волю сопровождался религиозной и юридической процедурой. Хозяин налагал на раба руку и провозглашал, что отныне отпускает раба «из-под руки», т.е. из своей власти. Поэтому вся процедура восходила к правовой сделке типа «манципация» (от *manus* — *рука, власть*). Но, получив свободу, вольноотпущенник продолжал зависеть от своего бывшего хозяина-патрона. Только теперь он становился его клиентом и выполнял те же обязанности, что и свободнорожденный клиент. Например, наследником имущества вольноотпущенника считался патрон, даже если у того были жена и дети. Определенное количество дней в году вольноотпущенник обязан был отработать на патрона. Он платил ему своего рода оброк с дохода за покровительство, за покупку мастерской или лавки, где вольноотпущенник работал. Это было выгоднее хозяину, чем кормить ленивого раба.

В эпоху Республики вольноотпущенники постепенно образовали особый, довольно многочисленный слой жителей Рима. Будучи по происхождению иноплеменниками (греками и сирийцами, галлами и сардами, хотя большинство относилось к италийцам), они получали некоторые гражданские права, скажем, могли голосовать в трибутных комициях, а их дети признавались уже свободнорожденными полноправными гражданами. Правда, вольноотпущенники не могли занимать выборные государственные должности и служить в армии. Но нередко они делали карьеру на службе у магистрата писцами, секретарями, заведывая делопроизводством или выполняя важные поручения. Подчас их влияние было сильнее, чем у магистрата.

СОЗДАНИЕ РИМСКО-ИТАЛИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Подчинение Риму всей Италии привело к коренным изменениям во взаимоотношениях победителя и побежденных народов. У последних отбиралось от одной до двух третей пахотных и пастбищных земель, которые переходили в собственность римского народа (*общественное поле*). С каждым племенем или городской общиной римляне заключали неравноправные договоры, которые регулировали их взаимоотношения. Особенно охотно римляне прибегали к такой тактике, чтобы разрушить единство союзов или федераций различных племен, выступавших совместно против господства Рима, например, Латинской лиги, Сабинского союза или Самнитской федерации. Это облегчало завоевание и позволяло держать обособленные общины в полном подчинении Риму. Так воплощался главный принцип римской внешней политики, еще не раз примененный на практике в разных уголках античного мира: «Разделяй и властвуй!» (*Divide et impera!*).

При этом сам Рим оставался полисом, т.е. городом-государством, но теперь он стоял над всеми остальными общинами. И хотя ворота для притока новых членов в ряды замкнутого римского гражданства приоткрылись, образования единого централизованного государства в современном смысле слова не произошло. И с другими италийскими городами он устанавливал взаимоотношения как с полисами, но уже подчиненными, утратившими ряд отличительных черт этого вида государства. Прежде всего, это касалось потери права на самостоятельную внешнюю политику, а также ограничений внутреннего самоуправле-

ния. Римские наместники вмешивались в дела итальянских городов, население их обязано было выплачивать Риму подати и поставлять воинов во вспомогательные войска. Таким образом, с конца IV в. до н.э. сложилась своеобразная Римско-италийская федерация. При этом степень зависимости общин от Рима была весьма различной.

Муниципии

Привилегированное положение в Римско-италийской федерации занимали союзные Риму муниципии (от лат. *municipis* — «общественные обязанности»). Они имели полное внутреннее самоуправление, а жители их считались римскими гражданами (но без права занимать выборные должности в Риме). Они могли торговать в Риме и владеть собственностью, вступать в брак по квиритскому, или римскому праву и обращаться в суд; хотя допускались и ограничения: все зависело от того, на каких условиях община заключила в древности союз с Римом. Самыми высшими считались древние города Лация. Они получили полные права еще в 338 г. до н.э. Но граждане многих других муниципиев (этруских, сабинских и т.д.) не пользовались правом участия в Народном собрании Рима и назывались «граждане без права голосования» (*cives sine suffragio*).

Юлий Цезарь в I в. до н.э. установил единообразное управление во всех муниципиях по римскому образцу. Эти города имели свой Сенат, Народное собрание, выборных должностных лиц и казну. С тех пор слово «муниципий» стало обозначать всякий римский провинциальный город. В 212 г. от имени императора *Каракаллы* был опубликован эдикт, согласно которому на все свободное население Империи были распространены права римского гражданства, что открыло доступ местному населению к городским магистратурам.

Колонии

На завоеванные земли Рим с IV в. до н.э. начал активно выводить поселения — колонии. Главной их целью было удовлетворить нужду в земле для растущего римского населения, особенно плебеев. Но они в корне отличались от греческих колоний прежних эпох. Во-первых, они никогда не рвали связи с Римом. В таких колониях действовало римское право, а их

граждане пользовались всеми гражданскими правами, в частности могли вновь переехать в Рим. Во-вторых, они служили, по меткому выражению одного историка, «жандармами римского народа», так как становились оплотом римской власти среди местного населения, на землях которого они основывались.

Нередко колонии выводились в уже существовавшие италийские города и контролировали поведение их жителей. Таковы были колонии Венузия в Апулии или Сена Галльская в Умбрии. Римские колонии были своего рода постоянными военными лагерями, где все колонисты несли военную службу, а в случае нужды пополняли римские легионы. С III в. до н.э. многие латинские муниципии получают право обрабатывать часть вновь завоеванных земель и выводить туда поселения. Такие поселения стали называть «колонии латинского права», т.е. их жители обладали только имущественными правами в Риме.

«Союзники»

Со многими племенами италийцев и греческими городами Южной Италии (Неаполь, Тарент и др.) римляне заключали союзные договоры. Это были договоры как бы между двумя государствами о дружбе и взаимопомощи; внешне они подтверждали независимость и равноправие друг друга. На деле же Рим становился «посредником» между италийскими «союзниками» (*socii*) и внешним миром. Союзники обязывались воевать на стороне Рима и поставлять ему немалые воинские контингенты, но не в привилегированные легионы римских граждан, а во второсортные вспомогательные войска, где и служба была тяжелее, и вознаграждение скуднее. А «равноправие» оборачивалось тем, что союзники как граждане самостоятельных общин не пользовались в Риме никакими правами и считались «чужеземцами» (палестринами). С течением времени на некоторые из них, правда, за особые заслуги были распространены права латинского гражданства.

Префектуры

Ниже всех в иерархической лестнице Римско-италийского союза стояли так называемые «сдавшиеся» общины (*dedititii*). К ним принадлежали те, кто в период римского завоевания вынужден был сдаться на милость победителя или особенно «на-

солил» новым повелителям. В их числе оказались общины бывшей Самнитской федерации, не раз восстававшие против владычества Рима, покоренные, но непокорные племена галлов в Северной Италии или города Кампании Капуя и Кумы, во время Второй Пунической войны перешедшие на сторону Ганнибала. Римляне им не доверяли и наказывали за недостаточную покорность лишением всякого самоуправления. Они не получили никаких прав в Риме и управлялись специально присланными из Рима наместниками — префектами («надзирателями»). По ним они и получили название префектуры.

Провинции

Первоначально слово *provincia* (досл. «поле деятельности») обозначало территорию племени, на которой римский консул вел боевые действия. Со времени завоеваний Рима так стали называть его владения, расположенные вне Италии. Первое время там распоряжался тот военачальник, который и завоевывал их. Затем создаются четыре новых магистратуры провинциальных преторов: с 227 г. до н.э. два *претора* для управления первыми римскими провинциями Сицилией и Сардинией, с 197 г. до н.э. — два претора в испанские провинции. Когда провинций стало много, в них стали посылать наместниками бывших высших магистратов, консулов и преторов, которым продлевали власть свыше одного года: они получили название проконсулов и пропреторов (приставка *pro-* значит «в качестве», т.е. исполняющие обязанности). В провинциях они пользовались всей той властью и полномочиями, что и действующие магистраты, но вне их рассматривались как частные лица. Вместе с наместником обычно посылали квестора для ведения финансовых и хозяйственных дел (главным образом, сбора налогов). Для надзора за наместником Сенат отряжал сенаторов в качестве легатов (посланцев). Наместники набирали себе отряды воинов и имели высшую власть (*империй*) вести войны с пограничными народами, а также вершить суд над жителями провинций вплоть до смертной казни. Каких-либо общих правил управления провинциями в эпоху Республики не существовало, каждый наместник сам определял специальным указом (эдиктом) принципы своего правления.

Провинции сами римляне называли «поместьями римского народа», иными словами, бездонным источником, из которого полной мерой черпались доходы, а население ставилось в поло-

жение рабов. Местное самоуправление в городах провинций было ограничено. Жители обязаны были выплачивать налоги: либо десятую часть дохода, как в Сицилии, либо постоянную сумму, как в Испании. За счет населения содержались войска, наместники и их многочисленные помощники. Значительная часть земель была отторгнута у жителей и перешла в собственность Римской республики. Эти земли занимали римские нобили, на них выводили поселения римских колонистов, а с I в. до н.э. и бывших солдат-ветеранов. Многие земли, особенно рудники, сдавались внаем всадникам или самим же местным богачам за спекулятивную цену.

Провинции находились в безраздельной власти наместника, который со своими приближенными нещадно грабил и разорял беззащитное население. Сбор налогов путем сдачи откупов публиканам и ростовщикам сопровождался бесстыдным вымогательством, незаконными поборами и притеснениями. Так, в 30-е годы II в. до н.э. они довели до полного истощения недавно приобретенную провинцию Азия (на месте бывшего Пергамского царства), чем вызвали мощное народное восстание. И первым делом народ перебил в городах всех римских ростовщиков и публиканов.

Население провинций было лишено даже возможности пожаловаться на злоупотребления. Суд и расправа находились в руках наместника, а сам он был недосягаем для правосудия. Лишь в 149 г. до н.э. в Риме по закону Кальпурния были учреждены судебные комиссии для разбора дел о вымогательствах. Но заседавшие там сенаторы, как впоследствии и сменившие их всадники, нередко выносили оправдательные приговоры провававшимся наместникам-самодурам.

Римские дороги

Римские дороги — не просто удобное средство сообщения, протянувшееся на тысячи километров и связавшее множеством нитей самые удаленные части разросшейся Средиземноморской державы, практически всю современную Европу. Римские дороги сродни египетским пирамидам — они вечны и, в отличие от пирамид, продолжают служить до сих пор. Это выдающееся достижение строительного искусства, неоценимый вклад римлян в мировую культуру. Строительство дороги было делом государства. На это выделялись средства из казны. Строили дороги и воины, и местное население, обложенное строительными повинностями, и рабы. Дороги именно строили, а не прокладывали, ибо они представляли собой сложное сооружение. Сначала рыли

ров, по краям которого вырастала насыпь. Затем в основание дороги насыпали чередующиеся слои песка, щебня, мелких камней, глины, гравия и вновь песка высотой подчас до нескольких метров. И вот на эту прочную подстилку укладывали обтесанные камни или плиты из песчаника, туфа или даже гранита. Насыпи также укрепляли и устраивали в них стоки для воды.

Римляне избегали крутых подъемов и многочисленных углов. Не считаясь с затратами, они спрямляли повороты, срезали склоны холмов, пробивали туннели в горах, а в низинах увеличивали насыпи или поднимали дорогу на специальные каменные мосты с опорами в виде арок — виадуки. Ширина дорог позволяла свободно разминуться двум крупным повозкам или пройти маршем двум манипулам легиона. Ведь одно из главных предназначений широких, ровных и гладких дорог заключалось в том, чтобы быстро перебрасывать войска на разные театры боевых действий. Но дороги сыграли ведущую роль и в развитии торговли. Первая, Аппиева дорога, соединила в конце IV в. до н.э. Рим и Капую, а во II в. до н.э. дошла до Брундизия, а Фламиниева дорога протянулась в Северную Италию.

ЛИЦА И ЛИЧНОСТИ РИМСКОЙ ПОЛИТИКИ

Стремительный выход юного Рима на широкую международную арену в III—II вв. до н.э., резкие изменения во внутренних социально-политических отношениях, бурное развитие товарного рабовладельческого хозяйства и транснациональной торговли, растущие внешнеполитические аппетиты алчной римской знати «новой формации», наконец, масштабное взаимодействие с высокоразвитыми цивилизациями Средиземноморья и Востока, преимущественно в военном аспекте, — все эти перипетии и катаклизмы Средней республики неумолимо взрывают патриархальную автаркию римского гражданского коллектива, чьи традиционные морально-политические устои трещат под натиском новых вызовов времени. Эта бурная эпоха вызвала к жизни и новый тип римского политика: с одной стороны, открытого непривычным веяниям пестрого мира, способного к неординарным поступкам честолюбца-индивидуалиста, готового преступить через отжившие добродетели предков в политической и военной карьере; с другой — римлянина до мозга костей с его идеалами служения Республике, особым охранительным менталитетом почитания старших и богобоязненности и врожденным убеждением, что «Рим превыше всего!» Наиболее яркое воплощение эта двойственность римских политиков на переломе эпох воплотилась в личностях *Сципиона* и *Катона*.

Защитник плебеев Гай Фламиний

За годы Первой Пунической войны резко возросла роль Народных собраний, прежде всего трибунных. Сразу после войны были реформированы центуриатные комиции, что дало преимущества гражданам второго и третьего имущественных классов. Во главе движения плебса в 20-е годы III в. до н.э. встал **Гай Фламиний Непот**. В бытность свою плебейским трибуном (232 г. до н.э.) он провел при поддержке реформированных комициев очень важный для плебеев закон о разделе между малоимущими плебеями так называемого Галльского поля, северной части Пизцена, завоеванной еще в 285 г. до н.э. Этим он приобрел у плебеев небывалую популярность. Против Фламиния ополчились сенаторы и даже его собственный отец, угрожавший сыну отеческой властью (иными словами, смертью). Но Фламиний не дрогнул и, будучи консулом в 223 и 218 гг. до н.э., с помощью трибуна Клавдия нанес в 218 г. до н.э. новый удар по нобилитету. Был принят закон, запрещавший сенаторам владеть торговыми судами сверх определенной вместимости. Тем самым сенаторы отсекались от занятия торговлей: их удел ограничивался сельским хозяйством, а торговля, денежные операции и ростовщичество постепенно переходили в руки сословия всадников. Этим законом Фламиний приобрел поддержку римских богачей.

Раздел Галльского поля вызвал войну с недовольными этим галлами. Вторгшись в римские владения, они угрожали самому городу, но в кровопролитной битве у Теламона армия галлов попала в окружение и была наголову разбита. После этого римские войска без особого труда овладели всей территорией Цизальпинской Галлии вплоть до реки Пад. Отличился в этих войнах и Гай Фламиний. Избранный консулом 223 г. до н.э., он перешел с армией Пад и вторгся в пределы воинственного племени инсубров. В битве при Плаценции Фламиний разгромил полчища галлов, а спустя год был взят приступом их главный город Медиолан (ныне Милан).

В 220 г. до н.э. к завоеванной области была подведена прекрасно вымощенная дорога, позволявшая быстро перебрасывать римские войска против еще непокорных племен. Инициатором и руководителем строительства выступил Гай Фламиний, ставший цензором; поэтому и дорога была названа Фламиниевой. Фламиний не случайно стремился захватить плодородные долины реки Пад: это позволило утолить «земельный

голод» плееев, не трогая громадных владений знати, а также обеспечило римлянам прочный тыл в неминуемой схватке с Карфагеном. Однако вкусить плодов своей предусмотрительности Гаю Фламинию так и не довелось. Избранный консулом на 217 г. до н.э., Фламиний героически пал в битве с Ганнибалом у *Тразименского озера*.

Корнелий Сципион — «блеск и нищета» принцепса Сената

В римской политической жизни первой половины II в. до н.э. складываются два течения, лидеры которых по-разному понимали цели Римской республики во внутренней жизни и на международной арене. Признанным главой одной из группировок (точнее течения — не путать с современной партией) был знаменитый военачальник, победитель Ганнибала **Публий Корнелий Сципион Африканский** (235—183 гг. до н.э.).

Он происходил из древнейшей патрицианской семьи и рано выдвинулся на военном политическом поприще. В 211 г. до н.э. в тяжелый для Рима момент поражений в Испании, где погибли оба командующих — отец и дядя Сципиона, 24-летний юноша неожиданно предложил свою кандидатуру на пост проконсула, чтобы заменить отца. Искренний порыв и поразительная убежденность в высшем покровительстве своей миссии были оценены народом, единодушно избравшим незрелого юнца на должность, занимаемую по закону только опытными консулами. Сам Сципион всячески создавал себе образ избранника небес и даже подогревал слухи о своем якобы божественном происхождении.

В Испании он выказал себя талантливым и энергичным полководцем. Он поражал врага на поле боя (блистательная победа при р. Илипе в 206 г. до н.э., где Сципион плодотворно опробовал тактику флангового охвата войск противника — 70-тысячной армии Гасдрубала, брата Ганнибала) и привлекал на сторону римлян вождей иберов ловкой дипломатией и щедрыми посулами. Именно по инициативе Сципиона, избранного консулом несмотря на недостаточный возраст, состоялась неистовая африканская экспедиция, избавившая Италию от разорения Ганнибалом. А искусная виктория над несгибаемым пунийцем при *Заме* в 202 г. до н.э. создала ему невиданную популярность среди народа и авторитет в государственных делах. С 199 по 184 г. до н.э. он занимал положение *принцепса* римского Се-

ната, что позволяло ему влиять на принятие решений этим важнейшим органом государства, где сходились нити всей внешней политики, выступали иностранные послы, обсуждалось объявление войн, утверждались условия мира, не говоря уже о вынесении сенатусконсультов по всем внутренним вопросам.

Во внешней политике Сципион был противником образования новых провинций и стоял за укрепление могущества Римского государства путем создания вокруг него «буферного пояса» зависимых от Рима, но формально самостоятельных государств. Это позволяло управлять ими и выкачивать богатства, не прибегая к введению прямого провинциального управления. Тем самым контроль за вассальными странами был более дешев, да и тяготы подавления народных волнений возлагались не на римские легионы, а на войска местных правителей. Эти принципы воплотились в мирных договорах после войн с Карфагеном, Македонией и Сирией в начале II в. до н.э.

Во внутренней политике Сципион был решительным сторонником главенства Сената в управлении страной. Но вместе с тем он стремился облегчить воинскую службу и уменьшить бремя налогов для граждан, а малоимущих наделить землей. Во время его руководства было выведено множество колоний на север Италии и побережье Адриатики. Этими действиями он снискал ненависть другой группировки нобилитета и особенно ее главы *Катона*.

Долгое время Сципион удерживал бразды правления благодаря опоре на представителей разных ветвей своего рода: большинство высоких должностей попадает в руки Корнелиев. С другими дружественными родами (например, Эмилиями) были заключены выгодные браки. Это давало повод противникам упрекать его в династических замашках, чуждых республиканской морали.

С 80-х годов влияние Сципиона начинает падать. Предлагавшиеся кандидатуры на выборах начинают проваливаться, но авторитет его самого оставался незыблемым. Не рискуя подступиться к нему напрямую, политические оппоненты обрушили шквал обвинений на его брата Луция Сципиона. В 187 г. до н.э. от него потребовали отчета в расходовании так называемой сирийской добычи, полученной во время войны с *Антиохом III*, деятельное участие в которой принял и Публий Сципион. Он же объявил предъявленные обвинения унижительными и демонстративно разорвал все счета и финансовые расписки. Это дало повод укрепить в народе подозрения в расхищении государственной собственности, т.е. добычи. Наветы и слухи не утихали,

и через три года Луций вновь предстал перед судом и был приговорен к большому штрафу, а после высокомерного отказа уплатить — к тюремному заключению. Понадобилось заступничество плебейского трибуна Семпрония Гракха (отца будущих реформаторов), чтобы Публий Сципион сумел отстоять брата. Но в народе шептались, что только знатность и огромное состояние спасли Сципионов от заслуженной кары.

Процесс стал концом политического влияния бывшего спасителя Рима. Он вынужден был оставить свой пост принцепса Сената и удалиться в поместье близ городка Литерн, где вскоре и умер в 183 г. до н.э. Так Рим отблагодарил прославленного полководца, снискавшего Городу и гражданам господство над множеством стран и горы военной добычи. Некому стало отстаивать внешнеполитическую линию Сципиона, и вскоре она была отброшена.

Катон — «суровый римлянин»

Одним из наиболее последовательных противников Сципиона был Марк Порций Катон (234—149 гг. до н.э.). Он принадлежал к незнатному роду из Тускула. В политике таким клеили ярлык «новичок» (*homo novus*) и чинили всяческие препоны. Путь на вершину власти для Катона был не в пример труднее, чем для удачливого счастливчика Сципиона: когда тот уже шествовал с консульскими фасциями, его ровесник Катон достиг лишь первой ступеньки государственной лестницы — должности *квестора* (205 г. до н.э.). Под началом Сципиона Катон сражался в битве при Заме, а когда того избрали принцепсом Сената, Катон исполнял невзрачную должность *эдила* (199 г.). Возможно, в стойкой неприязни трудяги Катона к баловню судьбы Сципиону проскальзывали и личные мотивы, даже после того как Катон сам стал сенатором и *цензором* (184 г.).

Катон достойно проявлял себя везде, куда забрасывала его политическая карьера. В 195 г. он впервые в роду достигает консульской должности и подчиняет большую часть Испании власти римлян, обращая земли ранее (при Сципионе) самостоятельных племен в римские провинции. Будучи в душе истым дельцом, он организовал на территории кельтиберов разработку рудников, что дало государству (и ему лично) огромный доход.

С тех пор Катон стал ревностным сторонником политики превращения всех завоеванных Римом земель в провинции, что должно было облегчить беспощадную эксплуатацию их населе-

ния и природных богатств. Это в полной мере отвечало потребностям той части римского нобилитета, которая черпала громадные доходы от рабского труда в поместьях и ростовщичества. А для этого требовалось все больше и больше рабов и новых внешних рынков. На его стороне выступали многие знатные роды — Фабии, Клавдии, Семпронии.

Во внутренних делах Катон выступал настолько рьяным поборником старины и привилегий нобилитета, что и не снилось потомственным патрициям. В то время как Сципион выступал за приобщение римлян к культуре Греции, Катон ратовал за чистоту «нравов предков» и боролся с заимствованием иноземных идей и обычаев, усматривая в них вред для исконных суровых традиций и римского духа. Он осуждал растущее стремление римлян к роскоши, порожденное эллинистическим образом жизни и последствиями ограбления Греции. Став цензором в 184 г., Катон прославился введением особого налога на роскошь. Проверя цензовые списки сенаторов, он недрогнувшей рукой вычеркнул из него тех, кто, по его мнению, запятнал себя поведением, недостойным столь высокого звания. По «странному» стечению обстоятельств большинство из них оказались приверженцами ненавистного Сципиона*.

Сокращено было и число всадников. Строгость цензуры Катона даже вошла в поговорку. Но она же вызвала недовольство самых различных групп нобилитета, и цензоры следующего срока отменили многие ограничения Катона.

Не менее настойчивым и бескомпромиссным было и поведение Катона по вопросам внешней политики. Он последовательно выступал за окончательное уничтожение давнишнего врага римлян Карфагена. И всю свою оставшуюся долгую жизнь, по каким бы поводам он ни выступал в Сенате (а выступал он часто!), каждая речь его завершалась неизменным, как долбящая камень капля воды, рефреном: «А все-таки я считаю, что Карфаген должен быть разрушен!» И когда война с Карфагеном, наконец, началась, не без его стараний, великий старец почувствовал, что его миссия выполнена, и с чистой совестью умер в 149 г. до н.э.

Катон прославился и развитием латинского языка и литературы. Он писал трактаты по риторике и медицине. Его перу

* Впрочем, среди них были и такие изверги, как братец *Фламиния* Луций, который в бытность консулом лично зарубил топором на пиру галльского посла, чтобы доставить удовольствие своему юному наложнику.

принадлежит история древнейшего Рима в семи книгах «Начала» (к огромному сожалению, утраченная) и сохранившийся трактат «О сельском хозяйстве» — детальнейшее пособие по разведению сельскохозяйственных культур и управлению рабами.

Тит Квинкий Фламинин — прагматичный эллинофил

Тит Квинкий Фламинин (227—174 гг. до н.э.) принадлежал к древнему патрицианскому роду (к другой его ветви относился *Квинкий Цинциннат*), рано вошел в политику, в 208 г. до н.э. служил военным трибуном, в 205—204 гг. до н.э. был назначен пропретором, управлял захваченным римлянами Тарентом, в 198 г. до н.э. был избран консулом, а затем в качестве проконсула прославился умиротворением Македонии.

Это была незаурядная личность. Честолюбец, умный и ловкий дипломат, Фламинин представлял собой тип римского политика новой формации, гибкого и оборотистого. По свидетельству Плутарха, он умел действовать когда надо и насилем, и мягкостью, беспощадно расправляться с врагами и подкупать их благожелательным обхождением, был «скор и к гневу, и к оказанию услуги». По мнению Полибия, «это был один из пронзительнейших римлян, обнаруживший несравненную предусмотрительность и ловкость не только в государственных делах, но и в личных отношениях».

Прибыв в Грецию в 198 г. до н.э. в разгар *Второй Македонской войны*, Тит Фламинин разом обворожил греков. Вместо варвара они увидели очаровательного молодого человека, который с искренним восторгом рассуждал о «великой Элладе», и истово уверовали в его миссию «спасителя эллинов». Роль покровителя Фламинину очень импонировала, недаром, как сообщает Плутарх, «он всегда любил, как своих благодетелей, тех, которые получали от него благодеяния, охотно пекся о людях, обязанных ему, и покровительствовал им, почитая их драгоценнейшим приобретением... Более любил тех, которые имели нужду в его помощи и благодеяниях, нежели тех, кто мог ему благодетельствовать. Одних почитал он средством к изъявлению своей добродетели; других соперниками в славе»^{*}.

^{*} Всего полтора тысячелетия спустя «научные» обоснования такой политики мы прочтем у Никколо Маккиавели.

Именно этот изысканный эллинофил, тонкий знаток греческого искусства и языка, словом, Тит Квинкций Фламинин, сумел блестяще решить главную задачу римлян во Второй Македонской войне — оторвать Грецию от Македонии, лишив последнюю людских и материальных ресурсов Эллады.

Насильно этого сделать было нельзя: греки тут же встали бы на сторону македонского царя Филиппа V. С таким народом, как эллины, нужно было действовать тонко и осторожно, чтобы не перейти грань, отделяющую освободителя от захватчика. Филипп этой грани не заметил и с чисто царским апломбом перешагнул через нее. Фламинин же быстро уловил ее и держался рядом, не переступая. Это понимали сами древние. Столетия спустя Плутарх признавался: «Если бы римский полководец не действовал более словами, нежели оружием, если бы его поступки не сопровождались убеждением и кротостью, то Греция не так легко предпочла бы чуждую власть той, к которой она привыкла (т.е. македонскую)».

Расчет Фламинина был точен: имущие слои населения тотчас примкнули к римлянам, а за ними, как всегда, последовали и широкие народные массы, дезориентированные и ослепленные блеском «свободы». Но со стороны Рима это было не только ловко разыгранной комедией: на горизонте маячила угроза вторжения в Грецию сирийского царя *Антиоха III*. Однако в случае необходимости Фламинин легко переходил от уговоров к насилию. Он огнем и мечом усмирил Акарнанию и Левкадию, державших сторону Македонии. Когда в Беотии народ избрал правителем некоего Брахилла, сторонника Филиппа V, Фламинин без угрызений совести дал разрешение местным олигархам его убить. Когда же возмущенные этим беотийцы, зная, кто главный виновник, осмелились напасть на римских солдат, раздраженный «неслыханным преступлением» Фламинин бросил против беотийцев карательные отряды и опустошил город Коронею.

Чтобы успокоить умы, Фламинин решил вывести из Греции римские войска. Этот вывод он обставил так пышно, что все сразу прочувствовали добрую волю римлян. На прощание он собрал в Коринфе представителей союзных римлянам городов и обратился к ним с отеческим напутствием: «И свободой своей да пользуются греки в меру, ибо, разумно ограниченная, она целесообразна для каждого гражданина и для всего государства, но излишек свободы приводит к распущенности и необдуманности поступков, что нетерпимо для других и губительно для тех, кто ей предается...» Фламинин знал, кому говорить такое, ведь перед ним сидели сплошь аристократы и олигархи, власть которых он

и установил в Греции, беспощадно подавляя все демократические силы. Не преминул Фламинин и напомнить грекам оберегать свободу, «что добыта для них чужим оружием, возвращена им чужой верностью; пусть народ римский знает, что вручил свободу достойным и не пропали напрасно благочестивые труды его», — и прослезились все, даже и сам Квинций Фламинин.

Особо впечатляет последнее мероприятие, которое свершил на греческой земле филэллин Фламинин. Он «попросил» греков выкупить для него в течение двух месяцев всех римских граждан, проданных в рабство карфагенянами (!) во время *Второй Пунической войны*. Одним только верным союзникам ахейцам эта просьба стоила сто талантов.

В Рим скромный Фламинин въехал с пышным триумфом, который длился три недели. И все это время в процессии несли тысячи фунтов золота и серебра, 114 золотых венков, подаренных покоренными городами, 84 тысячи греческих золотых тетрадрахм и множество драгоценной утвари и предметов искусства, которые такой большой ценитель не смог оставить в Греции. Перед колесницей триумфатора шли греческие заложники, и в их числе сын Филиппа V Деметрий и сын спартанского тирана Набиса Армен.

И в дальнейшем Фламинин (став цензором в 189 г. до н.э.) не раз использовал свои обходительность и таланты, чтобы удержать греческие города от союза с сирийским царем Антиохом III и обаять юного *Деметрия* обещанием диадемы македонских царей из рук римлян. Одним из последних его «добрых» дел стало руководство планом устранения ненавистного римлянам *Ганнибала*. Именно Фламинин тонко намекнул царю Вифинии Пруссию, чего хотели бы от него римляне, и тот с готовностью подослал к неукротимому старцу наемных убийц.

Сципион Эмилиан — между честью и долгом

Публий Корнелий Сципион Эмилиан (185—129 гг. до н.э.) был сыном победителя македонского царя Персея *Эмилия Павла*. Еще ребенком он был с согласия отца усыновлен знаменитым родом Корнелиев Сципионов и по обычаю принял их имя, сохранив свое родовое имя в виде прозвища (это была распространенная практика ради политических союзов знатных семей или объединения состояний). Таким образом, он приходился приемным внуком самому Сципиону Африканскому. Столь славное

родство не могло не сказаться на карьере и военных способностях юноши. В шестнадцать лет он отличился в *битве при Пидне*. Затем с успехом воевал в Испании, наконец, прославился успешным завершением *Третьей Пунической войны* и безжалостным разрушением Карфагена. Пользуясь большой популярностью у плебеев, он поддерживал большие связи в аристократических кругах и имел немало сторонников в среде сенаторской знати.

Эмилиан был ревностным поклонником эллинистической культуры и философии. Его дом был открыт для ученых диспутов и дружеских бесед многих людей, составивших так называемый «Сципионовский кружок». К нему были близки греческий историк Полибий, много лет проживший в Риме в качестве ахейского заложника, философ Панетций, драматург Теренций (кстати, из вольноотпущенников), а также много других деятелей культуры и политики Рима той эпохи. Сам Эмилиан находился под влиянием идей философского учения стоиков с их космополитизмом и бесстрастным отношением к жизни, но вместе с тем был приверженцем староримских ценностей. Высоко ценил Катона. В кругу единомышленников Сципиона был создан идеал сурового римлянина «доброго старого времени», отличающегося храбростью, простотой и справедливостью.

Сципион Эмилиан выдвинулся, опираясь на верных ему воинов. Поэтому он сознавал, какое большое значение имеет для безопасности Рима крестьянство — основной воинский контингент. Он мечтал о восстановлении отношений в обществе, как во времена Ранней республики, но пойти на решительные реформы ему мешали тесные связи с нобилитетом. В 142 г. до н.э. он был избран *цензором*, но, несмотря на строгость, его борьба с роскошью результатов не принесла. Близкий к нему Гай Лелий составил даже проект аграрного закона, но предложить его в комициях побоялся, за что получил от сенаторов прозвище «Мудрый». Одно время близок к кружку Сципиона был и *Тибериус Гракх*.

РИМ И КАРФАГЕН — БОРЬБА ХИЩНИКОВ ЗА ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Первая Пуническая война: Сицилианский гамбит

Несколько столетий отношения между Римом и Карфагеном были дружественными. Словами «Быть дружбе между римлянами и карфагенянами» начинался первый договор между ними, за-

ключенный еще в 509 г. до н.э., на заре Римской республики. Вторым договор, касавшийся развития торговли, пришлось на 348 г. до н.э. Наконец, в тяжелые годы войны с Пирром в 279 г. до н.э. вновь заключается договор с Карфагеном для борьбы с общим врагом. А полтора десятилетия спустя римляне и пунийцы (как в Риме называли карфагенян) вступили в период кровопролитных и продолжительных войн. Дело том, что мирные отношения продолжались до тех пор, пока обе державы имели интересы в разных регионах Западного Средиземноморья. Но как только их интересы пересеклись, дружбе пришел конец. И пересеклись они в одной точке — Сицилии. Карфагеняне столетиями завоевывали ее западную часть в непрестанной борьбе с греками, владевшими восточным побережьем Сицилии, и этрусками. Римляне же издавна получали из Сицилии хлеб и другое продовольствие.

Поводом к войне послужила осада тираном Сиракуз Гиероном II Мессаны — города на северной оконечности острова. Укрепившийся там гарнизон из наемников, так называемых «мамертинцев» (сыновей Марса), обратился за помощью сразу к Риму и Карфагену. И тот и другой жаждали утвердиться в этом городе, занимавшем стратегическое положение на берегу узкого пролива между Сицилией и Италией. Первыми подоспели пунийцы, но остаться в Мессане им не удалось. Римский Сенат, обуреваемый захватническими планами, весьма выгодными отдельным знатым фамилиям, объявил о своей «помощи» мамертинцам. Так началась Первая Пуническая война, длившаяся двадцать три года (264—241 гг. до н.э.).

Война велась в основном в Сицилии. В 264 г. до н.э. римские войска захватили камень преткновения, Мессану, разбили карфагенян и осадили Сиракузы. На их сторону перешли многие греческие города, и Гиерону II пришлось заключить с Римом мирный договор. Это стоило тирану ста талантов серебра. Мир и союз с Сиракузами облегчили римлянам ведение войны, поскольку войска теперь были обеспечены местным продовольствием. На суше римские легионы воевали успешно и в короткое время очистили от пунийцев большую часть острова. В 262 г. до н.э. после шестимесячной осады пала их главная твердыня — город Агригент (так римляне называли Акрагант). Но на море безраздельно господствовал карфагенский флот. Он беспрепятственно нападал на берега и приморские города Италии, подвозил сухопутным войскам продовольствие. У римлян же кораблей было мало, да и моряками они были неважными. Война затягивалась, истощая силы Рима.

Тогда римский Сенат принял важное решение: создать собственный флот. В кратчайший срок (один год, а по Полибию даже за два месяца!) было выстроено 100 боевых *пентер* и 20 *трирем*. Причем применялись методы конвейерной сборки унифицированных узлов на разных верфях. А, чтобы не терять времени, гребцов для кораблей обучали прямо на суше, соорудив для этого специальные скамьи. Интересно, что в гребцы набирали свободных бедняков, пролетариев, ранее освобожденных от воинской службы, а не рабов, как в Карфагене.

Однако первое сражение с прирожденными «морскими волками» пунийцами у Липарских островов (260 г. до н.э.) окончилось для римлян плачевно. Окованные железом мощные носы карфагенских триер, умело маневрируя, насквозь таранили борта римских кораблей. Но римляне нашли способ обойти мореходное искусство противника. Благодаря изобретению abordажных «воронов» в битве при Милах (260 г. до н.э.) молодой римский флот под командованием консула Гая Дуилия одержал крупную победу над карфагенским. В память об этой битве в Риме на Форуме была воздвигнута мраморная колонна, украшенная прикрепленными к ней носами захваченных карфагенских кораблей — рострами (Ростральная колонна).

Однако попытка перенести боевые действия на территорию врага в Северную Африку закончилась катастрофой: римские войска были разбиты, а консул *Регул* пленен. Провал похода затянул войну на долгие годы. Не раз римский флот погибал от бурь, и римлянам приходилось заново строить корабли, не раз военное счастье в Сицилии переходило из рук в руки. Казалось, исход войны замаячил на горизонте, когда в Сицилию прибыл молодой полководец Гамилькар Барка. Он реорганизовал в 247 г. до н.э. карфагенскую армию и принялся энергично отвоевывать утраченные пунийцами сицилийские территории. Но римляне не пали духом. Ценой чрезвычайных усилий они выстроили новый флот (200 кораблей), обложив наиболее богатых граждан чрезвычайным налогом. Возглавил флот консул Гай Лутаций Катул из неродовитой семьи. Морские сообщения карфагеняны были перерезаны, решительным штурмом были взяты крупные порты Лилибей и Дрепан, последние твердыни карфагеняны в Сицилии, а в 241 г. до н.э. Лутаций Катул разгромил карфагенский флот в решающей битве у Эгатских островов.

Оба противника были истощены длительной войной. Карфагенская казна была опустошена, к тому же восстали наемни-

ки, не получавшие платы. Но и Рим исчерпал свои силы. Поэтому Сенат охотно откликнулся на предложение Карфагена о мире. По мирному договору 241 г. до н.э. карфагеняне уплатили римлянам большую денежную контрибуцию в 3 200 талантов серебра (около 84 т) и очистили Сицилию.

Сицилия (кроме Сиракуз) перешла под власть римлян и стала первой римской провинцией. Через несколько лет к ней присоединились острова Корсика и Сардиния, захваченные римлянами в нарушение договора. Но спор двух могущественных держав за господство в Западном Средиземноморье не был закончен. Напротив, разгоряченные пролитой кровью, гиганты накапливали силы для новой схватки после затяжного гамбита.

Экспедиция Регула

Перевес на море окрылил римлян настолько, что было решено в 256 г. до н.э. отправить прямиком в сердце карфагенских владений большую экспедицию во главе с консулами Марком Атилием Регулом и Луцием Манлием Вульсоном. По пути в крупнейшем сражении у *мыса Экном*, западной оконечности Сицилии, был вновь разбит карфагенский флот. Римляне высадились на африканский берег, без труда овладевая одним городом за другим. Успех сопутствовал им во всем настолько, что Сенат решил отозвать Вульсона с его войсками обратно. В Африке остался консул Регул с двумя легионами (15 тысяч пехотинцев и пятьсот всадников). Вот они уже под мощными стенами самого Карфагена, жители которого вынуждены просить мира.

Но условия опьяненного победами Регула оказались неприемлемы для карфагенян. Собрав все силы и средства, они сумели нанять сильное наемное войско из греков во главе с талантливым полководцем спартанцем Ксантиппом. При встрече с ним легионы Регула были разгромлены наголову: из всего войска спаслись бегством лишь две тысячи человек, а сам он попал в плен. Римляне направили на помощь крупный флот (350 кораблей), который вывез остатки войск. Но в довершении всех несчастий на обратном пути флот попал в сильную бурю и почти весь погиб.

Судьба Регула оказалась трагичной. Карфагеняне согласились отпустить его, чтобы он передал в Рим их мирные предложения, с непременным условием возвращения обратно, угрожая в противном случае казнить пленных римлян. Регул дал клятву вернуться, но, прибыв в Рим, опозоренный разгромом консул стал мужественно убеждать павших духом сограждан продолжить войну. Сенат обещал консулу прощение за его поражение и уговаривал остаться в Риме. Но, верный своему слову, Атилий Регул возвратился в Карфаген на неминуемую

смерть: разъяренные пунийцы предали его мучительной казни, поместив в клетку, утыканную изнутри острыми шипами. Регул умер, как истинный римлянин, до конца исполнив свой долг и смыв с себя позор поражения.

Сражение у мыса Экном

Во время похода консула Регула в Африку в 256 г. до н.э. римский флот в составе 330 кораблей, которые вели на буксире транспорты с войсками, встретил у мыса Экном флот карфагенян (350 кораблей) под командованием Гамилькара Барки. Римляне выстроили свой флот треугольником с транспортами внутри. Главный удар пунийцы нанесли в центр по транспортам, чтобы сорвать переброску войск в Африку. Им удалось разорвать римский строй надвое, а притворным бегством оторвать их авангард от основных сил. Сражение распалось на три схватки. Однако римляне отважно вступили в сражение, сцепляясь с карфагенскими кораблями «воронами», по которым римская пехота перебегала на их палубы. Несколько кораблей было захвачено. Не выдержав, противник обратился в бегство. Освободившиеся римские триремы поспешили на выручку второму отряду, прикрывавшему отход транспортов к Сицилии. Соединенными усилиями они окончательно разгромили карфагенский флот, потопив или взяв на абордаж около ста его кораблей. Римляне потеряли 24 корабля. Сражение стало блестящим проявлением тактики абордажного боя.

Триремы и пентеры

Основным типом боевых кораблей римлян, распространенным и у других народов Средиземного моря, была трирема (триера). Она достигала 30—40 м в длину и более ста тонн водоизмещения. По бортам на специальных выступах («пара́дсах»-кринолинах) располагались три ряда гребцов, которые управляли веслами различной длины. Триремы развивали скорость до 7—8 узлов (10—12 км в час), но могли двигаться и под парусом на центральной съемной мачте (нередко использовался парус-артемон на носовой наклонной мачте). Главным оружием триремы был окованный железом таран на носу — продолжение килевого бруса. Во время боя трирема стремилась развить максимальный ход и ударить тараном в борт вражеского судна либо сломать ему весла, лишив хода.

Более легкие корабли с двумя рядами весел назывались биремы. В носовой части бирем и трирем нередко располагалась башня для пращников и стрелков и абордажный «ворон». Он представлял собой длинный мостик с перилами, на конце которого имелся массивный железный крюк, похожий на клюв ворона (отсюда и название). «Ворон» на поворотной раме крепился к мачте (или сдвоенной перекладине) вер-

тикально, а при сближении с вражеским судном его отвязывали, чтобы он упал и впился крюком в его палубу. Корабли сцеплялись, после чего римские воины по мостикам устремлялись на abordаж, и битва превращалась в сухопутную, равных в которой римлянам не было.

Во время Первой Пунической войны римляне ввели в свой флот пентеры — корабли с пятью рядами весел на выступах-парадосах, потому что подобные корабли карфагенян, защищенные лесом весел, были неуязвимы для таранных ударов легких бирем. Длина кораблей достигала 45 м, водоизмещение 230 тонн, а число весел доходило до 250. Чтобы обеспечить одновременность гребли, весла каждого ряда связывались вместе канатом. Нос и корму пентер украшали изогнутые форштевни и ахтерштевни — брусья, украшенные фигурами крокодилов, медуз и богинь — покровительниц кораблей. На уровне ватерлинии из корпуса выступал мощный таран. На палубе возвышались боевая башня и «ворон». Пентеры имели две мачты с большими прямоугольными парусами и смотровыми площадками наверху.

Нашествие Ганнибала: война на истощение

После поражения Карфагена в Первой Пунической войне силы его не были сломлены. Он сохранил свои владения в Африке и усиленно жаждал реванша в борьбе за господство на Средиземном море. Возглавлял воинственную партию Карфагена в то время недюжинный военачальник и искусный дипломат Гамилькар Барка. Понимая бесперспективность борьбы на море, он задумал немыслимое по тем временам: обойти римлян с тыла и нанести им удар в Италии оттуда, откуда они меньше всего могли его ожидать — через Испанию и Галлию с севера. Но для этого надо было укрепиться в Испании (как римляне называли Иберию). Этой цели Гамилькар посвятил всю свою жизнь. Несмотря на ожесточенное сопротивление свободолюбивых племен иберов и кельтиберов, в течение девяти лет он сумел силой и подкупом покорить большую часть Иберии южнее реки Ибер (совр. Эбро). На побережье вырос город Новый Карфаген (ныне Картахена), опорная база пунийцев и крупный торговый центр. Плодородные нивы Испании и обилие месторождений серебра позволили Карфагену быстро оправиться от поражения и постепенно накопить силы для новой схватки.

Но в 229 г. до н.э. Гамилькар был убит в сражении с иберами, и командование перешло к его зятю Гасдрубалу. Покоренное население было обложено непомерными налогами и люто

ненавидело завоевателей. Успехи карфагенян встревожили римлян. Поэтому они навязали Гасдрубалу договор, запрещающий им переходить Эбро, а сами дальновидно умирляли племена галлов в Северной Италии. Но в 221 г. до н.э. Гасдрубал также погиб в Испании, заколотый на глазах войска неким ибером. Вождь карфагенян был провозглашен старший сын Гамилькара — молодой Ганнибал. Яростный противник римлян, Ганнибал продолжил дело своего отца. Он укрепил армию, пополнил ее наемниками. Чтобы добиться согласия карфагенских старейшин на объявление войны, он решил вынудить римлян сделать первый шаг, а для этой цели нанести удар по союзному римлянам богатому городу Сагунту. В 219 г. он осадил *Сагунт*. Рим не был готов к новой войне и вместо военной помощи Сагунту тщетно пытался употребить средства дипломатии. Но, пока римские послы курсировали между Карфагеном и лагерем Ганнибала под Сагунтом, город пал. Большинство Сената высказывалось за войну, лишь Ганнон предлагал пойти навстречу римлянам. Глава посольства римлян в Карфагене прибег к демонстративному жесту. Явившись в карфагенский Сенат, подвернув край тоги, он заявил старейшинам: «Здесь я принес вам и войну, и мир. Выбирайте любое». В ответ на крики сенаторов: «Выбирай сам!» — он в гневе воскликнул: «Война!» Так началась Вторая Пуническая война (218—201 гг. до н.э.).

Планы римлян не блистали новизной. Они стремились, как и прежде, высадиться в Северной Африке и сковать силы Ганнибала в Испании, для чего разъединили свои войска. Один консул — Тиберий Семпроний Лонг — весной 218 г. отправился в Сицилию собирать армию и флот, а второй — Публий Корнелий Сципион — погрузил свои войска на корабли и отплыл в Испанию. Только Ганнибала там он уже не застал.

Дав войскам хороший отдых зимой и заручившись поддержкой галльских вождей, Ганнибал с началом весны двинулся в беспрецедентный по тем временам поход — через Пиренейские горы в Галлию к реке Родан (совр. Рона). Переправа через полноводную бурную реку и в наше время дело трудное. Ганнибалу же предстояло переправить более 50 тысяч пехоты, девять тысяч конницы и 37 боевых слонов. Спешно строились плоты для огромных животных, у окрестного населения были скуплены все лодки. Союзным римлянам кельтским племенам не удалось воспрепятствовать переправе — хитроумным ударом в тыл конницей полководец заставил их бросить выгодные позиции на берегу Родана. Поспешавшее с юга римское войско Сципиона

опоздало и застало только теплые головешки карфагенских бивуачных костров.

А Ганнибал неумолимо продвигался все дальше. Обойдя римские заслоны в узкой полосе между Альпами и Лигурийским морем, считавшейся единственным путем в Италию, он устремился в неприступные Альпы. Совершив беспрецедентный двухнедельный переход через горные перевалы и потеряв половину пехоты, треть конницы и почти всех слонов, войска Ганнибала спустились в плодородную долину реки Пад, как снег на голову римлянам. Там полководец быстро пополнил поредевшие силы за счет местных галлов (до 60 тысяч пехоты и 4 тысяч конницы) и вновь выступил в поход. Пришлось римлянам спешно перебрасывать свои бесполезные войска из Испании и Сицилии в Северную Италию. Но тщетно: в первом же сражении у речушки Тицин войска Сципиона оказались разгромленными наголову. В ожесточенном конном сражении, когда карфагеняне наседали и с фланга, и с тыла, сам Сципион был тяжело ранен и вынесен с поля боя своим семнадцатилетним сыном (будущим победителем Ганнибала — что было бы с миром, если бы они погибли от случайной стрелы!?). Вскоре последовало еще более тяжелое поражение соединенных консульских войск у реки *Требия*. Путь на Рим Ганнибалу был открыт.

Восстановив силы на зимних квартирах, весной 217 г. до н.э. Ганнибал возобновляет свой неукротимый натиск. Выбранный консулом любимец плебса прославленный *Гай Фламиний* тщетно пытался перекрыть ему проходы в Апеннинских горах, с трудом отбиваясь от нападений галльских племен, поднявших восстание против владычества Рима. Мечтая поймать Ганнибала в капкан, Гай Фламиний со всем войском сам очутился в ловушке у *Тразименского озера*.

В Риме воцарился страх. Сенат несколько дней впустую обсуждал катастрофу у Тразименского озера, народ в смятении стекался на Форум в тщетной надежде услышать хоть что-нибудь от преторов. От неминуемой гибели Рим спас сам Ганнибал. Стремясь восстановить прерванную связь с Карфагеном, он вместо Рима двинулся вдоль побережья Адриатического моря через Пицен и Умбрию в Апулию, на юге Италии. Там и остановился на отдых, используя это время, чтобы реорганизовать свою пехоту по римскому образцу.

Передышка дала римлянам время собраться с духом и силами. В минуту столь исключительной опасности, сравнимой разве что с нашествием галлов в начале IV в. до н.э., впервые

Народное собрание, а не консулы (которых и не было в Риме) избрало диктатора. Им стал сторонник нобилитета, умудренный опытом, осторожный патриций Квинт Фабий Максим.

Опасаясь рисковать армией, Фабий Максим избегал крупных сражений. Он следовал за Ганнибалом по пятам, изматывая его мелкими стычками и нападениями на заготовителей продовольствия. Расчет Фабия, прозванного за это «Кунктатором» (Медлителем), был на истощение сил Ганнибала. Это была правильная стратегия, но в действительности она позволяла Ганнибалу беспрепятственно опустошать поля римских крестьян, предусмотрительно шадя владения союзных Риму италийских племен. Он демонстративно отпускал без выкупа пленных италийцев, давая понять, что воюет только против Рима. Фабий не смог воспрепятствовать Ганнибалу занять Самний, а оттуда двинуться в богатую Кампанию для пополнения запасов продовольствия. На обратном пути Ганнибал разбил войско помощника диктатора, римского начальника конницы Марка Минуция и благодаря военной хитрости избежал смертельной ловушки в горном ущелье у Казилина, устроенной Фабием.

Но положение Ганнибала постепенно ухудшалось. Ему, рассчитывавшему на молниеносный блицкриг, как воздух нужна, была решительная победа. Однако и тактика «выжженной земли» Фабия вызывала все больше недовольства у римского простонародья, чьи поля подвергались разорению. Поэтому на следующий 216 год римляне избрали в консулы как опытного Луция Эмилия Павла, так и сторонника немедленных решительных действий, популярного в народе Гая Теренция Варрона. Таким образом, взгляды консулов на ведение войны были прямо противоположны. Летом 216 г. до н.э. близ местечка *Канны* в Апулии римские войска встретились с вдвое меньшей по численности армией карфагенского полководца. Сокрушительный разгром прославленных легионов в битве при Каннах эхом отозвался по всей Италии и вошел в историю как блестящий пример высокого военного искусства. Но Ганнибал не закрепил решительную победу дальнейшими действиями и упустил стратегическую инициативу. Оправдались слова одного из римлян: «Проигранное сражение не означает проигранной войны».

С трудом римлянам удалось оправиться от потрясения и чрезвычайными мерами восстановить войска. К военной службе призвали всех оставшихся граждан, начиная с семнадцатилетнего возраста. Сенат решился на крайнее средство: два легиона были составлены из рабов, выкупленных у хозяев государ-

ством. Численность армии была доведена в целом до 250 тысяч человек! Противостоять такой мощной военной машине мог только гений Ганнибала.

С тех пор римляне стали умнее. Они уклонялись от крупных сражений и стремились прежде всего не допустить, чтобы Ганнибал восстановил связь с родиной и получил из Карфагена подкрепления. Основные же военные действия переместились за пределы Италии. Во второй период войны сложилась поразительная ситуация: Ганнибал хозяйничал на просторах Италии, не трогая, однако, Рима, а римляне снаряжали морские и сухопутные экспедиции то в Сицилию, где захватили Сиракузы, перешедшие на сторону Ганнибала, то в Испанию, где молодой талантливый полководец *Публий Корнелий Сципион* (тот самый, что спас отца в битве при Тицине) с 210 г. до н.э. громил карфагенян, привлекая на свою сторону иберийские племена. Одержав ряд побед, Сципион даже овладел в 209 г. до н.э. главным городом карфагенян в Испании — Новым Карфагеном.

После битвы при Каннах Ганнибал оказался в странном положении. На его сторону начали один за другим переходить италийцы — самниты, луканы и бруттии, под давлением простонародья открывали ворота города Кампании во главе с Капуей. Римская федерация трещала по швам. Даже латины начали было роптать на тяжести войны. Лишь Этрурия сохранила верность Риму и исправно поставляла солдат для легионов. Армия же Ганнибала таяла на глазах, не получая никакой помощи из Карфагена, где верх взяли политические противники Ганнибала, ревниво следившие за его успехами. Пополнение из местных племен было разношерстным, плохо обученным. Идти с таким ослабленным войском на Рим Ганнибал считал безумием. Как это часто бывает, ему не хватило нескольких тысяч профессиональных солдат, чтобы изменить весь ход мировой истории!

Римляне же накапливали силы, методично наказывая переметнувшиеся к пунийцам города. Главный удар был нанесен по *Капуе*. После длительной осады Капуя была взята весной 211 г., несмотря на отчаянный отвлекающий демарш Ганнибала на Рим. Через два года восьмидесятилетний Фабий Максим овладел Тарентом. Единственной надеждой неукротимого полководца оставалось войско его брата Гасдрубала, спешившее на подмогу из Испании по проторенному Ганнибалом пути. Но римляне не повторили прежних ошибок. В 207 г. до н.э. на реке Метавре на севере Италии Гасдрубал был остановлен, потерпел пораже-

ние и погиб, сражаясь в первых рядах. Спустя несколько месяцев к ногам Ганнибала из римского лагеря забросили какой-то предмет. Это была отрубленная голова его брата. Поражение при Метавре стало началом конца.

Но исход войны был решен не на равнинах Италии, а в пустынях Северной Африки. Туда, по инициативе Сципиона, было решено выманить грозного Ганнибала, и в 204 г. до н.э. близ африканского города Утика высадилось войско из 30 тысяч человек. Возглавлял его молодой Публий Корнелий Сципион. Как он и ожидал, карфагенские правители спешно отозвали Ганнибала из Италии. Перед отъездом полководец, за пятнадцать лет не потерпевший ни одного поражения, приказал перебить всех италиков, которые служили в его войсках, но не пожелали покинуть родину.

Последнее сражение произошло в 202 г. до н.э. у африканского города *Замы*. В нем Сципион (30 тыс. пехоты и 8 тыс. конницы) обратил против карфагенского полководца (до 50 тысяч пехоты, 3 тысячи конницы и 80 слонов) его же тактику при Каннах — он прорвал строй Ганнибала с флангов атакой специально созданной второй линией из принципов и триариев, собранных со всех легионов. Окружение завершила многочисленная конница (до пяти тысяч), которую предоставил римлянам соперник Карфагена царь Нумидии Масинисса. В битве при Заме Ганнибал потерпел первое поражение, ставшее и последним в его жизни. Его победитель Корнелий Сципион получил почетное прозвище «Африканский»^{*}.

Карфаген был обессилен и принял условия мира, навязанные торжествующими победителями. Он терял все свои владения, кроме ближайшей округи, лишался права вести войну даже с соседями и обязался выплатить Риму в течение пятидесяти лет 10 тыс. талантов. Более того, он должен был выдать Риму весь свой военный флот (500 кораблей) и боевых слонов. Могущество Карфагена было сломлено, и на его костях устроил пир более молодой и жадный хищник.

Тяжелейшая и самая опасная для Рима Вторая Пуническая война закончилась окончательным утверждением его власти над всем Западным Средиземноморьем. Никогда еще Рим не стоял

^{*} Заметим в скобках, что Полибий вовсе не упоминает о Заме, а Аппиан называет битву при Килле, что породило даже сомнения в реальности этой битвы, слишком напоминающей Канну наоборот.

так близко к уничтожению всей римской государственности. Конечная победа была достигнута ценой величайшего напряжения всех сил общества. И все это определялось военным гением, волей и мужеством одного человека — Ганнибала, который бросил дерзкий вызов целому государству с мощнейшей военной организацией. Но эта страшная война доказала превосходство не только римского оружия, но и римского духа, выдержки, священной веры в мощь своего Отечества и готовности защищать его до конца. Сила римлян коренилась в родной почве, в неистощимости их людских и материальных запасов. По подсчетам древних авторов, Рим со своими союзниками был способен выставить армию в 700 тысяч человек! Поэтому после каждого поражения римская армия возрождалась более сильной, как Феникс из пепла. Можно сказать, что Ганнибала победила не армия, а отсутствие народной поддержки, причем не только в Италии, но и в самом Карфагене. Не оправдались и его надежды на распад Римско-италийского союза. Он выдержал проверку на прочность, что отражало подспудное стремление итальянских племен к объединению.

Вторая Пуническая война имела важные последствия. Впервые римляне вели активные боевые действия на чужой земле. Впервые они сражались на суше и на море в разных странах. Впервые они завладели огромными территориями вне пределов Италии: к ним перешла вся Южная Испания. Вкусив свежей крови, Рим окончательно вступил на путь захватнических войн, которые заполнили собой весь II в. до н.э.

Клятва Ганнибала

Как рассказывают древние авторы, Ганнибалу было девять лет, когда, отправляясь в Испанию, его отец Гамилькар Барка привел сына к жертвеннику и велел дать клятву пред ликом великого бога Мелькарта, что всю свою жизнь он будет ненавидеть римлян и бороться с ними. Ганнибал выполнил эту клятву, отказавшись от семьи, любви и простых человеческих привязанностей.

Он вырос в военном лагере. С юных лет принимал участие в сражениях, воодушевляя воинов своей смелостью. Будучи полководцем он вел жизнь простого солдата, спал прямо на голой земле, укрывшись солдатским плащом, первым бросался в бой и отступал последним. Прекрасно зная жизнь солдат, Ганнибал свободно общался со своими разноплеменными наемниками, выучив шесть языков. На греческом он любил в детстве читать книги о подвигах Александра Македонского.

Ганнибал был весьма искусен в военных хитростях. Никто так не мог подстроить врагу ловушку. Большое значение он придавал разведке, рассылая повсюду лазутчиков. Римляне обвиняли его в вероломстве, но, если вспомнить, сколько вероломных деяний совершили они сами! Конечно, Ганнибал был беспощаден и коварен, безжалостен и беспринципен, что определялось его воспитанием и восточным пунийским менталитетом; и неизвестно, состоялась бы вся европейская цивилизация, победы тогда Карфаген, где еще практиковались человеческие жертвоприношения в храмах Ваала и Мелькарта. И все же Ганнибал был не более жесток, чем другие полководцы, но он проиграл — в отличие от римлян, — и не нашлось достаточно влеречивых летописцев, чтобы придать его жестоким поступкам вид «гуманной необходимости» и «нравственного подвига».

Падение Сагунта

Сагунт был богатым городом, расположенным в Иберии южнее устья реки Эбро, т.е. в зоне влияния карфагенян по договору с римлянами. Но независимый Сагунт был союзником Рима. Этим противоречием и воспользовался Ганнибал, начав в 219 г. до н.э. осаду города. Осада Сагунта представляет трагическую страницу древней истории. Карфагенские войска обложили город со всех сторон, лишив подвоза продовольствия. Жители города защищались с небывалым мужеством. Много раз они совершали удачные вылазки. Сам Ганнибал при этом был ранен в ногу. Он повелел подтянуть осадные башни и тараны, которые долбили неприступные стены Сагунта. Наконец, рухнули сразу три башни и часть стены между ними. Воодушевленные карфагеняне ринулись в пролом, уверенные в неминуемом падении города. Но на узких улочках они столкнулись с другой стеной — стеной героического сопротивления жителей от мала до велика. Со всех крыш и стен в них летели камни, черепица, стрелы и просто палки. Сагунтские женщины лили на обезумевших от боли и ярости захватчиков кипящую воду, масло и смолу. Загорались кожаные щиты, пораженные страшными «фалариками» — метательными копьями, обмотанными просмоленной паклей.

Казавшийся победоносным штурм был отбит. Но силы осажденных иссякали, как и надежды на помощь союзного Рима, чьи послы неспешно уговаривали пунийцев снять осаду и уважать международное право. Граничащая с предательством медлительность вскоре стоила римлянам многих лет кровопролитной войны на собственной территории. В ответ на предложение покинуть город на милость победителя сагунтяне развели на центральной площади огромный костер и стали бросать в него все свои ценности, не желая отдавать их врагу. Ворвавшихся через новый пролом карфагенян встретило пламя домов, подожженных самими жителями, которые сражались с отвагой обреченных.

В ярости Ганнибал приказал воинам истребить всех жителей без различия пола и возраста. Вскоре на месте богатого и многолюдного города осталась только груда дымящихся развалин.

Сражение у Требии

Холодным декабрьским днем 218 г. до н.э. объединенное войско римлян укрепились в лагере на берегу реки Требия — правого притока Пада. Армия Ганнибала расположилась на другом берегу. Рано утром карфагенская конница выманила римскую из лагеря. В конном сражении римляне обратили врагов в бегство и бросились преследовать их. Воодушевленные первым успехом консулы вывели из лагеря легионы и форсировали Требию по грудь в ледяной воде. Промокшие и голодные, они едва успели выстроить боевые порядки на другом берегу, как на них обрушились свежие войска Ганнибала, только и ждавшие момента. Несмотря на стойкое сопротивление, легионеры были разбиты, так как в тыл им ударил засадный отряд отборной карфагенской конницы во главе с братом Ганнибала Магоном. Римские ряды были смяты. Вырваться из окружения удалось только десяти тысячам из 40-тысячного римского войска. Остальные остались лежать на поле брани. Так, хитрость и тонкий расчет Ганнибала, сумевшего навязать противнику свою волю и свою тактику боя, взяли верх над воинским искусством римлян.

Побоище у Тразименского озера

Для вторжения в Италию из Цизальпинской Галлии Ганнибал выбрал совершенно неожиданный путь, обманув караулившие его консульские войска римлян. Три дня и три ночи по пояс и грудь в воде шли воины Ганнибала через считавшиеся непроходимыми болота в Этрурии в низовьях реки Арно, переводя дух только на трупах павших лошадей. Гибли люди и кони, у полководца остался всего лишь один слон, сам он лишился глаза, но войско прошло и очутилось в тылу укрепленных позиций римлян. Консул Гай Фламиний решил настигнуть неприятеля и разбить его собственными силами, не дожидаясь подмоги. Но Ганнибал зорко следил за всеми его передвижениями, располагая тьмой лазутчиков. Он заранее предугадал путь войска Фламиния — узким проходом между обрывистыми горными кряжами Апеннин и берегом Тразименского озера, что в Этрурии. Ганнибал заранее занял скрытные позиции за холмами.

Когда пасмурным туманным утром ничего не подозревавшие римские легионы вышли из лагеря и ступили на узкую тропу, они были обречены. С крутых вершин, спереди и сзади, они были внезапно атакованы карфагенянами. В первой же схватке погиб консул Гай Фламиний. Часть римских войск была изрублена, другая сброшена конницей в озе-

ро. Лишь один отряд в этой суматохе сумел-таки закрепиться на холме и храбро отбивал все атаки. Но в безвыходном положении он сдался при условии, что будет отпущен на свободу без оружия. Однако Ганнибал римлян оставил в плену, освободив только италийских союзников. Передают, что в битве пали 15 тысяч римлян, остальных ждал плен и позор.

Битва при Каннах

Величайшее сражение древности началось на рассвете 2 августа 216 г. до н.э. Сведения о нем несколько отличаются у Ливия и Аппиана. Огромная римская армия численностью 80 тысяч пехоты и шесть тысяч конницы под командованием консула Гая Теренция Варрона (именно ему в тот роковой день выпала очередь командовать) выстроилась на равнине близ реки Ауфид в Апулии недалеко от городка Канны, где уже поджидали карфагеняне. Они заняли более удачную позицию: спиной к солнцу, которое било в глаза римлянам. Учел Ганнибал и постоянно дующие в Апулии сухие пыльные ветра, несшие пыль как раз в сторону противника. Иными словами, Ганнибал максимально использовал условия местности, где будет бой. Карфагенские войска насчитывали 40 тысяч пехотинцев и 10 (или 14) тысяч конницы, но возглавлял их Ганнибал.

Приняв в расчет перевес в силах, Варрон решил нанести удар по центру противника сомкнутыми рядами. Поэтому боевые порядки римлян были значительно увеличены в глубину, а манипулы строились без интервалов, что сократило длину фронта. В центре располагались три линии войск по двенадцать шеренг каждая. На флангах стояла конница под командованием консулов. Легионеров прикрывали спереди восемь тысяч легковооруженных велитов. Правый фланг примыкал к реке.

Прекрасно понимая, что лобового удара его малочисленное войско не выдержит, Ганнибал применил доселе невиданную тактику. Он разместил войска широким и длинным полумесяцем, выпуклой стороной к противнику. В центре он поставил 20 тысяч пехоты из не слишком надежных галлов, выстроенных всего в одну линию глубиной в несколько шеренг, а фланги были усилены лучшей карфагенской пехотой с глубоким построением (по шесть тысяч человек) и всей конницей (восемь тысяч — на левом фланге под командованием Гасдрубала и две тысячи — на правом во главе с Ганноном). Сам Ганнибал находился в центре боевого порядка.

Бой начался столкновением легковооруженных воинов. Одновременно пунийская конница стремительно смяла ряды рим-

ских всадников и обратила их в бегство. В это время двинулась вперед огромная масса римской пехоты. Как и следовало ожидать, слабые галльские и иберийские отряды не выдержали натиска и стали отходить. Полумесяц прогнулся назад. Туда, все глубже в изгиб продвигались римские войска, а неподвижно стоявшие отборные отряды пунийцев все больше охватывали их фланги. Тогда карфагенская кавалерия, прекратив преследование разбитой конницы римлян, повернула назад и нанесла мощный удар по тылам пехоты противника. Огромная масса римских воинов остановилась. Задние ряды триариев стали оборачиваться, чтобы защитить себя от неожиданного нападения. Тогда с флангов по пехотинцам ударили пунийские части. Римские легионы оказались окруженными со всех сторон. Глубокое построение, которое по замыслу Варрона должно было усилить натиск, обернулось катастрофой. Скученная масса воинов была не способна сопротивляться, так как сражаться имели возможность лишь внешние шеренги. Инициативой полностью овладели карфагеняне. Под градом стрел среди беспомощных, зажатых в тесных рядах римлян вспыхнула паника, лишив их последней способности к сопротивлению. Началось поголовное истребление римских войск. После двенадцати часов битвы на поле боя осталось лежать 54 тысячи легионеров, немногие уцелевшие были взяты в плен. Погибло много военных трибунов и сенаторов, находившихся при армии. Убит был и консул Луций Эмилий Павел. Как рассказывают источники, спаслось бегством только 14 тысяч человек. Остатки бежавшего войска сумел остановить и привести в Рим молодой военный трибун *Публий Корнелий Сципион*. В числе позорно бежавших находился и зачинщик сражения Теренций Варрон. Потери карфагенян составили шесть тысяч убитыми и ранеными.

Битва при Каннах до сих пор остается образцом блестящего применения тактики полного окружения войск противника ударом на флангах, ставшей спустя столетия основным методом ведения крупных военных операций. Именно так, следуя заветам великого Ганнибала, побеждали захватчиков советские полководцы времен Великой Отечественной войны (недаром Сталинградскую битву называют «Каннами XX в.»).

«Ганнибал у ворот»

Фактическая столица Кампании цветущий город Капуя был в числе первых городов, перешедших на сторону Ганнибала. Инициаторами выступили капуанские плебеи; город получил автономию от карфа-

жения и соблюдение своих законов. Именно Капуя была выбрана римлянами для примерного наказания ослушников из восставших италийских союзников. В 212 г. до н.э. римские войска осадили Капую, однако с приближением войск Ганнибала вынуждены были убраться восвояси. Но стоило карфагенскому полководцу удалиться, как римляне, подобно осам на мед, вновь устремились к намеченной жертве. На этот раз они воздвигли укрепления на путях подхода к городу, и вновь пришедший на выручку Ганнибал не смог пробиться через них. Капуя стала камнем преткновения римлян и пунийцев и одновременно фокусом всей войны: ее падение повлияло бы на отношение к Ганнибалу остальных италийцев.

Понимая это, Ганнибал решился на отчаянный шаг. Он предпринял свой знаменитый и единственный поход на Рим, рассчитывая, что римляне сразу же снимут осаду Капуи и устремятся вдогонку — ну а уж в поле судьбу решит бог войны и гений Ганнибала. С малочисленным войском Ганнибал появился под стенами Рима, что вызвало панику в городе и состояние, близкое к истерике. Клич «Ганнибал у ворот!» еще многие столетия спустя испуганным эхом отдавался в сердцах новых поколений римлян, напоминая им о смертельной опасности. Но римляне были уже не те, что при нашествии галлов почти за два века до того. Они не бросили ворота открытыми, но вооружили даже стариков и подростков, готовясь защищать родной город и отеческих богов.

Поход Ганнибала запоздал, а расчет впервые не оправдался: римляне так и не сняли осаду с Капуи. Полководцу не оставалось ничего другого, как опустошить окрестные виллы и, постояв под стенами Рима, отступить в Южную Италию. Капуя вскоре после этого сдалась. Жители ее были жестоко наказаны. Многие сенаторы города казнены, большинство граждан продано в рабство или отправлено в изгнание. В Капуре остались только вольноотпущенники, торговцы и ремесленники, не входившие в число граждан. Сам город лишился последних остатков самоуправления, власть в нем перешла в руки римских наместников — префектов.

Архимед и взятие Сиракуз

После Первой Пунической войны под власть римлян попала вся Сицилия, кроме города Сиракузы, где правил тиран Гиерон II. Но в 216 г. до н.э. Сиракузы перешли на сторону Ганнибала. Именно через них полководец поддерживал связь с далеким Карфагеном. Поэтому римляне, едва оправившись от разгрома при Каннах, обрушили на Сиракузы мощный удар. В 213 г. до н.э. в Сицилии высадился консул **Марк Клавдий Марцелл**. Но взять город было трудно. Он был хорошо снабжен всем необходимым, а в создании оборонительных укреплений принимал участие знаменитый физик и математик древности **Архимед** (287—212 гг. до н.э.).

Он построил также невиданные машины: огромные катапульты, поражавшие римские корабли на больших расстояниях, гигантские баллисты, которые метали в шедшие на приступ войска груды каменных глыб, хитроумные вороны с крючьями, которые захватывали бревна таранов и носы кораблей, неосторожно подошедших прямо под стены Сиракуз с моря. Сиракузяне сопротивлялись отчаянно. Полтора года осаждали римляне непокорный город. Но в 211 г. до н.э. Сиракузы пали. Город был отдан на разграбление солдат. Из него была вывезена огромная добыча и великое множество произведений искусства.

Сохранился рассказ о том, что ворвавшиеся во двор одного из домов разгоряченные от крови легионеры наткнулись на пожилого человека, который сидел на пороге и чертил на песке какие-то знаки и линии, не обращая внимание ни на что вокруг. Один из воинов наступил ногой на рисунок. Тогда человек воскликнул: «Не тронь мой чертеж!» И тут же он был убит солдатней. Так принял смерть великий ученый Архимед.

Судьба Ганнибала

С окончанием Второй Пунической войны для современного читателя как бы заканчивается и биография ее вдохновителя и героя — Ганнибала. Дальнейшая его судьба словно задернута пыльной занавесью забвения. Однако Ганнибал прожил еще немало лет и до конца дней своих не расставался с мыслью отомстить Риму. Несмотря на поражение при Заме и тяжелый мир с римлянами, Ганнибал остался кумиром широких народных слоев Карфагена.

В 196 г. до н.э. он был избран верховным правителем города (суфетом) и провел ряд демократических реформ: в частности, установил строгий контроль за финансами — появилась возможность выплатить римлянам контрибуцию, не обременяя простых граждан чрезвычайными налогами. Однако это вызвало острое недовольство карфагенских олигархов — богатых купцов, откупщиков, владельцев кораблей, привыкших запускать руку в государственную казну. Против него готовили мятеж. Подогревали страсти римляне. Они ненавидели и боялись усиления влияния злого врага и натравливали на него карфагенскую знать, настроенную дружески к Риму.

В 195 г. до н.э. Ганнибал вынужден был бежать из Карфагена. В долгих скитаниях он побывал при дворе сирийского царя *Антиоха III*, побуждая его начать войну с Римом. После его поражения в 190 г. он скрывался на Крите, затем нашел пристанище в Вифинии, маленьком государстве на северо-западе Малой Азии, у царя Прусия, помогая ему в войнах против союзника римлян — Пергамского царства. Но и здесь за ним следовали тайные соглашения Рима. Не раз на него готовились покушения.

Убрать Ганнибала решил проконсул *Тит Квинкций Фламинин*, который уже имел опыт в подобного рода делах. Он открыто надавил на Прусия, который малодушно послал к Ганнибалу убийц. Но тот опередил врагов и выпил яд. Подлая смерть настигла не покорившегося Ганнибала в Вифинии в 188 г. до н.э.

Третья Пуническая война: разрушение Карфагена

К середине II в. до н.э. Карфаген сумел оправиться от прежнего поражения и вновь превратился в богатый процветающий город. Римляне с тревогой следили за возрождением торговой мощи Карфагена. В 153 г. до н.э. в нем побывал сам Катон. Вернувшись, он демонстрировал в Сенате сочный плод фигового дерева, которыми Карфаген широко торговал, и заявил: «Нужно ли говорить, что враг у наших стен». Катон боялся не только конкуренции, но и того, что на деньги от торговли Карфаген сможет вооружить большую наемную армию.

Поводом к открытому столкновению стала война карфагенян с верным римским союзником — царем Нумидии Массиниссой, который постоянно и безнаказанно отхватывал у Карфагена кусок за куском из оставшихся владений. Жалобы карфагенян в римский Сенат встречали циничный отказ и даже наложение штрафов на самих просителей. Наконец, решено было дать отпор распоясавшемуся захватчику, но римляне с готовностью обвинили Карфаген в нарушении договора, высадили в Африке войска и предъявили пунийцам издевательский ультиматум: покинуть город и поселиться в глубине Северной Африки. В негодовании карфагеняне решили защищать свой город до конца. Обороной руководил знатный военачальник Гасдрубал, опиравшийся на простой люд. Борьба перешла в эндшпиль — началась Третья Пуническая война (149—146 гг. до н.э.).

Римская армия рассчитывала с ходу взять город. Но жители сумели в кратчайший срок возвести мощные укрепления взамен ранее скрытых, заготовили оружие и метательные орудия, поголовно вооружили население и собрали средства для вербовки наемников. Римляне не были готовы к длительной осаде. Первые же попытки наскоком взять стены были легко отражены. Пришлось начинать осаду. Но зной и болезни косили воинов, стремительно падала дисциплина. Наступало полное разложение армии, которая уже была далеко не тем народным ополче-

нием былых времен, сражавшимся не за страх, а за совесть. Дерзкие вылазки осажденных приводили к тяжелым потерям. Навербованное пунийцами войско наемников начало тревожить римлян с тыла. Со смертью престарелого Масиниссы перестала поступать помощь из Нумидии.

В тревоге за судьбу кампании римский Сенат пошел на чрезвычайный шаг. Консулом на 147 г. до н.э. под давлением трибутных комиций, вопреки закону о порядке прохождения магистратур, был избран сын знаменитого Эмилия Павла молодой *Публий Корнелий Сципион Эмилиан*. Он проявил себя одним из самых энергичных полководцев своего времени. Прибыв в Африку, он первым делом укрепил в войсках дисциплину, для чего изгнал из лагеря маркитантов, продажных женщин и прочих праздношатающихся посторонних. Затем он обратил силы против карфагенских отрядов, беспокоивших римлян на всей территории в их тылу.

Стянув все войска к городу, Эмилиан предпринял грандиозное строительство осадных укреплений, чтобы занять праздных легионеров и преградить осажденным безнаказанные вылазки. У входа в карфагенскую гавань он возвел насыпь, чтобы отрезать их от моря. Не раз осажденные мешали строительству, делали подкопы. Однажды они тайно разобрали часть плотины и вывели в море свой флот. Римляне были застигнуты врасплох и, сделав тогда карфагеняне нападение на римские корабли, исход войны вполне мог быть иным. Но те произвели лишь демонстрацию силы и укрылись в гавани, легкомысленно отложив морской бой на завтра. А на следующий день их корабли столкнулись с уже подготовленным строем римских трирем и были уничтожены.

В Карфагене, лишенном связи с внешним миром, начался голод, вспыхнули болезни. И все же медленно умирающий город держался. Лишь когда защитники города вконец ослабели, римляне решились на общий штурм. Но осажденные в кратчайший срок возвели новую стену, отделявшую предместье Мегары от старого города Бирсы. Горожане перебрасывали между многоэтажными домами мостики и настилы, перебегая с плоской крыши на крышу. На большой высоте кипели схватки, враги сбрасывали друг друга прямо на поднятые копы стоявших внизу, женщины и дети закидывали римлян камнями и бревнами. На узких улочках бились врукопашную легионеры и осажден-

ные: все был наполнено воплями и стонами. Подошедший Сципион приказал поджечь здания на улицах, ведущих к Бирсе, а солдатам велел очищать путь после пожарища. Легионеры наваливались на стены горящих домов и обрушивали их целиком вместе с объатыми пламенем горожанами, а затем крюками и секирами расчищали завалы, попутно растаскивая изувеченные тела умирающих людей. Ими заполняли оборонительные рвы, вырытые осажденными, и свежие партии солдат топтали калигами торчащие из груды камней и тел головы раненых.

В течение шести дней (!) длился бой на стенах и улицах города. И все это время без сна наблюдал за ужасающим избиением Сципион Эмилиан. Наконец, оставшиеся в живых запросили мира. Уставший от резни Эмилиан согласился сохранить им жизнь при условии сдачи города. Более 50 тысяч человек вышли из обгоревших храмов.

Сципион хотел сохранить город. Но по требованию Сената Карфаген подвергся полному разрушению. Он был сожжен, а затем сровнен с землей. Территория Карфагена была предана вечному проклятию. По этому месту прошли плугом и засеяли солью в знак того, что здесь не должен отныне селиться ни один человек. Уцелевших жителей города ждало рабство. Бывшие же владения Карфагена были превращены в римскую провинцию Африка.

Жена Гасдрубала

Во время штурма Карфагена Гасдрубал со своей семьей и римскими перебежчиками укрылся в храме Эшмуна (Эскулапа), готовясь сжечь себя. Но, не выдержав, он выбежал из храма и на коленях стал молить Сципиона спасти ему жизнь. Тогда перебежчики попросили у Эмилиана минуту передышки и, осыпая Гасдрубала бранью, подожгли храм, предпочтя смерть плену.

Говорят, что жена Гасдрубала, вышла перед Сципионом Эмилианом во всех своих украшениях вместе с детьми и обратилась к нему со словами: «Тебе, римлянин, нет отмишенья от богов, ибо ты сражался против враждебной страны. Этому же Гасдрубалу, предателю отечества, святыни, меня и своих детей, да отомстят и боги Карфагена, и ты вместе с богами!» После этого она зарезала кинжалом своих детей и бросила их в огонь пылающего храма Эскулапа, а за ними кинулась в пламя и сама. Древние авторы передают, что, узрев сей подвиг и видя разрушение Карфагена, добросердечный Сципион Эмилиан дрогнул сердцем и прослезился от жалости!

СХВАТКА ЗА БАЛКАНЫ

Обычно считается, что именно Пунические войны стали переломным этапом на пути превращения Рима в великую державу. Но в Западном Средиземноморье Рим имел только одного серьезного конкурента — Карфаген, там было не так уж много торговых путей и экономических центров, большинство прибрежных племен стояли на существенно более низкой стадии развития. Когда же калига римского legionера ступила на земли Восточного Средиземноморья, Риму впервые пришлось столкнуться с более развитой и древней цивилизацией, со множеством сложившихся государств — от монархий до полисных республик, окунуться в водоворот политических интриг, чуждой ему системы духовных и идейных ценностей. Именно в Македонских войнах укреплялось Римское государство, оттачивались дипломатия и военное искусство, по сути впервые создавался и проверялся аппарат управления провинциями, определялось все последующее направление римской «мессианской» политики.

Элладу данного периода характеризует состояние глубокого упадка и постепенное назревание общего кризиса. Политическая раздробленность, социальная борьба, непрерывные межполисные войны тормозили развитие хозяйства и торговли. Следует учесть, что в III—II вв. до н.э. многие греческие полисы утратили большую часть независимости, не могли свободно осуществлять не только внешнюю, но в ряде случаев и внутреннюю политику. Полисные рамки оказывались тесны для них и препятствовали самому выживанию городов, что вызвало к жизни необходимость консолидации отдельных изолированных общин в более крупные государственные образования — союзы полисов, Этолийский и Ахейский союзы. Однако в противоборстве с иной формой федерации, Римско-италийской, они оказались слабее как в экономическом, так и в военном отношениях. Кроме того, полисные идеи равенства, свободы граждан, независимости любой ценой, служения общему делу и высокой нравственности все более уступали место культу наживы, крайнего индивидуализма и партикуляризма, что закономерно выливалось в тоску по «сильной руке» и стабильной власти (пусть даже внешней, но чтившей полисную гордыню).

На подступах к Элладе: завоевание Иллирии

Разделавшись с Карфагеном, Рим обратил свои взоры на восточную часть Средиземного моря. Первой пробой сил на

Балканском полуострове стала Иллирия, где в середине III в. до н.э. образовалось сильное объединение ряда иллирийских племен, которые часто совершали набеги на побережье как Италии, так и Греции, сделав Адриатическое море опасным для плаванья. Наибольшего могущества иллирийский союз достиг при царе Агроне и его вдове царице Тевте. Разбой иллирийцев нанёс значительный ущерб торговле Рима.

Поэтому в 229 г. до н.э., воспользовавшись внутренними усобицами среди местных племен, римляне направили свой флот к берегам Иллирии. Они без труда разбили флот иллирийцев, составленный из легких судов (либурн), и высадили двадцатитысячную армию на побережье. Разрушив укрепления и городки иллирийцев, римляне установили контроль над многими племенами Иллирии, жившими в глубине этой гористой страны. А в 219 г. армия консула Луция Эмилия Павла разгромила иллирийского династа Деметрия Фаросского, который бежал к македонскому царю Филиппу V, что не прибавило симпатий двух держав друг к другу. Рим установил контроль над побережьем Иллирии вплоть до пределов Македонии и захватил остров Керкиру — удобный плацдарм для вторжения на Балканы и базу флота. Вероятно, это обстоятельство могло явиться косвенной причиной заключения союза Филиппа с Ганнибалом. Кстати, римляне обычно высаживали свои войска именно в Иллирии.

Несомненно, уже Иллирийская война имела в виду планы, шедшие дальше установления безопасности морских сообщений. Римляне безусловно сражались за свои интересы, но они волею судеб совпали с интересами греков, которые также страдали от пиратства иллирийцев. Таким образом, решая собственные проблемы, случайно, мимоходом, оказали услугу грекам, подняв тем самым в их глазах свой авторитет.

В иллирийских делах римляне впервые сломали лед недоверия и презрения к ним как к варварам, обратив, таким образом, внимание греков на себя, как на потенциальных защитников их свободы. У эллинов впервые возникла мысль о возможности использования римлян для своих целей. И Рим, особенно после Второй Пунической войны, с готовностью откликнулся на призывы греков, пожелав, однако, выступать в роли не игрушки в руках борющихся за свои интересы греческих городов, а гегемона, диктующего свои условия.

Первая Македонская война — «жар чужими руками»

Находясь в Италии, Ганнибал заключил союз с царем Македонии Филиппом V (221—179). Это вызвало ответную реакцию римлян. Стремясь связать действия Филиппа V в Греции и на Востоке, где он вел войны с Этолийским союзом и островным государством на Родосе, римляне оказали политическую и военную поддержку этим странам. Это привело к Первой Македонской войне (215—205 гг. до н.э.), в которой Рим воевал в Греции руками своих новых союзников. Более того, когда послы ряда государств пытались примирить римлян, этолийцев и Филиппа, именно представитель Рима, Публий Сульпиций Гальба, выступил с возражениями и настоял перед Сенатом на выгоде для римлян продолжения войны Этолии с Македонией. Тогда впервые Рим оказался вовлечен в греко-македонские дела, приобрел верных союзников в лице Родоса и Пергамского царства и даже отправил посольство к сирийскому царю Антиоху III, заявив о себе в полный голос как о полноправном участнике во всех средиземноморских делах. Первая «разведка боем» прошла успешно, и римляне не остановились на достигнутом.

Вторая Македонская война: танец «на лезвии бритвы»

Не успели зарастить раны, вызванные опустошительной войной с Ганнибалом, а Рим уже вовсю влезает в сложные взаимоотношения между эллинистическими государствами в Восточном Средиземноморье. Начинается новый этап завоеваний. На этот раз врагом номер один становится Македония. Надо сказать, объект ненависти был выбран удачно. Македония в правление царя Филиппа V переживает подъем. Она распространяет свою власть на большую часть Греции, рвется за пределы Эгейского моря, нацеливаясь на раздел заморских владений Египетского государства в союзе с царем Сирии Антиохом III. Но такая агрессивная и бесцеремонная политика встречает настойчивое противодействие не только Родоса и Пергама, но и греческих полисов, которые еще со времен Александра Македонского упорно боролись против северного соседа.

В этой мутной водиче застарелых споров римляне энергично ловят свою рыбку. Правящие круги нобилитета развивают бе-

шеную дипломатическую активность, рассылая посольства в разные страны — от Египта до Этолии и от Сирии до Македонии. В ответ в Рим наперебой прибывают делегации эллинистических царств и городов. Наконец, римский Сенат предъявляет Филиппу V ультиматум: возвратить египетскому царю Птолемею V отторгнутые владения, прекратить войну с греками и предоставить все спорные вопросы с Пергамом и Родосом на разрешение третейскому судье. В роли судьи римский Сенат скромно видел самого себя. Самолюбивый наследник великого Александра категорически отказал наглому выскочке, что и стало формальным «законным» поводом к «справедливой» войне (*bellum iustum*). Интересно, что трибутные комиции в Риме единодушно отвергли эту войну, как ненужную и невыгодную для народа. Тогда для оправдания агрессии консул надавил на граждан, запугав их угрозой вторжения Филиппа в Италию, наподобие Пирра, для чего предъявил письма легата в Элладе Марка Аврелия с «доподлинными доказательствами».

Осенью 200 г. до н.э. римская армия под командованием консула Публия Сульпиция Гальбы высадилась в Аполлонии, на западном побережье Греции, и стала продвигаться в глубь полуострова. Одновременно флот союзников, Рима и Родоса, блокировал Македонское побережье. Так началась Вторая Македонская война (200—197 гг. до н.э.). Вначале римские войска действовали нерешительно, Филипп отбивал все попытки проникнуть в Македонию, но римлянам удалось привлечь на свою сторону Этолийский, а затем и Ахейский союзы, что ухудшило положение царя. Важным успехом на ниве дипломатии было удержание *Антиоха III* от помощи своему союзнику — принцип «Разделяй и властвуй» действовал. Тем не менее в войсках даже вспыхнул бунт ветеранов, требовавших отправки на родину и не желавших сражаться за чужие интересы — настолько непопулярна была эта война.

Но в 198 г. до н.э. в Грецию прибыл со свежими силами *Тит Квинций Фламинин*. Одним из самых важных достижений Фламинина, решившим исход войны, было привлечение на свою сторону Ахейской лиги, которая никогда не испытывала особых симпатий к Филиппу V и поддерживала его постольку, поскольку тот и его предшественники оказали значительные услуги союзу в его борьбе с окружающими полисами и достижению гегемонии в Пелопоннесе. Но Македонию ахейцы использовали только для защиты интересов Лиги (защищать же Македонию

они не рвались), так как в Греции на тот момент не было другого более сильного и надежного государства. Когда же оно появилось и гарантировало защиту от спартанского тирана Набиса и самого Филиппа, да еще и посулило территориальные приобретения, вожди Ахейского союза сразу вспомнили, что Филипп притеснял их свободу, ставил гарнизоны в ахейских городах и вообще вел себя, как тиран.

Решающее сражение произошло в 197 г. до н.э. в Фессалии на севере Греции, у гряды холмов *Киноскефалы*. Филипп потерпел поражение и запросил мира. Среди греческих союзников и в римском Сенате звучали голоса с требованием добить Филиппа до конца, но Сенат предпочел не рисковать и сохранить Македонию как удобный противовес своим усилившимся союзникам. По условиям договора Филипп отказывался от всех владений за пределами Македонии, выплачивал Риму тысячу талантов, выдавал все военные корабли, за исключением шести, и сокращал армию до пяти тысяч человек. Без ведома Рима он не имел права вести войну. Тем самым Македония была низведена до положения рядового заштатного государства, замкнутого в своих узких границах. Однако борьба была еще не закончена.

Битва при Киноскефалах

В июне 197 г. до н.э. передовые отряды римлян и македонян, рыскающие в поисках продовольствия для войск, столкнулись в сильном тумане у Киноскефальских холмов («Собачьи головы»). Узнав об этом, Филипп V поддался искушению и вывел, несмотря на туман, свои войска из лагеря, заняв холмы. Навстречу ему двигался Фламинин. Так началось знаменитое сражение при Киноскефалах. В нем впервые столкнулись македонская фаланга и римские легионы.

Но царь допустил роковую ошибку. Спускаясь с холмов, фаланга расстроила свои монолитные ряды. Ей удалось вначале смять передние линии римских гастатов, но в образовавшиеся бреши в ее строю устремились воины второй линии легионов — принципы. Разъединенная фаланга, воины которой были вооружены длинными сарисами (до 7 м), оказались неспособны принять ближний бой и были обречены на заклание. Так римляне доказали всему миру неоспоримое превосходство манипулярной тактики по сравнению с громоздкой малоподвижной фалангой, способной действовать как отлаженный механизм только на ровной местности.

Лозунг «Свобода Греции»

В результате Второй Македонской войны греческие города были юридически освобождены от власти Македонии, чего они так страстно добивались, но политически попали под более суровую власть Рима, который прочно обосновался в Греции, начиная протягивать свои щупальца в Азию и Египет.

В 196 г. до н.э. на Истмийских играх в Коринфе, куда съехались представители всех городов Греции и чуть ли не всего мира, *Тит Квинкий Фламиний* с торжественной помпой провозгласил «свободу Греции»: «Римский Сенат, победив Филиппа и македонян, даруют свободу всем грекам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам». По сообщению Полибия, после этого заявления все присутствовавшие на играх начали рукоплескать и громко кричать от радости, восторженная толпа чуть было не задушила Фламинина в своих объятиях. Все наслаждались полученной свободой, которая, по словам Плутарха, «была тем сладостнее, что другие за нее сражались; когда прекраснейшее и завиднейшее приобретение не стоило Греции почти ни слез, ни одной капли крови». Кровь и слезы были еще впереди. Радость присутствующих была понятна. Греки всегда превыше всего ценили свободу, сражались и умирали за нее. А тут они получили ее в подарок от благородных союзников. Кроме того, на играх было много знати, аристократов и олигархов. А для них свобода, даже под римским контролем, означала спокойное существование, сохранение власти и богатств и подавление волнений народных масс, если они воспримут лозунг свободы слишком уж буквально.

Заслонив набором громких слов подоплеку дела, римляне подняли в глазах греков свой авторитет и прочно встали у руля греческой политики. В очищенные от македонских войск города Деметриаду, Акрокоринф и Халкиду Фламинин ввел римские гарнизоны, так что даже прожженным греческим правителям стало ясно, что произошло не освобождение, а смена господ. Римляне образовали специальную комиссию, которая развернула бурную деятельность. Страна была поделена между членами комиссии, которые выехали на места «освобождать государства».

Римляне начали по-своему перекраивать карту Эллады, не считаясь с желаниями народов — ведь свобода! Они наделяли землями тех своих союзников, кто наиболее отличился в войне с Македонией. Так, фессалийцам они вручили область Фтиоти-

ду со всем населением, не испрашивая согласия оно; Орест и Эретрею сначала хотели отдать пергамскому царю Эвмену, но Фламинин настоял на их «освобождении», хотя Эгина была оставлена за царем; афинянам в награду за их беды и за преданность римлянам подарили острова Парос, Скирос и Имброс; этолийцам передали Локриду и Фокиду, но замяли в Сенате их притязания на Акарнанию и города Фарсал и Левкады — зачем усиливать потенциального противника! Больше всего римляне облагодетельствовали Ахейский союз. За свою «бескорыстную» преданность он получил богатейшие торговые города Пелопоннеса: Коринф, Трифилию и Герей.

Напротив, Фессалия, где обострилась социальная борьба, была разделена на четыре союза, в которых Фламинин ввел олигархическое правление и во главе поставил «судей и Сенат, отобравши по состоянию имущества каждого, и тем сделал властными в городах таких граждан, кои более других стремились сохранять мир и спокойствие». Как видим, народолобец Фламинин недрогнувшей рукой насаждал в Греции олигархию!

За свою строптивость был наказан тиран Спарты Набис, — поддерживавший демократические силы давний противник аристократического Ахейского союза. Ему была объявлена своего рода «священная война», в которую Рим руками Фламинина вовлек (даже против воли) большинство «освобожденных» греческих государств. Превосходящими силами Набис был разбит, однако власть его была на всякий случай сохранена для нейтрализации усилившегося Ахейского союза. Таким образом, «освободив» Грецию на словах, римляне подчинили ее своей власти.

Война Рима с Антиохом III Великим — трепка величия

Царь Сирии Антиох III (правил в 223—187 гг. до н.э.), прозванный Великим, был способным полководцем, умным дипломатом и неплохим государственным деятелем. Он сумел вдохнуть новые силы в расползающуюся державу династии Селевкидов, возникшую на развалинах империи Александра Македонского. Ему удалось вернуть утраченные ранее восточные земли за Евфратом и в Средней Азии. Во время его правления монархия Селевкидов превратилась в сильнейшее государство эллинистического мира и претендовала на господство во всем Восточном Средиземноморье. Его соперником на Ближнем вос-

токе выступал Египет Птолемеев. Вступив с ним в борьбу, Антиох потерпел сокрушительное поражение в Палестине при Рафии (217 г. до н.э.). Не оставив своих притязаний на заморские владения Египта, Антиох вошел в союз с Филиппом V, но, в сущности, предал его, не поддержав ни в Первую, ни во Вторую Македонскую войну в недальновидном расчете на ослабление соперника.

Вместо этого он захватывал области в Малой Азии и даже города, принадлежавшие Македонии. Овладение Херсонесом Фракийским сделало его хозяином Черного моря. Откликнувшись на жалобы своих союзников, Родоса и Пергамского царства, Рим потребовал от Антиоха «освободить» малоазийские города и вернуть их египетскому царю Птолемею V. На это царь высокомерно, но логично возразил, что притязания римлян на города Азии ни на чем не основаны и пусть они не вмешиваются в дела Азии, как и он не вмешивается в дела Италии. Но царь забыл, с кем имеет дело!

По наущению римлян Родос объявил Антиоху войну в 197 г. до н.э. А через два года ко двору царя в город Эфес прибыл *Ганнибал*, вынужденный бежать из Карфагена. Изменился расклад сил и в Элладе. Центром оппозиции Риму становится Этолийский союз, обойденный римлянами при разделе освобожденной Греции. Этолийцы сколотили антиримскую коалицию и в 192 г. начали военные действия, поддерживая демократические элементы в греческих городах. На помощь себе они отчаянно убеждал Антиоха, обещая ему поддержку всей Греции. Ганнибал тщетно убеждал Антиоха нанести удар по Италии, питавшей силы римлян, и послать флот в Карфаген. Но самолюбивый царь, мелочно завидуя военному гению Ганнибала, не внял его советам и подверг изгнанника опале. Осенью 192 г. до н.э. царь высадился с 10-тысячной армией в Греции на побережье Фессалии и занял город Деметриаду. Это была первая ошибка, приведшая к роковым последствиям. А вскоре в Иллирию прибыла 25-тысячная римская армия под командованием консула Манья Ацилия Глабриона. Война, которую ждали уже давно, началась.

К тому времени обстановка в Греции накалилась. «Медовый месяц свободы» давно прошел, народ понял истинные устремления римлян и перешел на сторону Антиоха. В городах разгорелась ожесточенная внутренняя борьба. Тит Ливий пишет об этом: «Знатные и вообще все благонамеренные люди стоят за союз с римлянами и довольны существующим положением, а к

переворотам стремится толпа и все те, дела которых не соответствуют их желаниям». Подавляя народные волнения, аристократия опиралась на поддержку римлян. С этой целью в Грецию вновь прибыл *Тит Квинкций Фламинин*. В результате открыто на стороне сирийцев выступили только те немногие области, где сильны были демократические настроения.

Тем не менее Антиох мог бы добиться успеха и привлечь на свою сторону большинство греков, если бы предпринял решительные действия. Но он совершил вторую ошибку. Захватив город Халкиду на острове Эвбея, царь оставался там в бездействии, предаваясь развлечениям. Небольшие вылазки в Беотию и города Фивы, Феры и Кранон, не решали дела: царь даже не смог взять город Лариссу в Фессалии и вернулся в Халкиду, оправдываясь приближением зимы. Так необходимое для победы время было упущено. Положение усугубил отказ Филиппа V от союза с Антиохом. Наоборот, он предложил свою помощь в борьбе против бывшего «союзника» Риму. Тем самым он отомстил ему за нейтралитет в предыдущую войну, лишил римлян удобного предлога обвинить Македонию в нарушении договора и продлил мирное положение для своей истерзанной и опустошенной родины. Это позволило ему накопить новые силы для борьбы с Римом. Получив разрешение римлян, Филипп начал захватывать фессалийские города в интересах не столько Рима, сколько своих собственных.

Римляне, в отличие от Антиоха, действовали решительно и энергично. Покорив отпавшие области, они уже в апреле 191 г. до н.э. в битве при Фермопилах нанесли сирийскому царю сокрушительное поражение. Антиох вынужден был оставить Грецию и бежать в Эфес. А летом его флот потерпел поражение от пергамо-родосского флота. Только этолийцы продолжали сопротивление, но после взятия и жестокого разграбления римлянами Гераклеи вынуждены были, по требованию консула Манния Ацилия Глабриона, «отдаться на усмотрение римского народа». За столь обнадеживающе милостивой фразой скрывалось полное подчинение римлянам. По словам Полибия, римляне становились владыками всей страны с городами, реками, гаванями и святилищами, а равно всего мужского и женского населения, во владении же народа не оставалось решительно ничего. В доказательство того, что слово у римлян не расходится с делом, распоясавшийся консул Ацилий потребовал выдачи вождей этолийцев, а для пушей убедительности в нарушение всех

законов о неприкосновенности послов повелел надеть им ошейники и оковы. «Я по римскому обычаю отдаю повеление тем, кто только что сдался мне по собственному желанию, а еще раньше был побежден вооруженной силой», — надменно заявил он. По условиям мира Этолийский союз был сохранен, но должен был выплатить 500 талантов серебра, выдать заложников и «признавать без обмана верховенство и власть народа римского». После этого Этолия перестала играть какую-либо роль в делах Греции.

Дела же на фронте войны с Антиохом разворачивались драматически. В 190 г. до н.э. в Грецию прибыл новый консул Луций Корнелий Сципион. Вместе с братом *Публием Корнелием Сципионом Африканским*, знаменитым победителем Ганнибала, а ныне простым легатом в войске своего брата, он переправил войско в Малую Азию. Впервые сапог римского legionera ступил на азиатскую землю, чтобы топтать ее еще многие столетия. У города Магнесия на реке Сипиле армия римлян, которой фактически руководил Сципион Африканский, наголову разгромила пестрое, разноплеменное войско Антиоха III. Несчастливая война закончилась для него тяжелыми условиями мира. Он отказывался от всех владений в Малой Азии вплоть до гор Тавра на востоке, выплачивал огромную контрибуцию в 12 тысяч талантов, сокращал свой могучий флот до десяти суденышек и обязался выдать ненавистного римлянам Ганнибала. Но Ганнибал бежал в Вифинию.

Так Рим простер свою властную длань в Малую Азию, где по-хозяйски начал делить земли между своими верными союзниками. Больше всего Сенат наградил царя Пергама Эвмена за его преданность: он получил Фригию и Лидию. Не забыли и Родос, которому достались Кария и Ликия. Такая щедрость за чужой счет объяснялась тем, что Рим еще не имел прочных позиций в столь отдаленном регионе и под влиянием Сципиона не решился превращать его в провинцию. Не пройдет и полвека, и Рим наверстает упущенное с лихвой.

Так закончилась война римлян с сирийским царем Антиохом III Великим. В ходе нее был сокрушен последний опасный соперник Рима в Восточном Средиземноморье, растерявший свое величие. Один из сильнейших царей Азии вынужден был покоряться воле римлян, влияние которых не только в Греции, но и в Малой Азии значительно упрочилось. Цинично срамливая греческие города между собой, Рим сделал себя единствен-

ным судьей в решении им же самим раздуваемых противоречий. Благодаря воплощению в жизнь привычной политики «Разделяй и властвуй» Рим установил господство над всей Элладой.

Третья Македонская война и крушение Македонского царства

Ослабленная, но не сломленная Македония дамокловым мечом нависала над позициями римлян в Греции. До конца дней своих царь Филипп V не примирился с мыслью о поражении и вынужден был подчиниться римлянам только потому, что в то время еще не мог противостоять им. Демонстрируя дружелюбие и открытость, он исподволь готовил страну к новой схватке с ненавистным Римом: создавал запасы оружия и продовольствия, усиленно разрабатывал Пангейские золотые рудники, заключал союзы с сильнейшими фракийскими племенами, чтобы защитить границы с севера, овладел приморскими городами Фракийского побережья. Вновь расцвела торговля: из Македонии вывозили лес, металлы, соль. Филипп нашел оригинальный выход из ограничений по мирному договору на численность войска (5 тыс.). Ежегодно он призывал в его ряды 4 тысячи юношей и отпускал их по домам после года обучения. Он уничтожил внутреннюю оппозицию аристократов, ориентировавшихся на Рим.

Римляне всячески пытались сдержать развитие Македонии. Для этого они прибегли к излюбленному способу и начали поощрять жителей приграничных городов жаловаться в Сенат на Филиппа, обвиняя его в жестокости и притеснениях. Сенат постановил отправить специальную комиссию в Элладу, где в присутствии Филиппа, исполнявшего роль подсудимого, фессалийцы, перребы, афаманы и фиванцы обвиняли царя в подавлении свободы, оскорблениях послов и просили отторгнуть захваченные города от Македонии. Царь был вынужден доказывать абсурдность таких обвинений, тем более, что многие земли были дарованы ему самими римлянами в благодарность за помощь в войне против Антиоха III. Тем не менее римские послы постановили ограничить Македонию прежними границами и лишить царя его приобретений. Лицемерная и коварная политика римлян не способствовала усилению любви к Риму в Македонии.

После смерти царя в 179 г. до н.э. дело мести римлянам продолжил его сын *Персей*. Как справедливо отмечал Полибий, Персей получил планы войны с Римом в наследство от отца и старательно исполнял их, заискивая в то же время перед Римом. В подготовке к войне Персей основное внимание уделил Элладе. Период нежной дружбы римлян и территориальных подарков сменился охлаждением. Грубое вмешательство римских легатов в дела греческих городов восстановило против Рима даже верных союзников, ахейских греков. Камнем преткновения еще в 80-е годы II в. до н.э. стала Спарта. С согласия римлян она была насильственно присоединена к Ахейской лиге, но после возобладания в ней более радикальных элементов в 189 г. до н.э. решила выйти из него. Когда же ахейцы объявили Спарте войну, римляне не воспрепятствовали этому, но затем навязали им свои предложения относительно переустройства дел в Спарте и в грубой форме не пожелали выслушать в Сенате ахейских послов, которых сами же и вызвали. Так римский Сенат намеренно обострял отношения внутри греческих государств и принуждал греков даже против их воли обращаться к Риму за помощью, в оказании которой он выступал «беспристрастным» третейским судьей.

Более того, по словам Полибия, Рим начал «ослаблять в каждом государстве партию благонамереннейших граждан и усиливать ту, которая всякими правдами и неправдами заискивала бы у Сената». Рим вмешивался в дела, совершенно не касающиеся его, т.е. перешагнул рамки международного права, перейдя на позиции открытого гегемонизма.

В других городах и государствах Эллады обстановка также накалялась, перерастая в настоящую гражданскую войну между народом и олигархами — ставленниками римлян. Особенно обострился вопрос о долгах. Испытав на своей шкуре полученную от римлян «свободу», демократически настроенные силы возлагали надежды в борьбе с суровой опекой Рима на Персея. Он объявил себя защитником всех угнетенных и осужденных за долги греков, обещал изгнанникам приют и безопасность.

Симпатии к Персею росли день ото дня, и римляне сами пошли на обострение ситуации. Заручившись поддержкой своего верного пса, пергамского царя Эвмена II, скроившего свое царство из римских подачек, Сенат отверг все мирные предложения Персея и выслал из Италии его послов, так как «у римлян давно уже решено было воевать», как признавался Полибий. Поводом

к войне послужило неудачное покушение на Эвмена в Дельфах, совершенное якобы по приказу Персея, и вторжение последнего в Долопию в Северной Греции.

В 171 г. до н.э. разразилась Третья Македонская война. Она началась довольно успешно для македонян. Обращения Персея к разным государствам встречались сочувственно, хотя открыто примкнуть осмелились лишь цари Иллирии Гентий и Фракии Котис. Однако Гентий требовал за помощь 300 талантов, а с ними Персею было невозможно расстаться, как с последней «зачаточкой». Вследствие своей скупости царь лишился и поддержки фракийцев.

В первых же сражениях у города Сикурий, на реке Гелланик и при Фаланне Персей разбил римские войска. В них отсутствовала дисциплина и даже вспыхивали бунты с требованиями отправки воинов по домам. Но вместо того, чтобы воспользоваться плодами побед, Персей предложил римскому консулу Публию Лицинию Крассу мир на тех же условиях, что и мир с Филиппом V. Надменный Красс с истинно римской прямоотой потребовал безоговорочной капитуляции, чтобы Персей «предоставил бы Сенату устроить дела в Македонии по своему усмотрению».

И все же Персей просил мира. В этом проявилась двойственность характера царя: он твердо и целеустремленно готовил войну, готовый на все, пока оставалась лазейка к отступлению, но как только дошло до дела, испугался собственной решимости и бесповоротности выбора. Он не смог пойти до конца и расстаться с частью скопленных его отцом богатств из страха потерять последний шанс, лелея надежду, что «все рассосется», — и в результате утратил все: богатства, царство и свободу. Только баранье упорство римлян в заключении мира побудило его продолжить войну. Но велась она долгое время не военным, а дипломатическим путем. И пока Персей своей скаредностью отпугивал возможных, но не бескорыстных союзников, римляне с методичностью тарана и такой же деликатностью отбивали от антиримской коалиции греческих государств одного перебежчика за другим — непокорных просто уничтожали. На сторону римлян переметнулись Афины, Ахейский союз и фракийцы.

Но хотя перевес оставался на стороне Персея, он растратил его, топчась у границ Македонии. Однако игры «не тронь меня» закончились в 169 г. до н.э., когда на смену бездарным командующим римской армией прибыл новый консул *Луций Эмилий Павел*. Ему было уже под шестьдесят, но по уму и энергии он

превосходил остальных консулов. Первое, что он сделал, — укрепил дисциплину в войске самыми жестокими методами вплоть до децимации и повысил его боеспособность. Павел требовал беспрекословного подчинения и добился поднятия духа в войске.

Готовясь к решительной борьбе, Персей направил посольства к Антиоху III и даже (тайно) к пергамскому царю Эвмену. Но корыстолюбие вновь подвело македонского царя, и переговоры ни к чему не привели. Тем временем, желая обойти войско Персея, пассивно державшее оборону проходов в Македонию в предгорьях Олимпа, Павел послал отряд под командованием Сципиона Назики (будущего палача *Тиберия Гракха*) переправиться морем из Гераклеи в обход позиций Персея и высадиться на побережье Македонии в тылу у царя. Одновременно другой отряд занял после кровопролитного сражения гору Пифий. Это вынудило македонян отступить севернее к городу *Лидна*. Решающее сражение произошло 22 июня 168 г. до н.э. и закончилось (в который раз!) разгромом хваленной македонской фаланги.

Разбитый и деморализованный царь бежал в столицу Македонии Пеллу, а оттуда, захватив с собой лелеемую казну, на остров Самофракию. Войска Эмилия Павла оккупировали Македонию. Вскоре был побит последний союзник Персея иллирийский царь Гентий, а его царство присоединено к римским владениям. Укрывшийся в храме на Самофракии Персей был ловко выманен оттуда римским командиром Луцием Ацилием и попал в руки командующего римским флотом Гнея Октавия.

Так бесславно закончилась третья по счету Македонская война. Первая не принесла римлянам ничего, кроме добычи, после второй они получили господство в Греции. За третьей последовало крушение Македонского царства. Причины поражения ясны. Македония была слишком слаба, чтобы противостоять практически в одиночку такому колоссу, как Рим. Она не смогла противопоставить мощи Рима коалицию государств. Противоречия между эллинистическими державами оказались сильнее инстинкта самосохранения, а греческие полисы видели в Македонии только старинного угнетателя и тирана. Македония пала, и это означало победу республиканского Рима, с сильным крестьянством — надежным источником военной мощи, — над прогнившими эллинистическими монархиями.

Влияние Рима в восточно-средиземноморских полисах и монархиях неимоверно возросло. Начали сбываться слова кон-

сула Мания Ацилия воинам, сказанные (по уверению Ливия) еще во время битвы с Антиохом III у Фермопил в 191 г. до н.э., что после победы «...римскому господству откроются Азия, Сирия и все богатейшие царства, простирающиеся вплоть до восхода солнца. А после, что нам помешает, от Гадеса до Красного моря раздвинуть границы Римской державы вплоть до Океана, что окаймляет земной круг? *И весь род людской станет чтить имя римское вслед за именами богов!*»

Персей и Деметрий

Трагично сложилась судьба сыновей царя Филиппа V от разных матерей — Персея (от любимой наложницы) и Деметрия (от законной жены). Первый был верным продолжателем дела своего отца, помогая ему собирать силы для новой схватки с Римом. Поэтому римляне сделали ставку на младшего сына, Деметрия.

Посланный отцом в Рим в качестве заложника, он встретил обходительный прием и заслужил милость Сената. Римляне без труда завоевали его сердце и намеревались сделать из него своего ставленника. Они умело подогревали честолюбие юноши. Главный его наперсник *Тит Квинций Фламиний* настойчиво внушал Деметрию, что римляне возведут его на царский трон вместо Персея. Исполненный тщеславия, юноша не заметил, как стал проводником интересов Рима в Македонии.

Вернувшись на родину в 181 г. до н.э., он начал собирать себе приверженцев и пытался привлечь на свою сторону уставший от войн народ. На первых порах басилевс старался сгладить разрыв, но трещина в политической ориентации углублялась. Всячески противодействуя замыслам Филиппа, направленным на возобновление войны с римлянами, Деметрий навлек на себя его гнев и опалу. Вражда усугублялась Персеем, который видел в сводном брате предателя интересов Македонии. Поэтому он открыто обвинил брата в измене, воспользовавшись тайным письмом Фламинина, в котором тот требовал возвращения Деметрия в Рим. Вскоре по приказанию своего отца Филиппа Деметрий был убит.

Римские писатели обвиняли Персея в завистливых кознях против «кроткого и благородного» брата. Но очевидно, что тот действительно служил игрушкой в интригах римлян, выполняя все их указания, направленные на разложение антиримской партии изнутри и бескровное покорение Македонии. В жестокой борьбе, которую вел Филипп, не было места родительским чувствам: Деметрий мешал, поэтому и был убран. А зависть Персея играла если и не последнюю, то уж точно не главную роль.

Но возложенная судьбой на сына царя великая ноша оказалась ему не по плечу. Врожденная невыдержанность натуры Персея, неуверен-

ность и колебание в поступках, в которых отчаянная жесткость сочеталась с боязливой скупостью, — все это привело к трагическому финалу для Македонии и к плачевной судьбе самого царя.

Битва при Пидне

Решающее сражение между римскими легионами под командованием Луция Эмилия Павла и македонскими войсками Персея произошло в день летнего солнцестояния 22 июня 168 г. до н.э. Персей расположил свою фалангу на холмистой возвышенности вдоль речушек Левк и Эсон, в устье которых притулился город Пидна. В первых рядах стояли фракийцы, внушая ужас римлянам огромным ростом и блестящими щитами. В черных одеждах, они потрясали тяжелыми мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. В центре располагалась фаланга халкаспистов — отборных воинов в пурпурных одеяниях и позолоченных доспехах с медными щитами. Рядом двигалась вторая фаланга — левкаспистов, вооруженных «белыми» щитами и в стальных доспехах. Правый фланг занимали подвижные отряды пельтастов, а левый — отборная конница. Эмилий Павел выстроил свои легионы в три боевые линии: гастатов, принципов и резерв из триариев. На флангах стояли соединения вспомогательных войск союзников.

Натиск македонской фаланги был ужасен. Сам Павел признавался, что не видел никогда ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о том впечатлении, которое оно оставило.

Халкаспистам удалось прорвать и уничтожить передовую линию гастатов, которых буквально нанизывали на грозные сарисы. Второй линии пришлось спешно отступить до горы Олокр перед ошетинившейся копьями массой фаланги (Павел даже в отчаянии разорвал на себе тунику) — «дело дошло до триариев». Но при спуске с холмов и переходе вброд через обмелевшую речку Левк монолитный строй фаланги разорвался, и в промежутки между фалангой и пельтастами вклинились подвижные манипулы принципов.

Принципы 1-го и 2-го легионов поражали короткими мечами-гладиями неповоротливых гоплитов, чьи длинные копья оказались бесполезной обузой. Смешавшийся строй македонян был обойден с флангов и тыла отрядами триариев и латинских ауксилиариев, завершивших разгром.

Но дело можно было еще спасти, брось Персей в бой свою прекрасную конницу, а он этого не сделал. Напротив, тот самый Персей, который решился было победить или умереть, потерял присутствие духа и позорно бежал с поля боя вместе с отрядом телохранителей — священной агемой и своей конной гвардией — царской илой. За ним по-

следовала и невредимо вышедшая из боя конница. Окруженные гоплиты подверглись беспощадному истреблению. По словам Плутарха, «и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже на следующий день, когда римляне переходили реку, были красны от крови». Римляне устроили настоящую резню бронированных, но беспомощных вне фаланги македонских сарисофоров. Более 20 тысяч полегло на поле боя.

Причина поражения македонян в битве при Пидне (как и при Киноскефалах) крылась в превосходстве маневренного манипулярного строя над неповоротливой тяжелой фалангой. Последняя была непобедима, пока на ее пути стояли неорганизованные полчища персов и прочих варваров. Но при столкновении с более передовым по своим качествам легионом фаланга ясно показала свои недостатки.

Усмирение Эллады

Расправа римлян с поверженной Македонией в 167 г. до н.э. была безжалостна. Страна была разделена на четыре части, жителям которых запрещалось торговать и даже вступать в браки с жителями других областей. Запрещалось разрабатывать золотые рудники, торговать лесом и солью. Эти, так сказать, «экономические санкции» обрекали население на голод и прозябание. Знатные македоняне вместе с детьми отправлялись в Рим в ссылку.

Разобравшись с Македонией, римляне обратили свой гневный взор на Грецию. От прежнего «либерализма» не осталось и следа. Области, всего лишь выражавшие сочувствие к Персею, лишались части своей территории. Особенно досталось самому первому союзников римлян, без которого им не удалось бы так быстро закрепиться в Элладе, — Этолии, которая была цинично унижена и территориально обобрана. Эпир, который почти не оказал помощи Македонии, подвергся страшному разгрому. Более 70 городов было разграблено и сожжено. Вдоль дорог выстроились виселицы и кресты с казненными. Жестокосердный Эмилий Павел продал в рабство более 150 тысяч эпиротов, а в Дельфах без лишней скромности приказал заменить статую Персея на сокровищнице македонских даров на свою собственную, заявив, что следует увековечивать подвиги победителей, а не побежденных.

В Греции царил террор десяти уполномоченных, направленных римским Сенатом для решения дел в стране. Везде, горько признается романофил Полибий, «подняли голову те из граж-

дан, которые слыли за римских друзей; их же выбирали теперь в посольства, вверяли им и все прочие дела». Уполномоченные отбирали в заложники людей, заподозренных хотя бы в малейшем сочувствии к Македонии; многих просто убили. Не избежали общей участи ни Ахейский союз, ни Родос. Более тысячи знатных ахейцев (в их числе и сам Полибий, видный деятель Союза) были отправлены в качестве заложников в Рим, где содержались в тяжелых условиях более шестнадцати лет. Родос был лишен всех привилегий и владений за то, что всего лишь призывал Рим прекратить войну, от которой страдала его торговля. В отместку римляне объявили свободным от пошлин остров Делос, через который вскоре пошла вся морская торговля в Восточном Средиземноморье. Получив такой удар, Родос, как отслуживший свое пес, окончательно пришел в упадок.

Триумф и трагедия Луция Эмилия Павла

Огромной пышностью отличался в 167 г. до н.э. триумфальный въезд в Рим Луция Эмилия Павла. Его проведение было омрачено скандалом. Третья Македонская война была ярким примером бойни, которая велась вопреки интересам народа, ради обогащения нобилитета. Павел стяжал себе дурную славу своей жестокостью и безжалостностью. Воины люто ненавидели Павла за суровые придирки и за то, что не получили и малой толики из огромной добычи. Сначала они даже отказывались участвовать в праздничном шествии. Трибунные комиции также единодушно высказались против триумфа, но затем все же с трудом согласились.

В первый день триумфа провезли на 250 повозках произведения искусства, картины и скульптуры, захваченные в Греции. На следующий день везли трофейное оружие. Далее следовали три тысячи человек, несшие 750 сосудов, наполненных серебряными монетами: в каждом по три таланта (около 80 кг серебра). Всего перед его колесницей было пронесено награбленного в Греции и Македонии золота и серебра на 120 млн сестерциев. Столь громадная сумма произвела неизгладимое впечатление на еще не привыкших к таким роскошествам римлян. Перед колесницей Эмилия Павла брели царь Македонии Персей вместе со своей женой и малолетними детьми — двумя мальчиками и девочкой.

Но триумф был омрачен и трагедией, являвшей собой пример превратности судеб человеческих. Двое сыновей Павла — наследники его имени, домашних священнодействий и родового имущества, которые должны были бы ехать в одной колеснице с отцом, — скончались: один, 12-ти лет, за пять дней до триумфа, другой, 14-летний, — через

три дня. Таким образом, пресекался старинный род, что для римлян было страшнее личного горя. Но это не помешало Эмилию Павлу взойти на триумфальную колесницу прямо с похорон одного сына и от постели второго, а затем выступить перед Сенатом с отчетом о свершенных подвигах. Для истинного римлянина величие личное и государственное были неразделимы и ценились превыше всего. Вскоре покоритель Македонии скончался, считая себя несчастнейшим из смертных и завидуя даже Персею, сыновья которого остались живы. Но это было неправдой! Судьба Персея была куда трагичнее: он вскоре был умерщвлен в карцере Мамертинской тюрьмы в результате страшной пытки бессонницей; погибли и его дети в заключении, а младший сын Александр был превращен в жалкого раба-ремесленника. Так справедливые римляне отыгрались на семье своего злейшего врага.

Восстание Андриска

Эллада после Третьей Македонской войны представляла собой печальное зрелище — страна лежала в руинах. Раздробленная на множество мелких полисов, отданная трудами римлян во власть олигархов-ставленников Рима («умеренная свобода» — кредо Фламинина), она все более нишала. Страшных форм достигла фракционная борьба. В Эпире бесчинствует Хароп Младший, чье имя стало синонимом предателей в пользу римлян, в униженной и обкорнанной Ахайе единственно при поддержке римлян у власти стоит ненавидимый всеми предатель национальных интересов Калликрат. Во всех областях царит произвол и беззаконие, прямое следствие потворства римлян. Даже Полибий признается, что после убийства в Этолии римского прихвостня Ликиска, «человека беспокойного и мятежного ... немедленно воцарились мир и согласие...» То же происходит в Беотии после смерти Мнасиппа и в Акарнании после убийства Хремата. Когда эти «друзья римлян» при поддержке последних находились у власти, в областях творились все вышеуказанные бесчинства; с их же смертью наступили мир и согласие. Произвол римских ставленников был настолько силен, что римский Сенат, дабы окончательно не утратить репутацию, вынужден был сурово осудить своего воспитанника и «сукина сына» Харопа за его жестокости, правда только на словах.

Жесткая политика Рима сказывалась во всем. Даже самый верный союзник — Ахейский союз — оказался неугодным Риму. Много раз ахейские послы униженно молили Сенат отпустить на родину их заложников; Сенат даже не желал их выслушивать,

хотя многие заложники умерли в различных городах Италии, а те, которые бежали, были схвачены и казнены. Только в 151 г. до н.э. по просьбе Сципиона Эмилиана, с которым сближается Полибий, ахейские ссыльные были отпущены на родину. Да и то только после того, как добродетельный Марк Порций Катон заявил: какая, мол, разница, «наши ли могильщики, или ахейские погребут греческих старцев».

Не удивительно, что среди широких слоев населения росла скрытая ненависть к Риму. Поэтому, когда в 149 г. до н.э. во Фракии объявился человек, заявивший, что он чудом спасшийся из плена сын царя Македонии Персея Филипп, восстала вся изнемогающая от гнета Македония. Лже-Филиппом был некий грек (по другим данным, фракиец) Андриск. Его призыв к восстанию против римского ига упал на подготовленную почву. Толпы людей вступали в ряды его армии. Вскоре Лже-Филипп разбил посланный против него римский легион и объединил разделенную римлянами страну. Восстание ширилось, и армия Андриска вступила в Фессалию. Римляне вынуждены были направить против восставших крупное войско под командованием Квинта Цецилия Метелла. Помощь тут же суетливо предложил царь Пергама Аттал II. В 148 г. до н.э. наспех собранные войска повстанцев потерпели поражение. Андриск был захвачен в плен и казнен. Восстание послужило прекрасным поводом для полного закабаления Македонии. Она окончательно потеряла свою и без того призрачную независимость и была превращена в римскую провинцию Македония, к которой были присоединены Иллирия с городами Аполлония и Диррахий и Эпир. Македония стала удобным плацдармом для дальнейшего наступления римлян на восток. Всю провинцию вскоре пересекла военная Эгнациева дорога от Диррахия на Адриатике до Византия на Боспоре.

Падение Коринфа и крах Эллады

Долго еще ранило сердца греков падение в 146 г. до н.э. крупнейшего города и торгового порта Греции Коринфа, совпавшее с разрушением Карфагена. Как два пылающих погребальных факела, они осветили все Средиземноморье, ставшее гробницей покоренных Римом народов.

Этому событию предшествовал отчаянный вызов, брошенный могущественному Риму Ахейским союзом. Решив вернуть отторгнутую по воле римлян Спарту, ахейцы наравлись на жест-

кую позицию римлян, давно уже не церемонившихся со своим рьяным союзником. Они нагло потребовали от ахейцев отказаться не только от Спарты, но и от остальных приобретений после Македонских войн, которые были дарованы им самими же римлянами.

В руководстве Ахейского союза проснулось запоздавшая оскорбленная гордость. Свергнув продажную знать, к власти в 149 г. до н.э. пришли демократически настроенные силы во главе со стратегами Дизем и Критолаем. Но ахейцы спохватились слишком поздно, явно переоценив свои силы в надежде на то, что Рим, который вел в это время войны с Карфагеном, в Испании и Македонии против Лже-Филиппа, не сумеет подавить их выступление.

Критолай развернул обширную агитацию против римлян. «возбращая властям взыскивать что-либо с должников, не принимать тех, кого приводили бы для заключения под стражу за долги, отсрочить до окончания войны разбор жалоб по недоимкам в товарищеские казнохранилища». Эти меры были направлены на привлечение на свою сторону бедноты. Возмущение ахейцев требованием римлян очистить Спарту было так велико, что народ начал хватать всех спартанцев, даже укрывшихся у римлян. Немедленно (невзирая на протесты олигархического Совета старейшин) была объявлена война Спарте, на самом же деле она «была против римлян».

И здесь мы вновь видим трагическую порочность менталитета греков — довление узкополюсного эгоизма над общенациональными интересами. До тех пор, пока Рим привечал и обхаживал своего верного союзника, предоставляя ему разные привилегии, в том числе территориальные, Ахейский союз был ревностным проводником экспансии Рима на Балканах, участвовал на его стороне во всех братоубийственных войнах. И даже в данной ситуации своекорыстное соперничество со Спартой перевесило идеи общезеллинского единства.

Привыкшие бить врагов поодиночке отборные легионы Квинта Цецилия Метелла, покончив с Андриском, разгромили ахейское войско в Беотии у Скарфеи и Херонеи, а Критолай пропал без вести. Тогда Дизей сосредоточил свои силы в Коринфе. Он призвал бедноту вступать в войско и включил в его состав 12 тысяч рабов; богачи были обложены налогами на военные нужды, а злостные аристократы казнены. Но римляне разбили ахейцев на Истме, а вскоре прибыл новый консул Луций

Муммий, которому и достались лавры победителя. Коринф был взят штурмом. Дольше всего сопротивлялся гарнизон из освобожденных рабов, которые заперлись в крепости на акрополе Коринфа. Лишь голод и страшные потери принудили их сдаться. Диэй в отчаянии покончил жизнь самоубийством.

Разграбление Коринфа было жутким. Легионеры, топча солдатскими калигами полотнища великих живописцев, измазанные кровью, грабили все подряд; из храмов выбрасывалась священная драгоценная утварь, выносили сокровища и статуи богов. Все предметы искусства подчистую были вывезены в Рим. Мужское население было вырезано, а женщины и дети обращены в рабство. Коринф по прямому указанию Сената был разрушен до основания, как и Карфаген. Несомненно, такой вандализм объяснялся не только «пиром победителей», но вполне практичным желанием устранить последнего крупнейшего торгового соперника Рима в Восточном Средиземноморье.

Прибывшая из Рима специальная комиссия приняла «отчет о проделанной работе» и рассмотрела судьбу Эллады. Муммий уничтожил демократию, где она еще оставалась, и установил форму правления в греческих полисах на основе имущественного ценза. Он также назначил дань, которую должна была выплачивать страна. Все племенные союзы были распущены, гражданам запрещалось приобретать имущество за границей, самоуправление ограничивалось, а управление землями бывшей свободной Греции, словно в насмешку истории, переходило в руки наместника Македонии, с чьей властью греки так упорно боролись в прошлом. Так произошло падение независимости Эллады, еще недавно восторгавшейся добродетелью римлян, даровавших ей «свободу». Лишь спустя два столетия эти вконец опустевшие и обезлюдившие земли были формально обращены в провинцию. Причем гордое имя «Эллада» было заменено на «Ахайя».

«ОГНЕМ И МЕЧОМ» — УТВЕРЖДЕНИЕ ГЕГЕМОНИИ РИМА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Восстание Вириата в Лузитании

Алчность, жестокость и вероломство римлян в завоеванных странах вызывали ответную борьбу народов за свою свободу и независимость. Например, в Испании племена иберов и лузита-

нов, поддерживавшие римлян в войне с карфагенянами, были вскоре обложены тяжелой данью и скручены необузданным произволом наместников, которые без всякой причины нарушали ранее заключенные договоры. В 153 г. до н.э. выступивший против лузитанов наместник был наголову разбит. После этого по всей стране вспыхнуло восстание. Бездарность и трусость римских полководцев поставила под удар господство римлян в Испании. В 150 г. до н.э. претор Сервий Сульпиций Гальба с трудом вытеснил лузитанов из пределов римской провинции и заключил мирный договор. Но после того как они сложили оружие, большая часть их была перебита или продана рабство. А прибывший в Испанию новый консул, возжелав добычи и триумфальных почестей, сам устроил для себя войну, вероломно нарушив договор с кельтиберами и подвергнув жестокому грабежу ранее дружественные Риму племена.

Такое вероломство вызвало всеобщее восстание, во главе которого встал талантливый предводитель из племени лузитанов Вириат. Бывший пастух, Вириат оказался превосходным организатором и прирожденным полководцем. Его авторитет был нерушим не только у лузитанов, но и у других племен, которые Вириат стремился объединить для борьбы с общим врагом. В течение десяти лет он оставался непобедимым, нанося заносчивым римлянам тяжелые поражения. Он умело поддерживал согласие в своем храбром, но недисциплинированном войске, находил выход из самых безнадежных положений. В 141 г. до н.э. проконсул Фабий Максим Сервилиан после очередного разгрома вынужден был признать Вириата царем, а Сенат подтвердил независимость его царства. Но слово свое тут же вероломно нарушил, отправив в Испанию новые крупные войска. Но даже им не удалось одолеть храброго вождя. И только предательство освободило отважных римлян от столь опасного противника. Римляне подкупили некоторых приближенных Вириата, завидовавших его славе, и те в 139 г. до н.э. подло закололи спящего полководца в его палатке. Лишенное предводителя, лузитанское войско было разбито. Лузитания покорилась римлянам, чьи легионы вышли на берег Атлантического океана.

Блокада Нуманции

На севере Испании центром освободительной войны иберов в 40—30-е годы II в. до н.э. стал город Нуманция. Расположенный на гористом берегу реки Эбро город был прекрасно укреп-

лен природой и человеком. Восстание вспыхнуло еще в 143 г. до н.э., но лишь после кровавого подавления борьбы лузитанов на юге римляне смогли направить против них крупные армии. Тем не менее действия в непривычных горных условиях против сплоченного союза иберийских племен не привели к успеху. Пять лет не удавалось сломить восставших. Бездарные и жадные римские военачальники предавались с большей страстью грабёжам, чем сражениям. Своей циничной вероломной политикой по отношению к местным племенам они ухитрялись восстанавливать против себя даже дружественные племена. В 137 г. до н.э. римская армия попала в окружение и была бы уничтожена, если бы не дипломатическое искусство молодого квестора *Тиберия Семпрония Гракха* (будущего реформатора). В память о его отце, заслужившем уважение иберов своей необычно разумной для римлянина политикой, восставшие выпустили римскую армию при условии вывода ее из Испании. Тиберий Гракх дал клятву выполнить это требование, но римский Сенат рассудил иначе и постановил продолжить войну.

Чтобы спасти катастрофическое положение, в Испанию отправился лучший полководец римлян, победитель Карфагена *Публий Сципион Эмилиан*. Прибыв к стенам Нуманции, Эмилиан суровыми мерами восстановил дисциплину среди полностью разложившихся солдат, умелыми действиями расколол единство среди восставших племен и окружил Нуманцию плотным кольцом осады. Прекрасно понимая, что со своими войсками он не способен овладеть городом, и потерпев ощутимые поражения в открытом бою, Эмилиан решил повторить свой «подвиг» у Карфагена и отважно взять непокорную Нуманцию измором. Пятнадцать месяцев стойко просидел Эмилиан у стен небольшой крепости, не сломленные защитники которой героически боролись не только с ним, но и с голодом. И лишь когда от голодной смерти погибло большинство осажденных, а остальные были доведены до людоедства, великий римский полководец в 133 г. до н.э. милостиво продиктовал унижительные условия сдачи немногим еще остававшимся в живых. Осада Нуманции (сравнимая разве что с блокадой Ленинграда) ясно показала, что римские войска теряют свою боеспособность, не в состоянии противостоять организованной силе и все более превращаются в отряды мародеров и грабителей.

Восстание Аристоники — последний глоток свободы

В 132 г. до н.э. против господства римлян вспыхнуло новое мощное восстание. Ареной его стало Пергамское царство. Скончавшийся в 133 г. от солнечного удара царь Пергама Аттал III завещал свое царство, словно бабушкин сундук, Риму со всеми огромными богатствами, накопленными пергамскими царями под покровительством римлян. Населению царства, и без того стонущему от произвола как царских чиновников, так и наводнивших Пергам римских ростовщиков, такой подарок не сулил ничего хорошего.

Во главе народного возмущения встал побочный сын отца Атталы III *Аристоники*. Он выступал за восстановление независимости Пергама, но не был поддержан богатыми приморскими городами, прежде всего Эфесом. В морском бою у города Кимы флот Аристоники потерпел поражение. Тогда он призвал на помощь жителей глубинных областей Малой Азии и даже обратился к рабам. Привлеченные идеей царства справедливости под знамена Аристоники встали пергамская беднота и фригийские пастухи, местные крестьяне и греческие ремесленники. В течение двух лет собранная и обученная Аристоником армия успешно противостояла как римлянам, так и царям соседних стран (Вифинии, Каппадокии). Царь Понта Митридат V со своей армией дошел до Пергама и, несмотря на отчаянное сопротивление почти безоружных *«гелиополитов»*, захватил город, жестоко расправившись с жителями. По улицам Пергама ходили наемники Митридата и добивали раненых или спрятавшихся.

Но восстание продолжалось в других местах. Против Аристоники выступил царь Каппадокии Ариарат V, но был разбит и погиб в кровопролитном сражении. Получив об этом известие, римляне поняли, что надеяться на вассальных царей нельзя и нужно посылать сильное войско с опытным командующим. На этот пост был назначен консул 131 г. до н.э. Публий Лициний Красс Мунциан, который, кроме длинного имени, был обладателем и должности Великого понтифика. Но это не спасло его от полного разгрома у города Левки. Сам Красс попал в плен, но чтобы избежать позора, предусмотрительно бросился на меч охранника.

Римский Сенат спешно направил в Малую Азию нового консула Марка Перперну. Неожиданно высадившись на побе-

режье, Перперна застал Аристоника врасплох и нанес ему серьезное поражение. Сам Аристоник с остатками войск укрылся в городе Стратоникее, где был осажден римлянами. После многомесячной осады истощенный от голода гарнизон вынужден был сдаться.

Аристоник был закован в цепи и отправлен на корабле в Рим, где по приказу Сената задушен в Мамертинской тюрьме. Но восстание в Пергаме вспыхнуло с новой силой, и консулу Аквилию, сменившему внезапно умершего Перперну, пришлось вместо легкого триумфа умирять непокорных пергамцев. Сила оружия уступила стойкости и мужеству народа, сражавшегося даже после гибели вождя. Поэтому Аквиллий решил отравлять источники и колодцы. Как писал впоследствии историк Флор, «это ускорило победу, но ее же и опозорило». После окончательного усмирения населения бывшее Пергамское царство стало в 129 г. до н.э. первой на азиатской земле римской провинцией под названием «Азия».

Аристоник и гелиополиты

Аристоник был сводным братом последнего пергамского царя, мрачного и полубезумного Аттала III, увлеченного не государственными делами, а лепкой скульптур из воска и испытанием на придворных действия ядовитых растений, выращенных в личных садах царя. Аристоник же был рожден эфесской рабыней и пользовался большой любовью среди пергамской бедноты. Он часто бывал в городских трущобах, жил среди рабов и приходил в ужас от нищенской жизни населения царства. Ведь он прекрасно знал, что оно очень богато, казна полна, город украшали великолепные сооружения: прекрасный храм Афины и знаменитая Пергамская библиотека.

Возглавив после нелепой смерти Аттала народное восстание, Аристоник использовал для привлечения на свою сторону простых жителей и бедноты идеи философа Ямбула, изложенные в фантастическом романе «Путешествия на остров солнца». Он обещал людям сделать жизнь в освобожденном Пергаме такой же, как на этом счастливом острове. Там все вели трудовую жизнь, выполняли различные работы, помогали друг другу, образуя сообщества по 400 человек во главе с уважаемыми старейшинами. Аристоник мечтал преобразовать свое царство в «государство солнца», жители которого будут называться гелиополитами (т.е. «гражданами солнца»). В этих мечтах его вдохновителем был известный философ Блоссий, бывший учителем и советником *Тиберия Гракха*. Не дожидаясь победы, Аристоник начал образовывать коммуны гелиополитов по всей стране, многие сторонники этого учения

ния вступали в его войско. Но перепуганная аристократия, опасаясь за свои богатства, чуждые духу нового общества, резко воспротивилась созданию царства гелиополитов и призвала на помощь царей соседних стран и римлян. Подавление восстания означало и крушение планов организации жизни на новых принципах. Общество справедливости, равенства и взаимопомощи было благоразумно утоплено в крови.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

Немалое значение в жизни римлян имели общегражданские празднества, количество и пышность проведения которых резко возросли в конце III—II в. до н.э. Большинство из них носили изначально религиозный характер, но устраивались государственными магистратами. Объединяются они под именем «игры» (*Ludi*), хотя их суть значительно шире этого привычного для нас понятия. Они сплачивали жителей Римского государства в единый народ, пробуждая в них чувство сопричастности «общему делу» и прославляя его величие и могущество. Впрочем, для большинства простого народа эти игры были, главным образом, возможностью всласть отдохнуть от тяжких трудов, отрешиться от каждодневных тягостных забот, развлечься по мере сил и даже поправить скудный семейный бюджет бесплатными угощениями на общественный счет и щедрот богатых устроителей торжеств.

Празднества состояли из нескольких четко установленных отделений. Они открывались торжественным шествием (*помпой*) во главе с магистратом, который ведал устройством игр. Затем проводились состязания в цирке, ристания колесниц, конские скачки и т.д. В завершение давались сценические представления пьес римских и греческих авторов, но гораздо большей популярностью у простого народа пользовались незатейливые сатирические представления (*ателланы*) и нередко грубоватые и скабрзные пантомимы. Заканчивались зрелища обычно пиром, массовым угощением, порой на несколько тысяч столов на улицах города. Устройство игр требовало огромных денег. Например, в середине I в. до н.э. на проведение Римских игр было выделено 760 тыс. сестерций, а Плебейских игр — 600 тыс. Разумеется, отпущенных из казны денег не хватало, и поэтому должностные лица, отвечавшие за организацию игр, выкладывали собственные деньги, подчас даже более щедро, чем государство.

Римские игры

Наиболее значимыми для римских празднеств были возникшие раньше всех остальных Римские (или Великие) игры. По преданию, они были учреждены еще легендарным царем Ромулом и в течение нескольких столетий оставались единственным гражданским государственным празднеством. Проходили они ежегодно начиная с 4 сентября.

В последующие времена скромность и простота уступают место пышности и помпезности. Сначала совершались торжественные жертвоприношения Юпитеру на холме Капитолий, где возвышался его храм. Затем многолюдная процессия направлялась по улицам города к Большому цирку. Во главе процессии на празднике Великих игр двигался сам Юпитер Капитолийский, которого воплощал консул или претор, одетый как триумфатор, в окружении отрядов войска, знатной молодежи, толпами граждан. Колыхались знаки отличия консулов — фаски, блистали белизной с пурпуром по краю тоги сенаторов и строгие одеяния жрецов. На носилках несли статуи богов. За ними, нарушая скабрёзной шуткой благолепную чинность, приплясывали танцоры, кривлялись мимические актеры, многие переодевались сатирами и разыгрывали комические сценки. Бурной толпой они вливались в ворота цирка, где разворачивалось главное действо: конские ристания, состязания атлетов, а с конца II в. до н.э. и гладиаторские бои. В завершение каждого дня устраивались пиры на улицах.

Плебейские игры

Плебейские игры возникли в III в. до н.э. в связи с усилением роли плебса в государстве. Впервые о них сообщают древние авторы под 216 г. до н.э. Их устройством ведали плебейские эдилы. Они проводились в честь Юпитера и продолжались 14—15 дней в ноябре (с 5 по 17 число) в цирке Фламиния. Во время них в цирке устраивали конские ристания и состязания колесниц, праздничные угощения и театральные представления. Программы празднеств постоянно расширялись, добавлялись дополнительные дни на зрелища. Нередко мероприятия в рамках Римских или Плебейских игр повторялись несколько раз в течение года либо по предсказаниям пророческих книг, либо по обету высших государственных деятелей.

Столетние игры

Примечательным и редким событием для римлян были так называемые Столетние игры, известные также как Секулярные (от лат. *saeculum* — «век»). Они действительно проводились раз в сто лет и, следовательно, не каждое поколение римлян имело счастье насладиться этим зрелищем. Но этот срок не выдерживался достаточно четко, так как за основу исчисления могли брать и римскую, и так называемую этрусскую системы (продолжительностью в 110 лет). Сохранились известия о возможном праздновании игр в 449 и 348 гг. до н.э. Предшественником Столетних игр считают Терентинские игры, проводившиеся на той части *Марсова поля*, которая носила имя Терент. Впервые Терентинские игры были учреждены в 249 г. до н.э. в разгар Первой Пунической войны по совету книг пророчицы из Кум *Сивиллы*. Тогда в жертву богам подземного мира Отцу Диту (одно из прозваний Плутона) и его супруге Прозерпине были принесены черный бык и черная корова. Состоялись торжественные очищения от зла римских войск на Марсовом поле и конские ристания, которые затем были перенесены в цирк. По другому преданию, впервые такие обряды совершил консул *Валерий Попликола* в начале V в. до н.э. для отвращения от народа моровой язвы. И он пожертвовал богам мертвых черных волов, после чего в течение трех ночей задавал лектистернии и конные скачки на Марсовом поле или в цирке.

Первые ясные известия о проведении Столетних игр относятся к 249 г. до н.э., а следующие состоялись в 149 г. до н.э. Эти даты долгое время римляне принимали за юбилеи основания своего города, которое относили не к 753, а к 748 г. до н.э. Многочисленные внешние и внутренние войны, терзавшие Италию, в конце Республики позволили провести следующие Столетние игры лишь при Августе в 17 г. до н.э. Распоряжалась организацией этих празднеств специальная коллегия из пятнадцати человек (квиндецемвиров). В первую ночь проводили посвящения богиням судьбы, во вторую — подземным божествам, в третью — Матери-Земле. Сопровождались эти древние обряды состязаниями колесниц, атлетов и театральными представлениями.

Аполлоновы игры

Этот государственный праздник возник в конце III—начале II в. до н.э. По своей сути они принадлежат к торжественным обетам с целью умиловливания богов и отвращения от народа

зла и напастей. Но огромное влияние на их учреждение оказало знакомство римлян с культурой и религией Греции и Малой Азии, которые римляне в то время стремились завоевать. Во время Второй Пунической войны и нашествия на Италию Ганнибала в 212 г. до н.э., согласно пророчеству *Сивиллиных книг*, римляне организовали в честь Аполлона игры и, как передает историк Тит Ливий, умоляли его ниспослать городу не исцеление от чумы или моровой язвы (защитником от которых и выступал Аполлон), а победу над смертельно опасным врагом. Причем деньги на организацию празднества по повелению городского претора внесли все граждане. На этих Аполлоновых играх специальные жрецы священнодействий (квиндецимвиры) приносили жертву по греческому ритуалу (с использованием треножника и дельфина — символов Аполлона). Когда спустя три или четыре года в Риме вспыхнул уже мор, игры были повторены.

Впоследствии Сенат, по докладу претора, в 208 г. до н. э. принял решение сделать Аполлоновы игры постоянными. Игры с тех пор стали справлять ежегодно, сначала в середине июля, а затем в первые дни этого месяца. Устройством игр ведали курульные эдилы, а руководил играми городской претор. Первоначально в программу игр входили только состязания всадников в *Большом цирке*. Но уже со II в. до н.э. во время игр стали организовывать театральные представления и другие развлечения. Празднество сохранялось в течение многих веков.

Флоралии

28 апреля во многих областях Италии и в Риме справляли праздник Флоралии в честь богини растительности Флоры. Эти популярные в простом народе игры стали праздновать под давлением плебса. Со временем в период Империи празднество растянулось на несколько дней вплоть до 3 мая. В III в. до н.э. плебейский эдил Публиций стал штрафовать тех богачей, которые самовольно захватывали общественную землю под личные пастбища. За счет этих штрафов и были в 240 или в 238 г. до н.э. устроены игры в честь Флоры. Но затем играми начали пренебрегать, и богиня, обидевшись, перестала заботиться о полях и садах; в них все увяло. Тогда Сенат пообещал восстановить игры и проводить их ежегодно, а сама Флора желала, по убеждению участников, чтобы ее праздник открывался дружным хором плебеев. С тех пор игры стали одними из самых веселых в Риме;

в дни праздника все надевают пестрые одежды и венки, столы тонут в розах, сотрапезники пьют вино, поют и пляшут, звенит смех, звучат срамные шутки, зажигают праздничные огни в специальных светильниках и вообще ведут себя весьма вольно и распушенно.

Все за столами себе венками виски оплетают,
Всюду на светлых столах видны покровы из роз;
И собутыльники тут, заплетя себе волосы лыком,
Пляшут и без толку все чистое тянут вино;
А у порога своей неприступной красавицы пьяный
Песню поет в венке на умашенных кудрях.

Такую живую сценку народных гуляний во время Флоралий запечатлел наблюдательный Овидий. Не случайно эти игры в честь Флоры празднуют толпы куртизанок: «...вовсе она не ханжа, надутых речей избегает... И призывает она жить всласть в цветущие годы». В последний день праздника все спешили в цирк, где показывали охоту на косуль и зайцев, а среди зрителей разбрасывали горох, бобы и люпины. Нередко деньги на эти забавы выделяли состоятельные люди, которым в благодарность за щедрость даже ставили бронзовые бюсты в цирке. Такого тщеславного устроителя зрелищ высмеивает в своей сатире римский поэт Гораций: он готов «протолкнуть все добро на горох, да бобы, да люпины, / Только затем, чтобы чваниться в цирке, чтоб высидеть в бронзе...». «Впрочем, эта картина знакома и нам — «О времена, о нравы!»

Мегалезийские игры

Мегалезийские игры были учреждены в трудную годину Второй Пунической войны в 204 г. до н.э., когда военное счастье римлян висело на волоске. Именно тогда обратились за советом к знаменитым книгам пророчицы Сивиллы, как это делали римляне лишь в пору труднейших испытаний. По совету книг, было отправлено посольство в город Пессинунт в Малой Азии, чтобы найти Матерь Бессмертных на горе Иды во Фригии. Послы привезли оттуда черный камень. Он служил символом малоазийской богине с громким именем Великая Матерь богов, известной также как Кибела. Ее отождествляли с римскими богинями Майей и Церерой. От имени всего римского народа жертвоприношение богине совершал римский претор. Во время праздника вроде бы чужеземной Кибелы у патрициев,

исконных жителей Рима, установился обычай пировать в гостях друг у друга. Римский вариант культа Великой Матери под названием Мегалезийские игры (от греч. «мегале» — *великая*) справлялся ежегодно 4 апреля и включал состязания атлетов и гимнастов по греческому образцу.

Празднества в честь Великой Матери богов сопровождались пышными церемониями. Жрецы во главе шумной процессии шествовали по городу, влача колесницу, на которой возили статую богини из серебра с лицом, сделанным из черного камня. Во время процессии жрецы собирали подаяние. Малоазийские танцовщики куреты и корибанты исполняли ритуальные изощренные пляски. Долгое время римлянам разрешалось только смотреть на это зрелище. По постановлению Сената римский гражданин не мог быть жрецом Кибелы (только фригийцы), так как это противоречило римским религиозным обычаям. Но празднества, тем не менее, справлялись широко.

Вакханалии

В конце III в. до н.э., когда римляне близко столкнулись с восточными культами в ходе войн с Македонией и в Малой Азии, возникли и широко распространились таинства Вакханалий. Культ прославлял бога вина Диониса (в латинском варианте Вакха). Таинства Вакханалий совершались в роще богини Стимулы, которую отождествляли также с богиней Семелой, считавшейся матерью Вакха. Иными словами, почитание Вакха имело в Италии стародавние корни. Вначале это святилище было чисто женским, и в течение трех установленных в году дней там совершались дневные таинства, причем жрицами выбирали замужних женщин.

Но в начале II в. до н.э. под влиянием восточных культов к церемониям были допущены и мужчины, а сами они были перенесены на ночное время и справлялись уже пять дней в каждом месяце. И каждый раз следовало посвящать в таинства по несколько новичков, преимущественно девушек и несовершеннолетних юношей. Причем источники рисуют отвратительные картины подобных посвящений, во время которых, по словам Ливия, «посвящаемого, словно жертвенное животное, передают жрецам, а те отводят его в помещение, где отовсюду звучат вопли и завывания, пенье и музыка, кимвалы и тимпаны, чтобы заглушить крики насилуемого».

Вакханалии приобретали все более оргиастический характер, в нем участвовали не только римляне, но и уроженцы других областей Италии — кампанцы и фалиски. Слухи о вакханских распутствах, растлении малолетних во время посвящений в таинства и о ритуальных убийствах, якобы практиковавшихся последователями этого культа, всерьез встревожили римские власти. Собища втягивали в свой круг немало знатных и влиятельных людей. А это уже подрывало устои не только староримской нравственности, но и государственной власти. Кроме того, они происходили по ночам, а в Риме еще с V в. до н.э. запрещались самовольные ночные собрания. Это также рассматривалось как попытка заговора против государства.

Но, вероятно, чисто моральных оснований для преследований Вакханалий оказалось недостаточно. Ведь, и празднества в честь исконных римских отеческих богов (например, Либера, Фавна и многих других) нередко не отличались скромностью и целомудрием, да и культ Вакха был гораздо древнее в Италии самих Вакханалий. Поэтому к обвинениям против участников Вакханалий прибавились и чисто политические: распространение лжесвидетельств, клеветнических доносов, подделки завещаний и печатей на документах и даже отравления родных людей, приобщившихся к культу. Дело пахло ни много ни мало подготовкой государственного переворота. Существовал ли он на самом деле, или мистическая экзальтированность обрядов была использована в политической борьбе двух враждующих в то время между собой в Риме партийных группировок — приверженца старых традиций *Катона Старшего* и сторонника греческой культуры знаменитого полководца *Сципиона Африканского* — утверждать однозначно трудно. «Заговор» был раскрыт по доносу рабыни, прислуживавшей во время оргий.

В 186 г. до н.э. консул Постумий издал указ о розыске и аресте жрецов и участников Вакханалий, а римский Сенат принял специальное суровое постановление о запрещении празднования Вакханалий, поддержанное решением уважаемых в Риме жрецов-понтификов. Его особо рьяные приверженцы были обвинены в насаждении разврата и предательстве интересов государства; более семи тысяч из них были жестоко наказаны. По словам Ливия, «казнено было больше, чем брошено в оковы». Осужденных на смерть женщин передавали родственникам для казни, а при отсутствии таковых их казнили публично, как и мужчин. Столь сурово расправились с теми, кто посягнул на традиционную римскую мораль и общественные устои.

По всей Италии были разрушены святилища Вакха. Заметим, что государство вмешалось только тогда, когда отправление Вакханалий стало массовым, захватив и часть римских граждан, и поэтому опасным для тесно взаимосвязанных нравственных и религиозных устоев римского общества. Политическая направленность проведенных мероприятий явствует из того, что Вакханалии не были запрещены, но лишь введены в безопасные, хотя и достаточно узкие рамки под контролем римских должностных лиц. Впрочем, это отнюдь не уничтожило сам культ, и во времена Империи он постепенно возродился, хотя и не в столь крайних формах.

Триумф

Триумфа удостоивался римский полководец, который обладал *империем*, т.е. высшей военной властью, и самостоятельно командовал войском. Право справить триумф присуждалось специальным постановлением Сената после тщательного разбора заслуг полководца. Одним из главных требований было успешное завершение целой войны с заключением мира. Свидетелем этому выступало войско. В виде исключения могли присудить триумф и за неоконченную, но победоносную войну. Само название «триумф» восходит к древнему латинскому (по другим данным — этрусскому) восклицанию: «триомпе!» («прыгай, радуйся!»). Он был обращен к Марсу — богу войны и могучих сил природы, покровителю римского народа. Но очень рано почести во время триумфов начали воздавать Юпитеру.

До получения разрешения военачальник не имел права вступать в Рим, и Сенат собирался, чтобы выслушать его отчет, в храме богини войны Беллоны за городской чертой. После этого сенаторы, по решению Народного собрания, назначали день триумфа. В день славы триумфатор во главе победоносных легионов вступал в город от Марсова поля в сопровождении шумной толпы через специально воздвигнутые Триумфальные ворота. Процессия двигалась через *Фламиниев цирк* и *Большой цирк* вокруг Палатина и по Священной улице на Капитолий к *храму Юпитера*. Триумфатор ехал на круглой колеснице, запряженной четверкой белых лошадей. Колесницу окружала толпа родственников и клиентов. Как правило, в шествии принимали участие и многие сенаторы. Виновник торжества был облачен в специальную триумфальную одежду: пурпурную тунику, вышитую пальмовыми ветвями («тунику Юпитера»), и белоснеж-

ную тогу. Позади него стоял раб, он держал над его головой золотой венец (позднее корону) и время от времени шептал ему на ухо: «Оглянись и помни, что ты — человек». Перед колесницей несли военную добычу, гнали жертвенных животных и вели знатных пленников. Впереди шли ликторы, а за колесницей — музыканты и певцы, распевавшие триумфальные песни.

Следом двигалось остальное войско, распевавшее иногда похвальные песни, а иногда и шуточные куплеты, осмеивавшие полководца. Во время триумфов солдатам разрешались любые вольности по отношению к нему, чтобы его гордость не была чрезмерной и не раздражала богов.

Под непрерывные крики толпы «Ио! Триумпе!» («Ура! Радуйся!») шествие приближалось к Капитолию, где его ожидала основная часть сенаторов и магистраты в торжественных одеяниях! В храме Юпитера Капитолийского триумфатор приносил в жертву быка, снимал с себя золотую корону и вручал ее статуе бога, а также жертвовал храму часть военной добычи. Затем он распускал воинов, вручив им щедрые подарки или пообещав одарить в дальнейшем. В эпоху расцвета могущества Рима суммы денежных подарков достигали астрономических высот, а с I в. до н.э. к ним еще добавлялись земельные пожалования ветеранам из личных имений полководца (или приобретенных на деньги от продажи добычи). Затем с празднованием триумфа стали совмещать игры по обету, различные зрелища и раздачу подарков для народа. Завершалось празднество роскошным пиром для участников процессии и престопадаря.

Подчас захваченной добычи было так много, а тщеславие похвастаться ею столь велико, что торжества продолжались в течение нескольких дней. Например, во время триумфального шествия победителя греков Марка Фульвия в конце III в. до н.э. по улицам Рима везли сто золотых венков, каждый весом в 12 фунтов, 83 тысячи фунтов серебра, 243 фунта золота, не считая сотен тысяч золотых монет, — только общий вес такой горы металла должен был превышать пятьдесят тонн. Добавим к ним почти тысячу бронзовых и мраморных статуй, груды оружия и даже метательные машины — баллисты и катапульты. А перед колесницей другого триумфатора, *Гнея Помпея*, в I в. до н.э. несли десятки таблиц с названиями стран и народов, над которыми справлялся триумф, а в казну он внес монеты и золотой утвари на 20 тысяч талантов. В торжественном шествии двигались колесницы и носилки, украшенные золотом: там было ложе персидского царя Дария и трон самого понтийского царя Мит-

ридата Эвпатора. По велению Помпея торжественно несли скипетр этого царя и изображение в восемь локтей величиной (более трех метров), сделанное из литого золота (сам Митридат покончил с собой и доставить его живым в цепях, увы, не удалось!)

Огромной пышностью отличался во II в. до н.э. триумфальный въезд *Луция Эмилия Павла*. Всего перед его колесницей было пронесено захваченного в Греции и Македонии золота и серебра на 12 млн сестерциев. Столь громадная сумма произвела неизгладимое впечатление на еще не привыкших к таким роскошествам римлян. Позднее *Цезарь* во время галльского триумфа вступал на Капитолий уже при огнях, сорок слонов шли справа и слева. Солдатам он роздал по 24 тысячи сестерциев и земельные наделы. Вдобавок он устроил пир и раздачу мяса, а после испанского триумфа — еще два обеда.

Все празднество было проникнуто внутренним религиозным смыслом. Так, белые лошади считались собственностью Юпитера, как и пурпурная туника и золотая корона триумфатора. Римляне верили, что во время торжества сам бог Юпитер незримо едет на колеснице и принимает знаки почтения и восхваления. Этим и объясняются слова раба, напоминавшего триумфатору, что он не бог, а только его временный представитель.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ливий Андроник — просветитель из Тарента

Грек по происхождению, уроженец Тарента **Ливий Андроник** (284—204 гг. до н.э.) попал в Рим еще ребенком и стал клиентом рода Ливиев (отсюда и имя). Там он получил образование и перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера старинным размером народной поэзии — сатурновым стихом. Его «Одиссея» была упрощенным переложением оригинала, но она несла в себе черты римского колорита и стала первым крупным литературным произведением на латинском языке. Его долго еще учили в школах.

Невий — первый стихотворец

Гней Невий (270—201 гг. до н.э.) был родом из Кампании. Он участвовал в Первой Пунической войне и впоследствии создал целое эпическое произведение об этих событиях. Но содержание поэмы гораздо шире: она повествует о легендарных временах —

об уходе Энея из Трои и основании Рима Ромулом. Следуя примеру Гомера, этот рассказ вставлен в основное повествование о ходе войны и дан в виде отступления. Поэма была написана сатурновым стихом, но до наших дней не дошла. Сохранилось лишь 60 небольших фрагментов. Писал Невий и комедии, в которых не скрывал своих демократических пристрастий. Он иронически отзывался о *Сципионе*, а по поводу Метеллы сказал: «Судьбою злой Метеллы в Риме консулы». За свои стихи он был посажен в тюрьму, откуда вышел благодаря заступничеству плебейских трибунов. Но все же он вынужден был удалиться в изгнание в город Утику, где и умер во время осады его римским войском.

Энний — реформатор латыни

Квинт Энний (239—169 гг. до н.э.) был родом из Бруттия и принадлежал к высшей аристократии. Он прекрасно владел осским, латинским и греческим языками. Энний служил в римском войске на Сардинии, откуда его привез в Рим *Катон*. Здесь он подвизался преподаванием литературы, получил права римского гражданства и сблизился с Сципионом, которому посвятил поэму. Своим творчеством Энний служил интересам Рима и работал над созданием самостоятельной римской литературы. При этом он считал, что греческая литература должна обогащать римскую, но не лишать ее самобытности.

Энний первым ввел в латинскую поэзию греческий гекзаметр. Но он являлся не только реформатором латинского стиха, но и создателем латинского стиля в римской поэзии. Его крупнейшим произведением была поэма «Анналы» в 18 книгах, которая легла в основу всего римского эпоса. В ней последовательно освещалась вся история Рима с легендарных времен до Македонских войн. Кроме того он написал шесть трагедий. Некоторые из них — переделки греческих сюжетов (трагедия «*Ликург*»), другие создают жанр чисто римских трагедий «претекста» (их герои носили тоги-претексты с пурпурной каймой). Его перу принадлежат и первые римские комедии, близкие *ателлане*.

Плавт: и вечный смех!

Самый известный римский драматург **Тит Макций Плавт** (254—184 гг. до н.э.) был родом из Умбрии. Прибыв в Рим, он поступил на службу актером, торговал, но неудачно, работал по найму, а в свободное время писал комедии, из которых сохрани-

лось двадцать. Комедии Плавта были близки к греческой комедии, но отдавал дань он и римскому фольклору, в них чувствуется дух праздничной игры. Его комедии по сравнению с греческими отличает пристрастие к балаганной игре, клоунаде, сюжет же оттеснен на второй план. Он уделяет внимание насмешкам над неудачливым воином, поруганию сводника, перебранкам рабов. Комедийные маски приобретают гротескные черты. Вообще рабы занимают особенно большое место в его комедиях. Они всегда находчивы и остроумны, благодаря им обычно и развивается действие, которое происходит в Греции, но наполнено чисто римскими реалиями. Язык его героев выразителен и насыщен шутками, песенками, каламбурами. О содержании говорят даже названия многих его комедий: «Раб-обманщик», «Хвастливый воин», «Горшок», «Пленники». А сюжет его комедии «Близнецы» был использован столетия спустя великим Шекспиром в «Комедии ошибок». Комедийные приемы Плавта вошли в сокровищницу мирового комедийного искусства.

Теренций — комедиограф положений

Младшим современником Плавта и его продолжателем в деле развития самобытной римской драматургии был **Публий Теренций Афр** (195—159 гг. до н.э.). Уроженец Карфагена, он был рабом сенатора Теренция Лукана, давшего ему образование и свободу. В 60-е годы II в. до н.э. он поставил на сцене всего шесть комедий, все они дошли до нас. Это комедии «Девушка с Андроса», «Самоистязатель», «Евнух», «Формион», «Свекровь» и «Братья». Но во время путешествия в Грецию он преждевременно скончался. Наибольшее влияние на него оказал великий греческий драматург Менандр, многие сюжеты которого Теренций творчески перерабатывал применительно к римской жизни. В его пьесах нет грубого комизма, как у Плавта, язык его более литературный и изящный, поведение героев лишено крайностей, а потому более жизненно. Конфликт его героев обычно построен на случайности, что и приводит к смешным ситуациям, которые благополучно разрешаются после выяснения недоразумения.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Роль и место театра в Риме разительно отличается от Древней Греции, где театральные представления являлись неотъем-

лемым атрибутом культуры и воспитания гражданина, входили в его плоть и кровь. Они были религиозным действием, с одной стороны, и способом выражения народного самосознания — с другой. Римский же театр, как это ни прискорбно, не относится к явлениям оригинальным, самобытным, воплощающим дух и душу народную, и не может похвастаться великой любовью самого народа.

Впрочем, римляне также были не чужды интереса к лицедейству. Игровая культура получила распространение у них с древнейших времен, органично входя в живую ткань религиозных обрядов и общинных празднеств. Гимны богам, ритуальные заклинания, веселые игрища и пляски с шутками и прибаутками, карнавальными масками и магическими переодеваниями сопровождали торжественные обряды и жертвоприношения.

Постепенно театральное искусство пробило дорогу к сердцу римского зрителя; постановки спектаклей включаются в программы государственных празднеств, игр по обету частных лиц. Пьесы даже представляют во время поминальных игр. Первым познакомил римлян с трагедией уроженец Греции *Ливий Андроник*. Основным репертуаром были греческие или переведенные с греческого языка трагедии и комедии. Последние пользовались большей популярностью, и во II в. до н.э. стали появляться римские переделки греческих образцов. Обычно спектакли перемежались с цирковыми представлениями и гладиаторскими боями, причем по посещаемости и интересу занимали место явно позади них. Например, комедиограф *Теренций* сетовал на провал своей пьесы «Свекровь» из-за того, что в то же время открылись соревнования борцов и канатоходцев, куда прямо со спектакля повалила публика.

Римские театры имели право посещать все без исключения. В отличие от Греции женщины могли смотреть как трагедии, так и комедии; в театр допускались даже рабы и рабыни-няньки с маленькими хозяйскими детьми. Первые ряды отводились сенаторам и другим знатным должностным лицам. Император Август, узнав, что некоему сенатору пришлось в переполненном зале довольствоваться дальним местом, распорядился возобновить правило закреплять за сенаторами места в орхестре (своего рода партере). Многие бедняки специально занимали заранее места получше, чтобы потом за двойную плату перепродать их опоздавшим хлыщам. Большинство же мест были стоячими.

Атмосфера в театрах была живой и непосредственной. Зрители бурно реагировали на игру актеров и еще живее на все, что

происходило в зрительном зале. Они громко приветствовали знакомых или знаменитостей, обсуждали достоинства актерской игры и их одеяния, захлопывали понравившиеся шутки комических персонажей и освистывали напыщенных героев трагедий.

Театр

Долгое время актеры в Риме разыгрывали только акробатические, певческие и танцевальные номера на небольших временных подмостках — эстраде, вокруг которой устанавливали деревянные скамьи для зрителей, но большинство наблюдало действо стоя. Для представления серьезных драматических пьес приглашались актеры из Греции. Эту иноземную моду без особого успеха пытались ввести в Риме во II в. до н.э. полководцы Фульвий Нобилиор, *Квинций Фламинин* и *Эмилий Павел*, которые, возвращаясь из завоеванной Греции, везли в обозах своих триумфальных процессий актеров и мимов в качестве трофея. Но римский Сенат всячески противился чуждым римскому духу изнеженным веяниям — попытки построить в Риме постоянный театр по греческому образцу длительное время пресекались.

Поэтому первый театр в Риме был построен только в середине I в. до н.э., городским *эдилом* Марком Эмилием Скавром. Он был сделан из дерева и имел сидячие места на 80 тысяч человек. В 52 г. до н.э. на деньги *Гнея Помпея* был сооружен второй римский театр. Открытие его прошло пышно, сопровождалось разнообразными играми и в самом театре, и в цирке, и в амфитеатре, которые продлились несколько дней. Театр Помпея надолго стал предметом гордости римлян.

Римский театр имел ряд отличий от древнегреческого: он строился не на склонах холмов или скал, а на ровном месте и представлял собой четырехугольное здание со зрительным залом в форме полукруга. Ряды зрителей пронизывали проходы, а с верхних ярусов вниз вели лестницы. Римскому театру не требовалась орхестра для хора перед сценой, и ее место заняли дополнительные места для почетных зрителей — прообраз будущего партера. Сама же сцена была более длинной и глубокой, на общих подмостках (пульпите) могли выступать вместе с актерами музыканты, хор и танцоры. Новинкой был занавес, который, правда, не поднимался, как в современных театрах, а опускался в антрактах в особую щель на краю сцены. Чрезвы-

чайно изощренными были сценические декорации, гораздо более разнообразные, чем в греческом театре. Зал и сцена были украшены росписями, колоннадами, статуями, для прохлады имелся даже фонтан. От непогоды зрителей защищала крыша, а портики, украшенные колоннами, обрамлявшие театр снаружи, позволяли публике укрываться в ожидании спектакля от жарких лучей солнца или от ливня.

Фесценнины

На торжествах в честь сельских богов, на праздниках урожая, а чаще всего на свадьбах можно было услышать полные насмешки, задорные, зачастую едкие и язвительные куплеты, известные под именем фесценнины (как полагают, оно произошло от этрусского города Фесценнии). Это были народные сатирические песни или стихи в форме диалога, которые *Гораций* называл «италийским остроумием».

Гистрионы

Из Этрурии были заимствованы сценические представления актеров — гистрионов. Впервые они были приглашены в Рим во время страшного мора 363 г. до н.э. Вначале их представление состояло из красивых телодвижений без слов и жестов. А вскоре и в Риме молодежь (во все времена падкая на новое и необычное) стала перебрасываться шутками «в нескладных стихах» и подражать гистрионам в жестах.

Мало-помалу гистрионы в Риме стали настоящими актерами и перешли от фесценнин и экспромтов к исполнению *сатур* — драматическо-песенных импровизаций в стихах, положенных на музыку. При этом пение сопровождалось игрой на флейте и жестикуляцией, которыми занимались мальчики и юноши; постепенно они стали подменять гистрионов в разыгрывании комических сценок и пении. Гистрионы же стали играть более серьезные сюжеты — пьесы.

Ателлана

Шутки и пение юношей на праздниках постепенно превратились в Риме в самостоятельный жанр — ателлану. Возможно, это название происходит от города племени осков Ателлы. Так называли комические сценки в стихах, которые разыгрывали актеры-импровизаторы по определенной схеме и с устоявшимися персонажами; многие носили характер откровенного фарса. Актеры при этом выступали в характерных масках. Любопытно, что в отличие от ремесла актера-гистриона исполнение ателлан не считалось занятием «низким». Ателлана пере-

жила все иноземные влияния и сохранилась в римских театральных представлениях в виде эксодия — заключительного дивертисмента к основной пьесе. Постепенно римские комедиографы успешно разрабатывали этот жанр, усложняли его сюжетные ходы. Нередко в ателланах затрагивались злободневные события и попирались нормы фарисейской морали. Весь Рим в I в. до н.э. обошла ателлана, где знаменитому полководцу *Цезарю* за любвеобильность был приклеен эпитет «старого козла, который лижет козочек».

Сатура

Буквально слово это означало «блюдо из смеси разных плодов», т.е. «смесь» (наподобие совр. «варьете»). Этот самобытный жанр чисто римской поэзии возник в начале II в. до н.э. в творчестве *Энния*, развит в знаменитых «Менипповых сатурах» *Варрона* (I в. до н.э.) и романе *Петрония* «Сатириконе» (I в. н.э.). В сатурах смешивается поэзия и проза, серьезное и смешное, высокое и низкое. Часто они имеют форму притчи или басни, а иногда и назидания или просто анекдота. Этот легкий жанр позволял в доступной народу форме вести речь о современных событиях, осмысливать их, обличать и развлекаться. Основоположником полностью стихотворной сатуры был талантливый поэт Гай Луцилий (ок. 180—102 гг. до н.э.). В его творчестве она становится жанром обличения и совпадает с привычной для нас сатирой. Луцилий нападал на пороки современного ему общества: он осуждал клевтвопреступление, жадность и роскошь, но затрагивал и литературные темы.

ЦИРКОВЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Важное место в ряду римских зрелищ занимали цирковые состязания. Истоком их были бега лошадей и мулов, которые с незапамятных времен происходили во время праздника Консуалий в честь бога сжатого хлеба Конса, которого позднее стали отождествлять с Нептуном-конником.

Большой цирк

Место проведения конных бегов в долине между холмами Палатин и Авентин получило еще в царскую эпоху название *цирк* — слово, обозначающее любую фигуру без углов. Предание приписывает выбор этого места для чествования божеств царю Тарквинию Древнему. Но лишь в 329 г. до н.э. впервые на скло-

не долины были выстроены стойла, из которых выезжали колесницы. С тех пор он был известен как «Большой цирк».

Большой цирк представлял собой вытянутый прямоугольник с закруглением одной из узких сторон. В длину он имел 644 м, а в ширину 123 м. В эпоху Поздней республики цирк был способен вместить до 250 тысяч зрителей. По склонам холма естественным амфитеатром вздымались ряды со скамьями для зрителей; в эпоху Империи позади них были надстроены этажи для увеличения количества рядов. На полукруглой дуге размещались двенадцать стойл для колесниц, во время заездов они открывались все разом. А между ними находились ворота для входа торжественной процессии — Ворота Помпы.

Спина

Через всю арену цирка по ее длине тянулась низкая стена (спина), разделявшая ее надвое. На ней разместили многочисленные статуи, алтари и жертвенники каких-то очень древних земледельческих культов, некогда стоявшие здесь. Римляне сочли кощунством убирать их. На окончаниях стены были установлены островерхие башенки и тумбы — меты, отмечавшие поворот, старт и финиш. Во время состязаний колесницы должны были огигать их, летя вдоль стены сначала по одной, потом по другой стороне арены. На башенках в середине II в. до н.э. стараниями цензоров установили «счетчики» в виде колонн с семью шарами и семью мраморными дельфинчиками наверху; после каждого поворота колесниц служитель снимал один из шаров, отмечая круг.

Помпа

В эпоху Республики цирковые игры открывались торжественной процессией (помпой), которая напоминала триумфальную. С Капитолия от храма Юпитера она спускалась на Форум и вступала в цирк через Ворота Помпы, огигая арену. Во главе ее шествовал магистрат — устроитель игр, одетый в тунику, расшитую пальмовыми листьями и пурпурную тогу. Вокруг него толпились друзья и клиенты; за ними следовали музыканты и участники игр: возницы, борцы и всадники. Дети и юноши исполняли военный танец, отплясывали ряженные в шкурах баранов и козлов. Несли также статуи главных богов Юпитера, Юноны и Минервы или их символы (сову, павлина и молнию соответственно) в особого вида открытых ларцах на повозках (тенсах), которыми правили мальчики знатного рода. Итак, все главные боги лично присутствуют на играх! Столь великое значение придавали римляне цирковым состязаниям.

Фламиниев цирк

С именем популярного цензора Гая Фламиния Непота связано и сооружение в Риме второго цирка для устройства в нем государственных празднеств и игр. Количество их в III в. до н.э. значительно возросло, в частности были учреждены *Плебейские игры*. Поэтому уже в 221 г. до н.э. около Марсова поля на лугу, также издревле называвшемся Фламиниевым, был выстроен Фламиниев цирк, остатки которого сохранились до XVI в. Он имел немалые размеры — 400×260 м — и стал одним из красивейших сооружений подобного рода в Риме. В дни Плебейских игр его заполняли толпы народа, славящего Фламиния за то, что он дал простому народу возможность и место достойно справлять и свои праздники. В программу игр, помимо прочего, входили конские скачки. Также в цирке Фламиния раз в пять лет 25 и 26 июня устраивались и Таврские игры.

Цирковые ристания

Состязания колесниц были неперменной частью большинства римских гражданских и религиозных празднеств: *Римских и Плебейских, Аполлоновых и Мегалезийских игр*, Августалий и Марсовых праздников, учрежденных Августом в конце I в. до н.э., и т.д. Всего бегами в цирке было занято 64 дня. Наконец, аплодисменты зрителей возвещают начало бегов. Одновременно открывались ворота стойл, и на беговую дорожку вылетали шесть колесниц, запряженных четверкой коней (квадриги). Иногда колесниц бывало восемь и даже двенадцать. В эпоху Республики число заездов не превышало 10—12, но тщеславные императоры, стремясь поразить подданных невиданным размахом, постоянно увеличивали их число, не считаясь с качеством.

Зрелище стремительно несшихся лошадей с развевающимися гривами, возниц в разноцветных хитонах, ловко управляющих с вожжами и хлыстом, мелькание блестящих спиц раскрашенных квадриг, — все это производило неизгладимое впечатление на зрителей, которые, затаив дыхание, наблюдали, как одна за другой упряжки вписывались в опасный поворот у первой меты, стремясь отеснить друг друга с внутреннего круга. Поднимая столбы пыли, колесницы бешено мчались вокруг спины, и служители снимали с подставки один шар за другим, отмечая круг.

Гонки требовали большой осторожности и мастерства от возницы, особенно на поворотах, где чаще всего возницу подстерегала опасность налететь на мету, задеть осью колесницу соперника, перевернуться и даже разбиться насмерть. В этом случае жизнь возницы висела в буквальном смысле слова на волоске ременных поводьев — их следовало мгновенно перерезать острым ножом, который каждый возница хранил за поясом. Только так можно было избежать верной смерти. Но не проходило ни дня состязаний, чтобы какая-нибудь колесница не переворачивалась и очередной возница не становился, в лучшем случае, инвалидом. Семь раз должен был возница повернуть разгоряченных коней у роковой меты, семь раз обогнуть арену, чтобы достичь заветной черты, проведенной мелом у трибуны устроителя игр, обозначавшей финиш, и получить в награду пальмовую ветвь и бурю оваций зрителей.

А на смену колесницам выезжали наездники, которые, ловко стоя на лошадях, на полном скаку проносились мимо трибун, проделывая головокружительные трюки под крики восхищенной толпы. Образуя отряды, всадники разыгрывали целые конные сражения. Кроме конских состязаний, в цирках также устраивали соревнования бегунов по греческому образцу, борьбу и кулачные бои атлетов, а с конца II в. до н.э. и кровавые бои гладиаторов, пока не были построены специальные *амфитеатры*.

А на трибунах и ярусах для публики смешивались все слои общества, яркая пестрота причудливых женских одеяний оживляла сверкающую белизну мужских тог, здесь предоставлялась прекрасная возможность лицезреть высших сановников, а позднее и самих императоров, завязать нужные связи и ни к чему не обязывающее знакомство, заключить пари и поставить деньги на полюбившегося возницу, получив жетон античного «тотализатора» — тессеру.

Венеты и прасины

Каждый возница на конских ристаниях выступал в одежде определенного цвета, отличающего его команду. В императорском Риме сложилось четыре таких «команды» (факции) цирковых гонщиков: «белые» (альбаты), «красные» (руссаты), «зеленые» (прасины) и «голубые» (венеты). Различались они по цвету туник возниц. Цирковые «партии» включали целый штат причастных к гонкам людей — от конюхов, ремесленников и ветеринаров до владельцев племенных табунов и казна-

чиев. Возглавлял их «хозяин партии». Многие видные горожане и крупные государственные сановники примыкали к той или иной партии. В Риме они переросли в настоящие общественно-политические группировки, которые объединяли даже далеких от бегов людей и переносили борьбу друг с другом с цирковой арены на политическую.

Атлеты

Увлекались римляне и чисто спортивными зрелищами, прежде всего, выступлениями атлетов и борцов. Борцы были издавна известны римлянам, они были непременным атрибутом многих сельских и местных праздников. Первые соревнования атлетов (а так, в отличие от Греции, назывались кулачные борцы) организовал в Риме в 186 г. до н.э. Марк Фульвий Нобилиор, воевавший в Греции с Филиппом V. Бывало, что в роли атлетов выступали и гладиаторы, отличавшиеся необыкновенной физической силой, а состязания продолжались по три дня. Силач Атанат, к примеру, выходил на помост в панцире из олова весом в 500 фунтов (около 163 кг) и в котурнах такого же веса. Император Нерон позволил наблюдать состязание обнаженных атлетов даже девственным весталкам, так как в греческой Олимпии это зрелище доступно жрицам Цереры.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

В конце II в. до н.э. Римское государство вступает в новый период своего развития. В науке он определяется как *Поздняя республика*. За четыре столетия Рим прошел долгий и трудный путь: от скромной общины на холмах близ Тибра, окрестные поля, которой можно было окинуть взором, до столицы огромной Средиземноморской державы с многомиллионным населением, сотнями городов и обширными заморскими провинциями. Столь глубокие изменения не могли не сказаться на внутреннем состоянии самого римского общества и государства. Оно вступает в грозную эпоху кризиса полиса, которую определяет разложение древних традиций и крушение полисных институтов организации и управления, сопровождавшиеся острыми социальными конфликтами и кровавыми гражданскими войнами.

На первый взгляд, властелин мира Рим по-прежнему сохранял внешние черты, характерные для полиса. Им управляли консулы, текущие дела обсуждал Сенат, а высшим органом власти по-прежнему оставалось Народное собрание — *трибутные комиции*, которые выбирали должностных лиц и принимали законы. Но эта обветшавшая оболочка, словно отстающая луковичная шелуха, уже не соответствовала внутренней сущности римского общества.

Завоевательные войны, ограбление провинций и быстрое развитие рабовладения углубляли пропасть между богатеющей правящей верхушкой и большинством простого народа, сохранявшего архаическое название *плебса*. Нарушалось относительное равенство гражданского коллектива — неперенное условие стабильного существования полиса. Рост числа рабов подрывал мелкое производство — наиболее глубокую основу полисных порядков. Прежние мелкие и средние земельные владения, которые обрабатывали все граждане, были к I в. до н.э. почти вытеснены крупными хозяйствами — виллами и латифундиями, где трудились армии рабов.

Теперь уже землевладелец не снабжал себя сам всем необходимым для жизни: от домотканого полотна до домашнего вина и масла, продавая на местном базаре лишь небольшие излишки своего труда, чтобы поправить сломанный лемех плуга или обновить запас глиняной утвари. В период Поздней республики рабовладельческие виллы стремятся производить как можно больше продукции, и высокого качества, и продавать ее целиком на рынке, причем не только в соседней округе, но и по всему Средиземноморью. Исчезает еще один характерный признак полиса — замкнутость хозяйства, обеспечивающего себя всем необходимым и независимого от внешних обстоятельств.

Источником поступления огромных денежных средств становится практически узаконенное ограбление провинций, число которых растет, как на дрожжах. Для управления ими требуется все больше людей, прежде всего из числа нобилей, и каждый наместник вместе со своей администрацией считает долгом выкачать из несчастных провинциалов, на которых смотрели, как на подневольных клиентов, как можно больше средств. Прослужить свой срок в провинции и сказочно не обогатиться считалось в среде сенаторского сословия верхом глупости и нерасторопности. Например, даже выдавших виды римлян потрясло, что в конце 70-х годов I в. до н.э. за три года правления наместник Сицилии Гай Веррес присвоил более 40 млн сестерциев! Сколоченные таким образом огромные состояния нобилей шли на устройство новых вилл, расширение ремесленных мастерских, что немало способствовало расцвету италийского хозяйства.

Но чудовищные размеры приняла и роскошь, которой окружали себя вырождавшиеся потомки древних суровых мужей, некогда ковавших славу и мощь Рима. Борьба с роскошью становится излюбленным занятием политиков-моралистов Поздней республики, но оканчивается победой ... роскоши. Поражавшие

воображение современников обилием и изысканностью «пиры Лукулла», тенистые сады Мецената и Цезаря с экзотическими растениями, раскинувшиеся на месте прежних свалок и трущоб, становятся неотъемлемым знаком времени. Огромные средства начинают тратиться на устройство общественных празднеств и угощений для масс римского городского плебса — наступает эпоха «хлеба и зрелищ»!

В Поздней республике расцветает городское строительство. Города украшаются величественными храмами из ценнейших пород мрамора и изящными особняками патрицианской знати. Строгость линий и скромность отделки строений уступают место вычурности и помпезности. Драгоценные изваяния богов и земных властителей Рима из золота, каррарского мрамора и слоновой кости украшают перистили и таблинумы дворцов, залы общественных зданий и *Форум*. Усложняется традиционная планировка домов, особенно высшего света. Отеческий атрий как центр жилища римлянина со священным домашним очагом оттесняется залами, убранными в греческом стиле, и обширными внутренними дворами с перистилиями.

Появляется новый тип общественных сооружений — базилика, огромное здание, нередко в несколько этажей, с крытыми внутренними галереями и внешними портиками. В них кипит торговля, собираются на совместные празднования религиозные и ремесленные коллегии, заключаются торговые сделки и разбираются тяжбы, обучаются грамматике и риторике дети и ведут философские беседы ученые мужи. Именно в базиликах отныне сосредотачивается общественная жизнь. По популярности они уступают только термам, где римляне не только моются, но и отдыхают, встречаются, читают книги из библиотек при термах. В период Поздней республики возводятся первые постоянные здания театров, где заезжие из Греции и местные знаменитые актеры разыгрывают пьесы римских авторов, и амфитеатров, арены которых все чаще обгаются кровью гладиаторов.

Как бы в противовес нестабильной обстановке и постоянным кровавым усобицам в последний век Республики отмечается небывалый взлет культуры. Расцветают литература и общественная мысль, которые все более проникаются личными, подчас интимными переживаниями человека, философскими раздумьями и идеями сильной руки, благотельного порядка. Недаром I в. до н.э. по праву называют «золотым веком» римской литературы, эпохой «классической» латыни.

Движение *братьев Гракхов* в 30—20-е годы II в. до н.э. было попыткой возродить мелкое и среднее крестьянство, а вместе с ним основу военного и хозяйственного могущества римского полиса. Но сенатская аристократия объявила эту благотворную попытку покушением на устои государства и нанесла первый серьезный удар по самим основам существования полиса — среднему и мелкому крестьянству. Вслед за этим государство лишилось экономической базы полиса — фонда общественных земель, совместной собственности всех граждан. Земли по закону *Спурия Тория* 111 г. до н.э. становятся частной собственностью их владельцев, что закрепляет общественное неравенство и торжество рыночных отношений.

Второй важнейший удар последовал в военной сфере. В результате реформ *Гая Мария* исчезает народное ополчение граждан, а вместе с ним и самое живое участие гражданина в защите своего отечества, чувство ответственности за его судьбу. Гражданин-воин уступает место наемному легионеру, лишенному четких политических ориентиров и преданному не отечеству, а штандарту конкретного полководца. В эпоху Поздней республики армия вмешивается во внутреннюю борьбу как сила внешняя, чуждая животрепещущим проблемам государства. И это сыграло роковую роль в судьбе Римской республики.

Возрастает и число граждан. В I в. до н.э. в одном Риме проживает более миллиона человек, а колонии римских граждан оказываются раскиданными по всему Средиземноморью. С предоставлением полных гражданских прав италикам римский полис начинает расседаться. Миллионы новых граждан делают призрачными их права на участие в народоправстве, без чего немыслима полисная демократия. Народное собрание, созываемое, как и в старые добрые времена, по трибам и центуриям, на деле вырождается в собрание римского городского плебса и люмпен-пролетариев, лишенных каких-либо политических пристрастий, кроме «возвышенного» лозунга «Хлеба и зрелищ!». Все более и более политические комиции становятся фиговым листком, с трудом прикрывающим нагло выпирающее наружу всевластие Сената, погруженного в обдελывание своих мелких делишек, и продажность магистратов, «проходной балл» для отправления должности которым обеспечивает теперь не радение о благе общества, а толщина мошны и обильная щедрость в организации бесчисленных игрищ, празднеств и угощений. Тем самым уничтожаются последние остатки народовластия, которые хоть как-то держали на плаву государственный корабль Республики.

На место народоправства, пусть даже формального, приходит открытая эгоистическая власть Сената и узкой алчной прослойки разжиревшего на государственных хлебах *нобилитета*, ревностно оберегающего свои непомерные богатства. Любые попытки посягнуть на их права вершить судьбы народа решительно и безжалостно пресекаются. Улицы Рима все чаще обгаиваются кровью сограждан, поднявших руку на ничем не оправданные привилегии нобилей. Резня сторонников братьев Гракхов, расправа с движением трибуна *Сатурнина*, убийства политических противников с помощью наемных отрядов из рабов и гладиаторов на содержании влиятельных семейств — все это служит кровавым прологом к последующим трагическим потрясениям, открывающим эпоху гражданских войн (именно тогда и возник впервые этот термин!). Но боролись друг с другом не различные слои народа, а враждующие группировки внутри самой правящей прослойки: оптиматы и популяры, сенаторы и всадники, отдельные могущественные фамилии, окруженные сонмом приверженцев и прихлебателей. И боролись они за власть, различаясь, главным образом, способами, какими они стремились эту власть взять, и ценой, которую готовы были заплатить за ее удержание. Соревнование мелких честолюбий и великой подлости, к сожалению, брало верх над отдельными примерами истинного благородства и государственной мудрости.

А коль скоро власть в эпоху Поздней республики была полностью узурпирована Сенатом, то вполне логично, что со временем ее прибирают к рукам наиболее «продвинутые» энергичные деятели, без труда отбрасывавшие обветшалые республиканские догмы, и хваткие полководцы, уверено ощущавшие у себя за спиной мерный топот преданных им легионов. В течение всего лишь одного поколения как-то незаметно сложилась ситуация, когда уже не всевластный Сенат милостиво повелевает своими марионетками-магистратами, а набравшие силу магистраты диктуют угодные законы и распоряжения безропотному и покорному Сенату, по своему усмотрению тасуя его состав. Властелин мира, всемогущий Сенат оказывается заложником и пешкой в сложной политической игре без правил, которую ведут между собой соперничающие группировки и их лидеры.

Закономерным результатом развития такой политики становится идея личной власти, все более пробивающая себе дорогу от кровавых междоусобий Мария и Суллы до войны Октавиана Августа и Антония. Так свершается круговорот: от смертной

казни по «священным законам» за одно только стремление к царской власти в эпоху Ранней республики до раболепного подношения благодарными сенаторами золотых венков освободителям и «спасителям отечества» и далее — к ожиданию стука в дверь центуриона с известием, что «Цезарь приказал им умереть».

Такое преобразование Сената и всего политического строя Республики, на первый взгляд, вызывает удивление. Но не будем забывать, что к середине I в. до н.э. были разрушены — осознанно или нет — практически все полисные институты власти, почти исчезло свободное крестьянство (его место заняли землевладельцы — ветераны легионов), рухнули все препоны, которые способны были сдерживать неумеренное честолюбие рвущихся к власти представителей правящих кругов. Несколько поколений людей отучали чувствовать себя гражданами «общего дела» (*Res publica*), живущими его интересами и готовыми положить жизнь за его благополучие и процветание. Несколько составов сенаторов приучались пресмыкаться перед вождями, которых сами же и выбирали, и раболепствовать перед любой сильной личностью, которая обещала обеспечить им сытную жизнь и бесконтрольное обогащение, усмирить непокорные провинции и укрепить государство перед лицом враждебного варварского мира.

Так завершился круг! Гордый и свободолюбивый народ, за пять веков до того сбросивший власть царей, покоритель половины мира вручил свою судьбу в руки верховному правителю — императору. Так закончилась Римская республика, так началась Империя.

ГРАЖДАНСКИЕ СМУТЫ — ПРОЛОГ В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Тиберий Гракх

Тиберий Семпроний Гракх (162—133 гг. до н.э.) принадлежал к знатному плебейскому роду. Отец его был известным полководцем и политическим деятелем. Мать — дочь Сципиона Старшего — отличалась умом и образованием и после смерти мужа все свои силы отдала воспитанию детей — Тиберия и Гая. Братья были близки к кружку *Сципиона Эмилиана*.

Карьера Тиберия складывалась на редкость удачно. Почти подростком он храбро сражался вместе с Сципионом Эмилиа-

ном под стенами Карфагена. По характеру Тиберий был уравновешенным и, скорее, кротким человеком, всегда готовым к разумному компромиссу, но наделенным обостренным чувством долга и чести, что роднило его с выдающимися мужами Ранней республики в отличие от своекорыстных и лицемерных представителей верхушки нобилитета, развращенной властью и разжиревшей на ограблении провинций.

Он не понаслышке знал тяготы солдатской службы, которые несли на своих плечах римские крестьяне, и воочию видел разложение военной организации Рима из-за массового разорения сельского плебса. Все это утверждало его в необходимости глубоких реформ, чтобы укрепить римскую армию и ее могучую непобедимую основу — римский плебс, сплотить общество, расколотое пропастью между богатством и нищетой, перед лицом внешних, да и внутренних врагов, которыми он считал массы рабов, всегда неверных и готовых к восстаниям. В этом стремлении Тиберия Гракха поддерживали и наиболее дальновидные нобили — его тесть Аппий Клавдий, Лициний Красс, консул 133 г. до н.э. Муций Сцевола и другие.

Реформа Тиберия Гракха

Аграрная реформа назрела давно, но неоднократные попытки разных деятелей всего лишь предложить ее для обсуждения встречали яростный отпор со стороны Сената. Дело в том, что подавляющая часть земель, входившая в *общественное поле* (*ager publicus*), считалась, как мы помним, собственностью всего римского народа. Но именно сенаторские роды и фамилии привыкли бесконтрольно арендовать (оккупировать) огромные участки общественных земель и владеть ими из поколения в поколение, рассматривая их как свою собственность. Естественно, любое посягательство на установленный (кстати, самим же Сенатом) порядок расценивалось сенаторами — крупными землевладельцами — как подрыв устоев государства и чуть ли не мятеж против Рима. Да и многие всадники прихватывали себе именья на общественной земле, особенно в провинциях и умело спекулировали земельными наделами. Так что и с этой стороны аграрная реформа не встречала сочувствия. Главной опорой Гракха стал народ и прежде всего сельский плебс.

В декабре 134 г. до н.э. Тиберий Семпроний Гракх был избран *плебейским трибуном* на следующий год. И вскоре он вынес

на одобрение трибутных комициев законопроект по земельной реформе. Опираясь на старый и уже не соблюдавшийся нобилями закон *Лициния—Секстия*, Тиберий предлагал ограничить пределы *оккупации* общественных земель. Глава фамилии не мог иметь отныне более 500 югеров (125 га) угодий на себя лично и по 250 югеров на каждого взрослого сына. Но верхний предел не должен был превышать для семьи в целом тысячи югеров (250 га), кстати, вполне приличный кусок земли для ведения товарного хозяйства! У тех, чьи владения были больше, излишки изымались за особое вознаграждение (не даром!). Из этих излишков распределяли участки по 30 югеров (7,5 га) между безземельными крестьянами в вечное пользование. При этом крестьянин мог передать надел по наследству, но не продать: иначе — справедливо полагал Тиберий — вскоре все участки вновь скупят нобили и всадники. Иными словами, крестьянин не становился частным собственником земли.

Как видим, в своих замыслах Тиберий не выходил за рамки римских традиций, он лишь потребовал строгого исполнения уже принятых законов. Но это справедливое и по праву, и по совести предложение вызвало бешеную ненависть нобилей. Для поддержки законопроекта со всех уголков Италии устремились в Рим сельские плебеи, оставляя свои крохотные наделы. Борьба за аграрный закон превращалась в массовое народное движение, но Сенату было не до народа. Он решил сокрушить Тиберия с помощью своего ставленника, другого плебейского трибуна Марка Октавия, который и сам был крупнейшим владельцем общественных земель. Используя трибунское право вето, Октавий прямо с трибуны в Народном собрании наложил запрет на голосование по законопроекту под предлогом, что он затрагивает интересы римских граждан (такowymi он считал, конечно, сенаторов).

Отчаявшись переубедить Октавия, Тиберий прибег к неслыханному шагу — поставил на голосование вопрос: «Может ли быть плебейским трибуном тот, кто идет против интересов плебеев»? Большинством триб Октавий был отрешен от должности. Это стало первым в римской истории нарушением «священных законов» о неприкосновенности личности плебейского трибуна. Впервые воля Народного собрания была поставлена выше права магистрата. Такого Рим не знал даже в период ожесточенной борьбы патрициев и плебеев! Не удивительно, что знать расценила поступок Тиберия как мятеж. Был пущен слух, что Тибе-

рий стремится к царской власти и даже, дескать, примерял диадему царя Пергама, тогда же доставленную в Рим вместе с остальными сокровищами царства.

Как бы то ни было, закон без помех был принят, и образована комиссия из трех человек для перераспределения земель. Но работа ее проходила тяжело: за давностью лет нелегко определить границы занятых владельцами участков и самого общественного поля; возникали вопросы по праву владения, по возведенным на арендованной земле постройкам, породившие многочисленные судебные процессы; нередко задевались интересы италийских союзников, чьи земли перемежались с римскими владениями. Завершение работы затягивалось, и Тиберий решил выставить свою кандидатуру в плебейские трибуны на следующий год. Этим он вновь бросил вызов существовавшему порядку — переизбрание на ту же должность два года подряд запрещалось законом. К тому же в период выборов, в июле, сельский плебс потянулся из города, ведь земля требовала работника.

Напряжение нарастало по мере приближения выборов. Тиберий в траурной одежде уверял граждан, что не надеется сохранить жизнь без народной поддержки. Его сподвижники начали готовиться к обороне. Сенаторы в Курии оголтело обвиняли Тиберия в тирании и требовали расправы. Когда же консул отказался совершить беззаконие, наиболее остервенелые сенаторы — главарем их был сам Великий понтифик, престарелый Сципион Назика, — подхватив скамьи и дубины, устремились на Форум, где уже шло голосование в пользу Тиберия. Потасовка с приверженцами Гракха переросла в кровопролитную схватку, во время которой были убиты сам трибун и более трехсот его сторонников. Трупы погибших «достойные» сенаторы бросили в Тибр. Однако сенаторы не осмелились разогнать гракханскую комиссию по наделению землей. А Сципион Назика, несмотря на высокий пост понтифика, вынужден был покинуть Рим, где его в глаза называли убийцей, и умер в изгнании.

Всего несколько месяцев было отпущено судьбой Тиберию Гракху для осуществления своей мечты. Но его реформаторский порыв всколыхнул все римское общество, взорвал все обветшалые устои традиционного города-государства и стал прологом к бурным событиям, почти столетие сотрясавшим Римское государство.

Гай Гракх

Трагическая смерть Тиберия Гракха потрясла римлян, но силы народа оказались слишком разрозненными, чтобы дать отпор убийцам народного вождя. Однако дело его продолжил младший брат **Гай Семпроний Гракх** (153—121 гг. до н.э.). Древние авторы рисуют его человеком убежденным, энергичным и стойким, обладавшим несомненным талантом оратора. Правда, по сравнению с Тиберием он был более решительным и вспыльчивым. Несмотря на молодость, он был избран в комиссию по разделу земель и проявил себя бескомпромиссным исполнителем требований закона, даже после гибели брата. Первое время он, казалось, отошел от политической деятельности. Затем в качестве *квестора* он был направлен в Сардинию. По возвращении его попытались обвинить в причастности к восстанию италиков в городе Фрегеллы, однако плебс оправдал Гая. Но главное поприще Гая Гракха было впереди. Достигнув положенного возраста, Гай Гракх в 124 г. до н.э. выставил свою кандидатуру на должность *плебейского трибуна* и был единодушно избран. Он всей душой был предан идеям реформы брата и не забыл о его трагической судьбе.

Реформы Гая Гракха

Гай Гракх понимал, что сельский плебс, хоть и горячий его сторонник, но недостаточная опора. Для борьбы с нобилями, засевшими в Сенате, нужно было выступить широким фронтом самых разных сил. Поэтому он расширил действие *закона о провокации*, распространив его на армию, упорядочил и значительно сократил сроки службы и запретил вычеты из жалования воинов на вооружение. Поддержка солдат была ему обеспечена.

Народные собрания проходили в городе, и следующим шагом Гая Гракха стало принятие хлебного закона. Теперь заботу о городской бедноте брало на себя государство. Каждый плебей мог купить определенное количество хлеба по самой дешевой цене, а неимущим по особым спискам хлебный паек выдавали бесплатно. Это обеспечило ему симпатии беднейшей части населения.

С целью оторвать от Сената *всадников* Гай Гракх проводит закон о порядке сбора налогов в новоприобретенной после подавления восстания Аристоники провинции Азия. В ней вводи-

лась десятина, собирать которую поручалось с торгов в Риме откупщикам-публиканам — а ими были как раз всадники. Гай Гракх пошел еще дальше. Он установил закон о создании специальных комиссий по разбору дел о злоупотреблениях в провинциях. Заседать в комиссиях должны были все те же всадники и разбирать дела о бесчинствах сенаторов, из числа которых назначались наместники. Это порождало постоянные конфликты между правящими сословиями и наносило тяжелый удар по нобилитету.

Именно Гай Гракх впервые учредил постоянные судебные комиссии взамен часто некомпетентных разбирательств преторов, сменяемых ежегодно. Были приняты меры против судебных злоупотреблений. Значительно расширялись права Народного собрания, особенно в сфере распределения государственных денежных средств — из рук Сената был выбит важнейший рычаг их власти. Неизмеримо возросла роль должности *плебейского трибуна*, потускневшая и затертая после слияния патрициев и плебеев в единое сенаторское сословие, когда «борец с Сенатом» стал избираться из среды самих же сенаторов. По инициативе Гая через всю Италию прокладывались прямые, как стрела, дороги, что давало заработок неимущим беднякам.

Но главным детищем Гая Гракха оставалось доведение до конца отброшенной было реформы его брата. Было разделено общественное поле вокруг Капуи и Тарента, во множестве выводились колонии римских граждан даже за моря.

Но когда Гай Гракх попытался даровать гражданские права союзным Риму италийским общинам, по демагогическому наущению противников его законопроект был отклонен ранее верным ему Народным собранием. Это был сильный удар по популярности Гракха — на него стали поглядывать косо, как на изменника.

В результате Гай Гракх не был избран трибуном на 121 г. до н.э., а сенаторы повели наступление на его законы. Злейшим врагом Гракха был Луций Оппимий, ставший консулом в 121 г. Под предлогом неблагоприятных божественных знамений ему удалось отменить решение об основании колонии в Африке. Трибутные комиции по этому поводу были созваны на Капитолии, куда сторонники враждовавших группировок явились возбужденными предстоящей борьбой. Перед началом собрания консул Оппимий совершал обычное жертвоприношение, когда его ликтор грубо оскорбил ближайшего сподвижника Гракха

Фульвия Флакка, приказав ему «уступить дорогу порядочным гражданам». В ответ разгоряченная толпа убила ликтора.

Опимий с готовностью использовал в свою пользу это нелепое происшествие. Созвав на следующий день Сенат, он настоял на принятии специального постановления. Оно объявляло «отечество в опасности» и давало консулу чрезвычайные полномочия для усмирения бунта, сходные с диктаторскими (но диктатор назначался только при внешней опасности).

На рассвете по распоряжению консула Опимия сенаторы с отрядами вооруженных рабов сошлись на Капитолии, цитадели патрициев. Сторонники Гракха во главе с Фульвием Флакком заняли оплот плебеев холм Авентин, куда двинулись отряды консула и критские стрелки. В последний момент Гай Гракх и Фульвий Флакк обратились к помощи рабов, обещая им свободу, но было уже поздно. Разъяренные враги ринулись на почти безоружных людей с обнаженными мечами. Священная земля Рима пропиталась кровью сограждан. Веками лелеемое единство гражданского коллектива, достигнутое ценой огромных усилий, рухнуло под ударами копий и мечей.

Около трех тысяч приверженцев Гракха было убито в тот день. Фульвия Флакка нашли и убили вместе с сыном в мастерской его клиента, где он пытался укрыться. Гай Гракх участия в сражении не принимал. Он пытался спастись в священной роще за Тибром, но был настигнут у моста через реку и покончил с собой. За его голову Опимий пообещал отсыпать золота по ее весу. Поэтому предприимчивый римлянин Септимулей, приятель Опимия, додумался отрубить голову мертвому трибуну и к тому же вынуть из нее мозг, залив вместо него свинец, чтобы была тяжелее. Но Сенат снисходительно не поспешил полностью оплатить ценную голову ненавистного народного вождя. В городе воцарился террор торжествующих сенаторов. Трупы убитых были сброшены в Тибр, имущество погибших отобрано в казну, а их родственникам запретили даже носить траур. Но римские плебеи высоко чтили память борцов за права бедняков. В скором времени назло озлобленным нобилям в лучшей части города были установлены статуи обоих братьев. Плебеи освятили места их убийства и приходили туда для совершения жертвоприношений, словно к отеческим алтарям.

Движение Гракхов не увенчалось успехом, но затронуло самые разные слои римского общества и нанесло сильнейший удар по сенатской Республике. Отсюда и неоднозначность его

оценок как самими древними, так и современными учеными: то ли искренний порыв по спасению государства и социальной справедливости, то ли сокрушение общественных устоев, начало великих бедствий и смут. Главное же видится в том, что братья Гракхи вольно или невольно вскрыли гнойный нарыв социально-политических и морально-идеологических противоречий Римского государства, который зрел уже давно и грозил самым основам его существования. С этого времени Рим вступает в полосу длительных и кровопролитных гражданских войн.

РАБСТВО И РАБОВЛАДЕНИЕ

Наивысшего развития рабство в Риме достигло в III—I вв. до н.э. И связано это было с эпохой завоевательных войн. Главное отличие раба от свободного лежало в сфере права, а точнее в отсутствии каких-либо прав. Поэтому раб воспринимался, как обычная вещь, подобно скамье или лопате, но вещь говорящая. Следовательно, хозяин такой вещи вправе делать с ней все, что угодно по собственному произволу. Это представление настолько вошло в плоть и кровь римлян, что они не представляли своего отношения к рабу как к человеку. Значит, и нормы поведения, присущие обычным, свободным людям, здесь не действовали. В самом деле, человек без угрызений совести закалывает поросенка на жаркое, а разбив чашку, не оплакивает ее судьбу, разве что пожалеет об утрате средства для питья. Не потому ли в уголовных делах своих хозяев рабов допрашивали обязательно под пыткой — считалось, что только так их можно заставить сказать правду.

Будучи вещью, раб не имел личности, т.е. имени, родины, национальности. Часто при продаже им присваивались функциональные имена: Сириец или Галл, Лопата или Ткач. Он не мог обзавестись семьей, составить завещание, обладать имуществом. Правда, господин часто выделял рабам небольшое имущество в пользование — пекулий (нехитрую утварь, немного скота), но и он оставался в собственности хозяина, а при продаже раба отбирался. Обычным делом было разлучать при обращении в рабство мужа с женой или родителей с детьми. Даже мысли и поступки принадлежали не рабу, а хозяину, в личности которого полностью растворялась человеческая сущность раба. И при этом рабы вовлекались в активную деловую жизнь Рима, участвуя в хозяйственных операциях, выполняя ответственные поручения.

чения хозяев. Ведь они выступали как их продолжение: если раб покупал какую-то вещь, с юридической точки зрения, ее покупал хозяин посредством раба (вроде монеты или кошелька). Впрочем, за хорошую службу или из хозяйственной выгоды раб мог обрести свободу и перейти в разряд *вольвоотпущенников*.

Источником рабов были, в первую очередь, войны. При взятии города обычным делом было продать всех его жителей в рабство. Военнопленных нередко продавали с торгов, не отходя от лагеря, — к услугам полководца и квесторов, ведавших добычей, всегда были маркитанты-работорговцы, повсюду следовавшие за армией. Пополняли рынок рабов и пираты. Захватывая рыбацкие и торговые суда, нападая на прибрежные селения, пираты доставляли на рынки в конце II — I в. до н.э. по несколько сотен тысяч рабов ежегодно.

Основным потребителем рабского труда было сельское хозяйство. Подчас земельные владения знати обрабатывали сотни и сотни рабов. Сельские рабы подвергались самой бесчеловечной эксплуатации. Срок жизни рабов не превышал трех-семи лет в зависимости от здоровья. Объяснялось это даже не жестокостью хозяев (хотя история сохранила случаи неслыханного изуверства), а практичным стремлением выжать из раба, как из любой вещи, максимум пользы, после чего приобрести новую вещь.

В лучшем положении находились рабы, входившие в состав городской фамилии хозяина: слуги, повара, пекари, носильщики-лектиарии, няньки — а также так называемая рабская интеллигенция: секретари, писцы, учителя хозяйских детей, актеры и управляющие делами или имениями (вилики). Самым страшным наказанием для них за провинности был перевод в сельское имение.

Конечно, положение раба в хозяйстве простого крестьянина и богатого нобиля различались. В первом случае один-два раба жили в той же хижине, что и хозяин с семьей, питались тем же, чем и они. За плохую работу получали нагоняй, но и крестьянин трудился в поте лица рядом с ними, да и берег рабов как главную свою ценность: других не на что купить. В поместьях или городских особняках знати скапливались сотни рабов, и цена рабской жизни целиком зависела от прихоти хозяина.

В имениях (виллах) рабы жили в тесных клетушках, а особо строптивые — в специальной подвальной казарме — эргастуле, где ряд маленьких окошек располагался у потолка, чтобы туда не дотянулась даже рука. Даже на ночь рабы заковывались в це-

пи; работали в поле с рассвета и до заката, получая скудный паек, чтобы только не умереть раньше, чем окупятся затраты на их приобретение. Для лучшего надзора их распределяли по бригадам и за нерадивость одного наказывали всех. Помимо колодок или бичевания у столба, провинившихся рабов отправляли крутить мельничные колеса: рабы весь день ходили по кругу, привязанные к рычагам с широкими колодками на шее, чтобы не могли сунуть себе в рот горсть муки.

Большие массы рабов приобретались на невольничьих рынках у варварских племен: галлов, германцев, сарматов, ливийцев. Центрами работорговли были рынки на острове Делос в Эгейском море, в Танаисе, городе в устье нынешнего Дона, и Аквилее на северо-востоке Италии, неподалеку от Венеции. К примеру, на Делосе, куда свозили рабов со всего Восточного Средиземноморья, за один день нередко продавали 10 тысяч рабов. Оттуда рабов развозили по разным странам, в том числе в Рим, где продавали уже мелкими партиями и дороже. Обычный раб стоил в середине II в. до н.э. от 500 до 1500 денариев. Но за квалифицированного, образованного раба или просто красивого юношу либо девушку можно было получить до пяти-десяти тысяч денариев.

Первое восстание рабов на Сицилии

В 138 г. до н.э. в поместье известного сицилийского богача Дамофила вспыхнуло восстание рабов, доведенных до отчаяния бесчеловечным обращением и изощренными издевательствами самодура хозяина и его жены. Оба они были убиты, а вилла их сожжена. Эта искра разожгла мощный пожар войны рабов по всему острову. Дело в том, что после превращения Сицилии в провинцию здесь бурными темпами развивались земельные владения греческих олигархов, крупных арендаторов общественных земель и алчных римских всадников. Они стремились всеми способами получить как можно больший доход с имений, для чего требовались огромные массы рабов, подвергавшихся необычайно жестокому угнетению.

Усугубляло опасность то, что большинство рабов были уроженцами стран эллинистического Востока — греками и сирийцами. Во главе восставших встал раб-сириец Эвн, принявший имя царя Антиоха. При нем находился совет военачальников, куда царем и Народным собранием выбирались люди из быв-

ших рабов, «значительные по уму». В нем особенно выделялся грек Ахей, человек исключительной энергии. Все способные носить оружие составляли войско и Народное собрание, которое играло руководящую роль в уникальном рабском государстве и решало все основные вопросы политической жизни. Таким образом, в Новосирийском царстве, первом опыте такого рода, сочетались черты монархии и греческой полисной демократии. Под руководством Эвна рабы разных хозяев быстро организовались в боевые отряды и захватили центральный город провинции Энну, перебив ее свободных жителей. Исключение было сделано только для оружейных мастеров. Пламя восстания охватило всю внутреннюю часть острова. Множество горделивых господ заплатились за свою жестокость, потеряв жизнь или заняв место в колодках собственных рабов.

Одновременно на западе Сицилии набрало силу еще одно восстание рабов. Возглавил его киликиец Клеон. На родине он был пастухом, а в Сицилии проявил себя способным полководцем неукротимой отваги и талантливым организатором. Вначале растерянные римляне возлагали надежды на раскол и соперничество двух вождей. Но Клеон опрокинул их расчеты. Явившись в Энну, Клеон вручил свои отряды Эвну-Антиоху, а сам стал военным стратегом — главнокомандующим. И первым испытанием на прочность для него стало столкновение крупного войска восставших с 8-тысячным римским отрядом. Закончилось оно полным разгромом римлян, что еще больше укрепило силы и размах восстания. При этом рабы предусмотрительно не трогали мелкие виллы и крестьянские хозяйства, что вызывало сочувствие простых земледельцев, также страдавших от гнета богачей и римских наместников.

Римлянам пришлось посылать в Сицилию консульские армии, как против вражеского государства. Долгое время восставшие наносили одно поражение римлянам за другим. Но в 132 г. до н.э. во главе армии встал консул Публий Рупилий. К нему присоединились отряды сицилийских землевладельцев, бежавших от возмездия рабов. Ему удалось оттеснить рабов внутрь страны, разъединить их и захватить один из их центров — крепость Тавромений. Затем была со всех сторон окружена Энна. Несмотря на мужественное сопротивление, осажденные были побеждены не столько оружием, сколько голодом (после Карфагена и Нуманции это, похоже, входило у храбрых римлян в привычку). Клеон встретил смерть в отважной вылазке, а Эвн

был захвачен в плен и предан мучительной казни. К концу 132 г. до н.э. карательные отряды Рупилия окончательно утопили в крови последние очаги сопротивления.

Второе восстание рабов на Сицилии

Подавление первого сицилийского восстания рабов ничему не научило сицилийских рабовладельцев. Кроме «обычных» рабов большое распространение получило обращение в рабство свободных жителей провинций и даже союзных Риму государств Малой Азии римскими публиканами. Откупщики и ростовщики опутывали их огромными долгами и процентами, доводя до полного разорения при поддержке римских наместников, а затем продавали за долги в рабство. Много таких рабов очутилось и на Сицилии. Во время войны римлян с племенами кимбров и тевтонов Сенат в поисках военных подкреплений обратился к союзным царям, но узнал о незаконных бесчинствах.

Сенат вынужден был издать постановление об освобождении таких «незаконных» рабов и их вербовке в армию. Но наместник Сицилии претор Публий Лициний Нерва нарушил распоряжение и приостановил освобождение под давлением местных рабовладельцев, недовольных таким поправлением своих «святых» интересов. Это послужило поводом к возмущению рабов в Центральной Сицилии, в открытой борьбе с которыми Нерва потерпел неудачу, но достиг успеха, подкупив главаря рабов. За большую сумму тот впустил легионеров в крепость, и большая часть рабов была уничтожена.

Но взамен прежнего вспыхнуло новое восстание, охватившее всю внутреннюю Сицилию. Перебив римский отряд, повстанцы создали из разношерстного войска освобождаемых рабов боеспособные отряды и провозгласили своим царем сирийца Сальвия, принявшего имя Трифон. Своей столицей в 104 г. до н.э. он сделал город Триокалу. Осадив город Моргантину, Трифон призвал рабов к восстанию, но те поддались на уговоры собственных хозяев, суливших им свободу, и поддержали их в борьбе с повстанцами. В благодарность подоспевший претор, сняв осаду с города, жестоко разочаровал доверчивых рабов, признав обещания рабовладельцев недействительным, так как оно было, дескать, вынужденным.

В то же время на западе острова разгорелся еще один очаг восстания, во главе которого стоял киликиец Афинион, за кото-

рым утвердилась слава предсказателя по звездам. Он также был провозглашен царем, но затем объединил свою армию с Сальвием-Трифоном, признав верховную власть последнего. Под их властью вскоре оказалась почти вся Сицилия за исключением хорошо укрепленных приморских городов.

На горестной чужбине освобожденные рабы воссоздали привычные им порядки своей утраченной родины. В столице рабского царства Триокале находился дворец царя, перед которым проходили Народные собрания, обсуждавшие важнейшие вопросы. Сами цари Трифон, а после его смерти Афинион соединяли знаки власти римлян и эллинистических правителей.

В 103 г. до н.э. против сицилийских рабов был послан претор Луций Лициний Лукулл, только что успешно подавивший еще одно выступление рабов в Кампании. В тяжелейшем сражении у местечка Скиртей Лукуллу удалось нанести повстанцам поражение, благодаря, главным образом, ранению Афиниона, но римское войско понесло столь большие потери, что дальнейшие действия окончились неудачей. Только в 101 г. до н.э. после победы Гая Мария над кимврами и тевтонами Сенат смог послать в Сицилию мощные войска.

Возглавил их соратник Мария по консульству Маний Аквиллий. Под стенами Триокалы разыгралось решающее сражение, в котором восставшие были разбиты. В героическом поединке с самим консулом Аквиллием погиб и вождь рабов Афинион. Вслед за Триокалой пали и другие крепости восставших. Участники движения, уцелевшие в бою, были преданы жестокой казни. Вдоль дорог выстроились кресты с распятыми рабами. Часть их была отдана в гладиаторы, т.е. подвергнута медленному издевательскому убиению на потеху торжествующей толпе. Сицилийским рабам под страхом смерти впредь запрещалось прикасаться к оружию, а наместникам вменялось в обязанность беспощадно подавлять малейшие признаки недовольства рабов. С тех пор римляне избегали скапливать в одной местности рабов одной национальности.

Гладиаторские бои

Бои гладиаторов (от *gladius* — *меч*) на поминках устраивались в этрусских городах в еще VI в. до н.э. В Риме первые бои гладиаторов были устроены в 264 г. до н.э., когда сыновья Луция Юния Брута на его похоронах заставили три пары гладиаторов

биться на Бычьем рынке. С тех пор число сражавшихся на поминках знатных лиц все более возрастало. В 105 г. до н.э. гладиаторские игры были объявлены частью публичных зрелищ, и об их устройстве стали заботиться государственные магистраты — сначала *плебейские эдилы*, а затем и *преторы*. А обучением гладиаторов в специальных школах ведали их хозяева ланисты.

Игры начинались парадным шествием гладиаторов по арене амфитеатра или цирка в пурпурных, расшитых золотом туниках. Во времена Империи, проходя мимо трибуны императора, они приветствовали его кличем: «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» Сражения зачастую длились целый день. Чаще всего гладиаторы бились в поединках, но бывало и так, что сталкивались друг с другом целые отряды.

Пораженный мог умолять публику о снисхождении, поднимая указательный палец или всю левую руку. Если он понравился толпе, зрители могли сохранить ему жизнь, поднимая вверх большие пальцы рук или размахивая платками. Если же он не угодил ей, они обрекали его на смерть криками «Добей!» и роковым жестом — опустив вниз большой палец. И тогда выживший всаживал нож в горло побежденного. Победителю вручалась пальмовая ветвь, с которой он обходил арену. Кроме этого, он получал и значительные денежные подарки.

Вооружение гладиаторов

Первоначально вооружение гладиатора состояло из копья, шлема, длинного прямоугольного щита и ножных доспехов, прикреплявшихся на голених. Постепенно оно становилось все более разнообразным. Многократно поднимали против Рима оружие самниты. Последний раз это было в *Союзническую войну*, когда самниты сражались наиболее отчаянно. Римляне отплатили им тем, что стали вооружать гладиаторов «самнитским оружием» — продолговатым щитом, поножами на левой ноге и шлемом с высоким гребнем и султаном из перьев. Появление гладиаторов-«галлов», впоследствии названных мирмиллонами, связывают с завоеванием Цезарем Галлии или с разгромом кимвров и тевтонов. Мирмиллон имел щит больших размеров, чем самнит, и фигурку рыбы на шлеме (рыба по-греч. *мормир*). Во время войн Корнелия Суллы на Востоке в плен к римлянам попало много фракийцев, оказывавших упорное сопротивление римлянам. И вскоре на арене появились гладиаторы-«фракийцы». Они вооружались маленьким квадратным щитом (реже круглым), небольшим изогнутым мечом, железным нарукавником на правой руке и поножами на обеих ногах, а иногда и ремнями,

защищавшими ногу выше колена. Разнообразна была форма их шлемов — от простой металлической каски с ободом до шлема с глухим забралом, закрывающим все лицо, со множеством отверстий для глаз.

Не трудно убедиться, что при всем разнообразии вооружения гладиаторов у них совершенно отсутствовал панцирь или какие-либо обмотки для прикрытия жизненно важных частей тела — груди, боков и спины; живот в лучшем случае перехватывался кожаным поясом. Заслониться гладиатор мог только щитом, но многие были лишены и его. И делалось это специально для увеличения риска смертельного исхода, лакомой цели для зрителей.

Великая война Спартака

К великим и героическим страницам римской истории по праву принадлежит великое восстание рабов под руководством *Спартака* (74—71 гг. до н.э.). Античность не знала такого мощного движения рабов за всю свою историю. Да и народные движения последующих эпох бледнеют перед широчайшим размахом, невиданной массовостью и высокой военной выучкой, помноженной на беззаветную храбрость восставших рабов.

В 74 г. до н.э. в одной из гладиаторских школ города Капуи, принадлежавшей ланисте Лентулу Батиату, возник заговор около двухсот гладиаторов. Он был раскрыт, но 78 заговорщикам удалось прорваться из города и скрыться на неприступной горе Везувий (в то время бездействовавшем вулкане). Во главе восстания встал *Спартак*. К восставшим стекались рабы с окрестных вилл, что позволило им разбить высланный против них отряд Тита Сервилиана.

Лишь тогда римские власти оценили опасный размах бунта и выслали навести порядок 3-тысячный отряд пропретора Гая Клодия Глабра. Видимо, вспомнив славную осаду Нуманции, Глабр окружил Везувий постами и занял единственный спуск с горы. Но Спартак нашел выход из тупика. Из виноградных лоз и ивовых прутьев рабы сплели лестницы и спустились вниз с отвесных круч. Зайдя в тыл расслабившимся римлянам, рабы неожиданным нападением обратили вояк Глабра в паническое бегство. После этого силы восставших начали стремительно расти, быстро дойдя до десяти тысяч. Посланный на подавление восстания претор Публий Вариний с двумя легионами также потерпел сокрушительное поражение, умело разбитый по частям хитрыми маневрами Спартака. Отныне — пишет Плутарх — «Спартак стал великой и грозной силой».

Восстание ширилось, охватывая новые области. Для пополнения армии Спартак повел ее на юг в Луканию и Апулию, где в течение зимы 73/72 г. до н.э. усердно и требовательно обучал свои разнородные и разноплеменные легионы, организованные по римскому образцу. В его армии из более чем 70 тысяч человек преобладали фракийцы, галлы, германцы и самниты. Строжайшими мерами Спартак укреплял дисциплину, удивительную для пестрой массы рабов, силою их подневольного положения не обремененных высокими нравственными принципами. Все дела решал совет военачальников. Скупые крохи истории доносят до нас их имена: галл Крикс, германец Эномай, иллириец Ганник...

Боеспособная и хорошо дисциплинированная армия Спартака к весне 72 г. до н.э. представляла собой грозную силу, какой давно уже не знала Италия. Поэтому римляне, спохватившись, направили против них сразу две консульские армии, что делалось в исключительных случаях. Спартак намеревался двинуться в Северную Италию, чтобы вывести рабов за пределы страны, где они могли бы обрести свободу. Он понимал, что война с могущественным Римом обречена. Но в его войске возникли разногласия. Часть рабов из италийцев выступила против этого плана. 30-тысячный отряд Крикса остался в Апулии, чем тотчас же воспользовались римляне. Отряд претора Аррия напал на него врасплох и уничтожил в кровопролитном сражении у горы Гарган.

Спартак в это время вел рабов вдоль Адриатического побережья на север, где его попытались взять в клещи войска консулов Лентула Клодиана и Геллия Публиколы. Но Спартак разгадал их план и после искусного маневра обрушился на войска спесивого Лентула до подхода его коллеги. В битве при Камерине римляне были рассеяны и перебиты. Затем Спартак развернулся и встретил в боевом строю едва подоспевшие легионы Геллия (этот маневр повторил почти детально Наполеон в битвах при Йене и Ауэрштедте в 1806 г.). Второй консул был наголову разбит. Рим потерял две сильные армии, а путь на север Спартаку был открыт. Необдуманная попытка наместника Цизальпинской Галлии Гая Кассия преградить путь 120-тысячной армии Спартака у города Мутины завершилась полным разгромом; сам наместник спасся чудом.

Но затем по необъяснимой причине армия восставших повернула назад и двинулась мимо Рима вновь на юг. Сокруши-

тельные ли победы вскружили головы вождям восстания, или отказ рабов из италийцев следовать за Спартак — история не оставила нам прямого ответа. Высказывалось и мнение, что само движение Спартака было скорее не простым восстанием рабов, а последним актом *Союзнической войны*, в котором наиболее непримиримые племена италийцев широко использовали рабов и гладиаторов. Как бы то ни было, это решение сыграло роковую роль в судьбе восстания.

В Риме между тем власти пребывали в состоянии, близком к истерике. С трудом наскребли шесть новых легионов, но никак не могли подыскать им командующего. Лучшие сражались с Митридатом и Серторием, спесивые нобили воротили нос от «презренной» войны с какими-то рабами, победа над которыми не сулит триумфа, многие попросту боялись гениального вождя рабов. Наконец, среди всеобщего расстройтва свою кандидатуру на пост претора в отсутствии конкурентов выставил богатый и ближайший сторонник Суллы *Марк Лициний Красс*. Правда, дела его шли не слишком успешно. Поэтому он начал сам уклоняться от сражений и лишь преследовать по пятам Спартака, двигавшегося на юг в Апулию и Бруттий через всю Италию.

Надеждой Спартака оставалась Сицилия, где все еще тлел огонь былых восстаний рабов. Но киликийские пираты нарушили договор со Спартак и не предоставили ему суда для переправы на остров. Путь же на север перерезала армия Красса. Римский полководец приказал даже выкопать глубокий ров через весь перешеек в Бруттии от моря до моря длиной в 55 км (в чем в чем, а в умении перемещать огромные груды земли римлянам не откажешь). Но Спартак бурной зимней ночью прорвал это титаническое сооружение и вывел армию из ловушки. И вновь Крассу повезло. Он напал на очередной отделившийся от Спартака отряд рабов под командованием Ганника и Каста и уничтожил его.

Последнее сражение армии рабов с войском римского полководца Лициния Красса произошло недалеко от города Брундизий (71 г. до н.э.). Перед боем Спартак подвели коня, но он, выхватив меч, заколол его. «В случае победы, — воскликнул он, — у нас будет много хороших коней, а в случае гибели, я не буду нуждаться и в этом». С мечом в руках Спартак отважно бился в первых рядах, стараясь пробиться к самому Крассу. Он одолел множество противников, двое центурионов пали под разящими ударами его обагренного кровью меча. Враги в страхе боялись

приближаться к нему, а Красс благоразумно занял руководящее место в задних рядах. Тогда конные лучники, окружив Спартака, стоявшего посреди груды сраженных им легионеров, засыпали его дождем стрел и дротиков. Но даже раненый копьем в бедро, вождь продолжал сражаться, опустившись на одно колено, пока не был завален телами нападавших.

К этому времени подоспели отозванные из провинций армии *Гнея Помпея* и Марка Лукулла. Они dokonчили разгром войска Спартака, устроив настоящую облаву на беглых рабов. Вдоль Аппиевой дороги между Римом и Капуей было распято на крестах более шести тысяч восставших.

Спартак

Спартак относится к тем великим личностям, о которых ходят легенды, но чрезвычайно мало исторических сведений. Римские авторы, конечно, не думали писать биографию злейшего врага Рима и к тому же презренного раба. Сама война с ним считалась позорной. Но даже они отмечали в скупых сообщениях выдающиеся полководческие таланты, мудрую прозорливость и невероятный душевный магнетизм личности Спартака.

Родом Спартак был из Фракии. Он прошел школу гладиаторов и храбро сражался на арене. О его силе и высоких умственных дарованиях историк Плутарх говорит: «...он более походил на образованного эллина, чем на варвара». «Сам великий своими силами и тела и души», — так отзывается о нем Саллюстий.

Во время восстания Спартак не только находил общий язык с рабами из разных стран, но и обладал поистине великой силой убеждения, покорял своей искренностью и прямоотой. В отличие от сицилийских вождей, Спартак и не подумал объявлять себя царем, напротив, сохранял скромность и вел простой образ жизни, трудясь и воюя наравне с рядовыми бойцами.

ВОЕННАЯ ЭКСПАНСИЯ И УГРОЗЫ

Военная реформа Гая Мария

Длительные и напряженные войны Рима в конце II в. до н.э. подточили систему комплектования и организацию римского войска, существовавшую веками. Воинская служба давно уже перестала быть привилегией гражданина и превратилась в тяжелую обязанность. Римлянин, чаще всего плебей-крестьянин,

надолго отрывался от своего хозяйства. И никакая военная добыча уже не спасала крестьян от массового разорения. В этом случае крестьянин переводился в низшие имущественные разряды и терял право служить в легионах. В то же время представители знати, имевшие ценз всадников и первого имущественного класса, всячески стремились уклониться от тяжелой воинской службы или провести ее в свите полководца (в контуберналах). Годами воюя в горах Греции или песках Африки, трудно было соблюдать устарелый обычай распускать легионы после завершения каждой годичной кампании, а затем набирать их заново.

Необходимы были перемены. Но решился на коренную реформу армии лишь Гай Марий. В 107 г. до н.э. Марий получил от Сената разрешение набрать армию для войны с Югуртой по новому. В легионы на добровольной основе вербовались все граждане без ограничения ценза. Принимались и безземельные крестьяне, и беднейшие горожане (пролетарии). Каждый доброволец получал от государства оружие, за службу — постоянное жалование, а после войны ему был обещан участок земли. Эти материальные выгоды сразу привлекли в ряды войска Мария многих бедняков. С тех пор воинская служба перестала быть долгом по отношению к государству и превратилась в ремесло, в способ прокормиться и даже разбогатеть благодаря жалованию и добыче. Теперь место легионера в боевых порядках зависело не от его состояния, а от личных качеств и профессиональной подготовки. Марий повысил требования к постоянным упражнениям воинов, которые повышали их боеспособность и слаженность действий в сражении.

Изменилась и структура *легиона*. Каждый легион получил особый значок в виде серебряного орла с распростертыми крыльями. Его несли на высоком древке впереди легиона примипилы. Знаком когорты стало знамя (*vexillum*).

Марий преследовал цель создать профессиональную армию, отлично тренированную и беспрекословно повинующуюся военачальнику, пополнение которой уже не зависело от сословных и имущественных ограничений. Но такая армия уже не совпадала с общественным устройством, она перестала быть народным ополчением и начала превращаться в самостоятельную социальную прослойку и политическую силу. Все благосостояние воинов теперь зависело не от государства, а от полководца, который становится влиятельной политической фигурой. Интересы воинов существенно отличались от интересов граждан. Ле-

гионеры были более привязаны к своему знамени, нежели к отечеству. Реформа Мария повысила боеспособность римской армии, укрепила дисциплину, что не замедлило сказаться на военных успехах.

Когорта

Когортой (cohors) римляне называли тактическое подразделение армии численностью от 360 до 600 человек. Они возникли в период Ранней республики в виде отдельных самостоятельных отрядов. С III в. до н.э. обозначали объединения союзных и вспомогательных войск численностью до тысячи человек. Они возглавлялись либо римскими префектами, либо собственными военачальниками. Во время реформы Гая Мария в конце II в. до н.э. все *манипулы* римских *легионов* были сведены по три в когорты. Они выстраивались в одну сплошную линию по восемь-десять шеренг в глубину, причем сохраняли название гастатов, принципов и пианов (прежних триариев). Интервалы между когортами обычно равнялись их ширине, но со времени Цезаря были значительно сокращены. Командовал ими военный трибун. Когорты повысили ударную силу легиона. Они позволяли более гибко приспосабливать боевые порядки легиона для действий в различных условиях, выстраивать его в две-три боевые линии или сводить в одну, допускали эффективное перестроение в ходе боя и облегчали их управление. Вместе с приданными ей вспомогательными отрядами когорта превратилась в крупную тактическую единицу, способную выполнять более разнообразные задачи, чем манипулы. Организация легиона по когортам была усовершенствована Цезарем и сохранилась до II в. н.э.

Конница

Римская конница в IV—I вв. до н.э. делилась на конницу легиона и конницу вспомогательных войск. Первая состояла из римских граждан, имевших имущественный ценз всадников. Они пользовались привилегиями, получали жалование в три раза больше пехотинцев, а в случае победы — тройное вознаграждение из добычи. Триста всадников легиона подразделялись на десять турм (по 30 конников), а те, в свою очередь, на три декурии (десятка). Командовал турмой старший декурion, а во главе всех всадников стоял префект конницы. Вооружались они круглыми щитами (пармы), шлемами, мечами и копьями. Панцирей они не имели, так как в них трудно было взбираться на лошадь без стремян и седла, которых Античность не знала. Поэтому ударная сила конницы была отнюдь не велика.

Вспомогательная конница набиралась среди покоренных Римом или союзных ему народов, преимущественно искусных в конном деле, например, фессалийцев или нумидийцев. В римской армии они рас-

полагались на флангах войска — «крыльях», почему и назывались «алы». Обычно они насчитывали до трехсот всадников. Со времени реформы Гая Мария вспомогательная конница заменяет собой римскую.

Центурионы

Первоначально центурион командовал центурией (отрядом в сто человек). В манипулярном легионе центурион первой центурии возглавлял и весь манипул, а его помощником был центурион второй центурии. В бою они стояли на флангах, причем рядом с первым центурионом знаменосцы-антесигнаны несли значок манипула. В когорте со времен Гая Мария самым младшим считался центурион второй центурии третьего манипула, а самым старшим — центурион первой центурии первого манипула — примипил. Возглавлял когорту центурион триариев.

Центурионами становились плебеи из рядовых. На них лежала обязанность поддерживать дисциплину и боевую выучку воинов. Знаком власти центуриона была изогнутая трость, которой он пользовался и для телесных наказаний нерадивых легионеров. Из среды рядовых он выделялся также бронзовой кольчугой, украшенной фалерами (знаками отличия в виде круглых блях), и пышным поперечным гребнем из цветного конского волоса и перьев на шлеме. Центурионы выступали посредниками между рядовыми и командирами, подобно нынешним сержантам и старшинам. Они собирали добычу, охраняли орлы легиона, выполняли и полицейские функции. В эпоху гражданских войн центурионы арестовывали и лично казнили политических противников своего командующего. Можно сказать, что на центурионах держалась вся римская армия.

Военные трибуны

Должность военных трибунов зародилась еще в царскую эпоху: тогда они были командирами ополчения родовых триб (отсюда и название). В период Республики они командовали рядами центуриатной фаланги. С возникновением манипулярного *легиона* военных трибунов назначал военачальник-консул, но уже с конца IV в. до н.э. право выбирать четыре военных трибуна на легион переходит к народу. Каждый из них командовал легионом по два месяца. В отличие от многих других, должность военных трибунов была чисто военной. Ими становились обыкновенно всадники. В конце Республики их стало шесть в легионе, и они превратились в помощников легатов (командующих легионом): выполняли поручения полководца как адъютанты, командовали отдельными отрядами, запасали продовольствие, несли сторожевую службу и участвовали в военном совете легиона.

Война с Югуртой

В конце II в. до н.э. для Рима прозвенел тревожный звонок, возвестивший, что победоносная римская армия перестает быть неодолимой силой и находится в глубоком кризисе, о чем пророчливо предупреждал еще *Тибериус Гракх*. Этим звонком стала так называемая Югуртинская война в Северной Африке (111—105 гг. до н.э.).

Соседнее с Карфагеном государство кочевых и оседлых племен Нумидия более ста лет верой и правдой служила интересам Рима, сначала, при царе Масиниссе, участвуя в войнах с Карфагеном, затем обеспечивая повиновение североафриканских провинций Рима. Они привыкли считать ее своим владением, а царей своими наместниками. В 118 г. до н.э. Нумидия по настоянию римлян была разделена на три части. Но правитель одной из них *Югурта* коварно убил или изгнал из их владений своих братьев и объединил всю Нумидию вновь под своей властью. Захватив столицу государства город Цирту, он перебил не только сторонников своего брата Адгербала, но и множество проживавших там, как у себя дома, римских купцов, ростовщиков и прочего рода дельцов, словно мухи на падаль, слетавшихся пожиться богатствами Нумидии. По существу это было объявлением войны самому Риму. В 111 г. до н.э. против Югурты были посланы войска под командованием консула Луция Кальпурния Бестии, но тот скоропалительно заключил мир, как говорили, за большую взятку. За деньги же он вернул отданных было по договору римлянам боевых слонов и оружие.

Весть об этом вызвала в Риме возмущение. Демократы обличали продажность Сената. Война, однако, была продолжена. Но велась она столь вяло и бездарно, что Югурта без труда заманил войско Авла Постумия Альбина в пустыню и захватил его прямо в лагере у городка Сутула (109 г.). Римские legionеры, сгорая от стыда, вынуждены были нагими пройти «под ярмом». После этого Рим был очищен рядом судебных процессов от господства сенатской олигархии. Тогда же, в 109 г. до н.э. в Африку был послан Квинт Цецилий Метелл, непримиримый аристократ, но опытный полководец и, как ни странно, неподкупный человек. Прибыв на место, он первым делом разогнал из лагеря марки-тантов, гулящих женщин и решительно пресек мародерство. В удачном сражении при Муфуле (109 г.) Метелл нанес поражение Югурте, но тот со своими кочевниками укрылся в пустыне

и перешел к партизанской войне, в которой ему помогал его тесть, царь соседней Мавретании Бокх.

Увязнув в песках Нумидии, Метелл гонялся за практически побежденным, но неуловимым царем, когда узнал о своем смещении с поста командующего по требованию популяров. Особенно уязвило гордого аристократа, что на смену ему был послан его клиент и *квестор Гай Марий*, неожиданно избранный консулом на 107 г. до н.э. Марий собрал новое войско из неимущих граждан, приучил легионеров к выносливости и снабдил множеством метательных машин. В два года Марий разбил основные силы Югурты, но война закончилась лишь после пленения самого царя. Выданный своим собственным тестем Бокхом, он был захвачен в плен прямо в нумидийском лагере римским квестором Корнелием Суллой (105 г.).

1 января 104 г. до н.э. Марий справлял великолепный триумф. Перед его колесницей шел Югурта в цепях и в царском одеянии. В конце чужого праздника его ждала мучительная казнь в тюрьме. Разваленное Нумидийское царство было «честно» поделено римлянами между предателем мавретанским царем Бокхом и слабоумным братом Югурты. Таким «славным» образом завершилась эта бесславная для римлян война — семь лет они не могли справиться с заведомо более слабым противником. Разложение традиционной системы формирования римской армии и бездарность непрофессионального командования гражданских, ежегодно сменяемых магистратов проявились в этой войне в полной мере.

Югурта: уроки «примерного ученика»

Нумидийский царь Югурта представлял собой новый тип властителя, взращенный на сытных римских хлебах в качестве союзника и вассала Римского государства. Римляне сами готовили таких царьков из числа вражеских заложников или гостей царских домов, воспитывавшихся в Риме. Они должны были проникнуться римским духом и нести его подвластным народам, обеспечивая господство римлян не только в провинциях, но и в сопредельных странах. Однако случалось, что те или иные представители этой молодой, лишенной родной почвы поросли римских вассалов оборачивали полученное воспитание против своих учителей. К таким «отщепенцам» принадлежал и Югурта.

В молодости он сражался в составе римской армии под командованием *Сципиона Эмилиана* под *Нуманцией* и прекрасно знал римские военные порядки. Он был близок со многими римскими нобилиями, при-

вечавшими угодливого юношу. В результате знакомства с римскими нравами он вынес убеждение в глубокой моральной гнилости хваленной римской аристократии. В борьбе за власть Югурта показал себя беспринципным и жестоким интриганом, способным на любое преступление, но был даровитым полководцем и дипломатом.

Начав войну с римлянами, он больше уповал на золото, нежели на оружие. Не раз римские послы, гневно выдвигавшие перед ним претензии Сената, возвращались к родным пенатам умиротворенными от разбухших мешков с золотом в обозе. Даже вызванный в Рим по обвинению в убийствах римских граждан Югурта ни на йоту не изменил своим принципам: подкупать и еще раз подкупать, и тогда любое преступление будет оправдано римским Сенатом.

Горделиво предстал он перед Народным собранием, но как только плебейский трибун Гай Меммий задавал ему вопрос о прегрешениях, другой трибун, подкупленный Югуртой, пользуясь своим правом «вето», запрещал ему отвечать. Тем временем сенаторы, пересчитывая полученные от Югурты подарки, неспешно обсуждали вопрос об отмене позорного для римлян мирного договора, заключенного с Югуртой римским консулом за немалую мзду. Уверенность в безнаказанности дошла у Югурты до того, что он приказал выследить в Риме и убить своего родственника Массиву, претендовавшего на нумидийский престол вместо Югурты. Лишь такое открытое пренебрежение ко всякому праву подвигло наконец «прозревших» сенаторов изгнать Югурту из Рима. Покидая «вечный город» Югурта, по преданию, произнес: «О, продажный город, ты обречен на скорую гибель, коль скоро найдется подходящий покупатель!» Пройдет чуть более полувека, и воцарение Октавиана Августа подтвердит правоту нумидийского царя.

Нашествие кимвров и тевтонов

Не успел Рим перевести дух от изнуряющей войны с Югуртой, как новая напасть накатила с севера. Тронувшись в путь по одним им ведомым причинам с берегов холодной и туманной Ютландии (ныне Дания), полчища германских племен кимвров и тевтонов прошли всю Германию, переправились через Дунай и объявились в предгорьях Альп. Численность их достигала по разным оценкам от 200 до 400 тысяч человек. Двигались они в крытых кожей повозках со всем скарбом и семьями, грабя и разоряя всю округу.

В бою кимвры и тевтоны являли собой грозное зрелище: в медных шлемах и панцирях, орудуя длинными мечами и копьями, они наводили ужас на врага своими огромными размерами и грозным ревом, который подхватывали женщины, усердно коло-

тя палками по натянутой на повозки коже, как в барабан. Воины первых рядов часто связывались между собой веревкой, чтобы нельзя было покинуть строй ни живым ни мертвым. Кимвры были смелым, но диким народом. Презирая врагов, они больше всего ценили грубую силу и любили перед боем устраивать поединки. Смерть на поле боя считалась у них единственно почетной для свободного мужчины. После победы они зверски расправлялись с противником; нередко все их имущество они посвящали богам и сжигали, а самих побежденных вешали на месте или оставляли в живых для того только, чтобы было чем принести жертву верховному богу германцев Одину и валькириям.

Как мятущийся поток, кимвры смяли сильные римские войска у альпийских проходов близ города Норея, но по какой-то странной причине не пошли в беззащитную Италию, а двинулись вокруг Альп в Галлию, вбирая в свой состав племена гельветов. Здесь, в Нарбонской Галлии, римская армия в 109 г. до н.э. вновь потерпела поражение. Республика оказалась на грани катастрофы: в Африке — Югурта, в Галлии — чудовишные кимвры, которые к тому же соединились с тевтонами... В 107 г. до н.э. римская армия во главе с консулом Кассием Лонгином была уничтожена гельветами в Аквитании, страшные потери понесли римляне в 105 г. до н.э. в битве с кимврами при Аравсионе. Еще немного, и орды варваров затопят долины Италии! От неминуемого уничтожения римлян спасла непонятная непоследовательность кимвров и тевтонов: вместо Италии они вновь повернули вспять и направились в Испанию. Это блуждание варваров по Европе дало римлянам жизненно важную передышку.

Аквы Секстиевы и Верцеллы — триумф Гая Мария

Не успела окончиться война с Югуртой, как Гай Марий получает назначение в 104 г. до н.э. на войну против нашествия кимвров и тевтонов. Полководец энергично собирает сильное войско, укомплектованное из неимущих граждан, и выступает на север Италии. Вначале ему не удастся найти противника, так как кимвры и тевтоны, следуя непонятной логике, направились на Пиренейский полуостров. Это дало Марию дополнительную передышку, чтобы улучшить боевую выучку воинов. Только в 103 г. до н.э. после неудачного похода орды германцев отхлынули из Испании и вновь устремились к пределам Италии. Кимвры выбрали более трудный путь вокруг Альп к восточным предгорьям, тевтоны же двинулись напрямик через западные перевалы.

Но здесь в 102 г. до н.э. их уже поджидал Гай Марий, занявший выгодную позицию у реки Роны. Три дня воины отбивали непрестан-

ные атаки тевтонов на укрепленный лагерь. Наконец, врагу надоело зря терять людей в предвкушении богатой добычи, и тевтоны оставили лагерь в тылу. Шесть дней проходили они густым потоком вместе с повозками мимо римского лагеря. Но их беззаботность и презрение к трусливому, как они полагали, врагу обошлись им дорого. Марий выступил следом и через несколько дней у римской колонии Аквы Секстиевы навязал им сражение в удобном для римлян месте на холме. Бой был длительный и упорный. Тевтоны стояли насмерть, как стена. Но непривычный полуденный зной постепенно сморил их, и мощный натиск римлян прорвал их ряды. Тевтоны были большею частью перебиты, частью взяты в плен вместе со своим вождем.

Едва затих гром битвы, как новое страшное известие сняло армию Мария с места. Тем же летом 102 г. до н.э. Альпийские проходы преодолели кимвры и хлынули огромной ордой на сторожившее их римское войско. С большим трудом консулу удалось избежать уничтожения и спешно отступить. Но кимвры вновь дали шанс римлянам, оставшись зимовать в плодородной долине реки Пад. Следующей весной, не дожидаясь их наступления, объединенное римское войско под командованием Мария переправилось через Пад и встретилось с противником у местечка Верцеллы (западнее совр. Милана). 30 июня 101 г. до н.э. здесь, на удобной для применения конницы равнине произошло страшное сражение римлян с войском кимвров. Сильная римская конница на рассвете неожиданным ударом смяла конницу противника. Обратившись в бегство, она расстроила ряды собственной пехоты, только начавшей выстраиваться к бою. В смешавшуюся толпу кимвров врезался сомкнутый строй римских когорт, и дело решило превосходство отлаженной военной техники перед личной храбростью варваров. Было убито около 150 тысяч кимвров, остальные стали ходовым товаром на невольничьих рынках.

Так погибли племена кимвров и тевтонов, первые посланники из темных глубин неведомого варварского мира. Само имя их исчезло со страниц истории. Лишь в Средние века немецкие псы-рыцари, вероятно, мало знакомые с историей, возродили его в названии Тевтонского ордена, судьба которого оказалась немногим лучше предшественников. А тогда, в 101 г. до н.э. Рим был спасен от полного уничтожения благодаря военному таланту Гая Мария и его реформированной армии. Сам Марий удостоился неслыханных ранее почестей. Он получил титул «Спасителя отечества» и объявлен «Новым основателем Рима».

ОХОТА НА «ПОНТИЙСКОГО ЛЬВА»

В первой половине I в. до н.э. Рим столкнулся с новым и грозным противником. Им стало Понтийское царство, расположенное на северном побережье Малой Азии. Царем его тогда

был *Митридат VI Эвпатор* (120—63 гг. до н.э.), который грезил о лаврах Александра Македонского и решил создать по его примеру великую державу. Овладев Колхидой и территорией Боспорского царства (в Крыму и на Тамани), Митридат вступил в союз с царем Армении Тиграном II (правил 95—56 гг. до н.э.) и начал расширять свои земли на запад Малой Азии, подходя вплотную к границам римской провинции Азия.

Первая война с Митридатом

Начало Первой войны Рима с понтийским царем (89—85 гг. до н.э.) положило нападение на Понт, по наущению римлян, царя Вифинии Никомеда. Без труда одолев вифинскую армию, Митридат воспользовался удобным предлогом, чтобы объявить войну Риму. В 89 г. до н.э. его огромная армия (250 тысяч пехоты, 40 тысяч всадников и 400 кораблей) начала решительные действия и с легкостью захватила римскую провинцию Азия. Народ приветствовал Митридата как освободителя. Жители провинции исстрадались от жестокого господства римских алчных наместников и хищных ростовщиков и публиканов, высасывавших из нее все соки. А тут еще Митридат объявил о восстановлении вольности городов, отмене налогов и введении демократического правления в приморских греческих городах.

Ненависть к римским дельцам была настолько велика, что их жители с радостью отмщения в один прекрасный день уничтожили по сигналу Митридата всех римлян, кому довелось тогда проживать в Азии, с женами и малыми детьми. Всего было вырезано 80 тысяч человек. Римского наместника Манья Аквиллия местные жители выдали Митридату. Тот приказал провести Аквиллия пешком по всей провинции, заставляя громко выкликать свое ненавистное народу имя. А в Пергаме, ставшем оплотом Митридата, Аквиллию влили в горло расплавленное золото, позором проклиная римское взяточничество.

Захватив всю Малую Азию, Митридат устремился на Балканы. Он отправил в Грецию большое войско во главе с полководцем Архелаем и вскоре прочно утвердился на большей ее части. Главной базой понтийских войск и флота стали Афины, где правил тиран Аристион, и их порт Пирей.

Потеря Римом богатых восточных провинций очень осложнила и без того тяжелое положение в Италии, где только что прошел смерч *Союзнической войны*. Возвращение своих владений

было жизненно необходимо для римлян. Командующим римской армией был назначен *Луций Корнелий Сулла*. Весной 87 г. до н.э. Сулла с пятью легионами высадился в Эпире. Разгромив передовые войска Архелая в Беотии, армия Суллы совершила переход в Аттику и приступила к осаде Афин, которая длилась несколько месяцев. Для строительства осадных сооружений Сулла не моргнув глазом приказал вырубить знаменитые рощи Ликей и Академии, еще помнившие беседы Аристотеля и Платона. В марте 86 г. город был взят приступом и отдан солдатам на разграбление и резню жителей.

Пополнив армию греческими наемниками, Сулла двинулся в Беотию. Там в двух решительных сражениях с основными войсками Архелая при *Херонее* (86 г.) и *Орхомене* (85 г.) он одерживает впечатляющие победы. В это время в Малой Азии высаживается еще одна армия, посланная марианским правительством Рима. Вставший во главе ее узурпатор Гай Флавий Фимбрия нанес понтийцам ряд поражений и заставил очистить Пергам. Положение Митридата резко ухудшилось. К тому же Сулла сумел организовать флот, который занял острова Эгейского моря и побережье Малой Азии, где местные аристократы распахивали перед римлянами ворота городов.

Митридат запросил мира. Сулла, спешивший покончить с войной из-за положения в Риме, также не возражал. В городке Дардане на берегу пролива Геллеспонт встретились два великих полководца. Там же осенью 85 г. до н.э. был заключен Дарданский мир: Митридат освобождал все захваченные области Малой Азии, уплачивал контрибуцию в три тысячи талантов и выдавал часть флота. Конец 85 и 84 г. до н.э. Сулла огнем и мечом восстанавливал римскую власть в городах Малой Азии и Греции, повсюду сея страх и ужас. Так закончилась первая война с Митридатом, но уже готовились новые схватки.

Сражение при Херонее

Весною 86 г. до н.э. армия Суллы, выдвигаясь из Аттики, встретила в Беотии с основными войсками Архелая и остатками понтийских войск, бежавших из-под Афин. Архелай вызывал Суллу на бой, но тот медлил из-за неудобства местности, а затем начал преследование отходящего неприятеля. Наконец, Архелай разбил лагерь близ городка Хероней, памятного трагическим поражением греков от Александра Македонского. В этом-то историческом месте Сулла и навязал понтийцам

сражение. Он удачно расположил свои войска на покатой равнине, в то время как армии Архелая путь к отступлению закрывали отвесные скалы.

Архелай пытался остановить наступление римлян, бросив против них страшное оружие понтийцев — колесницы с косами на колесах: при вращении они кромсали на куски всякого, попавшего в их мясо-рубку. Но римляне по сигналу четко расступились, пропустив неповоротливые колесницы в тыл, где они были засыпаны дротиками и стрелами легкой пехоты. Пока Архелай с трудом выстраивал свою слабо организованную армию к бою в тесном месте, конница Суллы обратила в бегство понтийских всадников и при поддержке засадных когорт ударила во фланги армии Архелая. После этого и в центре фаланга не удержала своих рядов и в панике бросилась к лагерю, ворота которого Архелай приказал закрыть. Множество воинов было перебито в сутолоке как римлянами, так и своими же. Когда же ворота, наконец, открылись, римляне ворвались в лагерь на плечах бегущих. Победа была сокрушительной. По сообщениям древних авторов, из 120 тысяч понтийцев спаслось не более десяти тысяч, потери же Суллы составили чуть ли не пятнадцать человек.

Битва при Орхомене

Решающая битва римлян в первой войне с Митридатом произошла в 85 г. до н.э. у Орхомена в Средней Греции. Против армии Суллы выступили остатки войск полководца Митридата Архелая и подкрепления из Азии числом до 80 тысяч под командованием военачальника Дорилая. Главной силой понтийцев была мощная конница. Чтобы лишить ее подвижности, Сулла приказал в ночь перед сражением вырыть по всей долине широкие рвы. Тем не менее римские войска были смяты лобовой атакой конницы. Лишь вмешательство Суллы спасло положение. Он вырвал легионный значок у знаменосца и лично бросился в гущу врагов, призывая воинов не предавать своего полководца. Своей храбростью он остановил начавшееся бегство и переломил ход битвы. Бой закончился полной победой. Враг потерял до пятнадцати тысяч убитыми, большей частью всадников.

Звезда и смерть Митридата Эвпатора

Потерпев поражение в первой войне, Митридат VI Эвпатор отнюдь не смирился и усиленно готовил новое столкновение. Он набирал свежие войска по всей Малой Азии, даже среди населения Боспорского царства и Херсонеса Таврического, и реорганизовал их по римскому образцу, так как убедился в пре-

восходстве римского легиона над греческой фалангой. В этом ему усердно помогали многочисленные римские перебежчики. Митридат воссоздал свой мощный флот и обеспечивал дипломатические тылы заключив соглашения с испанским мятежником *Серторием* и даже средиземноморскими *пиратами*. Был заключен союзный договор с могущественным в то время царем Армении Тиграном II, простершим свою власть на Каппадокию, Коммагену и Киликию, выйдя таким образом к Средиземному морю, а также почти на всю Сирию и Финикию.

Провалом окончилась попытка римского наместника Луция Лициния Мурены пограбить приграничные области Понта. Так называемая Вторая Митридатова война (83—82 гг. до н.э.) окончилась победой Понтийского царства. Чутко уловив наиболее тяжелый для Рима момент (война с Серторием, восстание Спартака), Митридат грубо вмешался во внутренние дела соседнего Вифинского царства (умерший царь которого завещал его Риму) и ввел свои войска на его территорию. Началась Третья Митридатова война, растянувшаяся на десять лет (74—64 гг. до н.э.).

Армии Митридата (120 тысяч пехоты, 16 тысяч конницы и флот из 400 кораблей) римляне смогли противопоставить легионы консулов Марка Аврелия Котты и Луция Лициния Лукулла (40 тысяч пехоты и две тысячи конницы). Первый сразу же был разбит Митридатом в Вифинии, но Лукуллу удалось продвинуться вглубь территории Понтийского царства и нанести царю ряд чувствительных поражений. Преследуя Митридата, римские войска одержали сокрушительную победу под городом Кабирой (72 г.) и оккупировали всю территорию Понта. С небольшим отрядом Митридату удалось бежать в 71 г. до н.э. к своему тестю Тиграну II. Отказ последнего выдать зятя послужил поводом для вторжения войск Лукулла весной 69 г. до н.э. в Армению. У ее столицы города Тигранокерта произошло решающее сражение. Небольшая римская армия (20 тысяч пехоты и две тысячи всадников) сумела разгромить огромную армию Тиграна (100 тысяч пехоты и 17 тысяч конницы). Но дерзкая попытка осмелевшего Лукулла захватить древнюю столицу в горной Армении Артаксату окончилась плачевно: партизанские нападения местного населения, непроходимые для римлян горы и недостаток продовольствия вызвали недовольство в армии. А в 67 г. до н.э. римляне впервые потерпели от Митридата серьезное поражение у города Зиела.

Война на Востоке приняла затяжной характер. Все это вызвало недовольство действиями Лукулла. Армии не по душе бы-

ла суровая дисциплина, которую он насаждал, римским откупщикам-публиканам претило ограничение их произвола в сборах налогов и конфискациях имущества провинциалов, в Риме многие считали Лукулла сторонником Суллы и обвиняли в затягивании войны. В результате Лукулл вынужден был бездействовать, а Митридат беспрепятственно вновь утвердился в Понтийском царстве.

Положение круто изменилось после прибытия в 66 г. до н.э. в Малую Азию нового полководца *Гнея Помпея*. Он тщательно подготовил войска и заключил союз с царем Парфии. С войском в 60 тысяч человек Помпей весной 66 г. до н.э. вторгся во владения Митридата и после долгого преследования ускользающего царя навязал ему сражение в верховьях реки Евфрат у городка Никополь (66 г. до н.э.). Митридат VI потерпел страшное поражение, войска его были рассеяны, но неукротимый 55-летний царь не собирался складывать оружие. Лелея в душе гнев против римлян, он устремился через горы и реки Закавказья на север, туда, где лежало подвластное ему Боспорское царство, правил которым его сын Фарнак. Там в Пантикапее (совр. Керчь) Митридат вынашивал новые грандиозные планы похода против римлян. Он задумал поднять племена скифов и сарматов и вместе с войсками из греков и племен Закавказья вторгнуться в Италию, обогнув с севера Черное море!

Но столь фантастическим (?) планам не суждено было сбыться. Фарнак, удобно устроившийся в тихом Боспорском царстве, отнюдь не жаждал ставить свое благополучие под удар авантюр неумного отца. Да и римляне организовали морскую блокаду побережья Крыма, что больно ударило по торговле греческих городов. В 63 г. до н.э. в Фанагории вспыхнуло восстание. Его поддержали Феодосия, Нимфей и Херсонес. Это дало Фарнаку оправдание, чтобы выступить против отца.

Оставленный всеми в своем дворце в Пантикапее, видя огни факелов восставших войск, готовых к штурму, Митридат решил принять яд, который всегда носил с собой. Но из-за привычки его организма к яду он не подействовал, и Митридат бросился на меч, но опять неудачно. Тогда он приказал своему рабу-кельту заколоть наконец его. Таков был конец в 63 г. до н.э. самого злейшего врага римлян. Смерть его была встречена в войсках Помпея с таким ликованием, что на радостях капитулировавшему перед римлянами Фарнаку были оставлены все боспорские владения. Он был признан «другом и союзником римского народа».

Помпей разбил разношерстную и плохо обученную армию Тиграна и принудил его к капитуляции. По мирному договору Армения потеряла все завоеванные земли и выплачивала римлянам контрибуцию в 6 тысяч талантов. Сам царь с горечью принял «почетный» титул «друга и союзника римского народа», который фиговым листком прикрывал прямую зависимость от Рима. С тех пор Армения уже не вела самостоятельную внешнюю политику и, несмотря на ряд поползновений в период Империи, так и не смогла возродиться как великое государство.

Вслед за этим Помпей привел в подданство Риму обширные области Ближнего Востока (Сирию, Иудею) и Малой Азии. Со смертью Митридата VI в 63 г. до н.э. исчез последний серьезный противник Рима на Востоке, по крайней мере на ближайшие десятилетия. Рим овладел почти всей Малой Азией (царьки внутренних государств Каппадокии, Галатии и Коммагены находились под полным контролем Рима) и побережьем Сирии и Палестины, выйдя почти к Евфрату.

БОРЬБА МАРИАНЦЕВ И СУЛЛАНЦЕВ

Гай Марий — тяжелая десница судьбы

Гай Марий (156—86 гг. до н.э.) происходил из небогатой крестьянской латинской (а не римской) семьи, проживавшей в деревне близ городка Арпин. Он начал службу в армии простым легионером и благодаря своему мужеству и отваге прошел долгий и трудный путь до высоких военных должностей. Он отличился при осаде Нуманции, победив в единоборстве испанского богатыря, и был замечен самым прославленным *Сципионом Эмилианом*. Но действенной поддержки молодому командиру полководец оказать не успел, преждевременно скончавшись. Став командиром, Марий сохранил образ жизни сурового воина. Он участвовал в сооружении укреплений лагеря, ел солдатскую пищу. Все это нравилось воинам.

Однако попытки начать политическую карьеру наткнулись на непрошибаемую стену аристократического чванства и ревнивого охранения привилегий своего замкнутого кружка, в котором неотесанный «мужлан» Гай Марий выглядел «белой вороной», или, говоря словами римлян, «новым человеком» (*homo novus*), выскочкой. Именно боль от этих обид породила многие отрицательные черты его характера: хитрость, завистливость и

подозрительность удивительным образом накладывались на крестьянские трудолюбие и упорство, энергию и здравый смысл.

Только в 37 лет Марий добивается избрания плебейским трибуном и даже проводит некоторые законы в пользу плебеев, но робко и с оглядкой на знатных нобилей. Их расположения Марий будет искать всю жизнь. Подчас резко выступая против знати, Марий в душе преклонялся перед ней, почитал только ее мнение и образ жизни. И, как свойственно многим выскочкам, презирал равных себе по происхождению. Ради политической карьеры он сумел жениться на Юлии, принадлежавшей к знатному патрицианскому роду Юлиев Цезарей (т.е. был родственником будущего диктатора). Благодаря родственным связям Юлии, он по «странному» совпадению быстро получает должность претора в 115 г. до н.э. И опять проявляет свои военные дарования, беспощадно расправляясь с восстанием в Испании.

Во время войны с *Югуртой* Марий вновь при деле. Он соглашается на должность квестора (явное понижение!) при своем давнем *патроне* Цецилии Метелле. Вскоре он становится его первым помощником, что не помешало ему нарушить обязательства клиента и против воли Метеллы выставить кандидатуру на должность консула. Уязвленный Метелл всячески затягивал отъезд Мария, рассчитывая, что тот не успеет к выборам. Но жажда власти наполняла паруса корабля честолюбивого квестора. Он не только успел, но и, став консулом в 107 г. до н.э., вытребовал себе особое поручение Народного собрания на ведение войны против Югурты, что сделало их с Метеллом врагами на всю жизнь. Блестящие успехи Мария в разгроме Югурты были омрачены тем обстоятельством, что честь поимки самого царя, преданного своим тестем, мавретанским царем Бокхом, перешла к молодому квестору (какое совпадение!) *Луцию Корнелию Сулле*, лощеному нобилю и баловню судьбы. Крестьянская мнительность Мария выиграла лютой неприязнью к Сулле. В дальнейшем Марий будет всячески вставлять палки в колеса карьере Суллы, чем заслужит, и не без оснований, ответное чувство. Личная неприязнь двух выдающихся людей дорого будет стоить римскому народу!

Вершиной славы Мария стали блистательные победы над Югуртой в 104 г. и избавление Рима от грозной опасности нашествия *кимбров* и *тевтонов* в 101 г. до н.э. Пышные почести, искреннее поклонение народа, одяние триумфатора, которое так

понравилось Марию, что он заявился в нем прямо в Сенат, — все это льстило его самолюбию и наполняло чувством собственной значимости. Но в душе Мария продолжал жить суеверный и боязливый крестьянин, с потаенным чувством почтения к аристократии и стремлением сравняться с ней если не родовитостью, то титулами и славой.

Эта двойственность натуры определила политические метания Мария на протяжении всей его жизни, стала причиной невиданных взлетов и глубоких падений. Пятикратный консул войны, Марий решил испытать счастья и в шестой раз, уже в мирное время, и убедился, что предвыборные баталии не менее жестоки и коварны, чем военные. Перед выборами прославленный полководец заискивал перед избирателями, старался угождать народу (что было в обычае того времени), быть обходительным и ласковым, что в корне противоречило его натуре.

Поддержку на выборах ему оказали римские популяры, признанным главой которых был *Сатурнин*. Сатурнин предоставил Марию огромные полномочия, сделав его по закону главой комиссии по наделению ветеранов Мария землей. Марий со своими солдатами, явившись на Форум, обеспечил принятие радикальных законов Сатурнина. Но вскоре пути их разошлись, и Марий позорно предал союзника, возглавив по требованию Сената расправу с его сторонниками во время беспорядков.

Однако Марий не только не был вознагражден за предательство, но заслужил презрение со стороны оптиматов и был скомпрометирован в глазах популяров. Шестикратный консул и «Спаситель отечества» ночью, как вор, вынужден был покинуть Рим под предлогом поклонения святыням на Востоке. По возвращении через несколько лет он обнаружил, что всеми забыт и не востребован. Недолгое участие в *Союзнической войне* было омрачено стремительным восхождением Корнелия Суллы, который отбирал у него военные лавры. Поэтому он охотно связался с трибуном *Сульпицием Руфом*, чтобы занять пост командующего армией на Востоке в войне с *Митридатом VI*, не рассчитав, что честолюбивый Сулла, вопреки всем традициям и законам Рима, не только не подчинится требованию магистратов, но и поведет свои войска на Рим, и Марию придется бежать от казни из тюрьмы, в чужом платье и после долгих скитаний скрываться в Африке. Но он верил в свою звезду и в услышанное в скитаниях пророчество, что он умрет не раньше, чем станет консулом в седьмой раз.

Через год он возвращается в Италию, причем победителем во главе войска, набранного из бедняков и рабов. Его призывает к власти консул Корнелий Цинна. Вместе они с боем вступают в Рим и устраивают жестокую резню сторонников Суллы — сулланцев. Здесь выплеснулись наружу глубоко таимые худшие качества его характера. Он помышлял только о мести: расквитаться со своими противниками оптиматами за все несчастья, за унижения и высокомерие к выскочке, — вот о чем думал он, мановением руки или холодным взглядом отправляя людей на казнь. Марий запрещал хоронить трупы сенаторов, а их головы приказывал выставлять на Форуме, у ростральной трибуны. «При виде разбросанных по улицам и попираемых ногами обезглавленных трупов, — отмечает Плутарх, — никто уже не испытывал жалости, а лишь страх и трепет». Зависть к успехам Суллы на Востоке, где он громил Митридата, игнорируя указы о своем отстранении, побуждала престарелого Мария, избранного-таки консулом 86 г. в седьмой раз, готовиться к походу на Восток. Однако в разгар приготовлений его скосила болезнь. Сказались годы лишений, старые раны и пьянство, которым великий человек заглушал горечь неудач. Перед смертью он бредил будущими победами и испустил дух 13 января 86 г. до н.э. Вместе с ним перевел дух и Рим.

Движение и гибель Сатурнина

Луций Апулей Сатурнин приобрел популярность в конце II в. до н.э. своими обличительными речами перед народом на Форуме, в них он открыто говорил о продажности знати. В 103 г. до н.э. Сатурнин первый раз становится плебейским трибуном и предлагает обширную программу преобразований: цена за хлеб должна быть снижена до минимума; судам, где заседали всадники, должны быть переданы важные дела о государственной измене, немало попортившие крови родовитым мздоимцам. Дважды Сатурнин получал из рук народа должность трибуна и дважды сенаторы всеми средствами стремились не допустить народ до голосования по предложенным им законам.

В конце концов при участии солдат Мария ему удалось навести порядок и дать, наконец, народу самому высказаться по вопросам, напрямую затрагивавшим их интересы. Опасения оптиматов были не напрасны. Народ, без их мудрого руководства, законы Сатурнина подержал, проявив свою верховную волю.

Сатурнин в третий раз выставил свою кандидатуру в трибуны и победил. Его сподвижник Сервилий Главция, ставший при помощи Ма-

рия претором год назад, теперь выступил соискателем консульской должности. Допустить такого усиления позиций сторонников власти народа сенатская знать не могла. С ее стороны был выдвинут в пику Главции Гай Меммий. Обе стороны зачастую прибегали к помощи силы: толпы вооруженной свиты повсюду следовали за конкурентами, агитируя с помощью дубин. В одной из потасовок получил дрыном по голове и Гай Меммий, который не преминул скончаться. Его смерть пришла как нельзя кстати. Сенат провозгласил организаторами убийства вождей популяров и поспешил объявить «Отечество в опасности». В ответ Сатурнин и Главция попытались поднять народ, но поддержки не получили. Отряды их сторонников, вооруженные дреколем, были заперты на Капитолии. Лишенные воды, они после недолгой осады вынуждены были сдаться.

Консул Гай Марий, переметнувшийся на сторону олигархов, лично обещал Сатурнину и Главции неприкосновенность как магистратам и запер их от ярости оптиматов в здании Курии Сената. Но злоба последних была столь разнузданна, что шайка молодых сыновей сенаторов взобралась на крышу Курии и, разобрав крышу из черепицы, забросала ею находившихся внутри узников, облаченных в торжественные тоги римских магистратов (трибуна и претора при исполнении обязанностей). Так кончил жизнь один из последних искренних защитников плебса, сторонников осуществления власти народа. Как видим, в Римской республике потихоньку входило в привычку зверски расправляться с народными вождями, проповедуя «кулачную демократию».

Плебейский трибун Сульпиций Руф

С деятельностью плебейского трибуна Сульпиция Руфа связано начало первой гражданской войны в Риме. Избранный трибуном в 88 г. до н.э. Сульпиций Руф объединился с томившимся без дела Гаем Марием в целях борьбы с засильем оптиматов. Поводом стало назначение Луция Корнелия Суллы по настоянию Сената командующим римской армии в провинции Азия для войны с царем Понта Митридатом VI. Популяры и всадники не могли примириться с тем, что богатой провинцией будет распоряжаться ставленник Сената. В пику ему Сульпиций Руф предложил возвратить из изгнания всех осужденных сторонников убитого оптиматами трибуна Сатурнина, едва ли пылавших любовью к Сенату. Более того, он поставил на голосование Народного собрания законопроект о распределении получивших права гражданства италиков по всем 35 трибам граждан, а не по восьми, как это сделал Сенат после окончания *Союзнической войны* (италики, таким образом, всегда оставались в меньшинстве). По его инициативе особое постановление трибунных комиций давало Марию власть проконсула Азии вместо Суллы.

Но благим пожеланиям Сульпиция Руфа не суждено было сбыться. Надежды на то, что магистрат, как и прежде, будет свято выполнять требования Народного собрания, рухнули, после того как честолюбивый Сулла открыто выступил во главе войска против Рима. Учиненная им расправа положила конец начинаниям Сульпиция Руфа и стоила жизни плебейскому трибуну и многим его сторонникам.

Союзническая война

В 90 г. до н.э. разгорелась Союзническая война (91—88 гг. до н.э.) — массовое восстание «союзных» Риму покоренных жителей Италии (италиков) за равные права с римскими гражданами. Самое активное участие в ней приняло племя марсов из Центральной Италии, почему ее часто именуют Марсийской. Вслед за ними восстали сабеллы, самниты, луканы и другие племена Средней и Южной Италии. Сторону Рима держали области крупных землевладельцев-ветеранов — Этрурия и Умбрия.

Восставшие италики сформировали две армии. Одна во главе с марсом Квинтом Помпедием Силоном действовала в северном направлении. Вторая под командованием талантливого организатора, самнита Гая Папия Мутила громила римлян на юге. Война велась с небывалым ожесточением и повсеместно. Поэтому римлянам тоже пришлось раздробить свои силы, тщетно бросая их на штурм крепостей или гоняясь за ускользающими противниками. Свою ненависть и злобу к восставшим римские полководцы вымещали на мирном населении, заливая кровью цветущие долины Италии. Особым зверством отличались действия легата *Суллы*. Он прошел мечом и огнем по землям марсов и самнитов, оставив после себя дымящиеся руины.

Тем не менее долгое время римляне терпели поражения. На сторону италиков переходили многие греческие города Кампании — Нола, Салерн, Помпеи. Возникла опасность отпадения верных этрусков и умбров. В этих условиях римскому Сенату не оставалось ничего другого, как расколоть ряды восставших, отряхнув от пыли времен действенный лозунг «Разделяй и властвуй». В 89 г. до н.э. специальным законом права римского гражданства даровались сохранившим верность Риму союзникам. Но этого оказалось недостаточно, и последовал более радикальный закон: все, кто в течение двух месяцев сложит оружие, станут римскими гражданами. Ряды повстанцев заколебались. Многие города вновь переметнулись на сторону Рима. Таявшие

силы восставших начали терпеть поражения. Пал город Аскул, а вслед за ним и столица италийской федерации Корфиний. Дольше всех сопротивлялись марсы, но их талантливый вожь Помпедий Силон погиб в 88 г. до н.э. в сражении. Наконец, в том же году была разгромлена последняя крепость восставших — Нола.

Тяжелейшая для всех народов Италии Союзническая война была закончена. Перед лицом тлевшей глубинной опасности нового возмущения римский Сенат поспешил предоставить всем италийцам (за редким исключением) полные права римских граждан. Удивительный факт истории: победители выполняют требования побежденных. Италия стала единой страной с единым народом. Но какой дорогой ценой! Целые области обезлюдели, цветущие города лежали в развалинах, сотни тысяч павших удобрили нивы Италии, десятки тысяч наиболее непокорных самнитов и марсов были обращены в рабство и выставлены на потеху публике на арены гладиаторских боев.

Корнелий Цинна и недолгое торжество марианцев

Луций Корнелий Цинна принадлежал к сторонникам *Гая Мария*. После изгнания последнего во время первого захвата Суллой Рима в 87 г. до н.э. Цинна сумел скрыть свои симпатии и, вопреки расчетам Суллы, был избран консулом на 87 г. до н.э. вместе с сулланцем Гнем Октавием. Но как только Сулла отбыл из Италии в Малую Азию на войну, Цинна развил бурную деятельность по возвращению из изгнания всех сторонников Мариа. Оптиматы устроили настоящую битву в Народном собрании, и посрамленному Цинне пришлось бежать из Рима. Но уступать он не собирался. Человек настойчивый и смелый, Цинна поднял на Рим армию, стоявшую в Кампании. К нему примкнули отряды италиков, видевших в Цинне защитника своих интересов. Подоспел и возвратившийся из изгнания Марий. Крупная армия Цинны и Мариа обложила Рим, в котором вскоре начался голод и вспыхнула моровая язва.

Своей властью Цинна объявил свободу рабам, присоединившимся к нему, и толпы рабов устремились из Рима. Наконец, город сдался, и торжествующие победители устроили в нем настоящую резню сторонников Суллы. Особенно усердствовали освобожденные рабы, мстящие своим бывшим хозяевам за все

унижения и обиды. Цинну, тоже рабовладельца, беспокоила выпущенная им самим наружу ненависть рабов к господам. Тогда он отдал приказ своему сподвижнику *Квинту Серторию* собрать их всех в одном месте под предлогом объявления о свободе и перебить с помощью солдат. Исполнительный Серторий справился с ответственным поручением.

С 86 по 84 г. до н.э. Цинна избирался консулом и стал фактически единоличным главой Рима (Марий вскоре умер). Цинна был толковым организатором и в целом отстаивал интересы широких слоев народа. Его правление было временем передышки от бесконечных войн и подъема уровня жизни людей. Он правил железной рукой, расправляясь с политическими противниками, но немало угодил римскому плебсу, значительно облегчив его долговое бремя. В благодарность италийцам за поддержку Цинна настоял на их равном распределении по всем 35 трибам государства. Их помощь обеспечивала ему переизбрание консулом. При нем была выпущена полноценная серебряная и золотая монета, что положило конец порче монеты, распространенной ранее, и навело порядок в торговле. Финансовая реформа была благосклонно принята главными финансистами — всадниками. Опираясь на широкую поддержку разных слоев народа, Цинна и марианцы в течение трех лет правили Италией. Не был забыт и главный враг популяров — Сулла. Пока он успешно воевал в Азии, его лишили звания проконсула и конфисковали имущество и виллы. На смену ему готовилась новая армия, но в ней вспыхнул мятеж, в ходе которого Луций Корнелий Цинна был убит.

Битва за Рим

Весной 83 г. до н.э. на юге Италии в Брундизии высадилось 40-тысячное войско, командовал которым проконсул *Луций Корнелий Сулла*. Недавно он одержал славную победу над Митридатом VI Эвпатором и по закону обязан был распустить армию и явиться в Рим для доклада Сенату. Но Сулла не сделал ни того ни другого. Идеалы народного суверенитета и нормы республиканской морали не волновали этого беспринципного человека. Снедаемый честолюбием и презрением к «черни», как он называл популяров, Сулла выбрал уже проторенный им четырех лет назад путь гражданской войны.

Тогда, в 87 г., он без угрызений совести поднял мятеж в армии против решения Народного собрания, что было немыслимо

для строгих «отеческих» нравов. Наемные солдаты его армии потребовали, чтобы их собственный полководец повел их на Рим. Многие командиры в ужасе отказались участвовать в столь чудовищном попрании законов и традиционных республиканских норм, но Сулла колебался недолго. Даже делегации посланцев Сената не смогли остановить его: он громогласно заявил, что идет «ниспровергать тиранов» (консула Мария и плебейского трибуна *Сульпиция Руфа*). «Тираны» вместе со множеством сторонников были убиты или бежали из Рима, а Сулла единовластно утвердил законы, взрывающие существовавший в Риме порядок управления. Но армия, единственная его союзница, тогда требовала похода на Восток ради огромной добычи. И Сулла вынужден был бросить дела незавершенными, за что и поплатился: теперь, в 83 г. ему противостояла сильная армия марианцев и поддерживавший их Рим.

Однако, пока консульские армии сторонников Мария ожидали Суллу в Кампании, тот укрепился в Апулии и энергичными действиями, разумной политикой в отношении италийцев сколачивал новые легионы. Осенью 83 г. он нанес поражение в Кампании консулу Норбану и переманил на свою сторону войска второго консула, соблазнив их высоким жалованием (сказались отрицательные последствия военной реформы Мария!).

На следующий год Сулла разделил свои войска: одна часть пошла в Этрурию и Пицен, вторая направилась на Рим. Битва за Рим произошла у городка Сигний и была на редкость кровавой. Превосходившая числом армия марианцев состояла из новобранцев и не смогла выдержать натиска закаленных в походах легионеров Суллы. Путь на Рим был открыт. Заняв город, Сулла отправился в Этрурию, где разгромил войска консула 82 г. Карбона. Война, длившаяся полтора года близилась к развязке.

Побоище у Коллинских ворот

Судьба Рима и Корнелия Суллы была решена в октябре 82 г. до н.э. Тогда к Риму, занятому войсками Суллы, прорвалась 70-тысячная армия самнитов и остатков марианских войск. Сулла спешно стягивал отовсюду свои войска, положение становилось угрожающим. **1 ноября 82 г. до н.э.** прямо под стенами Рима у Коллинских ворот сошлись в смертельной схватке две римские армии. Сражение было невероятно ожесточенным и кровопролитным. Весь день, всю ночь и следующий день не прекращалась сеча. Смертельные враги дрались без пощады, пленных почти не было. Все понимали, что решается будущее не толь-

ко политической власти той или иной группировки; по сути вершилась судьба всего дальнейшего пути государства. Отблеск истории сверкал на мечях бойцов. Гигантским напряжением сил победа осталась за сулланцами. И это стало прологом к диктатуре Суллы. Битва у Коллинских ворот была началом конца Римской республики.

Луций Корнелий Сулла — лев или лисица

Личность Суллы (138—78 гг. до н.э.) была чрезвычайно противоречивой. Родом он был из знатнейшей патрицианской фамилии прославленного рода Корнелиев и рано сделал политическую и военную карьеру, хотя в молодые годы предпочитал пиры и попойки государственным обязанностям. Крупный полководец, Сулла пользовался огромным авторитетом среди солдат. Необузданная смелость была отличительной чертой его характера, в сочетании с умом и хитростью: его называли полульвом и полулисицей, причем лисица была гораздо опаснее.

Сулла был соткан из противоречий. Его эгоизм сочетался с величайшими амбициями. Жадность до денег сопровождалась у него с непомерным расточительством. Исключительная жестокость соединялась с холодной иронией. Сулла был человеком образованным, прекрасно знал греческую литературу и философию, но в то же время верил в судьбу, суеверия, сновидения и знамения. К своему имени он прибавил прозвище «Феликс» (Счастливым), а богиню Венеру считал своей покровительницей.

Сулла первым получил неограниченную пожизненную диктатуру, но несказанно удивил современников отказом от нее в 79 г. до н.э. После этого он удалился в свое поместье близ Кум на берегу Неаполитанского залива и проводил там время в праздности, занимаясь писанием мемуаров, охотой и разнузданными пирами и оргиями в обществе актеров, мимов и куртизанок. Долгое время его терзала странная неизлечимая кожная болезнь: и на гребне успеха она отравляла ему жизнь напоминанием о бренности всего земного. Полагают, что это была кожная болезнь типа экземы или рака кожи. Даже в этом проявилась загадочность его личности. В 78 г. до н.э. Сулла опять-таки неожиданно скончался, то ли от своей болезни, то ли утопленный банщиком в бассейне, где он пытался смягчить мучительную боль. Странная смерть этого незаурядного человека поставила точку в его странной судьбе, но породила множество домыслов: кто же он был — авантюрист или мудрый государст-

венный деятель, прожженный циник или искренний романтик, ревнитель республиканских традиций или предтеча единовластной монархии, — однозначного ответа нет до сих пор.

Диктатура и конституция Суллы

Луций Корнелий Сулла после захвата Рима в 82 г. до н.э. возродил чрезвычайную должность *диктатора*, не применявшуюся полтора столетия, со времен Пунических войн. Послушный и деморализованный террором Сенат не посмел отказать, и Сулла получил диктатуру «для издания законов и устройства дел в государстве». Неопределенность целей наделяла Суллу неограниченными полномочиями во всех сферах жизни вплоть до издания любых законов. Древняя диктатура всегда ограничивалась сроком в полгода, Сулла же был наделен ею бессрочно. Его власть более походила на монархию, нежели на республиканскую должность. В сущности, именно Сулла стал провозвестником нового образа правления государством во главе с единоличным правителем.

Деятельность Суллы на посту диктатора была направлена на восстановление древней центуриатной системы, восходящей аж к *Сервию Туллию*. Как прирожденный романтик, Сулла полагал, что в его силах вернуть развитие государства на пять веков вспять и снова войти в ту же реку. Поэтому он возвратил забытые полномочия центуриатным комициям, оттесненным давно трибунным собранием. Он возродил *цензовую систему* Сервия Туллия, по которой все вопросы решались перевесом голосов первого цензового класса, т.е. в его время — богатыми нобилиями и собственными ветеранами Суллы.

Он резко ограничил власть *плебейских трибунов*: они могли лишь защищать дела отдельных плебеев (как в Ранней республике), а любой их законопроект вначале пристрасно рассматривал Сенат. Претерпели изменения и высшие магистратуры. Отныне был установлен строгий порядок прохождения должностей; одну и ту же должность нельзя было занимать менее чем через десять лет. Именно Сулле принадлежит важнейшая инициатива создания настоящей судебной системы — постоянных судебных комиссий по уголовным делам. Состав Сената Сулла пополнил 300 своих сторонников (многие даже не занимали ранее магистратур) и довел его до 600 человек.

Формально Сулла восстанавливал (и вполне искренне) традиционную аристократическую республику, «отеческие» поряд-

ки. На деле же своей деятельностью он унавоживал почву для прорастания идей монархического правления. Ужас, вселенный им в души сограждан, был настолько велик, что ни один не осмелился потребовать у него отчета в бесчисленных преступлениях, после того как он неожиданно сложил с себя полномочия — никто уже не верил в неприкосновенность личности и соблюдение законов.

Проскрипции

Первоначально «проскрипциями» (от *proscribo* — *объявлять*) называли объявления о государственных делах, которые вывешивали на площадях и улицах Рима. Впервые жуткий смысл этому слову приддал диктатор Сулла. Захватив власть в Риме в ноябре 82 г. до н.э., Сулла жестоко расправился со своими противниками-марианцами. Он сразу же созвал заседание Сената в храме Беллоны. В это время на расположенное поблизости Марсово поле было согнано до 6 тысяч плененных самнитов — сторонников Мария. Исполняя приказ Суллы, солдаты перебили всех пленных. До сенаторов доносились ужасающие вопли и стоны избиваемых. Сенаторы пришли в ужас. Сулла хладнокровно попросил их хранить спокойствие и не отвлекаться, так как это всего лишь «по его приказу учат нескольких мерзавцев». Но это было лишь начало беспощадному и систематическому истреблению сограждан.

Чтобы придать видимость законности развязанному им террору, он приказал издать проскрипционные списки лиц, казавшихся ему подозрительными. В них были включены не только противники Суллы, но и сочувствующие им. Все они объявлялись вне закона: всякий, кто убивал их или выдавал властям, получал награду — часть имущества казненного. Это породило чудовишные злоупотребления; в списки стали включать просто богатых людей. За счет их имущества, переходившего в казну, Сулла хотел поправить пошатнувшееся финансовое положение государства, а его приверженцы, среди которых были и вольноотпущенники, и ветераны, — личные состояния.

Так, молодой и разнузданный распутник *Луций Сергий Катилина*, запутавшийся в долгах и кутежах сторонник Суллы, зарезал мечом сулланца патриция *Гратидиана*, гулявшего по берегу Тибра, за то, что тот отказался ссудить его деньгами. Голову убитого Катилина бросил к ногам Суллы, нагло заявив, что убил врага. Сулла закрыл на это глаза. Имущество и земля казненных продавались с аукциона, и дальновидный *Марк Лициний Красс*, один из помощников диктатора, сказочно обогатился, скупая дома и земельные участки за бесценок. Нередко людей убивали прямо на улице, сводя личные счета. Убийства ближайших родственников ради наследства оставались безнаказанными, а их имена заносили в списки проскрипций задним числом, что прида-

вало бесчеловечным преступлениям вид законности. Жители Рима каждое утро со страхом вчитывались в новые списки, которые развешивались на стенах домов, опасаясь найти в них свое имя.

Родственникам проскрибированных (т.е. попавших в списки, иначе говоря, обреченных) запрещалось оплакивать их судьбу и занимать в будущем государственные должности. Головы убитых консулов и сенаторов выставлялись на Форуме, в этом Сулла превзошел даже Мария. Всего было перебито (только по официальным данным) 90 сенаторов и 2 600 всадников. Рабы проскрибированных получали свободу и становились личными клиентами Суллы. Из них он составил специальную трибу Корнелиев (от 10 до 40 тысяч человек). Через них Сулла мог оказывать давление на Народное собрание.

Сулла обрушил репрессии и на целые италийские общины, поддержавшие в гражданской войне марианцев. В Самний и Этрурию были посланы карательные отряды. Самний после этого был настолько опустошен, что никогда более не мог оправиться. В результате проскрипций в руках Суллы сосредоточились громадные денежные средства и земельные владения. Это позволило ему из «личных» средств удовлетворить своих приверженцев и наделить землей верных ему *ветеранов*, получивших по 30 югеров (7,5 га) земли. Благодаря расселению 120 тысяч ветеранов на некоторое время было возрождено мелкое крестьянство. Таким своеобразным способом Сулла поставил главный козырь популяров, вопрос о переделе земли, на службу олигархии.

Проскрипции Суллы произвели ужасное впечатление на современников, что не помешало последователям первого диктатора с пользой для себя применять этот полезный опыт. Проскрипции во время гражданских войн в 40—30-е годы I в. до н.э. становятся обыденной практикой всякого переворота. Цезарь и Август, Помпей и Антоний в борьбе со своими противниками вводят новые проскрипционные списки, куда более обширные и жестокие.

Ветераны

Ветеранами (от *vetus* — «старый») называли римских легионеров, отслуживших в армии не менее двадцати лет. Они пользовались существенными привилегиями и были освобождены от общественных повинностей и налогов. В обществе они занимали почетное положение, а в местных городах нередко составляли правящую верхушку. Со времени Гая Мария вышедшим в отставку солдатам стали давать земельные наделы (от 30 до 100 югеров) разных частях Италии и даже в провинциях; причем не только от государства, но и из личных средств полководца. В истории Рима растущая прослойка земельных собственников из ветеранов служила опорой власти влиятельных политических деятелей. В эпоху Империи ветераны служили резервом для пополнения легионов.

Отречение диктатора

Завершение диктаторской карьеры Суллы было абсолютно неожиданным. Этот непонятный многим современникам человек совершил поступок, над которым историки ломают голову и по сей день: в 79 г. до н.э., завершив установление новой конституции, Сулла добровольно сложил полномочия бессрочного диктатора и отрекся от власти. В речи перед Сенатом он публично объявил, что удаляется в частную жизнь и готов по обычаю дать полный отчет в своих действиях каждому, кто потребует (напомним, что любой гражданин мог привлечь бывшего магистрата к суду). Потрясенные сенаторы молчали. Тогда Сулла распустил ликторов и телохранителей и, сойдя с трибуны, отправился через толпу домой пешком в сопровождении нескольких друзей.

Как только не объясняли это поведение кровавого диктатора! Но ответ, скорее всего, лежит на поверхности. При всей своей беспринципности Сулла был человеком своего времени. Он действительно хотел восстановить «истинную» Республику времен Валерия Попликолы и Фурия Камилла и свято соблюдал исконные традиции. А потому, исполнив задуманное, он, как и предписывалось, сложил с себя диктатуру.

Погребение Суллы

Кончина кровавого диктатора Луция Корнелия Суллы в 78 г. до н.э. ознаменовалась необычайно пышными для эпохи Республики похоронами. Смерть его вызвала бурю противоречивых эмоций среди противников и сторонников в Риме. Первые требовали лишить его погребения за государственный счет — высшего почета. Но победили сторонники Суллы. Как передает историк Аппиан, тело бывшего диктатора было провезено напоказ в течение десяти дней по всей Италии и доставлено в Рим.

Катафалк с умашенным благовониями телом Суллы, завернутым в золотисто-багряную императорскую мантию (палудаментум) сопровождали в путешествии 200 римских сенаторов, представители городов Италии, 24 ликтора, более 50 тысяч воинов в полном вооружении, несколько тысяч вольноотпущенников Суллы из трибы Корнелиев и тысячи римских матрон в серых траурных столах. В Риме тело Суллы в «царском облачении» несли на золотом ложе в сопровождении трубачей и флейтистов, игравших похоронные напевы; затем шли свыше 500 наемных плакальщиц в траурных одеждах, которые рвали на себе волосы и вопили о славных деяниях покойного. Затем рабы несли восковые изображения предков Суллы и трофеи его побед в Греции, Малой Азии и итальянских войнах — венки, ожерелья и боевые награды. Затем шествовал загримированный под Суллу актер, изображавший его живым: в той же одежде и знаках отличия. Перед телом Суллы несли фас-

ции с топориками, знаки его диктаторского достоинства при жизни. Ветераны войск Суллы в полном вооружении стекались отовсюду и выстраивались в походном порядке со своими позолоченными знаменами и в посеребренном вооружении.

Наиболее пышное зрелище развернулось около городских ворот. В процессии несли, как передает Аппиан, больше двух тысяч спешно изготовленных золотых венков, дары от городов, сулланских легионов и его друзей. Из страха перед собравшимся войском тело Суллы сопровождали все жрецы и жрицы, организованные по своим жреческим коллегиям, все должностные лица со знаками своей власти и весь Сенат. Сенаторы и всадники громко причитали: «одни истинно скорбят по Сулле, другие из страха перед ним, — сообщает Аппиан, — он был и мертвый самым страшным противником для них».

Надгробную речь на Форуме произнесли лучшие из тогдашних ораторов. Затем наиболее сильные из сенаторов подняли труп на плечи и понесли его к *Марсову полю*, где ранее хоронили только царей. Процессия проходила по широкой и длинной улице Лата, вдоль которой были воздвигнуты арки, увитые гирляндами из ветвей мирта и кипарисов. На середине Марсова поля саркофаг с телом Суллы, завернутым в огнеупорную асбестовую простыню, чтобы можно было отделить прах от простых углей, водрузили на огромный холм из деревянных брусьев. Служитель-виктимарий принес в жертву множество животных, кровь которых, смешанную с вином, молоком и медом, разбрызгали вокруг костра. После этого в костер окружавшие начали лить благовония, бросать ароматические мирру и ладан, осыпать его венками из цветов и лавров. Затем у подножия костра состоялись бои гладиаторов в честь покойного, причем по обычаю все гладиаторы должны были умереть, никто не мог остаться в живых, поэтому раненых добивали. Наконец, после окончания погребальных обрядов костер был подожен; пламя быстро охватило его и окутало облаком благовонного дыма. После сожжения прах диктатора был собран плакальщицами с воплями и причитаниями в бронзовую урну с инкрустациями. Она была установлена в храме Геркулеса Победителя, а затем перенесена в гробницу, устроенную тут же на Марсовом поле.

Квинт Серторий — возмутитель Испании

Квинт Серторий (123—72 гг. до н.э.) был крупнейшим из вождей марианцев, сподвижником *Корнелия Цинны*. Он происходил из богатой семьи, чьи поместья лежали в землях сабинян. Еще в молодом возрасте он сражался в боях с *кимврами* (105—102 гг. до н.э.), отличился легатом в *Союзнической войне*. Опасностей не избегал, от службы не уклонялся и зарекомендовал себя храбрым и способным командиром (еще в 97 г. до н.э. раз-

бил гирисенов). Во время гражданской войны он деятельно боролся на стороне Гая Мария, хотя всегда держался по отношению к нему независимо. В 83 г. до н.э. незадолго до вторжения в Италию Суллы ему в качестве претора было поручено управление провинцией Испанией, которое он и осуществлял до 81 г., отличаясь разумностью и справедливостью к местным племенам. После утверждения власти Суллы Серторий вынужден был бежать в Африку.

Несколькими годами позднее испанцы позвали его вернуться. Выбив из Испании сулланских администраторов, Серторий начал войну против сенатской знати. При нем Испания стала центром марианцев, бежавших от преследований Суллы. В непростой политической обстановке в провинции Серторий проявил себя блестящим организатором и талантливым военачальником, тонким политиком и дипломатом. Он привлекал к себе представителей местной племенной знати и вербовал иберов в свои войска, где они обучались, вооружались и тренировались по римскому образцу. Но командные должности оставались в руках римлян. Позднее из 300 римских знатных изгнанников он составил Сенат, который назначал должностных лиц и ведал всеми делами провинции. Как бы ни дружелюбно относился Серторий к иберам, он оставался прежде всего римлянином, со всеми присущими им предрассудками. Он никогда не был изменником интересам Рима, не помышлял о нанесении ему ущерба, целью его было лишь свержение сенатского господства в Риме:

В середине 70-х годов I в. до н.э. положение Сертория было настолько прочным, а угроза его вторжения в Италию настолько реальна, что Сенат пошел на беспрецедентный шаг, лишь бы удалить этот кровоточащий нарыв, пока примеру Сертория не последовали другие провинции. Для борьбы с неуязвимым мятежником был отправлен молодой *Гней Помпей*, который еще не занимал ни одной государственной должности.

Гней Помпей вначале также терпел поражения от Сертория. Но жесткость мер против ослушников и дипломатический талант Помпея по отношению к галльским племенам позволили ему ослабить силы Сертория. В Испании Помпей щедрыми наградами верных римлянам городов, методом «кнути и пряника» укрепил власть римлян и посеял раздор среди иберийских племен. А Серторию приходилось воевать на два фронта и требовать от своих союзников все больших жертв. Это вызывало не-

довольство местных вождей, понимавших, что они нужны Серторию только как поставщики военной силы. Но хотя войска Сертория таяли, благодаря своему военному таланту, он оставался непобедим.

Бедра подкралась к Серторию с другой стороны. Не без помощи римских лазутчиков и агитаторов в лагере испанских повстанцев возник заговор среди приближенных Сертория. Возглавил заговор Марк Перперна. Он был командиром у консула Лепида, а после его поражения в 78 г. до н.э. сумел увести значительное войско на соединение с мятежным вождем. Став правой рукой Сертория, Марк Перперна храбро воевал против Метелла Пия. Но снedaемый честолюбием, он постепенно начал тяготиться второй ролью. Этим и воспользовались римляне, ведь зависть — лучшая основа для предательства. В 72 г. до н.э. во время пира Перперна вместе с другими заговорщиками напал на ничего не подозревавшего Сертория, и тот пал, пораженный дюжиной кинжалов (не помогла и *белая лань*).

Гибель талантливого и любимого вождя привела к распаду армии. Перперна не пользовался и малой толикой популярности Сертория. Вскоре он был разбит Помпеем, взят в плен и казнен. Казнь Перперны была возмездием за свершенное предательство. Испания же была усмирена. Но движение Квинта Сертория стало тревожным сигналом, всколыхнувшим незыблемое единство Римской державы и безропотной покорности провинций, которые все больше аккумулируют национальные противоречия и политический взрыв грядущих гражданских катаклизмов.

Белая лань и римская булла

Среди иберийского населения Квинт Серторий пользовался огромным авторитетом. Его считали избавителем от власти Рима, обладавшим особой божественной силой. Рассказывали, что Сертория сопровождает повсюду белая лань, которая передает ему волю богов. Серторий не спешил развеять эти слухи, так как они придавали налет божественного промысла его деяниям. А деяния были поистине титанические. Не в пример остальным римским наместникам Серторий видел в иберах равных себе людей и стремился привить им римский образ жизни, образование и культуру. В городе Оске он открыл школу, в которой учились дети местной знати, изучали латинский и греческий языки. Он даже самолично отмечал их совершеннолетие, надевая им на шею буллы — золотые медальоны, которые носили римские подростки знатных из семей. Правда, в этом была и обратная сторона: уче-

ники служили своего рода заложниками, обеспечивая верность местных старейшин и вождей Серторию.

Пример Сертория показал, что римляне могут обеспечить свою власть над провинциями, только опираясь на местную знать и распространяя среди населения римскую культуру и традиции.

СТАГНАЦИЯ ВЛАСТИ (БУРНЫЕ 70—60-е)

Гней Помпей и популяры

Гней Помпей (106—48 гг. до н.э.) в молодости был очень недурен собой. Приятная наружность сочеталась в нем с внутренней зрелой силой и царственными повадками. Чувствовалось, что он рожден быть первым. Внешнее отдаленное сходство с Александром Македонским дало повод завистникам к поддразниванию, но когда Помпей получил в юном возрасте прозвище «Великий» (Магн), смешки прекратились. Насколько римляне ненавидели его отца, Помпея Страбона, за его корыстолюбие (его тело даже сбросили с погребального ложа), настолько они благоволили к его сыну. К тому было много оснований: умеренный образ жизни, военная выучка, ораторские дарования и приветливое обхождение располагали к нему людей.

Свою военную карьеру Помпей начал рано, пережив ряд судебных процессов, доставшихся ему в наследство от папеньки. Он отличился во время *Союзнической войны*, а после высадки в Италии Суллы в 83 г. Помпей в числе первых привел к нему большой отряд, который он набрал в Пицене, где располагались его латифундии. Он удачно сражался против войск марианцев в Италии. Затем ему была поручена борьба с ними в Сицилии и Африке, хотя он по молодости лет и не занимал еще ни одной магистратуры. Фортуна была благосклонна к нему, солдаты провозгласили его императором, а Сулла наградил вопреки порядку триумфом и приклеил ему прозвище «Великий», прозорливо угадав, что этот молодец далеко пойдет. И Помпей действительно пошел... Именно он воспрепятствовал попыткам запретить похороны Суллы на Марсовом поле, а вслед за этим выступил на стороне оптиматов против Марка Лепида и Марка Юния Брута, поднявших мятеж против сулланских порядков в Этрурии и Цизальпинской Галлии. Сдавшегося ему Брута он милостиво отпустил в изгнание, но по дороге на всякий случай

приказал убить, а Сенату отправил письмо, полное поклепов на Брута. Так проявлялось присущее Помпею, по уверениям летописцев, человеколюбие.

Успешная борьба с *Серторием* и победа над его преемником Перперной многократно увеличили славу Помпея, тем более что жалование воинам он платил из своих несметных средств. Участие в подавлении восстания *Спартака* также содействовало упрочению его положения. Впрочем, не только победы над врагами были главной опорой его популярности. Помпей был одним из крупнейших землевладельцев. Его поместья занимали почти всю область Пицен, огромные латифундии он приобрел и в Испании, непринужденно совмещая служение Республике с личным обогащением. Он имел многочисленных клиентов и, подобно Крассу, считал достойным лишь того человека, который способен выставить из клиентов целую армию. Сам Помпей был на это способен.

Но сенатская знать, получившая из рук Суллы всю полноту власти, отнюдь не приветствовала чрезмерное возвышение отдельных своих представителей, ей было достаточно и одного Суллы. Поэтому, вернувшись из Испании, увенчанный славой Помпей с удивлением обнаружил, что спесивый нобилитет не горит желанием вознаградить его триумфом, а его солдат — земельными наделами. В пику нобилитету Помпей обратил горящий взор в сторону популяров, заделавшись ревностным поклонником власти Народного собрания и тех вождей, которые им правят. Он даже сблизился со своим давнишним соперником *Марком Лицинием Крассом*, одним из немногих, превосходивших Помпея богатством и числом клиентов и рабов. Сближение заклятых друзей настолько испугало Сенат (ведь армии обоих стояли в Италии), что оба быстро получили искомое: Помпей — консульство и триумф, а Красс — просто консульство. Потихоньку ненавидя друг друга, верные сулланцы Помпей и Красс, тем не менее, использовали свое консульство (71 г. до н.э.), чтобы торжественно похоронить конституцию Суллы. По их законам, восстанавливалась в полном объеме власть плебейских трибунов, расширялось поле деятельности Народного собрания, возрождались должность цензоров, а в судебные комиссии, кроме заевшихся сенаторов, были введены всадники и эрарные трибуны из состоятельных горожан. Новоизбранные цензоры немедленно вычистили из Сената десятую часть состава, недругов Помпея и Красса, как морально разложившихся.

Больше всего выиграл от реставрации досулланских порядков Помпей. Слава была гарантией его популярности в народе, а влияние в ожившем Народном собрании ему обеспечивали преданные и бойкие ветераны. Не успев отдохнуть от трудов, Помпей вновь призывается к спасению отечества, на этот раз от *пиратов*. Получив неограниченные полномочия в 67 г. до н.э., Помпей с блеском выполняет эту трудоемкую операцию и почти без перерыва отправляется в 66 г. по призыву народа завершать третью войну с неугомонным царем Понта Митридатом VI. Преследуя отступающего на север Митридата, Помпей в 64 г. до н.э. появился в Закавказье и дошел до реки Фасис (совр. Риони в Грузии), приведя в подчинение Риму племена албанцев и иберийцев. После этого он занял без боя древнюю столицу Армении Артаксату и вынудил гордого Тиграна II сложить оружие.

Завершив в 64 г. до н.э. подчинение Понтийского царства, Помпей образует на месте него новую римскую провинцию Вифиния и Понт. Блистательные победы над старым ненавистником Рима сопровождаются эффектным покорением могучей Армении и стремительным завоеванием Киликии, Сирии, Палестины, Финикии и Иудеи. Весь Восток лежит у ног новоявленного Александра (вот и проявилось подростковое сходство!). Как и он, Помпей основывает новые города и тасует правителей уже существующих. Он принимает посольства Египта и Парфии и вмешивается в династическую борьбу местных царьков. Своею великою волей Помпей перекраивает границы зависимых стран и вручает Сенату и народу римскому новые провинции.

В Иудее Помпей по просьбе религиозно-политической группировки фарисеев вмешался в спор между двумя братьями, оспаривавшими друг у друга царский трон. В 63 г. до н.э. римская армия подошла к Иерусалиму. Иудейские жрецы сдали город римлянам без боя, но главную святыню иудеев, знаменитый храм Соломона, расположенный на хорошо укрепленной возвышенности, удалось захватить только после длительной осады. Ставленник жрецов Гиркан был признан под давлением Помпея первосвященником и «правителем народа», но не царем. Иудея лишилась завоеванных ею ранее греческих и финикийских городов и была поставлена в полную зависимость от Рима как часть провинции Сирия (своего рода автономный округ). Огромные завоевания Помпея заставили заиграть новым блеском его давнее прозвище «Великий».

Пока Помпей ковал славу Рима и свою собственную на Востоке, в Риме кипели бурные страсти. Был подавлен *заговор Катилины*, общество заботило обострение земельного вопроса. Короче, все с тревогой ждали возвращения из победоносного похода очередного «спасителя». Но Помпей повел себя более чем странно для успевших отвыкнуть от соблюдения законов и гражданских добродетелей римлян. Прибыв в Италию в декабре 62 г. до н.э., Помпей, как и предусматривал обычай, распустил свои войска (вместо того чтобы повести их на Рим!) и явился пред очи Сената доложить о победах и приобретениях римского народа. Трусливая сенатская аристократия, которая так боялась «железных» легионов Помпея, после их роспуска вдруг вспомнила о своем верховенстве и приложила все усилия, чтобы унижить прославленного полководца. Ему мстительно было отказано в консульстве на следующий год и не утверждены все распоряжения, сделанные им на Востоке (хотя речь шла о новых, еще не разграбленных провинциях!). Не посмев воспретить проведение триумфа, Сенат в отместку провалил предложение плебейских трибунов о наделении его ветеранов земель.

Помпей оказался у разбитого корыта, даже пышный триумф ему удалось справить только через год без малого (28—29 сентября 61 г. до н.э.). Но, будучи человеком решительным и злопамятным, он не замедлил с ответом. И неизвестно, как повернулась бы вся римская история, если бы не эгоистично спесивая позиция римского Сената. Но это уже другая история.

Борьба Помпея с пиратами

Со времен войн Рима с Митридатом огромные масштабы приняло пиратство. Пираты воспользовались тем, что Риму сейчас не до них, и вовсю развернули разбойничий промысел во всех уголках Средиземноморья. На своих легких кораблях либурнах и керкурах они грабили торговые суда, нападали на прибрежные селения многих стран, опустошали острова и даже заставляли города платить им дань. Дерзость их доходила до того, что они нападали даже на порт Рима город Остию. Всюду хватали они свободных людей и обращали их в рабство, отпуская лишь за огромный выкуп. Однажды в их руках оказались даже два римских претора. Так, они захватили корабль юного Гая Юлия Цезаря, когда он возвращался из поездки в Азию. Правда, будущий диктатор проявил свой истинно римский гонор: с пиратами держался высокомерно, а после уплаты выкупа и освобождения добился снаряжения в погоню римских кораблей и лично смотрел, как вешают на реях его

захватчиков. Но далеко не всем довелось иметь столько денег и влиятельных покровителей.

Оплотом пиратов были Балеарские острова, Крит, Кипр, Иллирия и труднодоступные прибрежные районы Киликии, области на юге Малой Азии, где пираты даже основали свое царство с базой в городе Коракесий. Там они имели верфи и гавани, крепости и более тысячи кораблей. Судоходство по Средиземному морю в 70—60-е годы I в. до н.э. было затруднено, нарушился даже подвоз хлеба в Рим.

Римляне неоднократно высылали против них экспедиции: в 78 г. консула Публия Сервилия в Киликию, в 74 и 68 гг. Марка Антония и Квинта Метелла на Крит. Но все безрезультатно. Наконец, в 67 г. до н.э. по закону Габиния чрезвычайными полномочиями для борьбы с пиратами, причем на неопределенный срок, был наделен Гней Помпей. Он принял командование над всем Средиземным морем и побережьем в 75 км глубины. Ему подчинены были все наместники провинций и должностные лица. В его распоряжение была предоставлена армия в 120 тысяч пехотинцев и пять тысяч всадников и флот из 500 кораблей.

Помпей разбил все море на 30 округов. Во главе каждого был поставлен начальник с необходимым количеством военных кораблей. Эскадра Помпея из 60 лучших кораблей крейсировала в Тирренском море. Одновременные и повсеместные действия римлян исключали возможность перебазирования пиратов в новые районы. Корабли брали пиратов на abordаж или загоняли в засады. В течение сорока дней Западное Средиземноморье было очищено от пиратов. Затем Помпей перенес боевые действия в его восточную часть и сосредоточил удар по гнезду пиратов — Киликии. Разбив их флот, Помпей высадил войска на побережье Малой Азии и после ожесточенного штурма взял их столицу Коракесий. Более 120 крепостей было разрушено, ликвидировано более десяти тысяч пиратов и захвачено до 400 судов. Вся «антитеррористическая» экспедиция, действовавшая на огромном водном пространстве, продлилась всего 49 дней (уникально короткий срок даже в наше время). В результате нее весь бассейн Средиземного моря был очищен от пиратов, которые уже никогда не смогли возродить былую мощь, а к Риму присоединены остров Крит и Киликия. Сношения Рима со всеми провинциями стали после этого на долгое время безопасными.

Заговор Катилины

В течение 63 и 62 гг. до н.э. весь Рим лихорадили события, связанные с демагогической деятельностью Луция Сергия Катилины. В молодости он был рьяным сторонником Суллы, и не по убеждениям (он сам был знатный патриций), а из-за возможности вдоволь нажиться на *проскрипциях* и всласть утолить нео-

долимую тягу к буйству и убийствам. Спустя двадцать лет буян и брETER так и остался таковым. Историк Саллюстий, оставивший сочинение «О заговоре Катилины» характеризует своего героя следующими словами: «Духом он был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало». Добавить к этому панегирику нечего.

Распутство и кутежи вечно запутывали его в долгах, не удивительно, что он горячо сочувствовал таким же, как он, бедолагам, благо в Риме того времени их было хоть пруд пруди: разорившиеся ветераны Суллы и залезшие в долги городские плебеи, злостные квартирные неплательщики и промотавшиеся нобили — все благожелательно внимали его разглагольствованиям по поводу необходимости отмены долгов, стоит только выбрать его, Катилину, консулом.

С тревогой прислушивался к таким популистским речам главный противник Катилины знаменитый оратор и судебный деятель *Марк Туллий Цицерон*, избранный в 63 г. до н.э. консулом. Катилина же на выборах провалился — подвели должники — и еще пуще возненавидел «выскочку» Цицерона. От слов Катилина перешел к делу и начал составлять заговор, в который вовлек многих знатных, но разорившихся сенаторов, оболтусы из числа «золотой молодежи» пришли на запах сами. Они проводили тайные сходки, плавно перераставшие в попойки, готовили оружие, вели агитацию среди разоренного населения Этрурии и Северной Италии. Обо всем многочисленные осведомители подробно докладывали Цицерону. Но что мог сделать один человек из незнатной семьи против прожженного патриция, за которым стеной стоял нобилитет. Город полнился слухами, а сам виновник вел себя задиристо и нагло. Он являлся на заседания Сената (как бывший магистрат) и открыто вел агитацию.

Только 21 октября 62 г. до н.э. Цицерон получил сведения о сроках переворота и выступил на заседании Сената, добившись принятия постановления о наделении себя чрезвычайными полномочиями. Вскоре пришло известие, что сторонник Катилины в Этрурии поднял восстание. Катилина же как ни в чем не бывало оставался в городе, готовя переворот, чтобы расправиться с противниками и прежде всего с докучным Цицероном. Узнав об этом, Цицерон действовал решительно и смело. Он собрал 8 ноября Сенат, где произнес свою знаменитую гневную

речь, в которой обвинял Катилину в лице в организации заговора и бросал малодушным сенаторам упрек: «Доколе мы будем сносить издевательства Катилины»? Испуганные размерами опасности, сенаторы встали на сторону Цицерона, и Катилина вынужден был покинуть Рим, отправившись в Этрурию.

Оставшиеся в городе заговорщики лишились души заговора и не нашли ничего лучше, как попытаться переманить на свою сторону послов галльского племени аллоброгов, обещая поддержку их требований. Аллоброги же поступили разумнее и выдали заговорщиков властям. Это позволило арестовать почти всех участников заговора в Риме. В декабре на заседании Сената Цицерон требовал сурового наказания виновных, но дело чуть не испортил Цезарь. Он заявил, что казнь римского гражданина, тем более без права провокации, противоречит закону. Но на стороне Цицерона выступил молодой Марк Порций Катон Младший. Судьба заговорщиков была решена. На следующий же день они были задушены в Мамертинской тюрьме. Цицерон получил титул «Отец отечества». Однако он не спас оратора от позора изгнания именно за незаконную казнь римских граждан.

Кульминация восстания Катилины пришлась на начало 61 г. до н.э., когда он с войском своих сторонников предпринял безрассудный поход из Этрурии на Рим. Но его плохо вооруженные отряды из ветеранов были разбиты консульскими войсками около города Пистории. Поняв безвыходность положения, Катилина, по словам историка Саллюстия, «помня о своем происхождении и прежнем достоинстве, бросается в самую гущу врагов и там в схватке пал, пронзенный мечами».

Заговор Катилины примечателен не только тем, что отличался от всех прежних выступлений конспиративностью, но и полным отсутствием каких-либо ясных целей, кроме необузданной жажды личной власти и крайней степени авантюризма. Но сама возможность появления таких авантур была явным сигналом: «подгнило что-то» в Римском государстве.

Гай Юлий Цезарь — начало «большого пути»

Цезарь (100—44 гг. до н.э.) принадлежал к старинному патрицианскому роду, возводящему свое происхождение к легендарному Асканию-Юлу, сыну героя троянца Энея, а прародительницей числил саму Венеру. Тем не менее в политической жизни Рима Юлии не играли заметной роли. Отец Гая был всего

лишь претором, но мать происходила из видного рода Аврелиев. Цезарь не отличался крепким здоровьем, но был вынослив и честолюбив до самозабвения. При помощи Гая Мария, женатого на тетке Цезаря, в 13 лет Гай был избран *фламином* Юпитера. Во время диктатуры Суллы молодой Цезарь попал в немилость. Женившись на дочери Корнелия Цинны, сподвижника Мария, Цезарь не пожелал с ней развестись, когда этого потребовал диктатор Сулла. Ему даже пришлось скрываться от *проскрипций*. Родственники добились все же его помилования у Суллы, который пророчески обронил: «В Цезаре сидит сотня Мариев, и наступит день, когда этот мальчишка лишит вас свободы».

Опасаясь за свою жизнь, Цезарь пустился в странствие по Востоку. Некоторое время он пожил при дворе царя Вифинии Никомеда, которому, говорили, приглянулся молоденький красавчик. Возвращаясь, он побывал в плену у пиратов. И всюду проявлялось его безмерное честолюбие. По рассказам древних, проезжая с друзьями жалкое галльское селение, он заметил: «Лучше быть первым здесь, чем вторым в Риме». Но еще пройдет немало лет, пока он достигнет вершины власти. Цезарь не раз проявлял жестокость и вероломство, презирал низших и привлекал падших, но с блеском способен был очаровать влиятельного благодетеля, поразить всех щедростью и великодушием.

Пока же, после смерти Суллы, Цезарь демонстрирует свой независимый нрав. Он приказал нести статую Мария на похоронах его жены и своей тетки. Честолюбивый молодой человек начал искать расположения простого народа. Он устраивал для граждан роскошные обеды, пышные зрелища и даровые раздачи хлеба, растратив на это остатки своего состояния. Всегда хорошо одетый, изящный и остроумный, постоянно соряющий взятыми в долг деньгами, Цезарь был известен среди и знатной молодежи, и городских низов. Влияние Цезаря в Народном собрании росло, но медленнее, чем его долги. Этим решил воспользоваться *Марк Лициний Красс*. «К старым болезням Красса, корыстолюбию, — сообщает Плутарх, — присоединилась новая неудержимая страсть к трофеям и триумфам». Планы Красса провалились, однако его приятельство с Цезарем оказалось долговечным. О них ходили самые разные слухи: то ли они замыслили убийство консулов, то ли участвовали в заговоре Катилины. Но с миллионами Красса можно было замять любое дело. В 65 г. до н.э. Красс был *цензором*, а Цезарь — *эдилом*. Он порадовал граждан устройством роскошных игр, в которых вы-

вел на арену 320 пар гладиаторов. Однажды ночью на Капитолии по его приказанию были восстановлены изображения Марии и памятники его побед, убранные в годы правления Суллы. Это вызвало негодование Сената, но рукоплескания марианцев. С тех пор на Цезаря стали поглядывать как на восстановителя влияния популяров.

Тогда его стали обвинять в поддержке радикального законопроекта *плебейского трибуна* Сервилия Рулла о наделении земель бедняков. Несмотря на это, Цезарь огромным большинством голосов был избран Великим понтификом. Вскоре он был назначен наместником в Испанию, но тут подоспели кредиторы; они задержали отплытие и потребовали срочной уплаты долгов. Выручил Цезаря Красс, пообещав возместить все его долги. В Испании Цезарь поправил свои дела. За короткий срок он успел одержать победу над лузитанами и восстановить вконец разваленное хозяйство провинции. Как и все «порядочные» наместники, он обирал города до нитки, торговал нужными им указами, проще говоря, занимался коррупцией в крупных размерах. Зато из Испании он вернулся богатым человеком.

Прибыв в Италию в 60 г., Цезарь остановился под Римом, ожидая *триумфа* и одновременно добиваясь заочного выставления своей кандидатуры на выборах консула. По закону соискатель триумфа не мог въехать в Рим, а кандидат в магистраты должен был лично присутствовать при выдвижении. Сенат категорично отказал в его просьбе. Тогда Цезарь, рассудив, что высшая власть стоит триумфа, отказался от него и прибыл в Рим, чтобы быть единодушно избранным консулом на 59 г. до н.э. Вообще такие неординарные решения стали отличительной чертой Цезаря. С этого времени начинается новый этап в его судьбе, этап, решивший судьбу и всей Республики.

«Трехглавое чудовище»: Помпей, Цезарь, Красс

В 60 г. до н.э. в Риме возник союз трех влиятельнейших в то время людей, который предопределил весь дальнейший ход римской истории. Он получил наименование *триумвират*. Инициатором союза был Гай Юлий Цезарь. Вернувшись из Испании, он усиленно добивался консульства, что встречало глухое противодействие Сената. Ярый консерватор Марк Порций Катон Младший даже разразился речью на весь день, чем сорвал

принятие решения о выдвижении Цезаря кандидатом. Наиболее влиятельной фигурой в этом негласном союзе был, конечно, Гней Помпей. Он безуспешно добивался утверждения Сенатом своих распоряжений, сделанных на Востоке, — от этого напрямую зависела его репутация, и отступить он не мог. В объятия триумвиров его толкнула исключительно «твердолобая» политика Сената. Наконец, «денежным мешком» триумvirата был усмиритель восстания Спартака Марк Лициний Красс, имевший большие связи в среде финансистов-всадников. Он настаивал на удовлетворении их притязаний на более выгодное разграбление провинций, а для себя «скромно» просил наместничества. Именно Цезарь примирил недолголюбивавших друг друга Помпея и Красса в дружбе против общего врага — Сената.

Таким образом, в так называемом первом триумvirате воплотились все антисенатские силы Рима. Противостоять силе и влиянию этого, по выражению Варрона, «трехглавого чудовища» сенатская знать оказалась не в силах, и постепенно триумвиры добились выполнения своих требований. Все распоряжения Помпея на Востоке были утверждены, а его ветераны получили земельные наделы. Всадников удовлетворил закон о снижении суммы откупов с провинций (это позволяло выколачивать с населения гораздо большие суммы и возросшую разницу спокойно класть себе в карман). Цезарь же стал консулом на 59 г. до н.э. Он тут же предложил и с помощью ветеранов Помпея утвердил в Народном собрании ряд законов, вызвавших симпатии народа: о раздаче земельных наделов из общественного поля, об усилении наказаний за вымогательство в провинциях (шило в бок сенатскому сословию) и другие.

Используя служебное положение, Цезарь в поте лица ковал себе популярность среди широких масс плебеев, проводя свои законы напрямую через Народное собрание, минуя Сенат. При голосовании в комициях он просто не обращал внимания на наложение вето плебейскими трибунами — настолько призрачными стали в то время старинные республиканские установления. Но главным его успехом было получение в управление после окончания своего консульства провинций Цизальпинская и Нарбонская Галлии сроком на пять лет с широкими полномочиями и правом свободно набирать армию из двух легионов. Это должно было доставить Цезарю военную славу, богатство и преданные ему войска — «добрый» пример Суллы и Мария маячил перед глазами.

Весной 56 г. до н.э. в этрусском городе Луке в необычайно торжественной обстановке состоялась встреча триумвиров, словно переговоры царей дружественных держав. Их сопровождали сенаторы, бывшие консулы и преторы. На встрече в тесной кампании они благополучно решили накопившиеся спорные вопросы. Цезарю продлили командование в Галлии еще на пять лет, Помпея и Красса определили в консулы на 55 г. (вопрос с Народным собранием был уже чисто техническим, как в наше время) с последующим управлением богатыми провинциями: Помпеем Испанией, а Красс Сирией. Вскоре соглашения в Луке были одобрены трибутными комициями и Сенатом и стали официальными законами. Личная власть окончательно подменила собой республиканские демократические институты.

Цицерон, Клодий и «жена Цезаря»

В 58 г. до н.э. плебейским трибуном не без помощи Цезаря стал лично обязанный ему Публий Клодий Пульхр («Красавчик») (92—52 гг. до н.э.). Личность эта была авантюрная и бесшабашная, и во времена Гракхов его бы близко не подпустили к такой ответственной должности. Незадолго до этого, в 62 г. до н.э. во время чисто женского праздника Доброй Богини переодетый в женское платье Клодий пробрался в дом Цезаря, тогда Великого понтифика и претора, где справлялось торжество, на свидание, как шептались, к его жене. Схваченного за подол с поличным Клодия обвинили в святотатстве, и над ним навис топор палача. Но Цезарь не поддержал обвинение, чем спас Клодию жизнь. Своей же супруге Цезарь тут же дал развод, заявив, что «жена Цезаря должна быть выше подозрений». Крылатая фраза вошла в поговорку.

Став трибуном, благодарный Клодий не упускал из виду интересов Цезаря, обеспечивая успех его начинаниям, но развернул и собственную бурную деятельность, в которой демократические начала причудливым образом были замешаны на крутом авантюризме. В частности, он настоял на отмене платы за хлебные раздачи малоимущим *люмпен-пролетариям* и на восстановлении объединений жителей городских кварталов (квартальных коллегий), отмененных Цицероном во время Катилиновой смуты.

В свое время Клодий по складу характера не мог не тянуться к Катилине. Теперь настало время свести счеты с главным разоблачителем его заговора — Цицероном. Клодий провел закон об изгнании из Рима всех, причастных к казни без суда римских граждан. Метил он прежде всего в Цицерона, своего личного врага. Несмотря на мольбы к Помпею и облачение в траурные одеяния, великому оратору и философу

пришлось удалиться в изгнание. Дом его на Палатине был разрушен, а место это злопамятный Клодий лично освятил для нового храма богини Свободы.

После отъезда Цезаря в Галлию Клодий продолжил буянить. Он окружил себя отрядом головорезов из рабов и гладиаторов, с которым бродил по окрестностям Рима и появлялся в Народном собрании, учиня драки, потасовки и прямые смертоубийства своих недругов, в основном из сенатского сословия. Сенаторы в противовес ему выдвинули в 57 г. до н.э. в трибуны некоего Тита Анния Милона, который показал себя достойным соперником Клодия. Он также составил вооруженные отряды и время от времени сходил с соратниками Клодия стенка на стенку.

Выборы должностных лиц превратились в 50-е годы I в. до н.э. в непристойный фарс. Народное собрание, лишенное живительной связи с большей частью народа, превратилось в игрушку в руках самых темных и своекорыстных сил, обуреваемых исключительно жадой власти. Побеждал тот кандидат, который имел больше денег, а власть ему обеспечивало насилие и запугивание избирателей. Не успевал он вступить в должность, противники тут же привлекали его к судебной ответственности по любым, даже надуманным предлогам. Вся стройная, но обветшавшая система выборности магистратов выродилась в беспринципную и жестокую борьбу отдельных клик и политических группировок, в разгул самых диких страстей. В одной из хулиганских стычек отрядов Милона и Клодия был убит и сам «красавчик»-трибун.

Марк Туллий Цицерон — прозрения и падения политического гения

На политическом небосклоне Римской республики в середине I в. до н.э. восходит яркая, но мерцающая звезда **Марка Туллия Цицерона** (106—43 гг. до н.э.). Жизнь его изобиловала неожиданными поворотами, героическими проблесками и сделками с совестью. Но величием духа и верностью идеалам Республики он не заслужил постигшей его трагической участи.

Родом Цицерон был из небогатой семьи, жившей в городке Арпин, кстати, родине и знаменитого Гая Мария. Пробриться в высшее римское общество для скромного человека, не обремененного огромным состоянием и прославленными предками, в то время было почти невозможно. Сам Цицерон возвысился не знатностью и богатством, а благодаря своим личным качествам — он сам себя сделал. Но до конца жизни ощущал он себя чужаком (*homo novus*) в спянной тесными клановыми и финансовыми узами среде спесивого нобилитета, чьим интересам

он, однако, поставил на службу весь свой литературный талант и выдающиеся способности государственного мужа.

В юности Цицерон баловался стихами и даже прославился поэмой «Главк Понтий», но затем перешел к более хлебному делу судебного оратора. Он воспитывался под руководством лучших римских ораторов — Антония и Красса. В Афинах и на Родосе он совершенствовал свои ораторские приемы и изучал философию. Известность Цицерон приобрел своими выдающимися судебными речами; политические же выступления упрочили за ним славу непревзойденного оратора. В них он бесстрашно разоблачал чудовищные вымогательство и произвол римских наместников в провинциях («Речь против Верреса») и не боялся стать на защиту простых римских граждан даже против бесчинств доверенных подручных всесильного Суллы («В защиту Росция»).

В 75 г. до н.э. Цицерон исполнял должность *квестора* на Сицилии, где заслужил уважение жителей добросовестностью и относительной честностью. В 69 г. до н.э. он занимал должность курульного *эдила*, устраивая роскошные празднества для народа, чем снискал себе немалую популярность. В 63 г. до н.э. Цицерон в напряженном соперничестве с *Катилиной* достиг консульской магистратуры. Он питал пристрастие к театральным эффектам (неистребимое свойство его первой профессии), поэтому даже явился на голосование в панцире под тогой, намекая на угрожающую ему опасность со стороны Катилины. Поговаривали, что не видать этому выскочке с периферии консульской власти как своих ушей если бы не пришлось выбирать между ним и смутьяном Катилиной.

Решительное подавление заговора Катилины принесло Цицерону титул «Отец отечества» и глухую ненависть сенатского сословия, в чьих сплоченных рядах зазнавшийся выскочка произвел серьезные опустошения казнями сторонников мятежника. Нобилитет оплатил Цицерону скорым изгнанием из Рима, что глубоко оскорбило истового поклонника власти «лучших», защищавшего оптиматов от них самих, и развило в Цицероне философский склад ума.

В изгнании Цицерон пишет трактат «О государстве», где обосновывает идеи о необходимости появления государственного деятеля с неограниченными полномочиями, который был бы способен управлять государством мудро и эффективно. Перу Цицерона принадлежат первое дошедшее до нас юридическое

сочинение «О законах», а также труды «Об ораторе», «Об обязанностях», «О божественном» и другие. В них он емко, доступным языком обобщает теории наилучшего государственного устройства и воспекает достоинства сенаторской аристократии.

Идеал правителя Цицерон усматривал в *Гнее Помпее*, сторонником которого оставался и во время войны Помпея с Цезарем за власть. Правда, после поражения Помпея Цицерон разочаровывается в нем и одно время примыкает к *Цезарю*. Но диктаторские замашки последнего претят душе убежденного республиканца, и на склоне лет, в 44 г. до н.э., Цицерон ввязывается в заговор против Цезаря. После его убийства влияние Цицерона на политическую жизнь Рима достигает вершины. Он призывает народ восстановить старые добрые республиканские традиции и пишет гневные обличения тирана Антония, названные «Филиппиками» по аналогии с речами афинского оратора Демосфена против македонского царя Филиппа.

Однако торжество Республики оказывается недолговечным. В 43 г. до н.э. в Рим вступают победители, сторонники Цезаря Октавиан и Марк Антоний, которые развязывают террор. Одним из первых в списках проскрипций стояло имя Цицерона. Он попытался бежать, но его носилки были обнаружены отрядами солдат, посланных Антонием специально для поимки своего ненавистного обличителя. Центурион, в свое время выигравший судебный процесс благодаря Цицерону, буквально отпилил ему мечом голову и руку, писавшую «Филиппики». Его отрубленную голову поднесли Антонию, и он долго любовался ужасным зрелищем, а его жена Фульвия колола язвительный язык оратора булавками. Затем голову выставили на Форуме перед трибуной, с которой он прежде обращался к народу с речами.

Так 7 декабря 43 г. до н.э. трагически погиб за свои убеждения этот великий (несмотря на свои метания) человек, прославивший в веках римскую литературу высоким слогом «золотой» латыни, создавший основы теории государства и права, оставшись так и не понятым близорукими и кровожадными современниками.

Судебные ораторы и иски

В Древней Риме не существовало специальных адвокатов в современном понимании, и каждый ответчик или истец по делу защищал себя сам. Для этого он поручал профессиональному юристу написать

для него речь. Но в период Поздней республики вошло в практику выступать самим судебным ораторам по поручению одной из сторон процесса. Ораторам приходилось глубоко вникать в существо дела, чтобы как можно образнее и драматичнее представить перед судьями все его выгодные обстоятельства и затушевать неблагоприятные. Большое значение придавалось красоте слога, актерским данным, нагнетанию напряжения и другим приемам ораторского искусства. Многие судебные ораторы были очень популярны и делали политическую карьеру. К таким ораторам принадлежит, в частности, Квинт Гортензий, нередкий соперник Цицерона, речи которого, к сожалению, не сохранились.

Бывало, ораторы сами или по чьему-то поручению возбуждали судебные иски, выступая тем самым в роли обвинителя, прокурора. Дело в том, что в Риме не существовало специальной службы надзора за законностью и судебный процесс открывался только в случае возбуждения иска частным лицом. Нет иска — нет и преступления, даже если его состав был всем налицо. Предъявлять обвинение, даже бывшим высшим магистратам мог любой гражданин, но расходы он оплачивал из своего кармана, поэтому в действительности пользовались этим правом только состоятельные люди. И чаще всего они прибегали к услугам профессиональных судебных ораторов.

Покорение Цезарем Галлии

В 58 г. до н.э. Гай Юлий Цезарь начал свой знаменитый поход в Галлию, вошедший в анналы истории и прославивший его имя как великого полководца и дипломата. Предлогом для начала боевых действий послужило самовольное переселение племени гельветов из Альпийских предгорий в юго-западные области Галлии. Цезарь запретил им проходить через подведомственную ему территорию Нарбонской Галлии, нанес поражение при городе Бибракте и принудил вернуться обратно. Гельветы признали власть Рима.

Затем Цезарь вмешался во внутреннюю борьбу галльских племен. Одни из них, эдуи, возглавлял которых Дивитиак, были союзниками римлян и призвали их на помощь против натиска племен секванов, искавших поддержки у германцев. Цезарь представил дело как общую борьбу галлов против германцев и заручился расположением многих племен. В 58 г. до н.э. армия Цезаря разгромила более многочисленные войска германского племени свевов, несмотря на умелую тактику их вождя Ариовиста. Свевы вынуждены были отступить на левый берег Рейна. Сражение со свевами произошло близ Рейна недалеко от современного Страсбурга и утвердило влияние Цезаря во всей Средней Галлии. Секваны покорились власти Рима.

В следующем 57 г. до н.э. Цезарь направил свои «железные» легионы на завоевание Северной Галлии, где жили племена белгов. Несколько раз его армия была на грани полного уничтожения, спасали только военные таланты полководца и высокая организация римских легионов, доведенная Цезарем до небывалого совершенства. С трудом преодолевая отчаянное сопротивление белгов и тревиров и продираясь сквозь густые леса и болотные топи, армия Цезаря прошла огнем и мечом по всей Галлии до моря. Столь же трудным было и покорение племен, проживавших вдоль побережья Атлантического океана. Пришлось усмирять вновь восставшие племена армориков. Они оборонялись в укрепленных городках, а припасы подвозили из соседней Британии. Лишь соорудив в кратчайший срок собственный флот, Цезарь смог одержать морскую победу и взять крепости нервиев и армориков штурмом. В рабство были проданы 53 тысячи человек из племени адутуков.

После кратковременной отлучки в Иллирию Цезарь покорил в 56 г. до н.э. племена аквитанов. Под его властью оказалась огромная территория Галлии от Рейна до Пиренейских гор. Завоевание сопровождалось привычными для римлян мероприятиями: конфискациями собственности племен, ограблением селений, продажей в рабство десятков тысяч галлов. В руки римлян попала огромная добыча. Большая ее часть использовалась Цезарем в собственных целях, в основном на подкуп сенаторов и магистратов в Риме. Успехи Цезаря вызвали восторг в Риме. Сам полководец, обладавший недюжинным писательским талантом, умело пропагандировал свои свершения и ненавязчиво оттенял собственную роль, написав, в частности, объемное сочинение «Записки о Галльской войне».

«Косматая» Галлия

К середине I в. до н.э. территорию Галлии (примерно совпадающей с современной Францией) населяли десятки кельтских племен. Южные и юго-восточные районы вскоре после поражения кимвров и тевтонов были присоединены к Риму, образовав провинцию Нарбонская Галлия с центром в приморском городе Нарбоне. Остальная ее часть от Рейна до Атлантического океана и Пиренейских гор оставалась непокоренной и дикой, потому и получила от римлян название «косматая» Галлия. Многие племена, жившие в условиях разлагающегося первобытнообщинного строя, объединялись в союзы. Наиболее могущественными из них были союзы белгов на севере Галлии (севернее реки Секваны,

совр. Сены), армориков на территориях нынешних Бретани и Нормандии, аквитанов на юго-западе Галлии вдоль по течению реки Гарумны (совр. Гаронна), а также арвернов, эдуев и секванов — в Центральной Галлии. Например, в союз белгов входили племена треверов, батавов, тунгров, нервиев, неметов, паризиев, сенонов, медиоматриков и множество других.

Друиды

Большим влиянием в Галлии пользовалась привилегированная каста жрецов — друидов. Они не только ведали религиозными делами и предсказывали будущее, но и свято хранили древние предания и толковали нормы права. Друиды строжайше блюли свои секреты, не допуская к отправлению культов непосвященных, а посвящению предшествовали долгие годы учения. Знания и сан друидов зачастую переходили по наследству, так что они превратились в особое сословие, не соблюдавшее племенных рамок. Друиды из самых разных племен ежегодно собирались вместе, чтобы выбрать главного жреца. Власть их распространялась на простых соплеменников. Под их влиянием находилась и местная знать. Друиды свободны были от всех повинностей, включая военную. Они вершили суд и занимались врачеванием.

Только друиды пользовались письменностью. Их религиозные представления были проникнуты таинственностью и окрашены в мрачные тона. Они верили в загробное возмездие и переселение душ. Этим они побуждали галльских воинов к храбрости и бесстрашию. Друиды совершали священные действия не в храмах, а в лесах. Нередко они сопровождалась человеческими жертвоприношениями. Это дало повод римлянам обвинять друидов в дикости и убийствах и после завоевания Галлии самыми жестокими методами бороться с их верованиями и влиянием на массы соплеменников. При этом в борьбе с «изуверствами» друидов римляне, истовые любители кровавых гладиаторских игр, широко применяли физическое истребление этих «человекоубийц». Главная же причина заключалась в том, что друиды противостояли насаждению чуждых галлам римских традиций и отстаивали самобытность галльской культуры и независимость Галлии. В эпоху Империи друиды нередко вдохновляли восстания порабощенного населения против римского владычества.

Переправа через Рейн и вторжение в Британию

В 55 г. до н.э. Цезарь, преследуя отступавших германцев, дважды переходил реку Рейн, тогда мощную водную преграду, и вторгнулся в земли Германии. Для переправы был наведен понтонный мост через Рейн, представлявший собой сложное архитектурное сооружение.

В дно Рейна вбивались под углом деревянные балки-упоры, на них настилались плоты, игравшие роль понтонов. Мост выдерживал даже тяжесть римской конницы и осадных орудий. Переправа Цезаря была смелой демонстрацией силы римлян, так как оставаться за Рейном у него не было ни сил, ни войска. Узнав о приближении армии римлян, свевы, могущественный народ Центральной Германии, отошли в глубь своих владений, оставив вокруг себя пустынную землю. Не найдя врага, Цезарь через 18 дней вернулся на правый берег Рейна, разрушив за собой мост.

Осенью 55 г. до н.э. Цезарь предпринял первый для римлян поход в Британию. Флотилия из 98 судов высадила на побережье до двух легионов пехоты и конницу. Но продвинуться в глубь страны римлянам не удалось. Племена бриттов оказали им упорное сопротивление и вынудили покинуть остров. Но уже весной 54 г. до н.э., основательно подготовив экспедицию, Цезарь вновь переправился в Британию при помощи 26 военных кораблей и более семисот транспортных судов. Римское войско численностью до 25 тысяч человек дошло до реки Тамесис (ныне Темза). Но вождь бриттов (кантиев и думнонов) Кассивелаун организовал мощное сопротивление и нанес непобедимому Цезарю существенный урон. Не желая рисковать войском и узнав о начале восстания в Галлии, Цезарь счел за лучшее отвести свои легионы назад. Завоевание римлянами Британии было отложено таким образом почти на столетие.

Великое Галльское восстание

Завоевание Галлии Цезарем не привело к ее окончательному покорению. Чудовищные поборы с племен, насильная вербовка воинов для пополнения римской армии и конфискация продовольствия солдатами, — все это вызывало недовольство галлов, переходящее в ненависть к чужеземной власти. Первыми восстали в 54 г. до н.э. племена белгов. Они неожиданно напали на римский лагерь, уничтожив полностью два легиона. Племя нервиев осадило другой лагерь, и легат Квинт Цицерон едва сумел удержать его до подхода основных сил Цезаря. Жесточайшими мерами пресекал Цезарь любые проявления непокорности: дома восставших эбуронов были сожжены, имущество разграблено, а все многочисленное население либо истреблено, либо продано в рабство.

Посчитав положение римлян прочным, Цезарь удалился в Северную Италию наблюдать за тем, как разворачивались события в Риме. Между тем в недрах Галлии вызревало новое, более мощное восстание. Племена устанавливали между собой связи и соглашения, создавалось общее руководство, готови-

лись силы. Большинство ранее враждовавших друг с другом племен (что в полной мере использовал в своих целях Цезарь) теперь сплотилось против общего врага. Верховным вождем был избран юный, но храбрый и талантливый вождь племени арвернов Верцингеториг.

В 52 г. до н.э. по единому сигналу пламя восстания охватило всю страну. Римские легионы подверглись единовременному нападению. Но основные силы Верцингеторига сосредотачивались в ряде укрепленных городов, селения же были сожжены, чтобы лишить римских солдат крова и пропитания. Однако Цезарь действовал быстро и решительно. Собрав все силы воедино, он стремительно осадил крепость Аварик. Несколько месяцев длилась осада крепости, но лишь голод принудил защитников сдаться. Для устрашения галлов римляне вырезали всех жителей — около сорока тысяч человек, включая женщин и детей.

Но страшные потери не сломили дух галлов. У крепости Герговия, где Цезарь намеревался повторить свой «подвиг» в Аварике, «непобедимый» полководец потерпел серьезное поражение. После этого от Рима отложились даже преданные ему племена эдуев. Господство римлян в Галлии висело на волоске. Под удар были поставлены не только многолетние усилия Цезаря, но и его репутация, что грозило крахом всем его честолюбивым замыслам. Поэтому Цезарь полностью сосредоточился на войне, где решалась и его судьба, и повел боевые действия с исключительной жестокостью. Он сконцентрировал свои войска, набрал наемную конницу у германцев (которых сам же ранее гнал за Рейн) и обрушил мощный удар против главного оплота Верцингеторига крепости *Алезия*. После долгой и тяжелейшей осады Алезия сдалась. Храбрый и благородный Верцингеториг, желая спасти соплеменников, добровольно явился к Цезарю в своем лучшем вооружении, которое он вручил победителю. Но надежда на милость Цезаря не оправдалась. Шесть лет продержали римляне Верцингеторига в подземелье страшной Мамертинской тюрьмы, пока его не провели в одном из пышных триумфов Цезаря на потеху римской толпе. После этого он был казнен.

Хотя еще происходили отдельные вспышки сопротивления, великое галльское восстание было подавлено. Личное мужество и беззаветная любовь к свободе, наполнявшие сердца повстанцев, оказались бессильны перед прекрасно отлаженной военной организацией римлян, высочайшей дисциплиной легионеров и блестящим воинским талантом Гая Юлия Цезаря.

Осада Алезии

В Алезии вождь галлов Верцингеториг собрал огромные запасы продовольствия, возвел мощные укрепления в надежде измотать римлян до подхода нового ополчения, которое собиралось по всей стране. Тем не менее Цезарь начал в 52 г. до н.э. осаду Алезии, окружив ее плотным кольцом блокады. Вскоре на помощь осажденным подоспело огромное, но пестрое и плохо вооруженное галльское войско. Римляне оказались между двух огней. Во все времена полководцы в таких случаях снимали осаду города. Но не так поступил Цезарь. Он повелел приунывшим солдатам браться не за мечи, а за лопаты и топоры. В кратчайший срок вокруг Алезии протянулось второе кольцо укреплений, по внешней стороне обороны римлян. Они являются шедевром строительного искусства. Сначала были вырыты три широких рва, общей шириной до ста метров; в средний ров пустили воду из реки. С внутренней стороны ров высился вал, укрепленный частоколом и деревянными осадными башнями для лучников и метательных орудий. Перед рвами были врыты в землю целые деревья, срубленные прямо с сучьями, которые переплетались в густую непроходимую изгородь. То тут, то там были натыканы столбы с железными крючьями на случай ночной вылазки противника, чтобы крики раненых в темноте нападавших предупредили об опасности. Но и этого мало. Все поля вокруг этих укреплений были изрыты замаскированными сверху ямами-ловушками с торчащими в них острыми кольями — римляне шутивно называли их «лилиями» за откосы ямы в виде чашечки цветка.

Благодаря этим титаническим работам римские войска стали почти неуязвимы для нестройной толпы галлов, тщетно пытавшихся прорвать укрепления. Однажды во время очередного штурма, поддержанного вылазкой осажденных в Алезии, Цезарь совершил скрытный маневр вокруг холма конницей и отборными когортами, которые ударили в тыл нападавшим галлам. Не выдержав натиска, галльское ополчение обратилось в бегство, а на следующий день покинуло окрестности Алезии. Ничто уже не мешало римлянам заставить сложить оружие ее гарнизон, брошенный на произвол судьбы.

Крах армии Красса при Каррах

Пока Цезарь завоевывал неведомые пространства Галлии, второй член триумvirата Марк Лициний Красс утолил-таки свою ненасытную жажду славы. В 55 г. до н.э., не дождавшись даже окончания своих консульских полномочий, он устремился на Восток, в Сирию, назначенную ему в управление, — к славе и триумфам. В его распоряжении были немалые силы: семь легионов (35 тысяч человек) и четыре тысячи конницы. Алкающая

душа 62-летнего грузного финансиста летела на крыльях победы к пределам Парфии, с которой Рим пока еще не успел почему-то скрестить оружие. Красс решил устранить этот досадный пробел, воспользовавшись внутренней усобицей в борьбе за трон в Парфянском царстве, владения которого занимали все междуречье Тигра и Евфрата и подходили к границам провинции Сирия. В 54 г. до н.э. Красс, не встречая сопротивления, перешел Евфрат и занял города Карры, Никефорий и другие. Оставив в них гарнизоны, Красс вернулся в Сирию, а на следующий год направился вниз по Евфрату к столице Парфии городу Ктесифону. На стороне римлян выступили местные царьки и царь Армении Артавазд.

Путь пролегал по знойной пустыне Северного Междуречья, в непривычных условиях. Парфяне отходили в глубь страны, не принимая боя. Но при переправе через реку Хабур головной отряд Красса подвергся нападению парфянской конницы и был весь уничтожен. Погиб и его командир, сын Красса Публий. После этого основные силы римлян неожиданно были окружены превосходной парфянской конницей — закованными в броню и кольчуги вместе с лошадьми всадниками-катафрактариями. Когда римляне попытались перейти в наступление, конница парфян засыпала их тучей стрел. Битва превратилась в побоище, прекратившееся лишь с наступлением ночи. Крассу ничего не оставалось, как отступить к городку Карры, оставив в руках парфян знамена легионов с римскими орлами — величайшую войсковую святыню. Часть войск во главе с квестором Гаем Кассием Лонгином откололась от армии и ушла в Сирию. Остальные силы были настигнуты парфянским полководцем Суреной у Карр. Сурена пригласил Красса якобы на переговоры, но вероломно убил римского полководца. Его войско было полностью уничтожено. Из сорока вернулось в Сирию только десять тысяч солдат.

Голова Красса была доставлена парфянскому царю Ороду II во время пира у армянского царя, поспешившего переметнуться к парфянам. После трапезы шло представление трагедии Еврипида «Вакханки», и в конце его вместо головы мифического персонажа Пенфея актер продемонстрировал собравшимся голову незадачливого Красса. В 51 г. до н.э. парфяне овладели почти всей Сирией, угрожая господству римлян на Ближнем Востоке. Лишь внутренние неурядицы заставили парфянское войско возвратиться за Евфрат. Крупнейшее поражение армии Карра до глубины души потрясло римлян и на несколько веков определил их настороженную политику на Востоке.

«РУБИКОН ПЕРЕЙДЕН». ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

10 января 49 г. до н.э. Гай Юлий Цезарь с одним единственным легионом перешел пограничную речку Рубикон, отделявшую Цизальпинскую Галлию от Италии, и двинулся на Рим. Началась вторая по счету гражданская война — война между бывшими соратниками по триумvirату Цезарем и Гнеем Помпеем.

Войне предшествовали драматические события. После гибели Красса соглашение триумвиров практически распалось. Власть правивший в Италии Помпей настолько упрочил свое положение, заслужил любовь оптиматов и уважение народа, что стал тяготиться союзом с усилившим свое влияние Цезарем, за которым стояли закаленные галльские легионы. Под давлением Сената Помпей выступил против продления Цезарю полномочий и за вызов его в Рим для отчета о своих делах в Галлии. Перед Цезарем стоял нелегкий выбор: подчиниться и тем уронить свой авторитет, лишившись к тому же грозной военной силы, или начать гражданскую войну. Цезарь выбрал второе.

Накануне перехода через Рубикон он устроил веселую попойку для своих друзей и приближенных, чтобы ввести в заблуждение Помпея и Сенат, сам же отдал тайный приказ войску выступать. Помпей не ожидал ничего подобного. Все его крупные армии, развращенные десятилетним ничегонеделанием, были разбросаны за морем от Африки до Испании. Когда «жребий был брошен», выяснилось, что у Помпея нет за душой ничего, даже серьезной поддержки плебса. Попытка набрать легионы в Италии провалилась, и Помпею пришлось спешно бежать в Грецию к оставшимся войскам. Следом за ним Рим покидали и многие сенаторы-помпеянцы.

Цезарь без труда овладел ошарашенным Римом и всей государственной казной. Отложив преследование Помпея, он решил разгромить наиболее крупные его силы в Испании, куда и совершил беспримерный по скорости бросок с пополненными семью легионами. Преодолев сопротивление помпеянцев, Цезарь запер пять их легионов в городе Илерда, где они сдались (май 49 г. до н.э.). Цезарь благоразумно простил солдат и принял многих из них в свою армию, что и облегчило ему победу.

Теперь, обеспечив тылы, можно было подумывать и о главной цели. Не теряя ни минуты, он опять-таки с частью войска (для

скорости) мчится через пол-Европы в Грецию. Высадившись в порту Диррахий на западе Балканского полуострова, Цезарь с ходу сталкивается с крупной армией Помпея (10 легионов) и — терпит полный провал. Его легионеры в панике укрываются в лагере, и если бы не странная медлительность Помпея, ход истории мог бы повернуться иначе.

Цезарь использует полученную передышку и отводит войска в Фессалию на отдых. Наконец, Помпей решает покончить с уже подбитым, по его мнению, Цезарем. Однако в битве при *Фарсале* (лето 48 г. до н.э.) армия Помпея терпит полный разгром, а сам он, лишившись войска, славы и денег, укрывается на острове Лесбос. Надеждой Помпея остается Египет, с вельможами которого у него в свое время были хорошие связи. Но время стоит другое, и советники египетского царя, малолетнего Птолемея XIII, уже получили известие о битве при Фарсале. Когда Помпей пытается высадиться, как простой странник, на египетском берегу, получив уверения в гостеприимстве, его коварно убивают. Голову великого полководца, пред которым дрожали цари и страны, египетские придворные посылают в дар Цезарю, который следует за беглецом по пятам. Так заканчивается первый этап гражданской войны.

В Египте Цезарь пробыл 9 месяцев, плененный экзотической красотой юной царевны Клеопатры VII (ей тогда всего 18 лет). Вмешавшись в запутанные египетские дела, Цезарь чуть было не лишился жизни во время возмущения жителей Александрии (47 г. до н.э.). Чтобы отвлечь толпы восставших, ему пришлось даже поджечь богатейшую Александрийскую библиотеку. Десятки тысяч бесценных рукописей величайших ученых и мыслителей Античности горели в пламени, пока он с возлюбленной Клеопатрой искал спасения на одном из чудес света — Фаросском маяке.

И хотя благодарная Клеопатра, возведенная стараниями Цезаря на трон вместо малолетнего Птолемея, предоставила в распоряжение полководца огромные сокровища, накопленные династией Лагидов за триста лет, положение Цезаря при такой поддержке оказалось сложнее, чем в начале войны. Сын Митридата Фарнак, царь Боспора, под шумок междоусобиц завладел всем наследством отца — Понтом и Вифинией.

Волнения вспыхнули даже в собственной армии Цезаря, уставшей от 12-летней войны и все более диктаторских замыслов своего императора. Цезарю понадобилась вся его изворотливость

и дипломатический талант, чтобы привести в повиновение разбушевавшихся легионеров — кого посулами земельных наделов, кого солдатской шуткой, а в основном щедрыми наградами из галльской и египетской добычи. Для раздачи солдатам жалования Цезарь даже приказал чеканить вместо привычной серебряной золотую монету, положив начало золотой чеканке в Риме.

Наступил решающий этап войны. По дороге в Рим Цезарь без особого труда разбил в битве при Зеле (47 г. до н.э.) наспех собранную армию боспорского царя Фарнака. Именно об этой победе он написал в Рим: «Пришел, увидел, победил». Мятёжный было Восток вновь покорно лег к ногам Рима. Вернувшись в столицу, Цезарь решительными мерами восстановил нарушенное его отсутствием спокойствие. Он простил должников, снизил ростовщические проценты, направо и налево раздавал награды, пожаловал крупные земельные наделы *ветеранам*, в том числе в широких масштабах в провинциях. Право и огромные денежные средства на все это ему дало постановление трусливого Сената, которым Цезарь провозглашался диктатором на срок в десять лет.

Но оставалась опасность со стороны крупного войска помпеянцев, стоявшего в Африке под командованием Сципиона, тестя Помпея. Пришлось начинать новую войну. Весной 46 г. до н.э. Цезарь с пятью легионами переправился в Африку и в труднейшем сражении у города Тапса разгромил помпеянцев и их союзника нумидийского царя Юбу. После этого власть Цезаря признали все города провинции. Нумидийское царство было обращено в провинцию Нумидию. Только командующий гарнизоном города Утика Марк Порций Катон Младший, фанатичный сторонник республиканских порядков, предпочел смерть от собственного меча почетному плену. Его поступок, свойственный суровым римлянам ушедших эпох, стал символом верности Республике и отвержения диктатуры.

В 46 г. до н.э. Цезарь наконец справляет сразу четыре роскошных триумфа, каждый за победу в одной из кампаний: галльской, александрийской, понтийской и африканской. Воинам и ветеранам амфорами отсыплют золото, каждый житель Рима получил по несколько сотен сестерциев в подарок. Арены гремели от лязга мечей сотен пар гладиаторов, ржания лошадей на бегах и рева толпы. Казалось, наступил долгожданный мир.

Но почивать на лаврах оказалось рано. В Испании разгорался мятеж бывших помпеянских легионов, которые возглавили

Секст и Гней Помпеи и бывший любимый соратник Цезаря легат Тит Лабие, впоследствии изменивший ему. И вот снова в поход, теперь уже последний. В марте 45 г. до н.э. на юге Испании у городка Мунд сошлись армии Цезаря и Секста Помпея. Битва при Мунде была самой упорной и кровопролитной из всех баталий Цезаря. Он сам признавался потом, что если в других битвах он сражался за победу, то при Мунде боролся за собственную жизнь. Четырехлетняя изнурительная гражданская война была победоносно завершена.

Битва при Фарсале

У Фарсала (6 июня 48 г. до н.э.) Помпей занял сильно укрепленную позицию. Его армия насчитывала 40 тысяч пехоты, 4 тысячи конницы и была построена в три линии. Правый фланг прикрывал легион из Киликии, левый — конница и легкая пехота. Помпей предполагал нанести удар по флангу и тылу противника своей сильной конницей.

Армия Цезаря состояла из 30 тысяч пехоты и тысячи конницы. Правильно оценив численное превосходство противника и его боевой порядок, Цезарь расположил свои войска также в три линии. Но свой правый фланг он усилил конницей и легковооруженной пехотой, а из третьей линии триариев выделил шесть отборных когорт в качестве резерва и расположил их позади фланга перпендикулярно фронту.

Атаку начали легионы Цезаря, завязавшие рукопашный бой с противником. В это время конница и легковооруженная пехота Помпея атаковала правый фланг войск Цезаря. Его конница стала отходить, привлекая противника к засадным когортам. Внезапным ударом они атаковали конницу Помпея сомкнутым строем и разбили ее. Тогда Цезарь ввел в бой свои резервы и перешел в контрнаступление на подавленного противника. На плечах бегущих легионеры Цезаря ворвались в лагерь Помпея, довершив победу.

Цезарь — пожизненный диктатор

Отгремела гражданская война, и 55-летний Гай Юлий Цезарь остался один среди дымящихся развалин и гор трупов его врагов. Не осталось врагов и не было соперников — только он, достигший сверкающих вершин неразделенной власти. И власть эта начала принимать конкретные формы. После торжественного празднования триумфа в честь побед в Испании (впервые в Риме триумфы начали давать за победы над согражданами!) Сенат провозгласил его *пожизненным* диктатором, т.е. без ограни-

чения срока. Это давало ему право на верховное военное командование и на казнь любого человека.

Он имел также пожизненные права *плебейского трибуна*, т.е. его особа считалась священной и неприкосновенной. Он получил также вечные полномочия *цензора* и мог перечеркивать по своему усмотрению списки сенаторов и всадников. Еще с молодости за ним так и остался титул *Великого понтифика*, главы самой почитаемой жреческой коллегии. Цезарь же сделал почетное воинское прозвание императора постоянным титулом. Более того, Цезарь получил постоянные права проконсула, иначе говоря полностью распоряжался управлением провинциями. Наконец, Сенат даровал ему право рекомендовать кандидатов на высшие магистратуры, что превращало выборные должности в простые назначения всемогущего правителя.

Итак, Цезарь не стал монархом, но он сосредоточил в одних руках столько традиционных республиканских должностей, что в целом обладал монархической властью. Органы управления остались прежними, республиканскими, но содержание их было уже совершенно другим. Они превратились в разновидность нового чиновничьего аппарата. Сенат был увеличен Цезарем до 900 человек за счет преданных сторонников и стал верной опорой его власти. Народные собрания штамповали законопроекты Цезаря как чисто технический орган. В провинции и для других важных дел он все чаще посылал своих назначенцев, даже из числа вольноотпущенников, в качестве легатов (посланников), префектов (управителей) и прокураторов (надзирателей).

Цезарь прекрасно понимал, что Рим превратился в столицу огромной державы, в которой провинции не могли рассматриваться как «поместья римского народа», предназначенные для грабежа. Поэтому он провел знаменитый закон о муниципиях, даровавший провинциалам права самоуправления. Он стремился соединить их в единое целое, приравнять к собственно владениям Рима. Не случайно он широко даровал права римского гражданства целым поселениям и городам провинций, например, Галлии и Испании. При нем Италия включила в свой состав Цизальпинскую Галлию и простерла границы до Альп. Важным мероприятием поистине астрономического масштаба стала реформа *календаря* и введение юлианской системы летосчисления.

Характерной чертой политики Цезаря было примирение противоборствующих сил, согласие сословий, пощада побеж-

денным. Цезарь, конечно, казнил и наказывал, но он отказался от политики террора и *проскрипций* в отношении своих противников. Многих видных сторонников Гнея Помпея он не только помиловал и простил, но и приблизил, вручил высшие магистратуры. В их числе были его самые фанатичные противники из среды римской сенатской аристократии — Гай Кассий Лонгин, Марцелл, Юний Брут и другие. Цезарь, пожалуй, один из немногих политиков, который подавил в своей душе чувство мести, ненависти и жестокости и во имя высших интересов государства стремился к согласию. Но эти же лучшие качества его натуры и стали причиной гибели Цезаря.

Мартовские иды

Как только Цезарь стал верховным правителем Рима, начинает меняться и он сам, и его окружение. Ему все больше льстят поклонение и восхищение, нравится роскошь и знаки власти. Он получил право постоянно носить пурпурный плащ триумфатора (а ведь он считался одеянием самого бога Юпитера!) и лавровый венок на голове. Перед народом Цезарь появлялся восседающим на троне из слоновой кости с золотыми украшениями. Он ходил в красных сапогах, в которых, по преданию, красовались древние цари Альба-Лонги. Всячески он подчеркивал происхождение своего рода от самой богини Венеры, продвигая идею своего обожествления. На празднестве *Луперкалий* его сподвижник *Марк Антоний* как-то пытался возложить ему на голову царскую корону, но он деланно отверг ее, чувствуя недовольство народа. Зато плебейских трибунов, приказавших снять царские одежды с его статуи, украшенной некими лъстецами, Цезарь отрешил от должности, проявив свои истинные намерения.

Все это вызывало глухое раздражение в народе, еще не привыкшем к столь явным проявлениям низкопоклонства и возвеличивания отдельного человека. Особенно оскорбляло это как искренних приверженцев республиканских традиций, так и тех, кто поверил в желание Цезаря возродить традиционный образ правления. Среди них было немало бывших сподвижников Помпея, занявших при Цезаре высокие государственные должности. Они составили заговор против Цезаря. Во главе его встали Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. Примкнули к ним Гай Каска, Сервилий Гальба и множество других нобилей. Вдохновлял заговор *Марк Туллий Цицерон*.

Заговорщики намеревались убить «тирана» в день мартовских ид — 15 марта 44 г. до н.э. В этот день предполагалось заседание Сената, на котором должен был присутствовать и Цезарь. Накануне он пировал у одного из своих приближенных и утром почувствовал себя плохо. Же-

на отговаривала его от поездки. Между тем заговорщики были наготове с кинжалами под тогами, в соседнем здании укрылся отряд гладиаторов на случай помощи. Отмена заседания могла сорвать все планы, опасались также донос. На несчастье Цезаря утром его посетил один из заговорщиков Децим Юний Брут и уговорил диктатора отправиться в Сенат. И не напрасно — сразу после отбытия носилок с Цезарем в дом к нему явился человек, желавший сообщить о заговоре.

Как только Цезарь сошел с носилок и стал подниматься по ступенькам Курии Сената, к нему приблизился некий Попилий Ленат, знавший о заговоре, с какой-то просьбой. В души заговорщиков проник холод: а вдруг донос! Кричали галки... Но вот Цезарь двинулся дальше и у самых дверей получил от некоего человека записку: в ней подробно говорилось о заговоре — но Цезарь не стал ее читать, он уже опаздывал.

В Курии он уселся в свое кресло у подножия статуи Помпея. Тут-то к нему подступил участник заговора Туллий Кимвр с просьбой о судьбе своего брата. Остальные столпились вокруг него якобы для того, чтобы поддержать просьбу. Кимвр внезапно дернул за край пурпурной тоги Цезаря, по этому условленному знаку засверкали кинжалы и на диктатора посыпались удары. Истекая кровью, безоружный Цезарь пытался отвести удары и увернуться, но увидел, как заносит кинжал Юний Брут, которого он считал своим другом. Цезарь горестно воскликнул: «И ты, Брут!» После чего перестал сопротивляться. Всего ему было нанесено 23 раны, но только две из них оказались смертельными.

Сразу же после убийства Брут попытался обратиться к сенаторам с речью, но те в беспорядке бежали, охваченные ужасом. Во всем городе поднялось смятение. На следующий день Марк Юний Брут выступил с речью в Народном собрании. Он поведал о смерти тирана и объявил о восстановлении Республики. Однако слова его были встречены ледяным молчанием. Многие не понимали, чего хотят заговорщики. В глазах других Республика уже давно отождествлялась с властью ненавистного Сената. Сенаторы отказались объявить Цезаря тираном и благодарить его убийц. Но они же и не решились в тот момент их покарать. Ведь власть, пусть на час, оказалась в их руках. Мартовские иды прошли, и воцарились страх и неопределенность.

Юлианский календарь

Дабы положить конец путанице, сложившейся при небрежном использовании календаря Нумы, Гай Юлий Цезарь в 46 г. до н.э. поручил александрийскому астроному Созигену усовершенствовать систему летосчисления. Для перехода на новую систему пришлось вставить в 46 г. два лишних месяца, а с 45 г. до н.э. был введен календарь, названный юлианским (диктатор присвоил лавры простого астронома!). Год стал

исчисляться по движению Солнца. Часть месяцев включила по 31 день, часть — 30, а февраль — 28. Каждый четвертый год стал високосным. Впрочем, это знакомо нам всем, хотя в Средние века календарь был несколько усовершенствован папой римским Григорием IV и назван григорианским.

У римлян первое число каждого месяца называлось календами — отсюда и календарь. Пятое или седьмое число носило имя ноны, а 13-е или 15-е — иды. Счет остальных дней велся от этих опорных точек: сплошной нумерации дней не существовало. Третий день до майских нон означал 5 мая, а восьмой день до ноябрьских календ — 25 октября. Год начинался 1 марта — в месяц бога войны Марса. Тогда вступали в должность консулы, по именам которых и обозначался весь год. Но с середины II в. до н.э. это случилось 1 января, и с тех пор тогда же стали начинать новый год, сопровождая его празднествами и играми.

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И АГОНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Убийство Цезаря в 44 г. до н.э. положило начало новой гражданской войне, еще более тяжелой и кровавой, нежели все предыдущие, вместе взятые. В ней оказался запутанным такой тугой клубок противоречий, терзавших римское общество на пороге разложения всех вековых норм и традиций и краха Республики, что разрубить его оказалось непросто. Пестрый калейдоскоп сменявших друг друга событий: заговоров и сражений, убийств и измен, — словно в гигантский водоворот, втягивал людей и целые народы, доблесть и низость, честь и измену.

Разные силы сошлись в беспощадной схватке. «Партию» республиканцев возглавляли Цицерон, Брут и Кассий. Ряды «цезарианцев», соратников Цезаря и сторонников «сильной руки», сплывали на первых порах *Марк Антоний*, ближайший друг и сподвижник диктатора, и Эмилий Лепид, начальник конницы, т.е. официальный заместитель диктатора. Свою хитроумную, но рискованную партию играл юный, но развитой и честолюбивый не по летам, усыновленный Цезарем его племянник *Гай Октавий*, объявленный наследником имущества диктатора. Между полководцами заключались «братские» союзы, чтобы вскоре столкнуть их в смертельной схватке, на улицах Рима и других городов пожинал свою кровавую жатву ужасающий террор политических противников, еще вчера бывших друзьями, а на просторах огромной Римской державы торжествовала диктатура легионов — главной боевой силы и единственной опоры очередных претендентов в владыки мира.

Двенадцать лет бушевала неистовая гражданская война, которая пожрала остатки республиканских традиций, «отеческих» понятий о долге и морали, последних истинных свободолюбивых республиканцев. Двенадцать лет крови и непрерывных страданий обрушивались на обгаренные кровью земли Римского государства, чтобы в результате на мировом пепелище расчистить пространство для строительства Империи.

Марк Антоний — «император на час»

Антоний принадлежал к известному, но мало заметному на политической сцене сенаторскому плебейскому роду. В 54 г. до н.э. он примкнул к Цезарю и сражался с ним в Галлии. В 49 г. он был плебейским трибуном, а уже в следующем году принимал участие в битве при Фарсале. В 47 г. до н.э. Антоний жестоко подавил восстание, поднятое трибуном Корнелием Долабеллой за отмену долгов. В 44 г. до н.э. Антоний «избирается» Цезарем в консулы. Именно он рьяно поддерживает монархические устремления Цезаря и даже подносит ему корону при огромном стечении народа.

Антоний был храбрым и опытным полководцем. Но решительность и смелость уживались в нем с неуравновешенностью характера и непоследовательностью в достижении своих политических целей. Близость к Цезарю позволила Антонию сказочно разбогатеть. Поговаривали, что он приобрел за бесценок все огромное состояние Помпея, когда все порядочные люди, даже Цезарь, оплакивали его гибель. Богатству и власти Антоний целиком был обязан диктатору, в среде народа, а тем более сенаторов у него не было опоры. Беспринципность и непомерные амбиции толкнули Антония, перетрусившего было в первые дни после убийства Цезаря, выставить себя единственным продолжателем его дела и спасителем отечества.

Юный Октавиан — скромный наследник Цезаря

В своем завещании Цезарь усыновлял своего внучатого племянника **Гая Октавия** и делал его наследником основной части своего состояния — не более. Октавий принадлежал к незнатному роду: отец его считался аристократом лишь в муниципии, где проживал, и выдвинулся только благодаря своему браку с пле-

мянницей Юлия Цезаря; так что между двумя Гаями не было даже кровного родства. Приближенный к особе диктатора, Октавий в свои 19 лет успел побывать начальником конницы.

В момент смерти Цезаря он находился в городе Аполлонии на западном побережье Греции, где под руководством македонских командиров пытался постичь наконец, что же такое лошадь и всадник. Узнав о трагических событиях в Риме этот худощавый, низкорослый, болезненный юноша презрел предостережения близких, призывавших его укрыться среди преданных легионов, и отправился напрямик в Рим, где пред очами всемогущего тогда Антония заявил о правах на наследство Цезаря, причем не только вещественное, но и идейное. Антоний высокомерно распек и выгнал наглого «недоноска», чем сделал первый шаг к собственной пропасти. С тех пор вражда этих двух «заклятых» друзей определила будущее великой державы.

Второй триумвират: власть легионов

Убийство Цезаря произвело ужасное впечатление на сенаторов, а народ был просто подавлен и безмолвствовал. Заговорщикам был ясен только первый пункт их плана, после чего, полагали они, народ и Сенат, ликуя, восстановят «Республику предков». Но дело взял в свои руки Марк Антоний. Он завладел государственной казной и личным состоянием Цезаря, которые использовал для щедрых раздач народу. На созванном им заседании Сената было принято половинчатое решение: все распоряжения Цезаря сохраняют силу, а его убийцы получали «прощение» и даже управление над некоторыми провинциями.

Чтобы переломить настроение народа в свою пользу и сплотить ряды цезарианцев, Антоний использовал торжественные похороны за государственный счет убитого диктатора. Там были перечислены все его заслуги, в том числе и перед плебсом и ветеранами, и оглашено завещание Цезаря, в котором львиная доля состояния даровалась народу, остальное же переходило к его усыновленному племяннику Гаю Октавию.

Так на политической арене возникла новая звезда. Несмотря на свою юность, Октавий проявил чрезвычайную осмотрительность, изворотливость и осторожность. Он сумел пройти по тонкому льду между высокомерно отнесшимся к нему Антонием, растерянным Сенатом, где заправлял неистовый ревнитель сенатской власти Цицерон, и даже цезареубийцами. Отвергну-

тый Антонием, он бросился в объятия Цицерона, который клюнул на обходительность и почтительность юного наследника Цезаря. Цицерон даже объявлял его посланником самого Юпитера, спущенным с неба на «золотой цепи». Кстати, наследником Октавий стал именно благодаря Цицерону, который содействовал официальному признанию усыновления его Цезарем, при жизни диктатора не оформленному. С тех пор Октавий стал прозываться официально: Гай Юлий Цезарь Октавиан — с таким имечком можно было потягаться за власть!

Тихая агитация Октавиана среди солдат и ветеранов Цезаря против Антония принесла свои плоды. Антоний, желавший упрочить свою власть, рассорился с Сенатом. Цицерон метал в Антония гневные стрелы «Филиппик», перечисляя явные и мнимые его преступления и рисуя его победу как торжество разнузданной солдатчины, угрожающей отеческим святыням и очагам. Кончилось тем, что против Антония, осаждавшего мятежные войска заговорщика Децима Брута на севере Италии, были посланы сенатские легионы, которые возглавил не кто иной как Октавиан. Так он оказался в одном лагере с убийцами своего приемного отца. Близ города Мутина Антоний в 43 г. до н.э. потерпел поражение. По предложению Цицерона Антония объявили врагом отечества, а Бруту и Кассию передавали все войска и власть на Востоке державы.

Но в упоении победой Сенат забыл и думать о каком-то там мальчишке и презрительно отказал ему в триумфе. Но он еще не понимал, с кем имеет дело. В ответ «мальчишка» сблизился с Лепидом, возбудил пламенной речью солдат и повел легионы на Рим, по примеру Цезаря перейдя Рубикон. Сенату пришлось раболепно выйти ему навстречу. Немедленно он был избран консулом, начался суд над убийцами диктатора, а все распоряжения против Антония отменены.

В начале ноября 43 г. до н.э. на севере Италии близ города Бонония состоялась историческая встреча Антония, Лепида и Октавиана на маленьком островке — каждый опасался подвоха. Двухдневное совещание закончилось созданием второго триумвирата. Новые триумвиры «для устройства Республики» поделили между собой провинции и легионы и немедленно объявили войну Бруту и Кассию. Не были забыты и легионеры с ветеранами. Окруженный войсками Октавиана, Сенат вынужден был утвердить личное соглашение трех мужей, и оно впервые приобрело силу закона. Триумvirат превратился в государственный институт — сенатскому правлению пришел конец.

Новые проскрипции — царство террора

С установлением триумvirата началась вакханалия убийств и конфискаций имущества всех, не согласных с правлением трех. Вновь появились списки *проскрипций*, но своими масштабами они превзошли даже Суллу. В списках назначенных к безнаказанному убийству значились имена трехсот сенаторов и более двух тысяч всадников. Первым в списке стояло имя Цицерона. К ним добавилось много тысяч (говорили о десятках тысяч) людей простого звания. Заклейменными оказывались люди, далекие от политики, но богатые. Их имущество переходило в руки триумвиров и доносчиков. Тогда впервые возникла профессия доносчиков — они рыскали по улицам города, выискивая спрятавшихся «проскрибированных» или сводя личные счеты со своими недругами.

Разгул проскрипций явил страшную картину морального разложения римского общества. Казалось, расторгнуты все родственные связи, узы дружбы, чувства признательности и благодарности. Пример показывали сами триумвиры: «Первым из приговаривавших к смерти, — сообщает историк Аппиан, — был Лепид, а первым из приговоренных — брат Лепида». На улицах Рима разыгрывались жуткие сцены. Некто Эмилий, не зная о своем внесении в список, спросил на улице центуриона, кого они преследуют, на что получил ответ: «Тебя и его», — и тут же был убит. Плебейский трибун Сальвий, обладавший неприкосновенностью, был умерщвлен во время пира с гостями, которым центурион приказал оставаться на местах до глубокой ночи вместе с обезглавленным трупом. Претор Тураний молил об отсрочке казни, пока его сын не упросит Антония о помиловании, но центурион ответил: «Уже упросил, но наоборот», — и отсек ему голову. Один мальчик был убит по дороге в школу со своим рабом-воспитателем, который не хотел отпускать его.

Прорвалось наружу все то, что до сих пор таилось внутри; сенаторы и консулы бросались к ногам своих рабов, умоляя не выдавать их. Некоторые пытались бежать, переодевшись в женское или рабское платье, другие прятались на чердаках и в колодцах, в дымовых трубах и клоаках для стока нечистот. Домашние стали злее врага, жены доносили на опостылевших мужей, сыновья в надежде на наследство приводили солдат к укрытиям своих отцов.

Проскрипции триумвиров, неслыханные по размаху и жестокости, привели к физическому уничтожению тех слоев римского общества, которые еще отстаивали республиканские порядки («железный закон» всякой общественной революции). От террора пострадали и простые люди. Весь период правления вторых триумвиров с 44 по 30 г. до н.э. был, пожалуй, самым кровавым в тысячелетней истории Древнего Рима.

Битва при Филиппах — гибель последних республиканцев

Военные силы Брута и Кассия в 42 г. до н.э. были сосредоточены в Македонии около города Филиппы, где был создан укрепленный лагерь с войском в 19 легионов. Туда и направили свои армии триумвиры. После ряда маневров осенью 42 г. до н.э. при Филиппах произошло два самых кровопролитных в римской истории сражения: с обеих сторон бились друг против друга 200 тысяч человек. Судьба клонилась то на одну, то на другую сторону. Но в конце концов армия республиканцев потерпела поражение. Брут и Кассий покончили жизнь самоубийством, бросившись на собственные мечи. Погибли последние сторонники республиканских порядков.

Секст Помпей — «сын за отца»

Младший сын Гнея Помпея Секст не смирился со смертью отца и собственным поражением в Испании. Отличаясь авантурным характером и отчаянной храбростью, он сколотил сильную армию и создал собственный флот, с которыми захватил острова Сицилию, Сардинию и Корсику, откуда совершал дерзкие вылазки против войск триумвиров, перерезал морские пути, препятствуя подвозу продовольствия в Италию и всячески возбуждал население на отмщение памяти своего отца.

К нему бежали из Рима аристократы, спасшиеся от репрессий триумвиров. Триумвиры даже вынуждены были пойти на соглашение с Секстом, но вероломно его нарушили. Секст Помпей контролировал острова вплоть до 36 г. до н.э., но был разбит в битвах при Милах и Навлохе флотом и войсками Октавиана и погиб во время бегства.

Антоний и Клеопатра — брак по расчету и смерть по любви

В Таренте в 37 г. до н.э. верховные правители Римского государства заключили между собой договор. По его условиям Октавиан получал в полное управление все Западное Средиземно-

морье. Антоний отправлялся на Восток готовить поход против парфян — новоявленным властелинам не сиделось без завоеваний и военной добычи для пополнения оскудевшей казны. Победив Секста Помпея, Октавиан упрочил свое положение и начал демонстрировать публике свое миролюбие и приверженность к старинному образу правления.

Антоний же, посетив Египет, пал, сраженный красотой 28-летней египетской царицы Клеопатры VII. Его страстная связь с ней, сначала скрытная, быстро прорвалась наружу и вылилась в торжественное бракосочетание Антония и Клеопатры в 37 г. до н.э. (причем со своей римской женой, сестрой Октавиана Октавией он так и не развелся). Несколько раз Антоний вырывался из жарких объятий царицы, чтобы стяжать славу в походах против Парфии, но земель не завоевал и почестей не добыл. Клеопатра же не столько пленилась могучим красавцем, сколько мечтала о восстановлении с его помощью границ своего царства в пору его могущества.

Поведение Антония, потерявшего под знойным солнцем чувство реальности, вызывало серьезное недовольство в Италии. Осуждали его и ревнители старины, что умело использовал Октавиан. Разрыв между ним и Антонием произошел в 32 г. до н.э. Сторонникам Антония позволено было свободно покинуть Рим: выехало более четырехсот сенаторов и оба консула. Авторитет Антония окончательно подорвало обнародование Октавианом (противно традициям) завещания еще здравствующего Антония. В нем он велел похоронить себя вместе с Клеопатрой, а их общим детям завещал целые царства из числа союзных Риму и даже из римских провинций. Тогда же Антоний был объявлен «врагом римского народа».

Стороны начали усиленно готовиться к неминуемой схватке. Войска Антония прибывали из Понта, Галатии, Каппадокии и Киликии и сосредотачивались в Эфесе на западе Малой Азии. Всего он собрал 100 тысяч пехоты, 12 тысяч конницы и около 500 кораблей (из них 200 предоставила ему Клеопатра). Антоний предполагал переправить их в Италию через остров Керкиру. Поэтому он разместил их в Западной Греции у мыса Акции. Октавиан весной 32 г. до н.э. привел в Брундизий и Тарент армию в 80 тысяч пехоты, 12 тысяч конницы и флот в 400 кораблей.

Весной 31 г. до н.э. римский флот под командованием Марка Випсания Агриппы отрезал Антония от его баз в Египте и Малой Азии, а Октавиан захватил Керкиру и высадил армию севернее мыса Акции. Великое противоборство гигантов и судьба

огромной державы сошлись в маленькой точке на карте — у мыса Акций (что значит «Свершение»!). Здесь 2 сентября 31 г. до н.э. произошло грандиозное морское сражение, решившее исход войны. Флот Антония был разгромлен, а сам он бежал вслед за любимой Клеопатрой в Египет. Часть войск Октавиана преследовала Антония вдоль побережья Малой Азии и Палестины, часть морем была переправлена в Киренаику, район на северо-западе Египта. С двух сторон они сжимали смертельное кольцо. В битве у города Пелузий в 30 г. до н.э. войска Антония были разбиты и отступили к Александрии. У стен города провалилась последняя надежда остановить неумолимо надвигавшиеся легионы Октавиана.

1 августа 30 г. до н.э. Октавиан без боя вступил в Александрию. Сознывая безнадежность своего положения, Антоний пронзил себя мечом. Клеопатра была взята в плен и даже попыталась по привычке соблазнить победителя, но убедившись, что тот горит желанием провести ее по улицам Рима не царицей, а узницей в своем триумфе, также покончила с собой, скончавшись от укусов специально пронесенных к ней змей. (Передают, что Октавиан был раздосадован тем, что из его рук ускользает такой экзотический венец его славы, и посылал к ней лекарей, пытаясь сохранить ей жизнь хотя бы до дня триумфа.) В 29 г. до н.э. Египет был объявлен провинцией Рима: отныне Средиземное море окончательно стало Внутренним. За счет богатейших сокровищ египетских царей Октавиан получил возможность сполна вознаградить своих солдат и покрыть все долги. По возвращении в Рим в 29 г. до н.э. Октавиан, теперь уже неограниченный повелитель Римской державы, отпраздновал три великолепных триумфа и торжественно запер двери древнего храма Януса (до него запиравшиеся лишь дважды за всю историю Рима) в знак того, что по всей огромной стране воцарился прочный мир. Начался отсчет новой эпохи — Римской империи.

Сражение у мыса Акций

Накануне сражения Антоний имел 370 кораблей. Он отобрал из них 170 тяжелых трирем, а остальные сжег. Кроме того 60 кораблей привела с собой Клеопатра. Корабли Антония были снабжены тяжелыми метательными машинами и обладали низкой скоростью и манев-

ренностью. Поэтому Антоний расположил их в узкой части залива, так что оба фланга примыкали к берегам.

Флот Октавиана состоял из 260 легких бирем и либурн и был развернут в строе полукружия, разделенный на три эскадры. Командующий флотом Марк Випсаний Агриппа (сам Октавиан провел бой в трюме корабля на койке, страдая то ли от морской болезни, то ли от трусости) рассчитывал расчленив строй противника и разбить его по частям.

Атаку начали корабли Агриппы. Нанося короткие удары по флангам противника, римляне отсекали их от центра и увлекли в более широкую часть залива. Там они были обстреляны из метательных орудий римских кораблей, и многие подожены. Сам Агриппа напал на центр Антония. В разгар сражения корабли Клеопатры, стоявшие в третьей линии резерва, снялись с якоря и ушли в Египет. Увидев бегство царственной супруги, Антоний позорно бросил свой флот и устремился вдогонку на быстроходном судне. Бегство командующего и потеря резерва привели в замешательство моряков оставшегося флота. Часть кораблей прекратила сопротивление и последовала примеру вождя, оставшиеся были взяты на abordаж или сожжены. Сражение у мыса Акций продемонстрировало преимущества легких и маневренных кораблей над тяжелыми высокобортными триремами.

ЛИТЕРАТУРА «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

Последний век Римской республики отмечен расцветом латинской поэзии и прозы. Знакомство с миром греческой культуры, сочинениями великих поэтов и драматургов, расширили кругозор римских писателей, обогатили римскую культуру, наполнили ее новыми сюжетами и приемами. В то же время быстро развиваются и самобытные римские жанры, достигает невиданного блеска латинский язык. Бурными темпами развивается римская анналистика — римлян все больше привлекает их собственная история, происхождение и восхождение к славе народа римского. «Старшие» и «младшие» анналисты (летописцы) создают многотомные сочинения о началах Рима, обычаях и славных воинских деяниях, в том числе о Пунических войнах (Фабий Пиктор, Элий Туберон, Лициний Макр, Валерий Анциат). К сожалению, ни одно из них не сохранилось, и лишь краткие цитаты и упоминания в позднейших сочинениях дают нам осознать жгучую горечь утраты столь ценного и богатого пласта античной литературы. В I в. до н.э. в Риме жили и творили многие поэты, ораторы и писатели.

Тит Лукреций Кар — волшебная лира философа

Лукрецию Кару (95—51 гг. до н.э.) принадлежит замечательная поэма «О природе вещей» в шести книгах. В ней высоким образным языком излагается учение философа Эпикура, поклонником которого был Кар. Автор повествует о природе богов, об основах мироздания, о материальности души, происхождении земли и неба, небесных тел и человека. Поэма Лукреция — не только гимн человеку, освобождению его от суеверия и страха, но и крупнейшее литературное произведение, в котором сложные достижения материалистической мысли облечены в увлекательную поэтическую форму. Его описания наполнены чудными поэтическими образами и звучными эпитетами.

Латинский язык в его произведении достиг небывалых дотоле высот, проникнут тончайшими человеческими чувствами и в полной мере явил миру свои богатства.

Гай Валерий Катулл — сладкоголосый соловей любви

Первое место среди новых римских поэтов, творивших под влиянием александрийской поэзии (Тибулл, Проперций и т.д.), принадлежит бесспорно Катуллу (87—54 гг. до н.э.). Родился он в городе Вероне. Поселившись в Риме, Катулл сближается с аристократической молодежью. Многие свои произведения он пишет в александрийском стиле, которому присущи изящество и изысканность форм и особое внимание к личным переживаниям автора, особенно любовным.

Катулл — крупнейший римский лирик. Под его пером возникают тончайшие оттенки человеческих чувств: любовь радостная и печальная, щемящая душу ревность, любовь к природе и милым отеческим местам. Наибольшей известностью пользовались (и в последующие эпохи) любовные стихотворения Катулла, посвященные им своей возлюбленной Лесбии (под этим вымышленным именем скрывалась блиставшая в то время красавица Клодия, сестра небезызвестного трибуна *Клодия*). Все тонкости душевных переживаний и горечь разрыва с любимой воплощены в его стихах со знаменитой строчкой: «И ненавижу, и люблю!»

Марк Теренций Варрон — энциклопедист-политик

Варрон (116—27 гг. до н.э.) был крупным политическим деятелем Республики, толковым магистратом и наместником, а после ухода на покой в немолодом уже возрасте — одним из самых плодовитых писателей своего времени. Он изумляет как разнообразием сюжетов своих произведений, так и количеством написанного — 74 сочинения в 620 книгах. Главное его произведение «Древности божеские и человеческие» представляет собой историческую, географическую и религиозную энциклопедию. Его перу принадлежат многочисленные грамматические и историко-литературные сочинения: «О латинском языке», «О латинской речи», «О грамматике» и т.д. Он написал «Портреты» — биографии наиболее выдающихся граждан Рима, и «Логисторики» — сборник философских трактатов на самые разные темы: от безумия до счастья. К сожалению, практически все эти произведения не сохранились, до нас дошли лишь куцые цитаты и упоминания в произведениях других древних авторов. Больше повезло трактату Варрона «О сельском хозяйстве», где вопросы земледелия изложены в изящной литературной форме. Наконец, не брезговал Варрон и поэтическим творчеством, издав знаменитые в его время «Менипповы сатуры» в 150 книгах — веселое и остроумное произведение. Заслуги Варрона в развитии латинского языка и римской литературы были столь велики, что ему, единственному из римских писателей, поставили памятник еще при жизни.

Саллюстий Крисп — честный историк

Из историков Поздней республики особенно прославился **Гай Саллюстий Крисп** (86—35 гг. до н.э.). Он оставил образцовые сочинения «Югуртинская война», «О заговоре Катилины» и «История», содержательные и достоверные с научной точки зрения и блестяще написанные — с литературной. В них демонстрируется полная неспособность римской знати управлять государством. Они талантливо написаны: за внешней беспристрастностью и объективностью повествования ощущается трепетная внутренняя сила, исторические пассажи сопровождаются красочными портретами политических деятелей; речь емкая, краткая и выразительная. Саллюстий Крисп примыкал к сторонни-

кам Цезаря. Ему он посвятил ряд «Писем», в которых излагал целую программу необходимых преобразований и рисовал идеал сильной государственной личности.

«Записки» Гая Юлия Цезаря

Видное место в литературе конца Республики занимает Гай Юлий Цезарь. Еще в молодости за ним утвердилось слава второго после Цицерона оратора. Замечательными по форме и по содержанию являются его военные мемуары: «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне».

Помимо чисто политических целей издания — оправдать свои завоевательные действия в Галлии и свалить на политических противников вину за развязывание междоусобной войны — «Записки» Цезаря привлекают своими литературными достоинствами. Это выдающиеся образцы римской художественной прозы. Совершенный, лаконичный, но ясный и емкий язык «классической» латыни, продуманная строгая композиция произведений, — все это ставит сочинения Цезаря в один ряд с шедеврами мировой прозы.

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

В

30 г. до н.э. в Риме как-то незаметно совершилось событие огромного исторического значения, сродни общественной революции, которая была ознаменована коренными преобразованиями всех традиционных социальных и политических устоев. На смену полностью разложившейся республиканской форме правления пришла монархическая, которая породила новую великую эпоху — эпоху Империи. Она растянулась на половину тысячелетия и распадается на две части, существенно отличающиеся друг от друга — принципат и доминат. Период принципата открылся правлением императора Октавиана Августа, при котором и сложились основные характерные черты нового строя, и продолжался до III в. н.э.

Отличительной чертой принципата было сосредоточение в руках верховного правителя всей полноты власти путем предоставления ему совокупности полномочий традиционных республиканских должностей; сохранение формы Республики при качественном изменении ее содержания. Власть императоров основывалась на соединении различных магистратур, не соединимых в эпоху классической Республики. В руках императоров находилась высшая военная власть — *империй*, которая возобновлялась ежегодно специальным решением Народного собра-

ния с внешним соблюдением республиканских процедур. Империй давал контроль над армией, важнейшей опорой императорской власти, а также наделял его носителя правом вести военные действия, объявлять войну и заключать мир, осуществлять высший военный и гражданский суд. Титул «император» прочно входит в перечень обязательных полномочий верховных правителей Рима. Хотя сами себя они так официально не называли, он точно отражает сущность их власти. Империй позволял распоряжаться управлением провинциями, в том числе и напрямую. Ведь каждый император получал пожизненно или периодически (с тщательным, но пустым по сути соблюдением выборных процедур) знаки консульского достоинства и проконсульскую должность.

Сменялись на троне императоры, старые и юные, умелые политики и бездарные полководцы, но все они обладали пожизненной гражданской властью *плебейских трибунов*. Положение трибуна делало их особы священными и неприкосновенными, и в то же время как бы символизировало демократическое происхождение их власти, близость к народу, работу во имя его блага. Власть трибуна наделяла императоров правом вносить любые законы, вершить правосудие и вмешиваться в действия любых других должностных лиц. Таким образом, военный империй и трибунская священная власть были юридической основой принципата.

К числу не обязательных, но периодически занимаемых должностей императоров относится должность *цензора*, которая давала им формальное право проверять и изменять по своему усмотрению списки сенаторского и всаднического сословий, т.е. определять лицо правящей верхушки. Впрочем, принцепсы и без нее свободно тасовали состав Сената, вычеркивая из него (а значит и из жизни) неугодных и пополняя его своими приближенными или просто любимчиками.

Складывалась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация. Сенат продолжал считаться важнейшим правящим органом во главе с председателем-принцепсом. Как и во времена Республики, именно он утверждал законы и принимал иностранных послов, обсуждал текущие дела, выносил свои веские решения, более того — вручал полномочия самому императору, как простому магистрату! Но сам он целиком зависел от воли принцепса: тот мог повелеть предать смерти или изгнанию с конфискацией имущества любого, самого важного сенатора, ввести в состав се-

наторов даже вольноотпущенников — и в конце I—II в. н.э. именно они и их потомки, в основном, и заседали в римской Курии, облаченные в торжественные белые тоги и туники с широкой пурпурной каймой (латиклавы). Не потому ли император-хулиган Гай Калигула вознамерился сделать консулом и сенатором своего любимого коня Инцитата, уверяя, что пользы от его ржания будет не меньше, чем от одобрительного бормотания сенаторов?

Сенат покорно штамповал все решения принцепса, но было бы заблуждением думать, что в эпоху принципата он превратился в чисто декоративный орган. Напротив, к нему перешли от Народного собрания законодательная и судебная власти. Его постановления теперь имели силу не «рекомендаций», как в период Республики, а законов. Правда, разрабатывались эти решения обычно уже не в недрах самого Сената, а в совете принцепса, где заседали и некоторые сенаторы. Мало того, Сенат напрямую управлял многими провинциями через своих наместников и представителей и по-прежнему ведал государственной казной (эрарием). Но принцепсы закладывают и основы своей собственной императорской казны — *фиска*.

Продолжали, но все реже и реже, вплоть до II в. н.э. собираться и Народные собрания. В комициях принимались законы по предложению самих принцепсов и избирались магистраты — все, как в добрые старые времена. Но только выборы теперь были не свободными даже формально: голосовали за тех, на кого укажет властная длань принцепса, имевшего еще одно важное право — «рекомендовать» к избранию удобного ему человека. Народные собрания, таким образом, выродились в сборище безразличных ко всему, кроме «хлеба и зрелищ», люмпенов или специально подобранных подставных лиц и превратились в послушное орудие в руках принцепсов, в фиговый листок, прикрывающий срамоту безграничной власти.

В эпоху принципата сохранилось большинство магистратур республиканского происхождения. Чтобы удовлетворить растущие запросы алчной италийской элиты, милостивые принцепсы позволяют избирать не двух, а сразу нескольких консулов, исполнявших обязанности парами поочередно в течение года. Постепенно росло число преторов, эдилов и других магистратов, с трудом справлявшихся с делами огромной Империи.

Но появилось и отличие от Республики — зародился и бурно развивался особый управленческий административный аппарат.

Принцепс самолично назначал себе помощников, которые зависели лично от него, получали жалование из императорской казны и выполняли строго определенные поручения, не связанные никаким формальным сроком полномочий или процедурой переизбрания. С развитием Империи во II в. н.э. они превратились в настоящих чиновников: со своими рангами должностей, ступенями карьеры, чиновными амбициями и заносчивостью, безмерной волокитой и непомерным взяточничеством. Большое значение приобрели должности *прокураторов*. Важной частью государственного управленческого аппарата стали вольноотпущенники; они занимали почти все низшие должности, а вольноотпущенники Нарцисс, Паллант, Тигеллин были всесильными временщиками при императорах Клавдии и Нероне.

Отбор чиновников проходил по сословиям. На высшие должности назначались лица из высших сословий. Так, почетная должность *префекта города* была кормушкой сенаторов. А венцом карьеры всадника была должность командующего преторианской гвардией — *префекта претория*. *Преторианские когорты* были учреждены Августом и охраняли особу императора. Нередко, правда, в смутные времена правления династии Юлиев—Клавдиев (14 г. до н.э. — 68 г. н.э.) преторианцы же и свергали императоров.

Подчеркнем еще раз: в эпоху принципата верховный правитель продолжал рассматриваться как высший магистрат, т.е. должностное лицо, но исполнявшее не одну, а целый ряд обязанностей. Каждая из них не выходила за привычные рамки республиканских традиций и норм и давала императору частичку (и немалую) «законной» власти. Все же в совокупности они превращали их обладателя в полноправного властелина. Это и позволяло Августу и его преемникам рассуждать о благе «восстановления Республики» и наступлении «золотого века». Разумеется, достичь такого положения было возможно только при полной покорности всех остальных частей римского общества: безмолвии народа и боязливости высших сословий. Балансирование на грани их интересов и составляет сущность всей внутренней политики принципата.

Эти невыносимые противоречия между абсолютной (фактически) властью и ограниченным (юридически) верховенством Сената положением императоров не раз приводили к кровавым событиям. Самовластные, подозрительные и опьяневшие от полнейшей безнаказанности принцепсы обрушивали репрессии

на головы сенаторов и народа, а последние отвечали восстаниями, мятежами и дворцовыми переворотами. Редко кто из императоров I в. н.э. умирал своей смертью. Калигула и Нерон погибли в результате бунтов. Тиберий и Клавдий всю жизнь боялись яда и заговора, но умерли: первый, задушенный в собственной постели, а второй, отравленный собственной женой, расчищавшей таким милым способом путь к трону своему отпрыску от первого брака Нерону, ставшему «чудовищем на троне». Отон, Гальба и Вителлий сгорели в огне очередной гражданской войны в середине I в. н.э., приведшей к власти императора Веспасиана, основателя династии Флавиев.

Утверждение на престоле династии *Флавиев* в 69—96 гг. после некоторой передышки закончилось политическим реваншем Сената, который выдвинул из своей среды в императоры Нерву. Нерва и его преемник, уроженец Испании умный и энергичный император Марк Ульпий Траян стали основателями новой династии *Антонинов*. Династией, впрочем, ее назвать можно лишь условно, так как ни один император не состоял в родстве с предшественником, а был им «усыновлен», т.е. юридически принят в род усыновителя, получал его имя и наследственные права. Поэтому время правления Антонинов (96—193 гг.) называют «правлением усыновленных». Но такой порядок оказался на редкость эффективным и позволял действующему императору не спеша отобрать себе достойного преемника и проверить его качества на деле, сделав его своим соправителем.

Период II в. именуют в науке «золотым веком Антонинов». Тогда Римская империя достигает наибольшего могущества. Ее владения простираются от туманной Британии до знойных пустынь Египта и Аравии, от лесистой Германии и далекой Ольвии до Африки и Мавретании. Окружающие страны и цари трепещут перед римской мощью. Грандиозная система пограничных укреплений (римский *лимес*), протянувшаяся от низовьев Рейна до устья Дуная пока еще надежно преграждает путь в богатые и плодородные римские провинции полчищам диких и жадных варваров-германцев. Небывалого расцвета достигает развитие ремесла и промышленности, сельского хозяйства и торговли. По прямым и гладким римским дорогам (общей протяженностью 150 тысяч км), пронизавшим все уголки великой Империи, потоком движутся караваны с грузами, бесчисленные вместительные торговые суда снуют по Средиземному морю — внутреннему водному бассейну Империи, доставляя в самые отда-

ленные районы промышленные грузы металлов и керамики, льна и шерсти, леса и стекла и ценные товары из далеких стран — китайский шелк и фарфор, индийские ткани и пряности, эфиопскую слоновую кость и драгоценности.

Наивысшего развития достигает рабовладение. Но растет число и вольноотпущенников, которые более усердны в работе, и *колонов* — посаженных на землю освобожденных рабов или неимущих зависимых бедняков. Огромные массы населения перемещаются по просторам Европы и Азии. В одном Риме в конце I в. до н.э. проживает не менее миллиона человек, в Александрии — 300 тысяч, а всего городов было более 1200. Происходит смешение населения, особенно в городах, построенных по римскому плану: с прямоугольной планировкой улиц, амфитеатрами и термами, базиликами и роскошными храмами, где на улицах и рынках слышна разноречивая речь. Деревня, правда, стойко держится за традиции общины.

Многие провинции, и больше всех Галлия, Испания, Дакия, Паннония, даже Британия, подвергаются сильнейшей романизации: местное население перенимает римские черты жизни, быта, одежды, широко распространяется латинский язык. Конечно, это уже не классическая речь, а язык толпы — «вульгарная» латынь, но на ней говорят жители не только Италии, но и отдаленных селений, затерянных в провинциях. Постепенно разрушается патриархальный уклад жизни сельского населения провинций, местные религиозные верования и культы богов все больше вытесняются богами римскими, среди которых, в свою очередь, появляется немало восточных божеств, например, египетская Исида или иранский бог солнца *Mitra*. Но над всеми довлеет насаждаемый культ божественного императора.

Кончилось это процветание в одночасье (по историческим меркам). После гибели в 193 г. императора Коммода (букв. «Любезный»), последнего представителя династии Антонинов, разразилась жестокая гражданская война. В ней столкнулись в борьбе за власть различные группировки правящих слоев. Плоды победы пожал в 197 г. основатель новой династии Септимий Север (193—211), опытный полководец и волевой политик. Ему же достались и горькие плоды ослабления рубежей Империи, разорения провинций, обнищания населения и упадка хозяйства и торговли.

Главным принципом политики этого деятельного реформатора и сурового императора-солдафона был завет наследникам:

«Дружите между собой; обогащайте солдат и наплюйте на всех остальных». Преемники Септимия Севера, императоры Каракалла и Гета, не сумели выполнить лишь первый завет. Их злобная вражда открыла путь новых смут, восстаний, заговоров и войн, вошедший в историю как «кризис III века». Взлелеянная императорами римская армия вышла из-под их контроля, как только пошатнулось общее благополучие государства и возникла угроза ее привилегиям.

ОТ ОКТАВИАНА ДО АВГУСТА — СОТВОРЕНИЕ ИМПЕРИИ

Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н.э. — 14 г. н.э.) вступил на политическую арену в качестве приемного сына и наследника Цезаря. В январе 27 г. до н.э. состоялись заседания Сената, на которых были рассмотрены положение наследника Цезаря и дальнейшее развитие государства. 13 января Октавиан демонстративно сложил с себя чрезвычайные полномочия, объявил о восстановлении отеческой Республики и желании удалиться в частную жизнь. Он прекрасно понимал, что никто — ни армия, ни демобилизованные им ветераны, ни многочисленные друзья, введенные им в Сенат, ни граждане, благодарные за установление гражданского мира, не позволят ему отойти от кормила государственного корабля. И действительно, по сообщению Диона Кассия, сенаторы «просили, чтобы он взял на себя единодержавие, и приводили всякие доводы в пользу этого до тех пор, пока, разумеется, не принудили его принять единоличную власть».

Уже 16 января того же года Октавиан получил особое сакральное имя «Август», превратившееся в титул правителя, освященный богами. Но помня судьбу своего приемного отца, Октавиан не польстился на титулы царя или хотя бы диктатора, а предпочел достичь единовластия, сосредотачивая постепенно в своих руках традиционные, формально республиканские выборные магистратуры. Он неоднократно избирался консулом и плебейским трибуном. Он принял титул «император», став главнокомандующим вооруженными силами, и особое звание «Отец отечества», — моральную основу всех юридических полномочий правителя. Он обладал также официальным именем «сын божественного» и был избран Великим понтификом. Внешне казалось, что древние римские республиканские учреждения про-

должали существовать, однако Октавиан проводил осторожную линию на сокращение полномочий Сената. Сложилась своего рода юридическая диархия — двоевластие.

Все римские провинции были поделены на сенатские и императорские, наряду с сенатской казной — эрарием — существовал императорский фиск. В то же время Октавиан имел полномочия республиканского цензора проводить ревизию сенатских списков (*lectiones*), в ходе которой мог удалить из Сената всех своих противников. В списке сенаторов он стоял первым как принцепс сената и имел право созывать сенатские заседания в любое время и первым высказывать свое мнение, т.е. Сенат фактически был включен органической частью в складывающуюся систему единовластия. Именно от Сената Октавиан получил право рекомендации, т.е. объявления своего кандидата на магистратскую должность.

Август — талантливый государственный деятель и прирожденный мастер социальной демагогии — принимал меры к тому, чтобы созданный им режим представлялся благотворительным для всех классов и слоев, чтобы казалось, что он удовлетворил все чаяния и надежды народа. Ко всем сословиям была обращена пропаганда наступившего якобы, благодаря усилиям и заслугам Августа «золотого века»: кончились войны, настал мир для римских граждан, каждый может спокойно предаваться своим делам, земля снова изобильна урожаями, вознаграждая труд земледельца, все наслаждаются счастьем и спокойствием. Историк Веллей Патеркул писал, что при Августе воцарилась истинная справедливость, ибо могущественный стоит над простым человеком, но не презирает его, простой же поддерживает благородного, но его не боится.

Идея величия и вечности Рима и его вселенского мессианства слилась теперь с миссией самого принцепса — господствовать над всеми народами, неся процветание и мир. «Непобедимый император» и «вечный Рим», начиная с правления Августа, стали во все времена существования Империи ее основными официальными символами. Им воздавались почести, которые принимали в Италии и провинциях форму культа гения живых и обожествленных умерших императоров. Подменив собой римский народ, Август и его преемники унаследовали и право верховной собственности на провинциальные земли. Отдельные провинции еще сохраняли приобретенные в ходе длительного политического развития особенности, но постепенно раз-

личия эти стирались: из придатка к городу-государству, из «поместий римского народа» провинции превращались в части единого политического целого.

Созданная Августом система основывалась на его исключительном личном положении — *авторитете* принцепса. В конечном итоге он объединил в своем лице все наиболее важные официальные полномочия в государстве. Каждое из них давало ему прерогативы соответствующего республиканского магистрата. Концентрация всех магистратур в одних руках в корне противоречила республиканской конституции, но император формально выступал в роли восстановителя Республики и частного лица, получившего власть лишь благодаря необычайному уважению всех сограждан.

По тактическим соображениям император укреплял древнеримские традиции и многочисленные исконные атрибуты общественной жизни Рима. Его власть опиралась на традиционные органы, при нем Сенат располагал властью, равной императорской. Огромные полномочия принцепса как бы иногда прерывались. Он вел счет годам трибунской власти, количеству проведенных им консульств, провозглашения его войсками императором. Часто магистратские должности он исполнял с другими коллегами. Таким образом, эта форма единовластия, монархии, по сути, вырастала на почве собственно римских государственных структур и идей, что придавало императорскому режиму общенациональный характер.

Принцепс Сената

Этот чисто технический республиканский термин сенатской иерархии — председатель Сената — Август неофициально использовал в смысле «первый гражданин Римского государства». Устанавливая режим собственной власти, Август затушевывал его под вывеской республиканской традиции и конституции. Название «принцепс» не имеет государственно-правового значения. Принцепс являлся проконсулом Империи, что превращало его в главу над всеми императорскими провинциями; более того, он был главнокомандующим всех римских вооруженных сил. Важнейший государственный базис Августа, проконсульская власть, сохранялась за ним не всегда, она утрачивалась на определенные промежутки времени: в 27 г. до н.э. — на 10 лет, после чего Август был избран консулом, после 18 и

13 гг. до н.э. — на 5, с 8 г. до н.э. опять на 10 лет (только преемник Августа Тиберий получил пожизненную проконсульскую власть при принятии принцепата).

В 23 г. до н.э. Август отказался от должности консула, которую он занимал непрерывно с 31 г. до н.э., но сохранил доминирующее положение в Сенате, обладая правом созывать этот по-прежнему высший орган власти и председательствовать на нем. Далее, Август становится главой провинциального управления. После победы над Секстом Помпеем в 36 г. до н.э. Октавиан получил пожизненную трибунскую власть, что делало особу его священной и неприкосновенной и, вместе с тем, как бы символизировало демократическое происхождение всей его власти. Империй Августа был признан высшим над всеми другими военачальниками, в частности по отношению к проконсулам сенатских провинций.

Меняется значение титула «император»: он теперь обозначал высшую военную власть. Империй давал контроль над армией — важнейшей опорой императорской власти. Империй наделял его носителя правом вести военные действия, объявлять войну и заключать мир, осуществлять высший военный и гражданский суд. Империй позволял распоряжаться управлением провинциями, в том числе и напрямую. Титул «император», да еще приложенный к имени Цезарь (переходившему к новым императорам), символизировал непобедимость верховного правителя и наделял его божественной силой, которую давал империй. Этот титул вместе с трибунскими полномочиями, служил действенной юридической основой могущества и власти Августа, который «взял на себя» заботу о всей Республике. Таким образом, принцепс олицетворял весь римский народ, являясь выразителем его суверенитета.

Отец отечества

Во 2 г. до н.э. от имени Сената и народа Август был назван «Отцом отечества» (*pater patriae*). Это звание не было пустой почестью; оно предполагало абсолютное повиновение подданных, их благоговейное почтение. Принцепс приравнивался к отцу семейства, заботящемуся о своем народе, как о собственных чадах, и обладающему по отношению к ним всей полнотой власти (моральной и юридической). В знак особого признания заслуг Августа двери его дома на Палатине были украшены лавровым венком, а в Курии от имени Сената и народа римского был установлен золотой щит с перечнем его добродетелей: мужество, милосердие, справедливость, благочестие.

В полномочия Августа входило право заключать по своему усмотрению любые союзы, созывать Сенат, предлагать кандидатов в магистраты, делать по своему усмотрению все «из дел божеских и человеческих», что он сочтет необходимым для блага Республики, будь то дела общественные или частные. Все, исполненное по повелению императора и им предписанное, должно было считаться столь же незыблемым и законным, как если бы было совершено по приказу народа или плебса.

Сакрализация власти

По завершении гражданских войн римскому народу казалось, что Октавиан вырвал корень всех зол. В своей автобиографии он скромно хвалился: «Я по разрешению Сената восстановил в городе Риме восемьдесят два храма богам, когда я в шестой раз был консулом (28 г. до н.э.)». Это тесное переплетение религии и политики положило начало его восхождению к вершине власти. Еще при Цезаре Октавиан был принят в коллегию жрецов, а впоследствии получил столько жреческих должностей, сколько до сих пор не занимал ни один римлянин.

Актом благодарного доверия всей Италии было избрание Августа в 12 г. до н.э. (после смерти бывшего триумвира Эмилия Лепида) Великим *понтификом*, что означало верховный контроль над всей религиозной жизнью. Август сообщал сам о себе: «Я был верховным жрецом, авгуром, членом коллегии 25 по жертвоприношениям, членом коллегии семи по устройству религиозных пиршеств, арвальским братом, членом жреческой коллегии титиев, фециалом».

Двенадцатый год был этапным для религиозного обоснования принципата. Тогда часть дома Августа на Палатине отвели для сакральных церемоний, там был воздвигнут алтарь и святилище Весты, попечение о культе которой взяла на себя супруга принцепса Ливия.

Сама власть Августа получает и религиозную санкцию по образцу эллинистических монархий. *Augustus* (от *augere* — *возвеличивать, освящать*) — почетный титул, присвоенный Сенатом Октавиану в 27 г. до н.э., а затем императрице Ливии и другим принцепсам. Если часть имени Цезаря — «сын бога» — не указывала на его собственные заслуги, то новое имя «Август», наоборот, было признанием необыкновенных заслуг его обладателя перед отечеством. Имя это было связано с термином «авгур» и рождало ассоциации с основателем римского государства Ромулом. Теперь именем Августа, словно божества, можно было скреплять клятвы.

Одной из опор власти принцепса служил ведущий из глубин веков сакральный авторитет (*auctoritas* — *согласие, одобрение, подтверждение*), который придавал правовую силу решениям должностного лица. В государственной жизни авторитетом обладал Сенат, в семейном праве им пользовался опекун, в просторечии принято было говорить об авторитете влиятельных в обществе лиц.

Влияние, престиж Августа имели истоком внутренний мир, который он даровал римскому обществу. Именно этот авторитет обеспечил Августу более высокое положение по отношению к другим лицам. О своем месте в государстве сам Август отзывался так: «Я превосходил всех своим авторитетом, власти же я имел не больше, чем другие, кто был коллегой моим по магистратуре». Впоследствии авторитет приобрел правовой характер и составил основу конституционной власти (до собственного обожествления по примеру эллинистических монархов еще было рановато).

Этим же целям служил и исподволь насаждавшийся в Риме культ Гения Августа, он сформировался примерно между 14 и 7 гг. до н.э. У римлян Гений — это дух, олицетворяющий жизненную мужскую силу, защитник семьи, дома, города, отечества.

Все началось с разделения Рима на 265 городских кварталов, каждому из которых Август пожертвовал статуэтки духов-хранителей. Юноши его семьи несли статуэтки Гениев и Ларов, и это демонстрировало тесную связь дома принцепса со всеми районами столицы. Таким образом, для укрепления своего положения в религиозной жизни Рима Август использовал чисто римские, демократические установления — культы семьи и городских кварталов и общин.

Имя Августа вставлялось в молитвы членов компитальных (квартальных, общинных) религиозных коллегий сразу после Юпитера Всеблагого Величайшего и компитальных Ларов. Почин подали и обитатели многочисленных имений самого Августа, где у домашних алтарей в соответствии с древним обычаем приносились жертвы ларам и душам предков императора. Подражание и конформизм создали эффект «снежного кома» — Гений Августа был включен в основополагающий культ фамилии, дома, семейного очага. Как пишет М. И. Ростовцев: «В почитании государства, в почитании богов как публично, так и дома, даже на могилах — везде был Август».

Вскоре в восторженном религиозном поклонении Августу стали состязаться городские и провинциальные органы, где от-

дельные люди и целые общины ставили статуи Гению Августа и учреждали коллегии жрецов — августанов. Так, совет провинции Азия в 9 г. до н.э. постановил считать день рождения принцепса началом календарного года для всех городов. Крайние проявления императорского культа в провинциях распространялись среди романизированной верхушки населения, а в Риме среди рабов, вольноотпущенников и городского плебса. Формы почитания императора как бога были разнообразными. В Риме его культ был как бы дополнительным к культу богини Ромы — обожествленной римской власти, так как его дух-заступник почитался вместе с домашними духами. Верность Августу скреплялась особой клятвой, образец которой найден в Пафлагонии. Присягающий клянется Зевсом, Землей, Солнцем и самим Августом делать только доброе Августу и его потомству и призывает на свою голову всяческие несчастья, если преступит этот обет.

Форум Августа

Величие новой эры Августа зримо воплощал новый центр «Вечного города» — форум Августа, который вплотную примыкал к форуму Юлия и был ориентирован к нему перпендикулярно. Если древний римский Форум по своему происхождению и назначению был торговой площадью, то форум Августа был предназначен для общественных мероприятий. Здесь Сенат решал вопросы войны и мира, здесь встречали иноземных государей, здесь приносили тучные жертвы римские наместники перед отъездом в свои провинции, здесь вносились в военные списки достигшие совершеннолетия отпрыски исконных римских фамилий.

Торговля из пределов форума Августа была изгнана, да и сами эти пределы были ограничены глухой стеной высотой более 30 м (совр. 10-этажный дом). Стена эта служила двойную роль, так как защищала площадь от пожара и скрывала от глаз посетителей соседние неприглядные жилые кварталы. Была она сложена из плит, скрепленных деревянными клиньями, дерево которых, по словам Плиния, было срублено после восхода созвездия Пса — считалось, что такому материалу не будет сносу. В XVI в., когда были обнаружены остатки стены, оказалось, что клиньями можно пользоваться!

Разительный контраст с суровым обликом стены представляла сама площадь, вымощенная цветным мрамором. Справа и слева по ее длинным сторонам располагались колонны из такого же материала, украшенные кариатидами — копиями афинского Эрехтейона. В дальнем конце форума возвышался величественный храм Марса Мстителя. Октавиан дал обет построить его перед решительным сражением с рес-

публиканцами при Филиппах. Поэтому форум иногда называли Марсовым. Основание храма было поднято над площадью на три с половиной метра, а восемь могучих колонн портика воспаряли на высоту современного 6-этажного дома. Внутри храма были собраны скульптурные шедевры — статуи Энея и Ромула, Венеры и Марса, Фортуны и богини Ромы.

В этом храме юноши в день совершеннолетия надевали тогу взрослого человека. Сюда победители по возвращении приносили триумфальную добычу, здесь были выставлены вызволенные из парфянского плена знамена легионов *Красса*. В храме даже помещали на хранение деньги и драгоценности, пока однажды воры не проникли в святилище. Перед храмом с обеих сторон форума стены отступали, образуя полукружия из колонн, в нишах которых были установлены статуи великих полководцев и законодателей — от Энея до Юлия Цезаря. Несколько позже появился здесь и 14-метровый колосс самого Августа в одеянии триумфатора, на квадриге. Овидий восхищенно восклицал, что «только в таком помещении и должен был жить Марс в городе своего сына».

Мавзолей Августа

Земное воплощение божественного провидения требовало соответствующего материального обрамления. И Август предусмотрительно озаботился об увековечении не только памяти о себе, но и о сохранении бранных останков, коим надлежало упокоиться в особой усыпальнице для благоговейного почитания благодарных потомков — мавзолее.

В римское время мавзолеями называли монументальные гробницы, при сооружении которых сохранялись этрусские и республиканские традиции. В Мавзолее Августа на *Марсовом поле* у Тибра можно усмотреть даже отголоски впечатлений от пирамид египетских фараонов.

На ступенчатую конструкцию из четырех поставленных друг на друга барабанов (нижний диаметром около 90 м) был насыпан холм высотой в 50 метров, по склонам которого располагалась кипарисовая роща. Квадратная усыпальница императора находилась в центре нижнего барабана, над ней поднимался каменный столб-пьедестал, на котором возвышалась огромная статуя Августа. В стенах кольцевых коридоров размещались склепы Марцелла, *Друза Старшего*, *Луция и Гая Цезарей*, *Друза Младшего*, *Ливии и Тиберия*.

Статуи Августа — зримое величие Империи

Благодарные подданные Империи должны были воочию лицезреть своего благодетеля. Август понимал, что лучше один раз увидеть... Поэтому лик прицепса наглядно воплощал величие Империи.

До сегодняшнего дня дошло рекордное число изображений Августа — около 250! Хотя Август вплоть до заката античного мира считался идеальной личностью, все его портреты были созданы или в период его правления, или при ближайших преемниках. Для скульптуры этого времени характерны простота композиции, четкость формы и тенденция к обобщенности, сочетающиеся с присущим римлянам стремлением к документальной точности воспроизведения наружности и портретного сходства. Это направление получило название «августовского классицизма». Особенно ярко оно проявляется в скульптурном портрете принцепса.

Императора изображали в разную пору жизни, однако детских портретов не существует. На самых ранних изображениях мы видим Октавиана юношей, мстителем за своего приемного отца. Мраморный бюст из Вероны, представляет его с бородой — по римскому обычаю знак траура по убиенному Цезарю. Лик Октавиана суров и сосредоточен — неудивительно, ведь в это время он казнил подозреваемых в измене римских граждан в ходе *проскрипций*. Наиболее выразительный бюст Августа времени после битвы при *Акцих* хранится в Капитолийском музее в Риме. Резкий поворот головы, живой настороженный взгляд очей под сдвинутыми бровями, сжатые губы — во всем ощущается напряжение борьбы и воля к победе.

Знаменитая статуя из виллы Ливии в Прима Порта изображает Августа в расцвете власти. Император представлен обращающимся с речью к войску, с поднятой правой рукой — чисто римским жестом оратора. Принцепс выступает в виде потомка богов, с Амуром на дельфине у ног, что указывает на происхождение рода Юлиев от Венеры и Энея. Август предстает как победитель в битвах с германцами и даками, о чем говорят рельефы его панциря. На статуе из Национального музея в Риме Август изображен в облике верховного *понтифика*, приносящего жертву — в длинной тоге, ниспадающей к ступням ног, с накинутым на голову краем одеяния — достойный почитания образец римского благочестия.

После смерти императора появляются его обожествленные изображения. Так, в Эрмитаже находится статуя из Кум, представляющая Августа в образе Юпитера (или Аполлона), сидящим на троне с «державой» и орлом в правой руке и с жезлом в левой. Статуя отличается монументальностью и строгостью формы, а поза сидящего проста и лишена внешней эффектности, что и было присуще «августовскому классицизму».

«Pax Romana» — идеология глобализации по-римски

Октавиан Август был первым правителем, который осознал силу политической пропаганды и усердно применял ее для воз-

вышения своего авторитета и укрепления создаваемого им режима единовластия. Всеми способами насаждались идеи благодетельности правления Августа, его неуклонной заботы о нуждах и чаяниях народа. Перед его глазами стояли превратности судеб тех деятелей, чьи героические свершения, блеск доблести, примеры благодеяний меркли и предавались анафеме и забвению перед судом потомков в сравнении с поступками ничтожеств и мерзавцев, сумевших завладеть настроениями толпы и мифологизировать свою деятельность. Поэтому на протяжении своего правления Август преднамеренно влиял на умонастроения народа, внедряя и укрепляя таким образом собственную власть и политическую систему.

Сначала Октавиан выдвигал зажигательный лозунг «Месть за Цезаря», одновременно выставляя себя перед гражданами гарантом свободы. Во время борьбы с *Сестом Помпеем* и *Антонием* Октавиан уже предстал в качестве хранителя интересов Италии, защитника существующего строя, поборника порядка и права. Наконец, гражданские войны иссякли, Октавиан демонстративно слагает с себя особые полномочия и занимается религиозной реставрацией. Начинается усиленная пропаганда лозунга мира и прежде всего прославление «Мира Августа», который привел к столь успешным итогам. И хотя на границах Римской империи почти никогда не прекращались военные столкновения с непокорными племенами, Август в своей «Автобиографии» пишет: «Наши предки постановили: храм Януса Квирина должен закрываться, как только в Империи путем побед воцаряется мир на суше и на море. С момента основания города до моего рождения храм, согласно традиции, закрывали два раза. С тех пор как я стал первым гражданином, храм постановлением Сената закрывали три раза».

Однако «Мир Августа», по словам Тацита, был «кровавым миром», ведь продолжались расправы с оппозицией, эксцессы террора. Не соответствовало действительности и заявление Августа, что во время боевых действий между Адриатическим и Этрусским морями он ни один народ несправедливо не вовлек в войну, когда постановил расширить границы, что простил чужие племена, действовавшие в интересах собственной безопасности и что он хотел их сохранить, а не уничтожить.

В своей «Энеиде» Вергилий, обобщив реалии Римской империи, заявил, что Август, представитель римской силы и власти, пощадит покорных и будет вести тотальную войну с горды-

ми. Для римлян мир был состоянием, которого следовало добиваться активно, причем, как правило, силой. Термин «римский мир» стал синонимом Римской империи и в целом территории, окомлемой римским владычеством, где мир поддерживается «железными» легионами и эффективным административным управлением.

Действительно, в первом своем значении это был «мир» как противоположность «войне». Политика отказа от широких завоеваний была обусловлена объективно: захват новых рабов и богатств перестал быть необходимым условием развития римского хозяйства; дальнейшее расширение пределов Империи мало совмещалось с принципом управления из единого центра; Империя могла не выдержать ни экономически, ни политически усиления армии; нецелесообразно было нарушать установившееся равновесие сил между римским и внеримским миром. Понятию «мир» противопоставлялись и образы «вражды, распри, смуты».

Обеспечение «гражданского мира» было главным лозунгом Августа в его борьбе за власть, неуклонное ограничение роли Сената и постепенное создание внесенатского аппарата управления Империей. Немаловажным в политической форме «мира» было слово «римский». Забота о превращении Империи в единообразную систему пронизывает деятельность римской администрации на протяжении всей эпохи. Империя организовывается вокруг единого центра — Рима. Повторяя деление Рима на районы, Империя делится на провинции. Во главе каждой из них стоит римская администрация, которая обеспечивает сбор налогов, контролирует выполнение законов, следит за денежно-финансовым положением, строит знаменитые дороги, общей протяженностью в 150 тыс. км. Радикальной формой романизации было основание новых городов, структура которых повторяла всеобщую городскую структуру Империи, с полным копированием соответствующих римских магистратур. Поражала массовость и вездесущность римского уклада. Даже в глухом галльском захолустье можно было обнаружить водопровод, бани, базилики и форумы, статуи на площадях и прочие атрибуты римского образа жизни.

Мир, установленный Августом в пределах самой Империи, сделал этот лозунг официальным, находившим отклик среди самых разнообразных слоев свободного населения, он был жизненной реальностью и приносил плоды — по крайней мере до середины II века.

Алтарь Мира

Решение о строительстве Алтаря было принято Сенатом в 13 г. до н.э. после победоносного возвращения Августа из Галлии и Испании. Место расположения сооружения было выбрано на Фламиниевой дороге, по которой Август тогда с помпой въехал в город. Римских граждан всеми средствами начинают уверять в том, что мир для Рима обеспечен надежно и на долгие времена. Выражением такого направления политики Августа и явилось сооружение на Марсовом поле Алтаря, торжественно освященного в январе 9 г. до н.э. в день рождения супруги Августа Ливии.

Простота и гармония соединялись в памятнике с массивностью. Это был мраморный четырехугольник высотой около шести метров, в центре площадки на ступенчатом постаменте располагался жертвенник, украшенный с внешней стороны орнаментами в виде вьющихся побегов и листьев аканфа («медвежья лапа»). По обе стороны входов в Алтарь помещены барельефы с композициями на мифологические сюжеты, прославляющие Августа как благодетеля Рима. Здесь и богиня Земли Теллус в виде красивой женщины с двумя младенцами на коленях, и богиня Рома, и изображение грота, где волчица вскормила Ромула и Рема, и Эней, легендарный предок Августа, породнившийся с местными племенами и приносящий жертву Пенатам. Исторические рельефы на боковых сторонах Алтаря запечатлели торжественную процессию во главе с самим Августом в день освящения жертвенника. Ежегодно на Алтаре магистраты, жрецы и весталки приносили жертвы, слава Августов мир, и молились о его сохранении.

Примерно в 90 м от Алтаря Мира возвышался 30-метровый обелиск, доставленный из Египта и олицетворявший аннексию этой страны. Устремленной ввысь конструкцией, он нес на себе шар, назначение которого было отбрасывать тень одновременно для огромных солнечных часов и календаря, линии которых имели длину около 400 м. Это были самые большие часы и самый большой календарь всех времен!

Исследования Е. Бухнера показали, что сооружение Алтаря Мира, часов и Солярия было приурочено ко дням зачатия и рождения Августа: «Какая символика! В день рождения императора... тень с утра до вечера движется вдоль прямой... линии равноденствия прямо до середины Алтаря Мира; это как бы проводит прямую линию от рождения этого человека к миру и демонстрирует, что он рожден для мира. Эту тень отбрасывает шар, и он является как бы небесным и земным шаром, символом власти над миром, который теперь покорен... С Августа — и это зримо демонстрирует Солярий и Алтарь Мира — начинается новый день и новый год: новая эра, а именно эра мира со всеми его достижениями — изобилием, богатством и счастьем».

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРИЕЙ И ОБЩЕСТВОМ. «СОГЛАСИЕ СОСЛОВИЙ»

Внутренняя политика Августа проводилась по трем направлениям: укрепление юридических основ рабовладения, консолидация господствующего класса при упрочнении положения средних слоев римского общества — основы его хозяйственного процветания, и новая организация римской армии. Представитель старой аристократии, Октавиан считал необходимым поддерживать авторитет Сената при его фактическом подчинении своей воле и упрочить экономическое и моральное положение «отцов». Высшему органу в государстве было присвоено право суда над своими членами, которого он никогда не имел раньше. Однако вначале в его составе еще было много «сомнительных» элементов из числа республиканцев. Пользуясь своими цензорскими полномочиями, в ходе неоднократных чисток Сената (в 28, 18, 8 гг. до н.э., в 4 и 14 гг. н.э.) Август сократил число сенаторов с тысячи человек до 600. Для сенаторов был установлен ценз в 1 млн сестерциев и требование иметь сенаторами не менее двух поколений предков. Октавиан Август всячески покровительствовал сенаторам и наделял их дополнительными престижными привилегиями для поддержания внешнего блеска сенаторского сословия. Он закрепил за сенаторами особые места в цирках и театрах и жаловал щедрые подарки и имения разорившимся «отцам». Сенаторы платили ему полной лояльностью.

Для всадников был оставлен старый ценз в 400 тыс. сестерциев. Из их числа назначались руководители важных ведомств — префект Рима (управляющий городом), префект Египта, префект анноны (ведающий снабжением), префект вод (ведающий снабжением водой и канализацией), *префект претория*, *прокураторы* и т.д. Всадники стали превращаться в служилое (не выборное) сословие, тесно связанное именно с монархической структурой, всецело преданное и обязанное своим благоденствием принцепсу.

Именно в их интересах было издано столько законов, регулировавших отношения между рабами и их господами. Август подтвердил древние правовые акты о праве господина распоряжаться жизнью и смертью собственных рабов. Двумя законодательными актами (Фуфия—Каниния и Элия—Сентия) принцепс ограничивает отпуск рабов на волю как обычным способом, так и по завещанию, в то же время он препятствует

незаконному и насильственному обращению в рабство свободных людей. Так, при количестве рабов от трех до десяти можно было освобождать не более половины, а от 100 до 500 — не более одной пятой. Больше ста рабов запрещалось отпускать по одному завещанию. Право отпуска рабов получал господин не моложе 20 лет, рабу же должно было быть не меньше 30 лет. Рабы, подвергшиеся ранее наказанию, не допускались в число граждан. Жесточайшие меры были приняты для подавления недовольства рабов. По изданному Августом закону в случае убийства господина все находившиеся в его доме рабы подвергались пыткам и казни.

Августом осуществлялись мероприятия по поддержке средних и мелких землевладельцев; до полумиллиона ветеранов были уволены с военной службы и поселены в колониях. Был проведен земельный кадастр, что позволило закрепить земельные участки в качестве полной частной собственности (доминиум) и заложить основы аграрного права, защищающего интересы земледельцев.

Август провел серию военных реформ, которые завершили реорганизацию римской армии на профессиональных началах и сделали ее одной из лучших в Древнем мире, успешно выполнявшей государственные задачи. Август также произвел изменения в управлении провинциями, разделив их на сенаторские и императорские, что, однако, не означало отказа от вмешательства императора в дела сенатских провинций.

Принцепс отошел от политики Цезаря в вопросе о расширении прав гражданства. Как писал Светоний: «Август придавал большое значение тому, чтобы римский народ сохранял чистоту своего состава и не примешивал к своей крови чужестранцев и рабов. Поэтому он весьма скупой давал римское гражданство». Ратуя за возрождение «нравов предков», Август развернул борьбу против распущенности нравов и роскоши во имя крепости семейных устоев (*Закон против прелюбодеяний* и *Закон о браке*). Чтобы успокоить и приручить беднейшие слои жителей Рима, были утверждены постоянные государственные раздачи зерна и дополнительные — в праздники. Многократно устраивались цирковые и театральные игры. Перед смертью Август спросил близких, хорошо ли он сыграл комедию жизни: «Коль хорошо сыграли мы, похлопайте и проводите добрым нас напутствием».

К концу 44-летнего единоличного правления Август создал прочные основы Римской империи как нового типа античной государственности.

Императорские и сенатские провинции

Одним из первых актов установления принципата было разделение провинций между Сенатом и Октавианом. 13 января 27 г. до н.э. по просьбе Сената Октавиан согласился не настаивать на своем полном отказе от власти и за ним были утверждены высшие проконсульские полномочия на 10 лет над всеми пограничными провинциями и вообще над всеми территориями, где были расположены войска.

Императорскими провинциями стали Сирия, Испания и Галлия, а впоследствии вновь завоеванные провинции: Реция, Норик, Паннония, Мёзия, Иллирик, а также Египет, который с 30 г. до н.э. считался личным владением Августа. Все эти провинции должны были управляться «легатами с пропреторской властью», находившимися в полном подчинении у императора. Создавалась для императорских провинций и самостоятельная финансовая организация под управлением агентов Августа — *фиск*.

В остальных провинциях устанавливалось сенатское управление через посредство республиканских проконсулов. Сенатским наместникам были выделены более романизованные, полностью замиренные провинции — Африка с Нумидией, Бетика (южная часть Испании), Нарбонская Галлия, Ахайя, в которую вошли все старые греческие области, Вифиния и Понт, Азия, Крит и Киренаика.

Такая двойственность дала основание Т. Моммзену назвать всю систему «диархией» (двоевластие). Однако в сенатские провинции император посылал своих *прокураторов* для набора войск, сбора военных налогов, управления своими имениями и др. Августу же принадлежал суд над римскими гражданами, к нему шли апелляции на решения местных судов. Таким образом, создавалась видимость диархии, ибо уже одного высшего империя, бессменной верховной военной власти, было достаточно для единодержавия Октавиана.

«Хлеба и зрелищ!», или искусство управлять массами

Крылатое выражение Ювенала «Panem et circenses!» (досл. — «Хлеба и цирковых игр») как нельзя лучше отражало моральную деградацию некогда гордого народа римского, который ранее имел обыкновение распределять самые высокие политические

должности, а теперь, в правление Августа, жаждал только удовлетворять свои материальные инстинкты и щекотать нервы острыми ощущениями.

Август по мере сил старался компенсировать римскому плебсу его отстранение от политической активности в собраниях народа учреждением постоянных коллегий — объединений граждан по профессиями и по месту жительства. Рим был разделен на 14 районов и 265 кварталов, каждый с выборными функционерами. Это позволило 1200 зажиточным простолюдинам приобщиться к «малым формам» общественного самоуправления. Но главным средством отвлечения римского плебса от политики оставалось выполнение знаменитого требования толпы: «Хлеба и зрелищ!»

В прямых или скрытых подкупках народной массы Август пошел дальше своего приемного отца. Он упорядочил процедуру раздачи бесплатного зерна: ежемесячно около 200 тыс. граждан получали его по тессерам (талонам) из расчета примерно 1 кг в день на семью. В неурожайные годы Август прикупал зерно на свои средства. Но когда однажды зарвавшаяся толпа потребовала еще и вина, то Август ответил, что Агриппа провел хороший водопровод и в Риме нет недостатка в воде. За время своего правления император шесть раз раздавал малоимущим гражданам деньги, когда ему необходимо было заручиться поддержкой плебса. При нем более 300 тыс. солдат получили в награду за службу земельные участки или денежные подарки.

Но особенно щедро Август потчевал сограждан зрелищами. В его время государственные игры занимали 66 дней в году. Из них 14 отводились цирковым ристаниям, два — скачкам лошадей, 2 — жертвенным пиршествам и остальные 48 — сценическим представлениям. Римляне охотно посещали амфитеатры, чтобы насладиться острыми впечатлениями, поглядеть на экзотических животных, полюбоваться на лучших гладиаторов, которые были так же популярны, как сегодня спортсмены или эстрадные кумиры. В перечне своих деяний Август рассказывает о том, что во время устроенных им восьми гладиаторских игр на арене сражалось около 10 тыс. гладиаторов.

Двадцать шесть раз он устраивал травли африканских зверей, во время которых погибло 3500 животных. Особой пышностью отличались Секулярные (Столетние) игры 17 г. до н.э., Севиральные, или игры «Шести мужей», в честь Марса Мстителя во 2 г. до н.э., Великие игры, посвященные Юпитеру, которые

растянулись на шестнадцать дней. Освящая храм Марса Мстителя, Август ослепил воображение римского народа навмахией — инсценировкой морского сражения из времен Греко-персидских войн. Неподалеку от Тибра и садов Цезаря Август приказал выкопать огромный бассейн в 280 м длиной и в 70 м шириной, где на тридцати кораблях: диерах, триерах и судах поменьше — вели бой около 3 тысяч человек, не считая гребцов.

Громадной притягательной силой для римлян обладали цирковые игры и состязания. В Риме того времени имелось два цирка: Фламиниев на Марсовом поле и древний Большой цирк в долине между Палатинским и Авентинским холмами. В ранний период Империи цирк был единственным местом, где народ общался со своими правителями. По тому, как приветствовала императора толпа, можно было судить о его популярности. Август ревниво следил за тем, чтобы его появление встречали пылко и восторженно. Грандиозные увеселения должны были покрыть неувыдаемым блеском могущество императора, обеспеченное его богатством, главным источником которого были императорские провинции.

Префект города

Магистратура префекта города (*praefectus urbi*) возникла еще в период царей и означала заместителя царя (затем консулов) по поддержанию порядка в Риме на время его отсутствия. Со времен Августа префект города — обладатель полицейской власти и представитель правосудия в Риме. В его руках находилось управление всем городом. При Августе должность эта была временной и случайной: префект города замещал императора во время его длительного отсутствия и выбирался из сенаторов-консуляров. Например, в 25 г. до н.э. она предлагалась Мессале, в 16 г. до н.э. ее занимал Статилий Тавр и т.д. Император Тиберий сделал эту должность постоянной. С этих пор префект назначался только императором и оставался в своей должности столько лет, сколько угодно императору.

Основной обязанностью префекта была охрана порядка и спокойствия в Риме и надзор за политической благонадежностью его обитателей; это и градоначальник, и шеф политического сыска, и полицеймейстер в одном лице. Рим императорского времени не пользовался доброй славой города, где имущество и жизнь граждан были в безопасности. Ведь эта богатая и роскош-

ная столица ночью погружалась в абсолютную темноту. Наступало время профессиональных разбойников, авантюристов и всякого подозрительного сброда. Светоний жалуется: «Общей погибелью были многие злые обычаи, укоренившиеся с привычкой к беззаконию гражданских войн или даже возникшие в мирное время. Немало разбойников бродили среди белого дня при оружии, будто бы для самозащиты; по полям хватали прохожих, не разбирая свободных и рабов... под именем новых коллегий собирались многочисленные шайки, готовые на любые преступления».

В Риме искали приюта душегубы, ускользнувшие от суда и тюрьмы; прятались беглые рабы; жаждали наживы нищие и бродяги. Префекту подведомственны были уголовные преступления, создающие угрозу спокойствию горожан, могущие вызвать волнения (например, поднятие цен на мясо). Он сам выносил приговор, ни с кем не совещаясь, но мог и пригласить на совет сведущих в праве людей. Так, Плиний Младший с удовольствием заседал в таком совете. Суд префекта действовал быстро, и мало кто жаловался «на медлительную помощь закона». Перед этим судом представляли не только пойманные злодеи, но и лица, заподозренные в смущении народа и подстрекательстве к беспорядкам: в число их попадали ревнители чужеземных и запрещенных религий — иудеи и христиане.

Все преступления рабов подлежали ведению префекта города: он должен был «обуздывать» рабов, но и рабы могли обращаться к нему с жалобами на своих хозяев, если те «свирепы, жестоки, мучат их голодом, принуждали или принуждают к разврату»; он защищал женщин, которых сводники заставляли торговать собой; обязывал господина освободить раба, выкупившегося за свои деньги, если господин откладывал освобождение или не хотел его дать.

Префекту города была подчинена римская полиция — три городские когорты, по тысяче человек в каждой. Она была создана еще Августом, но организована уже при Тиберии. Размещались когорты на Виминале в Преторианском лагере, а их караульные посты были разбросаны по всему Риму. Префект города «должен расставить их, дабы охранять покой населения и получать сведения о всех городских происшествиях». С помощью полиции надо было наблюдать за зрелищами и бдительно присутствовать во время празднеств, следить за тавернами и термами, где воровство было обыденным явлением. Велось на-

блюдение и за торговлей: правильность мер и весов подлежала засвидетельствованию именем префекта города, выбитым на гирях.

Полномочия префекта распространялись не только на Рим, но и на округу 150 километров от города. В течение двух веков префект города становится единоначальным распорядителем всех городских дел, ему уже подчиняются анноны, ведающие снабжением провиантом, и префект ночной стражи, возглавлявший семь когорт ночной стражи (*vigilia*) — своего рода пожарных, т.е. все нити управления городом собираются в его руках.

Префект претория и преторианцы

Учрежденная при Августе должность префекта претория — начальника личной гвардии императора, а затем и всех воинских частей Италии, кроме самого Рима, со временем превратилась в важнейшую государственную должность. На эту должность назначал сам император. Вначале префектов претория было двое, впоследствии от одного до четырех. Принадлежали они к всадническому сословию, но будучи доверенными лицами, советниками и заместителями императора, стали высшими сановниками императорского двора. Август и его преемники имели все основания не доверять охрану своей безопасности людям, принадлежащим к сенатской аристократии. Еще полководцы Поздней республики располагали отборной гвардией — преторианской когортой, которую возглавлял командир, кому преторианцы были безгранично преданы.

Август реорганизовал собственную гвардию после 27 г. до н.э. Он разместил шесть преторианских когорт по Италии и только три оставил в Риме, и то вне его стен. Только в 23 г. н.э. при Тиберии все когорты были сосредоточены в Риме в Преторианском лагере на Виминале — самом высоком месте Рима у городских ворот, господствующем и над городом и над ведущими к нему дорогами. Эти элитные солдаты служили лишь 16 лет (во всей армии — 20 лет), но получали тройное жалование легионера. Императоры не доверяли «солдатам ленивым, бездеятельным, которые развращены цирком и театрами», т.е. жителям Рима, поэтому преторианцев набирали среди коренных римских жителей Италии, преимущественно в Этрурии, Умбрии, Лации. Много позже в их ряды начинают проникать провинциалы из Испании, Галлии, Паннонии. Ежедневно одна из преторианских когорт назначалась на охрану дворца, причем

пароль получала непосредственно от императора. Во дворце преторианцы снимали военные плащи и надевали тоги. В случае волнения в городе преторианцы помогали городским когортам в их полицейской службе.

Этими привилегированными солдатами императорской гвардии и командовал префект претория. Он сопровождал императора в походах и мог вместо него руководить военными действиями, как например Корнелий Фуск при Домициане во время Дакийской войны. В ведении префекта претория находились тюрьмы, он же распоряжался особой командой фрументариев, говоря современным языком, «жандармским корпусом». В их обязанность входила слежка за подозрительными лицами, в том числе и в солдатской среде. Префекты претория творили суд, как бы замещая принцепса и от его имени, поэтому фактически являлись верховными судьями; они служили главным образом апелляционной инстанцией, которая уже не подлежала никакому обжалованию, правда, оставалась возможность помилования императором. В рамках закона они имели право издавать нормативные законы — эдикты.

При императоре *Коммод* к префектам претория перешли административные и судебные полномочия во всей Италии, за исключением Рима и 150-метрового радиуса вокруг него, где эти функции исполняли городские префекты. К ним апеллировали на решения наместников, и они же судили лиц, не подлежавших юрисдикции последних. Поэтому нередко на эту должность назначали крупных знатоков права — например, Папиниана, Ульпиана и Павла. Обладая огромной властью, префекты претория оказывали серьезное влияние на всю политику империи — по своему усмотрению сменяли императоров, а подчас и сами претендовали на высшую власть (*Элий Сеян*). Со времен *Александра Севера* префект претория входит в число сенаторов, т.е. в ряды высшего сословия в государстве. При Константине префект претория становится исключительно гражданской должностью и возглавляет префектуру.

Прокуратор

В эпоху Римской империи прокуратором называли императорского чиновника с высоким содержанием, постоянно занимавшегося императорским имуществом или каким-либо сектором административного управления. Август назначил в каждую

провинцию наместника из сенаторов и прокуратора из всадников. Последний не только занимался *фиском*, но не в меньшей степени наблюдением за наместником, а если понадобится — занимался его устранением.

При Августе прокураторов было 25, при Веспасиане уже 55. В 53 г. *Клавдий* приравнял прокураторов к магистратам и дал им право юрисдикции и военного командования. При Адриане внесенатская оппозиция стала почти единой системой государственного управления. Например, финансами занимался прокуратор фиска, представительством императора в административных и военных вопросах — *procurator Augusti*, добычей металлов — *procurator metallorum*, публичным строительством и зданиями — *procurator operum publicorum*, императорским иуществом — *procurator patrimonii* и т.д. Прокураторы собирали налоги или управляли небольшими провинциями.

Фиск — бездонная мощна императоров

Огромные денежные доходы с императорских провинций, и, прежде всего, с Египта, позволили Августу и его преемникам создать собственную императорскую казну (фиск — «денежный ящик») и финансовое управление, в противоположность сенатской казне — *эзарию*. В соответствии с этим в Риме чеканились раздельно императорские и сенатские монеты. Императорские монеты, серебряные и золотые, были помечены аббревиатурой принятого тем или иным правителем титула. На сенатских монетах, которые могли быть только бронзовыми, помещали две буквы: S и C (*senatus consultum* — *постановление Сената*). В период Республики на реверсе изображали головы римских божеств, а на аверсе — корабль или отдельные его части. Поэтому и игра, называемая у нас «орел—решка», была известна в Риме как «*caput—navis*» («голова—корабль»).

В эпоху Империи постоянным атрибутом римской монетной системы стала чеканка профилей императоров и членов их семей. На оборотной стороне монет выбивали сцены, иллюстрирующие важнейшие события в политической и военной жизни государства в эпоху правления того или иного императора. Изображались военные победы, строительство дорог, портов и т.п. Никогда раньше не выпускалось столь много видов и количества монет, как при Августе, поэтому нет ничего удивительного, что к «Автобиографии» Августа приложен нумизматический комментарий.

Управлением фиска ведал государственный чиновник из вольноотпущенников, говоря современным языком, — министр финансов. В его руках сосредотачивались важнейшие поступления в фиск — налоги с провинций, контроль над расходами по армии и флоту, по снабжению Рима хлебом, по постройкам публичных сооружений, а также импортные пошлины, налоги с наследства, военная добыча и завещания в пользу императора. Поэт Стаций в одном из своих стихотворений так характеризует деятельность заведующего фиском: «Ты управляешь достоянием нашего священного владыки. В твоём ведении богатства, которые посылают все народы, и подати, которые платит обширный мир: слитки золота из рудников Испании; сверкающий металл с холмов Далмации; все, что снято с полей Африки и вымолочено на токах у знойного Нила или собрано водолазами в глубинах восточных морей; тучные стада у спартанского Галеза, прозрачный хрусталь, дубовое дерево из Массилии и слоновая кость из Индии... Легче пересчитать листья в лесу и капли зимних ливней, чем нести твою работу. Ты быстро подсчитываешь, какие суммы требуются для римских войск, стоящих под разным небом; какие нужны для наших триб и храмов, для углубления рек, для плотин, ограждающих от наводнений; для дорог, протянувшихся длинной цепью. Ты думаешь о том, сколько золота должно сверкать в обширных подвалах нашего повелителя; сколько кусков руды должно быть переплавлено на статуи богов и сколько металла громко зазвенит, приняв чеканку италийской монеты».

Принцепс распоряжался этими несметными доходами и средствами как своими собственными, ни перед кем не отчитываясь, но в то же время использовал их для возмещения всех видов государственных расходов. В эпоху Империи существовало три казны: государственная (эрарий), военная и императорская. В 6 г. н.э. Август учредил военную казну, которая была предназначена для жалования и содержания римской армии. Первоначальным капиталом для нее послужили ассигнованные императором 170 млн сестерциев. Позднее в нее стали поступать доходы от налогов на проданные товары и на наследство, что гарантировало постоянный приток денег.

Именно из имеющихся в распоряжении императора денежных доходов черпались средства на создание и содержание новой армии, преторианской гвардии и чиновничьего аппарата, что укрепляло их преданность. Из фиска принцепсы производи-

ли щедрые пожалования своим фаворитам и сенаторам, выделяли огромные суммы для раздачи народу и организации публичных зрелищ и игр. Но главной статьей расходов была, конечно, армия. Выплаты содержания солдатам и денежное обеспечение ветеранов были первоочередной задачей администрации Августа и большим успехом его внутренней политики, как и управляемый прокураторами фиск.

Фиски Августом были учреждены в каждой императорской провинции. Впоследствии Клавдий создал центральную казну, а в конце принципата фиск стал единственной государственной казной.

Закон о роскоши: суета сует

В 18 г. до н.э. Август издал закон против роскоши, по которому нельзя было тратить на устройство каких-либо пиршеств более 400 сестерциев в будничные день, более 800 в праздник и свыше тысячи на свадьбу. По сравнению с «нормами» римского светского общества это были скромные суммы. Особым постановлением ограничивалось расточительство при постройке зданий.

Среди прочих мер особый закон запрещал роскошь в женской одежде, прежде всего употребление шелковых тканей, правда, исключительно знатными римлянками. Модницами в то время особенно ценились воздушные материи, протканые золотом и серебром и окрашенные в томные цвета, едва скрывавшие наготу прелестниц. Однажды появление дочери на публике в дорогом наряде вызвало косой взгляд Августа, и на следующий день Юлия предстала в скромном пеплуме римской матроны, а на похвалы присутствующих ответствовала: «Сегодня я одета, как это нравится отцу, вчера — как мужу». Осуждалось и нарушение присущей для римских женщин своеобразной этики цвета. «Матронам не следует надевать материи тех цветов, какие носят продажные женщины», — писал Сенека.

Впрочем, непристойным считался не столько тот или иной оттенок, сколько кричащая пестрота и нескромность одеяния. Яркая одежда означала афиширование богатства и, следовательно, нарушение исконно римского канона скромности. Особенно это выражалось в употреблении алого цвета. Постановлением Августа против роскоши высшие сорта пурпура — тирский и янтинский — разрешалось носить только главе Империи и его сановникам, а всадникам позволялась лишь пурпурная кайма на одежде. Законом подчеркивалось, что алый цвет — символ богатства и установленного иерархического уклада римской жизни, это привилегия магистратов и всадников. Однако данный закон не выдержал проверки временем — он злобно нарушался уже

при Августе. Щегольство пурпурными одеждами дошло до таких крайностей, что император Тиберий для обуздания его был вынужден прибегнуть к хитрости: он сам перестал носить пурпур, и этим вынудил римскую знать делать то же самое.

И здесь мы видим искреннее лицедейство Августа. Он был убежден, что личный пример императора должен играть важную роль: нарочитой скромностью Август желал служить образцом для римского общества. Светоний пишет: «В простоте его обстановки и утвари можно убедиться и теперь по сохранившимся столам и лолам, которые вряд ли удовлетворили бы простого обывателя. Даже спал он, говорят, на постели низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками; тогу носил ни тесную, ни просторную, полосу на ней ни широкую, ни узкую, а башмаки подбивал толстыми подошвами, чтобы казаться выше». Буквально в следующей фразе раскрывается показной характер жизни принцепса: «Впрочем, нарядную одежду и обувь он всегда держал под рукой в спальне на случай внезапной и неожиданной надобности».

Своими ограничительными законами Август пытался утвердить и упрочить дух староримской традиции, призывами к скромности и восстановлению отеческих семейных устоев он подтверждал, что им восстанавливаются обычаи предков и исконный римский мир.

Законы о семье и браке: моральный кодекс строителя Империи

В августовскую эпоху Рим вступил с ослабленным обществом. Большое значение имело усложнение всех сторон жизни, связанное с огромным накоплением богатств в руках правящей верхушки, непрерывным расширением державы и социальными потрясениями, рушившими устои полиса. Все это породило в разных слоях общества непомерную страсть к комфорту и роскоши и привело к фактическому распаду института семьи, который начался еще во II в. до н.э. В одной из своих политических од Гораций восклицал: «Многогрешные века запятнали сначала брак, род и семью. Проистекая из этого источника, несчастье полилось на государство и народ».

В условиях общественных катаклизмов множество мужчин оставались холостяками, в то время как молодые женщины не желали иметь детей, и поэтому катастрофически упала рождаемость. Необычайно выросло количество супружеских измен и разводов. Тертуллиан утверждал, что женщина выходит замуж только для того, чтобы развестись. Действительность давала повод для подобных преувеличений. Например, мать Августа Атия была замужем два раза, его сестра Октавия также имела двоих мужей, у Скрибонии Октавиан был третьим му-

жем, его дочь Юлия был замужем трижды. Марциал рассказывает о женщине, которая сделала от шести до семи опытов в замужестве, но все они были неудачны. Не отличались постоянством и мужчины, нередко, они меняли по три (Август, Плиний Младший и Овидий), четыре (Цезарь и Антоний) или даже по пять жен (Сулла и Помпей).

Моральная деградация, которая заразой поразила римское общество, вызвала — особенно у римской аристократии — стремление к реставрации старых нравов, о необходимости возвращения к которым взывали поэты, убеждали юристы и рассуждали философы. Август, отличавшийся политической осторожностью и способностью подхватывать поднимавшие его престиж лозунги и идеи, был заинтересован в укреплении своей популярности в кругах сенаторской аристократии и среди италийской муниципальной знати. «Новыми законами, введенными по моей инициативе, многие примеры древних, забытые уже нашим веком, я вернул, и сам многих дел примеры, достойные подражания, потомкам передал», — скромно сообщает Август. И, действительно, он начал принимать соответствующие меры уже в 28 г. до н.э., но главные законы провел с 18 г. до н.э. по 9 г. н.э. Чтобы укрепить семью и увеличить количество римских граждан, был принят закон об обязательном браке, который касался всех мужчин сенаторского и всаднического сословий в возрасте от 25 до 60 лет и женщин от 20 до 50 лет. Не выполнившим этот закон запрещалось присутствовать на публичных зрелищах, более того они лишались права свободно передавать свое имущество по завещанию, а незамужние женщины подлежали налогу в размере 1% с их имущества. Это был далеко не праздный вопрос! Ведь еще недавно, в 42 г. до н.э., триумвиры требовали на нужды войны средства у 1400 богатых женщин!

Согласно римским законам женщины относились к подвластным лицам, т.е. находились под юрисдикцией главы семьи, — известный институт «отеческой власти». Выйдя замуж, женщина оказывалась «под рукой», или «во власти» мужа. Условием брака являлось наличие у супруги приданого, состоявшего из имущества, денег, прав, обязательств. Имение из состава приданого, поступившее в доминий мужа, не могло быть отчуждено против воли жены, а с расторжением брака приданое возвращалось женщине, как гласил Юлиев закон времен Августа. Стремление женщин как можно дольше сохранять самостоятельность и бездетность и вызвало строгости закона, ограничения которого начинали отпадать с момента вступления в брак, а рождение каждого ребенка давало новые льготы.

Светоний сообщает нам о недовольстве законом. Август, «узнав, что некоторые обходят закон, обручаясь с несовершеннолетними или часто меняя жен, он сократил срок помолвки и ограничил разводы». Невеста теперь должна была быть не моложе 10 лет, а период обручения не мог продолжаться свыше двух лет. Таким образом, 12-летняя девочка по римским законам могла выйти замуж. При этом бездетные

приравнивались к лицам, не вступившим в брак, с соответствующими последствиями. Но бурное сопротивление римлян вынудило императора смягчить наказания. Да и закон не достигал цели: положение бездетного человека, которого всячески обхаживают, рассчитывая получить от него наследство, оставалось для многих более привлекательным, чем положение родителя, обремененного потомством.

В частности, последовавший в 9 г. н.э. закон Папия и Поппея (которые сами были холостяками и не имели детей), внес разграничения между не вступившими в брак и бездетными. Первые лишались права наследования, а бездетные, но состоявшие в браке, могли получить половину наследства. Если предыдущий закон обязывал вступать в новый брак через год после вдовства и через полгода после развода, данный закон увеличивал этот срок до трех лет. Устанавливались определенные преимущества для тех, кто имел более трех детей. Теперь женщина с тремя детьми в отношении своих клиентов обладала такими же правами, как и патрон. Матерям троих детей позволялось носить особое почетное платье — украшенную столу, титул носительницы которой, матроны, продолжал существовать и в последующие времена.

Наличие нескольких детей в семье (для жителя Рима троих, для жителя Италии — четверых, для провинциала — пятерых) обеспечивало ряд привилегий и отцу. В качестве особой милости «право троих детей» давалось и бездетным, как, например, Плинию Младшему. Имевший эти права пользовался преимуществами при наследовании, при получении магистратур и распределении провинций, освобождался от тягостных должностей, кроме того, ему оказывали некоторые знаки почета. И все же суровые законы были непопулярны. Более того, зажиточные слои всегда могли обойти закон путем фиктивных браков и усыновления детей.

Особую известность приобрел «Юлиев закон против прелюбодеяний», по которому муж или отец, если они имели все доказательства нарушения супружеской верности, должны были привлечь нарушительницу к судебной ответственности. Неверная жена подвергалась суровому наказанию, конфискации части имущества, половины приданого и трети состояния; ее соблазнитель расставался с половиной имущества. После вынесения обвинительного приговора осужденные подвергались изгнанию на маленькие острова около побережья Италии. Кроме того, женщина лишалась права вступать в новый брак со свободнорожденным.

Дела о прелюбодеяниях выносились за рамки семьи и становились объектом разбирательства в государственных судах наряду с особо опасными преступлениями. К тому же от конфискации имущества осужденных за прелюбодеяние выигрывало государство. При помощи процессов по обвинению в прелюбодеянии устранялись неугодные политические противники, что приводило к «вымиранию» старой римской знати и прекращению некоторых линий видных сенаторских родов.

При Августе были сосланы как соучастники прелюбодеяния обе его дочери Юлии, последний из Клавдиев Пульхров и последний из Корнелиев Сципионов. Причиной гибели семьи и фамилии знаменитых Семпрониев Гракхов также стал процесс над Юлией. И хотя именно представители римской аристократии более других ратовали за укрепление старинных нравов, они же менее всего желали вмешательства в их личную жизнь. Это настроение хорошо выразил Тит Ливий: «Мы не можем терпеть ни наших пороков, ни средств против них».

«ЖЕЛЕЗНЫЕ» ЛЕГИОНЫ ИМПЕРИИ

Главной опорой императорской власти была профессиональная армия, способная надежно защитить протяженные рубежи Империи от алчных посягательств варваров и подавить любое недовольство центральной властью в провинциях. Создателем уникальной военной организации Империи по праву считается *Октавиан Август*. Его преемникам оставалось в течение 200 лет только поддерживать ее в боеготовности и проводить частные улучшения.

Армия была поставлена под жесткий контроль после того, как в начале своего правления Август демобилизовал 300 тысяч ветеранов, потратив, по его словам, 600 млн сестерциев на покупку для них земель в Италии и 260 млн на приобретение земли в провинциях и вывод колоний ветеранов в Африку, Сицилию, Македонию, Нарбонскую Галлию и восточные провинции (всего около 70 колоний — из них 28 в Италии). После демобилизации Август оставил 25 легионов (около 150 тысяч солдат).

Ядро армии по-прежнему составлял легион. Он насчитывал до 5 тысяч человек и возглавлялся императорским легатом в ранге пропретора. Каждому легиону придавался контингент ауксiliarиев, обычно равной с ним численности, во главе с римским префектом. В нем преобладали ударные конные соединения (алы) и отдельные отряды до 1 тысячи человек (вексилляции). Вместе со вспомогательными отрядами легион насчитывал до 10 тысяч человек и превращался в тактическое соединение различных родов войск, способных к выполнению самостоятельной боевой операции (подобно современной дивизии). Каждый легион получил номер и почетное прозвище — XX «Победоносный», VI «Железный», XII «Молниеносный», XIV «Сдвоенный», V «Жаворонки» (за плюмаж в виде характерного хохолка на шлемах).

Общая численность войск при Августе достигла 250 тысяч. Легионеры записывались в армию в возрасте от 17 до 20 лет и

служили 20 лет, во вспомогательных войсках — 25. Был завершен переход к постоянной наемной, т.е. профессиональной армии. Набор в войска проводился добровольно, но часто их комплектация была принудительной, в особенности для пополнения вспомогательных сил. Легионер получал по 225 денариев в год (900 сестерциев), ауксилиарии из среды местного населения провинций — вдвое меньше, но с перспективой при отставке стать римскими гражданами.

Основная масса легионов стояла на Рейне (8 легионов) и на Дунае (15 легионов); на севере Испании дислоцировались два (затем один) легион, в Сирии размещались четыре легиона. Август ввел в армии строжайшую дисциплину; новобранец приносил присягу на верность императору, он должен был жить в военном лагере и заниматься воинскими учениями, не воюющий солдат должен был быть занят на строительных работах по возведению лагерей, укреплений, прокладыванию дорог, от которых освобождался за отличную службу и воинские заслуги (бенефициарии). Август ввел юридическое понятие «лагерный пекулий», по которому все, что солдат приобретал благодаря своей службе принадлежало лично ему, а не его отцу. В возрасте около 40 лет военослужащие выходили в отставку и получали звание ветерана, земельный участок в несколько югеров и становились землевладельцами. Только тогда легионер мог завести законную семью.

К легионерам Август обращался не как к «соратникам», по старой традиции, а как к «солдатам» — послушному оружию укрепления нового режима. Но в новом положении армии заключались и опасные подводные камни — императора могли назначать войска и не только в Риме, но и в провинциях.

ИМПЕРИЯ И ВАРВАРСКИЙ МИР ПРИ АВГУСТЕ — ЗАЩИТА НАПАДЕНИЕМ

Во внешней политике Август отказался от масштабных завоеваний. Главной задачей императора было укрепить границы разбухшей, как на дрожжах, Римской державы и поднять престиж римлян, пошатнувшийся в годину гражданских войн. Но для решения этой задачи Август выбрал активную внешнюю политику. Император говорил о трижды закрытом при нем по случаю мира храме Януса, но на самом деле его правление — это череда захватнических войн.

При Августе завершилось наконец двухсотлетнее завоевание Испании, на правобережье Рейка создана провинция Германия, подчинены альпийские племена, что обеспечивало безопасность Северной Италии и открывало через вновь образованные провинции Реция и Норик более прямой путь к Дунаю. При Августе завоевание Паннонии дало римлянам выход к Среднему Дунаю, что имело огромное военно-стратегическое значение. Включение в состав державы Норика и Мёзии позволило присоединить к Империи обширную территорию от истоков Дуная до нижнего течения реки с обширными и плодородными равнинами и богатыми месторождениями металлов (особенно Далмация и Норик). Римское влияние распространилось даже на Северное Причерноморье, где в надписях Августа называли «повелителем всей земли и всего моря, своим спасителем и благодетелем».

В целом внешнюю политику Августа можно разделить на два периода: 1) с 27 до н.э. по 6 г. н.э., когда римляне добились дипломатических успехов на Востоке и завоевали ряд территорий на Западе; 2) с 6 по 14 г. н.э., когда после восстаний германских и паннонских племен государство было вынуждено перейти к оборонительной политике, характерной почти для всего последующего периода Римской империи.

Зачистка «белых пятен» в Испании и Альпах

По усмирении внутренних смут алкающий взор Августа обращается за пределы Империи, где отдельные гордые племена еще не признали благодетельной власти Рима. В начале principatus главной ареной борьбы стала так и не покоренная за двести лет северо-западная часть Испании, где римляне стремились выйти на естественные морские рубежи. Кроме того, их неодолимо влекли богатейшие золотые россыпи в этом районе (своего рода нефть античного мира). Местные же племена упрямо держались за свободу и независимость и продолжали раздвигать очаг антиримских движений.

В 28 г. до н.э. против Рима выступили кантабры, объединившие соседние племена, из которых по храбрости и численности особенно выделялись астуры (земли которых, к несчастью, славились золотыми приисками и коневодством). В 27 г. до н.э. Октавиан Август самолично отправляется в Испанию, где два года вплоть до 24 г. до н.э. занимался координацией военных дейст-

вий против иберийских племен. Однако война, не в пример гражданским, оказалась чрезвычайно тяжелой для римлян. Боевые схватки происходили в горах, в трудной обстановке и в незнакомой местности. После победного отъезда Августа войну закончили его легаты Гай Антистий Вет и Публий Каризий.

Однако астуры и кантабры, возмущенные бесчинствами римских наместников, в 24 и 22 гг. до н.э. вновь поднялись на борьбу. Они сражались с ожесточением обреченных: не желая сдаваться, кантабры бросались на мечи и в огонь, травили себя. Даже после плена и обращения в рабство иберы убивали хозяев и возвращались на родину. Только в 19 г. до н.э. доблестному Випсанию Агриппе удалось сломить последних защитников испанской свободы. Часть кантабров была выселена в другие области страны (термин «этнические чистки» тогда еще не изобрели). Покоренные земли были присоединены к провинции Ближняя Испания (или Тарраконская, по названию столицы — Тарракон).

Прикрывавшие с севера Италию Альпы, давно окруженные владениями Рима, блистали «белым пятном» независимости на карте Римской империи. Их отроги и труднодоступные долины населяли племена разного этнического корня — кельтского, иллирийского, восточные хребты держали воинственные реты. Вопреки всем пышным триумфам римлян эти племена продолжали совершать набеги на крестьян Италии и грабить купцов. Еще в 25 г. до н.э. в Западных Альпах римлянами была учинена жестокая расправа над кельтским племенем салассов, которые были частично истреблены, а частично проданы в рабство. Затем действия были перенесены в Восточные Альпы и в верховья Дуная. Для обоих пасынков Августа — *Тиберия* и его брата *Друза* — участие в этих походах являлось началом предначертанной для них военной карьеры.

В 16 г. до н.э. под предлогом защиты Истрии от набегов варварских племен был предпринят поход против таврисков, земли которых славились залежами железа и золота. Эта обширная и плодородная область без особого сопротивления легла к ногам римлян и стала ядром новой провинции — Норик (территория совр. Австрии). Затем, продвигаясь вверх по долине реки Адидже, Друз проник в Ретийские Альпы, где одержал свою первую победу.

1 августа 15 г. до н.э., в день рождения императора (к дате!), на берегу Боденского озера близ истоков Дуная римляне нанес-

ли поражение ретам и винделикам. Области их обитания (совр. Тироль, восточная Швейцария и Бавария) были преобразованы в провинцию Реция. Август лично посетил Галлию, чтобы оттуда проследить за ходом устройства новой провинции. Реция и Норик стали императорскими провинциями.

«Тучи за Рейном» и восстание паннонских племен

Дикая Германия, где за Рейном бурлили передвижения неведомых племен и складывались сильные межплеменные союзы, требовала все более пристального внимания руководства Империи. Особенно тревожило Августа мощное объединение племен свевов (как считают историки, состоявших из различных германских и даже праславянских этносов), во главе с вождем Марободом.

Август предполагал начать с берегов Рейна поход против непокорного конунга. Однако в 6 г. н.э. началось восстание племен паннонцев и далматов, причиной которого стали непомерные налоги, взимаемые римлянами и набор войск для похода против Маробода. Возглавили восстание вожди Батон и Пиннет (по Веллею Патеркулу). Огромная армия восставших — до 200 тысяч одних только воинов — осадила римские города от Сирмия до Апполонии. Были разгромлены римские крепости и поселения, истреблялись римские колонисты и купцы. Со дня на день ожидали вторжения восставших в Италию.

В Риме были приняты экстренные меры: призвали ветеранов, была объявлена общая мобилизация, чего давно уже не бывало в городе, формировались когорты из отпущенных на волю и зачисленных в армию рабов. Сам Август на заседании Сената признал, что если не будут приняты меры, то враги через десять дней окажутся под стенами Рима. Поход на Маробода был отложен, все силы стоявшей в Мёзии Дунайской армии, были направлены на подавление восстания.

Особые полномочия получил *Тиберий*. Вместе с сыном *Друза Германиком* он в течение трех лет вел упорную борьбу с восставшими, проявив завидную выдержку и недюжинные таланты полководца. На театре боевых действий было сосредоточено целых 15 легионов и крупные соединения союзных войск. Но встретиться с восставшими варварами в открытом бою Тиберий поостерегся, поэтому он укрепил отдельные районы, шаг за ша-

гом осаждая и разрушая «орлиные гнезда» повстанцев, которые отчаянно сопротивлялись, предпочитая смерть рабству.

Когда захваченному в плен вождю был задан вопрос, почему его соплеменники восстали, то, по словам Диона Кассия, он ответил: «Вы посылаете к вашим стадам не собак и не пастухов, а волков». Надо сказать, и сама война с паннонцами принесла много жертв, потребовала много средств, но дала мало добычи.

Катастрофа в Тевтобургском лесу

Паннонское восстание наконец подавлено, победителя ожидает триумф, но... приходит новое ужасное известие. Племена вновь образованной провинции Германия, понимая, что восстание паннонцев ослабило римские войска, начинают активные боевые действия. Толчком для их выступления в 9 г. н.э. послужили бездарные поступки римского наместника Квинтилия Вара. Еще в должности наместника Сирии Вар отличился крайней алчностью и стойкой неспособностью к командованию, что блистательно проявил во время экспедиции против иудеев. Переброшенный в поощрение в Германию, Вар продолжал свою линию: обложил непосильными налогами замиренные племена, ввел в чужой стране римские суды и с истинно римским апломбом затеял принудительную мобилизацию местных жителей во вспомогательные войска римлян.

Вар не представлял себе истинного размаха движения. Между тем, во главе восставших встал вождь херусков Арминий, который пользовался полным доверием у Вара. Принадлежал Арминий к знатному роду и состоял на службе у римлян, более того, имел даже звание всадника. Восстание началось в одном из отдаленных районов Германии, и Вар, считая, что с ним будет легко справиться, не принял никаких мер предосторожности. Германцы же все более увлекали римлян в глубь страны к плоскогорной лесистой гряде между реками Эмс и Везер.

Римские легионы без разведки вступили в глухой Тевтобургский лес, где их уже поджидали германцы, для которых лес был как дом родной. Утомленные длительным переходом солдаты Квинтилия Вара двигались в расстроенных порядках. В этот момент они были полностью окружены и почти целиком уничтожены. Погибло около 27 тысяч легионеров, и лишь незначительное число спаслось бегством. Квинтилий Вар покончил жизнь самоубийством.

Известие потрясло Рим, ведь такого сокрушительного поражения римляне еще не знали. Август был до такой степени подавлен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головой о дверной косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения каждый год отмечал трауром и скорбью. Тревожились горожане, обеспокоен был и Август. Он приказал расставить по городу караулы во избежание волнений, продлил власть наместникам провинций, даже отменил заслуженный триумф Тиберия за победу над паннонцами.

Спустя шесть лет после страшного поражения, сын Друза — Германик, отец будущего императора Калигулы, предал погребению останки воинов трех легионов. Никто не мог распознать, прикрывает ли он землей кости чужих или своих. Их всех хоронили как близких, как кровных родственников, с возросшей ненавистью к врагам, проникнутые и печалью, и гневом».

Создание «Дунайского вала»

События 6—9 гг. н.э. доказали римлянам необходимость укрепления границы по Дунаю. Еще в 29—27 гг. до н.э. римляне предприняли попытку упрочить влияние в Западном Причерноморье, послав против фракийцев экспедицию, которую возглавил Марк Лициний Красс. Флор оставил яркое описание первого столкновения римлян с фракийским племенем мёзов: «Один из вождей, выступив вперед и потребовав тишины, спросил: “Кто вы?”. Последовал ответ непобедимых: “Римляне, повелители народов”. Тогда те ответили: “Это будет в том случае, если вы нас победите”». И действительно, победа далась с большим трудом.

Римская политика «Разделяй и властвуй» нашла применение в ходе военных действий в Нижней Мёзии против гетов, одного из самых воинственных фракийских племен. Дион Кассий рассказывает о расколе среди гетов, которым пришлось вести борьбу одновременно с римскими войсками и с предводителем одного из племен Ролом, ставшим союзником Рима. Красс оказал помощь Ролу при осаде укрепления, защищаемого Дапигом, не разделявшим проримских настроений. Победители расправились с рядовыми защитниками, отрубив им руки, однако оставили невредимым брата покончившего с собой Дапига. В опоре на местную знать римляне видели источник успешного завоевания. После победы над Дапигом Красс окружил фракийцев в пещере Кейра, замуравав выходы из нее. В процессе осады была захвачена Генукла, находившаяся под властью гетского предводителя Цирака.

Так после длительной борьбы племена Мёзии были подчинены, а ее территория разделена: западная часть оказалась под непосредственным управлением Рима, а восточная, от Дима до Добруджи, была передана фракийскому Одрисскому царству. Прибрежная часть Добруджи и Фракии до смерти Августа и вступления на престол *Тиберия* находилась под управлением наместника провинции Македония. Дальнейшие эффективные действия римлян в Добрудже на рубеже веков затруднялись из-за сохранения формально самостоятельного Одрисского государства на Нижнем Дунае. В пограничных крепостях Эгис (совр. Тулча) и Трёсмис (совр. Иглица) стояли фракийские гарнизоны, и царь одриссов Раскупорид планировал поход на левый берег Дуная.

В конце правления Августа положение на Нижнем Дунае изменилось. Воспользовавшись ослаблением сил одрисских царей, занятых подавлением антиримского восстания в северо-западной части Балканского полуострова, плохо замиренные и враждебные геты захватили в 12 г. н.э. придунайские крепости Эгис и Трёсмис. Чтобы восстановить положение в районе, потребовалось вмешательство римских войск, прибывших по Дунаю (что свидетельствует о присутствии здесь римского флота уже во времена Августа). Эти события заставили нового принцепса Тиберия организовать провинцию Мёзия. Придунайская часть Добруджи не была включена в нее и оставалась до организации провинции Фракия в 46 г. под властью одрисских царей. Тогда же Добруджа вошла в состав ранее образованной Мёзии и составила внутри нее особый таможенный округ.

ФАМИЛИЯ АВГУСТА И ТЩЕТНОСТЬ УПОВАНИЙ ПРИНЦЕПСА

Дион Кассий сообщает, что однажды Октавиану был задан вопрос, как он воспитывает своих детей, и принцепс нарисовал идеальную картину в оправе римской старины, но далекую от того, что на самом деле творилось в его доме и фамилии. Вторя Августу, Светоний пишет: «Дочь и внучек он воспитывал так, что они умели даже прясть шерсть: он запрещал им все, что нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно

упрекнул за то, что в Байях он подошел приветствовать его дочь». В этом проявлялась показная приверженность императора к отеческим нравам.

Многоликой семье Августа затруднительно было соблюдать совет мудрецов вести себя согласно общепринятым в обществе законам и обычаям, не мудрствуя лукаво. Членам семьи пришлось на себе испытать распространенные суждения: «Молния поражает высокие деревья, а не кусты» и «Трагедии происходят в домах царей, а не простых людей». Лицемеря, Август не раз заставлял сенаторов выслушивать длинные цитаты, например, из речи Квинта Метелла «Об умножении потомства» и «О порядке домостроения». Этим он хотел показать, что не он первый обратился к таким заботам, но уже предкам были они близки.

Однако репутация самого Августа не соответствовала столь суровому образу ревнителя древней чистоты нравов — сплетни о его любовных похождениях переходили из уст в уста. Однажды в Сенате ему был задан вопрос: что делать с тем гражданином, который был раньше любовником замужней женщины, а потом увел ее от мужа, — явный намек на его отношения с *Ливией*. Август же ответил, что во времена гражданской войны творилось много ужасного, о чем нужно забыть и не допускать этого в будущем.

Не только злые языки, но и друзья не отрицали внесемейных связей Августа, оправдывая его поведение тем, что он шел на это по расчету, чтобы через женщин выведывать замыслы противников. Август боролся с разводами, но сам был трижды разведенным мужем. Семья самого законодателя служила печальной иллюстрацией тщетности попыток укрепления нравственности, свидетельством того, что указами власть предрежащих сложно обуздать историческое развитие.

В Риме к началу Империи, да и на ее протяжении, не существовало законодательных актов, устанавливающих порядок престолонаследия, однако признание принципата влекло за собой логически и признание права передавать власть по наследству. Сам Август в официальном титуле подчеркивал, что он «сын божественного» Юлия, и в свою очередь проявил заботу о наследнике. Особые почести воздавались лицам, принадлежавшим к императорской семье.

К его сожалению, у Августа не было прямых потомков мужского пола, и хотя принцепс был трижды женат, только от брака со Скрибонией имел ребенка — дочь Юлию. У его третьей жены

Ливии от первого брака имелись два сына — *Тиберий* и *Друз*. В династической политике Августа наблюдались постоянные колебания между прямыми его родственниками и детьми Ливии. Вскоре после возвращения с Востока Август приблизил к себе сына своей сестры Октавии Марцелла, которого спешно женили на дочери принцепса. Но Марцелл умер совсем юным. *Юлию* выдают замуж за полководца Марка Випсания Агриппу, которому предоставляются чрезвычайные полномочия, и он становится соправителем Августа. Но и Агриппа скоропостижно скончался.

Смерти родных и близких преследовали все новыми потрясениями повелителя мира, словно аукнулся беспощадный террор проскрипций. Умирают сестра Октавиана Октавия, Друз Старший, а также друзья принцепса — Меценат и Гораций. Август не хотел подвергать себя ни малейшему риску, поэтому он буквально вынудил свою дочь Юлию, только-только вдову Агриппы, заключить новый брак с Тиберием, который стал вторым человеком в государстве. Но вскоре Тиберию начали явно предпочитать усыновленных Августом сыновей Агриппы и Юлии — *Гая Цезаря* и *Луция Цезаря*. Дело даже дошло до разрыва, и оскорбленный Тиберий уехал на Родос. Но во 2 г. н.э. умирает Луций, а двумя годами позже — Гай. После смерти любимых внуков Август окончательно пал духом, он даже хотел покончить с собой. В эти годы резко усилилось влияние его жены Ливии, и в результате Август усыновляет-таки Тиберия, к которому не питает симпатий. Ливия по завещанию также была удочерена Августом и с тех пор стала называться Августой. Как видим, вопрос о престолонаследии имел для Августа особое значение, ибо закреплял единоличный характер его власти.

Октавия Младшая — «женская доля» сестры Августа

Родная сестра Августа Октавия (61—11 гг. до н.э.) была женой Гая Клавдия Марцелла (консул 50 г. до н.э.), от брака с которым имела сына Марцелла, считавшегося наследником Августа, и дочь Марцеллу. В год смерти первого мужа ради примирения Августа с триумвирами она вступила в династический брак с *Марком Антонием*. Часто на римских монетах 40—32 гг. до н.э. на одной стороне был изображен профиль Октавии, а на другой — профиль Марка Антония. Полагая, что ее брак может

спасти государство от ужасов гражданской войны, Октавия принесла себя в жертву политике.

Но вскоре Антоний вновь встречается с роковой для своей судьбы женщиной — египетской царицей Клеопатрой VII. Вынужденный брак распался, и Октавия покинула дом Антония. Всю себя эта благородная женщина посвятила детям, вырастив не только четверых своих, но и детей Антония от его браков с Фульвией и Клеопатрой — всего девять человек.

Эта скромная утонченная женщина проявляла интерес к греческой поэзии, философии и искусству в целом. Еще при жизни сестры Август реконструировал портик Метелла, назвав его Портиком Октавии. В нем он разместил библиотеку с греческим и латинским отделениями, устроенную Октавией в честь ее сына Марцелла, школу и Курию. Портик Октавии являлся настоящим музеем, где были собраны шедевры античного искусства: Александр и Филипп с Афиной работы Антифила, Афродита Фидия, Эрот Праксителя и другие замечательные статуи.

Скончалась Октавия в 11 г. до н.э. в возрасте 50 лет и погребена в Мавзолее Августа. В отношении Октавии Плутарх восклицал: «Она была настоящим чудом среди женщин».

Атия — жизнь ради сына

Император Август при жизни оказывал величайшее почтение своей матери Атии. После смерти матери Август (в первое свое консульство 43—42 гг. до н.э.) устроил ее торжественные похороны за государственный счет. Атия была дочерью Юлии, сестры Цезаря, а отец Октавиана по матери состоял в родстве с Помпеем. После смерти мужа Атия вступила в брак с Луцием Марцием Филиппом (консул 5 г. до н.э.). Именно мать через присланного ею вольноотпущенника сообщила сыну о смерти Цезаря, и Октавиан сразу же прибыл на виллу к отчиму и матери, которая находилась недалеко от Рима рядом с имением Цицерона. Не желая отказаться от назначенного ему Цезарем наследства, Октавиан прибегнул к продаже имений матери в Кампании для денежных раздач ветеранам.

Атия не раз выказывала верность сыну. Семья была окружена ореолом легенд, по одной из которых истинным отцом Августа, являлся Аполлон, соединившийся с Атией в образе Дракона. Сообщали, что Атия незадолго до рождения сына видела сон, будто ее внутренности возносятся ввысь; а ее мужу Октавию приснилось, будто из чрева Атии исходит сияние солнца. Так не без помощи имени матери, почитаемой императором, происходило обожествление Августа.

Сломанная судьба Скрибонии

В 40 г. до н.э. Октавиан женился во второй раз на Скрибонии, которая до этого была замужем за двумя консулами и имела от одного детей. Брак был вызван политическим расчетом; необходимо было скрепить мир Августа с Секстом Помпеем, женатым на племяннице Скрибонии. В 39 г. до н.э. в день рождения единственной дочери Юлии Август развелся со Скрибонией. По словам Светония, он сделал это, «устав от ее дурного нрава», но далее тот же автор сообщает, что «Марк Антоний попрекал его... как он дал развод Скрибонии за то, что она позволяла себе ревновать к сопернице». Речь шла о Ливии, на которой Август женился уже в январе 38 г. до н.э.

Еще раз имя Скрибонии упоминается в источниках там, где описывается тяжелое положение сосланной в ссылку на остров императором дочери, чьей единственной отдушиной были встречи с родной матерью Скрибонией. Ей было разрешено сопровождать дочь и скрасить ее быт в лишениях. Скрибония находилась рядом с Юлией до последнего своего дня.

Императрица Ливия Августа, или красота на службе у честолюбия

Первая римская императрица Ливия Друзилла (58 г. до н.э. — 29 г. до н.э.), уже была в замужестве с Тиберием Клавдием Нероном, и родила от него двух сыновей — будущего императора Тиберия и Друза Старшего. В 38 г. до н.э. 19-летняя беременная Ливия вышла замуж за Октавиана, который вынудил ее развестись с первым мужем. Наличие чужих детей не остановило 25-летнего Октавиана, который сам расстался со второй женой Скрибонией в день рождения своей дочери. Вероятно брак императора с Ливией был по любви, ибо Светоний пишет, что «ее он, как никого, любил и почитал до самой смерти». Но именно этот брак так и не дал Ливии детей.

Красивая, честолюбивая и умная женщина, Ливия могла влиять на политические решения Августа. Нередко Август поддавался влиянию своей супруги, которую Калигула даже назвал «Улиссом в женском платье». Тацит добавлял: «...святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью, была приветливее, чем было принято для женщин в древности; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужа и в при творстве сыну». По Риму ходили слухи, что Август «даже част-

ные беседы, даже разговоры со своей Ливией в важных случаях набрасывал заранее и держался своей записи, чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много». Светоний упоминает, что так же основательно Август готовился к выступлениям перед Сенатом, народом или войском; это подтверждает серьезность вопросов, которые император обсуждал с Ливией.

Ливия умно и расчетливо использовала бездетность своего брака с Августом на пользу своему сыну *Тиберию*. В конечном итоге Август был вынужден даже против своей воли усыновить Тиберия и тем самым сделать его своим преемником. О таких, как Ливия, Катон Старший восклицал: «Везде мужи управляют мужами, а мы, которые управляем всеми мужами, находимся под управлением наших жен». По завещанию Августа Ливия была в 14 г. до н.э. удочерена семьей Юлиев и под именем Юлии Августы провозглашена соправительницей.

Она добивалась назначения своего сына Тиберия преемником Августа, однако в этот период ее влияние сильно уменьшилось. Враждебно настроенные к Ливии римские историки Тацит и Дион Кассий изображают императрицу интриганкой и даже организатором убийств внуков Августа — Луция, Гая и Агриппы Постума, считавшихся в свое время наследниками престола. К ней были обращены последние слова Августа: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!»

Царственная супруга стала жрицей обожествленного Августа. Однако ей суждено было пережить ужасное время правления Тиберия, за которое она вправе была считать ответственной и себя. Приведя сына к власти, Ливия вскоре стала ему в тягость. Он не допустил, чтобы ее величали «матерью отечества», а его — «сыном Ливии», а также был против оказания ей великих почестей от государства. Когда он узнал, что при пожаре близ храма Весты она, как бывало при муже, сама явилась на место происшествия и призывала народ и солдат действовать проворнее, Тиберий попросил мать не вмешиваться в государственные дела.

Вражда между ними стала открытой, после того как Ливия обнародовала письма Августа, где он жаловался на жестокость и упрямство Тиберия. За три года, вплоть до кончины Ливии, сын видел мать лишь раз, и то несколько часов. Тиберий «заставил напрасно ждать себя, когда она умерла, так что тело ее было погребено лишь много дней спустя, уже разлагающееся и гниущее». Обожествление матери он запретил, завещание ее объявил недействительным, а с ее друзьями и близкими по-свойски расправился.

Много лет спустя Клавдий, отдавая долг почтения своим родственникам, бабушке своей Ливии назначил божеские почести и колесницу в цирковой процессии, запряженную четырьмя слонами, как у Августа. Но Светоний подчеркивает, что сама Ливия относилась к Клавдию с презрением, делала ему замечания в коротких и резких записках, передаваемых через рабов.

Калигула свою пробабку не любил и в одном письме к Сенату «даже имел наглость обвинять ее в безродности, уверяя, будто дед ее по матери был декурионом из Фунд, между тем как государственные памятники показывают, что Авфидий Луркон занимал высокие должности в Риме». И это при том, что в период ссылки матери он жил у Ливии, а когда она умерла, он отроком произнес над нею похвальную речь с ростральной трибуны.

Будущий император Отон вырос в доме Ливии Августы и благодаря ее расположению стал сенатором. Более всего воздавал почтение Ливии будущий император Гальба. При жизни императрицы он пользовался ее милостью, и даже по ее завещанию должен был стать богатым человеком, но Тиберий ему этих денег не выплатил.

Друз Старший — ратоборец «без страха и упрека»

Клавдий Друз Нерон (Старший) (38 — 9 гг. до н.э.) — приемный сын Августа и младший брат Тиберия, второй сын Ливии Друзиллы от брака с Тиберием Клавдием Нероном. В эту пору в знатных родах начинают вместо обычных личных имен давать детям имена, которые раньше были родовыми прозвищами, поэтому Друз сначала носил имя Децим, а потом — Нерон. Ходили слухи, что прижит он был от прелюбодеяния Ливии с Октавианом, так как родился через три месяца после заключения брака. В народе тотчас же был пущен стишок: «Везучие родят на третьем месяце». Женат Друз Старший был на *Антонии Младшей*, дочери сестры Августа Октавии и Антония. У них было двое сыновей — Германик и Клавдий, а их внук станет императором *Калигулой*.

Друз прославился как яркий римский полководец. Вместе с Тиберием в 15—13 гг. до н.э. он покорял Рецию. Квестором он служил около 16 г., а претором в 11 г. до н.э. В качестве наместника провинции Галлия и верхового главнокомандующего на рейнской границе весной 12 г. до н.э. он начал ряд завоеватель-

ных походов в Германии. Перейдя Рейн, войска Друза покорили германские племена бруктеров и хавков. Друз построил один из каналов между Нижним Рейном и Цвидерзее к озеру Флево (совр. Голландия), названных его именем, чтобы сократить опасный путь по Северному морю, а в следующем году вышел с флотом в море и продвинулся до устья Везера.

Тацит сообщает: «Врага он разгромил во многих битвах, оттеснил в самую дальнюю глушь, и лишь тогда остановил свой натиск, когда призрак варварской женщины, выше человеческого роста, на латинском языке запретил победителю двигаться дальше». При Друзе римские войска впервые достигли Эльбы. Не раз в победах над врагом он добывал «знатнейшую добычу», т.е. доспех, снятый с побежденного в единоборстве неприятельского вождя. За все время царей и Республики римские полководцы лишь трижды достигали этой славы. За свои подвиги Друз был удостоен овации и триумфальных украшений (право триумфа со времени Августа перешло исключительно к императору).

Он отличался республиканскими взглядами и открыто говорил о своем намерении при первой возможности восстановить прежний государственный строй. Однажды Тиберий выдал императору письмо, в котором Друз предлагал добиться от Августа восстановления Республики. Тацит сообщает о слухах (в которые сам не верит), что Август стал подозревать Друза и отозвал его из провинции, но так как тот медлил с приездом, отравил его ядом.

Источники повествуют, что в 9 г. н.э., будучи консулом, Друз разбил херусков и маркоманов, но на обратном пути между Заале и Рейном погиб в результате несчастного случая (падение с лошади и сложный перелом бедра) в летнем лагере, который с тех пор назывался «Проклятым». Посмертно он получил почетное имя «Германик», которое в его семье стало наследственным.

Тиберий доставил тело брата из Германии в Рим и всю дорогу шел пешком впереди похоронной процессии. Август оказал Друзу пышные погребальные почести за счет государства: «...в разгар зимы он проехал вплоть до Тицина и, не отходя от тела покойного, вместе с ним вступил в Рим; катафалк окружали изображения Клавдиев и Юлиев; умершего почтили оплакиванием на Форуме, хвалебной речью с ростральных трибун».

Император Август при жизни так любил Друза, подчеркивает Тацит, что всегда назначал сонаследником сыновьям и «молит богов, чтобы молодые Цезари были во всем ему подобны».

Август даже гробницу умершего украсил стихами своего сочинения и в прозе описал жизнь Друза Старшего. Тацит горестно подмечает: «Римский народ чтит память Друза, и считалось, что если бы он завладел властью, то восстановил бы народоправство».

Две Юлии: «сладкий жизни сон» и «хмурое утро»

У Октавиана Августа была единственная дочь от второй жены, *Скрибонии*, с которой он развелся в день рождения Юлии. Девочке пришлось жить в доме Октавиана и *Ливии* — показном образце римской семьи, где скрывали от окружающих правду и реальность повседневности каждого дня. Нравственность и скромность, насаждаемые Октавианом при воспитании дочери, столкнулись с врожденным сложным, независимым и самолюбивым нравом девочки. Август надеялся, что с возрастом Юлия будет такой же добропорядочной и послушной матроной, как Октавия Младшая, судьба которой стала разменной картой в политическом преферансе. В этом плане Юлия повторила участь своей тетки. Уже в четырехлетнем возрасте она была обручена со старшим сыном Марка Антония от Фульвии, но после разрыва между триумвирами Октавиан решил выдать ее замуж за царя гетов Котизона. Юлия получила разностороннее образование, проявляла интерес к искусству и литературе, пользовалась пристальным успехом в обществе, а потому не могла не замечать лицемерия отца и мачехи.

Недоразумения с Юлией начались у Августа еще до замужества дочери. В одном особом письме отец выразил свое недовольство тем, что Юлия часто появляется на людях в сопровождении молодых людей. Дочурка не преминула ответить, что ее спутники состарятся вместе с нею. В четырнадцать лет Юлия была выдана замуж за своего двоюродного брата Марцелла, которому только исполнилось 18 лет. Брак этот остался бездетным, и вскоре 16-летняя Юлия стала вдовой — но ненадолго. В 18 лет ее отдают за сорокалетнего Марка Випсания Агриппу, который был другом и сподвижником Августа, а женившись на Юлии, фактически стал соправителем императора. За девять лет семейной жизни у них родилось пятеро детей: Гай, Луций, Юлия Младшая, Агриппина Старшая, Агриппа Постум.

Преклонение знати, роскошь и крайний индивидуализм сказались на судьбе Юлии. Плиний Старший упоминает, что

своим поведением Юлия доставляла Агриппе немало огорчений, одним из которых была, вероятно, ее связь с Семпронием Гракхом. Юлии исполнилось 27 лет, когда Агриппа скоропостижно скончался. И вновь Август, верный себе, «...долго искал для дочери мужа даже среди всаднического сословия и наконец выбрал ей супругом своего пасынка Тиберия». Первое время между Тиберием и Юлией существовало взаимопонимание, жили они в «ладу и любви». В Аквилее у них родился сын, но умер младенцем, и после этого Тиберий начал отдаляться от супруги. Неприязнь стала взаимной, и «посеявший бурю» испытал ее на себе. В жизни Юлии вновь появился давний поклонник Семпроний Гракх, а когда Тиберий удалился на Родос, она и вовсе была предоставлена самой себе. Рассказывают, что на том самом Форуме, где Август оглашал свои суровые законы, Юлия со своими поклонниками устраивала оргии.

Скандалное поведение дочери, вызывающее, по-видимому, негативное отношение в аристократических кругах, принудило императора к применению в отношении ее *закона о прелюбодеянии*. До сих пор не ясна истинная причина сурового наказания, однако, зная Августа, можно с уверенностью предположить острую политическую подоплеку в этой истории. Ведь в ссылку по делу Юлии были отправлены последние представители нескольких знатных римских родов — Клавдий Пульхр, Корнелий Сципион, Семпроний Гракх. Август принимал решение самолично, подумывая даже, не казнить ли свою дочь, как это позволяла ему «отеческая власть» и закон о прелюбодеянии. Наконец, решение было принято, и дочь отправилась в ссылку на остров Пандатерию в Тирренском море, а Тиберий получил развод.

У плебеев участь Юлии вызывала сожаление, и они постоянно требовали у Августа возвращения дочери. Дион Кассий приводит ответ принцепса, что скорее вода смешается с огнем, чем он перестанет сердиться на свою дочь. Многие тогда бросились к Тибру с горящими факелами, чтобы погасить их в воде. Однако Август был неумолим. После смерти Гая и Луция Цезарей — сыновей Юлии, ей разрешено было перебраться на сушу в Регий (ныне Реджо-ди-Калабрия), порт на берегу Мессинского пролива, и выделено имущество и даже ежегодное содержание.

В 14 г. н.э. умирает Август, а вскоре Тиберий расправляется с последним сыном Юлии *Агриппой Постумом*. Теперь опасность для утверждения у власти Тиберия исходила от Юлии

Старшей, жившей в Регии и находившаяся под охраной закона Папия и Поппея, так как была матерью пятерых детей (даже не считая умершего ребенка Тиберия) и могла свободно распоряжаться своим имуществом. Тиберий воспользовался тем, что Август в завещании не оставил относительно Юлии никаких распоряжений, лишь запретив хоронить дочь и внучку в своей усыпальнице и предоставив, вероятно, по политическим соображениям, Тиберию полную свободу.

Бывший супруг не проявил сочувствия, более того, он лишил Юлию имущества и ежегодного денежного содержания, запретил ей выходить из дома и встречаться с людьми. Тацит подчеркивает, что «теперь, достигнув власти, он извел ее — ссыльную, обесславленную и после убийства Агриппы Постума потерявшую последние надежды, — лишениями и голодом, рассчитывая, что ее умерщвление останется незамеченным вследствие продолжительности ссылки». Юлия умерла в том же 14 г., и нам неизвестна причина ее смерти: голод, нервное истощение или же рука палача.

Горькую судьбу матери повторила ее старшая дочь от Агриппы Юлия Младшая. Она была выдана Августом замуж за Луция Эмилия Павла, консула 1 г. до н.э., который был обвинен в заговоре на жизнь Августа и казнен. Ссылка Юлии продолжилась недолго, ей разрешено было вернуться, но в 8 г. к ней также был применен закон о прелюбодеянии и она была сослана на остров Тимеро около Апулии (совр. Тремити) в Адриатическом море. Раздраженный Август даже приказал разрушить до основания дворец Юлии Младшей, стоявший немалых денег. В вину Юлии вменялась связь с Децимом Юнием Силаном, и хотя Децим не был подвергнут суровому наказанию (принцепс только лишил его своей благосклонности), он понял это как приказание отправиться в ссылку и лишь при Тиберии решился обратиться к Сенату с просьбой о прощении. Тиберий позволил ему вернуться в Рим, но не допустил к занятию государственных должностей.

У Юлии Младшей уже после осуждения родился ребенок, которого Август отказался признавать и воспитывать. Двадцать лет, вплоть до своей смерти, Юлия-внучка пробыла в изгнании, «существуя на средства Августы, которая, ниспровергнув тайными происками своих пасынков и падчериц, проявляла показное сострадание к их бедствиям».

Луций и Гай Цезари: отроки под колесом Фортуны

После рождения сыновей Марка Випсания Агриппы и дочери Августа Юлии Гая и Луция Цезарей на монетах того времени их изображали вместе с матерью в образе Дианы с детьми. Оба мальчика были «куплены» Августом у Агриппы за медную монету и затем усыновлены. При этой форме усыновления усыновлявший, в данном случае Август, в присутствии пятерых свидетелей перед отцом детей трижды ударял монетой по весам, произнося: «Заявляю, что по квиритскому праву этот человек мой».

Как писал Светоний, «внуков он обычно сам обучал и читать, и плавать, и другим начальным занятиям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам».

Свое тринадцатое консульство Август испросил у Сената, чтобы в этой должности вывести к народу своих внуков в день совершеннолетия каждого. В 5 г. до н.э. старший из сыновей Агриппы Гай Цезарь был торжественно принят в Сенат, а также назначен (заранее за пять лет) консулом на 1 г. н.э. Ради такого события Август раздает народу по 60 денариев (то же повторится по совершеннолетию Луция). Всадники обозначили Гая первым в цензорском списке, а три года спустя этих же почестей удостоился его брат Луций Цезарь. Кроме того, в Империи в его честь было выпущено большое количество монет.

Расстроенный семейными неурядицами Тиберий, удаляется от дел на Родос. В 1 г. до н.э. он посещает о. Самос, чтобы повидаться с Гаем Цезарем, который принял его холодно. Однако именно с согласия Гая и при его содействии Тиберию было разрешено вернуться, с условием не принимать никакого участия в государственных делах. В это время Гаю Цезарю исполнилось уже 23 года, его брату Луцию — 19 лет.

С детства приблизив братьев к государственным делам, Август отправил повзрослевших и полных сил молодых людей в провинции к войскам. Гай был послан с проконсульской властью на Восток против парфян, Луций — в Испанию. Во 2 г. до н.э. по дороге в Испанию, в Массилии, умер от болезни Луций Цезарь, через полтора года его брат Гай Цезарь получил тяжелое ранение и скончался в Ликии во время большой, но не особенно удачной военной кампании на Востоке. Когда наставник и служители Гая, воспользовавшись болезнью и смертью последнего, начали бесстыдно обирать провинцию, Август приказал швырнуть их в реку с грузом на шее. Никто не смел бросить тень на имя и память дорогих внуков.

Август устроил невероятно большие посмертные почести обоим приемным сыновьям. В своем завещании он написал: «Так как жесто-

кая судьба лишила меня моих сыновей Гая и Луция, пусть моим наследником, в размере двух третей будет Тиберий Цезарь».

Горести «невольника власти» Агриппы Постума

Внук Августа (12 г. до н.э. — 14 г. н.э.), младший сын Марка Випсания Агриппы и Юлии Старшей, родился уже после смерти отца (прозвище Постум и означает «Посмертный»). Когда огромное горе обрушилось на плечи императора Августа, унеся жизни Гая и Луция Цезарей, он на Форуме перед собранием курий (форма усыновления, когда усыновляемый был уже взрослым и самостоятельным человеком) усыновил своего последнего внука, 16-летнего Агриппу Постума, и одновременно с ним Тиберия. Тиберий стал именоваться Цезарем и был избран вторым (вместе с Августом) плебейским трибуном. Однако внук был еще слишком молод, а Империю нужно передать в надежные руки. Кроме того, Агриппа успел проявить свои дурные наклонности, не подобающие будущему императору.

И вдруг мы узнаем, что Август от Агриппы за его низкий и жестокий нрав вскоре отрекся и отправил его в ссылку. Первоначальным местом был определен благодатный город Соррент на берегу Неаполитанского залива. Чуть позже, по сообщению Светония, «Агриппу, который не становился мягче и с каждым днем все более терял рассудок, он перевез на остров и, сверх того, заключил под стражу; особым сенатским постановлением он приказал держать его там пожизненно. А на всякое упоминание о нем или о двух Юлиях он только восклицал со стоном: “Лучше бы мне и безбрачному жить и бездетному сгинуть!” — и называл их не иначе, как тремя своими болячками и язвами».

Светоний упоминает, что для охраны к Агриппе был приставлен военный трибун, иначе говоря — командир легиона, который по уставу не мог находиться на удаленном острове без своих воинов. Такая солидная стража вызывает удивление, она не требовалась для усмирения буйства одинокого изгнанника! Причина была серьезнее — существовало опасение, что кто-либо захочет освободить Агриппу. Недаром Тацит откровенно и возмущенно пишет: «Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении». Вероятно, интрига Ливии была связана с существованием в Сенате или в армии сильной оппозиции, которая могла бы воспользоваться именем внука Августа и оспорить власть Тиберия после смерти императора. Светоний же упоминает о людях низкого происхождения Авдасии и Эпикаде, которые замыслили похитить Агриппу и привести его к войску.

Почти одновременно со смертью Августа ушел из жизни и Агриппа Постум. Он был безжалостно убит военным трибуном по письменному

приказу. Тацит полностью отвергает причастность императора к этой смерти: «Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было подтверждено сенатским постановлением; однако никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка». Более того, Тацит сообщает о слухе, по которому Август вместе с Фабием Максимом побывал на острове и повидался с внуком: «Здесь с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены свидетельства взаимной любви».

Сразу после смерти императора предпринимается отчаянная попытка освободить молодого потомка Августа: «Раб Агриппы Постума, — передает тот же Тацит, — по имени Клемент, узнав о кончине Августа, задумал с несвойственной рабской душе отвагой отплыть на остров Планазия и, похитив там силою или обманом Агриппу, доставить его затем к войску, стоявшему против германцев. Осуществлению этого замысла помешала медлительность торгового судна, и расправа над Агриппой была совершена». Значит, к убийству Агриппы Постума могли быть причастны лишь двое — Ливия и Тиберий, хотя Тиберий публично заявил, что такого приказа не отдавал.

Между тем Клемент выкрадывает прах молодого хозяина и перебирается с ним на мыс Козу в Этрурии. Он распространяет слух, что Агриппа жив, пользуясь своим внешним сходством с внуком императора. В народе уже шли толки о его прибытии в Остию, а в Риме проходили тайные сборища. Многие всадники и сенаторы снабжали Клемента средствами и помогали советами. Тиберий направляет к самозванцу своих людей, притворившихся его единомышленниками. Им удается арестовать Клемента и доставить во дворец принцепса. По словам Тацита, на вопрос Тиберия, как же он стал Агриппою, Клемент ответил: «Так же, как ты — Цезарем».

РАСЦВЕТ РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ АВГУСТА

Ореол, окружающий августовскую эпоху вплоть до наших дней, связан не только со свершениями и успехами внутренней и внешней политики, но и с ярко выраженным расцветом литературы и искусства. В это время были созданы произведения, которые приобрели всемирно-историческое значение и в течение многих столетий остаются образцовыми. Этот подъем был связан не только с многовековым развитием римской культуры, но и идейных течений, характерных для эпохи Августа. Вышедшее из горнила гражданских войн римское общество с тревогой смотре-

ло на окружающий мир, ища в нем порядка и стабильности. Оно отчаянно нуждалось в новой системе ценностей. Переход от длительного периода политических потрясений, крушения республиканских устоев и традиционной морали к устойчивому гражданскому миру породил в образованных кругах римского и в привилегированных слоях италийского общества небывалый творческий подъем. Недаром все поэты августовского времени — италийцы по своему происхождению. Италия дала Риму таланты, обессмертившие римскую поэзию — Вергилия, Горация, Овидия. Мастерство языка и стиля, «исполиньские индивидуальности» в поэзии и искусстве, постоянное соревнование с греческими образцами принесли свои плоды во всех областях. Однако духовные и художественные течения были разными и противоречивыми, их трудно было привести к общему знаменателю.

Император Август, прекрасно осознавая, какую власть имеют над людьми слова и образы, целенаправленно поставил литературу и искусство на службу официальной пропаганде. Принцепс неизменно благоволил к Вергилию и Горацию, которые превратились в придворных поэтов; он прощал историку Титу Ливию умеренный республиканизм за общий патриотический характер его произведений.

Нельзя не учитывать, что в Риме тех лет царил настоящий культ художественного слова, и Август не составлял в этом отношении исключения. Он получил хорошее воспитание, много занимался самообразованием и пробовал свои силы и в прозе, и в поэзии. Кроме сочинения «О моей жизни», от его собственных литературных опусов мало что сохранилось. Две сочиненные им трагедии известны лишь по названиям — «Ахиллес» и «Аякс». Правда, Светоний сообщает: «За трагедию он взялся было с большим пылом, но не совладал с трагическим слогом и уничтожил написанное». От бойких эпиграмм Августа, от истории Сицилийской войны, изложенной эпическим гекзаметром, от гневных памфлетов против Брута и от его обильных речей до нас дошли только жалкие фрагменты. Недавно на Кельнском папирусе были обнаружены его речи в память о Марке Агриппе. Привычка Августа вставлять греческие выражения и в речи, и в документы, и в письма, его любовь к литературным цитатам выдавали блестящее знание им классических образцов и неистребимый педантизм.

При дворе Августа ценилось художественное слово, новинки литературы доставлялись лично императору (чем-то напоми-

нает Сталина?). Светоний пишет: «Он всячески поощрял таланты своего века. Читавших ему свои произведения, он слушал милостиво и терпеливо, не только поэтов и историков, но также риторов и философов». Несомненно, принцепс прекрасно понимал разницу между своими дилетанскими экзерсисами и сочинениями великих поэтов — его современников. Но его самолюбию льстила сама мысль, что имя его и деяния будут увековечены в бессмертных стихах. Однако более важным является то, что Август, обладая литературным вкусом, не только задавал тон и направление римской литературе, но и содействовал творчеству даже своих бывших политических противников (особняком стоит горькая судьба Овидия).

В эпоху Августа значительно возросло политическое значение архитектуры и изобразительного искусства. Величественные храмы и базилики, дворцы и общественные сооружения Рима потрясали совершенством форм и великолепием отделки куда больше людей, нежели безупречные литературные произведения. Невиданного размаха достигло строительство. По словам древних историков, Рим из кирпичного превратился в мраморный. Посетителей, особенно провинциалов и варваров, подавляла пышность Форума и Мавзолея Августа, поражали Алтарь Мира и Театр Марцелла. Новые архитектурные сооружения должны были «весомо, грубо, зримо» воплощать римское величие, внушать мысль о наступившем мире и благополучии, о безмерных заслугах самого императора.

Однако несправедливо усматривать во всех достижениях августовской эпохи только влияние исторической ситуации. Существовали многие виды искусства, например, настенная живопись, бытовые постройки, ваяние, которые отражали местные традиции и самобытность жанровых стилей. Это был в буквальном смысле «золотой век» искусства и литературы Рима, когда создавался и оттачивался классический римский стиль, определивший генеральную линию развития европейской культуры грядущих столетий.

Первый спонсор изящных искусств Меценат

Трудно найти в истории другое имя, которое стало бы нарицательным во всех без исключения европейских языках — Меценат, синоним богатого покровителя наук и искусств.

Гай Цильний Меценат родился около 70 г. до н.э., а умер в 8 г. н.э. Происходил он из знатного этрусского рода, проживавшего в Арреции, и был несметно богат. Меценат никогда не занимал официального поста, но как друг и соратник Августа неоднократно выполнял его ответственные, в частности дипломатические поручения (при заключении договоров с Марком Антонием в Брундизии и Таренте).

Он оказал немалую поддержку Октавиану в борьбе за единовластие своими советами: «Я считаю необходимым, чтобы ты... взял бы управление государством в свои руки совместно с другими достойными людьми. Тогда сенаторами были бы люди, выдающиеся своим умом, войсками командовали бы те, кто имеет опыт в военном деле, а несли бы военную службу и получали бы за это жалование люди самые крепкие и самые бедные. ...свобода, везде ставящая на первый план благоразумие и уделяющая всем справедливое по достоинству, делает всех счастливыми», — утверждал Меценат. Когда Августу приходилось покидать Рим, как, например, в 31—30 гг. до н.э. в период войны с Антонием, Меценат оставался для управления городом. Свою «Автобиографию» Август посвятил близким людям — Меценату и Агриппе.

Дом Мецената находился на Эсквилине, где воздух был целебнее и чище, поэтому сюда на время болезни переезжал сам император. Меценат был щедр, гостеприимен, весел: его дворец и сад всегда оставались открытыми для друзей. Склонный к полноте, он часто хворал, но понимал пользу физических упражнений — плавал, играл в мяч на Марсовом поле, причем его партнером нередко бывал Гораций.

Первым человеком, разбившим сады на Эсквилине, на месте бывшей городской свалки и казней, стал также Меценат. Уничтожить этот болезнетворный очаг было разумной оздоровительной мерой для Рима. Август, по совету Мецената, велел засыпать площадь на 7 м в высоту, а Меценат на этой насыпи и разбил свои сады. Умирая, он завещал их Августу, как и все свое состояние.

Будучи высокообразованным человеком, Меценат очень любил поэзию и вообще искусство, сам писал публицистическую прозу и стихи. Его функции в державе Августа можно уподобить статусу министра культуры: роль, которая полностью отвечала его характеру и таланту, проявляемому в разных ситуациях. Под эгидой Мецената образовался кружок выдающихся

поэтов, художников и ученых, а он, покровительствуя молодым талантам, поддерживал их материально.

Меценат снабжал деньгами Вергилия, чтобы тот мог, ни о чем не заботясь, писать свои поэмы. Горацию он подарил сабинскую усадьбу и представил его ко двору. Несмотря на то, что Меценат стремился оказывать влияние на творчество поэтов для прославления Августа и его политической системы, он остался в истории мировой культуры благодаря умению распознать большой талант в другом и без тени ревности его пестовать и поддерживать.

Воитель и благотворитель Азиний Поллион

Гай Азиний Поллион (76 г. до н.э. — 4 г. н.э.) был толковым полководцем, дружил с Марком Антонием, отличался неравнодушием к поэзии и литературе. Он прошел большой жизненный путь профессионального военного и политика. Азиний Поллион служил под командованием Цезаря в галльских войнах и в гражданской войне с Помпеем, выполняя самые ответственные поручения. В период второго триумvirата он сблизился с Антонием, поручившим ему управление Транспаданской Галлией. Именно тогда он познакомился с Вергилием и даже, ведая в своей области распределением земель среди ветеранов, сохранил поэту его имя.

На мирных переговорах, завершившихся соглашением в Брундизии, Поллион представлял интересы Антония. В 40 г. до н.э. он был консулом, а затем проконсулом Македонии. Это был наивысший взлет политической карьеры Поллиона. Вергилий обратился к нему с восторженной эклогой. Когда Октавиан попытался привлечь его на свою сторону в борьбе с Антонием, Поллион ответил: «У меня большие заслуги перед Антонием, и ему, в свою очередь, я обязан немалыми благодеяниями. Поэтому я устраниюсь от решения вашего спора и стану добычей победителя».

В последующие годы Азиний Поллион все больше отходит от государственных дел и погружается в занятия литературой. Вокруг него группировались интеллектуалы, сохранявшие в душе республиканские симпатии, поэты и прозаики, в чьем творчестве прорывалась злоба дня. В литературном кружке Азиния Поллиона все подвергалось критике, а юмор и ирония падали на благодарную почву. Он ввел в римскую литературную жизнь ре-

цитации — чтение произведений литературы в узком кругу зна-токов. В кружке бывали Вергилий, Гораций, Луций Варий Руф, Мессала и даже Меценат.

Сам Поллион пробовал себя в разных литературных жанрах, сочинял трагедии и написал произведение, посвященное истории гражданских войн. Гораций в одной из своих од отдает должное смелости Поллиона, решившего написать историю столь близких по времени событий, проникнутую потаенной симпатией к республиканцам. Сохранились лишь некоторые фрагменты его сочинения, благодаря использованию их поздними авторами. Поллион был известным собирателем художественных произведений, великолепным знатоком искусства и ценителем книги. После триумфа над парфянами в 39 г. до н.э. он основал на средства от военной добычи на Авентине в Пор-тике Свободы первую публичную библиотеку в Риме.

«Римский Гомер» Вергилий

Идеологическим знаменосцем возникающей Империи стал крупнейший римский эпический поэт **Публий Вергилий Марон** (70—19 гг. до н.э.). Родился он в деревне Анды в Северной Ита-лии, близ Мантуи. Отец его, в прошлом не то ремесленник, не то поденщик, сумел улучшить свое имущественное положение и завладел земельным участком около Мантуи. Первоначальное образование Вергилий получил в соседней Кремоне, затем в Медиолане (Милане), а в конце 50-х годов I в. до н.э. переехал в Рим совершенствоваться в риторике и науках. Адвокатская карьера ему не удалась, так как Вергилий не обладал ораторским дарованием и только один раз выступил перед судьями. Высокого роста, смуглый, с крестьянской наружностью, слабого здо-ровья, он отличался чрезвычайной застенчивостью и даже в бо-лее поздние годы, будучи уже знаменитым поэтом, приходил в смущение, когда его появление в публичном месте вызывало интерес любопытствующей толпы. Его скромность была на-стоятельно известна, что в дальнейшем его имя стали писать не Вергилий, а Виргилий, производя его от *virgo*, что значит «де-вушка».

В 42 г. до н.э. он вернулся домой, ибо был не расположен к городской жизни, а любил простой быт в глухомани. В 41—40 гг. до н.э. его имение было конфисковано ветеранами-цезарианца-ми, которым после битвы при *Филиппах* была предоставлена

возможность вознаградить себя наделами в Италии. Изгнанный из своего поместья, Вергилий при содействии могущественного Мецената обратился за помощью к Октавиану, от которого и получил имение в Кампании и собственный дом в Риме. В результате Вергилий превратился в искреннего горячего поклонника Августа, который заимел в лице поэта человека верного и, главное, далекого от всякой политической борьбы.

Первый прославивший Вергилия сборник стихотворений известен под названием «Буколики» («Пастушеская поэзия») или «Эклоги» («Избранные стихи»). В них впервые звучит хвала божественному юноше Октавиану. Особого внимания заслуживает 4-я эклога, предвещавшая рождение некоего чудесного младенца, будущего властителя мира, несущего с собой конец «железного» и начало «золотого» века на земле.

Эклога эта привлекала комментаторов Вергилия как в древности, так и в Новое время. Христиане связывали данное пророчество с рождением Христа, за что христианская церковь впоследствии признала языческого поэта за обладателя высшей мудрости. «Буколики» Вергилия, воспевавшие безмятежную мирную жизнь идеализированных пастухов, явились прообразом всех европейских буколик последующих времен (Петрарка, Торквато Тассо, поэты Нюрнбергской школы и периода барокко).

После выхода в свет «Буколик» (37 г. до н.э.) Вергилий входит в кружок Мецената, а через него — в ближайшее окружение властителя Рима. Именно Октавиану и Меценату адресовано следующее произведение Вергилия — написанная гекзаметром поэма «Георгики» («О сельском хозяйстве») в четырех книгах. Задача поэта состояла не столько в изложении агрономических премудростей, сколько в проповеди нравственной ценности земледельческого труда, идиллические описания которого получают политическое завершение в обильных хвалах Октавиану, представляемому спасителем гражданского мира в Италии.

Ободренный успехом, стихотворец берется написать новую поэму о деяниях Августа с мифологической подкладкой, с упором на троянское происхождение рода Юлиев, к которому принадлежал усыновленный Юлием Цезарем Октавиан Август. Рим издревле почитали обновленной Троей, знатные патрицианские роды из всех сил стремились возвести свои генеалогии к легендарному Энею, на худой конец, к его спутникам. Юлии ничтоже сумняшеся причисляли себя к потомкам матери Энея, самой богини Венеры. Поэтому в «Энеиде» Вергилия основой сюжета

стала судьба Энея и его жизнь со времени падения Трои и до победы над вождем италийского племени рутулов Турном.

Когда поэма была вчерне готова, Вергилий заболел. В тяжелом состоянии он был доставлен в Брундизий, где и умер 2 сентября 19 г. до н.э. В завещании он оставил распоряжение не опубликовывать ничего, что не было издано им самим. Август высочайше воспротивился исполнению последней воли и поручил друзьям поэта издать «Энеиду».

Вопреки опасениям Вергилия поэма стала национальным эпосом римского народа. Вся последующая римская поэзия полна заимствований из Вергилия, а в римской школе он был основным автором, по которому учились языку и стилю.

«Из ничтожества был славой я избран»: Гораций и его нерукотворный «Памятник»

Квинт Гораций Флакк (сокращение от прозвища «Лопухий») родился 8 декабря 65 г. до н.э. на юге Италии в городе Венузии. Отец его был вольноотпущенником и владел небольшой виллой. Он не жалел денег на воспитание сына и дал ему хорошее образование. В Риме Гораций обучался по методике римского поэта *Ливия Андроника*, а затем в Афинах занимался греческой поэзией и философией. Во время бурных политических событий, когда в 44 г. до н.э. был убит Цезарь, а в Афины прибыл Брут, решивший продолжать борьбу за республиканские идеи, Гораций вступил в его армию в звании военного трибуна. Поражение в битве при Филиппах убедило Горация в том, что политика и ратное дело не его призвание.

Вернувшись на родину, Гораций узнал, что его имение конфисковано и отдано ветеранам Цезаря. «С подрезанными крыльями» он после амнистии вернулся в Рим и вступил в коллегию квесторских писцов, где зарабатывал средства к существованию перепиской законов и других государственных документов. «Отважная бедность», по словам самого Горация, побудила его писать стихи и сатиры, которые привлекли внимание Вергилия и покровителя муз Мecenата, подарившего поэту сабинское имение.

Вступление Горация в кружок Мecenата положительно изменило его жизненный путь. Постепенно поэт становится «Августовым певцом». После смерти Вергилия Гораций, по существу, стал придворным поэтом, провозвестником официальной идеологии. Он разделял оценку Августом падения старых нра-

вов и римской морали, и поэтому призывал к возрождению традиционных римских ценностей и к заботе об отечей религии. Однако Гораций всегда настаивал на своей независимости и даже отказался стать секретарем Августа и прославлять деяния Агриппы.

Жанром Горация стала высокая гражданская лирика. Он — автор «Эпод», двух сборников сатир, трех книг лирических «Стихотворений» и од. Две книги его «Посланий», известные в литературе под названием «Об искусстве поэзии», поднимают такие темы, как самовоспитание, философия жизни. Гораций создал не только знаменитые оды Риму, но и проникновенный «Юбилейный гимн», который исполнялся на Секулярных играх 17 г. до н.э. попеременно хором юношей и девушек. В нем возносились просьбы к богам о процветании государства и сохранении римских доблестей. В полной мере осознавая свой поэтический дар, Гораций пишет своего рода манифест творческой миссии поэта — оду «Памятник». Это нетленное произведение подвигло на подобный опыт М.В. Ломоносова, Г.В. Державина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А. Мицкевича и др. Поэзия Горация стала образцом лирических творений в Европе, а лучший русский перевод «Памятника» принадлежит трепетному перу тонкого лирика А.А. Фета.

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий царственных превыше пирамид;
Его ни едкий дождь, ни Аквилон полночный,
Ни ряд бесчисленных годов не истребит.
Нет, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избегну похорон, и славный мой венец
Все будет зеленеть, доколе в Капитолий
С безмолвной девою верховный входит жрец.

.....
Что из ничтожества был славой я избран
За то, что первый я на голос эолийский
Свел песнь Италии. О, Мельпомена, свей
Заслуге гордой в честь сама венец дельфийский
И лавром увенчай руно моих кудрей.

Метаморфозы Кифареда: изгнанник Овидий

Публий Овидий Назон («Носатый») — ярчайший представитель «золотого века» римской поэзии наряду с Горацием и Вергилием. Однако если те ушли из жизни в ореоле почти придвор-

ных певцов, то Овидий завершил земной путь на холодном краю Ойкумены опальным изгнанником.

Родился поэт в марте 43 г. до н.э. в городке Сульмоне, приблизительно в 150 км от Рима. Принадлежал он к старинному всадническому роду и по установившейся традиции вместе со своим старшим братом был послан в Рим, где получил хорошее образование, обучался риторскому искусству у известных ораторов своего времени. Для завершения образования Овидий посетил Грецию, учился в Афинах, а затем отправился путешествовать в Малую Азию и на Сицилию.

Вернувшись в Рим, Овидий предпринял попытку сделать карьеру в судебной коллегии, но занятие это оказалось ему не по вкусу и, несмотря на возражения отца, Овидий всецело предался поэзии. В 27 г. до н.э., когда Октавиан, назвавшись Августом, стал владыкой Рима, Овидию исполнилось шестнадцать лет, и он чувствовал себя свободно. Впервые он выступил со стихами в восемнадцать лет, «раз или два побрившись». Его отношение к политической доктрине Августа — созидательный труд, восстановление традиций и морали — отличалось легкомыслием и даже некоторым озорством. Уже первое его произведение — три книги «Любовных элегий», сделало его знаменитым.

Свои первые торческие шаги Овидий совершил среди поэтов круга Марка Валерия Мессалы Корвина, приверженцев поэтической формы любовной элегии, в области которой Овидий стал одним из наиболее популярных поэтов своего времени, благодаря изумительному по легкости и музыкальности стиху. Дом Овидия, расположенный неподалеку от Капитолия, всегда был полон почитателей и друзей. Работать поэт любил в своей загородной вилле на берегу Тибра в покое и тишине сельской жизни. Он был трижды женат: в первый брак вступил по решению отца в ранней молодости, но не ужился с женой; второй союз был также неудачным (впоследствии любимая дочь и внуки жили в далекой Ливии); третья жена поэта происходила из рода Фабиев и имела связи при дворе императора, поэтому поэт нередко бывал во дворце Августа.

Во 2 г. н.э. появляется знаменитая «Наука любви» Овидия. В трех книгах собраны изложенные возвышенным и ироничным поэтическим языком практические советы для влюбленных по ухаживанию и соблазнению, изобилующие комическими сценками и пассажами. Первые две книги предназначались

мужчинам, третья — девицам. В поэме сквозили прозрачные насмешки над потугами Августа возратить римское общество к «старым добрым временам». Вряд ли правитель являлся доброжелательным читателем «Науки любви» — она была враждебна ему как политику и, вероятно, ненавистна как человеку. На беду поэта сие «наставление» увидело свет в крайне неудачный момент. Август, демонстрируя верность им же самим продиктованному *закону о прелюбодеяниях*, отправил в ссылку собственную дочь. Овидий оказался в затруднительном положении, ибо его творения шли вразрез с высшей волей. Чтобы как-то поправить дело, поэт сочинил еще один трактат — «Лекарство от любви», где учил, как освободиться от тягостного увлечения.

После вынужденного отступления Овидий и вовсе оставляет любовную тему. Он задумал написать в стихотворной форме «Фасты» — календарь всех римских праздников, где каждому месяцу была бы посвящена отдельная элегия, но успел создать только шесть. Одновременно Овидий начал работу над своей знаменитой поэмой «Метаморфозы» — поэтическом пересказе более двухсот греческих мифов, в каждом из которых кто-либо из людей превращается в растение, животное, реку. Многие мифы Античности дошли до наших дней благодаря «Метаморфозам» Овидия.

И вдруг, как гром среди ясного неба, — приказ: явиться к ответу в Рим... Ни следствия, ни суда не было. Август от собственного имени издал эдикт, приговаривавший поэта к ссылке. Овидия не убили только потому, что Августу нужен был не молчащий поэт, а говорящий и кающийся. Отбыть из Рима было приказано немедленно. Весной 9 г. н.э. поэт достиг места своей ссылки — городка Тома (совр. Констанца в Румынии), где для Овидия началась печальная жизнь изгнанника, в которой единственным утешением оставалась Муза. За десять лет ссылки поэт написал пять книг «Тристий», четыре книги «Посланий с Понта» и поэму «Ибис».

До конца жизни Овидий не терял надежды вернуться в Рим. Основной формой его творчества стали послания, в которых воплощался образ страдающего на чужбине поэта, разлученного с близкими. История благодарна Овидию за красочное описание быта греческого города на западном побережье Черного моря, за упоминание множества обитавших за Дунаем племен, с которыми римлянам приходилось вести длительные войны.

После смерти Августа, власть оказалась в руках *Тиберия*, который холодно отнесся к судьбе ссыльного поэта. Все надежды Овидия возлагались на Германика, который предполагал посетить фракийские края. Но смерть изнуренного ссылкой поэта в 18 г. н.э. сделала невозможной эту встречу. Овидия похоронили в Томах. Так и не сбылось его последнее желание, «чтобы на юг перенесли его тоскующие кости».

Элегический Тибулл: ностальгия по настоящему

Талантливый римский поэт-элегик **Альбий Тибулл** родился в богатой семье всадника около 54 г. до н.э. Он всегда жил вполне обеспеченно, даже после потери части своего состояния. В Риме Тибулл принадлежал ко второму (после кружка Мecenата) литературному центру того времени — Марка Валерия Мессалы Корвина, одному из главных деятелей Сената. В доме Мессалы, широко открытом для римских литераторов, царила полная непринужденность отношений и дух насмешливого скептицизма. Особенно в нем увлекались стихотворениями, обращенными к богу садов, полей и деторождения Приапу.

Тибулл также с симпатией изображает сельскую жизнь Италии, ее праздники, простоту и честность селян, противопоставляя их войнам, главной причиной которых считает алчность и роскошь. Он тоскует по лучшим временам, мечтает о будущем величии Рима, власть которого будет простираться от стран, где начинается день, до той реки, в волнах которой солнце купает своих усталых коней.

В отличие от Вергилия и Горация Тибулл в своих стихах ни разу не упоминал Августа, он был далек от императора и его политики. Обращается он только к Мессале и его сыну Мессалину. Тибулл — талантливый римский лирик. Элегии первой его книги посвящены возлюбленной Тибулла Плинии, что значит «ясная», но поэт переводит это имя на греческий язык и называет свою милую Делией. В стихах поэт мог предаваться мечтам о своей любимой так же беззаветно, как и разочарованию и ревности. Вторая книга элегий посвящена женщине по имени Немезида, видимо, связанном с именем богини мщения. Их строки трогают силой чувства, искренностью любовных переживаний и душевных страданий.

Тибулл прекрасно владел богатством латинского языка и его ритмом. Изящные двустихия уже в древности сделали поэта выдающимся элегиком. Умер Тибулл в 19 г. до н.э., в один год с Вергилием. Овидий писал, что, пока люди будут любить, они всегда будут читать стихи Тибулла. Лирика поэта оказала влияние на В. Гете, К.Н. Батюшкова; А.С. Пушкин про себя говорил, что он «Тибуллом окрещен».

Возвышенный и упоительный Проперций

Младший современник Тибулла Секст Проперций родился около 47 г. до н.э. в городке Ассизия (ныне Ассизи) в Умбрии, вероятно, во всаднической семье. Отец его был богат, но потерял часть владений в связи с земельными экспроприациями Октавиана в пользу ветеранов. Проперций был выдающимся римским лириком, его стихи охотно читали римляне, о чем свидетельствуют, в частности, выдержки из его элегий, начертанные на стенах в Помпее. Не стремясь к политической или военной карьере, он жил в «Вечном городе», целиком отдаваясь поэзии.

Проперций оставил нам четыре книги элегий. Первая из них в основном посвящена любви поэта к красавице Кинфии (на горе Кинфей родился бог поэтов Аполлон), подлинное имя которой — Гостия. К этой образованной, прекрасной даме аристократического полусвета, писавшей стихи и искусной в музыке, обращает поэт свою горестную, мучительную любовь, ревность к соперникам, душевную боль от сознания, что Кинфия изменяет ему. Проперций — певец страстной любви и свою победу над Кинфией он ставит выше победы Августа, одержанной над парфянами.

Войдя в кружок Мecenата, Проперций под влиянием его литературных пристрастий постепенно отходит от любовной тематики и обращает взор на новый политический порядок Августа. Поэт восхваляет императора и его победу при *Акции*, жалуется на корыстолюбие, безнравственность и роскошь своего времени, размышляет о поэзии. Проперций находился под влиянием александрийских поэтов и с гордостью называл себя «римским Каллимахом». По предложению Мecenата Проперций как преемник эллинистической традиции в своей четвертой книге обращается к национальным римским сюжетам и прославляет в мифологических элегиях достопримечательности Рима.

Частое использование примеров из древней мифологии придает элегиям Проперция тон учености, язык наполнен грецизмами и архаизмами. Но его стихи отличаются сердечной эмоциональностью и душевностью. Умер поэт в 15 г. до н.э. Он долго находился в забвении, пока к его творчеству не обратился Франческо Петрарка. Его произведения очаровали Гете, и тот в своих «Римских элегиях» использовал стихи Проперция.

Тит Ливий — летописец римского величия

Тит Ливий родился в 59 г. до н.э. в городе Патавии (совр. Падуя) и был воспитан в старинных республиканских традициях. Философское, историческое и риторическое образование он получил в Риме, где обратил на себя внимание императора Августа, который занимался историей и всячески покровительствовал талантам. Патавия в гражданскую войну держала сторону Помпея, поэтому Ливий получал от Августа иногда ироничную кличку «помпеянца».

Ливий написал историко-философские диалоги и риторическое произведение, которому придал форму письма к сыну и в котором, вероятно, излагал писательское кредо. Ни одно из них до нас не дошло. Для него образцами совершенного стиля служили труды Демосфена и Цицерона. Ливий как историк был приближен к императору, но никогда не занимался политической практикой, поэтому не обладал опытом политика и военачальника.

В отличие от *Азиния Поллиона*, отобразившего эру гражданских войн, Ливий сознательно уклонился от освещения современной ему истории и обратился к жанру анналистики, представив погодно весь путь римской истории с древнейших времен. Считая историю наставницей жизни, Тит Ливий создал своего рода поэтическую эпопею в прозе. От его исторического труда «История Рима от основания города» в 142 книгах сохранилось 35 книг (с I по X, XXI — XLV). Ливий трудился над своим произведением на протяжении сорока лет, предположительно, написав первые книги между 27 и 25 г. до н.э., а последние тома после смерти Августа в 14 г. н.э. Этой датой Ливий, возможно, собирался завершить свою историю, но умер в 17 г. н.э., не доведя дело до конца. О содержании не сохранившихся до наших дней книг историки судят по эпитамам IV в. н.э. — своего рода обзорам-аннотациям или кратким пересказам. Ливий воспри-

нимал свой труд, прежде всего, как литературное произведение с выраженными патриотическими тенденциями.

Историк опирался на произведения младших анналистов: Луция Элия Туберона, Валерия Анциата, Гая Лициния Макра, Кальпурния Пизона, а также Полибия. По отношению к используемым источникам Ливий не всегда был достаточно критичен, его основная цель — описать величие Древнего Рима, чтобы ярче показать его упадок. Историк полностью следует древнеримским традициям. Благодаря Ливию оживают легенды о римских царях и героях Римской республики, образы Камилла, Цинцинната, Муция Сцеволы и других.

Главным героем его произведения стал римский народ, однако борьбу между патрициями и плебеями Ливий описал с точки зрения аристократа. Характеры своих героев он представил при помощи сорока тщательно прописанных речей, умело воссоздав драматические события из жизни Древнего Рима. Прошлое Рима для Ливия было достойно подражания, в первую очередь, благодаря своему религиозному благочестию, как основополагающей добродетели каждого отдельного человека, а также сути норм права и политики всего римского народа. Недостатком сочинения является то, что Ливий воспринимал римскую историю изолированно от истории других народов, особенно италийских племен.

Талант повествователя и индивидуальный стиль великолепной прозы позволили Ливию быстро добиться славы. Его восхваляли философ Сенека, оратор Квинтилиан и историк Корнелий Тацит, его сведениями пользовались Валерий Максим, Анней Флор, Лукан и др.

«Деяния божественного Августа»

Благодаря присущей Августу склонности к литературному творчеству, мы обладаем возможностью изучения официальной идеологии в изложении самого творца режима. «Деяния божественного Августа» были сочинены (или по крайней мере отредактированы) самим принцепсом. Это статистический очерк Римской империи и перечень всех деяний ее повелителя. Согласно Светонию, «Деяния» вместе с завещанием и двумя другими документами в момент смерти Августа (19 августа 14 г. до н.э.) находилось на хранении у весталок, и все это в опечатанном виде было передано для оглашения в Сенат. Август завещал выгравировать текст «Деяний» на медных таблицах и поместить их перед собственным *мавзолеем*, а копии выставить в различных городах Империи. Лучше всего со-

хранился экземпляр из Анкиры (совр. Анкара) в Малой Азии, так называемая «Анкирская надпись». По форме — это отчет Августа о своей общественно-политической деятельности, вплоть до составленного с бухгалтерской точностью перечисления денежных затрат во благо Республики и граждан. Исследователи по-разному оценивали этот труд и его жанр: считали его политической программой принципата (Н.А. Машкин), эпитафией (Борман), отчетом о деятельности (Э. Корнеманн), политическим завещанием (Б. Гиршфельд). Т. Моммзен, считая «Деяния» отчетом о расходах, отметил, что это произведение так же бесполезно классифицировать, как «Фауста» или «Божественную комедию».

Театр Марцелла

В 11 г. до н.э. при Августе было завершено начатое еще Цезарем строительство театра Марцелла, посвященного памяти его племянника и зятя. Гигантское сооружение на несколько тысяч зрителей (существуют мнения о 60 или 250 тысячах) располагалось в Риме. Снаружи оно выглядело как замкнутая подкова в десятки метров высотой, диаметром до 130 м.

Строился театр на ровном месте, поэтому понадобились стены, подпиравшие места для зрителей. До нас дошли остатки великолепной наружной стены, разделенной на три этажа, что соответствовало трем ярусам, высотой по десять метров каждый. По округлой поверхности театральных ярусов располагались ряды сводчатых арок декорированных колоннами: на первом этаже — дорического ордера, на втором этаже — ионического и на третьем — коринфского. Создавалось впечатление легкости и изящества всей конструкции. За арками под скамьями зрителей пролегали просторные галереи. Хорошо спланированная система лестниц и входов давала возможность зрителям без затруднений достигать своих мест проходами, ведущими к отдельным секциям в каждом ярусе. Сцена была низкой, и с любого места было хорошо видно происходящее на ней действие. От непогоды и палящих лучей солнца зрителей защищали навесы. Театр был облицован мрамором и богато украшен скульптурами.

Вход в театр был свободным, и его могли посещать женщины и даже дети и рабы (по особому разрешению). Театр Марцелла несколько раз горел, но вновь отстраивался вплоть до IV в., когда камни с его стен пошли на строительство моста Цестия через Тибр. В период Возрождения мемориальные камни были использованы при постройке великолепного дворца — Палаццо Фарнезе.

ПРЕЕМНИКИ АВГУСТА ИЗ ДИНАСТИИ ЮЛИЕВ—КЛАВДИЕВ

Без малого полувековой принципат Августа заложил краеугольный камень в фундамент нового, уникального здания под названием Империя, преемникам гениального зодчего остава-

лось лишь возводить новые этажи, по мере разумения корректируя сильные и слабые блоки созданной им политической конструкции. После Августа с 14 до 68 г. н.э. огромной державой правили императоры, принадлежавшие по кровному родству или по праву усыновления к родам Юлиев и Клавдиев: Тиберий, Клавдий Нерон, Гай Цезарь, прозванный Калигулой, Клавдий Нерон Германик и Луций Домиций Агенобарб, вошедший в историю под именем Нерон.

Сведения о них мы черпаем от авторов, принадлежавших к сенатской оппозиции и враждебно относившихся к императорам. Благодаря таланту Корнелия Тацита и Светония Транквилла, представители этой «династии» выглядят кровожадными деспотами, алкающими неограниченной власти. Современные историки пытаются выявить разумные основы их политики, отвечавшей потребностям переходного времени, когда республиканские идеалы исчерпали себя, а монархические парадигмы еще пугали своей чужеродностью.

Идеологи сенатской оппозиции делали упор на утрату свободы прежних времен, когда в Сенате кипели свободные дискуссии и вершились судьбы народные. Но о возвращении к порядкам «свободной республики» никто всерьез уже не думал. Большинство правящей элиты весьма вольготно ощущало себя при единовластном управлении Империей. И если сенаторы злоумышляли против того или иного императора, цель их была не возвращение к «республике предков», а передача власти своему ставленнику (возьмем заговор в пользу Пизона при Нероне). Более того, ненасытное сенатское сословие было недовольно фактическим устранением его от кормила государства и от эксплуатации провинций, так сытно обогащавшей их.

От порочивших императоров разговоры оппозиционеры сенатской среды часто переходили к заговорам и покушениям на жизнь принцепсов. Императоры отвечали репрессиями, безжалостно орудуя законом «*Об оскорблении величия*», под кровавой секирой которого полегли виновные и безвинные, чужие и близкие. Уже Тиберий для своей защиты перевел *преторианские когорты* в Рим, сотворив тем самым грозную силу не только для врагов императора, но и для них самих. Мало кто из властителей Империи умирал в I веке своей смертью. Так, преторианец Макрон задушил самого императора Тиберия в его собственной постели и помог взойти на престол Калигуле, который в свою очередь был зарезан трибуном преторианцев Кассием Хереей, после чего те же преторианцы объявили принцепсом Клавдия,

а затем поддержали отравившую его Агриппину в провозглашении императором ее сына Нерона.

Правда, террор касался довольно узкого круга высшей знати. Плебс мало интересовался тем, кто будет стоять у власти. По меткому выражению Федра, когда сменяется принцепс, для бедняка не меняется ничего, кроме имени господина. В правление Тиберия исчезло даже показное участие римского Народного собрания в выборах магистратов. Зато императоры заботились о предоставлении плебсу «хлеба и зрелищ», предотвращая возможные волнения. Правители из родов Юлиев и Клавдиев пытались решить довольно сложные задачи в отношении армии, соседних племен и порядков в провинциях.

Восстания рейнских и дунайских легионов побуждали сначала Тиберия, а потом Тита и Домициана повышать жалование солдатам и утвердить ряд привилегий ветеранам, а peregrinam из вспомогательных частей и их семьям предоставить римское гражданство. Это способствовало романизации отдаленных областей, а тесно связанная с населением армия оказалась школой обучения преданности Риму и императору. «Династия» Юлиев—Клавдиев правила около столетия. Волею исторических судеб она стала преемницей республиканских традиций, и в ее недрах зародились монархические структуры, создавшие новый имперский порядок.

Тиберий — скорбное одиночество сурового властителя

Смерть императора Августа поставила под вопрос всю складывающуюся систему единовластия, так как не зафиксирован был основной его признак — принцип наследственности верховной власти. Для республиканских нравов этот принцип был противозаконным и чуждым. Август же упорно стремился закрепить высшую власть за своей семьей, тем самым превратив ее в наследственную, и заранее стал готовить себе преемника. Но злой рок не дал бывшему вершителю проскрипций прямых наследников по мужской линии. Поэтому в период тяжелой болезни принцепс передал свое кольцо с печатью Агриппе вместе с проконсульским империем. Симпатии его не раз менялись по мере преждевременных кончин очередного избранника. После долгих колебаний Август в 4 г. н.э. усыновляет своего пасынка Тиберия, тем самым объявляя его наследником (пока еще по старому обычаю) имущества принцепса.

В 13 г. Тиберий получает от Сената постоянный проконсульский империй и наделяется правами трибунской власти. Дарование таких огромных полномочий почти автоматически делало Тиберия «первенствующим лицом» — принцепсом — и в глазах общественного мнения — законным преемником высшей власти, что и было подтверждено раболепным Сенатом.

Тиберий Клавдий Нерон при получении власти в свои 55 лет обрел имя Тиберия Цезаря Августа (14—37). Был он натурой сложной и двойственной. Неудавшаяся семейная жизнь и неопределенное положение при дворе Августа развили в нем мрачность, подозрительность и жестокость. Однако он обладал недюжинным умом, серьезными военными и административными способностями, развитым чувством долга. Он стал активным продолжателем дела Августа по созданию Империи. Правление Тиберия началось с повышения роли Сената, перед которым принцепс демонстрировал показное почтение. Зато он прекратил деятельность Народных собраний, права которых были поделены между Сенатом (выборы магистратов и судебные разбирательства) и принцепсом, получившим право издавать законодательные акты. Казалось, что Сенат является соучастником власти, однако именно при Тиберии эта власть превратилась в юридическую фикцию. По словам Тацита, императору, «врагу народной свободы, было противно столь грязное пресмыкательство раболепных людей». Недаром, выходя из Курии, он обычно произносил с презрением: «О люди, созданные для рабства». Даже когда принцепс уединенно жил на Капри, покорный Сенат терпеливо ждал его письменных распоряжений.

Тиберий проводит реорганизацию преторианской гвардии и располагает все ее девять когорт в Риме — теперь вместе с другими соединениями полицейского характера (когорты ночной стражи, городские когорты) у него постоянно под рукой 20 тысяч солдат. Принцепс распоряжается огромными финансовыми средствами — к нему стекаются практически все налоги из сенаторских и императорских провинций. Он владеет огромной суммой (около 2,7 млрд сестерциев), которая помогает ему преодолеть финансовый кризис 33 г. Тиберий разумно отказался от повышения поборов с провинций, подчеркивая, что ни Рим, ни Италия не смогут жить без их регулярной поддержки, а «хороший пастух стрижет овец, а не сдирает с них шкуру».

В области внешней политики он продолжал линию Августа по укреплению существующих границ. Войны с германцами тре-

бовали больших средств, и император принимает решение отказаться от приобретения территорий на правом берегу Рейна. На Востоке *Германик* договорился с парфянским царем Артабаном, и к Империи были присоединены новые провинции — Каппадокия и Коммагена. В правление Тиберия в провинциях Нумидия, Фракия, Галлия вспыхивали восстания, их удалось потушить и стабилизировать ситуацию.

В последние годы жизни под влиянием болезненной подозрительности Тиберий развил карательную систему ссылок, конфискаций и казней, используя закон «*Об оскорблении величия*». Удалясь с 26 г. в добровольное затворничество сначала в Кампанию, а затем на остров Капри, Тиберий оттуда управлял огромным государством. Светоний охотно передает слухи о его самых мерзких пороках, распространяемых в среде сенатской униженной оппозиции, хотя достоверных данных об этом нет. Но, опасаясь заговоров сенаторов, Тиберий действительно вызывал к себе подозреваемых аристократов и уничтожал их после бесчеловечных пыток. В этот период даже близкие ему люди говорили, что «пока он жив, будет железный век». Итог был закономерен: в 37 г. доверенные лица во главе с новым префектом претория Макроном, свергнувшим фаворита *Сеяна*, задушили 78-летнего Тиберия подушками, когда после тяжелой болезни он стал обнаруживать признаки выздоровления.

Свое имущество император завещал в равных долях внучатому племяннику *Гаю Цезарю*, сыну Германика и *Агриппины*, и родному внуку Гемеллу. Прямого преемника не было, но Сенат и не пытался заполнить вакуум власти возрождением республиканских магистратур. Общественное мнение было настроено в пользу 25-летнего сына популярного полководца Германика Гая Цезаря, которого и провозгласили принцепсом.

Закон «Об оскорблении величия»

Судебная компетенция Сената, изредка применявшаяся еще в период Республики, Тиберием была широко использована для судебных процессов по обвинению в измене или в «оскорблении величия». В 15 г. старому закону 103 г. до н.э. «Об оскорблении величия римского народа» дается новое толкование, ставшее «юридической» базой для преследования всех элементов оппозиционного режима. Прежде по этому закону привлекались к ответу те, кто изменил родине, кто побуждал плебс к восстанию, кто дурным управлением умалнял величие государства. Теперь слова «римского народа» были фактически заменены на «принцепса» как воплощение этого самого народа.

По этому закону стали осуждать тех, чьи поступки и слова считались оскорбительными для памяти Августа, а затем и тех, кто высказывал неосторожные замечания в адрес Тиберия, кто повреждал статуи принцепса, недостаточно хорошо отзывался о мероприятии или речи императора, расплачивался за утехы в публичном доме монетами с изображением принцепса и т.д. При применении закона наблюдалась масса злоупотреблений: сводились личные счета, наживались доносчики, так как они получали четверть конфискованного имущества. Например, в 24 г. состоялся суд над Тицием Сереном, где доносчиком выступал его собственный сын, обвинивший отца в подготовке покушения на принцепса. Сенат осуждает Серена на смертную казнь, несмотря на то что обвинение оказалось несостоятельным. В народе начались волнения, и Тиберий вынужден был помиловать осужденного, но он открыто встал на сторону обвинителей, когда в Сенате рассматривали предложение о вознаграждении доносчиков. Принцепс заявил, что без них законы будут бессильны и государство окажется на краю пропасти. Тацит с огорчением сообщает: «Так, доносчиков — разряд людей, придуманный на общественную погибель и до того необузданный, что никогда не удавалось сдержать его в должных границах даже при помощи наказаний, — поощряли обещанием наград».

Начались процессы против видных сенаторов, заканчивавшиеся осуждением и конфискацией их имущества, изгнаниями и казнями. В руках императора вследствие конфискаций образуется значительный фонд земельных угодий в Италии и в западных провинциях. К ответственности по закону была привлечена даже внучка сестры Августа Аппулея Варилла, которая плохо высказывалась о правлении Августа и Тиберия, а также о его матери Ливии. Были сосланы и погибли люди, связанные с *Германиком*: его вдова Агриппина и дети — Нерон и Друз.

В последние десять лет правления Тиберия закон применялся особенно часто. «Дня не проходило без казни, будь это праздник или заповедный день: даже в Новый год был казнен человек. Вместе со многими осужденными обвинялись и осуждались их дети и дети их детей. Родственникам казненных запрещено было их оплакивать... Всякое преступление считалось уголовным, даже несколько невинных слов».

Борьба с римской знатью посредством закона «Об оскорблении величия» сыграла в истории Римской империи самую прискорбную роль. Но, как сказал историк Кремуций Корд, обвиненный по этому закону за похвалу Брута и Кассия: «Потомство воздаст каждому по заслугам, и не будет недостатка в таких, которые, если на меня обрушится кара, помянут не только Кассия с Брутом, но и меня».

Фавор и позор Луция Элия Сеяна

Фаворит императора Тиберия, всесильный временщик Луций Элий Сеян (ок. 16 г. до н.э. — 31 г. н.э.) с 14-го года был *префектом*

претория. Среди преторианцев Сеян пользовался большим авторитетом; он знал всех солдат по именам, сам назначал центурионов и трибунов и в решительный момент мог стать хозяином положения в городе.

Так, в 26 г. Сеян склонил императора покинуть негостеприимный Рим и удалиться в Кампанию, а затем на о. Капри, чтобы самому править державой в качестве заместителя принцепса. Именно в Кампании Тиберий получил, как ему казалось, явные доказательство преданности своего фаворита. Зайдя на прогулке в естественный грот, император попал под обвал камней. Тогда Сеян, обратившись лицом к Цезарю и опираясь на колени и руки, прикрыл его собой от сыпавшихся камней, и в таком положении был найден подоспевшими на помощь воинами. Это вознесло его еще выше, и, по словам Светония, «сколь бы пагубные советы он ни давал, Тиберий, помня о проявленной им самоотверженности, выслушивал их с полным доверием».

Бесприципный интриган, хваткий администратор и убежденный сластолюбец (хотя и из родовитой фамилии), Сеян методично устранял всех неугодных ему людей, не останавливаясь ни перед чем. Однажды во время спора сын Тиберия *Друз Младший* в запале ударил Сеяна по лицу. Их ненависть друг к другу была взаимной, и как-то Друз с обидой сказал Тиберию: «Многого ли не хватает, чтобы Сеян был назначен соправителем»? Сеян же, искусно разыграв страсть к жене Друза Ливилле, склоняет ее и личного врача матери Тиберия Ливии к преступлению: им удастся отравить Друза медленно действующим ядом. Тиберий об этом узнает лишь спустя восемь лет.

Между тем Сеян пытается породниться с семьей императора, прося разрешения жениться на вдове Друза, но получает отказ. Правда, Тиберий намекает на перспективу более тесного родства — женитьбу на Юлии, своей внучке, пока еще жене Нерона Цезаря. Но Сеян уже стремится к трону путем насильственного переворота. Планы временщика стали известны Тиберию через мать Германика Антонию, открывшую глаза принцепсу на роль его фаворита в смерти сына императора.

Тиберий с большим искусством организовал своего рода контрзаговор. Чтобы удалить Сеяна с Капри и таким образом ослабить контроль за своими связями с внешним миром, он провел избрание Сеяна вместе с собой консулом на 31 г. И так как один из консулов обязан был постоянно находиться в Риме, — а им был временщик, Тиберий связался с преторианцами, пообещав каждому по тысяче денариев, если они предадут своего командира. После этого император послал в Сенат письмо с обвинениями в адрес Сеяна, и тот немедленно приговаривается к смерти. Были мобилизованы когорты городской стражи, и под руководством преданного Тиберию командира Сертория Макрона произведен арест Сеяна. Макрону также было отдано распоряжение: умертвить всех, кто содержался в темнице по обвинению в сообщничестве с Сеяном.

Произошло страшное избиение, и на лестнице Гемоний, по которой волочили трупы в Тибр, лежало несметное множество убитых обоого пола, всякого возраста, знатных и из простого народа. Тиберий после смерти Сеяна стал особенно жестоким. По мнению Светония, это свидетельствовало о том, что временщик не подстрекал императора, а только шел навстречу его желаниям. Хотя циничное предательство наиболее доверенного наперсника могло ожесточить и менее суровую душу.

Германик, или прерванный полет римского орла

Блестящий и всеми любимый полководец Гай Юлий Цезарь **Германик** (15 г. до н.э. — 19 г. н.э.) был старшим сыном Друза Старшего и Антонии Младшей (младшая дочь Марка Антония и Октавии). Он являлся одним из самых достойных представителей династии Юлиев—Клавдиев. Не потому ли, став «белой вороной» в этой мрачной стае стервятников, и кончил столь плачевно? Тиберий вынужденно усыновил его в 4 г. по желанию Августа, лишив тем самым права наследования своего собственного сына Друза Младшего.

Описывая Германика, Светоний подчеркивает такие его черты, как приятная наружность, умение снискать расположение народа и выступать с речами в суде, а также замечательные способности к наукам. Он пописывал комедии на греческом языке; известен был его перевод стихотворения греческого писателя Арата «Явления». Замечательными качествами Германика были храбрость и полководческий талант — ведь он дважды был удостоен собственными легионерами почетного военного титула императора. В 13 г. Германик назначен главнокомандующим над легионами, стоявшими в Германии. В 14 г. после смерти Августа легионы предложили ему верховную власть, но, верный долгу, искренний душой Германик не пожелал идти против Тиберия. В последующие два года он провел крупные кампании против германских племен в глубине страны и, когда возвращался оттуда после усмирения матежа, все преторианские когорты выступили ему навстречу за 20 миль от Рима.

Военные успехи и бешеная популярность Германика среди воинов, вызвали зависть Тиберия, и тот принял решение отправить вчерашнего триумфатора с почетной миссией на Восток, где были отмечены волнения в Сирии, Иудее и в Армении. В то

же самое время Тиберий своей властью заменил наместника Сирии на своего ставленника — сенатора Гнея Пизона. Пизон прибывает в Сирию вместе со своей женой Планциной, которая водила дружбу с Ливией и ненавидела жену Германика Агриппину. Античная традиция считает, что у этой парочки было какое-то тайное поручение от принцепса. Пизон нагло отменяет все распоряжения Германика в Сирии и открыто настраивает против последнего население провинции. Германик требует от наместника оставить страну. Но в это время непонятная болезнь настигает полководца, который был уверен, что его отравили Пизон с супругой.

Узнав о трагической кончине Германика, Рим был потрясен великою скорбью и испытал яростный гнев к виновникам трагедии. Горожане закидывали камнями храмы, валили алтари богов и даже выбрасывали на улицу новорожденных детей: ведь они родились в несчастный день, а значит, из младенцев не вырастут приличные люди. По словам Светония, «даже варвары ...которые воевали между собой или с римлянами, прекратили войну, словно объединенные общим и близким каждому горем; некоторые знатные варвары отпустили себе бороду и обрили головы женам в знак величайшей скорби».

При всем этом ни Тиберий, ни *Ливия* на торжественном обряде погребения не присутствовали, «то ли считая, что унижат свое величие, предаваясь горю у всех на виду, то ли боясь обнаружить свое лицемерие под столькими устремленными на них взглядами». Против Пизона и Планцины был возбужден судебный процесс, в ходе которого Пизон покончил с собой, а Планцина последовала за ним после смерти своей заступницы — Ливии.

Многие сравнивали судьбы Гая Юлия Германика и Александра Великого — ведь оба они отличались благородной наружностью и знатностью рода, оба прожили чуть более тридцати лет и погибли среди чужих племен. Но Германик был мягок с друзьями, женат единственный раз и имел законных детей.

Слава и опала Агриппины Старшей

Внучка Августа, дочь Марка Випсания Агриппы и Юлии (14 г. до н.э. — 33 г. н.э.) Агриппина Старшая в 5 г. н.э. вышла замуж за *Германика*. У них родились девять детей, в их числе будущий император *Калигула* и *Агриппина Младшая*, породившая императора *Нерона*. Характе-

ром Агриппина отличалась сильным и непреклонным. По словам Тацита, она всегда помнила о своем высоком происхождении: «никогда не мирившаяся со скромным уделом, жадно рвавшаяся к власти и поглощенная мужскими помыслами, она была свободна от женских слабостей». Будучи женщиной смелой и решительной, Агриппина всегда сопровождала своего мужа в походах в Германию и на Ближний Восток. В Германии однажды она взяла на себя обязанности командира и предотвратила бегство римлян. После внезапной смерти Германика Агриппина возвратилась в столицу с прахом мужа. На подступах к Риму горестная толпа заполонила собой всю ширину Аппиевой дороги. Люди называли Агриппину украшением родины, единственной, в ком струится кровь Августа, непревзойденным образцом древних нравов.

Агриппина не убоилась обвинить императора Тиберия в причастности к отравлению супруга. После смерти Ливии, матери и соправительницы Тиберия, принцепс не преминул расправиться с женой Германика. Однажды Агриппина пожаловалась на что-то императору, тот же ответил по-гречески: «Ты, дочка, считаешь оскорблением, что не царствуешь?!» А на одном из обедов принцепс демонстративно протянул ей яблоко, но она из-за опасности отравиться не отведала его.

Вскоре в Сенат было доставлено письмо, полное резких упреков в адрес Агриппины и ее сына Нерона; внучке Августа вменялись в вину надменность и строптивость, а Нерону — развратное поведение. Тиберий потребовал предоставить решение судьбы обвиняемых на его усмотрение. Оппозиционные настроения Агриппины по отношению к императору повлекли за собой ее ссылку в 29 г. на о. Пандатерия у берегов Кампании возле Неаполя, а Нерона — на о. Понтия.

Для обеих ссылка явилась прелюдией к гибели. Нерон покончил с собой в следующем году, когда к нему якобы по воле Сената явился палач. Агриппина, которой за роптание центурион выбил глаз, решила умерить себя голодом, «но Тиберий, — по словам Светония, — приказал насильно раскрывать ей рот и впихивать пищу. И даже когда она, упорствуя, погибла, он продолжал ее злобно преследовать: самый день ее рождения велел он отныне считать несчастливым». В том же 33 г. в подземельях Палатинского дворца, вслед за матерью, от принудительного голода умер и второй сын Агриппины — Друз.

В Риме во Дворце консерваторов хранится беломраморная урна с лаконичной надписью: «Прах Агриппины, дочери Марка Агриппы, внучки божественного Августа, жены Германика Цезаря, матери принцепса Гая Цезаря Августа Германика».

Мятеж паннонских легионов

Непрочность власти Тиберия проявилась уже в первые месяцы его правления; после смерти Августа в 14 г. вспыхнул мятеж трех легионов, дислоцированных в Паннонии у Дуная. Уже при

Августе легионеры регулярной армии стали объектом постоянных притеснений: отслужившие свой срок солдаты принудительно удерживались на службе; при отставке солдатам полагалась награда в виде денежной премии или земельного участка, военная же казна испытывала большие финансовые затруднения, а потому начальство всячески препятствовало увольнению ветеранов. Солдатского жалования, в отсутствие трофеев и наградных, также едва хватало на пропитание и снаряжение.

Требования паннонских легионеров носили профессиональный характер: увеличение содержания, сокращение срока службы, своевременная отставка ветеранов. Мятежники прогнали военных трибунов и префекта лагеря, убили одного из самых ненавистных центурионов и разграбили окрестные селения. В Паннонию отправился с чрезвычайными полномочиями 27-летний сын Тиберия Друз Клавдий Нерон в сопровождении подкрепления из двух когорт преторианцев, усиленных конницей.

Друзу приказано было действовать по обстановке. Представ перед восставшими, он огласил послание отца, который обещал доложить сенаторам о пожеланиях воинов, а уж те, обладая правом миловать или прибегать к строгости, примут решение. Требования собравшихся изложил центурион Клемент: в отставку увольнять солдат после шестнадцати лет службы с выплатой вознаграждения, солдатское жалование повысить до денария в день и т.д.

Мятежники были настроены столь воинственно, что чуть было не убили сопровождавшего Друза Гнея Лентула. И только случайность предотвратила трагедию — сиявшая на ясном небе Луна начала меркнуть. Суеверные воины связали это явление со своей дальнейшей борьбой: если Луна вновь обретет яркость, то дело их удачно завершится, и они начали бряцать медью, трубить в трубы и рожки. Но облака не рассеивались, и солдаты решили, что боги порицают их. Друз воспользовался удачно сложившейся ситуацией. Ему удалось расколоть единство бунтовщиков, схватить и казнить зачинщиков. И в дальнейшем ему помогала природа. Неожиданно нагрянула зима с непрерывными ливнями, и мятежники не могли собираться вместе. Легионы принимают решение оставить злополучный лагерь и, искупив вину, уйти на зимние квартиры. Друз возвращается в Рим.

Мятежи легионов в Паннонии, как и затем в Германии, стали тревожным сигналом для власть предержащих Империи. Выпестованная Августом профессиональная армия — верная опора

единовластия — грозила выйти из-под контроля и пока еще на ощупь примеривалась к роли самостоятельной политической силы.

Восстание в Галлии

Те же самые причины подвигли к восстанию одновременно с паннонскими и германские легионы. Их насчитывалось восемь — по четыре в Верхней и Нижней Германии. Возглавлявший войска *Германик* был в тот момент занят сбором налогов в Галлии. Мятеж начался в нижнегерманском войске, в котором после поражения Вара пополнение состояло из освобожденных рабов и римских плебеев. «Множеством уст и голосов» они утверждали, что в их руках судьба Рима и что, благодаря их победам, он расширяет свои пределы. Они же требуют всего лишь своевременного увольнения со службы, прибавки жалования и отмищения центурионам за их жестокость.

Внезапно бунтовщики хватают центурионов и избивают их плетью по шестьдесят ударов каждому (количество центурионов в легионе), а затем бездыханных сбрасывают в Рейн. Ни трибун, ни префект лагеря больше не имеют власти, но воины продолжают выставлять караулы и распределять дозоры: они не забыли, что за Рейном — враг.

Германик спешно прибывает в «нижний» лагерь, где солдаты предлагают ему стать императором. Однако для него верность Риму, его законам и гражданскому долгу, превыше всего. В своей пламенной речи к legionерам он прославляет победы и триумфы Августа и Тиберия, упрекает legionеров в утрате воинской дисциплины. В ответ солдаты с укоризной показывали полководцу свои обезображенные старостью руки и ноги, рубцы от ран и следы от плетей, некоторые даже всовывали в свой рот его пальцы, чтобы он убедился, что у них не осталось зубов.

Командующий был озадачен и, по словам Тацита, понял, что «пагубна строгость, а снисходительность — преступление; уступить во всем воинам или ни в чем им не уступать — одинаково опасно для государства». От имени принцепса он объявляет об увольнении всех отслуживших двадцать лет и освобождении от лагерных работ тех, кто прослужил шестнадцать лет. Завещанные Августом деньги он обещает выплатить в двойном размере, но для их доставки требуется время. Двум легионам, требовавшим немедленной выплаты, он ее произвел за счет соб-

ственных средств на дорожные расходы. Затем Германик отбыл к «верхнему» войску, привел легионы к присяге на верность Тиберию, выплатил деньги и предоставил увольнения. После этого он возвращается в расположение еще не успокоившихся нижегерманских легионов.

Под давлением приближенных Германик отправляет к дружественному галльскому племени треверов всех жен и детей офицеров и вместе с ними свою беременную жену Агриппину и двухлетнего сына. Зрелище покидающих лагерь без охраны женщин оказало сильное впечатление на воинов, умолявших их вернуться. В обращении к солдатам Германик сказал: «Если вы и вправду хотите вернуть делегатов — Сенату, императору — повинование, а мне — супругу и сына, удалитесь от заразы и разедините мятежников; это будет залогом раскаянья, это будет доказательством верности». Преображенные речью воины связывают вожakov мятежа и, творят над ними суд; подсудимого выводили на помост и, если раздавался общий крик, что он виновен, его сталкивали с помоста и убивали на месте. Затем Германик провел смотр центурионов и, если последних обличали в жадности и жестокости, тут же увольнял в отставку.

Дела были улажены, но продолжали упорствовать два легиона в «старых» лагерях. Германик снаряжает войско, чтобы обрушить его на мятежников, но сначала решает использовать дипломатический прием. Он отправляет легату Цецине письмо, извещающая его, что выступает с крупными силами и предлагает расправиться с главарями бунта. Цецина прочел письмо тем солдатам, кого числил благонадежными, и те сочли необходимым в назначенное время напасть с оружием в руках на ничего не подозревавших мятежников.

Началась резня — крики, раны, кровь повсюду. Прибывший в лагерь Германик, назвал происшедшее бедствием и предложил воинам, желавшим искупить свое безумие, совершить поход за Рейн. Неожиданно напав на спящие селения германцев, римляне огнем и мечом опустошают местность на пятьдесят миль вокруг, не имея снисхождения ни к полу, ни к возрасту противника.

Восстание Такфарината, или Африка в огне

Неспокойны в правление Тиберия были многие провинции. В 17 г. в Нумидии и римской Африке вспыхнуло серьезное восстание, возглавляемое Такфаринатом. Был он родом из нуми-

дийцев, служил в римском лагере во вспомогательных войсках, но затем бежал и встал во главе племени мусуламиев из африканских пустынь, не знавшего городской жизни. Но Такфаринат создал отряды вооруженных на римский лад пеших и конных воинов, приучил их к дисциплине и повиновению. Постепенно силы Такфарината росли, и к нему присоединялись все новые племена.

Проконсул Африки Фурий Камилл, потомок прославленного спасителя Рима от галлов, в одном из сражений разбивает восставших, за что Сенат присуждает ему триумфальные почести. Однако Такфаринат продолжает совершать набеги, истребляя жителей деревень и увозя с собою большую добычу. Возле реки Пагида он окружает римскую когорту, возглавляемую Декрием. Очень скоро когорта была рассеяна, но командир пытался остановить бегущих с поля боя солдат и, несмотря на множество ранений и выбитый глаз, устремился навстречу врагу, не переставая драться, пока покинутый своими не пал мертвым. Новый проконсул Африки Луций Апроний для возбуждения боевого духа легионеров прибегает к старинному наказанию: отобрав жеребьевкой каждого десятого из осрамившей себя когорты, он до смерти забивает их палками.

Такфаринат же избрал новую тактику ведения войны: он отступал, когда на него наседали, а затем появлялся в тылу у римлян. Он настолько уверовал в свои силы, что направил послов к Тиберию, требуя земель для себя и своих воинов, в противном случае угрожал беспощадной войной. Тиберий был возмущен тем, что дезертир и разбойник дерзнул посчитать себя воюющей стороной, и поручил Блезу, новому проконсулу Африки и дяде Сеяна, пообещать восставшим безнаказанность, если они сложат оружие и захватят вождя. Против уловок Такфарината был применен его же способ ведения войны с использованием опытных и знакомых с пустыней воинов. В итоге был пленен брат Такфарината. Блеза торжественно провозглашают императором. Но Тацит отмечает: «И Август дозволил некоторым носить этот титул, но дозволение этого рода, данное Тиберием Блезу, было последним». В дальнейшем титул «император» стал привилегией одного только принцепса.

Тиберий повелел легиону вернуться из Африки, как будто там не осталось врага. В Риме красовались уже три увенчанные лаврами статуи в честь побед над презренным нумидийцем, а Такфаринат по-прежнему грабил Африку. В 24 г. он призвал

всех, кто предпочитает рабству свободу, окружить оставшихся легионеров, так как подмоги им ждать неоткуда, ибо Римское государство теснят другие народы. Но проконсул этого года Публий Долабелла неожиданно на рассвете нападает на полусонных повстанцев у которых нет под рукой ни оружия, ни коней; их хватают, тащат, убивают, как овец. Все твердо знают, что, пока вождь не убит, не будет отдыха от войны. И вот уже заключен в оковы сын предводителя. Такфаринат, увидев, что со всех сторон к нему устремляются римляне, понял, что борьба проиграна и, дабы избежать плена, бросился на их мечи, недешево продав свою жизнь. Так завершилась эта отчаянная борьба нумидийцев за свободу и бесславная для гордых римлян война с дикими племенами жаркой Африки.

Калигула — от любви до ненависти...

Сенека так описывал императора Калигулу: «Сам он своим видом вызывал смех — так безобразна была его бледность, знак безумия, так дико смотрели его глаза из-под морщинистого лба, так уродлива была его голова, облезлая, торчащая редкими волосами». Впрочем, смех (но внутренний и после смерти правителя) мог позволить себе философ, но римским гражданам было не до смеха.

Впрочем, Гай Цезарь Август Германик (12—41, имп. с 37 г.) вступил на престол при самых благоприятных предзнаменованиях. Известие о смерти Тиберия вызвало в Риме ликование, толпы народа с кличем «Тиберия в Тибр!» ворвались в Сенат и заставили провозгласить 23-летнего Гая Цезаря принцепсом. Его восторженно называли «солнышком», «светиком», «дитятком»: ведь многие «помнили его еще младенцем», когда всеобщий любимец *Германик* вместе с женой *Агрипиной* и годовалым сыном отправился в Германию. Солдаты для маленького Гая изготовили настоящее оружие, военную форму и прозвали любовно «сапожок» (по-лат. *caligula*). Так, Калигулой-сапогом он и вошел в историю. Любовь народа к отцу была перенесена на сына, ведь еще был жив миф, будто Германик намеривался восстановить Республику и вернуть гражданам все отнятые у них права. Поэтому свои надежды римляне связали с Гаем — «самым желанным правителем».

И действительно, в первые месяцы своего правления Калигула оправдал эти ожидания. Он начал с амнистии всем осуж-

денным при Тиберии, объявил, что «для доносчиков у него нет ушей», усилил раздачу и зрелища, поголовно наделяя граждан корзинами со съестными припасами. Дважды он раздал неимущим по 75 денариев. Вступив в должность принцепса, Гай сразу отплыл на острова, чтобы собственными руками собрать прах матери и брата и доставить в Мавзолей Августа. Поскольку он сам еще не обзавелся детьми, то усыновил внука Тиберия Гемелла и назначил его наследником престола, подтвердив прочность и нерушимость принципата.

Калигула высказал почтение к Сенату и вернул Народному собранию право выбирать магистратов. Не случайно Гай избрал днем прихода к власти не день его провозглашения преторианцами, а день утверждения Сенатом. Были устроены великолепные цирковые представления и травли зверей — за три месяца стали жертвами 160 тысяч животных.

Однако скоро с юным императором произошла разительная перемена. Угодничество сенаторов, пресмыкательство «друзей» утвердили небесталанного, но испорченного придворной атмосферой палат Тиберия юнца с нездоровыми наклонностями в своей абсолютной вседозволенности и непогрешимости. От своей матери Агриппины он унаследовал неукротимый нрав, который у него выродился в психическую неуравновешенность. Тяжелая болезнь (он страдал приступами эпилепсии) свалила молодого принцепса. К этому времени он полностью растратил все накопленные Тиберием резервы государственной казны (около 700 млн денариев).

Опасаясь преторианцев, он отправил их префекта Макрона наместником в Египет, а затем принудил его к самоубийству. Взамен Калигула набрал отряд телохранителей-германцев (по примеру Августа), которые держали в страхе город. Чтобы хоть немного покрыть лавинообразно растущие долги, Калигула разворачивает широкую кампанию вымогательства и ограбления римских граждан. Простейший способ состоял в принуждении к завещанию денег принцепсу. Отказ от такого «добровольного» дара рассматривался как оскорбление принцепса, и, если завещатели слишком долго задерживались на этом свете, им заботливо посылались отравленные лакомства.

Но этих средств было недостаточно, и Калигула учредил новые налоги, которыми облагался буквально каждый человек. Даже когда у него родилась дочь от брака с Цезонией, он стал требовать от народа приношений на ее воспитание и приданое.

Специальным указом Гай объявил, что на Новый год ждет подарков, и в самом деле встал на пороге дворца и ловил монеты, которые проходящий толпами народ всякого звания сыпал ему из горстей и подолов. Наконец, обуянный страстью почувствовать эти деньги на ощупь, он рассыпал огромные кучи золотых монет по полу и часто ходил по ним босыми ногами или подолгу катался по ним всем телом.

Былая народная любовь после безудержного грабежа сменилась естественной ненавистью. Более того, Калигула открыто третировал сенаторов. Одних он заставлял бежать за своей колесницей по нескольку миль, других тайно казнил, но продолжал приглашать их на пиры, словно они были живы. Светоний передает анекдот, что он открыто высказывал сожаление, что у римского народа не одна голова, чтобы ее можно было отрубить. Кредо своего правления Калигула выразил кратко: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

Подобно эллинистическим царям, Калигула стал считать себя абсолютным монархом. Образцом для себя он выбрал не Октавиана, а Цезаря и Марка Антония, запретил празднование победы при *Акции*, «как несчастной и губительной для римского народа». По примеру египетских фараонов Калигула собирался жениться на своей возлюбленной сестре Друзилле, а когда она внезапно скончалась, провозгласил ее божеством под именем «Пантеи» (Всебогини). Себя он возвел в еще более высокий божественный ранг — сравнивал свою персону с Юпитером и появлялся на публике с позолоченной бородой и молниями в руках. Чтобы облегчить себе повседневное общение с владыкой богов, Калигула приказал перекинуть мост с Палатинского холма на Капитолийский.

В повседневной жизни он был склонен к театральному шутовству; то выходил к народу в шелках и женских покрывалах, то в солдатских калигах, то в женских туфлях. Он с пафосом принимал то образ Александра Македонского, а то и самого грозного Юпитера. «Пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать трагическому актеру».

Даже смерть свою он встретил при выходе из театра в январе 41 г. Калигулу зарубили мечами командиры-преторианцы под предводительством трибуна Кассия Хереи. Раздражение против императора было столь велико, что растерзаны были даже его жена Цезония и годовалая дочь.

В последний раз на короткий срок Сенату и народу римскому представилась возможность возвращения к республиканскому государственному устройству. Некоторые ораторы предлагали даже снести все храмы, посвященные Юлиям, Цезарям и Августам. Но полностью разложившийся Сенат оказался беспомощным в избрании достойного человека, и судьба Империи вновь была решена преторианцами. Обыскивая дворец, обгащенные кровью преторианцы обнаружили дрожащего за занавесом дядю Калигулы Клавдия и, водрузив на плечи, доставили его в свой лагерь. Так появился новый принцепс.

Декоративные походы Калигулы

Во внешней политике и военных мероприятиях Калигула не оставлял претенциозной театральности. Очевидно, для отпрыска славного Германика вопросом престижа и актом уважения семейных традиций являлись экспансия в Германию и (как когда-то для Цезаря) вторжение в Британию. Однако не исключено, что задуманные кампании служили поводом для наведения дисциплины в совершенно разложившемся верхнегерманском войске или требовались ради набора пополнения для похода в Британию. Без всякого к тому повода, неожиданно, когда Калигула направлялся в храм Юпитера в Мевании (городок в Умбрии), ему напомнили, что пора бы уж пополнить окружавший его отряд германских телохранителей. И тут же император решает предпринять экспедицию в Германию.

Созвав отовсюду легионы и вспомогательные войска (а их у принцепса было около 250 тысяч), произведя набор рекрутов и заготовив невиданное ранее количество припасов, Калигула отправился в путь... искать противника. Двигались иногда так быстро, что приходилось грузить знамена на мулов, чтобы догнать эскорт императора; то вдруг настолько медленно, что жители окрестных городов успевали расчистить перед бесценными носилками дорогу и даже сбрызнуть водой пыль.

Желая выставить себя деятельным и строгим полководцем, принцепс наказал легатов, которые с опозданием привели вспомогательные войска: одних уволил, других лишил звания, некоторым понизил жалование. Вот только неприятеля обнаружить не удалось. Когда к нему прибыл сын британского вождя Адмоний, изгнанный отцом, Калигула с восторгом отправил в Рим донесение, будто ему покорился весь остров. Вероятно, он ожидал случая воспользоваться внутренними раздорами в Британии, но междоусобные войны там затихли, и войско стояло без дела.

С помощью своих же вспомогательных соединений Калигула построил несколько инцидентов с имитацией бурных военных действий:

он приказал нескольким солдатам переправиться через Рейн, а затем с шумом возвестить о приближении якобы неприятеля. Принцепс во главе небольшого отряда всадников вихрем бросается в соседний лес, обрубает с деревьев ветки и, украсив ими стволы наподобие трофеев, возвращается в лагерь, где награждает доблестных соратников венками. Самодурство императора проявилось в заключительном эпизоде этой «войны». Он выстроил на морском берегу всю свою рать, якобы для завершения кампании, и приказал всем собирать раковины в шлемы и подола одежды. Это, говорил он, — добыча Океана, которую он шлет Капитолию и Палатину.

Единственным результатом экспедиции явилось строительство большого маяка у современной Булони. Быть может, почувствовав перемену в настроении римлян, Сенат набрался смелости отказать Калигуле в триумфе, которого тот потребовал в честь своей «победы». Дело ограничилось овацией.

Филон Александрийский — философ-иудей и хулиган-император

В отношении управления провинциями Калигула был далек от политики своего предшвенника. Так, Иудея ранее была освобождена от участия в отправлении императорского культа в силу монотеистических воззрений ее населения. Но по повелению Калигулы в Иерусалимском храме Соломона должны были поместить громадную статую императора. Однако евреи воспротивились этому, более того, они разрушили алтарь, посвященный Гаю нееврейскими жителями города. В то же время в Александрии политика императора по отношению к иудеям привела к погрому, организованному эллинизированным населением города при поддержке правительственной администрации.

Зимой 40 г. в Рим отправилось посольство от александрийских евреев, чтобы известить принцепса о положении дел в Александрии, исхлопотать разрешение терпимости к представителям своей религии и, вероятно, полное александрийское гражданство. Месяцами члены посольства буквально подкарауливали Калигулу. Наконец, и делегации евреев, и александрийскому посольству было дозволено предстать перед императором, который капризно обозвал их «проклятыми богом, которые не считают его богом». Гай завершил аудиенцию снисходительным замечанием: «Люди мне кажутся не столько злыми, сколько несчастными и неразумными, потому что не верят, что я получил божественную сущность».

В составе делегации был и философ Филон Александрийский (25 г. до н.э. — 50 г. н.э.) — глава еврейской общины в Александрии. Филон был современником Иисуса (о котором, правда, ничего не знал) и его последователя и проповедника Павла, а его сочинения — ценным источником сведений о еврейской диаспоре в эллинистическом окружении.

Филон в своих трудах пытался научно обосновать иудейскую религию и теологию и даже связать ее с греческой философией. Им же был разработан аллегорический метод толкования Торы (Пятикнижия). В Ветхом Завете, по мнению Филона, содержится «вся мудрость мира». Мир сотворен Богом, все остальное — пространство, время — возникли вместе с миром. Бог — это неизменное сущее, бескачественная субстанция, которая обнимает все, что есть в мире. Между Богом и миром находится логос — мировой разум, который направляет движение космоса. Филон Александрийский полагал, что Бог недоступен для человека, но Логос (Слово) может служить посредником между ними. Эта теория оказала большое влияние на выработку христианского монотеизма. В космологии Филон развивал идеи стоиков. Он считал, что звезды — не первопричина вещей и событий, они были созданы на четвертый день и им нельзя поклоняться. Но звезды — это разумные существа, и все вещи на Земле зависят от них. Философ интерпретировал 11 звезд из сна Иосифа как соотносящиеся со знаками Зодиака, а сам Иосиф символизирует 12-й знак.

Филон трактовал встречающиеся в Писании имена собственные аллегорически, как отвлеченные понятия греческой философии (пифагореизма, платонизма и стоицизма). Так, в Адаме он видит человеческий разум, в Еве — жизнь и чувственное восприятие, в Каине — корысть и красноречие с необоснованными доводами, а Авель, напротив, воплощает обоснованные доводы, но выраженные косноязычно. Тракаты Филона подразделяют на несколько категорий: «Толкование», якобы написанное для язычников; «Аллегии», созданные для евреев; «Вопросы и ответы к книгам Бытия и Исхода» и ряд трактатов — «Посольство Флакка», «Посольство к Гаю», «О свободе мудреца», где философ описывает сведения о жизни евреев и различных сект. А его книга о злодениях Гая Калигулы «О добродетелях» даже читалась публично в римском Сенате — правда, в правление уже следующего императора, Клавдия. Филон Александрийский оказал большое влияние на авторов Нового Завета и на теологию раннего христианства.

Клавдий — рассудительный чудак

Тиберий Клавдий Нерон Германик (10 г. до н.э. — 54 г. н.э., имп. с 41 г.), сын Друза, был выдвинут в императоры преторианцами. После того как он пообещал каждому гвардейцу по 15 тысяч сестерциев, они были готовы идти за него и в огонь и в воду. Преторианцы провозгласили в 41 г. Клавдия императором, и запуганному Сенату ничего не оставалось, как признать свершившийся факт. Новый принцепс начал с компромисса: он приказал казнить преторианских трибунов Кассия Херея и Лупу, причем за убийство не столько Калигулы, сколько за убийство его жены и дочери, а остальным объявил амнистию.

Клавдий всегда слыл чудаком и до 54-летнего возраста жил просто и отстраненно, проявляя интерес лишь к яствам и наукам. Под руководством своего учителя Тита Ливия он увлекся древностями и сочинил «Историю» времени Августа в 43 книгах, «Историю этрусков» в 20 книгах и «Историю Карфагена» в 8 книгах, а также речь в защиту Цицерона. Уже принцепсом, опираясь на свои филологические изыскания, он вознамерился внести изменения в латинский алфавит; правда из всех новшеств прижилась до наших только одна буква V. Ученые занятия пробудили в нем склонность к размышлениям и исторический взгляд на римскую политику. Поэтому 13-летнее правление Клавдия оказалось весьма созидательным.

А ведь раньше его добродушная рассеянность, пренебрежение к светским манерам и своему внешнему облику вызывали презрение родни и насмешки придворных. Калигула сделал его мишенью для издевательств: если Клавдий опаздывал к обеду, ему не оставляли места, а если он засыпал, то забрасывали его косточками фиников или же надевали ему на руки сандалии, чтобы он проснувшись, тер ими лицо. По указанию Калигулы Сенат назначил его жрецом храма Юпитера, за что требовалось уплатить два миллиона денариев, которые назначенцу пришлось взять под залог в казне. Когда же Клавдий не смог вернуть долг, его имущество определили к распродаже. Что делать? Он нашел благоразумный выход — подыгрывать и прикидываться дурачком — в этом он обрел спасение от удавки или яда среди придворной камарильи шутника Калигулы.

И вот этот грузный «дурачок» истово приступил к обязанностям принцепса, ознаменовав начало своего правления весьма разумными шагами. С величайшей тщательностью Клавдий занялся судопроизводством, и его правосудие отличалось ярко выраженной гуманностью. Он отменил процессы по закону «Об оскорблении величия», ограничил вознаграждения доносчикам 10 тысячами сестерциев и принудил обвинителей нести личную ответственность за неявку в суд, иначе они сами подвергались преследованию за ложное обвинение. Был образован «императорский суд», который существовал наряду с прежним квесторским и сенаторским судопроизводствами. Принцепс избрал 20 сенаторов и помощников, которые в качестве советников помогали ему в принятии решений. Однако попытка мятежа солдат в Иллирии в 42 г., когда ими был провозглашен императором

Камилл Скрибониан, а некоторые сенаторы поддержали его, заставила Клавдия изменить отношение к аристократии. Император принимает смелое решение о расширении состава Сената за счет знатных провинциалов.

Относясь к своей работе принципом со скрупулезной ответственностью, Клавдий не подписывал ни одной бумаги, внимательно не прочитав ее. А поскольку времени на всю волокиту не хватало, он окружил себя доверенными чиновниками из вольноотпущенников, обязанных своим положением лично ему. Эта «частная» мера имела историческое значение — начал создаваться бюрократический аппарат управления — с тех пор и до наших времен неотъемлемая и все более самодостаточная черта государства.

В отличие от Калигулы у Клавдия было собственное представление об основных чертах политики принципата. Совершенно невоенный человек, Клавдий получил не менее 27 провозглашений императором, тогда как дока в военных делах Тиберий — всего лишь восемь. Клавдий умело использовал улучшение финансового положения государства и дарования своих полководцев и советников в достижении успехов во внешней политике. К Империи были присоединены несколько новых провинций: часть Британии и Фракия, дипломатическим путем созданы провинции Мавретания Тингитанская и Мавретания Цезарейская.

Рим простер свою длань к дальним берегам Понта Эвксинского. Еще Калигула после смерти Аспурга передал боспорский престол царю Полемону II. Вопреки воле римлян сын Аспурга Митридат провозгласил себя царем Боспора. Клавдий решил ему не препятствовать, тогда, прельщенный улыбкой фортуны, Митридат решил полностью освободиться от Рима. Но сначала его предал родной брат Котис, а затем, после неудачного сражения, один из союзных царей выдал его римлянам. Боспором стал править Котис, который в надписях называл римского императора «Благодетелем».

В социальной политике Клавдий не жалел сил для обеспечения спокойствия городского плебса. Особую заботу он проявлял о продовольственном снабжении Рима. Для приема груженых хлебом кораблей, прибывавших из провинций, он перестроил и расширил римский порт Остия в устье Тибра. В море были выведены два ряда свай, а на глубоком месте поставлен волнолом. Чтобы укрепить его был затоплен грузовой корабль, являвшийся

чудом античной техники, он вмещал 120 тысяч мер балласта и имел мачту в четыре охвата. На этом корабле Калигула привез из Египта обелиск, ныне стоящий у собора Св. Петра. Затопленный корабль был укреплен множеством свай, и на них возвели маяк по образцу александрийского Фароса.

Для снабжения Рима водой Клавдий построил грандиозный водопровод, по которому в город пришла вода из обильных и свежих источников и из реки Аниен. Начато это строительство было Калигулой (68 км с 15 арками) и закончено Клавдием в 52 г. (87 км длины, из которых 14 шли по акведукам, достигавшим иногда высоты 32 м). В пяти километрах от Рима оба водопровода соединялись, пропуская 191 200 кубометров воды. До сих пор трехэтажные арки акведуков поражают воображение. Недаром Фронтин восклицал: «Как можно сравнивать такие замечательные сооружения с бесполезными пирамидами Египта или с пышными и бьющими на эффект греческими памятниками, которые слишком уж расхвалены?».

В течение 11 лет 30 тысяч человек непрерывно проводили обширные работы по прорытию канала для спуска вод Фуцинского озера по подземному каналу в реку Лирис. Этот канал осушил обширные болота, превратив их в плодородные нивы. Плиний Младший так отзывался об этом сооружении: «Невозможно вообразить его, не видев, и невозможно рассказать о нем человеческим языком». Однако по небрежности секретаря Клавдия Нарцисса, руководившего строительством, канал скоро пришел в негодность, и императорам Траяну и Адриану пришлось его вновь отстраивать. В 47 г. с пышным великолепием были проведены Столетние (Секулярные) игры.

Вместе с тем в правление Клавдия не прекращались среди придворной камарилы и вырождающейся аристократии интриги и скандалы. После убийства Валерии Мессалины, ветреной супруги принцепса, вопрос о новой жене правителя стал объектом подспудных споров среди его приближенных. Победу одержала Агриппина Младшая, которую поддерживал глава финансов Паллант. 33-летняя старшая дочь Германика к этому времени уже дважды побывала замужем и овдовела. Она быстро и полностью окружила Клавдия и стала титуловаться Августой. Ей удалось отстранить от Клавдия его родного и любимого сына Британика и заставить усыновить ее собственного отпрыска от первого брака — Гнея Домиция Агенобарба, по прозвищу Нерон (которое по родовому праву ему не принадлежало — однако

именно под «чужим» именем сынок и войдет в историю как пятый римский император).

Вслед за этим чревоугодник Клавдий в сентябре 54 г. скончался от яда. По одной из версий, яд был подмешан к его любимому грибному блюду любящей супругой. Когда действие его показалось Агриппине ненадежным, по ее наущению врач якобы для вызова рвоты ввел в горло принцепса перо, заботливо смазанное быстродействующим ядом. Завещание Клавдия в пренебрежении к закону предусмотрительно оглашено не было...

Бюрократизация дворцового управления

Управляя огромной Империей, Клавдий ощутил слабость существующего с республиканских времен административного исполнительного аппарата и предпринял энергичные меры к его укреплению. В вопросах, в которых он не обладал знаниями и опытом (а он не стеснялся признаваться в этом), Клавдий всецело доверялся приближенным лицам, которых в свое время лично сделал вольноотпущенниками, — Палланту, Нарциссу, Полибию. При этом император не обращал внимания на язвительные замечания, что «из принцепса он сделался слугой своих слуг». При нем постепенно на задний план отходят Сенат и древние магистратуры, а для эффективного управления создаются особые ведомства — своего рода министерства.

Самым главным из них являлось «служба приказов» (Ab epistulis, букв. *касательно писем*) — нечто вроде общего секретариата, который принимал донесения наместников и военачальников, издавал императорские указы о назначении чиновников на службу, составлял инструкции. В секретариате объединялись функции «трех министерств»: внутренних дел, иностранных дел и военного. Ведал этой службой личный секретарь Клавдия — умный и талантливый Нарцисс, выдвинувшийся на первый план во время британской экспедиции, — самый влиятельный человек в государстве, который отдавал распоряжения командующим армией, ездил в провинции ревизовать проконсулов и императорских наместников.

«Счетная служба» (A rationibus) превратилась, можно сказать, в «министерство финансов», где осуществлялся контроль над сбором налогов, учитывался поступающий для снабжения Рима хлеб, ассигновались средства на чеканку монеты и жалование чиновникам. Ведал этой службой оборотистый грек Пал-

лант, который привел императорскую казну в хорошее состояние, но при этом и сам непринужденно стал богатейшим человеком (его имущество составляло 300 млн сестерциев).

«Отдел прошений» (A libelis) (сродни министерству юстиции) служил личной канцелярией принцепса, где обрабатывались жалобы и предложения, поступавшие в императорский дворец. На подаваемых начальником канцелярии бумагах император накладывал свои резолюции, ставшие одним из существенных источников права.

«Службу контроля» (A studiis) возглавлял ученый грек Полибий, который пользовался таким почетом, что ходил по улицам в сопровождении консулов. «Службой следствий» (A cognitionibus) управлял Каллист, в ведении которого находился высший императорский суд по делам чрезвычайной важности и кассационная палата.

В каждом таком ведомстве трудилось множество заместителей, помощников, писцов — выходцев из вольноотпущенников и даже рабов императорской фамилии. Из внутренней управленческой структуры фамилии Цезаря эти службы со временем превратились в государственные учреждения со своей иерархической структурой чинов и должностей, карьерными амбициями, чиновной волокитой и неистребимой коррупцией. Перед недавними рабами заискивала обедневшая аристократия, лстивый Сенат осыпал их знаками достоинства: Нарциссу даровали звание квестора, а Палланту, бывшему рабу Антонии, — претора. «Оба они были так богаты, что когда Клавдий жаловался на недостаток денег в казне, то в народе остроумно говорили, что у него могло бы быть денег в изобилии, если бы эти два вольноотпущенника приняли его в свою компанию», — до сих пор злободневно звучит сарказм Светония. Деятельность этих ведомств создавала новую правящую группу наряду с Сенатом и его органами управления. Именно с организации этих служб-«министерств» начинается бурное разрастание бюрократического аппарата Империи.

Дарование прав провинциалам

В своей провинциальной политике Клавдий обратился к традициям Цезаря. Он активно раздавал права гражданства провинциалам. Проведенный в 47—48 гг. ценз показал прирост количества граждан за последние тридцать пять лет на 1 млн человек. По предложению императора в 48 г. Сенат даровал *ius honoꝛum* (право быть избранными в Сенат) жителям Галлии.

Первыми такой чести были удостоены давние преданные союзники римлян—эдуи. По этому поводу возникла дискуссия в Сенате. Многие утверждали, что Италия не настолько оскудела, чтобы не быть в состоянии дать сенаторов Риму. Раздавались возгласы: «Но какие почести останутся после этого для нашей еще сохранившейся в небольшом числе родовой знати... Все заполнят богачи, чьи деды и прадеды, будучи вождями враждебных народов, истребляли наши войска мечом!» (Именно тогда в народе пошел гулять стишок: «Галлы скинули штаны, тоги с красным им даны».)

Тогда Клавдий произнес чрезвычайно разумную речь, в которой подчеркнул, что государство достигло внутреннего спокойствия и блистательного положения во внешних делах, после того как предоставило гражданство наиболее достойным из провинциальных народов. В доказательство он ссылался на примеры из истории. Новое постановление касалось только Галлии, но этим было положено начало привлечению в Сенат наиболее видных и знатных жителей римских провинций. Совершился важный поворот в римской политике, способствовавший романизации провинций и уравниванию их прав с Римом и Италией.

Покорение Британии

В правление Клавдия начался новый виток боевых действий по расширению границ Империи. Самым крупным военным успехом явилось покорение части Британии. Вероятно, желая следовать по стопам Цезаря и как бы оправдать жалкое лицедейство Калигулы, Клавдий решил завладеть этим бастионом кельтов и друидской религии, прекратить милитаризацию региона и защитить континентальных галлов от проникновения кельтов из Британии.

К началу 40-х годов скончался Кунобелин, владыка Эссекса, долины по среднему течению Тамесиса (совр. Темзы) и части Кента. Он перенес столицу в Камулодун (Колчестер). Отсюда его сыновья Тогодун и Каратак совершали частые нападения на соседей. Потомок царя атребатов Коммия Верик обратился за помощью к римлянам. Просьба пришлась как нельзя кстати, и в 43 г. римская армия в 50 тысяч солдат под командованием Авла Плавция Сильвана высадилась в юго-западной части Британии и перешла Темзу. На место военных действий прибыл император собственной персоной и проручивал кампанию шестнадцать дней. В его присутствии, после первых неожиданных поражений британцев у Медвея, где погиб Тогодун, римляне дали сражение у Камулодуна и захватили его.

Счастливый Клавдий по возвращении в Рим отпраздновал пышный триумф, был удостоен триумфальной арки на Марсовом поле и принял почетное имя Британника, которое перешло к его сыну. Авл Плавций, назначенный первым наместником новой провинции Британия, продолжил наступление на кельтов. На севере легионы продвинулись до современного Линкольна, где был разбит легионный лагерь Линд. Здесь были начаты переговоры с царицей бригантов Картимандуей, которые вскоре принесли успех. Сын Кунобелина Каратак продолжал борьбу против римлян на северо-западе Уэльса, где в землях ордовиков решился дать бой. После поражения жена и дочь Каратака сдались на милость победителя, а сам он бежал к царице Картимандуе, но она в 51 г. выдала его римлянам.

В Риме при огромном стечении народа перед преторианскими когортами провели клиентов царя, пронесли его украшения и драгоценности, затем показали его близких и самого Каратака. Пленник не взывал к милосердию и не опускал взор. Обратившись к цезарю, Каратак заявил, что будь он умерен в притязаниях, то прибыл бы в Рим в качестве друга, и император не отказался бы заключить мир с потомком прославленных предков. У него было все, и лишился он этого не по своей воле: «Если вы хотите повелевать, то следует ли из этого, что все обязаны безропотно становиться рабами? Если бы я беспрекословно и сразу отдался под твою руку, то и моя участь не обрела бы известности и ты не обрел бы новой славы победою надо мной. Моя казнь вскоре будет забыта, но если ты оставишь мне жизнь, я навеки стану примером твоего милосердия». Клавдий был поражен силой и справедливостью слов Каратака и даровал прощение ему и его семье.

Валерия Мессалина: женщина как она есть

Семейная жизнь Клавдия сложилась крайне неудачно. С первой женой он развелся из-за ее нескромного поведения, со второй — из-за непрестанных мелких ссор. Третья жена, Валерия Мессалина, была правнучкой сестры Августа Октавии. Они поженились в 39 г., когда Мессалине исполнилось только четырнадцать лет, Клавдий был старше ее на тридцать лет. Сентиментальный увалень полностью подпал под влияние юной ветреницы и вначале даже безучастно наблюдал за ее скандальным образом жизни. В браке они прожили девять лет.

На сохранившихся скульптурных портретах Мессалины заметно портретное сходство ее с сестрой Августа. Изображалась она с шерстя-

ной повязкой, завязанной узлом на голове, — атрибутом предоставленного ей в 43 г. статуса, приравненного к *весталкам*. Не будучи по сану «Августой», Мессалина придавала этому особое значение. Однако страстный и несдержанный в любовных связях характер Мессалины так и рвался наружу. Говаривали, что она часто появлялась в публичном доме под вымышленным именем Лисиски. при этом лишь слегка изменяла внешность с помощью светлого парика. Много уважаемых граждан пало жертвой ее прихоти.

Драма в семье Клавдия разразилась в 47 г. Мессалина увлеклась знатым молодым человеком Гаем Сильвием, которого развела с женой и сделала своим любовником, щедро наделяя деньгами и рабами, а также утварью из дворца. Об этом знали все, но донести Клавдию опасались. И вдруг, при живом муже, воспользовавшись его отъездом в Остию, Мессалина официально выходит замуж за своего возлюбленного. Возможно, она собиралась передать ему и верховную власть в государстве, ведь к тому времени он был избран консулом. Преданный без лести императору временщик Нарцисс спешит с сообщением в Остию, и на обратном пути показывает Клавдию убранный подарками Мессалины дом Сильвия.

Преторианцы возмущены и требуют наказать виновных за попытку государственного переворота. Сильвий и десять соучастников невиданного преступления были казнены. Разгоряченный вином Клавдий велит «несчастной» явиться с оправданиями на следующий день. Понимая, что гнев принцепса остывает, Нарцисс приказывает немедленно умертвить Мессалину. Ее находят распростертой на земле в садах Лукулла, в слезах и стенаниях. Осознав неотвратимость конца, Мессалина схватила кинжал, но не решалась себя поразить, прикладывая его то к горлу, то к груди. И тогда трибун пронзил ее точным ударом меча. Когда Клавдию сообщили о смерти жены, он проявил безразличие и потребовал чашу вина.

Нерон — властная длань «артиста»

Сын сенатора Гнея Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей получил при рождении имя Луций Домиций Агенобарб, а позже присвоил не имевшее к нему никакого отношения прозвище — Нерон (37—68, имп. с 54 г.). В ответ на поздравления с рождением сына Гней Домиций воскликнул, что «от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества». Сам Домиций, по словам Светония, человек «гнуснейший во всякую пору его жизни», умер, когда будущему императору исполнилось всего три месяца отроду. До трех лет мальчик воспитывался теткой Домицией Лепидой, пока сразу

после смерти Калигулы не вернулась из ссылки Агриппина. В детстве Нерон интересовался музыкой, поэзией и был настоящим «фанатом» конных состязаний и уличных драк.

После брака Агриппины с Клавдием принцепс усыновил Нерона, бывшего на три года старше его родного сына Британика. Агриппина все больше выдвигается на первый план. Она получает неслыханное по римским традициям право въезжать на Капитолий в коляске. Деспотичная мать вызволяет из ссылки *Сенеку*, чтобы приставить в качестве воспитателя к сыну, который постепенно и незаметно для себя подчинился влиянию могучего ума и яркой личности философа. В 53 г. Нерона женят на дочери Клавдия Октавии. Уже на следующий год Агриппина устраняет последнее препятствие на пути к власти ее сына — 13 октября 54 г. Клавдий был отравлен. Сразу же Нерон был представлен преторианцами во главе с их префектом Афранием Бурром Сенату как свежее испеченный принцепс.

Впервые правителем Рима, вразрез со всеми римскими традициями, стал несовершеннолетний. Одним из первых заявлений Нерона в роли императора были слова о «наилучшей матери». В основе программной речи, составленной Сенекой, лежали признания традиций Августа — дом принцепса да будет отделен от государства. Пусть Сенат выполняет свои обязанности, провинции обращаются по своим делам к консулам, а те советуются с Сенатом. Обедневшим сенаторам выдано ежегодное пособие, простонародью роздано по сто денариев, сто миллионов внесено в казначейство из личных средств Нерона. Однако заседания Сената проводились во дворце принцепса, чтобы скрытая за занавеской ревнивая к власти Агриппина могла следить за прениями. Возможную оппозицию Агриппина парализовала скоропостижной казнью ранее всесильного временщика Нарцисса и передачей всей военной власти Афранию Бурру. Агриппина давала понять, что она не просто мать принцепса, а его соправительница.

В делах управления на первых порах не возникало осложнений: ими занимались Сенека, Бурр и матушка, а сам юный принцепс сосредоточился на иных прелестях жизни. Его брак с Октавией, заключенный в политических целях по настоянию Агриппины, не удовлетворял высоких чувств Нерона. Он воспылал страстью к вольноотпущеннице Акте, под влиянием которой начал освобождаться от тягостной опеки матери. Агриппина опрометчиво требует изгнания соблазнительницы. В ответ

упрямый Нерон открыто порывает с матерью. Агриппина, потеряв от ярости чувство реальности, грозит Нерону тем, что вместе с его сводным братом Британником отправится в лагерь к преторианцам. Угроза возымела действие, но обратное. Нерон приказывает трибуну, под замком у которого содержится знаменитая отравительница Локуста, доставить ему быстродействующий яд. Во время обеда Британник вкушает отравленное питье — опасный претендент на трон устранен.

Вслед за тем Нерон выдворяет «лучшую мать» из императорского дворца и поселяет в доме ее бабки Антонии. Сам принцепс предается хмельным пирушкам, гулянью в компании драчливых собутыльников по ночным улицам и визитам в публичные дома. В 58 г. Нерон познакомился с Поппеей Сабиной, женой одного из его приятелей Марка Сальвия Отона. Как пишет Тацит, «у этой женщины было все, кроме честной души». Пустив в ход все свои чары, Поппея быстро сумела влюбить в себя императора и стала домогаться его развода с Октавией. Но сначала надлежало избавиться от Отона, и его назначают наместником в испанскую провинцию Лузитания.

Агриппина всеми силами сопротивлялась этому разводу, что предопределило ее гибель. Нерон решает попросту умертвить мать. Для этой цели он использует своего бывшего воспитателя, а ныне префекта флота, вольноотпущенника Аникета, который обещал построить быстротонущий корабль. Благодаря специальному механизму у этой «плавучей смерти» можно было внезапно открыть днище, а потолок каюты Агриппины был покрыт слоем свинца, чтобы наверняка тотчас обрушиться. Нерон заманивает мать на виллу у моря и демонстрирует ей корабль, на котором ей предстоит отплыть обратно. Провожая матушку после ужина, он долго прижимает ее к сыновней груди. Не успел корабль далеко отойти, как обрушивается потолок каюты, но высокие стенки ложа спасают Агриппину. Ее приближенную Ацерронию, по неразумению кричавшую, что она мать принцепса, забивают в воде насмерть баграми. Неузнанная никем, Агриппина вплавь добирается до берега. Для спасения она притворяется, что ничего не подозревает, и посылает слугу-вольноотпущенника к сыну с сообщением об избавлении от неминуемой гибели. Нерон же приказывает рабам подбросить к ногам прибывшего меч и объявляет, что мать подослала к нему убийцу.

Отправленный на виллу к Агриппине Аникет взламывает ворота и врывается в ее покои. Агриппина вопрошает, для чего он

явился: если совершить злодеяние, то она не верит, что такова воля сына — он не отдавал приказа об умерщвлении матери. Тем временем убийцы обступают ее ложе. Первым ударил ее палкой по голове триерарх. И когда центурион обнажил меч, чтобы ее резать, она, подставив ему живот, воскликнула: «Поражай чрево!»

Но еще целых два года сластолюбивой Поппее пришлось дожидаться своей полной победы. В 62 г. умирает Бурр, на его место *префектом претория* назначен «дружок» принцепса по разгульным похождениям Софоний Тигеллин. Сенека, видя, что Нерон ускользает из его рук, устраняется от дел. Нерон разводится с Октавией, обвинив ее в бесплодности, и отправляет в изгнание. Состоялась пышная свадьба, но недовольный народ низверг статую Поппеи на Капитолии и потребовал вернуть изгнанницу. Тогда Поппея подкупает слугу бывшей императрицы, и он заявляет, будто Октавия сожительствовала со своим рабом-флейтистом, но никто этого не подтвердил. И вновь выручает верный Аникет. В обмен на вознаграждение и безопасное житье вне Италии злодей заявляет, что Октавия соблазнила даже его, бедолагу. Оклеветанную изгнанницу заточают на острове, а затем по приказу Нерона предают смерти. Тацит сообщает, что новой императрице была доставлена голова Октавии в доказательство исполненного приказа.

Сдерживающие нравственные начала окончательно исчезли из жизни императора, уступив место прорвавшимся наружу дурным наклонностям. Отныне он мог беспрепятственно предаваться своим увлечениям. Нерон всегда хотел быть великим артистом и жаждал аплодисментов. Несмотря на слабый голос, срывающийся на фальцет, принцепс обучался у лучших специалистов правилам и технике искусств, упорно развивал голос. Для этого он лежа держал на груди свинцовую пластину и придерживался диеты. Причем он искренне волновался перед выходом на сцену. «Когда он пел, — сообщает Светоний, — никому не позволялось выходить из театра даже по необходимости. Поэтому некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках».

При большой аудитории Нерон впервые выступал в Неаполе, а потом в Риме, во время введения специально учрежденных им празднеств — Ювеналий и Нероний. Эти праздничные игры

были устроены по греческому образцу. Они состояли из соревнований в музыке, пении, стихосложении, риторике, гимнастике и состязаний на колесницах. В играх участвовали представители двух высших сословий, причем как мужчины, так и женщины. В амфитеатре в рукопашном бою сражались 400 сенаторов и 600 всадников. На гимнастических состязаниях Нерон, принося в жертву богам быков, в первый раз сбрил себе бороду и положил ее в ларец из золота, посвятив богам в Капитолийском храме.

А в стране в это время было неспокойно. В 61 г. одним из своих рабов был убит префект города Педаний Секунд, и Сенат приговорил к казни по закону 400 его рабов. Несмотря на протест народа, Нерон приказал войскам привести приказ в исполнение. Три года спустя, в июле 64 г., в Риме случился знаменитый пожар. Тесная застройка города, узкие улочки и высокие многоквартирные дома (инсулы) с деревянными верхними этажами, представляли собой как бы гигантский сухой костер. Ночью загорелись лавки вокруг Большого цирка. Сильный ветер перебросил огонь в густонаселенные районы, и пламя распространялось с такой скоростью, что люди едва успевали убежать от гибели. Из 14 районов Вечного города уцелели только четыре. Шесть дней и семь ночей свирепствовал неистовый огонь, многие погибли в пламени и под руинами зданий. Сгорело множество общественных зданий и храмов. Нерон в городе в то время отсутствовал. Однако по приезде, взойдя на возвышенное место и наблюдая за буйством стихии, он, говорят, пел о гибели Трои, сравнивая несчастье Рима с легендарным пожаром столицы Приама. Сразу же распространился слух, будто Нерон сам повелел сжечь беспорядочно застроенный город, чтобы коренным образом реконструировать его.

Чтобы пресечь обвинения в свой адрес в поджоге города, Нерон начал разыскивать «истинных поджигателей» среди членов различных нелегальных сект, в том числе и христиан. Несчастных на потеху толпе подвергали мучительным казням: «их покрывали шкурами диких зверей, чтобы они погибали от растерзания собаками, или пригвождали их к кресту, или жгли на огне, а также, когда оканчивался день, их зажигали в виде факелов для ночного освещения парков», — ужасается Светоний.

Как бы там ни было, последующая застройка города велась упорядоченно. Здания из туфа имели ограничение по высоте, широкие улицы разделяли четко очерченные кварталы построек. С небывалым размахом был отстроен новый дворец Нерона,

названный Золотым. Так как на холме места показалось мало, дворец воздвигли на равнине между Палатином и Эсквилином. Вокруг раскинулись поля, луга, роши с дикими зверями. В центре равнины был выкопан огромный пруд. Перед дворцом стояла статуя императора высотой в 36 м. В покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и перламутровыми раковинами. В обеденных комнатах потолки были из пластин слоновой кости с поворачивающимися плитами, чтобы можно было рассыпать цветы, а главная плита весь день вращалась вслед солнцу. Для строительства дворца в провинциях были введены немыслимые поборы, из римских храмов подчистую вывезли золото и жертвоприношения в триумфах за многие годы.

В связи с расточительством императора в стране наступил финансовый хаос и хроническое безденежье. Заканчивается эра «сенатского правления», и возобновляется режим террористический. В ответ организуется крупный заговор с целью убийства императора, на роль принцепса был предложен Гай Кальпурний Пизон из еще уцелевшей старинной аристократической фамилии. Вольноотпущенник сенатора Сцевина, заметив, что последний поручил наточить кинжал и отпустил на волю любимых рабов, не преминул донести на патрона. Схваченные Сцевин и всадник Антоний Натал указали на Пизона и всех остальных, назвав посредником Сенеку. В результате предательства кончили жизнь самоубийством Пизон, Сенека, его племянник Лукан, автор «Сатирикона» *Петроний* и многие другие. Сам же Нерон нетерпеливо отправился на гастроли в Грецию.

По возвращении летом 68 г. его поджидали дурные вести: восстали Галлия под руководством наместника *Юлия Виндекса*, а затем испанское войско во главе с командующим Сульпицием Гальбой. Нерон объявил воинский набор, но никто, годный к военной службе, на сборные пункты не явился. Проснувшись однажды ночью, Нерон обнаружил, что покинут всеми. В полном отчаянии он укрылся в усадьбе своего вольноотпущенника Фаона, велел снять с себя мерку и вырыть могилу. При этом он все время причитал: «Какой великий артист погибает!» С помощью своего советника Эпафродита он вонзает себе в горло меч. Кормилицы и наложница Акте собрали его прах и захоронили в усыпальнице Домициев.

С гибелью Нерона завершился кровавый период правления Юлиев—Клавдиев, бурные перипетии которого объясняются становлением новой, монархической власти в противоборстве с

Сенатом и неотлаженностью новой системы управления страной. Началась другая эпоха в истории Римской империи, которую стали вершить регулярные войска в провинциях.

*Луций Анней Сенека —
состоятельный бессребренник
и стоический сановник*

Луций Анней Сенека (4 г. до н.э. — 65 г. н.э.), родился в Испании в Кордубе (совр. Кордова). Отец его происходил из сословия всадников. В старости он написал труд по риторике, оказавший влияние на научную подготовку сына. Сенека получил образование в Риме у стоиков Луция Аттала и Папирия Фабиана и у пифагорейца Сотииона. До конца своей жизни он сохранил склонность к стоицизму, хотя интересовался Платоном и Эпикуром. Он с успехом выступал в Сенате в качестве квестора (казначея), и его рвение вызвало недовольство — сначала Каллигулы, а затем и Клавдия. Вследствие интриг Мессалины, обвинившей философа в тайной связи с дочерью Германика Юлией Ливиллой, в 41 г. Сенека был сослан на Корсику.

Он возвращается в Рим в 49 г. по приглашению Агриппины Младшей для воспитания ее сына Нерона. Когда Нерон вступил на престол, Сенека вместе с Афранием Бурром в течение пяти лет фактически управлял государством. Благосклонность императора и звание консула позволили проповеднику нравственного совершенства и умеренности накопить громадное состояние (300 млн сестерциев). Это вызвало не любовь к нему оппозиции, усилившуюся тем, что философ вынужден был прикрывать злодеяния своего усердного воспитанника — отравление Британника и убийство его матери Агриппины. После смерти Бурра Сенека в горькую для себя минуту признался, что его воспитательная миссия потерпела крах, и удалился от дел. Он попросил у Нерона отставки, но получил отказ. Тем не менее Сенека редко появлялся в городе, ссылаясь на нездоровье и философские занятия.

Сенека, подозреваемый в том, что знал о заговоре Пизона против императора Нерона, в 65 г. вынужден был покончить жизнь самоубийством. Вместе с женой они одновременно вскрыли себе вены. Однако смерть медлила с приходом, и Сенека попросил дать ему приготовленный яд цикуты. Тщетно, похолодевшее тело не воспринимало яда, и тогда он приказал отнести себя в баню, где и умер.

Сенека был плодовитым писателем и одним из наиболее значительных римских философов. В своих воззрениях он, как последовательный представитель «младшей стои», на первый план выдвигал моральное совершенствование. В его «Письмах на моральные темы» в 20 книгах провозглашалось нравственное равенство всех людей,

утверждение этической идеи бога и вера в предопределение. Сенека — своего рода теологический и психологический материалист. По его разумению, все телесно: и боги и души — и в тоже время все одушевлено, разумно и божественно. Основные элементы в мире — огонь, воздух и земля. Все они взаимопревращаются, все находится во всем, и все возникает из всего. Движение в природе кругообразно — и в этом «закон природы», который Сенека подменяет законом судьбы, неподвластным человеку. Этика пассивного героизма — твердо стоять против ударов судьбы и принимать все, как есть. Долг человека — участие в жизни государства, а если философу в нем не оказалось места, то, помятуя, что он гражданин всего мира, надлежит поучать человечество примером собственной жизни.

«Естественнонаучные вопросы» Сенеки в семи книгах посвящены метеорологическим явлениям. До нас дошли его трагедии, задуманные как драмы для чтения: «Эдип», «Медея» и др. После смерти Клавдия он написал остроумную сатиру «Отыквление божественного Клавдия». Идеи Сенеки оказали значительное влияние на потомков. Так, уже в раннем христианстве была придумана переписка философа с апостолом Павлом.

Законодатель вкусов и обличитель нравов Гай Петроний Арбитр

Римский писатель и представитель высшего света Гай Петроний Арбитр, по словам Тацита, был образованным, с утонченным вкусом человеком, своего рода античным «денди», откуда и пошло его прозвище — «Судья». Это был дельный администратор, хорошо проявивший себя на посту наместника Вифинии и в должности консула. Затем он оставил служебную карьеру и был принят в тесный круг лиц, приближенных к Нерону. Император считал достойной своего величия только ту роскошь, которую одобрял Петроний.

Однако Петрония ожидала горькая судьба. В 66 г. от подкупленного префектом претория Тигеллином раба Петрония поступает донос о дружбе хозяина с казненным заговорщиком Сцевином. Поняв, что обречен (хотя и не получив приказа умереть), Петроний вскрыл себе вены. И сделал он это с эпикурейским спокойствием, среди друзей, на пиру, слушая пение и декламацию стихов. Перед смертью он отправил один экземпляр завешания Нерону, в котором заклеил разврат императора и описал его преступные деяния, перечислив поименно всех, принимавших в них участие. Затем он сломал перстень с печатью, чтобы не допустить подделки завешания, отобедал и погрузился в вечный сон.

Помимо небольших стихотворений до нас дошел во фрагментах сатирический роман Петрония «Сатирикон»; вернее, большие отрывки

из XV и XVI книг. По форме «Сатирикон» можно считать менипповой сатурой, т.е. произведением прозаическим со стихотворными вставками. В своем роде это единственный римский приключенческий роман, отличающийся от греческого любовного романа. Правда, у Петрония присутствует пара влюбленных. Рассказ ведется от имени Энколпия, которого сопровождает прелестный женственный мальчик Гитон. Энколпий — представитель в прошлом культурного общества, ставший гладиатором, бродягой и преступником, осквернившим храм и совершившим убийство (кстати, весьма жизненный типаж того времени не без намека на... принцепса?!).

Этот «низменный» бытовой герой, полная противоположность идеальным фигурам любовного романа. Молодых людей разлучает и толкает навстречу новым приключениям оскорбленное Энколпием божество, имеющее отношение к любви. Но это не Эрот и не Афродита, а мелкий божок Приап.

Наиболее яркий эпизод романа «Пир у Тримальхиона» рисует нравы римских вольноотпущенников. Тримальхион, в прошлом раб, мальчиком служивший для любовных утех своих хозяев, стал любимцем господина, был отпущен на волю, получил наследство и нажил огромное состояние. Петроний вскрывает безвкусицу, невежество, суеверие и склонность к грубым удовольствиям гостей роскошного дворца, в которых, как и в хозяине, сквозят образины высокомерных и ненасытных либертинов-фаворитов императоров.

О высоком писательском мастерстве Петрония говорит его манера представления образов героев и богатый язык: здесь мы познаем как правильный, разговорный язык образованных слоев общества, так и народную, вульгарную латынь, с жаргонизмами и грецизмами — язык мира Тримальхиона. Повествование Петрония разнообразно по тону: то приобретает характер карикатуры и пародии на другие жанры (эпос, мим), то переходит в фантастический гротеск. Таково описание города Кротона, в котором почет воздается только безбрачным и бездетным (где вы, законы Августа о браке?) и где население делится на «улавливающих», т.е. искателей наследства, и «улавливаемых» — бездетных наследодателей.

В «Сатириконе» с подлинным реализмом и тонкой иронией даны зарисовки нравов эпохи Ранней империи, деморализованного общества времен Нерона. Описывая приключения бездельников, Петроний клеймит чванство недавно разбогатевших вольноотпущенников, моральную испорченность, бесправие женщин — потаенные отрицательные глубины человеческого бытия. Парируя упреки моралистической критики, Петроний называет свое произведение «новым по откровенной непосредственности». Автор подчеркивает: «...в моей чистой речи улыбается веселая грация, и язык мой вещает с ясной прямою о том, что делает весь народ».

Царица бриттов Боудикка и усмирение Британии

Провинциальная политика Нерона отличалась непоследовательностью. В первый период своей деятельности он пытался упорядочить управление провинциями: несколько наместников было осуждено за злоупотребления, введены ограничения на деятельность откупщиков; Нерон даже хотел отменить все косвенные налоги. Но впоследствии его расточительность и усиление налогового обложения, привели к злоупотреблениям и росту недовольства.

В 59 г. восстало большинство племен недавно завоеванной Британии, которой управлял в это время покоритель Мавретании Гай Светоний Паулин. Царь племени иценов, умирая, оставил своим наследником римского императора, а его сонаследницами — двух своих дочерей. После смерти царя страну стали опустошать центурионы, царица Боудика была подвергнута телесному наказанию, а над ее дочерьми было учинено насилие.

Боудика призвала своих соплеменников к мести. Воспользовавшись отсутствием Паулина с главными силами, восставшие разгромили целый римский легион, разрушили римские опорные базы в Камуллунде, Веруламии и Лондини. Погибло до 80 тысяч римских поселенцев и торговцев с женами и детьми. В ответ, собрав резервы, Паулин заманивает восставших в ущелье и наносит им жестокое поражение. Теперь уже римляне перебили до 80 тысяч бриттов, Боудикка приняла яд. Господство в стране было укреплено, но еще десять лет Британия находилась в состоянии брожения.

Восстание Юлия Виндекса и сотрясение провинций

Антиримское движение в провинциях нарастало. Весной 68 г. вспыхнуло восстание в Галлии. Во главе самых крупных племен оказался императорский легат Лугдунской Галлии Гай Юлий Виндекс. Будучи галлом по происхождению, он установил связи с местным населением и очень быстро собрал вокруг себя около 100 тысяч человек. Виндекс заявил, что его единственной целью является освобождение Римского государства от тирана.

Нерон в военном деле был полным профаном и мало им интересовался; солдаты полевых легионов завидовали преторианцам, шеголявшим золочеными панцирями и полированными шлемами с пышными плюмажами на столичных парадах; наместники провинции были взбудоражены слухами, что Нерон грозит устроить им генеральную чистку и подослать убийц. Поэтому скоро примеру Виндекса последовали легаты Испании *Гальба* и *Отон*, проконсул Африки Клодий Макр.

Правда, командующий германскими легионами Вергиний Руф выступил против галльского движения и разбил Виндекса, потерявшего 20 тысяч человек и затем покончившего с собой. Но войска потребовали, чтобы он провозгласил себя императором. Однако Руф отказался, потому что не принадлежал к старому аристократическому роду, и напрасно — «лед тронулся».

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ» ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 68—69 гг. — «БИТВА В ПУТИ»

Внутриполитический кризис Империи, вызванный восстаниями *Виндекса* и *Юлия Цивилиса*, поднявшего на борьбу с Римом племена батавов и бруктеров, потряс всю страну от Рима до окраин. Вновь вспыхнула ожесточенная гражданская война за владычество. Война, которая втянула в свои жернова не только правящую знать или преторианцев, но и сотни тысяч жителей всех уголков Империи. Как писал Тацит, за два года (68—69 гг.) «была обнаружена тайна императорской власти, что принцепсом можно сделаться не только в Риме, но и в другом месте».

К 60-м годам I в. в разбросанной по границам римской армии сложились три устойчивые группировки, ядром которых были легионеры из римских граждан провинциального происхождения: Рейнская, Восточная и Дунайская. В каждой из них утвердились свои кастовые традиции, каждой было чуждо почтение к римской республиканской старине, а посему каждая из них стремилась выдвинуть в императоры своего военачальника.

Первым поддержал восстание Виндекса наместник Испании престарелый Сервий Сульпиций Гальба. После его крушения Гальба обратился к *Виргинию Руфу* с предложением объединиться, однако последний передал свои легионы в распоряжение «Сената и народа». В Риме подстрекаемые *префектом претория* *Нимфидием Сабин*ом когорты преторианцев, которым *Нимфидий* посулил по семь с половиной тысяч денариев каждому, охотно поддержали наместника Испании. Аристократическое происхождение Сульпиция Гальбы явилось главной причиной его спорого признания Сенатом. Путь в Рим Гальбы был залит кровью. По его приказу убили наместника Африки *Клодия Макра*.

Ничего не зная о проделках *Нимфидия*, Гальба назначил нового префекта претория, а по прибытию в Рим казнил приспешников *Нимфидия*, с которым уже расправились солдаты. Одна-

ко прямолинейный Гальба сразу совершил несколько ошибок: большинство приближенных Нерона были убиты без всякого суда, а конфискованные у них богатства очутились в руках фаворитов Гальбы, которые неслыханно обогатились. Но важнее всего то, что Гальба не сумел поладить ни с преторианцами, которым он не выдал обещанных наград, ни с провинциальными войсками, также не получившими вознаграждения за подавление восстания Виндекса. Кроме того, своим преемником и наследником Гальба назначил молодого аристократа Пизона Лициниана, которого спешно вернули из ссылки, где он очутился по закону «Об оскорблении величия» при Нероне. 72-летнему Гальбе удалось удержать власть всего семь месяцев.

Марк Сальвий Отон, наместник Лузитании и бывший супруг Паппеи Сабины, обиженный тем, что не был усыновлен, подкупает преторианцев, и они провозглашают его императором 15 января 69 г. Гальба и Пизон были убиты. За время своего трехмесячного правления Отон успел лишь осыпать милостями преторианцев и римский плебс. Его поддержали Дунайские войска и Восточные провинции.

Однако угроза надвигалась с Севера. Германские легионы с самого начала отказали Отону в повиновении и выдвинули императора из своей среды — легата Авла Вителлия. Он принадлежал к сословию всадников и являлся одним из самых угодливых прирожденных льстецов при дворах четырех императоров: был любимцем Тиберия, ходил в милости у Калигулы за пристрастие к скачкам, привечался Клавдием за любовь к азартным играм, а при Нероне обнаружил недюжинные способности к распоряжению состязанием кифаредов. Но войска были на его стороне. Вся Рейнская армия, оставив границу, двумя колоннами двинулась на Рим — одна под командованием Авла Цецины перешла Сен-Бернарский перевал, другая, возглавляемая Фабием Валентом, перевалила через Альпы. Вскоре они объединились. Отон бросил на север все имевшиеся силы и, не дожидаясь подкрепления, решил дать сражение.

Решающая битва состоялась у Бедриака, недалеко от Кремоны, 14 апреля 69 г. Началась она с замешательства: кто-то пустил слух, что полководцы Вителлия переходят на сторону Отона, что вылилось в ликование легионов императора и расстроило их ряды. В ходе разгоревшейся битвы постыдным образом проявили себя преторианцы, бежавшие с поля сражения. После того как военный совет командиров высказался за прекращение во-

енных действий, Отон, бросившись на меч, окончил жизнь самоубийством, чтобы прекратить кровавые столкновения между римскими войсками. Плутарх сообщает, что лагерь тогда наполнился рыданиями, «а несколько человек, поднеся факелы к костру, покончили с собой, хотя, сколько было известно, никаких особых милостей от умершего не получали». Рим и Сенат встретили известие о смене властителя аплодисментами, ему был присвоен титул императора, Цезаря и Августа. По прибытию в Рим Вителлий набрал новых преторианцев, увеличив их численность до 16 когорт, назначил консулами Цецину и Валента, побежденные легионы разослал по провинциям. Единственное, чем он успел прославиться, — своим обжорством и расточительностью. Дисциплина в войсках упала, и солдаты занялись мародерством.

Тем временем префект Египта Тиберий Александр и легат Сирии Лициний Муциан провозгласили в Александрии императором командующего армией в Иудее *Тита Флавия Веспасиана*. В течение нескольких дней ему присягнула вся Азия, соседние провинции и зависимые от Рима царства, а затем и Дунайские легионы. Веспасиан отправился в Александрию, чтобы воспрепятствовать экспорту египетского хлеба в Италию и взять Вителлия измором. Дунайские легионы под руководством Антония Прима двинулись в Италию. Сам Вителлий не в состоянии был руководить операциями, Валент был болен, а Цецина цинично уговаривал воинов присягнуть Веспасиану. Возмущенные солдаты заковали Цецину в кандалы, выбрали новых командующих и вышли навстречу Антонию Приму.

Около Кремоны, недалеко от того места, где был разбит Отон, произошла новая битва. Со стороны вителлианцев было много солдат, но ни одного полководца. Им пришлось отступить к Кремоне. Блестящее руководство Антония и хорошая подготовка легионов, а также обещание отдать город (в Италии!) на разграбление солдат возымели успех. Крепость пала. Четыре дня в городе не стихала вакханалия резни и грабежа, после чего он был сожжен дотла.

Светоний утверждает, что Вителлий в обмен на отречение от власти выторговал себе у префекта Рима 25 млн денариев и тут же сложил с себя полномочия римского императора. Но оставшиеся в Риме германские когорты грозили уничтожить всякого, кто выступит против Вителлия. Их гнев обрушился на старшего брата Веспасиана Флавия Сабина, который поспешил принять

отречение Вителлия. Флавий с частью солдат укрылся на Капитолийском холме за стеной храма Юпитера. Ночью, несмотря на круговую охрану, он умудрился провести к себе детей и отправить гонца к Антонию. Так как штурмовать склоны холма было сложно, солдаты подожгли храмовые ворота главной святыни Рима. Пламя охватило портики, деревянные конструкции, кровлю, и священный храм сгорел. Флавий Сабин был схвачен, закован и доставлен к Вителлию, который, однако, не решился отдать приказ о его казни. Тогда солдаты сами отрубили голову несчастному. В тот же день Рим был атакован войсками Антония Прима. Вителлий, покрытый бесчисленными ранами, пал на ступени лестницы Гемония, откуда был только один путь — в Тибр.

Гражданская война 68—69 гг. выявила серьезный политический кризис Империи. Она показала неполноту ее социальной базы, когда при Юлиях—Клавдиях упор делался только на римско-италийскую знать, а провинции рассматривались по традиции как неравноправные Италии части Империи. Наступило время, когда римские граждане, жившие в провинциях, и армейские части, укомплектованные в основном провинциалами, заявили свои права на участие в политической жизни.

Иудейская война: падение Иерусалима

После смерти в 44 г. царя Ирода Агриппы Иудея вошла в состав римской провинции Сирия. Она управлялась римскими прокураторами, которые по мере сил считались с религиозными традициями иудеев. Так, например, иудеи были освобождены от военной службы и не участвовали в отправлении культа императора. Высшее религиозно-политическое учреждение, синедрион, сохранял свое значение, а в Иерусалимском храме шли богослужения. Правда, население жило под двойным гнетом: римских завоевателей, облагавших евреев непомерными налогами, и собственной жреческой верхушки, внутри которой шла постоянная грызня за власть.

Римляне опирались на сторонников династии Ирода саддукеев — крупных землевладельцев, искавших союза с любой властью. В религиозных делах саддукеи отрицали загробную жизнь души и предопределенность человеческой судьбы. Симпатиями зажиточных слоев городского населения пользовались фарисеи — «толкователи законов» Торы, ревнители строгого со-

блюдения религиозных ритуалов и запретов; они признавали бессмертие души и роль судьбы в жизни человека. Фарисеи на дух не переносили саддукеев и настороженно присматривались к чужеземным властителям. И к тем и к другим отрицательно относились массы крестьян, поддерживавших воинствующую группировку zelотов — «ревнителей свободы» — и ее террористическое крыло сикариев («кинжальщиков»). Среди zelотов была распространена вера в царя-освободителя, посланника бога Яхве. Они решительно выступали против римского господства.

В 66 г. в Иудее вспыхнуло восстание, переросшее в Иудейскую войну 66—70-х годов. При прокураторе Иудеи Гессии Флоре было совершенно много злоупотреблений; он дошел до того, что ввел в Иерусалим солдат и отдал им на разграбление часть города. Произошли кровавые столкновения, на помощь Флору в Иерусалим прибыл сам наместник Сирии Цестий Галл. Он пытался осадить храм Соломона, превращенный в крепость, но затем обратился в бегство. Фарисеи как сторонники Рима были вытеснены из города. Часть из них бежала в Галилею, и направила в среду восставших своего представителя — «книжника».

Галилея стала вторым центром восстания. Здесь господствовали zelоты. Особое рвение проявил человек по имени Иосиф. Он организовал сопротивление римлянам, особенно при обороне опорной базы повстанцев Иотапаты. В это время командование римскими войсками числом в 60 тысяч было уже в руках *Веспасиана*. Вскоре укрепление иудеев пало, а Иосиф был взят в плен. Он сообщил Веспасиану о мессианских ожиданиях своего народа и пообещал ему власть. Получив от Веспасиана свободу, Иосиф помогал ему в подавлении восстания и заслужил римское гражданство. Позже он стал именоваться Иосифом Флавием, был историографом иудейской войны и автором «Иудейских древностей».

Пока в Риме шла гражданская война, а Веспасиан пробирался к императорскому венцу, повстанцы в Иудее собрали новые силы. Главным бастионом восставших стал Иерусалим. Город с 600-тысячным населением располагался среди ущелий и оврагов, был окружен двойным кольцом стен со 164 башнями. Zelоты и сикарии провели реформы, предоставив свободу рабам и избрав первосвященника по жребию, превратили храм в крепость и организовали оборону.

Сын Веспасиана *Тит*, сменивший отца в качестве полководца, подступил к стенам города с огромной армией из четырех

легионов и 20 вспомогательных когорт. В августе 70 г. начался штурм Иерусалима. Повторились страшные дни падения Карфагена. Сначала римлянами был захвачен Старый город, затем Средний с дворцом Царя Ирода и, наконец, разрушен храм Соломона, стоявший на горе Сион, — главная святыня иудеев. От него до нашего времени сохранилась лишь «Стена плача», у которой правоверные иудеи и ныне совершают свои молитвы.

«Тогда они добровольно бросались на мечи римлян, иные убивали друг друга, другие убивали себя сами, третьи прыгали в пламя. И для всех это, казалось, означало не гибель, а скорее победу, спасение и благо умереть вместе с храмом», — так описал это событие Дион Кассий. Бóльшая часть населения города погибла в уличных боях, немногие защитники были взяты в плен и отправлены на египетские рудники или проданы в рабство, либо сделаны гладиаторами на потеху праздной толпе. Число попавших в плен Иосиф Флавий оценивает в 97 тысяч человек.

Иудея была обращена в особую пропреторскую военную провинцию. Летом 71 г. Тит был награжден блестящим триумфом. На воздвигнутой позже Домицианом арке Тита изображены солдаты, несущие на Капитолий знаменитые святыни иерусалимского храма — золотой жертвенник, золотой семисвечник, громадные трубы. «Покорение Иудеи» было прославлено на римских монетах.

ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ: ИМПЕРИЯ ПО НАСЛЕДСТВУ

Мощный внутривластный кризис 68—69 гг. привел к власти в Римской империи новую династию — Флавиев, представителями которой были Веспасиан (69—79) и два его сына, — Тит (79—81) и Домициан (81—96). Главной задачей их правления было упорядочить реальное социально-экономическое и политическое состояние Империи. Принцепсы предыдущей династии Юлиев—Клавдиев по происхождению принадлежали к верхушке римской знати и действовали в ее интересах, продолжая традиции Римской республики. Теперь же вместе с торжеством провинциальных армий, на первый план выдвинулись и провинциалы, а Римская империя все больше стала превращаться в подлинную монархию, опорой которой служили людские ресурсы всех земель.

Прижимистый Веспасиан

Мало кому известный прежде род Флавиев вышел из средних кругов италийского общества. Отец Веспасиана был сборщиком налогов, а дед крестьянином. Веспасиан медленно продвигался по ступеням государственной службы. Он был войсковым трибуном, квестором, эдилом, претором. Командовал легионом в Германии и Британии, как проконсул получил в управление Африку, затем он принял войска в Иудее, взяв с собой в качестве легата сына Тита. Придя к власти, Веспасиан так же как и Август, должен был ликвидировать наследие гражданской войны и навести порядок во всех сферах государственной жизни.

Прежде всего он укрепил собственную власть, издав постановление «О верховной власти». Приняв на себя *цензуру*, он провел чистку Сената и всадничества. В Сенат были введены отличившиеся знатные италийцы и богатые провинциалы с Запада. Это была часть политики новой династии по отношению к жителям провинций. Веспасиан даровал права римского гражданства целым муниципиям, а римского и латинского гражданства — жителям западных романизованных провинций, в частности Испании. Он обуздал солдатское своеволие и набрал новую преторианскую гвардию численностью в 10 тыс. человек. По всей Империи начался новый период строительства и восстановления разрушенного, например, колоссального амфитеатра Флавиев. К началу правления государственная казна была пуста, поэтому большое внимание Веспасиан уделял финансам, проявляя, с одной стороны, экономию, а с другой — изворотливость в области взыскания новых налогов, которыми были обложены даже кладбища и отхожие места. В ответ на возмущение Тита, он говорит, поднес к его носу горсть монет и спросил: «Разве они пахнут?». Отсюда и пошла крылатая фраза «Деньги не пахнут».

Поставленные перед собой задачи принцепс к вящей славе успешно разрешил. После «смутного времени» он оказался для страны подходящим правителем, с осознанным чувством долга: «принцепс должен умереть стоя». Кроме понимания своих задач принцепса, у Веспасиана была решимость сохранить принципат в руках собственной семьи; он заявлял, что ему наследуют либо сыновья, либо вообще никто. И действительно, в 79 г. принципат принял его старший сын, 39-летний Тит Флавий Веспасиан.

Постановление о верховной власти

Император Веспасиан в отличие от высокомерных Юлиев—Клавдиев старался править в согласии с Сенатом. До нас дошла в виде эпиграфа заключительная часть закона от 22 декабря 69 г. о наделении Веспасиана особыми полномочиями. Устанавливалось, что император получает те же права, что и его предшественники. Для каждого обязательно выполнение всех его распоряжений, которые могут отменять только действовавшие прежде законы.

Если Август делал вид, что республиканские нормы приостановлены временно, то Веспасиан легализовал принципат. Однако впервые расширенные prerogative были закреплены законодательным актом, а не узурпированы. Подчеркнуть силу принципата Веспасиану удалось тем, что он сделал фактическим соправителем своего сына Тита.

Сам Веспасиан почти ежегодно избирался консулом, он обладал титулами Августа и Великого понтифика. Тит был провозглашен императором, получил трибунскую и проконсульскую власти, вместе с отцом он провел цензуру, был префектом преторианской гвардии. Благодаря всему этому, власть Флавиев достигла полноты без опасения быть утраченной.

Тит и Домициан — разные судьбы

В отличие от отца Тит получил хорошее воспитание, вырос вместе с сыном Клавдия Британиком, лямку военной службы тянул честно в Британии и Германии, где делил кров с *Плинием Старшим*, который позже посвятил ему свою «Естественную историю». Тит (второй после Тиберия император, вошедший в историю под личным именем) пользовался заслуженной популярностью в войсках, блистал во всех видах спорта, в декламации и пении. Этот атлетически сложенный высокий красавец с одухотворенным лицом и сдержано благородными повадками мог экспромтом сочинять стихи и на спор подделывать любой почерк. Всеобщее признание он получил за подавление Иудейского восстания. Правда, оттуда он привез иудейскую царицу Беренику и чуть было не сделал ее своей женой. Его правление, к несчастью, омрачилось цепью катастроф: извержением Везувия и большим пожаром в Риме. Скоропостижная смерть Тита летом 81 г. прервала на взлете успешные начинания энергичного правителя.

Премственность политики Флавиев продолжил Тит Флавий Домициан. Родившийся в 51 г., Домициан вырос не в такой бла-

гоприятной обстановке, как его старший (на 12 лет) брат. Отец был в немилости, а мать рано умерла. Детство и раннюю молодость провел он в нищете, в их доме не было ни одного серебряного сосуда. В 18 лет Домициан оказался рядом со своим дядей на горящем Капитолии, и спасся чудом, переодевшись жрецом Исиды. Впоследствии он почитал Юпитера-стража и был убежден, что его жизнь предназначена для великих свершений и поэтому охраняется богами. Но ему не хватало опытности в делах военных и административных.

Император Веспасиан не любил своего младшего сына и держал его вдали от серьезных государственных дел. Это развило в юноше скрытность и подозрительность. Дошедшие до нас портреты Домициана раскрывают характер человека жестокого и недоверчивого; современники о нем говорили: «На лице — высокомерие, в глазах — внезапный гнев».

Стиль его управления был неровным, ибо достоинства и пороки смешивались в нем в равных долях: вероятно, жадным его сделала бедность, а жестоким — страх. В портиках, где он обычно гулял, Домициан приказал отделать стены белым полупрозрачным мрамором, чтобы видеть по отражению все, что делается за его спиной. В юности Домициан слыл человеком скромным, увлеченным любителем поэзии, его литературный вкус хвалил *Плиний Старший*. За годы своего правления Домициан восстановил множество построек, сгоревших в пожаре, в том числе и Капитолий. Новыми его сооружениями стали храм Юпитера, стадион, одеон (здание для музыкальных состязаний), пруд для морских битв. Им были основаны Капитолийские игры, на которых проходили литературные состязания на греческом и латинском языках.

Вопреки интересам Сената он стремился к неограниченной власти, претендуя на то, чтобы стать богом, что шло вопреки старым добрым римским обычаям. Дом, где он родился, на Гранатовой улице в шестом квартале Рима, был им потом обращен в храм рода Флавиев. Став императором, он открыто пошел по пути усиления монархической власти и даже требовал, чтобы его называли «владыкой» (*dominus*). Следуя по стопам отца и брата, он накапливал титулы, постоянно возобновляя свои консульства и трибунские полномочия. С 84 г. он возложил на себя пожизненно обязанность *цензора*, ведь отец также использовал эту старинную магистратуру для «чисток» и пополнения состава Сената.

Сенат относился враждебно к стилю его правления и пристрастию к конфискациям за неуплату налогов имущества сенаторов. Все важные вопросы Домициан решал на созданном при нем совете, который состоял из сенаторов по его выбору, представителей всаднического сословия и префектов претория. Большое внимание он уделял аграрным вопросам: запретил расширять виноградные посадки в провинциях, чтобы поддержать италийских виноделов; по поводу возвращенных в казну общественных земель в колониях он издал указ о безвозмездном даровании этих земель владеющим им лицам.

Во внешней политике Домициан следовал заветам отца. Конечной целью ее являлись не столько завоевания, сколько укрепление границ. Например, в Британии полководец Агрикола (тесть *Тацита*) проник в Шотландию и строил планы вторжения в Ирландию, но Домициан его отозвал, и скорее всего, не по личным причинам. По случаю победы над одним из германских племен Домициан принял прозвище Германика и переименовал месяцы сентябрь (время рождения) и октябрь (восшествие на престол) в Германик и Домициан. По всем кварталам Рима возводились бесчисленные ворота и арки, украшенные колесницами и триумфальными отличиями, так что на одной даже появилась сделанная кем-то из горожан надпись: «Довольно!». Для одновременного ведения боевых действий у Империи не хватало ни военного потенциала, ни финансовых возможностей. Неудачное завершение Дакийской войны с Децебалом и восстание наместника верхнегерманских легионов осложнили отношения Домициана с политической элитой. Крутой и властный характер, энергичная борьба с оппозицией, сделали императора весьма непопулярным среди высшего римского общества. Более того, Домициан был недоверчив, ему повсюду мерещились враги. Последние годы правления Домициана были омрачены рядом судебных процессов. Из Италии высылали философов, начались процессы «об оскорблении величия», казни и конфискации имущества. Домициан казнил даже своих двоюродных братьев.

Но погиб Домициан от рук не собственно враждебных сенаторов, а представителей ближайшего окружения; в заговоре была замешана императрица Домиция, *префекты претория* и несколько сенаторов, которые сговорились вручить бразды правления Кокцею Нерве. Домициан был заколот в собственной спальне. Пророческими стали слова Домициана, что правите-

лям живется хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, покуда их не убьют. Сенат предал проклятию память о нем, а преторианцы хотели добиться его обожествления. При Домициане стало ясно, что принципат неизбежно ведет к абсолютной власти принцепса и к лишению власти Сената. Но со своим пожизненным цензорством Домициан поспешил, и это привело к кризису. Последующие римские принцепсы извлекли из этого урок. Со смертью Домициана пресеклась династия Флавиев, так славно начинавшаяся.

Строительство Колизея

Веспасиан энергично занимался восстановлением разрушенных строений Рима — в первую очередь, сожженного Капитолия, храмов Юпитера и Весты. На территории «Золотого дома» Нерона, который разнесли по камню, было начато строительство известнейшего сооружения эпохи Флавиев, которое в Средние века называли Колизеем, — амфитеатра Флавиев. Он был построен в низине между Палатином, Целием и Эсквилином, где Нероном был вырыт искусственный пруд, к тому времени осушенный. Постройку его начал Веспасиан в 72 г., его сын Тит достроил третий и четвертый этажи. Окружность Колизея составляла 524 м, а высота стен достигала 50 м. Над последним третьим ярусом аркад поднималась сплошная стена четвертого этажа, расчлененная колоннами на сектора с четырехугольными окнами.

Зрители выходили из-под арок нижнего этажа и поднимались к своим местам по лестницам. Вокруг арены шел забор, защищавший зрителей от зверей. За ареной находился узкий проход, над которым был устроен подиум — широкая платформа, поднимавшаяся на четыре метра над ареной. Здесь в мраморных креслах восседали особо почетные зрители. Дальше шли ряды трехъярусных каменных скамеек, облицованных мрамором, на которых сидело большинство зрителей. А самые верхние места отводились женщинам. Тит отпраздновал открытие амфитеатра в 80 г. гладиаторскими играми, длившимися 100 дней. За уничтожением 50 тысяч диких зверей с трибун могли наблюдать тоже 50 тысяч человек.

Дакийский бастион — первый штурм

Много внимания император Домициан уделял налаживанию дел в провинциях и постоянно заботился об укреплении и расширении границ Империи. Чувствуя подспудное недовольство знати, Домициан старался завоевать симпатии армии. Правда, сам он в походах редко ездил на коне, с тяжелым оружием и вов-

се не имел дела, но любил баловаться стрельбой из лука. В своем поместье он не раз поражал стрелами по сотне разных зверей. А иногда в качестве цели со свойственной ему жестокостью ставил мальчика с раздвинутыми пальцами ладони; но стрелы его летели так метко, что пролетали между пальцами, не задев их. Домициан окружил себя военными и вчетверо увеличил жалование солдатам, для чего под разными предлогами конфисковал имущество богачей. Не случайно возглавляемая им армия, блестяще сражаясь с противником, одерживала победы.

В начале 80-х годов I в. Домициан начал подготовку к войне с мощным племенным союзом даков (совр. Румыния) и сосредоточил крупные силы в придунайской провинции Мёзии. Однако даки еще при царе Дурпанее, упредив императора, переправились через замерзший Дунай со своими союзниками — бастарнами и сарматами — и захватили большую часть названной провинции. В битве пал наместник Мёзии Гай Оппий Сабин. Поражение императорских войск было настолько серьезным, что Домициан покинул Рим и лично поспешил в Мёзию. Он не решился взять на себя руководство военными действиями, а поручил это Корнелию Фуску, командовавшему преторианцами. С большим трудом удалось освободить захваченную часть Мёзии, после чего Корнелий Фуск во главе отборных когорт легионеров и вексилляций ауксилиариев перешел Дунай и вторгся во владения даков. Но при первом серьезном столкновении где-то в карпатских теснинах даки наголову разгромили прославленный V легион «Жаворонки» (*Alaudae*): в битве пал сам Корнелий Фуск, а римский лагерь с боевыми машинами был захвачен. В руки варваров попал легионный знак — «священный серебряный орел» V легиона «Жаворонки», что считалось величайшим позором и несчастьем для Рима. Царь даков Децебал на этот раз не успел полностью воспользоваться победой: мешала своим неповиновением знать.

Вскоре, в 88 г., началась вторая война римлян против даков. Император, как и ранее, не руководил военными действиями. Высшее командование он поручил Теттию Юлиану, который решительно изменил тактику войны против даков и перешел Дунай. При Тапах (у дунайских Железных Ворот), на подходе к столице Децебала, римляне одержали решительную победу. Среди сражавшихся был и Визина, второе по значению лицо среди знати даков. Прикинувшись мертвым, ночью он ускользнул с поля битвы. Чтобы римляне не ворвались в царскую став-

ку, Децебал якобы приказал срубить все деревья вокруг нее и нахлобучить на них доспехи, как будто это солдаты. Данная хитрость, возможно, остановила дальнейшее продвижение римлян. Но основную роль сыграла, конечно, победа восставшего соседнего племени язигов над самим императором: целый легион был окружен и полностью перебит.

В это время Децебал запросил мира. В Рим прибыл брат царя даков Диэгис, который привез захваченное у римлян оружие и пленных. Пав на колени перед Домицианом, он получил из рук императора корону, таким образом признав зависимость от Римского государства. Как своему клиенту римляне предоставили Децебалу мастеров, искусных в различных военных и мирных ремеслах, поднесли царю богатые дары, а также посулили ежегодные денежные субсидии. Децебал же обязывался не вести военных действий против соседей и предоставлять римской армии свободный проход через свою территорию для проведения экспедиций против других племен. Это было унижением гордых даков, но зато царь сохранил в целостности свой народ и войско.

Самоуправная политика Домициана, купившего мир столь дорогой ценой — уплатой ежегодной дани ничтожному варвару, вызывала глухую ненависть знати, которая глумилась над «малодушием» императора, согласившегося на такие позорные уступки. Однако Риму, как воздух, нужна была передышка. Император сам руководил двумя военными кампаниями на Рейне. Здесь было положено начало созданию укрепленной пограничной полосы — *лимеса* (граница, рубеж).

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» АНТОНИНОВ

С избранием сенаторами после убийства Домициана престарелого Марка Кокцея Нервы началось правление самой прославленной римской династии — Антонинов, при которой Римская империя достигла пика своего социально-экономического, политического и культурного развития. Это время считается «золотым веком» Империи. О нем восторженно писал Элий Аристид: «Теперь пределы вашей державы широко раздвинулись, и нельзя измерить то, что они обнимают. Все подчинено вам: все города, народы, гавани, местности, кроме разве тех из них, которые вы признали негодными, чем вы пренебрегли как бесполезным. И Красное море, и водопады Нила, и Меотидское озеро, о которых прежде говорили как о пределах земли, теперь

для вашего города как бы забор для двора. Столь велика и пространна ваша держава».

Впрочем, сам термин «династия Антонинов» весьма условен: так принято называть сменявших друг друга шестерых римских императоров: Нерву (96—98), Траяна (98—117), Адриана (117—138), Антонина Пия (138—161), Марка Аврелия (161—180) и Коммода (180—192). Только двое последних состояли в родстве; все остальные усыновлялись своими предшественниками, т.е. юридически принимались в род усыновителя. Такой порядок управления оказался на редкость эффективным в отличие от наследственной неразберихи в семьях Юлиев и Клавдиев, когда преемник подбирался из негодных сородичей. При Антонинах же усыновленные преемники происходили из наиболее достойных лиц в окружении императора, назначались соправителями по своим деловым качествам.

Свое имя Антонины получили от Антонина Пия («Благочестивого»). За исключением Нервы, все остальные были выходцами из провинциальной знати. Новое поколение принцепсов, прекрасных организаторов и администраторов, высказывало лояльность и корректность по отношению к Сенату. На деле они вступили на путь авторитаризма, сосредоточив в своих руках все нити управления. Свои мероприятия в области внешней и внутренней политики императоры проводили теперь в интересах господствующего класса всей Империи, а не только Рима и Италии. При Антонинах границы между отдельными провинциями были уничтожены, виды и достоинство монет унифицированы, были созданы условия для тесных экономических и культурных связей между различными областями Империи.

Это была огромная страна, на территории которой в наше время существует 30 государств. В ее состав вошли большая часть Западной, Южной и Юго-Восточной Европы, Северная Африка, Восточное Средиземноморье до Армении и реки Евфрат. Таким образом, Империя состояла из Италии и системы римских провинций. Город Рим превратился в религиозный и культурный центр римского мира, здесь была сосредоточена наиболее богатая, образованная и культурная часть господствующего класса. Он стал первым в истории мегаполисом, в котором проживало от 1 до 1,5 млн человек. Столичный город, Рим жил за счет провинций. Как и вся Италия, он находился в привилегированном положении, это была колыбель имперского могущества. Здесь проживали и управляли огромной страной

Сенат и принцепс. Здесь квартировали регулярные войска, а все жители Италии пользовались высшими гражданскими правами (италийское право) и оводобождались от прямых налогов.

Житницей всей Империи стал Египет, его хлебом кормился Рим. Вся италийская знать пила тонкие греческие вина и пользовалась высококачественным испанским оливковым маслом, заказывала галльские бронзовые фибулы и сирийские пурпурные ткани. Внутри провинций и между ними устанавливались теснейшие торговые связи. Италийские купцы, устремлялись в Испанию и Сирию, Египет и Мавретанию, в Дакию и Фракию, обживали Британию. В одном только Риме археологами в Монте Тестаччо (холме из обломков керамики) найдено 40 млн амфор, вывезенных на свалку за столетие. И это только в Риме, а если учесть вывоз масла в другие города Италии, Галлию, Африку... Общему размаху торговли способствовало совершенствование меняльного дела и кредитных отношений: теперь не надо было иметь при себе наличные деньги; торговец оставлял их у менял своего города и получал в обмен свидетельство, по которому ему выдавали соответствующую сумму в другом месте.

Возрастают объемы внешней торговли с окружающими странами и народами. Снабженные тремя мачтами и парусами, корабли, водоизмещением до 500 тонн и вмещавшие до 600 пассажиров, совершали переходы довольно быстро: от Нарбоны до Остии за три дня, от Путеол до Александрии за семь дней и т.д. Далее по непрерывно строившимся широким и гладким дорогам, оснащенным постоянными дворами, товары расходились по городам и селам. Через Карнунт пролегла знаменитая Янтарная дорога к далекому Балтийскому побережью; морским и сухопутным путем прибывали товары в Северное Причерноморье и через Ольвию, Тиру, Херсонес и Боспор растекались по степям и лесистым просторам Восточной Европы. Одна из ветвей Шелкового пути через Северное Закавказье соединяла Средиземноморье со странами Восточной Азии. При торговых расчетах особо ценился римский золотой ауреус, но наиболее распространенной монетой оставался серебряный денарий. Обнаруженные археологами многочисленные клады римских монет свидетельствуют об интенсивной торговле с племенами как внутри Империи, так и за ее пределами.

Рост и многообразие италийских и провинциальных товаров полностью зависели от обеспечения сырьевой базой. Единое государство давало возможность широко разрабатывать серебря-

ные и медные рудники Испании, залежи оловянных руд Галлии, Британии и Лузитании, железные месторождения Норика, Далмации и Каппадокии, золотые прииски Дакии. Это способствовало процветанию различных ремесел и появлению новых, например, стеклодувного дела и производства обожженного кирпича. Для II в. особо характерен подъем провинциального ремесла, удовлетворявшего местные потребности. Провинциальные города стали экспортировать изделия своих мастеров в другие провинции и даже в Италию. Особенно преуспели галльские города; они распространяли льняные и шерстяные плащи, славилась их парадная керамика (*terra sigillata*), вытеснившая италийскую. Сирийские украшения и пурпурные ткани ценились на всем Средиземноморье.

В I—II в. невиданный подъем отмечается в сельском хозяйстве. Распространяются крупные и средние рабовладельческие владения — латифундии. Мелкие землевладельцы все больше обращались в *колонов*. Латифундии начали поглощать не только крестьянские участки, но и средние имения, охватывая уголья по несколько тысяч югеров. Обрабатывались эти огромные владения или рабами, руководимыми из одного центра, который назывался виллой (в Галлии и Испании), или же колонами, которые арендовали небольшие участки земли у латифундиста (Италия и Африка). Однако мелкое землевладение по-прежнему играло большую роль в северных и придунайских провинциях Империи (Паннония, Дакия, Мёзия, Фракия, Далмация). В этот период изменилась структура посевных площадей, начали в товарных масштабах выращивать виноград, культивировать плодовые и оливковые деревья. Найденные в Африке маслодавилини занимали площади в несколько сотен квадратных метров. Вводятся новые сорта зерновых и кормовых культур, осваиваются удобрения. Так создавались условия для установления экономических и культурных связей между различными областями Империи, для максимально возможного ее расцвета.

Траян и покорение Дакии. Последний рывок Империи

По описанию историка Тацита, правление Траяна вспоминалось годами редкого счастья, когда каждый мог думать, что хочет, и говорить, что думает, а Сенат награждал императора титулом «Наилучший принцепс». **Марк Ульпий Траян (98—117)**

был уроженцем испанского городка Италики и ранее занимал должность наместника Верхней Германии. Опытный полководец, разумный и энергичный государственный деятель, Траян пользовался исключительным авторитетом и в армии. Принцепс обладал огромной физической силой и безмерной выносливостью, любил продирается сквозь лесные дебри, взбираться на горы, плавать в бурных волнах моря. Траян великолепно владел оружием, честно пройдя все ступеньки военной карьеры, он стойко переносил все тяготы походной жизни, обходясь немудреной пищей воина — салом, творогом и напитком «поска» (смесь воды, уксуса и взбитых яиц). В походах Траян всегда выступал впереди войска. Вручая меч новому префекту преторианцев, Траян напутствовал его: «Пользуйся им за меня, если я буду управлять хорошо, против меня — если я буду управлять плохо».

Внешняя политика Траяна была ознаменована последним мощным натиском Рима на варварский мир, выходом Империи за Дунай, что разрывало принципы Августа устанавливать границы по крупным рекам. Что двигало Траяном? Развал финансов Империи, подточенных безмерным расточительством принцепсов предшествующего столетия, стремление возродить воинский дух римского общества и армии, подорванный неслыханным унижением позорного мира Домициана с даками и потерей «священных орлов» победоносных легионов, попытка прикрыть задунайскими землями северо-восточные фланги Империи, уязвимые для проникновения орд германцев, или что-то иное? Как бы то ни было, римское общество жаждало решительных перемен, чтобы, по выражению Аннея Флора, «старость Империи зазеленела возвращенной юностью». Кроме того, завоевания сопровождалась богатой военной добычей, увеличением доходов казначейства и необходимым для решения проблем с рабочей силой притоком рабов. На вновь приобретенные территории можно было выводить колонистов и таким образом смягчить хозяйственный кризис в Италии.

Став императором, Траян, не заезжая в Рим, отправился на Дунай, чтобы собрать силы для усмирения непокорных даков. Почти год пробыл он здесь, надзирая за строительством крепостей, мостов, дорог и судоходного канала. Девять дунайских легионов были пополнены свежими войсками, вызванными из Германии и с Востока, набраны два новых легиона. Всего против даков было сосредоточено до 14 легионов, преторианские

когорты, 24 конные алы и конница из мавретанских берберов и испанских астугов. Вместе со вспомогательными отрядами римская армия достигала 200 тысяч человек. Противостояли им мужество и стойкость свободолюбивых даков и воинская доблесть их талантливой вождя Децебала. Энергичный правитель, искусный полководец Децебал противопоставил военной машине римлян военные хитрости, засады и партизанские вылазки.

Наконец, весной 101 г., разделившись на две колонны, римляне выступили из Виминация. Армия под командованием Траяна перешла Дунай по мосту, составленному из понтонных судов у Ледераты (совр. Паланка); вторая армия форсировала реку у Диерны (совр. Оршова). Обе колонны должны были соединиться у Тибиска и выйти к Тапам (совр. Дева), откуда через ущелья направиться высоко в горы, к столице даков Сармизегетузе. Вскоре произошло сражение у Тап. Перед началом боя римляне услышали звуки изогнутых труб даков и увидели их военные значки — огромных драконов с волчьими головами. Одно из союзных дакам племен — буры прислало Траяну большой гриб, «говоривший латинскими буквами», предлагая римлянам отступить, заключив мир. Но это своеобразное письмо не остановило Траяна, и сражение началось. Оно было столь кровопролитным, что в римской армии не хватало перевязочных средств, и император распорядился разорвать на бинты собственные одежды. Положение было сложным для обеих сторон. Поэтому после приема посольства даков, наступление римлян было приостановлено.

После короткой передышки летом 102 г. римляне предприняли новую экспедицию и начали продвижение к столице Децебала Сармизегетузе через проходы в Южных Карпатах. Даки медленно, с упорными сражениями, отступали в горы. Но армия под командованием Траяна захватывала одну вершину за другой и неумолимо продвигалась к Сармизегетузе. В плен была взята родная сестра дакийского царя. И тогда к императору прибыло посольство из знатных даков, но сам Децебал на переговоры не явился.

Царь даков возлагал надежду на войска, стоявшие у крепости Апул (совр. Альба-Юлия). Однако и здесь его ждала неудача. Римляне штурмом взяли укрепление, где были найдены военные машины, оружие, римские пленные из войска Корнелия Фуска и легионный знак с орлом V легиона «Жаворонки», захваченный даками в войне с Домицианом. Дакам пришлось со-

глашаться на любые мирные условия. Децебал был принят Траяном в военном лагере. Царь склонил колени перед императором, отбросив в сторону свой длинный прямой меч — знак царской власти — и согласился повиноваться. Для соблюдения условий мирного договора Траян оставил в захваченных областях гарнизоны во главе с Гнеем Помпеем Лонгином, в Сармизегетузе был основан римский лагерь.

Осенью 102 г. Траян возвратился в Италию. В ходе триумфального празднования он первым из римских императоров был удостоен победного титула «Величайший Дакийский». Однако и этот мир с даками оказался непрочным. Даки не сложили оружия. Как только римляне покинули страну, Децебал приказал снова восстановить стены скрытых крепостей и захватил часть земель союзников римлян. Для продолжения борьбы с Римом он открыто набирал войска и сплачивал вокруг себя соседние племена. Траян понимал необходимость и неизбежность новой схватки с непокорным царем. Император приказал выстроить возле крепости Дробеты (совр. Турну Северин) каменный мост через Дунай, который давал бы возможность быстро перебросить войска в Дакию.

Со значительными силами Децебал летом 105 г. напал на римские укрепления от Дробет до Диерны. Одновременно даки захватили римский лагерь в Сармизегетузе, перебив весь гарнизон. Однако прорваться на римскую территорию им не удалось. Децебал старался использовать любую возможность для достижения победы. Он подослал к Траяну убийц из числа римских перебежчиков, зная, что в период военных действий император был доступен для любого. Однако лазутчики были схвачены и признались на допросе в злоумышлении против Траяна. Пригласив для переговоров одного из высших римских офицеров, Гнея Помпея Лонгина, который знал план намеченной кампании, Децебал захватил его в плен. Но ничего выведать у пленника даже под пытками не удалось. Тогда Децебал направил посла к Траяну и потребовал предоставления ему земель вплоть до Дуная и возвращения потраченных на войну денег в обмен на свободу офицера. Но неудача преследовала дакийского царя: достав у своего слуги яд, римлянин покончил с жизнью.

6 июня 105 г. Траян вновь отправился на Дунай. Целью войны было окончательное уничтожение Дакии. Из долины реки Жиу через Карпатские перевалы «железные» легионы рвались к Сармизегетузе. Началась длительная осада столицы. То рим-

ляне штурмовали город, то даки совершали вылазки в лагерь врага. Все больше голов убитых солдат выставлялось на столбах по обе стороны укрепления. Крепость была взята не столько при помощи осадных орудий, сколько благодаря измене дакийской знати, открывшей врагу ворота столицы. Отчаяние овладело даками; они подожгли факелом здание царского дворца, вслед за которым запылали все деревянные строения. На главной площади был выставлен большой котел с ядом, и сотни жителей — знать и простые даки, старцы и юноши, даже женщины с детьми, — предпочли смерть рабству.

Во главе торжествующей армии под бравые звуки музыки труб и рожков Траян вступил в мертвый город. Изменники из среды дакийской знати упали перед ним на колени и были милостиво приняты победителем. Один из бывших соратников Децебала открыл расположение тайника с казной его правителя — в русле реки, протекавшей возле царского дворца. Спрятанные сокровища леггичеры извлекли со дна реки и на многочисленных лошадях доставили к шатру Траяна. Золото даков обогатило римскую казну (по данным источника, только золота было вывезено более 1,5 млн фунтов, а серебра — вдвое большее количество).

Но Децебал ускользнул в горы Харгита, преследуемый по пятам погоней. Кто-то из его знатных спутников, желая заслужить прощение Траяна, выдал своего предводителя. Но, когда римские всадники настигли царя, неукротимый Децебал полоснул себя мечом по горлу. Голова и правая рука злейшего недруга Рима были доставлены в лагерь Траяна и выставлены перед солдатами, а затем отосланы в Рим и брошены на лестницу Гемоний. Наступил конец изнурительной войне. Несколько десятков тысяч плененных даков и союзных с ними народов были обращены в рабов в Италии и в других провинциях Империи. Большинство даков, не смилившихся с потерей свободы, оставили обжитые места и добровольно покинули родину, уйдя в неизвестные дали за Карпатские горы. Их место постепенно заняли колонисты из внутренних районов Империи и из Италии, которые принесли на земли Дакии римские обычаи и образ жизни в укрепленных лагерях и селениях, а также латинский язык, настолько укоренившийся, что сохранился на устах последующих племен и народов.

Из огромной дакийской добычи римским воинам были розданы награды: почетное оружие, венки за взятие крепостей,

браслеты из серебра; командиры получили крупные денежные средства и различные почетные звания и титулы.

Сокровища Децебала оказались столь велики, что по случаю своего роскошного триумфа, Траян устроил пышное празднество, длившееся 123 дня, и неслыханные игры (со второй половины 107 по весь 109 г.!), в которых участвовало на аренах цирков и амфитеатров 10 тысяч гладиаторов и 11 тысяч зверей. Император пожертвовал 50 млн сестерциев храму Юпитера Капитолийского. В память о победе римского оружия Траян соорудил в Риме новую площадь — Форум Траяна, которая включала в себя целый комплекс великолепных сооружений.

Так была покорена Дакия — последнее крупное варварское объединение племен близ границ Империи. В 107 г. она была обращена в римскую провинцию Дакия, что было отмечено специальным выпуском монет с надписью: «Дакия захвачена». Римляне обезопасили себя от воинственного соседа, заполучили богатейшие дакийские рудники, где добывалось золото, приобрели плодородные области.

Завоевание Дакии воодушевило императора на проведение ряда восточных кампаний, в ходе которых были созданы провинции Аравия и Армения. Траян всецело был захвачен мыслью отправиться по стопам Александра Македонского в Индию. Но начались волнения среди покоренных народов, в Иудее вспыхнуло восстание. Усмирение волнений требовало активных действий, но император заболел лихорадкой и скончался по дороге в Рим в 117 г. Прах Траяна в золотой урне был доставлен в Рим и захоронен в цоколе Колонны на Форуме его имени, а сама Колонна была увенчана статуей божественного Траяна. Римляне почитали Траяна добрым правителем. И в последующие времена, вручая власть новому императору, его приветствовали словами: «Будь счастливее Августа и лучше Траяна!»

Роль городских кураторов

После реформ Августа отдельными секторами административного управления ведали специальные должностные лица — кураторы («управляющие»). Они занимались императорскими зданиями, продовольствием, водопроводами, календарем, общественными играми, раздачей хлеба, общественными дорогами и т.д.

С конца I в. имперское управление стало назначать в муниципии городских кураторов для наблюдения за состоянием финансов. Эта

должность стала постоянной, и сфера ее компетенции расширилась. При помощи кураторов имперские власти могли вмешиваться в местные дела.

Алиментация

В Риме существовала лишь моральная ответственность отца за своего ребенка. Позднее была установлена обязанность детей содержать родителей в старости и болезни. В имперский период, с ограничением власти отца семейства, а также с падением численности населения Италии, власти вынуждены были законодательно закрепить обязанность содержания родственников. Это касалось мужей и жен, кровных родственников, внебрачных детей матери и ее родителей.

Были созданы особые государственные фонды (частично составленные из уплачиваемых по аграрным ссудам процентов) для выдачи пособий на прокормление (алименты) детям-сиротам: мальчикам до шестнадцати лет по шестнадцать сестерциев в месяц; девочкам до четырнадцати — по двенадцать. Впервые они стали выдаваться в Риме при Нерве, и тогда таких «стипендиатов» насчитывалось пять тысяч. При Траяне система алиментов была распространена на всю Италию и служила подспорьем в сохранении контингента военных призывников.

Элинофил Адриан: право и защита

Император Траян предусмотрительно озаботился подбором подходящего преемника. Поэтому после его смерти в 117 г. верховная власть без потрясений перешла в руки его дальнего родственника **Элия Адриана (117—138)**, уроженца той же Италики, что недалеко от Севильи. В свои 43 года новый принцепс уже обладал военным опытом и государственной зрелостью. При Траяне Адриан занимал ответственные посты: трибуна в Мёзии и Верхней Германии, наместника Нижней Паннонии, вместе с Траяном участвовал в Парфянской войне, а затем управлял провинцией Сирия.

Отлично понимая, что ресурсы Империи исчерпаны после масштабной экспансии Траяна, Адриан разработал новую политику по управлению Империей. Он отказался от широких завоевательных планов и сосредоточил усилия на защите страны в ее необъятных пределах. Риму пришлось возвратить Парфии все территории, приобретенные за Евфратом, наладить дипломатические мирные отношения с ней и установить там прочную границу, восстановить государственность Армении. Огромные уси-

лия Адриан предпринял по ликвидации пограничных конфликтов и военного напряжения вдоль всех римских границ — Мёзии, Дакии, Германии и Британии.

Оборона Империи была доведена при нем до возможного в то время совершенства: создана грандиозная линия пограничного *лимеса*. В то же время Адриан не допускал ослабления военной мощи. На защите 60-миллионной Империи стояли 30 «железных» легионов и 350 вспомогательных соединений (векселяций), боеспособности которых уделялось особое внимание. Был пересмотрен принцип комплектования армии: в легион стали набирать добровольцев из среды провинциалов, лишь слегка затронутых романизацией, что способствовало «варваризации» армии и имело серьезные социально-политические последствия.

Важной заботой императора стала реорганизация государственного аппарата, от которой выиграли представители всаднического сословия, тогда как сенаторы и вольноотпущенники утратили прежнее влияние. Все шесть центральных постов (ведомства прошений, суда, почты, финансов и т.д.) в администрации принцепса теперь занимали всадники, ими же были и оба *префекта претория*, причем один из них обязательно должен был быть юристом. Всадники были обращены в служилое сословие, для которого прежний имущественный ценз был заменен на образовательный — каждый, кто получал образование, получал звание всадника. Такая же возможность открывалась и для профессиональных солдат. Переход от всаднической к сенаторской карьере был значительно облегчен. Устанавливалась строгая последовательность должностей, и каждому служебному рангу присваивалась почетная титулатура: сенаторов и членов их семей именовали «светлейшие мужи», представителей высших всаднических должностей — «виднейшие мужи», чиновники среднего ранга из всадников именовались «отличные мужи».

Окончательную организацию получает и императорский совет, или совет принцепса, который существовал еще при Августе, а при Адриане стал юридическим органом и превратился в бюрократическое учреждение. В его состав было введено много юристов, и он стал одним из важнейших источников толкования права. Обратился Адриан и к судопроизводству; он ограничил права судебных магистратов, запретил преторам и эдилам вносить новые правовые нормы. Основной принцип, которым

руководствовался Адриан, был: «Воля принцепса — наивысший закон». Знаменитому юристу Сальвию Юлиану император поручил сделать свод всех предшествующих эдиктов. Эта обобщающая работа была издана от имени Адриана под названием «Вечного эдикта» и на долгий срок стабилизировала римское судопроизводство. Отныне право судебного нормотворчества было передано императору.

По примеру центральной власти было организовано управление римскими провинциями. Каждый наместник получал от императора мандат, при нем создавался совет ближайших друзей, ему подчинялась канцелярия, которая дублировала центральные ведомства. Неутомимый Адриан лично посетил почти все провинции от Британии до Египта. Из 21 года правления он провел в Риме всего девять с половиной лет. Его поездки не только определялись личными интересами, но служили целям инспекции войск, контролю за провинциальной администрацией, заботе о судопроизводстве.

Адриан был личностью неординарной. Эллинофил, тонкий знаток и поклонник греческой культуры, искусства и философии, он сам писал стихи, умел рисовать и лепить. Во время своего путешествия по Греции он пытался проникнуть в глубокий смысл восточных культов, изучал обряды, подолгу беседовал со жрецами. В Афинах он начал капитальные работы по расширению и благоустройству города, заложил храм Зевса Олимпийского, руководил спортивными играми, был посвящен в таинство Элевсинских мистерий.

Последние годы жизни Адриан провел на своей роскошной *вилле в Тибуре* среди редчайших предметов искусства, впав в черную меланхолию. У императора не было детей, а о будущем следовало подумать. Император покровительствовал 17-летнему Марку Аннию Вету (*Марк Аврелий*), в котором видел родственную душу, но бремя принципата для юноши было еще слишком тяжелым. Тогда он усыновляет Луция Коммода Вета, однако болезненный молодой человек вскоре умирает. Затем принцепс прибегает к решению, сохранявшему преемственность и дающему его фавориту Марку Вету все шансы: он усыновляет бездетного 53-трехлетнего Тита Аврелия *Антонина* и заставляет его в свою очередь усыновить Марка Анния Вета и маленького сына Луция Коммода (Луций Вет). Адриан и не предполагал, что своим решением о наследовании предопределил судьбу Империи почти до конца века.

«Вал Адриана» в Британии

Основной задачей внешней политики Адриана стало упорядочение системы охраны границ. Императору Клавдию удалось добиться больших и легких успехов в Британии. Однако северная часть страны — Каледония (совр. Шотландия) продолжала оказывать сопротивление римским легионам. Племена воинственных пиктов постоянно совершали набеги на римские военные лагеря. Адриан решил обезопасить северную границу Империи. На Шотландском перешейке от моря и до моря был возведен гигантский неприступный защитный вал, который частично виден до сих пор.

Его сооружение многие тысячи строителей начали около 122 или 123 г., и завершили через 14 лет. Протяженностью в 117 км и высотой в 5 м, вал представлял собой военную рокадную дорогу с обращенной на север оборонительной стеной, в которую через каждую римскую милю (1481 м) были встроены укрепленные форты, а между ними располагались сторожевые башни. С внешней стороны вала был прорыт десятиметровый ров. За каменным валом и рвами соорудили 16 гарнизонных крепостей. Со стороны входных ворот их гарнизоны всегда могли оттеснить атакующих от стены и уничтожить.

После падения Римской империи вал перестали охранять. Местные жители превратили его в каменоломню строительного материала. Сохранилась значительная часть каменной стены, некоторые из фортов, военная дорога между рвом и валом. В Музее Античности Ньюкасла существует макет вала и связанные с ним реликвии.

Вторая Иудейская война: кровавая дорога к храму

Немногие войны, которые вел Адриан, служили единственной цели — укрепить власть государства в пределах уже существующих границ. Но самой ожесточенной оказалась новая Иудейская война. Во время своей второй поездки по восточным провинциям Адриану пришлось в голову решить извечный еврейский вопрос путем насильственной ассимиляции иудеев. В 131 г. он выпустил эдикт, запрещающий обряд обрезания, чем вызвал волну ненависти к себе со стороны еврейского населения.

В разрушенном еще в 71 г. Иерусалиме рядом с лагерем легионеров он вознамерился основать колонию Элия Капитолина для эллинизированных поселенцев. На месте древнего храма Яхве задумано было строительства храма Юпитера Капитолийского. Эти самонадеянные поступки породили восстание иудеев во главе с Симоном Бар Кохба («Сын звезды»), который выдавал себя за мессию. Свое второе имя Симон связывал с изречением из Ветхого Завета: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава».

Повстанцев поддержал признанный духовный вождь евреев Рабби Акиба. Восстание вылилось в фанатичную религиозную партизанскую войну, бушевавшую три года (132—135). Главнокомандующим римскими силами был назначен спешно вызванный из Британии полководец Юлий Север. В 135 г. в район боевых действий прибыл сам император. Началась беспощадная война на истребление. Было разрушено около тысячи поселений, погибло до миллиона евреев. Уцелевшим было запрещено посещать Иерусалим более одного раза в год, значительная часть иудеев вынуждена была покинуть Землю обетованную и рассеяться по просторам Империи (диаспора).

Долгое правление Антонина Пия: мир и процветание

После Адриана к власти пришел усыновленный им первый истинный Антонин — Тит Аврелий Фульвий Бойоний **Антонин Пий** (138—161). Подобно Траяну и Адриану Антонин Пий (прозванный так за благочестие) был выходцем из провинциальной среды — его римский род в давние республиканские времена переселился в Галлию. Семья самого наследника происходила из Нима, но ее представители уже подвизались сенаторами, поэтому Антонин родился в 86 г. на семейной вилле Ланувия (Латвий). Выходец из крупных землевладельцев, с отменным юридическим образованием, молодой Антонин быстро поднимается по ступеням чисто гражданской карьеры. При Адриане он был одним из государственных специалистов по налоговому и финансовому праву, проконсулом в Азии (где исполнял свои обязанности неподкупно) и, наконец, входил в состав совета Адриана для руководства правительственными делами.

Антонин Пий импонировал сенатской аристократии своим знатным происхождением, строгим образом жизни и богобоязненным мировоззрением. При нем Сенату возвращено было управление Италией (при Адриане это делали консуляры), сенаторы привлекались к руководству делами в провинциях, за два десятилетия ни один из них даже не был казнен. В финансах Антонин Пий проявил большую экономию, чем его предшественники, в его государственной казне звенело 675 млн денариев.

Принципами Антонина были — справедливость, счастье, верность. В центре внимания императора стало правильное функционирование судов и гуманное отношение к подсудимым:

«пока обвиняемый не уличен, он должен рассматриваться как невиновный». При нем специальным декретом несколько улучшилось положение рабов: убийство раба приравнялось к убийству peregrina, т.е. свободного человека, не имевшего гражданских прав. В случае жестокого обращения рабу дозволялось искать убежища у статуи императора, а уж городские власти обязаны были принять какое-то решение по этому поводу. Рабам в некоторых случаях даже разрешалось заниматься торговлей, а отношения между рабом и господином при деловых операциях теперь регулировались законом, а не произволом хозяина. Эти постановления способствовали развитию заинтересованности рабов в труде и отражали понимание власти предержащими неэффективности бесконтрольного господства над человеком.

Особое внимание Антонин Пий уделял строительству дорог в провинциях, чтобы крепче связать различные части необъятной Империи. Внешнюю политику Антонина античные источники описывали парой фраз: «Лучше сохранить жизнь одного гражданина, чем убить тысячу врагов» и «Пий предпочитает защищать провинции, а не увеличивать их». Римская империя подняла при нем свой престиж на недостижимую высоту. Наглядным свидетельством этого были посольства в Рим из Индии, Парфии и Гиркании. Парфянскому царю Вологезу III он отказался возвратить трон, отнятый Траяном. У квадов, армян и лазов в Колхиде Антонин оказал влияние на выборы ими царей. На Боспоре был посажен царь Реметалк, который приезжал в Рим просить об этом.

Войны же при Антонине Пие ограничились незначительными операциями в Британии, где римляне продвинулись на 100 км к северу. Здесь полководцы императора построили новую укрепленную линию к северу от «вала Адриана» — так называемый «вал Антонина». В Северном Причерноморье, выступившие из Мёзии римские войска помогли отразить нападение аланов на Ольвию. Разноплеменное население гигантской Империи уже не вождело, как при Траяне, внешнеполитических успехов, а предпочитало мир, благосостояние и житейское счастье. Антонин оправдал эти ожидания.

Даже высшие круги общества воспринимали принцепса как уважаемого, порядочного, набожного человека. Его часто сравнивали с царем Нумой из римских седых преданий, но он не отождествлялся ни с Ромулом, ни с Августом. Часто отмечали отменную бережливость императора и строгую педантичность, погово-

ривая, что он разрежет даже тминное зернышко. Время его правления считали эпохой расцвета Империи, а самого императора — идеальным монархом. Отсюда укрепившееся за ним почетное прозвище Пий («Благочестивый») и наименование всей причастной к нему династии Антонинами — т.е. «подобными Антонину». В день смерти Антонин Пий распорядился перенести из его комнаты в комнату своего приемного сына и наследника Марка Аврелия золотую статую Фортуны. Последними словами, которые он произнес в 161 г., были: «Душевное спокойствие».

Колоны и колонат

По-латыни колоном называли земледельца в широком смысле слова (от *solo* — *возделывать*). В Риме времен Империи — это мелкие арендаторы земли, которые взамен на право обрабатывать арендованный участок, выплачивали землевладельцу денежную ренту или выполняли в его пользу натуральные повинности. В IV в. они фактически превратились в полусвободных земледельцев, постоянно проживавших на государственных землях или в латифундиях (крупных поместьях Италии, площадью до 250 га). Они имели право свободно заключать брак, обладать имуществом и передавать его по наследству, но не имели права покидать землю, к которой были прикреплены пожизненно и потомственно.

Правовое положение колонов немногим отличалось от рабства и называлось колонатом. Развитие этой системы было тесно связано с разложением римского рабовладельческого строя. Там, где рабский труд становился малопроизводительным, — в латифундиях или при освоении новых земель в провинциях — целесообразно было использовать вместо ленивых рабов земледельцев, заинтересованных в повышении производительности труда. Первые известия о колонате в Италии датируются I в. до н.э., а уже со II в. н.э. он становится наиболее распространенной формой ведения хозяйства во всей Империи. В III в. колонов стали прочно прикреплять к земле, а там, где свободных крестьян не было, насильственно селить рабов и пленных варваров, которые сливались с колонами в единую прослойку. По способу эксплуатации колоны являются непосредственными предшественниками средневековых крепостных.

Сальтус

Первоначально сальтусом назывались лесистые горы, затем леса, используемые под пастбища (иногда они достигали 5000 югеров, один югер равен был четверти гектара), которые сдавались в аренду частным

лицам. Во времена Империи так стали называть крупные императорские поместья (домены). Еще при Цезаре и Августе в Африке существовали крупные владения римских богачей — сальтусы, которые ко времени Нерона достигли огромных размеров (половина Африки принадлежала шестерым владельцам). Нерон казнил частных владельцев, а их владения превратил в крупные императорские сальтусы, которые со II в. распространены были и в других провинциях.

По закону императора Адриана заимщикам пустующих угодий сальтусов императора предоставлялись льготы и права, близкие к владельческим. Сальтусы императоров и сенаторов не относились к юрисдикции территорий городов, не облагались налогами, а их население не подчинялось городским магистратам — «экзими́рованные (от слова «исключаю») сальтусы». Огромные земельные богатства римских принцепсов создавались путем покупки, дарений, наследования, конфискации и освоения новых земель.

К эпохе Антонинов были изданы уставы, которыми определялся порядок управления сальтусами и лицами, находившимися на их территории. Императорские имения объединялись в округа во главе с прокуратором, а каждый сальтус в отдельности сдавался на откуп главному съемщику — кондуктору. Последний руками рабов и колонов обрабатывал землю. Во II в. колоны на этих землях юридически были свободны. По окончании срока аренды они могли оставить поместье, но эта возможность была призрачной.

Философ Марк Аврелий: одиночество «лучшего императора»

Марк Анний Вер — будущий император **Марк Аврелий Антонин (161—180)** — родился в сенаторской семье опять-таки испанского происхождения. По желанию императора Адриана он был усыновлен своим дядей Аврелием Антонином Пием и даже вступил в брак с его дочерью Фаустиной, от которой имел 13 детей. В 146 г. он получил из рук Антонина Пия титул цезаря, пожизненную трибунскую и консульскую власти, т.е. фактически был объявлен соправителем, а в 161 г. вступил на престол опытным администратором и политиком.

В течение восьми лет Марк Аврелий правил вместе со своим названным братом Луцием Вером. Римская империя получила впервые двух равноправных принцепсов, двух августов, правда звание верховного жреца Марк Аврелий оставил за собой. Несмотря на разочарование в малоспособном Вере, император твердо стоял на признании сводного брата соправителем, более того, обручил с ним свою дочь Луциллу.

Начало правления Марка Аврелия отмечено ожесточенными оборонительными военными кампаниями, знаменовавшими собой конец относительно спокойной эпохи «золотого века» принципата. По иронии судьбы философ Марк Аврелий, ненавидевший насилие, из почти двадцати лет своего правления более половины времени провел в военном лагере. И если Марк Аврелий выдержал бури этих грозных лет и провел Империю через все смуты, то это — триумф его изнурительной борьбы за самого себя. В 162 г. парфянский царь Вологез III по всей форме объявил Риму войну. Парфяне под руководством полководца Осроя вторглись в Армению, у Элегеи уничтожили римское войско и водрузили на престол своего ставленника Пакора. Руководство военными действиями возложили на Луция Вера, а он перепоручил ведение операций римским полководцам Авидию Кассию и Стацию Приску. Первой была отбита Армения и вновь превращена в зависимое царство, затем удалось перейти Евфрат и захватить важнейшие города парфян на Тигре Селевкию и Ктесифон. В 166 г. с Парфией был заключен мир, по которому к Империи отходила Северная Месопотамия, а Армения признавалась сферой римских интересов. Однако закрепиться здесь не удалось. В Селевкии началась эпидемия чумы, и большая часть римского войска заболела. Возвращающиеся солдаты распространили чуму по всей Малой Азии, Греции и Италии, превратив эпидемию в катастрофу, отдельные очаги которой тлели вплоть до 189 г. Несмотря на все трудности, оба властителя с блестящим триумфом отпраздновали победу и добавили к своим титулам прозвища «Армянский», «Мидийский», «Парфянский».

Но торжествовать было некогда, на дунайской границе сложилась угрожающая обстановка, вызванная первыми волнами переселения народов, натолкнувшихся на римские укрепления. Начались *Маркоманские войны*, потребовавшие напряжения всех сил Империи. Луций Вер умер в 169 г. в Альтине вскоре после начала этой войны. Историк Аврелий Виктор, говоря о Марке Аврелии, отмечал: «Если бы он не родился в то время, весь римский мир развалился бы и низвергся в стремительном падении. Ведь совсем не было покоя от войн, они пылали по всему Востоку, в Иллирии, в Италии, в Галлии; случались землетрясения, иногда поглощавшие целые города, были разливы рек, частые эпидемии, поля пожирала саранча; вообще нельзя было представить ни одного народного бедствия, которое не свирепствовало бы во время его правления».

В ряду перечисленных несчастий вспыхивали беспокойства в Британии и на Рейне; Испания страдала от набегов берберов из Мавретании. В 172 г. в Нижнем Египте на недоступных болотистых островах Дельты Нила, вспыхнуло восстание буколов — египетских пастухов. Возглавил его некий жрец Исидор; под его руководством восставшие дошли почти до Александрии, остановил их лишь герой парфянской войны Авидий Кассий.

Не менее сложная ситуация внутри государства требовала от Марка Аврелия не меньших усилий и внимания. Невзирая на тяжелые внешние кризисы, император не порывал с заветами своих предшественников и стремился к сотрудничеству с Сенатом. Многим обедневшим сенаторам он пожаловал звание эдиров и трибунов, привлекал их к рассмотрению различных судебных дел. При нем сенаторы провинциального происхождения стали составлять половину римского Сената. Постепенно шел процесс включения этого органа в бюрократическую структуру государственного аппарата.

К эпохе Марка Аврелия относятся более 300 юридических текстов, половина которых обращена к проблемам женщин, детей и рабов, что являлось отражением реальной ситуации, связанной с большими жертвами населения в войнах и эпидемиях. Был даже введен новый орган опеки во главе с префектом из сенаторов, который должен был контролировать опекунов. Понимая необходимость поддерживать римское неимущее городское население, Марк Аврелий за двадцать лет семь раз устраивал крупные раздачи, составившие в целом на человека 850 денариев. Нельзя назвать эту сумму особо щедрой, но в условиях ведения войн и ликвидации эпидемии, учитывая, что легионы не доставили в Рим существенных трофеев, этих денег хватало для поддержания лояльности императору.

В 175 г. наместник Сирии Авидий Кассий, получив ложное известие о смерти Марка Аврелия, провозглашает себя императором, а самого Марка Аврелия обожествляет. Значительная часть восточных провинций признала его. Марку Аврелию пришлось спешно снимать войска с Дунайского лимеса и лично выступить в поход против Кассия. Когда в восточных провинциях узнали, что правитель жив, а их поступок не нашел отклика в других провинциях, они отпали от самозванца. Через два месяца после начала движения Кассий был убит собственными офицерами. Марку Аврелию была доставлена связка писем, изобличавших заговорщиков, но император, не читая, бросил ее в

огонь. Он не хотел знать имен, чтобы не пробудить в себе ненависть. Под влиянием этих событий император стал постепенно готовить своего сына *Коммод* к наследованию принципата. Во время триумфа по поводу победы над германцами в 177 г. пятилетнему Коммоду был дарован титул августа.

Марк Аврелий оказался хорошим полководцем, но по натуре он не был воином. Уже в юные годы он привлекал внимание своими выступлениями на сложнейших философских диспутах. Риторике он обучался у Фронтонa и Герода Аттика, а потому рано проявил интерес к философии и стал ярким представителем учения «поздней стои». Под влиянием идей *Эпиктета* ведущее место в его философских рассуждениях заняла этика. Его идеалом был мудрец, не склоняющийся перед превратностями судьбы, бескорыстно любящий ближних и занимающийся нравственным совершенствованием. Все люди равны, поскольку человеческий разум имеет божественное происхождение, и каждый должен выполнять роль, отведенную ему судьбой.

Марк Аврелий полностью погрузился в этот мир высоких материй — и в мыслях, и даже внешне. Он носил бороду, иногда мантию философа, часто спал на полу и придерживался аскетического образа жизни. Во время войны в походном лагере Марк Аврелий написал трактат «К самому себе» (другой вариант названия — «Наедине с собой»), где и изложил свои взгляды, свой призыв к самообладанию, которого достиг. Заключительные строки его духовного дневника звучат так: «...ибо конец возвещается тем, кто был некогда виновником возникновения жизни, а теперь является виновником ее прекращения. Ты же ни при чем, как в том, так и в другом. Уйди же из жизни, сохраняя благожелательность, как и благожелателен тот, кто отпускает тебя».

Во время очередной военной кампании Марк Аврелий заболел чумой и скончался в Виндобоне (совр. Вена), передав власть своему родному сыну Коммоду. В последних словах философа-правителя сквозила печаль из-за того, что он оставляет после себя беспутного сына.

Маркоманские войны: поток с севера

Финал «золотого века» Антонинов был омрачен опустошительными Маркоманскими войнами (166—180), которые открывают новый этап противоборства и столкновений Римской империи с варварами. Их справедливо считают рубежом в исто-

рии Римской империи, после чего начинается ее постепенный закат. Современники этих войн считали, что таких кровопролитных сражений еще не бывало в памяти людей. По натиску десятков племен, впервые вышедших из темных глубин неведомого варварского мира поживиться богатствами изумленной Империи, и по тому, сколь тяжко пришлось римлянам в течение многих лет, эти войны сравнивались с Пуническими. Против Рима выступило множество племен: маркоманы, наристы, квады, свевы, сарматы, буры, вистулы, озы, бессы, роксоланы, бастарны, вандалы, аланы, костобоки, хавки, хатты, лангобарды, обии, асдинги, лакринги — и несть им числа. Основные действия развернулись на Дунайской границе в районе Паннонии. Единовременное выступление варваров расценивалось современниками как подобие заговора племен от Галлии до Иллирика.

Среди вовлеченных в военные действия племен выделяются германцы, прежде всего квады и маркоманы (отсюда и общее название череды жестоких кампаний). В 166 г. они прорвали *лимес* Норика и Верхней Паннонии, перевалили через Альпы и достигли Северной Италии. Первым крупным городом на их неукротимом пути оказалась Аквилея, спасенная чудом. Был сожжен Опитергий, угроза нависла над Вероной. В срочном порядке в некогда глубоком тылу Империи стали сооружать военные укрепления для защиты Италии и Альпийских проходов. Сеть этих укреплений тянулась от предгорий Альп до Понта Эвксинского. Города Далмации и Фракии обносились стенами и башнями. В Италии, сто лет не знавшей воинского набора, было сформировано два новых легиона, которые направили к месту военных действий. Рекрутировали даже рабов и гладиаторов. Золотые сосуды императорского дворца переливали в монеты, продавали картины, статуи и драгоценности императрицы. И все эти бедствия усугублялись чумой, занесенной с Востока.

Во главе римской армии встали и сам император Марк Аврелий, и его соправитель Луций Вер, который вскоре умер. Все тяготы войны Марк Аврелий вынес на своих плечах. Он лично руководил операциями, мотаясь по лагерям в Виндобоне, Карнунте, Сирмии. Одно за другим следовали массированные вторжения племен в Дакию, Верхнюю и Нижнюю Мёзию, в Норик и Рецию. Решительные маневры римской армии на театре Дунайского приграничья и энергичные меры наместников провинций по обороне *лимеса* заставили соседние племена пойти на попятную. К наместнику Верхней Паннонии Марку Яллиу

Бассу явилось посольство от одиннадцати племен во главе с царем маркоманов Балломарием. Они просили о мире или принятии их в пределы Империи. Однако заключение мира с одними племенами не принесло сполкойствия Дунайским провинциям; угроза Риму исходила также от вандалов, лангобардов, готов и части славянских племен. До 172 г., когда началось встречное наступление римлян во вражеские пределы, они лишь пассивно отражали многочисленные атаки варварских племен. Эпицентром вторжения стал Дунайский лимес от Виндобоны (совр. Вена) до Сингидуна (совр. Белград). Разрушению и пожарам в 169—172 гг. подверглись Виндобона, Бригацион и Аквинк (совр. Будапешт). Уничтожен стационарный лагерь римлян Интерциза (совр. Дунауйварош), а ее гарнизон — Первая Альпийская конная когорта — погиб полностью. Разгромленно 20-тысячное войско в Верхней Паннонии.

Но успешные операции римлян за Дунаем привели в 173 г. к заключению мира с квадами. По его условиям квады были обязаны вернуть римских пленных и не давать в своей стране убежища маркоманам. Но квады выдали не всех пленных, а лишь тех, которых нельзя было использовать в качестве рабочей силы или продать. К тому же, вопреки условиям мира, они приняли в свою страну маркоманов. Более того — общее собрание племени квадов изгнало римского ставленника царя Фурция.

Массированный натиск варваров пришлось выдержать в ходе Маркоманских войн и провинции Дакия. У ее северо-западных границ появились вандалы. Следовали нападения со стороны язигов, костобоков и других племен. Золотые рудники Дакии выходили из строя. Вторжение племен нарушало жизнь в городах. В 170 г. полчища костобоков (причисляемых к славянскому корню) прорвали дунайский лимес, форсировали Дунай, мощной волной накрыли Дакию, прошли Мёзию и Фракию и достигли юга Греции, где разграбили знаменитое святилище Деметры, построенное еще при Перикле. После себя костобоки и союзные им роксоланы, бастарны, аланы и певкины оставляли лишь дымящиеся руины некогда цветущих городов. Против них была направлена карательная экспедиция, завершившаяся пленением семьи царя костобоков. В Реции шли ожесточенные бои против наристов. И когда они были разбиты, остатки их в количестве трех тысяч поселили в Паннонии.

Нападения варваров на Дунайские провинции продолжались в течение всего 179/180 г. и были остановлены лишь после

кончины Марка Аврелия в Виндобоне в 180 г. его наследником императором *Коммодом*. Согласно условиям мирных договоров, заключенных с племенами, варварам запрещалось селиться и пасти скот в приграничной полосе за Дунаем на расстоянии 15 км. Судам язигов запрещалось плавать по Дунаю. Племенам квадов было позволено проводить собрания своего племени не чаще раза в месяц, в определенном месте и в присутствии римского центуриона. Квады и маркоманы должны были ежегодно поставлять Риму зерно и скот. Язиги отправляли в римскую армию 8 тыс. конницы, квады — 13 тыс. пехоты. Возвращались в родные дома тысячи римских пленных. Вождям и царям варварских племен предоставлялось право римского гражданства и освобождение от поставок в пользу Рима. В такой изнурительной войне, как Маркоманская, победе римлян способствовали выучка и железная дисциплина армии. Варвары боролись поодиночке и так же поодиночке проигрывали.

Маркоманские войны выявили уязвимость римских границ и зыбкость господства Империи в изменчивом мире. Они стали концом торжества однополярного рах Romana и кровавым первым актом эпохи Великого переселения народов.

Колонизация

Основывая колонии с целью защиты завоеванных территорий, Рим создавал военные опорные пункты, куда направлял избыток собственного населения, экономически использовал эти области и постепенно романизовывал их. Если в период Республики колонии выводились специальной сенатской комиссией, то в эпоху Империи это провозглашалось от имени принцепса и часто в день его рождения. Городу выделялась собственная земельная территория, он получал самоуправление и принимал несколько сот римских граждан. Нередко колонии выводили в уже существующие города для укрепления их лояльности Риму. Межевание земель и назначение отдельных участков гражданам провоздилось только в колониях. Среди различных типов провинциальных городов колонии занимали первое место по правовому положению, их жители обладали римским гражданством и имели административное устройство, аналогичное римскому.

Ветераны Империи — новое сословие

Легионеры римской армии, дослужившиеся до отставки, называли ветеранами (от *vetus* — *старый*). Некоторые из них оставались при вой-

ске и пользовались многочисленными льготами. Солдаты вспомогательных частей, набравшиеся из перегринов (свободных людей, не имеющих римского гражданства), обретали при выходе в отставку римское гражданство, посвятив ради этого армии 25 лет жизни. Ветераны после 16—20 лет службы получали земельные наделы и освобождались от налогов. Постепенно они составили основную массу римских земледельцев и рабовладельцев средней руки.

Считают, что Цезарь роздал ветеранам 80 тысяч наделов, а Октавиан — 170 тысяч. Подчас столь массовые конфискации частных земель в пользу солдат приводили к некоторому ослаблению крупного землевладения. Нужно отметить, что не все ветераны обращались к сельскому труду. Многие, отвыкнув от деревенской жизни, оставляли участки в руках прежних хозяев, довольствуясь получением арендной платы.

Лимес

Первоначально так называлась межа между отдельными участками земли (отсюда наш «лимит»). С I в. лимесом стал обозначать укрепленную границу Империи. Начиная с Августа, вдоль всех римских рубежей стали проводиться постоянные работы по созданию пограничной полосы, которая включала благоустроенные дороги, военные лагеря в виде крепостей, небольших кастелей (укреплений) и сигнальных постов (бургов) на расстоянии нескольких километров друг от друга. Их соединял ров, укрепленный земляным валом и каменной стеной или деревянным частоколом, вдоль которого проходила мощеная рокадная дорога для быстрой переброски войск вдоль лимеса.

Особенно активно сооружался лимес при императорах Домициане, Траяне и Адриане. Известны лимесы Адриана и Антонина Пия в Британии, на Нижнем Дунае («валы Траяна»), в Верхней Германии и на Рейне, существовавшие до конца III в., а также система кастелей в западной части Северной Африки. Именно они помогали римлянам остановить на лимесе силы противника и обезопасить население провинций от вторжений алчных варваров. Незыблемость лимеса воплощала нерушимость «римского мира» и величие Империи.

Канаба

Римляне называли «канабами» легкие постройки для продажи товаров. В период Империи этим словом обозначались сначала торговые ряды рядом с постоянными легионными лагерями, разраставшиеся в некоторых местах в целые города с самостоятельным управлением и получившие со II в. статус муниципиев. Многие существуют и поныне, как Колония Треверов (Трир), Колония Агриппины (Кёльн), Могонциак (Майнц), Виндобона (Вена), Аквинк (Будапешт), Сингидун (Белград) и многие другие.

На лимесе и в провинциях канабы играли роль посредника между военнослужащими и местным населением. Переход к комплектованию легионов из местного населения и замена земельного надела выплатой наградных приводили к тому, что ветераны часто оставались в канабе и старались купить именно здесь землю. Канабы являлись центрами римской цивилизации и романизации местного населения.

Император Коммод — новый Геркулес в порфире

Старший сын Марка Аврелия и императрицы Анны Фаустины, внук Антонина Пия, стал первым за столетие императором, унаследовавшим трон от отца. В шестнадцать лет Луций Аврелий был объявлен соправителем отца, а через три года — неограниченным властелином. Прежде всего юноша сменил имя Луций на Марк Аврелий Коммод (что значит «Любезный», «Обходительный»). Вступив на престол, Коммод (180—196) отказался от захвата новых территорий. Он заключил с маркоманами, сарматами и квадами мир, пообещав их вождям ежегодные денежные выплаты. Его правление положило конец эпохе «пяти добрых императоров». Он практически не занимался правительственными делами. Император, любивший удовольствия, вел разгульную жизнь, предоставив управление государством префекту претория Переннису, перед которым была поставлена одна задача, — изыскание средств на зрелища.

Расточительство Коммода опустошало казну, что вызвало недовольство сенаторов. Уже через три года произошло первое покушение на Коммода. Заговор был организован сестрой императора (вдовой Луция Вера) Луциллой и его женой Криспиной, но задуман он был в Сенате. Начались массовые репрессии среди сенаторов и их окружения. Луцилла была сослана на Капри, где умерла через несколько лет. Коммод перешел к демагогической политике заискивания перед толпой и требовавшими повышения жалования преторианцами. Взбунтовавшимся солдатам пришлось выдать своего префекта, которого после зверских пыток убили, а вслед за ним были убиты все его родственники. В это время удалось подавить восстания, которые потрясли Британию, Галлию, Африку. Преемником префекта стал вольноотпущенник Марк Аврелий Клеандр, которому император пожаловал титул «кинжал» (в современном мире — министр безопасности). Этот человек отличался неумейной алчно-

стью (рассказывали, что звание консула он сумел продать за один год двадцать пять раз!). Но и этого фаворита Коммод отдал на растерзание толпе, собравшейся у дворца.

Император преследовал аристократию, пополняя казну за счет отобранной у нее собственности. Рим был объявлен личной колонией правителя и переименован в Коммодиану. Подобная участь ожидала Карфаген, африканскую флотилию, римские легионы и даже запуганный Сенат. Современники полагали, что в лице «любезного» Коммода воскресли вызывавшие ужас Калигула и Нерон. В его гареме томились несколько сот женщин и столько же мальчиков. Среди его изысканных пристрастий фигурируют ношение женской одежды и игры во врача с препарированием живых людей.

Коммод великолепно владел мечом, луком и дротиком, отличался атлетическим сложением и, подобно Александру Македонскому, считал себя царем-охотником. Он приказал именовать свою особу Гераклом, сыном Зевса. Нарядившись в львиную шкуру, взяв в руки дубинку, Коммод стрелял в сидевших в амфитеатре граждан из лука: римляне казались ему стимфалийскими птицами (убиравшими своими медными перьями людей, пока Геракл их не обезвредил). На монетах чеканились слова «Победитель» и «Непобедимый», что подразумевало равенство Коммода с Гераклом и Александром Македонским. В Риме была учреждена коллегия жрецов для служения новому богу.

Всеобщее презрение император заслужил, когда стал выступать в цирке гладиатором, избивая на арене беззащитных животных и людей. А ведь согласно римским обычаям и традициям, это было презренное ремесло для свободных граждан (выходить на арену — удел рабов!).

Но гладиатор победил в Коммодe даже самого Геракла. Император выступил в роли секутора (гладиатора, вооруженного мечом и защищенного шлемом и щитом) 735 раз! Он стал именоваться Павлом, и Сенат, приветствуя его, должен был 626 раз повторять: «Ты — первый из секуторов, ты — бог, ты — победитель!». Коммод ощущал власть как зрелище, но не заметил, как превратился в актера, потешавшего толпу.

Кровавые развлечения на арене и расправы за стенами цирка привели к образованию оппозиции со стороны Сената. Заговор был организован ближайшим окружением императора: преторианский префект Лет, любовница Марция и вольноотпущенник Элект дали Коммоду отравленную еду. Но яд подейст-

вовал не сразу, и тогда императора попросту задушили. Радостными криками встретил Сенат известие о смерти бывшего правителя и постановил разрушить все изображения Коммода, а его имя заклеить вечным позором. Так закончил свой жизненный путь последний император из династии Антонинов.

Надвигался период кризиса, знаменовавший переход к Поздней империи.

КУЛЬТУРА ИМПЕРИИ В I—II вв.: «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»

В I—II вв. римское общество достигло своего наивысшего расцвета и стало самым богатым и процветающим из всех древних цивилизаций, что обеспечивало ему материальную базу для создания и распространения новых культурных ценностей. У богатого общества возросла потребность в особой категории людей, выполняющих интеллектуальную работу, — интеллигенции. Она включала в свой состав свободных людей, к которым относились учителя, риторы, странствующие философы, архитекторы, поэты, и, как ни странно, довольно много рабов. Имена рабов-интеллектуалов зачастую до нас не дошли, так как авторство их не могло быть признанным юридически.

Культура этого периода носила явно выраженный городской характер, ибо именно города были центрами цивилизованного образа жизни. Но интенсивная культурная жизнь городского населения не ограничивалась Римом или Италией, она развивалась в центрах эллинистической цивилизации, например, в Афинах и Александрии, во вновь основанных провинциальных городах — Лугудуне, Кордове, Виндобоне и других. Строительство городов в провинциях по римскому образцу, распространение латинского языка, римских обычаев и культуры способствовали общему процессу романизации. Следует отметить, что римляне старались учитывать местные традиции и охотно заимствовали культурные достижения других народов, что приводило ко взаимообогащению культур в рамках всей Империи. Государство в I—II вв. политику в области культуры стало считать своей важной задачей: развивалась система общеобразовательных школ, активно строились культурные центры — театры, библиотеки, финансировались философские и ораторские школы, оказывалось покровительство поэтам, юристам, медикам, философам. Почти все римские императоры были образован-

ными людьми и считали своим долгом покровительствовать развитию культуры.

В рамках «мировой» Римской державы сформировалась своя система ценностей: благоустроенный быт, известный уровень благосостояния, гордость за великую страну. Но по мере укрепления императорской власти и воспитания психологии подданного в мировоззрении образованных слоев растет презрение к труду, стремление к низменным удовольствиям, расцветает угодничество (например, всплывает жанр льстивой придворной литературы — панегирик). Эти духовные ценности нашли отражение в лучших произведениях своего времени: в романе Петрония «Сатирикон», с его яркой картиной морального разложения общества, в сатирах Ювенала, сформулировавшего главное правило римского паразитизма: «Хлеба и зрелищ».

По сравнению с «золотым веком» римской литературы в правление Августа в дальнейшем наблюдается упадок литературного творчества. I—II века соответственно принято называть «серебряным» и «бронзовым» веками римской литературы. Это время не дало таких гигантов поэзии, как Вергилий, Гораций и Овидий. Но и теперь все еще модно пробовать свои силы в поэзии и прозе, правда, мало появляется трагедий и эпоса, но их захлестывает риторика, а графоманские потуги тщеславных принцепсов оседлать Парнас надолго портят вкусы светского общества и отбивают охоту талантливым дебютантам тягаться с «великими» поэмами очередных «Неронов». Зато заметным явлением стало, во многом «протестное», творчество поэтов Марциала и Ювенала, сатирические произведения Лукана и его «Фарсалии», письма Плиния Младшего, «Параллельные жизнеописания» Плутарха, авантюрный роман Апулея «Метаморфозы» и исторические труды Корнелия Тацита. Во всех этих произведениях отразилась пестрая и противоречивая жизнь самых разных слоев населения огромной Империи с ее материальным благополучием и падением нравов.

Этот период особенно был благоприятен для расцвета градостроительного искусства и архитектуры. Основой его служили обилие материальных и людских ресурсов и мощный интеллектуальный потенциал общества. Скажем, зодчество оставило в истории выдающегося мастера Аполлодора Дамасского, создавшего мост через Дунай, Форум Траяна и Пантеон.

Римская наука I—II вв. отличалась своей практической направленностью, что блестяще воплотилось в бесценном труде

Плиния Старшего «Естественная история». Высокого уровня достигла римская медицина, которой Корнелий Цельс и Гален придали облик настоящей научной дисциплины. Благодаря трудам Гая и Сальвия Юлиана, мы получили руководства по изучению римского права. Так, в уникальном культурном «котле» Римской империи вызревали основы для будущей межнациональной европейской культуры Нового времени.

Лукан — первый «диссидент» Империи

Марк Анней Лукан (39—65 гг.) был уроженцем испанской Кордовы (Кордуба) и племянником философа Сенеки. С 40 г. он жил в Риме, где получил прекрасное риторическое образование у знаменитого философа-стоика Корнута. До достижения соответствующего возраста Лукан стал *квестором*, подвизался также и *авгуром*. Публично он впервые выступил в 60 г. на так называемых «Нерониях», где и получил из рук императора награду. Лукан сначала входил в круг «друзей» Нерона, но его литературный дар вызвал черную зависть у императора-поэта. После опубликования первых трех книг исторического эпоса по неизвестным причинам в его отношениях с Нероном появилась серьезная трещина. Император даже запретил поэту занятия своим ремеслом. Лукан оказался в опале. Неожиданно поэт выступает с оскорбительной для Нерона поэмой, а в 64 г. принимает участие в заговоре Пизона. По повелению императора Лукан покончил с собой, вскрыв себе вены и декламируя стихи из своего эпоса.

Несмотря на свои молодые годы, Лукан стал наиболее значительным после Вергилия представителем эпического жанра в римской литературе. Из его многочисленных трудов (нам известны названия предположительно 14 произведений) сохранилась только историческая поэма «Фарсалия», или десять книг «О гражданской войне», в которой описывается вторая гражданская война между Цезарем и Помпеем. Предполагается, что основные исторические сведения об относительно недалеком прошлом Лукан заимствовал у Ливия и из «Галльской войны» Цезаря. Он изложил причины войны, дал характеристику обоих противников, описал столкновения между ними в Греции и в Египте.

Главные герои эпоса обрисованы в духе республиканской традиции. Цезарь предстает тираном, погубившим римские

вольности, Катон олицетворяет свободу, а Помпей — символ былого блеска Рима. В своем произведении Лукан использовал почти все мотивы древнего эпоса, дополнив их своими географическими и естественнонаучными экскурсами. Однако Лукан в пику гомеровско-вергилиевой традиции отказался от введения в ткань действия божеств, что критиковал в свое время Петроний в «Сатириконе». Поэт считает, что земные дела не зависят от воли богов, миром правит слепая судьба (Фортуна, Фатум), любимцем которой является Цезарь.

Это произведение было протестом против деспотии и единовластия. «Фарсалии» становятся как бы анти-Энеидой, так как поэт восхваляет в них свободу Рима и осуждает Империю. В эпос включено более ста речей, прекрасных ораторских композиций, риторическая декламация и мрачный реализм в описании человекоубийств. Лукан тщательно выстраивал стихи, но так и не смог придать им плавности и изысканности. Поэтому еще в древности его чаще причисляли к ораторам, чем к поэтам (Квинтилиан).

Марк Валерий Марциал — игривый сатирик

Марк Валерий Марциал (ок. 40—104) родился в романизованной Испании, давшей Риму целый сонм поэтов и императоров, в городе Бильбилисе. Он вошел в сословие всадников, получил риторическое образование и переехал в Рим, где у него были свой дом на Квиринале и вилла. При этом находился на положении клиента у богатых патронов (о чем плакался в своих эпиграммах), но получал материальную поддержку и от *Сенеки* Младшего, и от *Лукана*. Смерть обоих покровителей, участвовавших в заговоре Пизона против *Нерона*, сулила крушение всех надежд Марциала. Однако в правление *Тита* и *Домициана* его положение улучшилось. Марциал получает привилегии как отец троих детей, хотя, по-видимому, никогда не был женат и не имел потомства. Императоры поощрили его должностью военного трибуна и производством во всадники. Откровенные лесть и раболепие при обращении к *Домициану* встречаются в эпиграммах поэта: «И при владыке каком шире свобода была?». Среди друзей поэта были *Квинтилиан*, *Плиний Младший* и *Ювенал*. В 98 г. поэт возвращается в Испанию под покровительство патронессы — богатой *Марцеллы*, подарившей ему поместье.

Начиная с 86 г., Марциал ежегодно издавал по книге (всего 15) эпиграмм, среди которых «Зрелища, по случаю открытия Колизея императором Титом», «Подарки» — надписи гостям к подаркам за обедом и «Уносимое» — надписи к подаркам, уносимым гостями после обеда. Эпиграммы Марциала отличались тонким юмором и богатой фантазией, поэт свой «игривый стих» пропитывал «римской солью», клеймя падение нравов знати, лицемерие и расточительство. Размер эпиграмм различен (от одной строки до 51), написаны они и элегическим дистихом, и различными типами ямба, гекзаметром и одиннадцатисложником.

Именно из-под пера Марциала возник сам жанр эпиграммы — короткого ироничного стихотворения с неожиданной концовкой. Марциал был популярен на протяжении всей Античности. Плиний Младший, узнав о смерти Марциала, писал: «Он был умен, ловок, остроумен. В стихах его было много соли и желчи, но не меньше и простодушия». П.А. Вяземский говорил о нем: «Кипящий Марциал, дурачеств римских бич».

Разящий «Ювеналов бич»

Имя Децима Юния Ювенала (ок. 60 — ок. 130) стало нарицательным для обозначения едкого и негодующего сатирика. Родился он в семье небогатого землевладельца в итальянском городке Аквинк в области вольсков (на юго-востоке Лация). После смерти отца Ювенал воспитывался у богатого вольноотпущенника, учился на чтеца-декламатора и получил в Риме риторическое образование. В дальнейшем он оказывал клиентские услуги влиятельным лицам.

В жизнеописании сатирика существует история о том, что за осмеяние фаворита императора Домициана, актера Париса, Ювенал был сослан в Южный Египет в должности младшего офицера (чем не М.Ю. Лермонтов). Но некоторые детали этого рассказа неверны. Например, сообщается, что по прибытии в Египет Ювенал вскоре умирает в возрасте 80 лет. Домициан же был убит в 96 г., когда Ювеналу исполнилось сорок лет. Достоверно то, что свои первые стихи Ювенал начал публиковать довольно поздно, после 100 года.

Несмотря на то, что он творил в сравнительно благополучную эру Траяна и Адриана, сатириком владеет навязчивый недобрый интерес к мрачным временам Нерона и Домициана. На-

пример, в своей IV сатире Ювенал нападает на Криспина, выскочку-египтянина, вошедшего в совет Домициана, однако истинный объект сатиры — порочные нравы самого императора.

Ювенал написал 16 сатир в пяти книгах. В них он обличал пороки высшего общества, обрушивался на могущество денег в Риме, его возмущает социальное неравенство. Ювенал утверждает, что благороден лишь тот, кто добродетелен: благородство не передается по наследству, и в сиянии древнего имени порок еще более постыден. Честному человеку нечего делать в Риме, ибо там ценятся только деньги и богатство, ради которых творятся ужасные преступления. Этот творческий запал писателя А.С. Пушкин охарактеризовал как «Ювеналов бич».

Для выражения чувства гнева и возмущения Ювенал пользуется приемами риторики — восклицаниями, вопросами, гиперболами. Но у него они органически вплетаются в ткань произведения. Некоторые выражения Ювенала стали крылатыми: «В здоровом теле здоровый дух», «Хлеба и зрелищ». Сильные стороны творчества Ювенала — чеканный стиль и способность описывать незабываемые сцены, его слабость — хаотичность изложения и иногда пустая риторика. Его произведения отличаются негодованием и склонностью подмечать пороки. Ювенал стал одним из «золотых поэтов» Средних веков, оказал сильное влияние на английскую литературу, особенно на Эд. Гиббона и Дж. Свифта.

Апулей и его «Золотой осел»

Луций Апулей (ок. 124 — ок. 180) по происхождению не был римлянином. Он родился в Северной Африке в г. Мадавре (Нумидия). Получил хорошее образование в Карфагене и Афинах, отменно владел и латынью, и греческим, разбирался в философии и риторике, истории и естествознании; практиковал юристом в Риме.

Во время одного из путешествий Апулей встречается со школьным другом, знакомится в Африке с его овдовевшей матерью Эмилией Пудентиллой и женится на ней. После смерти товарища его родственники привлекают Апулея к суду по обвинению в том, что при помощи магии тот околдовал богатую вдову. В свое оправдание Апулей пишет трактат «О магии, или Апология», в котором дает представление о суевериях, существовавших в те времена. В этом произведении чувствуется влияние на писателя неоплатоновской философии и восточного мистицизма.

ма, в частности культа египетской богини Исиды. Недаром после смерти он слыл магом и волшебником. В своих трудах он популяризировал греческих философов Платона и Аристотеля, сохранились три его философских трактата: «Об учении Платона», «О божестве Сократа», «О мире».

Огромной популярностью пользовался его роман «Метаморфозы», больше известный под названием «Золотой осел». В нем описываются приключения праздного юноши Луция, который с помощью колдовских мазей фессалиянки Памфилы превращается в осла. Герою пришлось пережить много страданий, прежде чем вновь обрести человеческий облик посредством венка роз, полученного из рук жреца. Самая яркая часть романа — сказ о любви Амура и Психеи, о том, как после долгих перипетий состоялось их бракосочетание на небе.

Апулей нарисовал красочные картины греческого быта своего времени, условия жизни мелких землевладельцев и рабов. В основу романа положена ионийская новелла с витиеватым модным стилем, получившим название «азианского» (азиатского). Некоторые исследователи считают, что «Метаморфозы» имеют аллегорический смысл и повествуют о восхождении души к окончательному спасению. Мы не знаем, какую задачу ставил перед собой Апулей, но последние страницы «Золотого осла» озарены мистическим чувством, ведь благодаря Исиде Луций вновь обретает человеческий облик, а затем становится жрецом богини. Люди были благодарны писателю за живость языка и выразительный стиль. В Карфагене и Мадавре Апулею воздвигли статуи, прославляя его как оратора и автора великолепной латинской прозы, он также был сделан жрецом. В Средние века его новелла об Амуре и Психее вдохновляла многих живописцев — Рафаэля, Канову и других. В XVII в. на основе ее сюжета пишет роман Лафонтэн, а в России XVIII в. И.Ф. Богданович — поэму «Душенька».

Безбожник Лукиан

Сириец **Лукиан** (ок. 125—180) родился в городе Самосате. Его отец был ремесленником, а дядя — скульптором, но юноша выбрал собственный путь. Перебравшись в Грецию, Лукиан выучил греческий язык и стал странствующим ритором, читая перед публикой собственные произведения. Одно время он преподавал риторику в Афинах, а на склоне лет, по назначению императора Марка Аврелия, стал судейским чиновником в Египте.

До нас дошло около 80 его произведений, условно распа- дающихся на три периода. Первый посвящен разящей критике всех риторских школ «за пустопорожнюю болтовню», невежест- во, за словесную бесцветность и бездарность, за отрыв от реаль- ной жизни. Блестящие по форме памфлеты, бичующие сатиры и язвительные тонкие миниатюры порой представлены как фиктивные судебные речи: например, «Тираноубийца» — речь о жаждавшем славы смельчаке, который вместо тирана убил его сына и потребовал награды. Лукиану особенно удаются остро- умные и парадоксальные энкомии (похвалы по ничтожным по- водам). В «Похвале мухе» показано, как можно с полной серьез- ностью восхвалять муху, цитируя классиков, подробно распи- сывая брюшко, лапки, крылья...

Ко второму периоду относятся комические диалоги, в кото- рых во всю ширь развернулся талант Лукиана как сатирика и юмориста. Пристрастие к этой форме Лукиан вынес из практи- ки профессиональных риторов, учивших составлять речи как «за», так и «против» на судебных процессах. Искусству постро- ения диалога Лукиан научился у Платона, перенимая у филосо- фов иногда даже названия произведений: «Пир» — юмористиче- ское подражание аналогичным диалогам Платона и Ксенофон- та, где дана язвительная сатира на спекулятивную философию и самих философов. В известнейшем диалоге «Разговоры богов» небожители предстают в неприглядном виде обывателей, мещан с ничтожными страстишками и ограниченным умственным го- ризонтом. Лукианом созданы романы «Правдивая история» — о приключениях молодых путешественников на море (пародия на фантастические романы) и «Луций, или Осел», — более извест- ный по расширенной латинской версии Апулея. Обладая пре- красным знанием традиций греческой литературы, Лукиан по- ражает читателя неисчерпаемым богатством сюжетов, в которых клеймит погоню за наживой, сословное неравенство, насмеха- ется над религиозными предрассудками.

В основе произведений третьего периода творчества Луки- ана лежали традиции Менипповых (философ III в. до н.э., тре- бовавший свободы от всех благ) сатир. В них Лукиан беспощад- но высмеивает всякую религию, суеверия и веру в колдовство. Бóльшая часть этих зрелых и наиболее характерных для Лукиана произведений была создана в Афинах. Он развенчивает Олим- пийских богов, вскрывает жульнические проделки всякого рода

проповедников и шарлатанов. В круг его внимания попадает и христианство. Эта тема отражена в двух произведениях: «Александр, или ложный пророк» и «О кончине Перегрин» — жизнеописание некоего Протея, пройдохи, уголовного преступника, затем философа-киника и по совместительству христианского проповедника, странствующего «пророка» и аскета, фанатика, покончившего с собой самосожжением (чему сам Лукиан был свидетелем). Перегрин, по-видимому, личность историческая; о нем независимо от Лукиана упоминает Татиан. Рисуемая Лукианом картина лицемерного быта христианской общины и нравственная убогость ее руководителя оказалась до того неприглядной, что навлекла на автора ярость христиан.

Убийственный смех Лукиана создал ему мировую славу. В своих произведениях писатель передал страдание по поводу общественных язв и стремление преобразовать жизнь. Отзвуки его таланта мы наблюдаем у греческих романистов Гелиодора, Алкифрона, в эпиграммах Палладия. Его ценили Лактанций и Эразм Роттердамский.

Великий моралист и патриот Плутарх

Плутарх (46—119) родился в маленьком греческом городе Херонея в Беотии, где в 338 г. до н.э. в битве с отрядами Филиппа Македонского греки потеряли свою свободу. Происходил он из старинного состоятельного рода и всю жизнь был связан с родным городом. Учился в Афинах у философа-платоника Аммония, стал почетным гражданином города и, помимо этого, верховным жрецом святилища Аполлона Дельфийского. В Дельфах же в его честь была воздвигнута статуя, от которой при раскопках в 1877 г. был найден постамент со стихотворным посвящением. Плутарх много путешествовал по Малой Азии, Египту, Италии, где был принят императорами Траяном и Адрианом. В Риме он завязал дружеские отношения с консулом Квинтом Сосием Сенекионом, которому впоследствии посвятил «Сравнительные жизнеописания» и «Застольные беседы». Близость к влиятельным кругам Империи принесла Плутарху почетные должности: при Траяне он стал проконсулом, при Адриане прокуратором провинции Ахайя (так именовали римляне Грецию). Сохранилась надпись эпохи Адриана о даровании Плутарху римского гражданства и причислении его к роду Местриев.

Это был человек, трогательно привязанный к своей семье, друзьям и традициям города. Нередко в своих сочинениях он говорит в самом высоком тоне о своей жене Тимоксене. У него было четверо сыновей и одна дочь, которая, как и один из сыновей, умерла в младенчестве. Всем членам семьи он посвящал сочинения и возвышенные послания. Оставив блестящую политическую карьеру, Плутарх избрал жизнь в кругу своих детей и учеников. Он писал: «Что до меня, то я живу в маленьком городе и, чтобы он не сделался еще меньше, охотно в нем остаюсь».

Плутарх создал в Херонее своего рода частную философско-нравственную академию, где обучал творчеству. Литературная деятельность Плутарха носила просветительский и воспитательный характер. Из огромного писательского наследия Плутарха (250 трудов) сохранилась всего лишь треть. Свои воззрения на жизнь он выразил в «Нравственных сочинениях». Это вопросы семейной жизни, воспитания, дружбы, описание недостатков характеров и путей их преодоления. Он создает сочинения по практической морали: «О зависти и ненависти», «Как отличить льстеца от друга», «Как юношам знакомиться с поэзией» и т.д. Его произведения проникнуты духом платоновской философии, а трактат «Платоновские вопросы» являлся комментарием к текстам философа.

Но свое неповторимое место в античной литературе Плутарх завоевал «Сравнительными жизнеописаниями» великих греков и римлян. Он описывает 50 судеб, давая сравнительную характеристику своего рода «пар» героев. Плутарх формулирует свой принцип отбора фактов: «Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов».

Древнейшие времена познавались читателем по деяниям мудрых законодателей Солона, Ликурга и Нумы, а конец Римской республики предстал перед читателем величественной драмой, движимой столкновениями характеров Цезаря, Помпея, Красса, Антония и Брута. Несмотря на свой эллинский патриотизм, Плутарх чувствует себя гражданином Римской империи и участником становления ее величия. В истории Рима он отыскал выдающиеся примеры мудрости, героизма, самопожертвования во имя родины, которые находят «зеркальное» от-

ражение в образцах величия Эллады. Его труды стали неоценимым источником событий прошлых времен. Благодаря Плутарху, в европейской культуре складывалось представление об античной истории как о полуполюгендарной эпохе свободы и гражданской доблести.

История от Тацита: без гнева и пристрастия

Талантливейший римский историк **Публий Корнелий Тацит** (55—120), из знатной семьи в Нарбонской Галлии, получил прекрасное образование в области риторики, что помогло ему еще в молодости стать известным оратором. В ранних произведениях историка рождался знаменитый «тацитовский» стиль, отличавшийся совершенством литературного изложения и умением обойти «острые сюжеты» с помощью иносказаний и поэтических метафор.

Женитьба на дочери знаменитого полководца и видного сенатора Агриколы содействовала достижению Тацитом высоких государственных должностей: он был введен в сенаторское сословие, стал претором, консулом и проконсулом провинции Азия при императоре Траяне. В пору зрелости Тацит считался одним из виднейших римских юристов. Как член коллегии квиндецемвиров, управлявшей культами иноземного происхождения, он занимал пожизненную жреческую должность. После убийства в 96 г. Домициана римляне надеялись на восстановление «попранной свободы», но политическая ситуация в Империи мало изменилась. Видимо, этим объясняется пессимизм последующих произведений Тацита.

Когда в 93 г. умер Агрикола, Тацита не было в городе, он не смог произнести надгробную речь, но он ее написал позднее: «О жизни и характере Юлия Агриколы». Жизнеописание соответствует традиционному жанру хвалебной биографии, но в него вплетено описание географии народов Британии. Тацит рассказывает об историческом покорении острова римлянами, пишет, что при Домициане, который несправедливо, по мнению историка, отозвал тестя из Британии, невозможно было воздавать заслуженную хвалу честным людям, и называет время принципата от Тиберия до Домициана рабством.

В 98 г. Тацит закончил свой этногеографический трактат «Германия», где описывал общественное устройство и быт этих племен, а также предостерегал римлян от опасности, которая

грозит Империи со стороны свободолюбивых германцев. С большим сочувствием изображает Тацит в своих трудах вождей восставших против римского владычества племен, например, Калгака, который в знаменитой речи против алчных римлян (весьма злободневно и в наши дни) восклицает: «На своем лживом языке убийство, грабеж, захват они называют правлением, а причиненные ими опустошения — миром». Он противопоставляет свободную и суровую жизнь бриттов и германцев развращенным и изнеженным римлянам.

В полной мере талант Тацита развернулся при Антонинах, когда он мог относительно свободно высказывать свои мысли по отношению к правлению «тиранов». В это время он создает свои значительные историографические труды «Истории» и «Анналы», в которых вскрываются события со времени смерти Октавиана Августа до убийства Домициана. Композиционно произведения очень близки и уже в древности воспринимались как единое сочинение. Вместе с тем эти труды стали страстным и гневным обличением императорскому режиму.

Его описания эпохи Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона являются подлинными шедеврами. Ужасны жестокость и самодурство полуобезумевших от неограниченной власти над миром тиранов, но еще ужаснее то развращающее влияние, которое они оказывают на общество. Тацит дал яркую историю «кровавого» Рима, полную глубоких рассуждений, посвященных выдающимся личностям, которые, по его мнению, определяли ход истории. Причины поражений и побед, злодеяний римлян в провинциях Тацит пытается объяснить влиянием богов, рока, судьбы, а не закономерностями исторического развития. Диалектическое понимание истории в ее противоречиях особенно отличает Тацита как историка. Много позже французский поэт написал: «Имя Тацита заставляет бледнеть тиранов».

Савновник Аппиан и его след в истории

Уроженец Александрии Египетской, крупнейшего центра науки и культуры на всем подвластном Риму Востоке, Аппиан родился между 85 и 100 гг., а умер между 163 и 180 гг. По происхождению он был греком из местной александрийской знати. В своем родном городе занимал почетные должности, однако во время иудейского восстания (116 г.) был вынужден бежать в Рим. Жизнь Аппиана пришлась на период правления императоров Траяна, Адриана и Антонина Пия.

При Адриане Аппиан обрел римское гражданство и, будучи причисленным к всадническому сословию, занял заметное положение в чиновничьем аппарате. Он получил место адвоката фиска в Риме, защищая интересы императорской казны при исках, предъявляемых частными лицами. Друг Аппиана, оратор и адвокат, а также воспитатель будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера, Марк Корнелий Фронтон хлопотал за него перед императором Антонином Пием. Аппиан был назначен прокуратором фиска в Египет и вернулся в родной город в новом качестве высокопоставленного чиновника. Но обессмертил свое имя Аппиан, создав уже к старости (около 160 г.) объемное историческое произведение на греческом языке под названием «Римская история», состоящее из 24 книг и охватывающее период от основания Рима до первых десятилетий II в.

В основу описания им положен не хронологический, а территориальный принцип распределения материала, о чем можно судить по названиям книг: «Царская», «Самнитская», «Кельтская», «Сицилийская и островная», «Ганнибалова», «Ливийская», «Македонская» и «Иллирийская», «Митридатова» и т.д. Почти целиком дошли до нас 6—9-я и 11—17-я книги. Пятую часть труда историка составляют «Гражданские войны» (13—18-я книги), которые в силу композиционного характера воспринимаются как отдельное произведение, где дано подробное изложение истории Поздней Римской республики — от Гракхов до Октавиана.

Историк, сторонник монархических порядков, для него демократия — «слово красивое, но всегда бесполезное». Аппиан использовал для своих работ сочинения Полибия и Тита Ливия, Азиния Поллиона, Кремуция Корда и Рутилия Руфа, однако источниками своими пользовался недостаточно аккуратно: в изложении событий у него немало путаницы в датах и именах, в последовательности происходившего и в географии.

Достоинство труда Аппиана состоит в том, что ему менее чем его предшественникам и современникам, свойственны морализаторские тенденции при объяснении исторических событий. Как никто другой из историков древности Аппиан увидел главные движущие силы истории и причины внутривнутриполитической борьбы в римском обществе в экономических интересах масс, в вопросе о земельной собственности. Аппиан оставил потомкам достаточно полное и увлекательное описание драматического периода римской истории, определившего крушение республиканского строя и утверждение нового, императорского.

«Естественная история» Плиния Старшего

Гай Плиний Секунд Старший (23—79), дядя и приемный отец Плиния Младшего, родом был из Нового Комо на севере Италии. Он рано перебрался в Рим и активно включился в общественную жизнь как адвокат, а затем служил в армии в Испании, Германии и Галлии. При императоре Веспасиане, с которым Плиния связывала давняя дружба, он был наместником Нарбонской Галлии и Тарраконской Испании.

Римский государственный деятель, ученый-энциклопедист, историк и писатель, близкий советник императора Веспасиана (он частенько приходил к нему ближе к ночи, а уже с восходом солнца отправлялся с ответственными поручениями и новой должностью), Плиний Старший отличался исключительной работоспособностью. Он постоянно читал или делал заметки, диктовал или заставлял своего секретаря читать ему во время трапезы, омовения и прогулок. Спал он всего несколько часов в сутки. Перечень написанных им книг (160 свитков) вызывает уважительное удивление: о стрельбе всадников, о жизни Помпония Секунда, о германских войнах, о воспитании ораторов, о грамматических формах.

До наших дней дошел, к сожалению, лишь огромный энциклопедический труд из 37 книг — «Естественная история». Плиний сам говорит, что использовал для своего труда более 2000 произведений 400 авторов (о которых нам почти ничего не известно). В сочинении содержатся сведения по астрономии, физике, географии, антропологии, зоологии, ботанике, живописи и скульптуре. По всем томам рассыпаны ценные исторические сведения и подробные материалы по медицинским знаниям и лекарствам животного происхождения. Писатель собрал данные об аномалиях человеческой природы: о рождении двойняшек и тройняшек, о младенцах-уродах и о передаче признаков по наследству в «четвертом колене».

Плиний рассказал нам о суевериях и предрассудках того времени: описал птицу-феникс и гиппокентавра, которого, как он утверждает, видел сам в бальзамированном виде. Вот некоторые из предложенных им рецептов: «... стрелы, копья и другие предметы, которые надо извлечь из тела, легко выходят, если приложить разрезанную пополам мышь или ящерицу... против чирьев, говорят, помогает паук, если его приложить, не произнося его названия, и снять на третий день... печень волка в горячем

вине излечивает кашель...» и т.д. Наряду со строго научными знаниями автор, как мы видим, изложил и народные поверья.

Плиний не совершил в своей работе каких-либо открытий, тем не менее «Естественная история» явилась одним из высших достижений античной науки со времен Аристотеля и его школы, хотя бы в том, что донесла до нас кладезь античной мудрости, засыпанный песком забвения. Его афоризмы актуальны и сегодня: «Ничего нет более жалкого и более великолепного, чем человек»; «Нет худа без добра»; «Истинная слава состоит в том, чтобы делать то, что достойно быть описанным, и писать то, что достойно быть прочитанным».

Ученый погиб на 56-м году жизни на служебном посту. Являясь командующим флота, стоявшего в Мизене, Плиний Старший самоотверженно принял участие в спасательных операциях во время извержения Везувия в 79 г., сошел на берег, чтобы успокоить и спасти местных жителей, и погиб от едких испарений серы.

«Письма» Плиния Младшего

Гай Цецилий Плиний родился в 61 или 62 г. в небольшом городке Коме, расположенном на берегу высокогорного озера (совр. Комо) в Северной Италии. Отец его рано ушел из жизни, оставив сыну несколько поместий по берегам Ларийского озера. В детстве его опекуном был видный политический деятель Вергиний Руф, одержавший победу над Юлием Виндексом. В четырнадцать лет Плиний уже сочинил трагедию. После завершения образования он выбрал для себя гражданскую карьеру и уже в 19 лет выступил на Форуме в роли адвоката. Известно его выступление в Сенате в защиту провинций Бетики и Африки, о чем упоминает Тацит в своей «Истории». Для начала карьеры государственного чиновника ему пришлось несколько лет провести на военной службе. Затем Плиний прошел все должности римского магистрата: от квестора до консула. Последняя из них — императорский легат в сенатской провинции Вифиния и Понт.

Из литературных трудов Плиния Младшего сохранились 10 книг «Писем». Многое из жизни Рима того времени безвозвратно ускользнуло бы от нас, не имей мы этих литературно обработанных писем. В них представлен образ жизни, условия воспитания и образования римлян эпохи Империи, будни сельской виллы и нормы права. «Письма» Плиния содержат единственное сохранившееся описание извержения вулкана Везувия в 79 г. и обстоятельства смерти его знаменитого дяди Плиния Старшего.

Переписка Плиния Младшего с императором Траяном — важный исторический документ, как и «Панегирик» — речь в честь Траяна, произнесенная в Сенате в день предоставления консульства. Из него мы узнаем о правлении Нервы, о путешествиях Домициана вдоль границ Империи, о походах Траяна к Дунаю, о некоторых важных законах Траяна, о льготах по налоговому обложению и т.д. Впоследствии «Панегирик» часто использовался как образец похвальной (но уже зачастую льстивой) речи.

«Отец астрономии и географии» Клавдий Птолемей

Выдающийся астроном, математик и географ Античности Клавдий Птолемей активно творил в 127—148 гг. и постоянно жил в Александрии. Более поздние источники утверждают, что он проживал еще в правление Марка Аврелия и умер в возрасте 79 лет. Эти сведения позволяют сделать вывод, что родился Птолемей в конце I в. Наиболее громкую славу ему принесли астрономические произведения, в которых его стараниями геоцентрическая теория строения мироздания (именуемая часто Птолемеевой) приобрела окончательную форму. Вековые усилия греческих астрономов по объяснению сложного движения светил увенчала работа Птолемея в 13 книгах «Математическая система», или «Альмагест» (название явилось следствием соединения арабского определенного артикля и греческого слова «мегистэ», что и означает «величайшая»).

Используя работы своих предшественников (в основном Гиппарха Никейского (190—125 гг. до н.э.) и Аполлония Пергского (260—170 гг. до н.э.), Птолемей обогатил собственными наблюдениями собранные воедино все астрономические знания своего времени. Им описаны основные астрономические предположения и математические выводы. Он говорит о сферичности Земли и неба, о центральном положении Земли во Вселенной, о том, что Земля неподвижна, а небо совершает суточное вращение вокруг небесной оси. Принадлежащая Птолемею теория обращения Луны учла периодическое «покачивание» лунного апогея, названное позже «эвекцией», для которой у него получилось почти правильное значение. В его бесценном труде описываются диаметры Солнца, Луны и Земли, а также расстояние до Солнца, солнечные и лунные затмения, расположение звезд по созвездиям, порядок планет и периоды их обращения.

Уже в VIII в. это произведение было переведено на арабский язык, в таком варианте вернулось в средневековую Европу, вновь было переведено на латынь и стало основным астрономическим сочинением вплоть до времен Коперника. В 147—148 гг. Птолемей начертал на каменной плите в Канопе надпись, где были приведены расположения планет. Не менее популярным было его «Четверокнижие», систематизировавшее все имеющиеся данные и теории о влиянии планет и звезд на жизнь людей и различные события, происходящие на Земле.

Вплоть до эпохи Возрождения теоретическая география рабски следовала научному трактату Птолемея «География». В восьми книгах он рассматривает эту дисциплину как науку об изображении Земли при помощи рисунков, в основе которых лежат астрономия и математика. Чтобы облегчить составление карт, Птолемей подготовил таблицы географических широт и долгот примерно восьми тысяч наиболее известных в его время местностей, гор и рек. Свою работу Птолемей сопровождал атласом из 27 карт: 10 региональных карт Европы, 4 карты Африки, 12 карт Азии и сводной картой всей известной к тому времени ойкумены. Поскольку подавляющее количество данных было получено Птолемеем от путешественников, атлас содержал много ошибок: земная окружность была занижена на четверть и нулевой меридиан проходил через Канарские острова, из-за преувеличенного размера Азии известный мир протянулся более чем на 180° (в действительности — 130°). Однако книга завоевала такой авторитет, что даже после путешествий Колумба и Магеллана, которые ниспровергли основные положения «Географии», все еще выходили карты в стиле Птолемея.

Произведение «Гармоника» Птолемей посвятил теории музыкальных ладов, которое стало одним из основных источников изучения истории греческой музыки. Сочинение «Оптика» в пяти книгах, рассказывает о зрении и зрительных обманах, о законах отражения света и преломления его в воде. Птолемей прибег к измерениям, чтобы доказать, что «угол падения равен углу отражения».

Влияние идей Птолемея на литературу было огромным. Например, Данте и Мильтон делают Вселенную Птолемея основой для построения собственных миров, а творчество Э. Спенсера пронизывает птолемеевское понятие космического порядка. Даже герои Шекспира живут в мире Птолемея.

Луций Юний Колумелла Модерат — теоретик и практик агрономии

В отличие от Древней Греции, где рабы эксплуатировались в основном в сфере ремесла и торговли, в Древнем Риме главной сферой применения рабского труда было сельское хозяйство, в котором противоречия рабовладельческого способа производства достигли наибольшей остроты и привели к возникновению колоната. Беднейшие слои свободного населения, нередко в драматичной форме, упорно боролись за землю. Данная ситуация наложила отпечаток на характер экономической мысли Древнего Рима, которая в основном решала аграрные проблемы. С I в. н.э. наблюдается упадок средних рабовладельческих вилл наряду с подъемом латифундий, переходивших к колонатному земледелию. Сдвиги в сельском хозяйстве нашли прямое отражение в экономической мысли того периода.

Важное место в истории римской экономической мысли принадлежит Луцию Юнию Модерату Колумелле, римскому писателю и агроному, написавшему 12 книг о сельском хозяйстве. Родился он в Гадесе (совр. Кадис) в Испании. Около 36 г. был трибуном в Сирии и Киликии. В начале правления Клавдия обосновался в Италии, где приобрел несколько имений (в Ардее, Карсеолах, Альба-Лонге, Цере). Поэтому он хорошо знал особенности развития италийского хозяйства, занятие которым считал наиболее почетным для гражданина.

Ориентируясь, главным образом, на условия Италии, Колумелла в своем энциклопедическом труде «О сельском хозяйстве» излагает такие темы, как выбор земли, поддержание водных ресурсов участка, вспашка и удобрение, уход за виноградниками и плодовыми деревьями. В книге обсуждаются проблемы животноводства, пчеловодства, садоводства, причем обрисованы обязанности как самого земледельца, так и его жены. Уже в предисловии к первой книге Колумелла вступил в полемику с теми представителями римской науки, которые видели причины определенного упадка хозяйства в бесплодии земли и плохом климате.

Как хороший практик, Колумелла осознавал, что у рабского труда существуют ограниченные возможности, он призывал избавляться от нерадивых рабов, а у остальных «организовывать их трудолюбие». Он считал, что основная цель покупки имения — получение дохода. По его мнению, хороший хозяин сможет по-

бедить и бесплодие земли, если... у него есть деньги. Колумелла первым в античной мысли высказал идею интенсивного развития рабовладельческого хозяйства. Он разработал целую систему искусственного удобрения почвы, смело выступил за проведение агротехнических опытов. При этом считал необходимой реорганизацию рабского труда. Основная его идея — специализация рабов, т.е. квалифицированный рабский труд. Колумелла также предлагал сдавать землю в аренду свободным колонам. Он даже советовал заменить ими рабов-приказчиков.

Стиль труда Колумеллы не лишен изящества, но и не впадает в вычурность или риторику. Его X книга, посвященная садоводству, написана стихами — гекзаметром, в подражание «Георгикам» Вергилия. Следует отметить, что лучшая рукопись его труда, Сен-Жерменская, хранится в Санкт-Петербурге.

Стоицизм Эпиктета

Зародившийся и достигший расцвета в Греции, стоицизм обрел свое второе рождение в Риме, где он угас как философское течение, но где он обрел и свое бессмертие. Проблематично говорить о творческом развитии стоицизма в Риме, каждый из его приверженцев лишь усиливал ту или иную сторону учения, почти не изменяя его в целом. Римский стоицизм часто вступает в разнообразные «эклектические» связи с другими учениями (с платонизмом и неоплатонизмом). Воины, граждане и завоеватели, римляне чуть ли не от рождения были стоиками. Эта философия волновала их умы, так как соответствовала их менталитету, насквозь пронизанному идеей государства и права. Философия «героического пессимизма» была очень созвучна мировоззрению римского народа. У римского стоицизма сложились особые отношения с нарождающимся христианством. Например, многие идеи и образы Нового Завета почти дословно совпадают с цитатами из сочинений самого известного римского стоика — *Сенеки*. Подобное «родство» не стоит преувеличивать, ибо стоики оставались язычниками. Но глубина самопознания и исповедальности, открытие «внутреннего мира» человека, совершенные стоиками (вспомним *Марка Аврелия*), можно в определенном смысле рассматривать как «подготовительную школу» христианства.

Уникальным теоретиком идей стоиков был Эпиктет (ок. 50 — ок. 135). Он был рабом по рождению из Фригии и даже не обзавелся собственным именем, ведь Эпиктет — это прозвище раба,

что означает «приобретенный». Ему пришлось претерпеть много унижений от своего господина Эпафродита, известного жестоким обращением с рабами, хотя тот и сам вышел из среды рабов. Около 94 г. император Домициан изгнал из Рима всех философов и риторов, и Эпиктет оказался в Никополе, где вскоре открыл философско-воспитательную школу. К сожалению, он ничего не писал; не исключено, что он был неграмотным. Для Эпиктета практика была важнее теории, внушение и личный пример важнее письменного слова. Вряд ли Эпиктет знал науки.

Философию Эпиктет делит в духе стоицизма на физику, логику и этику. Логика состоит в обосновании и исследовании доказательств, однако без нравственного воспитания она бесполезна для общества. Важнее логики этика, которая внушает мысль о бесполезности лжи. Эпиктет — рационалист. Истинная сущность человека — в его разуме, свободе воли и свободе мысли. Бога Зевса и Логосы он отождествляет с Гениями, направляющими дела людей и знающими все их мысли и побуждения. Не изучение строения космоса и сущности материи делают человека свободным, а познание своего Гения. Никто не может отнять его у человека, даже если лишить его имущества, чести, семьи и самого тела. Изменить существующий порядок вещей нам не дано, но можно привести свою волю в гармонию с реальными условиями жизни и окружения. Человек должен мужественно терпеть испытания, посылаемые ему богом, тренирующие его, как тренируют хороших солдат. Исполняя свой долг гражданина, отца и т.д., человек должен жить без страха и страстей, ничего не считать своим, избавиться от зависти, не осуждать богов и людей и довольствоваться минимумом. Счастье — не в исполнении желаний, а в их уничтожении.

Это была свобода гордящегося своим смирением обездоленного человека. Подмена изменения порядка вещей изменением своего отношения ко всему происходящему, смирение и покорность — все это импонировало ранним христианским теологам, которые сочувственно относились к пассивному мировоззрению Эпиктета.

«Институции» Гая и развитие римского права

Расцвет деятельности римских юристов падает на II — начало III в. Развитие государственного аппарата, расширение торгового оборота и усложнение хозяйственных отношений в период

расцвета Империи требовали уточнения и совершенствования своего правового оформления. В этот период обострились противоречия между рабовладельческой верхушкой общества и рабами, между различными группировками свободного населения. Возникает потребность в профессиональных юристах, способных толковать древние законы, формулировать новые правовые нормы как в государственной, так и в частной сфере, комментировать непрестанно меняющиеся реалии жизни, вводя хозяйственные и человеческие отношения в рамки законов, наконец, помочь советом императорам в их многотрудной деятельности по правовому регулированию жизни своих подданных. Юристы различных направлений в кратких и четких решениях отдельных вопросов (Дигестах) реагировали на запросы господствующего класса. В первый век Империи складываются юридические школы сабинианцев (по имени Масурия Сабина, ученика сторонника Августа и ревнителя традиций Атея Капитона) и прокулианцев (последователей Прокула, ученика противника Августа Антия Лабео, отвергавшего формализм в праве).

Выдающимся знатоком и толкователем римского права того времени являлся юрист Гай, полное имя которого нам не известно. Он был приверженцем сабинианской юридической школы. Исследователи полагают, что жизнь и деятельность Гая приходится на «золотой век» правления Антонинов и может быть приблизительно датирована 117—180 гг. До нас дошел его краткий учебник римского права и судебного процесса «Институции» и ряд цитат в «Дигестах». Его труд — образец ясного систематического изложения юридических категорий частного (гражданского и преторского) права и основной источник наших знаний о римском праве в целом.

Общая идея «Институций»: «Все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к искам», — стала основой системы построения современного гражданского права, в частности — французского. «Институции» Гая разделены на четыре книги: о лицах (I); о вещах (II—III) и об исках (IV), которые, в свою очередь, разбиты на параграфы. «Институции» пользовались огромной популярностью уже в эпоху Поздней Римской империи. Их часто цитируют Боэций, Присциан; они используются в «Сопоставлении законов Моисеевых и римских», в брeвиарии вестготского короля Алариха. Многочисленные цитаты из Гая включены и в знаменитые «Дигесты Юстиниана».

Изобразительное искусство

Колонна Траяна

В память о покорении Дакии Траян соорудил в Риме новую площадь — Форум Траяна. Он приказал срыть прилежавший к Капитолию склон Квиринальского холма (а это 680 тыс. кубометров земли), чтобы освободить проход к Марсову полю и разместить там форум. В центре площади архитектор Аполлодор Дамасский воздвиг Колонну в честь победителя Траяна (надпись на ее цоколе сообщает, что ее высота соответствует высоте срытого холма). Серо-коричневый монумент возносится на 40 м, его диаметр — 3,7 м. Сорок два небольших световых отверстия освещают путь поднимающимся по 185 ступеням лестницы из мраморных блоков. Первоначально колонна служила пьедесталом для бронзовой фигуры Траяна, но в XVI в. по распоряжению папы Сикста V ее заменили на фигуру св. Петра.

Колонну спиральной лентой длиной в 200 м и шириной в 1 м в 23 витка обвивают барельефные изображения более ста эпизодов Дакийских войн. С чрезвычайной точностью воспроизведены на ней облачение и оружие римлян и их противников. В эпизодах запечатлены 2500 воинов, не считая лошадей и осадных машин. Все этапы прошедших сражений предстают перед восхищенным зрителем: от перехода римских войск через Дунай по мосту из кораблей вплоть до самоубийства царя Децебала. В заключительной сцене рельефа рядом с упавшим конем царя варваров изображено дерево — символ Дакии, которую самозабвенно защищали царь и его народ.

Основной смысл рельефов Колонны Траяна — демонстрация действий римской военной машины, прославление императорских побед. Сам император представлен на колонне 90 раз, причем ваятели избрали реалистичный путь его изображения: Траян выделяется не размерами, а своим начальственным положением — во главе группы легионеров, на возвышении. Колонна стала произведением искусства, центральным украшением Форума Траяна, зримым свидетельством его военных талантов.

Трофей Траяна из Адамклиси

В 109 г. на территории провинции Нижняя Мёзия, на равнине у города Трофеум Траяни (совр. Адамклиси в Румынии) близ Дуная, был возведен грандиозный монумент, посвященный победе римского оружия в войне с даками, — Трофей Траяна. Сооружение (высотой 32 и диаметром 38 м) покоилось на многоступенчатом цоколе. В центре овальной каменной конструкции с конусообразным верхом на пьедестале возвышался Трофей — символ победы, представленный отнятым

у врага оружием. Его подножие подпирали, сидя и стоя, плененные варвары со связанными руками. По периметру памятника шли два ряда барельефов с изображением сцен из Дакийских войн Траяна. Своей грандиозностью Трофей Траяна подавлял зрителей и должен был внушать покоренному населению мысль о безнадежности всякого сопротивления великому Риму и о всесиили победителей.

Мост Аполлодора

Аполлодор из Дамаска (ок. 65—118) был крупнейшим римским архитектором, жившим при императорах Траяне и Адриане. Им были воздвигнуты Форум Траяна, термы Траяна и легендарный каменный мост через Дунай. После окончания первой Дакийской войны Траян приказал выстроить возле крепости Дробеты (совр. Дробета-Турну Северин) мост, который позволил бы быстро перебросить войска в Дакию. Мост Аполлодора был построен в 103—105 гг. и по праву стал одним из высочайших примеров античного строительного искусства. Длина моста равнялась 1,2 км, его поддерживали 20 каменных опорных столбов в 150 футов, соединенных арками. Необходимо отметить, что каждый из столбов был забит в илистое дно полноводной реки с многочисленными водоворотами. Мост был единственным сооружением вне Италии, которое изображено на большой серии римских монет. Существует версия, что прямодушный архитектор попал в немилость к Адриану, нелюбезно отзывавшись об архитектурных пристрастиях высокородного эстета и посоветовав ему не лезть не в свое дело, чем глубоко оскорбил утонченного эллинофила и был убит по его приказу.

Вилла Адриана в Тибуре

Большую часть своей жизни Адриан провел в странствиях, посетив почти все римские провинции. Горячий поклонник эллинской культуры, он не в меньшей степени восхищался мастерством египетских художников. Когда император осознал, что на унылом горизонте маячит одинокая старость без семьи и близких друзей, его стало тяготить пребывание в шумном и суетливом Риме. Тогда Адриан приказал воздвигнуть в местечке Тибур (совр. Тиволи), примерно в 20 км к востоку от Рима, загородную виллу, на которой провел почти безвыездно последние пять лет своей жизни. Строительство виллы было закончено в 134 г., и с этих пор во время приступов мизантропии и болезни император в уединении предавался воспоминаниям о тех дорогих его сердцу местах, которые он посещал во время путешествий в Грецию и Египет.

По тенистым аллеям виллы можно было пройти мимо подобия афинской агоры с расписным портиком, миновать Пританей, Лицей и

Академию, побывать в Канопе, обозреть Темпейскую долину, увиденную в греческой Фессалии, и даже увидеть Ад в миниатюре! Комплекс занимал площадь 1,5 кв. км и включал сады, террасы, перистили, гимнасий, водный бассейн и обширный парк. В западной, обращенной к Риму части виллы располагалась обширная площадь, на которой были сглажены все малейшие неровности почвы при помощи сложных подземных сооружений — «ста комнат», использовавшихся, видимо, как жилье для слуг. Сама же площадь окаймлялась четырехугольным портиком с большим бассейном посередине. Кирпичная стена портика длиной в 230 м возносилась к небу на 10 м. Параллельно стене шли два ряда колонн, поддерживавших изящную крышу, образуя две крытых галереи. Как и в афинском Пойкиле, стены были украшены живописью — картинами художников на деревянных досках. Здесь было немало подлинников великих произведений, не сохранившихся до наших дней.

Отсюда можно было вдоль канала с открытым портиком и скульптурами пройти к храму, где в углублении стояла статуя египетского бога. Этот ансамбль назывался Каноп — в память о городе, где находился храм Сераписа. С четырех сторон света от здания по мраморным ступеням обильно стекала вода в полукруглый водоем, из которого попадала в канал длиной 230 м и шириной в 80. Здесь стояли изящные суда, сделанные по образцу александрийских гондол.

Хотя Адриан, устраивая эту виллу, и заявлял о своем стремлении к уединению, громадные залы императорского жилища были созданы не только для малочисленных друзей, но и для частых гостей и официальных лиц. Восьмиугольный вестибюль вел в изумительный и причудливый перистиль — квадратный дворик. Современные архитекторы дали ему название Пьяцца-Оро (Золотая площадь) из-за огромного количества ценнейших находок. Площадь была окружена портиком и вымощена розовым мрамором, в большом зале под куполом размещались ниши для статуй. В наши дни их можно увидеть в крупнейших музеях мира, в том числе и в Эрмитаже.

Пантеон

По мере расширения границ Римского государства в «Вечном городе» стали появляться храмы чужеземным богам и богиням. Их принимали с почетом веротерпимые жители центра великой державы. Август решил построить храм «Всем богам» и доверил это поручение Марку Агриппе, который и исполнил его в 27 г. до н.э. Однако в 110 г. ударом молнии это сооружение было уничтожено и сохранилась лишь надпись на фронтоне: «Марк Агриппа построил это, когда был в третий раз консулом». Стремясь выразить в архитектурных формах величие Империи, Адриан в 115—125 гг. на том же месте построил факти-

чески новый храм, посвященный всем богам — Пантеон. Возведенный Аполлодором Дамасским храм представляет собой классический образец центрально-купольного здания, обладавшего греческой гармонией и красотой. Впечатление величественного покоя испытывает каждый, вступая под 43-метровый купольный свод.

Пропорции Пантеона совершенны — диаметр купола почти равен высоте храма, а поскольку высота стен равна радиусу его, в подкупольное пространство вписывается шар. Купол весом 46 т имеет форму полусферы, покоящейся на цилиндрической опоре. Разумное использование кирпича, камня, мрамора и бетона в наиболее хрупком месте купола, у центрального купольного окна («Глаз Пантеона», 9 м в диаметре), обеспечило величие и сохранность храма. Сосредоточенность освещения в высшей точке заставляет зрителя остро воспринимать высоту купола как небосвод. Льющийся оттуда свет выхватывал из мрака нижний ярус интерьера с огромными декоративными колоннами коринфского ордера и образуемые ими ниши, где некогда стояли статуи богов. Второй ярус представлял собой аттиковый этаж с ложными окнами и пилястрами.

Купол разделен пятью кольцевыми рядами кассет, уменьшающимися кверху. Уход от земной суеты в мир духовности — вот что давал Пантеон посетителям. Крупнейшие зодчие стремились превзойти Пантеон в совершенстве воплощения замысла, но античное чувство меры осталось недостижимым. В настоящее время это грандиозное сооружение находится во владении папы римского и является христианской церковью Санта Мария Ротонда.

МЕДИЦИНА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

По утверждению *Плиния Старшего*, Рим шесть столетий прожил без врачей, т.е. без людей, обладавших специальными знаниями. Это не означало, что римляне обходились без врачевания; лечили дома народными средствами, часто в сочетании с магическими заговорами. Тот, кто желал выздороветь, приходил в храм и обещал богу жертву или дар в обмен на хорошее самочувствие. Больной писал свою просьбу или обет на табличке и прикреплял ее к колену или бедру статуи божества. Особо почитаем был покровитель медицины бог Эскулап (греч. Асклепий), святилище которому было воздвигнуто в 293 г. до н.э. на острове посреди Тибра.

Рим расположен в нездоровой местности, где свирепствовала малярия, особенно осенью, когда, по выражению Горация, «всякий отец и мать бледнеют за своих детей». Во время эпидемий прибегали к молитвам и жертвоприношениям, даже

к устройству публичных зрелищ (например, в 363 г. до н.э. актеры во время мора дали представление, положившее начало римскому театру).

Плиний Старший сообщает, что медицина была искусством, заниматься которым римскому гражданину не позволяло достоинство: ведь ему не подобало трудиться за плату! До конца I в. н.э. римлян лечили в основном врачи из Греции и Малой Азии, где в городах Пергам и Смирна находились блестящие медицинские школы. Так, в 219 г. до н.э. уроженец Пелопоннеса хирург Архагант (его имя в переводе означает «хорошее начало») с 219 г. до н.э. практиковал в Риме, сначала в маленьком помещении, но потом Сенат даровал Архагantu право римского гражданства и на государственный счет приобрел ему дом около Масляного рынка для частной практики. Популярность грека была огромной, и поощренные его успехом греческие врачи стали один за другим переселяться в Рим. Но вскоре смелость Архаганта в хирургических операциях и в прижиганиях вызвали резкое осуждение — его даже стали называть палачом и живодером. Архагantu пришлось покинуть город. Врач оказался не по душе представителям староримской партии, противнице греческого засилья, выразителем которой был Катон Старший Цензор.

Грек по происхождению, Асклепиад из Прусы в Вифинии (I в. до н.э.) являлся основателем общей патологии в медицине, так как считал, что первопричиной болезни является нарушение движения частиц материи в теле. Его успеху способствовало простое правило: лечить быстро, безопасно и приятно. Лечение это состояло из простых мероприятий; разумной диеты, водолечения, массажа, постоянного движения в различных вариантах, медикаменты назначались крайне редко. Асклепиад был убежден, что имеющий познания в медицине, никогда не заболеет. Сам он дожил до глубокой старости и умер от несчастного случая.

Личным врачом Августа был Антоний Муза, который вылечил принцепса от смертельной болезни при помощи холодных ванн и припарок. За это Август возвел его в достоинство римского всадника и в знак благодарности освободил всех врачей от уплаты податей. Сенаторы же на свои деньги поставили врачу памятник близ статуи Эскулапа.

Часто источники говорят о египетских врачах (одного из них Нерон вызвал изгнать от мучительных лишаев своего друга Коссина). Из Египта был Гарпократ — врач-массажист Плиния Младшего. Высокой репутацией пользовалась медицинская

школа Александрии, многие молодые люди отправлялись туда усовершенствовать знания (даже в IV в. врач, обученный в Александрии, имел рекомендацию превосходного). В 46 г. до н.э. Юлий Цезарь специальным указом предоставил право римского гражданства всем приезжим врачам, если они у себя на родине были свободнорожденными. Так постепенно в Риме стали появляться элементы государственной регламентации медицинского дела.

Коллегии врачей

В период Империи, вероятно при *Веспасиане*, государственные власти учредили должности архиатров — оплачиваемых врачей. Существовали дворцовые, провинциальные и городские архиатры, которые объединялись в коллегии и находились под контролем властей, следивших за их назначением. Врачи проходили строгий экзамен для получения звания «врач, утвержденный государством». Городские архиатры работали при объединениях ремесленников, в банях, театрах и цирках. Привлекались они и в качестве судебных медиков: врач Антистий участвовал в расследовании убийства Юлия Цезаря.

В крупных городах в специальных школах архиатры преподавали анатомию на образцах различных животных, а практическую медицину изучали прямо у постели больного. Марциал жаловался, что его не только посетили, но и трогали холодными, как лед, руками сотни учеников, которые сопровождали своего учителя Симмаха. Знаменитый врач Гален рекомендовал ученикам избегать шума шагов или разговоров, которые могли бы беспокоить больных, они не должны волновать больных своим дыханием и поэтому обязаны воздержаться от употребления лука, чеснока и вина (сам Гален обучался медицине одиннадцать лет). Однако, к примеру, живший при Клавдии Фессал из Тралл заявлял, что способен научить врачеванию за шесть месяцев, при этом своим ученикам разрешал приступать к практике сразу без всякой научной подготовки.

Со временем положение врачей в Риме укрепилось, они получили большие права и льготы. Во время войны врачи и их сыновья освобождались от общей воинской повинности. Это привлекало людей в Рим, что привело к переизбытку и конкуренции врачей, как следствие — к узкой врачебной специализации. Уже в I в. до н.э. в столице были глазные и зубные врачи, спе-

циалисты по внутренним болезням, хирурги, которые производили только один вид операций, например, грыже- или камнесечение. Многие из них были связаны с определенной сферой деятельности: спортивные врачи, лекари гладиаторов и костоправы. В Лувре находится ваза, где изображена замена римским врачом ампутированной ноги деревянной. Процветали дантисты (даже в Законах XII таблиц упоминается о скрепленных золотом искусственных зубах). Медики приходили на дом, содержали приемные для больных, которые одновременно являлись и аптеками, случалось даже, что больной поселялся у врача. Были и странствующие из города в город лекари.

Армейские врачи

Существенный вклад внесли римские врачи в развитие военной медицины. Профессионалы следили за питанием и гигиеной воинов, оказывали помощь больным, занимались отбором рекрутов для несения воинской службы. По мнению теоретика древней медицины *Авла Корнелия Цельса*, армейские врачи лучше разбирались в медицине, чем частно практикующие. Каждая когорта (1000 воинов) должна была иметь четырех врачей-хирургов и их помощников-санитаров. Верхом на лошадях на поле боя они подбирали раненых и оказывали им первую помощь. За каждого спасенного воина врачам платили золотом.

После битвы раненых устроивали в специальных военных учреждениях — валетудинариях. Среди персонала существовала четкая специализация: один отвечал за лекарства, другой — за процедуры, третий ухаживал за выздоравливающими и т.д. При императоре Марке Аврелии армейская медицинская служба получила особую эмблему — кубок и змею Асклепия-Эскулапа, который по-прежнему был богом покровителем врачевания.

Энциклопедист медицины Авл Корнелий Цельс

Обширную информацию по римской медицине мы получили благодаря энциклопедическому труду Авла Корнелия Цельса «Искусства», из которого сохранилось 8 книг. Цельс жил во времена Тиберия, был богатым рабовладельцем и широко образованным человеком. Он известен еще и как врач, лечивший собственных рабов, ибо считал это более выгодным, чем потеря знающего свое дело специалиста. Как писатель Цельс обобщил многочисленные труды древнегреческих, александрийских и индийских врачей. Доступным языком он изложил историю медицины, общую и специальную патологию и учение о лекарствах.

Особое место Цельс уделил в своем труде хирургии. Римские врачи в этой области были искусными, они удачно извлекали из тел стрелы и другие предметы, излечивали вывихи и переломы, причем настолько хорошо, что медицинская наука до сих пор использует правила, выработанные ее учителями в древности. Лишь на излете Средневековья реформатор медицины Теофраст фон Гогенгейм сумел превзойти заветы Корнелия Цельса, чем заслужил прозвище Па-рацельс.

Знаменитый врач Гален

Выдающимся врачом Древнего мира был Гален (ок. 130 — 200). Родился он в городе Пергаме (совр. Бергама в Турции) в семье известного архитектора. С 14 лет он начал занятия философией, а с 17 — медициной. Знал много языков, объездил много стран и городов, постигал премудрости врачевания в Смирне, Коринфе, Афинах и Александрии. Ряд лет Гален работал врачом в школе гладиаторов Пергама, но затем переехал в Рим, где прославился своими лекциями и успешной медицинской практикой. До наших дней сохранилось около 80 его научных трудов по анатомии и физиологии. Гален правильно описал анатомическое строение сердца, правда, не знал о круговом обращении крови. Особенно значимы его исследования в области изучения нервной системы. Большой вклад он внес в развитие фармакологии — до настоящего времени ряд лекарственных средств, получаемых путем механической и физико-химической обработки по методу Галена, носит название «галеновы препараты».

Активно занимался Гален лечебной практикой, он был опытным хирургом и считал анатомию фундаментом хирургии. В то время, в силу религиозных воззрений, для анатомического изучения было легче добыть скелет, чем труп, считавшийся неприкосновенным. Поэтому древние лучше разбирались в остеологии (науке о костях), чем в анатомии. Доказано, что Гален производил вскрытие обезьян, медведей, слона, змей, но не человека. Его операции на живом животном (вивисекция) заложили основы экспериментальной медицины. Уроки анатомии проходили обычно так: ученикам показывали обнаженного человека и на нем обозначали расположение органов и внутренностей; после этого, чтобы закрепить и уточнить урок, производили вскрытие животного. Полученные данные Гален переносил на человека. При этом имели место неизбежные ошибки, которые были исправлены лишь в XIV в. анатомом эпохи Возрождения Андреасом Везалием. На протяжении полутора тысячелетий работы Галена были основным источником медицинских знаний в Европе.

ОДЕЖДА РИМЛЯН

Римская одежда отличалась оригинальностью. Сохранив компактность и целесообразность греческих одеяний, римляне сумели придать женскому платью грациозность, а мужскому — торжественность. Римская уличная толпа не поражала взгляд пестротой одежд и разнообразием покроя, но высшие слои общества были подвержены стремлению к новизне, в котором отражалась вечная надежда на обретение окончательного идеала «красоты». Однако ее осуществление во все времена зависело от той группы населения, которая имела достаточно средств для этого. Длина одежды или количество израсходованного на платье материала являлись показателем принадлежности владельца к определенному сословию. Страсть к нарядам и изобретательность римских шеголих проявлялась в выборе дорогих материй и в беспрестанных изменениях покроя платья. В противоположность грекам, носившим одежду без швов, цельносотканную на станке, римляне употребляли иглу. И туника, и тога проходили через руки портного — вестиярия.

На протяжении многих веков римляне изготавливали туники, тоги и плащи из шерсти. Шерстяные наряды защищали тело от вредных испарений римской местности, хорошо впитывали пот и предохраняли тело от переохлаждения. Особенно качественную шерсть давали апулийские овцы Южной Италии. Тарентинская шерсть отличалась белизмой и особым блеском — из нее ткали самые красивые тоги. Для ворсистых тканей (гавсапов) использовали шерсть потавийских (близ совр. Падуи) овец. Льняную одежду носили жрецы Исида и женщины при посещении храмов.

В конце I в. до н.э. в Риме появились «косские» ткани из «дикого шелка», которые давал шелковичный червь с острова Кос. А вот возлюбленная поэта Марциала уже требовала от него «самого лучшего китайского шелка». Этот шелк был очень дорогим и тяжелым. В Риме его обычно подвергали специальной обработке: ткань распускали и ткали наново, подбавляя льняной или хлопковой пряжи. Материя эта быстро вошла в моду, и император Тиберий напрасно пытался запретить ее ношение хотя бы мужчинам, которые ранее одевались преимущественно в шерстяные ткани из Милета, Самоса и Лаконии. Однако в этрусской деревне Тускус научились вскоре выделять тонкие материи, быстро завоевавшие популярность. Морем расточи-

тельные римляне получали не только полупрозрачные ткани с островов Кос и Аморгос, но и разноцветные египетские льняные ткани, тонкие хлопчатобумажные и узорчатые материи из Индии и Персии. Но даже во времена бурного расцвета роскоши, спрос на шерстяные одежды был так велик, что сукнодельное и валяльное ремесла относились к самым выгодным.

Традиционным цветом рабочей одежды были все оттенки коричнево-желтого и серо-черного — естественные цвета овечьей шерсти, которые использовались скромными, трудолюбивыми гражданами, живущими по старинке. Единственно пристойной и приличной для торжественных процессий и официальных выходов римляне считали одежду белого цвета. В императорском Риме эта исключительность осталась в силе только для тоги. Прошло время, когда римские матроны полагали предосудительным показываться в общественных местах иначе как в белой одежде с пурпурной оторочкой. Теперь шьются наряды пурпурного, ярко-красного, лилового, желтого, зеленого цветов, а также ткани с волнистым отливом и в разноцветную клетку. Популярностью пользовались прозрачные золотые «атталийские» ткани, по имени их изобретателя — пергамского царя Атталы. Они были густо протканы золотыми нитями или же полностью вытканы из золотой проволоки. Так, императрица Агриппина явилась на морские сражения гладиаторов в плаще, сотканном из золотых нитей.

В императорском Риме чрезмерное внимание уделяли внешнему виду. Изысканные ткани, веера, зонтики, украшения, а также прическа, бритье и всевозможные косметические средства, использовались ежедневно. Мода стала составной частью и яркой иллюстрацией повседневной жизни римлян.

«Народ, одетый в тоги»

«Владыки мира, народ одетый в тоги», — величал римлян Вергилий в раздумьях о характере своего народа и его исторической судьбе. Тога была верхней мужской одеждой, сообщавшей обладателю известную величавость и важность, что римляне считали своей национальной особенностью, резко отличавшей их от вертлявых и шумных «гречат». Человек, облеченный в тогу, был уважаем, ибо она являлась почетным признаком римского гражданства, и потому носили ее с особым достоинством все — от бедняка до консула и императора. Рабы, иностранцы и

изгнанники не имели права обличаться в тогу. Вольноотпущенники, получив римское гражданство, радостно приказывали изобразить их в тоге.

Ученые остроумно заметили, что им так же трудно описать тогу, как римлянам — надевать ее. Этот наряд представлял собой большой отрез шерстяной материи, кромка которого с одной стороны была прямой, а с другой — овальной формы. В длину отрез был в три раза больше человеческого роста. Сложив тогу по длине вдвое, один конец ее перебрасывали через левое плечо таким образом, чтобы, закрывая левую руку, он свешивался впереди до щиколотки. Другой конец тоги пропускали через правую руку со спины и протянув складками по груди наискось, набрасывали на левое плечо или левую руку. Эту перевязь надо было натягивать так, чтобы она не «душила» человека, но и не обвисала сама. Возникавшая при подпоясывании складка называлась «синус» и служила, по-видимому, в качестве сумки; но ее можно было накинуть и на голову, защищаясь от солнца и дождя или желая остаться неузнанным. Первоначально тога довольно плотно облегалa тело, однако с годами она стала шире и длинее, с каскадом складок и путаницей изгибов. Тогy надевали в несколько приемов, и облечься в нее одному, без чужой помощи, было невозможно.

Во времена Империи в составе городской obsługi были рабы, умевшие правильно расправить и изящно уложить складки тоги. К этому сложному процессу приступали с вечера. Раб «устраивал наново складки», прокладывая их тоненькими дощечками или полосками липового луба и прихватывал зажимами, чтобы сохранить в должном виде до утра. Иногда, чтобы тога лежала красивыми складками, в ее концы вшивались свинцовые гири, ведь римляне не знали утюга.

В знатных римских семействах, как только ребенок вставал на ноги, на него надевали отороченную пурпуром тогу-претексту, а на шею вешали золотую ладанку (буллу). В шестнадцать лет молодой человек вступал на поприще общественной жизни. В ознаменование этого события в праздник Либералий он торжественно снимал с себя детскую тогу и буллу и, как символ зрелости, надевал белую *toga virilis*, которую носили все взрослые мужчины. Тога с пурпурной каймой была элитарной одеждой, а сама кайма — знаком аристократии, жрецов и магистров. Поководцы-триумфаторы, а позднее и императоры носили пурпурную тогу, расшитую золотыми пальмовыми ветвями (*toga*

риста). Тога темного цвета была траурной одеждой. Добивающийся магистратуры претендент надевал белоснежную, специально набеленную мелом *toga candida*, — отсюда и произошло слово «кандидат».

Уберечь белизну тоги в тесноте и грязи римских улиц было трудно, да и дома с ее стиркой справиться было невозможно. Приходилось обращаться к фулонам — своего рода «прачкам», которые стирали тоги особым составом (основным компонентом которого была ...ослиная моча!). Поэт Марциал любил кольнуть людей, имевших несчастье ему не понравиться, замечанием, дескать у них «тоги грязнее грязи». Сам он жаловался, что в Риме за лето изнашивались четыре тоги, в то время как в маленьких городках Италии тогу выколачивали от пыли всего лишь два раза в месяц, когда семья справляла праздник в честь Ларов, покровителей домашнего очага, и полагалось надевать парадную одежду.

Туника — повседневное платье

Жители Италии от раба до знатного сенатора ходили в туниках. Римляне преобразовали греческий хитон в домашнюю рубаху или нижнюю одежду, которую носили и мужчины, и женщины.

Для туники брали два полотнища и сшивали их вместе так, чтобы для головы оставалось отверстие. Шейного выреза, как правило, не бывало, но кроили тунику так, чтобы на переходе от груди к шее она слегка отставала от тела, образуя характерный клапан. Туника не стесняла движений, она позволяла телу дышать, закрывала грудь и спину от холода и зноя. Иногда у туники имелся только левый рукав, а правая рабочая рука оставалась совершенно свободной, и лишь полотнища туники прихватывались на правом плече застежкой. Туника с рукавами появилась в Риме во II в. до н.э., но утвердилась как вид одежды лишь во II — III вв. н.э.

Римляне были ревнителями этикета и вскоре выработали свод правил относительно того, какой должна быть туника и как следует ее носить. Мужчины тунику подпоясывали и обдергивали так, чтобы спереди она спускалась ниже колен, а сзади доходила до коленного сгиба; спускать значительно ниже было «по-женски», а вздергивать выше означало «носить как центурион» (т.е. «солдафон»). Дома можно было не подпоясываться,

но выйти в длинной тунике на улицу считалось неприличным. Длинные рукава рубашки, скрывавшие руки целиком, воспринимались как нарушение канона мужественной простоты. В последние годы Республики изнеженные граждане Рима стали надевать по две и более туник одна на другую. В таких случаях, вероятно, подпоясывали самую нижнюю тунику, а верхние были без рукавов.

Особую тунику надевал триумфатор; она была расшита золотыми пальмовыми листьями, хранилась в храме Юпитера Капитолийского, числилась в составе храмового инвентаря и выдавалась только в день триумфа.

Женская туника, как и мужская, надевалась прямо на тело. В старину она изготовлялась из шерстяной материи. Впоследствии вошло в обычай шить их из более легких и ценных тканей (бумажных, льняных и шелковых), тем более что туника была домашним или утренним костюмом римлянок. В период «упадка нравов» модницы носили туники из настолько тонких и прозрачных тканей, что они нисколько не скрывали форм тела (знаменитые «косские ткани»). Со временем туника превратилась в широкую и длинную до пола одежду с рукавами или без. Иногда ее подпоясывали, иногда она была с разрезными рукавами, застегивающимися на крючки и пуговицы. Были туники и с длинными рукавами, закрывавшими руку до локтя или до кисти.

И того, и туника дожили до своего возрождения в более позднее время. Видоизмененная туника служит одеянием в готическом Средневековье, а тогу носили в виде плаща ученые в эпоху Ренессанса

Верхняя одежда: пенула, лацерна, паллий, палудамент, каракала

В плохую погоду римляне запахивались в плащи разной формы. «Пенула» представляла собой круглый нераспашной плащ без рукавов, который покрывал тело до колен, он надевался через голову и был открыт с обоих боков (вроде пончо). Часто он употреблялся вместе с капюшоном, который носили и отдельно от плаща. Изготовлялась пенула из плотной и толстой материи, даже из кожи; а с I в. пенулы стали шить из нового вида материи — грубой шерстяной ткани с длинным ворсом с лицевой стороны.

Довольно поздно в употребление вошла «лацерна» — легкая и шеголеватая одежда. Это продолговатое, открытое спереди одеяние походило на греческую хламиду и, как и та, застегивалась на плече или груди пряжкой. Часто она была роскошно отделана. Сначала ее надевали поверх тоги, потом стали носить вместо нее поверх туники. Отправляясь в театр, цирк или ко двору, надевали лацерну белого цвета, но обыкновенно эти плащи шили из дорогих цветных материй и платили за них большие деньги (например, коротенькая лацерна пурпурного цвета стоили до 10 тысяч сестерциев). Иногда к ней, как и к пенуле, приделывался капюшон на случай ветра и дождя.

Просторный плащ «паллий» соответствовал греческому гиматию и изготовлялся из льна, шерсти или шелка. Носили его и дома, и на улице, но преимущественно римляне, приверженные греческой культуре; он же был отличительным признаком философов.

С древнейших времен Республики главнокомандующий на период войны облачался в плащ алого цвета, который был поразительно похож на греческую хламиду, — *paludamentum*. Делался палудамент из шерсти или льна и окрашивался пурпурной краской. В эпоху Империи такой плащ стал отличительным знаком императорского достоинства.

Среди простого народа во время Поздней империи были распространены плащи «каракаллы». Император Септимий Бассиан вошел в историю под именем *Каракаллы*, так как постоянно носил длинный, до пят, галльский плащ с капюшоном. Эта одежда была настолько явно и демонстративно антиримской, что христианские монахи именно ее выбрали в качестве своеобразной «униформы», которая выказывала всю их враждебность к традициям Империи и которую в виде рясы многие из них носят до наших дней.

Женский костюм: стола, фламеум, палла

Знатные женщины поверх туники надевали «сто́лу» из тонкого полотна — подобие греческого хитона. Стола была в сущности повторением туники и также делалась с рукавами и без них. Безрукавную столу надевали в том случае, когда под нее была поддета туника с рукавами, и наоборот. Походя на тунику, стола отличалась отделкой, большей нежностью ткани и, главное, размерами. Она обыкновенно кроилась гораздо длиннее

роста и надевалась не иначе как с поясом, причем сначала ее подбирали сверху, чтобы были видны носки обуви, а потом собранные на груди складки расправляли поверх опояски и нередко еще раз препоясывали красивым и дорогим поясом. Подол столы обшивали складчатой оборкой, которая волочилась по земле как шлейф. Иногда ее оторачивали пурпуром и золотыми блестками. Широкой каймой обшивали ворот и рукавные проймы. Столу носили почтенные замужние гражданки; для женщин она была тем же, чем тога для мужчин. Ее не смели надевать ни вольноотпущенницы, ни гулящие женщины, ни рабыни. Девушки вместо столы носили поверх туники простые, похожие на столу туники, с рукавами или без них.

Знатные римлянки никогда не показывались публично без покрывала или вуали — «фламеум». Покрывало делалось из тончайшей прозрачной ткани и прикреплялось к головному убору так, что спускалось по обеим сторонам лица на плечи и могло быть по желанию собрано под подбородком. *Весталки* же выделялись нарядом, напоминающим монашеский. Они обвязывали голову шерстяной повязкой в виде валика, на которую набрасывалось ниспадающее до плеч покрывало, на груди выделялся круглый медальон, а белая туника была перехвачена веревкой.

Свободные гражданки имели право носить также верхний плащ «паллу», похожий на длинную широкую шаль. На больших торжествах паллу накидывали на голову, при этом иногда ее скрепляли фибулами, иногда подпоясывали. В паллу можно было полностью закутаться: «У матроны, кроме лица, ты ничего не можешь разглядеть», — жаловался Гораций. Плащ не имел, видимо, определенной формы: покроем его изменялся по прихоти хозяйки. Палла или составлялась из двух отдельных половин, передней и задней, которые соединялись на плечах пряжками и стягивались поясом, или была цельной и надевалась через голову. Роскошные паллы имели две проймы для рук. Женская палла отличалась от мужской тоги более узким и изящным покроем.

Римская обувь

В Риме судили о принадлежности к тому или иному сословию не только по одежде, но и по обуви. Костюм римского гражданина дополняли «калцеи» — ботинки, которые завязывались на икрах кожаными ремешками. Знатные граждане носили калцеи из красной кожи с серебряными украшениями. Предание приписывает первое употребле-

ние этой обуви царям, а затем и триумфаторам. Сенаторский ботинок изготавливался из черной мягкой кожи, обработанной квасцами, и имел четыре ремешка. Женщины носили калцеи белого, красного и желтого цветов, зачастую усыпанные драгоценными камнями.

В повседневном быту, дома, в саду к тунике надевали сандалии — «соля» и «крепида», подошвы которых были из толстой кожи с небольшим возвышением под пяткой. Отличали их, вероятно, по тому, что ремешки соля покрывали лишь ступню, а ремни крепиды поднимались выше лодыжки.

Легионеры римской армии топтали пыль дорог знаменитыми сапогами — «калигами». Они имели толстые подошвы, подбитые гвоздями, и плетеный верх из ремней, один из которых отделял большой палец, и высокую густую шнуровку по голени.

Особую моду на обувь ввели артисты. Лукиан писал: «...трагические (актеры) ходят в тяжелых и высоких башмаках. Одежда их испещрена золотыми лентами; на голове у них смешные маски в виде шлемов с ужасно зияющей пастью, откуда они извлекали великие вопли, и с риском ходили в высокой обуви». Это были «котурны» — ботинки на высокой деревянной подошве, с помощью которой артисты стремились казаться выше и тем самым символизировать неземные существа. В истории моды котурны многократно повторялись: в период Возрождения, например, они были характерной чертой куртизанок, в XX в. неожиданно возродились в фасоне женских туфель «на платформе».

ГЛАВА VII

КРИЗИС РИМСКОЙ ИМПЕРИИ III ВЕКА

С конца II в. общее положение Империи начало резко ухудшаться. В середине III в. возникает угроза распада единого государства, которую отягощает возрастание внешней опасности. Долгое время мир римлян и мир варваров стояли друг против друга, разделенные прочной линией пограничного *лимеса*. Теперь массы варваров прорывают границы и разоряют цветущие города и нивы Империи. Рим с ужасом осознает свое бессилие перед этим неотвратным натиском.

Тяжелые войны с соседними племенами и народами перемежались с почти не прекращавшимися гражданскими распрями между различными претендентами на престол, между императорами и провинциями. Разнузданная императорская гвардия объявила своеобразный аукцион на императорский престол. За сто лет в Римском государстве сменилось тридцать три императора, жизнью заплативших за власть. Тот, кто облачался в порфиру, был обречен на смерть. Если восточные легионы провозглашали императором своего полководца, то западные немедленно выдвигали своего. Против того, кто был поднят на щит придунайскими солдатами, восставали африканские. Началась страшная по масштабам разрушений эпоха «солдатских» импе-

раторов. Рвались торговые связи, голод становился постоянным спутником жизни даже римлян. И только калиги бесчисленных легионеров пылили по обезлюдевшим проселкам.

Солдаты были главной опорой претендентов на престол. При императоре Септимии Севере число воинов достигло 600 тысяч. Не только солдаты, но и преторианцы набирались теперь не из колоний и муниципиев, а из местного населения западных и особенно Дунайских провинций. Легионеры уравнивались с преторианской гвардией, тем самым были сняты сословные ограничения в армии и каждый мог дослужиться до высших чинов.

Несмотря на то, что императоры в III в., в среднем, правили не более трех-пяти лет (а некоторым удавалось продержаться всего несколько месяцев) и терпели поражения во внешних и внутренних войнах, подданные обязаны были именовать их «Непобедимыми» и «Вечными». «Мы видим золотой век», «счастливый, блаженный век», — такие надписи чеканились на монетах и солдатских медальонах. Всякая оппозиция императору жестоко преследовалась. Дион Кассий поведал о том, как доносчик сообщил Сенату, что слышал о рассказе какого-то сенатора про виденный им неблагоприятный для императора сон. За сон полагалось наказание. Но осведомитель не знал имени сенатора и мог сообщить только, что тот был лыс. Присутствующие тут же отодвинулись от своих лысых коллег, а обладатели пышной шевелюры горделиво взирали на остальных.

Люди гибли или бежали с насиженных мест, приходили в упадок земледелие и ремесло, быстро росла дороговизна, усиливалась инфляция (по сравнению со II в. цены выросли на 800%). Императоры, постоянно нуждавшиеся в деньгах, выпускали недоброкачественную монету, примешивая медь к серебру. Много земельных угодий оставалось необработанными, что приводило к нехватке продуктов, голоду, эпидемиям. Нельзя забывать, что глубинной причиной кризиса был исподволь вызревавший распад рабовладельческого уклада жизни. Невозможность повысить производительность рабского труда и возрастающая потребность в претворенном в деньги прибавочном продукте привели к подрыву экономики античного города — основной социальной базы, на которой зиждилась Римская империя.

Императоры, правда, всячески старались поддержать города, многие из них получали статус *колоний* и *муниципиев*. Но было прекращено образование новых городов, за счет которых в первые два века процветания Империи осуществлялось распро-

странение античного способа производства и культуры. Городские собственники разорялись, их земли отбирались за долги или скупались по дешевке крупными землевладельцами. Обеднялось сословие декурионов. Они старались избавиться от своих обязанностей, поступали в армию или становились арендаторами. С размыванием этого сословия в городах стали исчезать последние остатки самоуправления, влияние и власть сосредотачивались в руках нескольких богатых семей.

Земельные магнаты, особенно в провинциях, неслыханно богатели. К ним в зависимость попадали крестьяне, становившиеся *колонами* и добровольно отдававшиеся под защиту могущественных собственников в надежде, что те будут брать с них меньше, чем императорские чиновники. В результате они лишались своих участков и получали их затем от «благотетелей» с условием взноса части урожая и отработки. Продукция, поступавшая от колонов, реализовывалась владельцем, который и платил государственные налоги. В колонов, а не в рабов, стали обращать пленных, расселяя их на государственных и частных землях. В крупных латифундиях основными работниками становятся не рабы, а колоны.

В это время стали складываться и развиваться такие чуждые античному миру явления, как сословная собственность, эксплуатация собственных соплеменников и сограждан. В этих условиях зарождались элементы феодальных отношений, которые, однако, могли прогрессировать только после ликвидации античных, рабовладельческих отношений. Ослабление экономики обуславливало усиление политического гнета, попыток императоров превратить свою власть в неограниченную монархию. Этим попыткам противостояло усилившееся сопротивление экономически окрепших в прежние времена провинций, не желавших более мириться с притязаниями центрального римского правительства. В середине III в., воспользовавшись тяжелыми внешними войнами, которые отвлекали все силы Империи, Галлия, Испания и Британия отделились от Рима и создали самостоятельную Галльскую империю, просуществовавшую 15 лет. Но как только восстановившие крестьяне и колоны стали посягать на земли местной аристократии, так, по просьбе их правителя, эти провинции вновь были присоединены к Империи. Непрестанные войны с варварами расшатывали социально-экономический уклад державы.

Всеобъемлющий кризис III в. до основания потряс самые основы существования Римской империи, разрушил все обвет-

шалые шестеренки громоздкого государственного механизма, доставшегося в наследство от эпохи Республики. Восстановить единство Империи и работу ее аппарата управления можно было только на иной основе. Так закончилась славная и кровавая эпоха принципата, эпоха монархической власти под легким флером республиканских традиций. На смену ей шла эпоха домината.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 193—197 гг.: ПРЕСТОЛ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

31 декабря 192 г. в результате заговора был убит император *Коммод*. Заговорщики ночью склонили городского префекта Публия Гельвия Пертинакса (126—193) принять власть. Отцом Пертинакса был вольноотпущенник Гельвий Сукцесс, который дал имя сыну Пертинакс («Упорный») в ознаменование того, что сам он упорно занимался торговлей шерстью. В правление Антонина Пия юноша отправился в Сирию в качестве начальника когорты. При Марке Аврелии он уже зачислен в Сенат и намечен в консулы. После подавления волнений 175 г., вызванных Авидием Кассием, Пертинакс из Сирии отправился для охраны Дуная, получил в управление обе Мёзии, а затем и Дакию. Позже управлял Сирией. Коммод отправил его наместником Британии, откуда Пертинакс проконсулом поехал в Африку. Заслужив на всех своих постах славу человека дельного и способного, Пертинакс был назначен префектом Рима и выдвинут на второе консульство.

Поздней ночью, завидев *префекта претория* и по совместительству главаря заговорщиков Лета, Пертинакс решил, что его пришли казнить, ведь он был последним из друзей Марка Аврелия, оставшимся в живых при его отпрыске Коммодe. Однако получившие в подарок по 12 тысяч сестерциев на каждого преторианцы быстро провозгласили нового императора, но Пертинакс отказался принять это звание до тех пор, пока его не утвердит Сенат. Правил он скорее как отец, а не как государь. Пертинакс возвратил сенаторам конфискованные у них имения и разрешил желающим занять часть императорских пустующих земель, сколько каждый мог обработать, и освободил их от податей на десять лет, отменив все пошлины. Император намеревался возобновить войны на Дунае.

Он любил равенство, сына не ввел в императорский дворец, и тот посещал обыкновенную школу. Однако преторианцы, жаждущие прежних вольностей, побаивались славы строгого военачальника Пертинакса. После того как он казнил зачинщиков беспорядков, 300 вооруженных воинов ворвались во дворец и прикончили императора. Воины насадили его голову на пику и понесли через весь город в лагерь. Кончина престарелого Пертинакса оказалась столь же стремительной, как само возвышение.

Устрашившись содеянного после убийства Пертинакса и ожидая негодования народа, преторианцы заперлись в лагере. Но волнения на улицах через два дня улеглись, а сенаторы в страхе разъехались по имениям. Наступил момент позора — престолом стали торговать с аукциона. Преторианцы заявили, что провозгласят императором того, кто выплатит за это наибольшую сумму денег. На предложение откликнулись тесть Пертинакса Сульпициан, бывший в то время префектом Рима, и Марк Дидий Юлиан, пообещавший преторианцам восстановить память о Коммодe, о кончине которого они все еще сожалели. Дидий Юлиан обещал каждому из мятежников по 25 тысяч сестерциев. В тот же день Сенат провозгласил Дидия августом, «Отцом отечества», наделил его трибунскими полномочиями и проконсульскими правами.

Дидий Юлиан (133—193) происходил из знатного медиоланского рода. Воспитывался он у Домиции Луциллы, матери императора *Марка Аврелия*. По ее ходатайству он получил квестуру, затем стал эдилом и претором, безупречно управлял Бельгией, Далмацией и Нижней Германией. Став во второй раз консулом и проконсулом в Африке, он сменил в этих должностях Пертинакса, который называл Дидия своим преемником. Во время своего правления Дидий действовал мягко, но римляне считали его вдохновителем убийства Пертинакса, и, если бы не охрана, он был бы убит уже на второй день.

Возмущенные провинциальные легионы выступили против римских гвардейцев: в Сирии императором провозгласили Песценния Нигера, в Британии — Клодия Альбина, в Паннии — Септимия Севера. Восстание последних особенно встревожило Дидия: он знал, что это самые боеспособные части. Дидий приказал вывести в поле преторианцев для укрепления башен. Но испорченные городской роскошью гвардейцы наняли за плату себе заместителей для выполнения работ. У Дидия не оказалось

войска, способного оказать сопротивление вторгшемуся в Италию Северу. Дидий предложил Сенату сделать Севера своим соправителем. Последний отверг это предложение, как отверг его и Клавдий Помпеян, зять Марка Аврелия, сославшись на старость. Когда Север подошел к стенам города, Сенат провозгласил его императором, а к Дидию послал трибуна с отрядом. Несмотря на униженные просьбы о пощаде, Дидий был убит, пробив у власти два месяца и пять дней.

Септимий Север: «обогащайте солдат»

Распустив преторианцев и даровав титул цезаря Клодию Альбину, Север отправился сражаться против Нигера. Под управлением Нигера уже была вся восточная часть Империи, Греция, Македония, ему предложила помощь Парфия. Но землевладельческая знать была ему враждебна. В двух сражениях войска Нигера были разбиты, сам он погиб, солдаты бежали в Парфию, а на поддерживавшие его города была наложена тяжелая контрибуция. В это время поднял восстание Клодий Альбин, на стороне которого была знать Испании и Галлии, но в битве при Лугдуне он был разгромлен и убит. Двадцать девять римских сенаторов и много всадников, примкнувших к противникам Севера, тоже расстались с жизнью. Конфискованные земли значительно увеличили императорские владения. Наступил переломный момент в политике Севера. Один из римских сенаторов сказал о нем: «Ему нельзя было родиться или нельзя было умирать».

Выходец из всаднической семьи **Луций Септимий Север Пертинакс (146—211, имп. с 193 г.)** в возрасте двадцати лет прибыл из Лептис Магны (совр. Ливия) в Рим, где быстро сделал карьеру. В 175 г. он вернулся на родину, в провинцию Африка, в качестве легата проконсула. В последний год правления Коммода консул Север командовал легионами в Паннонии. После трагических событий в Риме, Север объявил себя мстителем за Пертинакса, двинулся на Рим, и, как нам уже известно, легко овладел им.

Преторианцы (продавшие власть с аукциона Дидию Юлиану) вышли навстречу победителю с лавровыми ветвями, но были встречены иллирийскими легионами, разоружены, а затем разосланы в провинции. Преторианский лагерь был занят новым формированием численностью в 15 тысяч человек. Север,

никак не связанный с династией Антонинов, понимал, что получил власть только благодаря поддержке легионов. И, вопреки воле большей части Сената, он проводит ряд важных реформ в армии. Он открыл перед рядовыми провинциалами, поступившими в армию, широкие возможности. Теперь преторианцем мог стать любой отличившийся легионер, а не только уроженец Италии. Центурионы также могли выдвигаться теперь из рядовых легионеров и дослужиться до высших должностей. Солдатам было разрешено вступать в законные браки и жить с семьями вне лагерей. Жалование преторианцам было повышено с 1 тысячи до 1250, а легионерам — с 300 до 500 денариев в год. Во время походов эта сумма удваивалась. Север сделал доступными всаднические должности для рядовых легионеров и даровал низшему командному составу право образовывать коллегии. Размеры вступительных взносов в эти коллегии — от 750 до 2 тысяч денариев — показывают, какими средствами располагали солдаты при Севере. Он сумел создать новую военную аристократию, пополняемую из низов и вскоре ставшую элитой исполнительной власти.

Император сделал соответствующий вывод и из конкурентной борьбы за престол. Впредь он не давал своим полководцам возможности командовать значительными силами, чтобы уменьшить их шансы на овладение высшей властью. С этой целью провинции Сирия и Британия были разделены пополам. В результате успешной военной кампании против Парфии (197—199) Север овладел Месопотамией и обратил ее в провинцию, что вовлекло Рим в длительные войны с Аршакидами, а затем со сменившими их персидскими Сасанидами.

При Севере Сенат от управления был фактически отстранен. Выходцы из восточных провинций и Африки получили в Сенате численный перевес не только над уроженцами западных провинций, но и над италиками. Север покончил с пережитком разделять административные должности на выборные (по республиканской традиции) и назначаемые. Все должности становятся звеньями громадного бюрократического аппарата, все более разраставшегося. Особое покровительство Север оказывал Дунайским провинциям и городам Африки, многие из которых стали колониями и муниципиями. Стремясь укрепить семейные ценности, Север повторил печально известный «Закон о прелюбодеянии». Он усилил розыск беглых рабов и привлекал к ответственности нерадивых хозяев; запретил самовольное введение

налогов городскими магистратами, укрепил права патронов на труд вольноотпущенников, освободил от муниципальных повинностей членов ремесленных коллегий.

Несколько лет Север прожил в Африке (даже на латыни он всегда говорил с африканским акцентом), но последние шесть лет своего правления Север провел в Риме, занимаясь реформами имперского управления. Любопытно, но находившийся на вершине власти, решительный и непреклонный Север, оказался зависимым от префекта преторианцев Гая Фульвия Плавтиана (родственника матери Севера), который сосредоточил в своих руках всеобъемлющую власть над всеми областями управления. Старший сын императора — *Каракалла*, женатый на дочери Плавтиана, ополчившись на фаворита, подготовил его убийство. Должность префекта получил выдающийся законовед Папиниан, тоже обладавший полной властью над гражданской администрацией и служивший на совете императора его личным представителем.

Стремясь установить видимость династической преемственности с Антонинами, Север приказал считать Коммода богом и своим братом, объявив себя наследником благородных Антонина Пия и Марка Аврелия. Для этого он заявил о своем усыновлении задним числом и дал старшему сыну Каракалле их имена. Обоих сыновей — Каракаллу и Гету — Север назначил своими преемниками-соправителями. Для поддержания наследия Антонинов продолжало развиваться римское право. Самого императора обучали законовед Сервилий Сцевола, знатоки права Папиниан и Ульпиан.

Культурная жизнь Империи не застаивалась. Жена Севера Юлия Домна, получившая прозвище «Философ», собрала вокруг себя кружок образованных людей, среди которых были известный философ Филострат и знаменитый врач *Гален*. Сам Север написал автобиографию, к сожалению, не сохранившуюся. Своему родному городку Лептис Магна он даровал форум, базилику и новый храм, триумфальную арку с четырьмя проездами с фронтальным портретом императора. В Риме Север построил причудливый, волшебный дворец с фонтанами на Палатинском холме — Септемзорий. Изваяние императора стояло в здании среди Семи Планет астрологии — он был изображен в образе бога Солнца, культ которого почитался в семье Северов.

В 208 г. Север с женой, двумя сыновьями и Папинианом отправился в Британию, чтобы укрепить защиту провинции с се-

вера. Здесь в Эбораке, он сильно заболел и скончался в возрасте шестидесяти шести лет. По преданию, умирая, он сказал сыновьям: «Держитесь дружно. Будьте щедры с солдатами и не обращайтесь внимания больше ни на кого!».

Так закончилось правление, послужившее мостиком между двумя эпохами — стабильностью второго века и кризисами третьего.

Каракалла — буян на троне

Марк Аврелий Север Антонин Бассиан (174—217, ипп. с 211 г.), вошедший в историю как **Каракалла**, за пристрастие к ношению этого военного плаща, в детстве отличался мягкостью нрава и приветливостью, был остроумен, не скупился на подарки. В юношеском же возрасте он уже был замкнутым, угрюмым и высокомерным человеком. Во всем он старался походить на Александра Македонского, часто восхвалял Тиберия и Суллу. Септимий Север женил его на дочери своего фаворита Плавтиана, которая в качестве приданого принесла супругу такую сумму, что она могла составить приданое пятидесяти цариц. Но Антонин враждебно относился к молодой женщине: не делил с ней ни ложа, ни трапезы и грозил убить ее при первой возможности.

По завещанию основателя династии августиами были объявлены оба сына Септимия Севера — Каракалла и Гета. Отец полагал, что мягкость и осторожность Геты позволит сбалансировать жесткий и волевой характер Каракаллы, но вышло наоборот. Вражда между братьями также приобрела патологический характер. Тяжело больной отец был Антонину обременителен, и он подговаривал врачей скорее от него избавиться — врачи отказались. Когда Север умер в 211 г., сынок первым делом приказал перебить всех врачей и домочадцев, а затем и надоевших ему воспитателей, которые настоятельно упрашивали его жить в согласии с братом.

После похорон Септимия Севера братья разделили императорский дворец пополам, и каждый выставил свою стражу. Братья даже и Империю решили поделить таким же манером: Гете должна была отойти восточная часть державы со столицей в Антиохии или Александрии, а Антонину — западная с центром в Риме. Юлия Домна убедила их отказаться от дикой затеи и, возможно, уберегла Рим от гражданской войны, но обрекла на смерть родного сына Гету. Каракалла использовал все виды ко-

варства, чтобы избавиться от брата, и, наконец, решил действовать мечом. Он обманом заманил брата в покои императрицы, считавшиеся святыми, и смертельно ранил его. Гета расстался с жизнью на груди у Юлии. Вскоре были уничтожены все близкие и друзья Геты: дочь Марка Аврелия, Помпеян, Папиниан, Гельвий Пертинакс, сын бывшего императора Пертинакса, и даже двоюродный брат Антонина, носивший фамилию Север. Расправился он заодно и со своей женой Плавтиллой.

Впоследствии Каракалла мало интересовался внутренними делами Империи, предоставив фактическое управление Юлии Домне, поддерживавшей во внутренней политике основное направление, выработанное Септимием Севером.

Каракалла продолжил строительство скромных бань Септимия Севера и превратил их в знаменитые Термы Каракаллы — грандиозный архитектурный ансамбль из огромных залов, портиков, фонтанов и садов. В них одновременно могло мыться 1600 человек. Здесь были залы горячей, теплой и холодной воды (калдарий, тепидарий, фригидарий) — высшее достижение инженерного гения. Современники любовались блеском полудрагоценных камней, позолотой, мозаикой и богатым декором. При термах находились также библиотеки с книгами на греческом и латинском языках, площадки для спортивных упражнений и парк.

Основные силы и время Каракалла отдавал военной деятельности в Европе и на Востоке. Он был представителем солдатского направления, осыпал солдат милостями, наградами и повышениями. Весной 213 г. Каракалла отправился в Галлию. Прибыв туда, он немедленно казнил нарбонского проконсула, чем навлек на себя ненависть как тиран. Два раза он воевал на Дунае, но без крупных результатов. Он старался быть хорошим солдатом, ел солдатскую пищу, рыл траншеи и строил мосты, храбро сражался в боях. Мечтая о подвигах Александра Македонского, он отправился на Восток против парфян. В Александрии Каракалла по привычке учинил грандиозную резню, так как горожане слыли сторонниками Геты. Антонин велел самым цветущим юношам собраться за городом якобы для военного смотря, окружил их войсками и предал поголовному истреблению; Дельта Нила и все побережье близ города были залиты кровью.

Война с парфянами затянулась; чтобы скрыть свои замыслы, Каракалла посватался к дочери парфянского царя и вступил в

Месопотамию как будущий зять, а затем, как водится, напал на тех, кто вышел его приветствовать. За этот позорный набег он получил от Сената прозвание «Парфянский». Армия была не готова к неудачам, росло недовольство, усиленное жестокостями Каракаллы. Возник заговор, возглавлявшийся префектом претория Марком Опеллием Макрином, мавретанцем по происхождению. Весной 217 г. Антонин прибыл в город Карры, чтобы принести жертву богу Луны. В то время, когда он отошел от лагеря для отправления естественных потребностей, его убил центурион Марциалий.

Эдикт Каракаллы

Уже в начале единоличного правления в 212 г. Каракалла издал свой знаменитый «Эдикт Антонина», даровавший всем свободным жителям Империи (кроме «дедитициев» — «сдавшихся», т.е. покоренных племен), приписанным к какой-нибудь общине, права римского гражданства. Высочайшая привилегия, за обладание которой столетиями рьяно боролись италики, а затем и провинциальная знать, была предоставлена всем свободным, в том числе и включенным в состав Империи народам. Она вмиг обесценилась, превратившись в рутинную норму. То, что современники уделяли этому эдикту мало внимания, объясняется тем, что этим путем правительство надеялось единообразить налоговую систему и распространить ее на все население, чтобы увеличить сумму налогов, которым подлежали только римские граждане.

Это была не только попытка решить финансовые трудности, но и возможность доукомплектовать армию, состоявшую из римских граждан, систематизировать судопроизводство по всей Империи, активнее проводить романизацию населения. Римским гражданам были доступны все институты и формы Империи, перед ними открылись перспективы личной карьеры. Однако возросли и обязанности всех перед государством уже не как свободных граждан, а как подданных Империи. Римская империя незаметно для себя окончательно преступила черту, отделявшую античное государство с полисными принципами гражданского коллектива от монархии восточного типа, которая просуществовала полтора тысячелетия.

Макрин: ничтожество во власти

Марк Опеллий Макрин пробыл римским императором недолго (217—218). Родился он в 164 г. в Африке, в мавретанском городе Кесарии. Достоверно не известно, кем он был по происхождению: одни считают его вольноотпущенником, записанным при Северах во всад-

ники, а затем ставшим адвокатом императорского казначейства; другие — рабом-гладнатором, получившим освобождение и должность нотариуса. В 212 г. он был назначен префектом претория, и Каракалла публично насмеялся над ним, обвиняя его в отсутствии мужественности. Случайно в руки Макрина попало письмо Материана, которому Каракалла доверил все дела. В нем императору настоятельно советовали избавиться от префекта претория.

По приказу Макрина император был умерщвлен, а сам префект стоял над трупом и рыдал. В это время стало известно, что на римлян идет парфянский царь Артабан, и поэтому Макрин стал императором не столько из-за доверия войска, сколько под влиянием сложного политического момента. Сразу началась тяжелая битва, продолжавшаяся два дня. Между армиями образовался вал из мертвых тел, мешавший сражаться. Артабан, узнав, что Каракаллы нет в живых, согласился заключить мир. Месопотамия осталась за римлянами.

Однако Макрин допустил серьезный просчет. После его утверждения Сенатом он остался в Антиохии, ни разу не посетил за год Рим, предался роскошному образу жизни и не сумел справиться с трудностями своего положения. Армия, избалованная Северами, ждала новых подачек, но их было неоткуда взять, более того, Макрин суровыми мерами пытался восстановить воинскую дисциплину. В сирийской армии начались волнения и поиски нового кандидата в императоры. Энергичная сестра матери Каракаллы Юлия Меса решила возвести на престол своего внука Бассиана и начала агитацию среди войск. Солдатам обещали щедрые награды и изменение «скаредной» политики Макрина. Император выступил навстречу мятежникам, войска встретились на границе Финикии и Сирии. Под Антиохией Макрин потерпел полное поражение и бежал в простой дорожной одежде с закрытой головой. В Халкедоне бегущего настигли сторонники нового властителя Гелиогабала и обезглавили побежденного императора, убив и его сына.

«Танцующий бог» Элагабал

После убийства Макрина императором был провозглашен 14-летний Варий Авит Бассиан, приходившийся родственником жены Септимия Севера (он был внуком ее сестры Юлии Месы, которая и стала движущей силой этого правления). Ко времени убийства Каракаллы она жила в родном городе Эмесе, где обе ее дочери Юлия Созмия и Юлия Мамея были замужем за сирийцами и имели по сыну. Оба юноши позже стали императорами — *Элагабалом* (218—222) и *Александром Севером*, и оба они приняли на себя, практически наследственные в семье, должности жрецов бога Солнца. Бог этот был арабского происхождения и

назывался Элагабал («Хозяин гор»). Его храм находился на горе Эсмы, в нем хранился черный метеорит, в который якобы вошел бог, поэтому камню воздавались особые почести.

Во время парфянского похода недалеко от Эсмы был размещен галльский легион, солдаты которого часто бывали в городе и восхищались красотой юного жреца. «Был он в цветущем возрасте и красивейшим юношей своего времени, когда он священнодействовал и по обычаю варваров плясал у алтарей под звуки флейт и свирелей, люди взирали на него, пораженные любопытством, а особенно воины, знавшие, что он из царского рода, да к тому же красота его притягивала к себе взоры». С подачи Юлии Месы был распространен слух, что Элагабал — сын Каракаллы. Последние сомнения рассеяли деньги. 16 мая 218 г. легионный лагерь приветствовал нового императора. По случайному совпадению с греческим «гелиос» («солнце») он был назван Гелиогабалом.

В 22 км от Антиохии произошло сражение с силами другого претендента на трон — Марцина. Когда войска Элагабала стали отступать, Юлия Меса и Юлия Маменя отважно бросились им навстречу и восстановили порядок. Путь на Рим был свободен. Император сопровождал своего бога — конический метеорит, верховным жрецом и орудием которого он был. Камень везла повозка, запряженная шестеркой белых лошадей. Процессию возглавлял император, шедший по посыпанной золотой пылью дороге спиной вперед, чтобы не терять бога из вида. Вскоре на Палатине рядом с императорским дворцом возвысился новый храм Элагабала, куда были перенесены другие римские святыни.

Этот религиозный синкретизм позже создал основу для распространения христианства. Император частенько истово и со вкусом танцевал вокруг алтаря, и при этом присутствовали благородные сенаторы и всадники. Им представлял правитель, увешанный ожерельями, накрашенный, как кукла, в восточных длинных штанах и с переливчатой диадемой на голове. Он почти каждый год брал себе новую жену: за знатной римлянкой Юлией Паулиной последовала весталка Аквилія Севера, за ней — Анния Фауста и — снова весталка(!). Все происходившее при дворе превосходило всякую меру бесстыдства, а оргии Элагабала затмили вакханалии Калигулы и Нерона. Важнейшие должности император роздал своим фаворитам: танцор стал префектом претория, парикмахер — префектом по обеспечению зерном. Юлия Меса, понимая, что ее внук бросает вызов римским тра-

дициям, уговорила Элагабала усыновить двоюродного брата Александра. Вскоре, в 222 г., солдаты римского гарнизона под покровом ночи убили ее 18-летнего внука.

Александр Север и Юлия Мамея: владыка Рима под каблуком матери

Императорская власть перешла в руки еще не достигшего 14 лет **Александра Севера (222—235)**. Для матери императора Юлии Мамеи судьба сестры и племянника послужила уроком. Александр получил прекрасное образование в греко-римском духе, знаком был с религиозно-философскими идеями, особенно стоическими. Его готовили к роли правителя, и он рос с осознанием лежавшей на нем ответственности. Рано созревший, высокообразованный Александр был натурой скорее размышляющей, чем активной. Из-за преданности матери он, по существу, никогда не имел полной независимости.

Падение Элагабала ознаменовалось разрушением его храма и водворением римских святынь. Сенат предпринял попытку восстановить свое прежнее привилегированное положение. Формально за еще несовершеннолетнего императора правил регентский совет из 16 избранных сенаторов. Совещательную функцию исполнял государственный совет из 20 профессиональных юристов всаднического сословия и 70 сенаторов. С их помощью и под руководством матери правил Александр.

Ставленником Мамеи был префект претория Домиций Ульпиан, крупнейший законовед эпохи. Начали осуществляться большие строительные работы: на Марсовом поле расширили термы Нерона, обновили амфитеатр Флавия, прокладывали дороги в провинциях. Но тяжелое состояние финансов заставило правительство снизить солдатское жалование и уменьшить количество центурионских должностей. В Риме вспыхнули беспорядки, и в течение трех дней царил полная анархия, драки между населением и преторианцами, войска грозили поджечь весь город. Злоба преторианцев обрушилась на их начальника Ульпиана. Они буквально вырвали его из рук императора и Мамеи и убили на их глазах.

Не складывалась у императора и личная жизнь. Он женился на римлянке из сенаторской семьи Орбиане, но мать не потерпела ущемления своей власти, и молодая императрица была отправлена в ссылку в Африку. В это время на Востоке к власти

пришла новая персидская династия Сасанидов во главе с Артаксерксом (Ардаширом). Он вознамерился изгнать римлян с Востока и с этой целью вторгся в Сирию и Каппадокию. Опасность была велика, и Александр с матерью отправились на Восток.

В Эмесе появился узурпатор Ураний Антонин, а затем и Таврин. Присутствие императорской семьи стесняло войска, наконец, под предлогом болезни императора двор остался в тылу, и армия пошла быстрее, но под натиском персов вынуждена была отступить. Римлянам повезло, так как персы прекратили наступление. Сыну и матери пришлось спешно выехать на рейнскую границу для борьбы с германцами. Император предпочел купить мир с племенами. Слухи о позорном мире переполнили чашу терпения солдат. Они выдвинули императором одного из полководцев — Гая Максимиана. Покинутый всеми, Александр в истерике обвинил мать в неразумной политике, которая довела их до гибели. Во время ссоры их нашли центурионы и убили сначала императора на груди у матери, а затем и саму Юлию Мамею.

Взлет и крах императора-солдафона Максимиана Фракийца

После убийства Александра Севера рейнские легионы провозгласили императором **Гая Вера Максимиана (235—238)**. Он был первым «солдатским» императором в узком смысле этого слова, так как начал свою карьеру простым солдатом, кавалеристом, ступень за ступенью поднимаясь по служебной лестнице на пути к всадническому сословию. Сначала он стал префектом Месопотамии, а затем ему было поручено сформировать в Паннонии и Иллирии войска для войны с германцами. Более того, Максимин происходил из семьи фракийского крестьянина и в юности сам был пастухом.

Не только по своему происхождению и профессиональному опыту Максимин являлся солдатским правителем, но и по своей внутренней политике удовлетворения требований армейских кругов. Прежде всего он удвоил жалование солдатам, а затем расправился с оппозицией. Сенаторский комитет был распущен, чиновники Александра разогнаны и казнены. За время своего правления Максимин ни разу не вошел в Рим и не добивался утверждения своей власти Сенатом.

В армии сразу же сложился заговор во главе с бывшим консулом Магнусом, решившим разрушить мост через Рейн и отре-

зять императора от основных сил. Однако заговор был раскрыт, а с ним ушли из жизни 4 тысячи человек. Видя, как непрочно его положение, Максимин решил укрепить власть продолжением германской войны. Армия перешла Рейн и опустошила германские земли. Германцы оказали упорное сопротивление в районе болот, и солдаты заколебались. Тогда Максимин на коне бросился в трясину, увлекая за собой все войско.

Сенат, скрепя сердце, наградил его почетным титулом «Германский». Но для продолжения войны нужны деньги, а увеличить налоговое обложение и без того разоренного населения было невозможно. Оставалось только заняться конфискацией имущества богатых людей, в основном тех, кому было поручено управление провинциями, триумфаторов, бывших консулов. Одних распинали на крестах, других зашивали в шкуры убитых зверей, третьих забивали до смерти дубинами. «Никогда еще на земле, — возмущался составитель биографии Максимиана, — не было более дикого зверя. Фракиец не терпел около себя знатных». У городов он отнял все средства, предназначенные для благотворительных целей, а также дары в храмы и металл, из которого чеканились деньги.

Раздраженная знать выдвинула против него в течение года четырех своих претендентов: Гордиана I и Гордиана II в Африке и Бальбина и Пупиена в самом Риме, но в течение нескольких месяцев они были убиты солдатами. Та же участь постигла и Максимиана. В его армии находился II Парфянский легион, который тяготился гражданской войной, ибо раньше он стоял недалеко от Рима и там остались деги и жены солдат. В 238 г. часть легиона взбунтовалась и стала срывать изображения императора. Максимин вместе с сыном вышел из палатки и попытался успокоить солдат, но был убит. Участь его разделили сын и ближайшие помощники. Крах Максимиана Фракийца показал, что консолидация власти солдатского императора может осуществиться только тогда, когда он сумеет обеспечить себе широкий базис или создать государственный аппарат в соответствии со своими интересами. Это удалось только Диоклетиану.

Гордиан III и Филипп Араб. Кровавая чехарда «солдатских» императоров

После падения Максимиана Фракийца сенаторские императоры вместе с Гордианом III вошли в Рим. Однако они допустили ошибку, оставив в городе иллирийскую гвардию, солдаты ко-

торой изловили Пупиена и Бальбина и убили их в своем лагере. Так, в 238 г. 13-летний мальчик Марк Антоний Гордиан III, истинно игрушка в руках солдат, стал императором. Он был уже августом и мог править единолично, но необходим был опыт. Вероятно, сначала ему помогал наместник Нижней Мёзии Менофил. Когда обострились события на Ближнем Востоке, на первый план выдвинулся префект претория Тимеситей. Он сумел уцелеть после смерти Максимиана, при котором отвечал за сбор налогов с Малой Азии. Тимеситей проявил себя как образованный администратор и ловкий дипломат и был предан Гордиану III, за которого отдал свою дочь. В 242 г. Тимеситей совершил бросок на Ближний Восток, где персидский царь Сапор (Шапур) грозил столице Сирии Антиохии. По дороге было разбито фракийское племя карпов, завоеваны Карры и Насибия в Месопотамии. Но в этот момент Тимеситей умер от какой-то желудочной болезни.

Новый префект преторианцев, а фактически главнокомандующий, сын арабского шейха из Гаурана Марк Юлий Филипп, искусственно задерживая (якобы от имени императора) транспорт с продовольствием, вызвал мятеж. Гордиан был убит, и на трон взошел человек с Востока — Филипп Араб (244—249).

Свою родную общину к северу от Босны он возвысил в ранг колонии и назвал ее Филиппополь. Свою жену сразу же сделал августой, семилетнего сына цезарем, а затем августом и верховным жрецом, брата назначил наместником восточных провинций, а зятя наместником Мёзии и Македонии. Кульминацией его правления был пышно отмеченный в апреле 248 г. праздник тысячелетия Рима. В том же году, когда император отражал нападение карпов, последовал грозный прорыв готов на территорию Нижней Мёзии. Помимо этого, мезийские легионы провозгласили императором простого центуриона Марина Покациана. Туда Филипп послал своего городского префекта Гая Деция Траяна.

События скоро приняли драматический оборот. Когда Деций прибыл на Дунай, Покациан был уже убит солдатами. Восторженно приветствовали они нового полководца, который был им ближе, чем романизованный араб, и провозгласили Деция императором. Филипп лично выступил против претендента на трон, но в Северной Италии был разбит и погиб в Вероне. Несколько позже его сын был убит преторианцами. Император Деций правил только два года...

Апогей кризиса Империи: Валериан, Галлиен и «Тридцать тиранов»

Борьба за власть на вершине Империи по-прежнему проходила бурно. В Рим вошел новый император Публий Лициний Валериан (253—260). Представитель знатной сенаторской семьи 63-летний Валериан был хорошим администратором. Но ему не выпало удобного случая, чтобы продемонстрировать эти качества. На Нижнем Дунае, в Малой Азии и на всем Ближнем Востоке Рим терпел катастрофические поражения. Готские набеги терроризировали Грецию и Малую Азию, сасанидские войска захватили Антиохию, разграбили и ушли за Евфрат с добычей и пленными. Все было взаимосвязано: чем шире разворачивалась гражданская война, тем сильнее делался натиск варваров на границы страны. Поэтому Валериан решил децентрализовать управление. Возведенный в августы его 35-летний сын Галлиен (253—268) получил Запад Империи, а отец взял на себя командование на Востоке. Так произошло первое разделение Империи на две части — западную и восточную.

В 254 г. Валериан расположил свою штаб-квартиру в Самосате. Вскоре он потерял Дура-Европос, резиденцию командующего пограничной обороны района и одну из важных римских позиций на Среднем Евфрате. Кризис достиг своей высшей точки в 260 г., когда конница персов Сапора вторглась в Сирию и дошла до Эмесы. На отвесных скалах севернее Персеполя находится монументальный наскальный рельеф, который изображает разбитого Сапором Валериана, причем римский император стоит на коленях в плаще полководца перед сидящим на коне сасанидским повелителем. Судьба Валериана неизвестна, вероятно, он умер в плену.

В христианской традиции судьбу этого императора рассматривали как Божье наказание за его жестокое гонение на христиан после эдикта 257 г. Тогда христиане подверглись казням и конфискациям за отказ от службы в армии и от исполнения императорского культа.

15-летнее правление Галлиена не означало стабилизацию власти, наоборот это была высшая точка кризиса, наполненная восстаниями, солдатскими бунтами, узурпациями и варварскими нашествиями. После страшного удара, нанесенного римскому престижу, персы захватили Антиохию и Цезарею. В это время подоспел римский полководец Каллист, нанесший пораже-

ние персам и погнавший их за Евфрат. Там персов встретил правитель Пальмиры Оденат и разбил их наголову. Галлиен тем временем старался защитить рейнскую границу от вторжений франков и алеманнов. Последние даже вторглись в Италию, и напуганный Рим пошел на крайнюю меру — раздал оружие городскому населению. Но племена повернули с добычей назад и были разбиты Галлиеном.

Далее наступили годы, которые современники называли временем правления «30 тиранов», — так много было самопровозглашенных претендентов на власть! Внутри самой Империи появились отдельные государственные образования: Галльская империя во главе с Латинием Постумом (чьи войска убили сына Галлиена и префекта претория Сильвана), которая включала все галльские провинции, часть Испании и Британию; на востоке в Пальмире укрепился Оденат, под его властью оказались Сирия, Месопотамия, Финикия, часть Малой Азии, где страшное землетрясение разрушило многие города. В Италии свирепствовала чума. С трудом было подавлено восстание рабов на Сицилии.

Чтобы сохранить армию для охраны центральной власти, Галлиен пытается привлечь к себе ее верхушку. Был создан корпус императорских телохранителей — «защитников божественной груди», комплектовавшийся из офицеров; из них же вербовались кадры высших командиров и чиновничества. В легионной армии резко увеличилось количество конницы. Из варварских племен создавались мобильные кавалерийские корпуса.

В 263 г. в Риме отмечалось десятилетие правления Галлиена, превратившееся в грандиозное солдатское торжество. Проведенные реформы несколько укрепили армию, и император повел войска против галльского узурпатора Постума. Вскоре Постум был убит собственными солдатами, раздраженными тем, что он запретил им разграбить город Могонциак (Майнц). Казалось, что и на Востоке события складываются благополучно. Во время организованного переворота был убит Оденат с сыном, но власть в руки, не отпуская ее ни на минуту, взяла его жена Зенобия, под управлением которой Пальмира достигла процветания. Однако императору удалось отразить нападение припонтийских варваров (герулов, готов, сарматов) на Малую Азию и Грецию.

Галлиену не пришлось довести дело до конца, он изнемог в борьбе. А ведь Галлиен был образованнейшим человеком своего времени, его покровительство искусствам позволило по-

томкам говорить о «галлиеновском ренессансе». Он был эллинофилом, между походами посетил Афины, был выбран архонтом и участвовал в Элевсинских мистериях. Связан он был и с неоплатониками Платином и Порфирием.

Однако в последние годы своего правления Галлиен стал предаваться кутежам и разврату. Среди высшего офицерства созрел заговор. Однажды ночью была объявлена ложная тревога. Полуодетый Галлиен вскочил на коня и бросился навстречу предполагаемому противнику так быстро, что охрана не успела за ним последовать. В суматохе один из заговорщиков нанес императору смертельную рану.

Зенобия — звезда Востока

В борьбе против персидского шаха Шапура I (Сапора) император Галлиен вынужден был опереться на правителей Пальмиры — города в оазисе Центральной Сирии, получившего еще от императора *Каракаллы* статус римской колонии. Правитель Пальмиры Оденат остановил персидские войска, отбросив их за Евфрат. Галлиен, занятый борьбой с варварами на севере, высоко оценил победу Одената, даровав ему титул *Dux Romanorum* («Вождь римлян») и провозгласив верховным главнокомандующим на Востоке. Одержав победу над Шапуром, честолюбивый Оденат провозгласил себя императором. После убийства Одената его вдова Зенобия, воспользовавшись ослаблением Римской империи, объявила о независимости Пальмиры (267 г.) и в течение нескольких лет прихватила часть Месопотамии, Сирии, Аравию и Египет. При этом Рим вынужден был официально отказаться от этих территорий. Древний караванный город при Зенобии превратился в метрополию Востока, украсившись улицами, защищаемыми тенистыми мраморными портиками от палящего солнца пустыни, и великолепными храмами. Зенобия начала чеканить собственную монету. На монетах 271 г. она названа «Августа», а опекаемый ею старший сын — «Август». Пальмира стала одним из важнейших культурных центров того времени; сюда съезжались поэты, ученые, художники, скульпторы, образовав своеобразный «сад талантов», питавшийся восточными, эллинистическими и римскими традициями. Имя Пальмиры как прекраснейшего города и питомника муз стало нарицательным.

Власть Зенобии и богатство ее государства не могли не вызывать раздражения и даже ненависти у римлян. Один из историков писал: «Иноземка по имени Зенобия ... хвалилась тем, что она из рода Клеопатр и Птолемеев, после смерти своего мужа Одената, набросив себе на плечи императорский военный плащ и надев диадему, правила от имени своих сыновей. ... Еще в правление Галлиена эта гордая женщина приняла на себя царские обязанности».

Образованная и красивая Зенобия была умной и смелой правительницей. Однако конец ее победам и царствованию положил император *Аврелиан*, в 272 г. разбивший ее войска. В 274 г. Зенобия в числе других пленников была проведена в триумфе Аврелиана по улицам ненавистного ей Рима. Всем своим видом она показывала, что не смирилась. На ней были великолепные одежды и множество драгоценных украшений, ослеплявших римлян. И хотя руки и ноги ее сковывали золотые цепи, а за золотую цепь на шее ее вел персидский шут, Зенобия держалась с исключительным царственным достоинством и выказывала несломленный характер. Свои дни она закончила как римская матрона в имении неподалеку от Тибура — виллы императора Адриана.

Император Аврелиан: отчаянный шаг от пропасти

Скатывание Империи в пропасть удалось задержать на несколько лет императору Луцию Домицию *Аврелиану* (270—275). Он происходил из простой среды, возможно, даже из семьи колона, что не помешало ему сделать головокружительную военную карьеру и стать начальником конницы. Провозглашенный солдатами Дунайских легионов императором, Аврелиан одержал победы над вандалами, сарматами и готами и на время отеснил их за Дунайский лимес. Однако у него не доставало военных сил, чтобы долго удерживать такое положение, и он вынужден был уступить готам Дакию, заключив с ними в 271 г. мир. Нашествие алеманнов Аврелиан остановил у города Павия в Северной Италии, которая через три века станет столицей других варваров — лангобардов.

Аврелиан первым из римских императоров со всей очевидностью осознал, что варвары могут угрожать и непосредственно Риму. Он приказал воздвигнуть вокруг столицы мощную стену — Аврелианов вал.

За Аврелианом закрепилась слава мужественного, справедливого и мудрого императора. Показателен случай, происшедший при осаде города Тианы. Разгневанный сопротивлением тианцев Аврелиан воскликнул: «Собаки живой не оставляю в этом городе!» Однако, когда город был взят, победитель принял два решения, «из которых одно, — как отмечал римский историк, — показывает его строгость, а другое — мягкость». Мудрый император велел казнить предателя, открывшего римлянам ворота города, а на требование солдат выполнить свою угрозу и покарать жителей Тианы отдал приказ перебить всех собак, за-
претив трогать людей, чем снискал их благодарность.

Этот император предпринял героические усилия для восстановления единства Империи. Он одержал победу над Пальмирой, вернул Риму Сирию, некоторые восточные области и Египет; вновь утвердил власть Рима в Галлии, Испании и на других территориях. За это Аврелиан был награжден титулом «Восстановитель Империи».

Аврелиан провел ряд реформ, направленных на восстановление внутреннего единства Римского государства. Он попытался отойти от системы принципата и первым из римских императоров повелел называть себя «господином и богом», подчеркивая тем самым абсолютный и божественный характер своей власти. На людях Аврелиан появлялся в сияющем венце и роскошных восточных одеждах, уподоблявших его божеству. О том, что это являлось элементом нового церемониала, преследовавшего определенные политические цели, а не показателем императорского пристрастия к роскоши, свидетельствует хотя бы тот факт, что в обыденной жизни Аврелиан был очень неприхотлив, носил простую одежду; даже своей жене он разрешал иметь только один шелковый плащ.

Объединению Империи должна была способствовать и религиозная реформа, вводившая общий для всех культ Непобедимого Солнца — божественного покровителя императора и Империи. Этот культ обязан был венчать традиционную римскую религиозную систему, которую Аврелиан также пытался очистить и возродить.

Желая привести в порядок финансы Империи, Аврелиан повелел остановить порчу монеты. Однако это не встретило понимания у тех, кто чеканил деньги — у ремесленников, работавших на монетном дворе. Монетарии восстали, к ним присоединился плебс, волнения быстро распространялись. Гнев восставших обратился против императорских войск, направленных на подавление восстания. Было убито около 7 тысяч солдат. Однако Аврелиан разделил печальную судьбу всех «солдатских» императоров III в. В 275 г. обстановка на Востоке снова осложнилась, и Аврелиан вынужден был выступить в очередной поход. Во время похода он был убит заговорщиками, оставив незавершенной задачу преобразования всей системы управления Империи.

Армия, казалось, «устала» выдвигать императоров и после гибели Аврелиана уступила это право Сенату, который избрал императором дряхлого сенатора Тацита. Через год Тацит был по привычке убит солдатами. После него солдаты сделали императором сначала Проба, а затем Кара (в 282—283 гг.). Проба, как во-

дится, убили те же солдаты, а Кар был сражен молнией. Римляне сочли, что сам громовержец Юпитер устал от кровавой вакханалии и низверг карающую молнию на голову незадачливого владыки римлян. Но и гнев отца богов не прекратил яростную борьбу за власть, разгоревшуюся после гибели Кара с новой силой.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА. В ПОИСКАХ ИСТИНЫ И БОГА

Возникновение христианства было очень сложным процессом, подготовленным всем ходом исторического, религиозного и культурного развития Средиземноморского мира в последние века до нашей эры. Христианство вобрало в себя учения и опыт иудаизма, восточных религий спасения, мессианизм и социальные упования масс, элементы греческой философии и римской политической практики и многое другое. Оно выдвинуло уникальную личность — Христа, вмещающего в себя всю полноту божественной силы и конкретность человеческой природы, сделавшую христианство столь привлекательным для миллионов, а мир представило как историю Слова, возвышающего человека до Бога.

Римская империя и христианство родились почти одновременно. Их союз через несколько веков привел к рождению средневекового мира, а в далекой исторической перспективе наметил тенденцию формирования европейской идентичности. Но в момент их возникновения едва ли можно было найти в истории силы, более противостоящие, более несхожие по историческим масштабам, могуществу, духовному смыслу, пониманию главного вопроса в существовании любого общества и человеческой культуры в целом — что есть человек.

Великая Империя, поглощавшая всё новые земли и народы, и проповедь безвестного плотника из захолустной Галилеи — как могли они сопрячься, чтобы создать новую цивилизацию, породить мировую религию с великолепно организованной церковью, осуществить великий переворот в мировой истории?

«Святая земля» Палестины накануне пришествия Иисуса

Христианское учение возникло в Палестине, и в глазах населения Римской империи христиане и иудеи казались чем-то

единым, чья чужеродность относительно господствующей идеологии и религии выглядела несомненной. Еще в 139 г. до н.э. религиозные выступления иудеев в Риме были расценены властями как чересчур активные и заставили принять меры, повлекшие за собой изгнание иудеев из Рима. Примерно в то же время, согласно религиозным текстам, найденным в Кумране, в Иерусалиме был распят на кресте некий проповедник, учивший иудеев религиозной свободе — «дух дышит, где хочет», — и выступивший против господствовавших течений иудаизма.

С 53 по 40 г. до н.э. и с 37 г. до н.э. по 6 г. н.э. иудейско-идумейским царям была дарована римская клиентела. В 6—41 гг. н.э. Иудея входила в римскую провинцию Сирия, ею управлял римский прокуратор. В 40 г. до н.э. римский Сенат милостиво назначил царем Иудеи верного союзника Рима Ирода I, получившего впоследствии прозвание «Великий». При нем отношения между Римом и Иудеей улучшились, однако религиозное противостояние продолжалось. Оно и не могло быть устранено в силу сущностного различия иудейского монотеизма и римского язычества. Ирод Великий заново отстроил храм царя Соломона в Иерусалиме, бывший величайшей святыней иудеев, воплощенным свидетельством их богоизбранности. В раннем храме хранился ковчег Завета, заключенного Богом с этим народом.

Палестина была населена не только евреями. Здесь издавна жили сирийцы, греки, в I в. до н.э. сюда пришли римляне. Иудеи из всех сил стремились сохранить свою религиозную самобытность, которая не давала им раствориться в многоликом эллинистическо-римском мире. Религия для них была источником закона, государственности и подателем надежды на великое будущее. Они свято хранили свой экстраординарный опыт общения с Богом, данный им через пророков. То был опыт диалога и договора (завета) между надмирной божественной личностью и человеком, опыт откровения и закона, дарованного Богом.

Евреи верили, что Бог воззвал к ним, чтобы они помогли ему в осуществлении его цели — обращении человечества к Всевышнему и реализации его воли. Они утверждали, что Бог един, что он — высшая личность, настолько совершенная, что не нуждается ни в каких определениях. Человек создан по образу и подобию Божию, но это прежде всего духовное подобие — иудейский Бог чужд языческому антропоморфизму. Отвечая пророку Моисею на вопрос об имени, Бог, явившийся ему в неопалимой

купинé, отвечает: «Я есмь сущий» — Яхве (Иегова). Иудейский Бог не нуждался в физическом совершенстве, каким обладали языческие боги.

Библейское учение, по убеждению иудеев, — исторично. Деяния людей есть лишь осуществление божественного замысла, они составляют единую реальность, и реальность эта — история. В истории раскрывается логика божественного откровения. История есть поле божественного творения. Драма человеческого существования — также исторична, она развернута во времени, и кульминацией ее должно стать явление Мессии. Именно в нем и с ним осуществится великое предназначение народа Израилева — обращение всего человечества к Богу, уникальный исторический прорыв в Царство Божие.

Тора — Священное Писание иудеев и весь Ветхий Завет в целом восхваляют Бога и прославляют Его закон. В них содержатся пророчества о грядущем пришествии в мир Мессии (древнеевр. «машиах» — *помазанник*) — божиего посланца, призванного освободить и возвеличить еврейский народ, восстановить завет Бога с избранным народом, искупить грехи человеческие, низвергнуть «Князя Тьмы» — Дявола, установить торжество справедливости и благоденствия, прежде всего для избранного народа за все его страдания.

В «Книге Бытия» предвещалось наступление Царства Небесного. Пророк Исайя предрекал рождение младенца — Сына Божиего, которому предстоит стать Царем земным и Богом Крепким, Спасителем. Пророк Даниил называл Мессию Сыном Человеческим, сошедшим с небес на землю. В «Книге Премудрости Соломоновой» Мессия отождествлялся с первенцем Бога, Его Мудростью, Разумом (Логосом). В раздробленной междоусобицами и истерзанной бесчисленными поработителями (ассирийцами, египтянами, персами, эллинистическими царями Селевкидами и Птолемеями, беспощадно подавившими восстание Маккавеев в середине II в. до н.э., римлянами!...) Иудее ожидание пришествия Мессии приобретало все более мистический характер.

Авторы многочисленных апокалиптических сочинений, пророчествовавших о наступлении конца мира, были уверены, что явление Мессии уже близко — оно станет завершающим актом борьбы Бога и Сатаны. В последний «День Бога» мертвые восстанут и свершится Божий Суд. После этого Мессия будет править новым царством, в котором праведники обретут вечное

блаженство. Однако Мессия виделся не только победителем и царем. Он был искупителем грехов, представшим в откровении того же пророка Исаяи перед людьми как «муж скорбей»...

В период, непосредственно предшествовавший появлению Иисуса Христа, в иудаизме существовали различные секты, по-разному трактовавшие Откровение. Наиболее консервативными были саддукеи, получившие свое название по имени основателя — Садока, бывшего в III в. до н.э. первосвященником, главой синедриона — Великого совета старейшин Израиля. Саддукеи признавали Тору, требовали неукоснительного исполнения данного в ней Закона. Они не верили в бессмертие души, отвергали мессианские пророчества. В секту входили по преимуществу представители высших слоев еврейского общества.

Фарисеи («отделившиеся») были противниками саддукеев, с которыми постоянно боролись в синедрионе. Фарисеи считались «наиболее религиозными» среди евреев, особенно точно толковавшими Закон. Они дополняли Тору устным преданием, составленным фарисейскими учителями Закона. Чувствуя невозможность победы над Римом на военном поприще и не видя реальных путей изгнания римлян из Палестины, фарисеи перенесли свои упования в область загробной жизни, бессмертия души. Они считались хранителями нравственности, но выставляли свою праведную жизнь напоказ, кичились своим благочестием, не всегда искренним, что впоследствии дало основания Христу упрекать их в ханжестве и обмане. Вместе с фарисеями Христос упрекал и «книжников». Вероятно, речь шла о светских учителях Закона Божиего, преподававших в школах и рассуждавших о нем в синагогах.

Наиболее радикальной и в перспективе наиболее близкой к христианам сектой были ессеи (их название, возможно, произведено от халдейского «асхаи» — *купальщик*). Они жили замкнутыми общинами, в которых не было женщин; отрицали частную собственность, плотскую любовь, рабство, брак. В брак вступали редко и только ради зачатия детей. Истово соблюдали все предписания иудейского Закона, считали обязательным физический труд, жили в крайней простоте. Ессеи верили, что благодаря не нарушаемому благочестию, воздержанию, чистой жизни, религиозному созерцательному экстазу и молитвам, они способны достичь мистического соединения с Богом, провидеть будущее и изгонять злых духов. Они страстно ждали пришествия Мессии и уповали на него как на спасителя и создателя царства всеобщего равенства и безупречной жизни.

По-видимому, близкими к ессеям общинами были кумраниты, чьи поселения были расположены на побережье Мертвого моря в районе Кумрана. В 1947 г. здесь были найдены первые рукописи кумранской общины, в настоящее время обнаружено более 40 тысяч фрагментов. Эти уникальные находки позволили составить довольно подробное представление о характере кумранской общины и ее учении. Члены общины отринули ортодоксальный иудаизм, обвинили иудейских священников в осквернении Иерусалимского храма нечестием и искажении божественного откровения. Они ушли от мира, чтобы заключить новый союз с Богом, а свою общину стали называть «Новым заветом», ее членов — «сынами света», противопоставляя себя всем остальным мирянам и особенно жрецам, в которых видели носителей тьмы, слуг зла. Кумраниты отвергали собственность, гордились своей нищетой. У них было самое скромное совместное имущество. Физический труд обеспечивал их скудное существование. В молчании проходили их общие трапезы. Обязанностью членов общины было изучение религиозных текстов и молитвы. Перед ритуальными омовениями должен был состояться акт духовного покаяния. Кумраниты отказались от жертвоприношений. Для них очень важным было «совершенство пути» к Богу. Отсюда постоянная готовность к последней битве света и тьмы, Бога и дьявола. И если у истоков кумранской общины стоял некий «учитель праведности», познавший истину из уст Бога и затем мифологизированный, то светочем и божественным ориентиром в грядущем для кумранитов является Мессия. Его появления они ожидали с напряженной, неснимаемой экзальтацией, видя в нем божественную цель бытия. У ессеев идея избранного народа была заменена апологией индивидуального мессианского избранничества.

Итак, можно заключить, что столетие, предшествовавшее рождению Христа, было веком великого ожидания божественных перемен. И это ожидание концентрировалось в образе Мессии.

Жизнь Иисуса

В правление Августа в городке Назарете, что на севере Иудеи, в семье плотника Иосифа и жены его Марии (по преданию, еще не познавшей мужа) родился мальчик Иисус. О его детстве мы практически ничего не знаем, кроме того, что он поражал храмовых служителей своей начитанностью, бойко читая и на-

изусть цитируя тексты Талмуда. Мы застаем Иисуса уже взрослым 30-летним мужем, когда он принял крещение водой в реке Иордан от проповедника Иоанна, прозванного Крестителем и возвещавшего скорое пришествие Мессии в виде агнца. (За крамольные проповеди Иоанн Креститель был брошен в темницу правителем Иудеи Иродом Антипой, а затем обезглавлен по наущению его жены — правоверной иудейки Иродиады.)

После крещения Иисус отправился странствовать по городам и весям Иудеи, Самарии, Палестины и Галилеи и везде проповедовал добро, любовь к ближнему, нравственное очищение и сострадание к несчастным. Его поведение было немыслимо с точки зрения ортодоксального иудаизма, его поступки буквально взрывали закосневшие всей античной морали. Так, Иисус проявил сострадание к падшей Марии Магдалине и защитил от побития камнями несчастную блудницу, кротко укорив озверевшую толпу ревнителей нравственности: «Кто из вас без греха»? Иисус нарушил религиозный запрет на общение с «презренными» самаритянами, заявив, что все люди — дети Божьи. Его бескорыстие и внутреннее достоинство так подействовали на некоего алчного сборщика римских налогов (ненавидимого соплеменниками мытаря) Левия Матфея, что тот швырнул на землю кошель с деньгами и стал истовым поклонником Назаретянина. Проповеди Иисуса привлекали все большие толпы людей, а в пути к нему присоединились двенадцать наиболее верных последователей, позднее названных *апостолами*.

Прибыв в 33 г. н.э. с учениками в столицу Иудеи Иерусалим, накануне главного праздника иудеев Пасхи, Иисус, принявший имя Христос (что значит «Спаситель») продолжал проповедовать. В знаменитой «Нагорной проповеди» он изложил основные заповеди своего нового учения, или Завета: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, возлюби отца и мать своих, помогай ближнему и т.д. Эти, казалось бы, простые истины, присущие каждому человеку, показались крамольными духовным правителям Иудеи, членам синедриона. Их глава, первосвященник Кайафа, донес на вольнодумца римскому *прокуратору* Палестины Понтию Пилату, обвинив Иисуса в том, что он выдает себя за Мессию и называет себя Сыном человеческим и царем Израиля.

Богословские раздоры мало волновали прагматичного Пилата, но последнее обвинение подпадало под суровый закон Тиберия «*Об оскорблении величия императора*», поэтому был отдан

приказ схватить смутьяна. В этом властям помог один из учеников Иисуса — Иуда Искарот, которому Кайафа посулил награду в тридцать тетрадрахм (сребреников) — неслыханная сумма для нищего простолюдина! Иуда привел солдат в дом, где Иисус с учениками вечером вкушали скудную трапезу. Подозревая о своей судьбе, Иисус пустил по кругу хлеб и вино, объявив, что это плоть и кровь его. И все ученики отведали их. Так возник важнейший обряд будущего христианства — причащение.

Схваченный солдатами, Иисус предстал перед Пилатом и держался достойно и честно, чем вызвал его симпатию. Пилат даже попытался спасти Иисуса, предложив Кайафе помиловать его по случаю Пасхи, как было принято у иудеев, но первосвященник предпочел освободить некоего Варраву, настоящего разбойника, убийцу и зачинщика беспорядков против римлян.

Судьба Иисуса была решена. По оглашению приговора толпа иудеев на площади Иерусалима, подзуженная первосвященниками, орала: «Распни его!» И Иисуса с тяжелым крестом на спине погнали по улицам к месту казни за крепостной стеной. Ученики его были бессильны, а самый близкий из них, Петр, которого узнавали жители, трижды отрекся от знакомства с учителем.

На холме Голгофа Иисус был распят на кресте рядом с двумя грабителями и умер, претерпев тяжкие мучения. Затем ученики тайно сняли его с креста и положили в гробницу, но когда на третий день они открыли вход, гробница оказалась пуста. Так возникло убеждение, что Иисус Христос воскрес из мертвых и вознесся на небо, а позднее не раз являлся своим ученикам, убеждая их нести его учение как слово Божие по миру.

Жизнь Иисуса была подробно описана в Евангелиях, составление которых приписывают его ученикам, хотя исследователи установили, что самые ранние из них появились только в конце I—II в. н.э. В то же время ни в одном другом античном источнике мы не находим сведений о нем (единичные фрагменты в сочинениях Иосифа Флавия и Корнелия Тацита уже давно признаются большинством ученых сфальсифицированными вставками средневековых переписчиков). Родился Иисус при царе Ироде Великом, т.е. не позже 4 г. до н.э., что не совпадает с началом новой эры «от рождения Христова». В античных писаниях ничего не говорится ни о масштабном «избиении младенцев» царем Иродом, якобы убоявшимся туманных пророчеств о рождении Мессии и погубителя царей иудейских, ни о проведении

императором Августом переписи населения Империи в это время — а ведь этим Евангелия оправдывают путешествие родителей Иисуса в Вифлеем, «откуда пошел род Давидов»; да и не требовалось массам перемешанного населения, даже Иудеи, совершать для «внесения в налоговые списки» тяжкие вояжи к родовым гнездам (разве, дабы оправдать иудейские пророчества о пришествии Мессии из «колена Давидова»?).

Поэтому до сих пор не утихают споры о том, жил ли Иисус в действительности или был выдуман проповедниками новой веры — христианства. В самом деле, по дорогам Палестины и всего Ближнего Востока в начале нашей эры бродило немало проповедников, странствующих философов и отшельников. В Иудее, томящейся под гнетом римлян, кипели богословские споры, возникали многочисленные секты, исповедующие добро, равенство и справедливость. Однако и не доверять полностью сказаниям Евангелий вряд ли возможно. Как бы то ни было, в земное существование Иисуса Христа, Сына Божия, посланного на землю во искупление грехов человеческих, можно только верить или нет.

Учение Иисуса Христа

Совершая свой последний путь на Голгофу, Иисус Христос, как повествует Евангелие от Луки, вопрошал: «Если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?». Во время нероновых гонений на христиан погиб апостол *Петр*, которому Сын Божий завещал основать на земле церковь свою. Отсекли голову апостолу *Павлу*, пламенному проповеднику нового учения, утверждавшему, что «человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа».

Последователей Христа обвиняли в ненависти ко всему человеческому роду и предавали жестоким казням. Казалось, с христианством покончено. Да и что могли противопоставить мощи мировой Империи беззащитные маленькие группы верующих в Христа? Однако события 60-х годов I в. оказались не завершением, а лишь прологом того, чего меньше всего можно было ожидать: превращения учения крошечной секты, возникшей в глухом иудейском захолустье, в мировую религию, вознамерив не только восторжествовать над духовными основами Империи, но и преобразить облик человечества...

О жизни Иисуса Христа и его учении мы знаем преимущественно из Нового Завета — части Библии, которую христиане

считали письменным свидетельством заключения Богом нового союза (завета) с человеком, откровением, продолжающим Ветхий Завет. В Новый Завет входят четыре Евангелия (от греч. *благая весть*). Их авторство приписывается апостолу Матфею, евангелисту Марку, евангелисту Луке и апостолу Иоанну Богослову. Евангелия от Матфея, Марка и Луки называются «синоптическими», так как они охватывают «единым взглядом» (греч. *синоптикос*) историю Христа.

В Новый Завет также входят «Деяния апостолов», авторство которых традиция приписывает евангелисту Луке, и 21 «Послание». Четырнадцать «Посланий» принадлежат апостолу Павлу (к римлянам; два — к коринфянам; к галатам; к ефесянам; к филиппийцам; к колоссянам; два — к фессалоникийцам; два — к Тимофею; к Титу; к Филимону; к евреям). Автором трех посланий является апостол Иоанн, двух — апостол Петр, одного — апостол Иаков, будущий креститель Испании; одного — апостол Иуда (не путать с Иудой Искаротом, будто бы предавшим Иисуса Христа). Заключает Новый Завет «Откровение Иоанна Богослова» — Апокалипсис.

Канон Нового Завета, т.е. собрание книг, официально признанных церковью боговдохновенными, носящими священный характер, сложился во II—V вв. в жесточайшей межобщинной идейной борьбе. В результате пристрастного отбора церковными иерархами за его рамками остались многие другие евангелия, послания и откровения, которые были отвергнуты церковью как «неистинные» прежде всего потому, что в них содержались слишком уж разноречивые толкования учения Христа, излишне «приземленные» подробности о жизни его самого, его близких (матери Марии, отца Иосифа — от их лица составлены целые «евангелия») и последователей (Марии Магдалины, Андрея, Петра, Фомы). Они складывались в крохотных, изолированных друг от друга общинах ранних христиан, живших на огромных просторах Империи. Не слишком образованные проповедники этих общин по своему разумению адаптировали смутные сказания о Христе к нравам и упованиям своей разноречивой и разноречивой паствы. Они получили название «апокрифы» (от греч. *тайный, сокровенный*). Апокрифы имели широкое хождение среди христиан в первые века нашей эры.

Священное Писание христиан — Библия — включает и Ветхий и Новый Заветы. Христиане почитают также и «Священное предание», в состав которого входят «Символ веры» (*Credo*), ре-

шения вселенских и некоторых поместных церковных соборов, отдельные сочинения «Отцов Церкви».

В раннем христианстве менее всего следует искать систематизированное учение с догматикой и теологией. Судя по Евангелиям, Иисус очень просто и далеко не всегда последовательно говорит о самом важном: о Боге и человеке, о том, какими принципами надо руководствоваться, чтобы обрести спасение. Эта простота и великая любовь, исходящая от Иисуса, обращали к нему сердца людей, прежде всего «простых духом», не способных мудрствовать и жаждущих не понять разумом, а принять душой божественную любовь.

Более всего притягивала людей сама личность Иисуса, испившего, согласно христианской вере, своими страданиями грехи человеческие, распятого и воскресшего. В Христе сокрыта великая сила христианства, устанавливающего непосредственную, живую, личную, никогда не прерывающуюся связь между Богом, воплотившимся в человеке, т. е. ставшим таким же, как каждый из живущих на земле, и этим каждым. Сосредоточивший в себе все божественное могущество и потому превосходящий всех языческих богов, христианский Бог выступает и как живой страдающий человек, понятный и близкий любому. Он прошел мучительный жизненный путь и умер позорной рабской смертью на кресте (подобная участь нависала над любым подданным Империи!). Измученная плоть Христа не напоминала блистающие физической красотой фигуры языческих богов, но роднила его со всеми жалкими, больными, терзаемыми несчастьями, болезнями и социальной несправедливостью массы людей.

Незаметная жизнь Христа, протекавшая в основном на глазах учеников и немногих жителей провинциальной Иудеи, была так не похожа на потрясавшие воображение деяния языческих богов, но она содержала великий духовный смысл, который и делал его Христом. Обращение каждого отдельного человека к христианскому Богу было всегда актом индивидуальной веры и собственного выбора, изменявшего саму духовную суть человека. Ибо избравший Христа обретал надежду на спасение, личное бессмертие и Царство Божие. Самый последний раб мог почувствовать бесконечную силу божественной любви и благодати. В этом личностном характере веры была неодолимая сила, которая и помогла христианству в конце концов победить другие религии, соперничавшие с ним на заре его существования, а

в исторической перспективе — стать одной из трех мировых религий наряду с буддизмом и исламом.

Апостол Павел говорил: «А мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие. Для самих же призванных, иудеев и эллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость». И спасение через распятие Мессии знаменовало собой разрыв с религиозными представлениями римского, античного мира, да и с древней иудейской религией тоже. Христианский Бог избрал «немудрое мира», чтобы «посрамить мудрых», и «немошное мира», чтобы «посрамить сильное». Более того — «и незаметное мира и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значущее». Христианская религия возникла как религия отверженных, как религия неправых, тех, кто был изгоями римского мира — рабов, инородцев, всех, терпевших поражения в бесплодной жизненной борьбе. И путь христианства к тому, чтобы стать мировой религией, был долгим и трудным.

Апостолы — посланцы веры

С апостолами (греч. *посланники*), ближайшими учениками и свидетелями смерти и воскрешения Христа, связывают распространение христианства среди народа Империи. Судьбы их отражены в «Деяниях апостолов» и их апокрифических житиях. Образы и деятельность апостолов, несомненно, подверглись мифологизации, но эта мифологизация имела реальное основание. Из двенадцати ближайших учеников Иисуса предание сохранило имена Андрея (ставшего Первозванным), который первый вместе с братом Симоном узрел Иисуса на берегах Генисаретского озера, Иоанна, Иакова, Матфея, Фомы (Неверующего) и Иуды (не путать с еще одним учеником — Иудой Искаротом, предавшим Христа).

В «Деяниях апостолов» повествуется о том, что, ученики Христа, собравшиеся в одном из домов в Иерусалиме по случаю Пятидесятницы (иудейский праздник — 50-й день после Пасхи, в православной традиции — праздник Троицы), внезапно услышали сильный шум сверху, а затем с удивлением обнаружили, что говорят на незнакомых им ранее языках. Это произошло в результате сошествия на них Святого Духа. Апостолы поняли это как указание свыше нести христианство «всем народам и языкам». Апостолы с пылкой верой и самоотречением пропове-

довали Благою весть среди иудейской диаспоры от Дамаска до Рима. Андрей Первозванный проповедовал в причерноморских степях скифам (отсюда его особое почитание в России), а апостол Иаков считался крестителем Испании.

Апостолы стали основателями первых христианских общин, в которых, как говорится в «Деяний апостолов», «у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов, и каждому давалось, в чем он имел нужду».

Все апостолы, кроме Иоанна Богослова, погибли мученической смертью, гонимые за проповедь Благой вести. Жестоко преследовали апостолов и их последователей священники иудеев. Когда христианская община в Иудее разрослась, апостолы назначили рукоположением семь диаконов, чтобы они осуществляли управление ее делами. Напуганные распространением христианства, саддукеи и фарисеи велели схватить руководителей общины и допросить их, а затем подвергнуть бичеванию. Через несколько лет история повторилась, и диакон Стефан бросил в лицо синедриону: «Жестоковейные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы: Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, которого предателями и убийцами сделались ныне вы, вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили» (Деян. VII. 51—53). Стефан по приговору синедриона был побит камнями. В этом наказании участвовал молодой фарисей и ревностный гонитель христиан Савл — то был будущий апостол *Павел*.

Петр — камень веры

Ближайшим сподвижником Иисуса стал рыбак Симон, который с братом Андреем (Первозванным) повстречался с Иисусом на берегу Генисаретского озера и стал свидетелем его «хождения по воде». Симон последовал за Иисусом, окрыленной мечтой стать «ловцом человеков». За преданность Христос награждает его прозвищем Петр (греч. *камень*) и заявляет: «На камне сем воздвигну храм новой веры!»

Петр — фигура противоречивая, очень человеческая и трогательная. Он бесконечно любит Учителя, но прекословит ему. Христос даже отсылает его от себя, увидев в мыслях его преобладание человеческого, а не божеского.

Когда Христос омывал ноги своим ученикам, Петр, устыдившись, всячески этому противился. Но услышав слова Учителя: «Если не умою тебя, не имеешь части со мною», он с радостной наивностью воскликнул: «Господи, не только ноги мои, но и руки, и голову». Готовый душу положить за Христа, он тем не менее трижды предает его за одну ночь после ареста. Но Петр горько раскаялся в своем тяжком грехе и был прощен Христом после воскресения.

Трижды заповедал Христос Петру: «Паси овец моих». Петр выполнил этот наказ. Он нес слово Христа людям, исцелял, даже воскрешал из мертвых. Петр — христианский учитель иудеев. Царь Ирод I Агриппа бросил Петра в тюрьму, но, как повествует легенда, в темницу явился ангел и вывел его на волю. Затем Петр двинулся через Сирию, Галатию, Каппадокию, Понт в Рим.

Его простые, искренние и пламенные проповеди привлекали множество людей. Попав в Рим, он скоро стал там широко известен. Петр основал в столице Империи христианскую общину. Апостолы Петр и Павел одновременно обращали римский народ в христианство. Однако, убоявшись ужасных преследований христиан со стороны императора Нерона, Петр попытался покинуть Рим. На Аппиевой дороге ему, по легенде, явился Христос, кротко укорив беглеца: «Куда идешь, Петр?» («Камо грядеши...»). Эта встреча заставила Петра вернуться в Рим, где в 64 г. он принял мученическую смерть.

Петр был распят на кресте вниз головой, ибо считал себя недостойным умереть, как Спаситель. На месте казни на Ватиканском холме впоследствии был воздвигнут собор Святого Петра, а Рим стал местом престола Св. Петра.

Из Савла в Павла

Одна из самых ярких фигур раннего христианства — апостол Павел. Среди исследователей даже преобладает мнение, что без его поистине титанической деятельности новая вера едва ли могла получить широкое распространение.

Павел родился в городе Тарс в Киликии, в семье фарисеев. Его еврейское имя Савл (Саул) дано ему в честь библейского царя Саула, как и Павел, происходившего из рода Вениаминова. Савл обладал статусом римского гражданина, стал именоваться Павел, но вел жизнь, типичную для иудея. Он получил образование в местной синагоге, освоил ремесло делания палаток, а затем был послан отцом в Иерусалим, где под руководством раввина Гамалиила в совершенстве изучил Тору. Савл слыл утонченным толкователем Талмуда и был предан ортодоксальному иудаизму, что побудило его стать ревностным гонителем христиан.

Савл участвовал в побивании камнями христианского диакона Стефана и во многих других преследованиях христиан, ревностно слу-

жа Яхве. Но однажды, спеша в Дамаск арестовать христиан, Савл пережил небывалое: «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба, он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: “Савл. Савл! Что ты гонишь меня?” Он сказал: “Кто Ты, Господи?” Господь же сказал: “Я Иисус, Которого ты гонишь...” Люди же, шедшие за ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руку, и привели в Дамаск: и три дня он не видел, не ел и не пил».

То был поворотный момент не только в жизни иудея Савла, но и в судьбе христианства, которое столь мистическим путем получило первого великого теолога, пламенного миссионера и энергичного создателя церкви. Бывший ревнитель Закона Моисеева отринул его и стал страстным и бескомпромиссным носителем Благой вести. Малопримечательный внешне, Павел таил в себе неукротимый дух и феноменальную энергию.

Придя в себя после обращения, Павел в синагогах Дамаска стал возвещать, что Иисус — Христос и Сын Божий. Вскоре Павлу пришлось бежать из Дамаска. Некоторое время он провел в Иерусалиме, где подружился с апостолом Петром. Однако большинство апостолов не доверяло новообращенному. Павел нес Благоую весть с таким энтузиазмом, что апостолы стали опасаться гнева властей и спроводили его на родину в Тарс, где он и прожил восемь лет. Его бурная миссионерская деятельность возобновилась в Антиохии, где апостол Варнава попросил его помощи в основании христианской общины. За короткий период в новую веру было обращено множество язычников. Вероятно, здесь появилось само слово «христиане» — как последователи Христа. Здесь же впервые произошла встреча христианства с греческим миром (Павел проповедовал в Малой Азии и Греции). В Афинах, центре греческой учености, он попытался в своих проповедях примирить христианство с греческой философией. Он первым пошел на откровенный разрыв с иудейской традицией, еще довлевшей над остальными апостолами. Его мудрые слова: «Несть эллина, несть иудея, а есть христианин!» вывели новорожденное учение из узких рамок одной из иудейских сект на великую дорогу мировой религии.

Вернувшись в Иерусалим, Павел пережил осуждение иудейских священников и ярость толпы, едва не убившей его. Павла спасло то, что он был римским гражданином. Римский воин арестовал его и отправил для разбирательства в Цезарею к римскому прокуратору Феликсу. Иудейский первосвященник и старейшины явились к прокуратору и заявили, что Павел — «язва общества, возбудитель мятежа между иудеями, живущими во вселенной». Царь Ирод I Агриппа увидел в Павле человека, «обезумевшего от большой учености». Павел потребовал суда у императора и был отправлен в Рим. Римские власти поначалу отнеслись к нему весьма снисходительно. Он был лишь лишен сво-

боды передвижения. Однако местная христианская община, любившая апостола Петра, холодно приняла Павла.

Пребывая в одиночестве, Павел направляет послания своей далекой пастве. Послания Павла полны изречений, ставших достоянием всего христианского мира. Но особенно потрясают его слова о любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и гору переставлять, а не имею любви, то я — ничто. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится... не ищет своего... никогда не перестает... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

Апостол Павел был мученически обезглавлен в Риме одновременно с апостолом Петром. В III в. на месте его казни была возведена церковь Святого Павла «за стенами». По легенде, два великих мученика встретились по дороге на казнь и поддержали друг друга. Так они и шествуют в веках неразделимо, неся стяг Христа, — основатели веры и церкви апостолы Петр и Павел.

Апокалипсис от Иоанна

Иоанн был одним из самых преданных учеников Иисуса Христа — и самым загадочным. При учителе он играл роль защитника, он единственный обнажил меч во время ареста Иисуса после Тайной вечери и отсек одному из легионеров ухо. Лишь увещание Учителя заставило его опустить меч. Именно он позаботился снять тело распятого Христа с креста и был свидетелем его явления после воскресения. Натура по природе грубоватая (в юности он отличался буйным характером), но впечатлительная, Иоанн пламенно понес слово Иисуса народам Империи. За свою деятельность он был схвачен в Риме при Домициане, жестоко пытан и сослан на остров Патмос в Эгейском море, где и скончался, оставив потомкам свои загадочные творения. Это «Евангелие от Иоанна», где в отличие от Евангелий Луки, Матфея и Марка очень мало содержится сведений о земной жизни Иисуса и его чудесах, зато просто и гениально излагается учение о Христе как о Логосе — Слове Божиим. Оно начинается словами: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Это самое философское Евангелие из всех четырех, составивших впоследствии (в итоге нелегких и долгих разногласий в среде христиан) Новый Завет. Недаром за Иоанном утвердилось прозвище «Богослов»^{*}.

^{*} Философски отточенная логика Евангелия от Иоана, разительно отличающаяся от чувственно опрошенных видений «Апокалипсиса», позволила ученым даже различать их авторов.

Более того, завершает Новый Завет еще одно его таинственное сочинение — «Откровение Иоанна Богослова» (греч. *Апокалипсис*), достоверно самое раннее произведение Нового Завета, написанное в 60-е годы I в. По преданию, оно было явлено Иоанну во сне. Яркие, будоражащие образы Апокалипсиса вешают о последних судьбах мира: об ужасном конце света и воцарении Лжепророка, Антихриста, который явится в облике Спасителя и будет править его именем, о новом пришествии Христа и его победе над Антихристом, наконец, о Страшном суде в конце времен. Иоанн Богослов рисует жуткие картины грядущих страданий человеческих, кои возвешают ангелы смерти: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешавшись с кровью, и пали на землю, и часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела. Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью. И умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла. Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде Полюнь; и третья часть вод сделалась полюнью, и многие из людей умирали от вод, потому что они стали горьки...»

Главным объектом ненависти Иоанна является Римская империя, представленная в образе порочной Вавилонской блудницы в багряном одеянии с «семью головами и десятью рогами», которой уготована Геенна огненная. А образ Антихриста Иоанн примеривает к императору-чудовищу Нерону, имя которого он зашифровывает греческими буквенными цифрами как 666 — ужасное Число Зверя.

Видения Иоанна веками довели над сознанием людей, напоминая о бренности всего земного, навеявая ужас перед грядущим концом и напоминая о неизбежности высшего воздаяния за все грехи и преступления. Образы ангелов смерти, несущихся на «кónях бледных» неотвратимой карой, будили воображение многих художников Возрождения, например, Дюрера и Босха. А страшная атомная катастрофа в Чернобыле («Полюнь» по-украински) вновь возродила в памяти людей «горькую звезду Полюнь» так и не познанного нами Апокалипсиса.

Христианские общины

Возникшие в Иудее и на Востоке христианские общины во второй половине I в. уже появились в Риме и в Италии. Эти общины были очень демократичными. Их члены называли друг друга «братьями» и «сестрами». Христиане собирались для совместной молитвы, имевшей священный смысл трапезы. Еще только вырабатывались формы культа и повседневного поведения христиан, которые должны были строго следовать евангельским заветам. Общины были связаны между собой, направляли

друг другу посланцев и письма. Каждый член общины мог рассчитывать на сочувствие и помощь всех остальных.

На ранних этапах последователями Христа становились люди из социальных низов. Христиане проповедовали святую бедность, осуждали стяжательство, накопительство, собственность. Ведь их божественный наставник учил, что богатому войти в царствие небесное труднее, чем верблюду пройти через игольное ушко. Однако постепенно в общины христиан стали вступать и состоятельные люди, своей благотворительностью способствовавшие обогащению первых христианских объединений, члены которых нередко совместно владели имуществом.

Сплачивали христиан и эсхатологические ожидания скорого второго пришествия Христа и конца света, необходимость держать свою веру и собрания в тайне, так как Римское государство преследовало христиан.

В общине совершались древнейшие христианские таинства — магически-культовые обряды: крещение и причащение хлебом и вином, символизировавшими плоть и кровь Господню. Таинства были призваны содействовать нисхождению Божественной благодати на верующего. Постепенно число таинств увеличилось до семи, включив еще и миропомазание, исповедь, церковный брак, елеосвящение, священство (посвящение в священнослужители).

Гонения на христиан

Во II—III вв. накал полемики между христианами и их противниками нарастал. По мере распространения христианства и увеличения числа его приверженцев в кругах римского общества все чаще раздавались обвинения их в чудовищных грехах, вплоть до ритуальных убийств детей и разнузданных оргий. Так, некий ритор, выступая против христиан в Сенате в присутствии императора Марка Аврелия, заявил: «То, что рассказывают о посвящении завербованных ими [христианами] людей, столь же отвратительно, сколь общеизвестно. Неофиту приводят мальчонку, целиком вываляв его в муке, чтобы легче ввести неосторожного человека в обман. Малыша зверски убивают ударами, которые наносит новообращенный, думающий, будто протыкает без всяких последствий кучу муки. Затем — ужасно говорить об этом — они с жадностью вылизывают кровь и делят между собой растерзанные члены. Такова жертва посвящения, прине-

сенная по их сговору. И осознание совершенного преступления обеспечивает их взаимное молчание».

Римское языческое общество, терпимо относившееся ко многим чужеземным религиям, резко осуждало христианство и в течение трех веков подвергало жестоким гонениям его последователей. Христианская традиция насчитывает десять гонений, связывая их с правлениями императоров Нерона, Домициана, Траяна, Марка Аврелия, Септимия Севера, Максимиана Фракийца, Деция, Валериана, Аврелиана и Диоклетиана. На самом деле их было гораздо больше.

И не только император-чудовище Нерон травил христиан собаками и превратил живых людей в пылающие факелы, освещавшие сады, в то время как сам он устроил игрища в цирке, но и просвещенный философ-стоик Марк Аврелий только за один раз отправил 48 христиан на арену цирка на растерзание диким зверям. Дело не в личных качествах императоров, а в том, что они видели в христианстве силу, угрожающую устоям Империи. И хотя от Христа исходил призыв «отдать Богу Богово, а кесарю кесарево», ранние христиане резко отрицательно относились к языческому Риму, к Империи и были убеждены, что Рим расплатится за свои злодеяния.

Христианская вера запрещала своим приверженцам отправлять культы каких-либо иных религий, а большинство событий в римской общественной жизни было связано с необходимостью принесения жертв римским богам и с поклонением императору-богу. Христиане отказывались в этом участвовать, что вызывало не только недоверие к ним властей, но и ненависть толпы. Толпа нередко выступала и инициатором преследований христиан. Тертуллиан с горечью восклицал: «Если Тигр выходит из берегов, если Нил не орошает полей, если разыгрываются природные силы и происходят землетрясения, если вспыхивают болезни и мор, — один только слышен крик: христиан — лвам!» Во все времена толпа обвиняет в своих бедах тех, кто ей непонятен и не по нраву. Чистая жизнь христиан, их готовность жертвовать жизнью во имя своей религии только распаляли гнев их преследователей.

По Империи учинялся тотальный «розыск» христиан. Повсюду создавались специальные комиссии, перед которыми жители Империи должны были давать отчет в своих религиозных убеждениях. Главы семейств в специально установленные дни в обязательном порядке приносили жертвы языческим богам и

изображениям императора. В случае исполнения этих обрядов им выдавался документ о благонадежности (как это знакомо нам по современной истории), если же кто-то отказывался принести жертвы, его арестовывали и пытали. Узника, подтвердившего, что он христианин, казнили. Наиболее мужественные христиане (а их было немало) сами представляли перед властями, гордо произнося: «Я — христианин», и принимали мученическую смерть. Но были и такие, которые отрекались от веры, — отступники, «жертвы». Мучеников, принявших смерть за веру, почитали особо, считая «свидетелями Господа», его избранниками. Мошам мучеников, местам их погребения приписывалась способность совершать чудеса, исцелять больных. Последние гонения на христиан в 303—311 гг. церковь назвала «эрой мучеников», что в последующие столетия нещадно использовалось церковью для упрочнения своего авторитета.

Скрываясь от преследований, христиане собирались в катакомбах — подземных помещениях, природных или искусственно устроенных. В Риме до наших дней сохранилась целая система катакомб. Наиболее широко известны катакомбы святого Себастьяна — военного командира и христианина, казненного при императоре Диоклетиане. Такие подземные «города» имелись в Александрии, Неаполе, Сиракузах и других городах Империи. В катакомбах происходили богослужения, здесь же, в стенных нишах, находились и захоронения христиан.

Стены катакомб иногда украшали прекрасными фресками — первыми произведениями христианского искусства. Очень часто росписи носили символический характер. Например, изображение пророка Даниила во рву символизировало Христа, его воскрешение и спасение души. Рыба тоже была символом Христа, так как в греческом прочтении это слово содержало начальные буквы слов «Иисус Христос Божий Спаситель». Символика христианского искусства основывалась на том, что христианство — религия экзегетическая, т.е. религия толкования. Каждое слово, каждое явление, каждая вещь, каждое изображение, помимо явного смысла, имеют и сокрытые смыслы, отражающие множество божественных значений. Эти смыслы могут быть раскрыты с помощью толкования, снимающего «покров за покровом».

В то время очень распространенным было изображение Доброго пастыря — юноши-пастуха с овечкой на плечах, — известное еще в классическом греческом искусстве, но пере-

осмысленное в христианстве. Добрый пастырь — символ божественной любви Бога к человеку, символ Христа, заботящегося о своей пастве. В то же время овечка — символ искупительной жертвы Христа.

Во втором десятилетии IV в. «эра мучеников» закончилась, для христианства наступила эпоха соборов и ересей, борьбы за «церковь торжествующую».

СОПЕРНИКИ ХРИСТИАНСТВА

Во II в. происходит окончательное размежевание между христианами и иудеями. Напомним, что римская администрация и интеллектуальная элита долго не различали их, рассматривая христианство лишь как одну из иудейских сект. Но уже в первом Послании Павла к фессалоникийцам говорилось о противостоянии христианства иудаизму: «Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы тоже претерпели от своих единоплеменников, а те от иудеев, которые убили Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих...»

Размежеванию между христианами и иудеями способствовало и подавление во II в. в Иудее восстания Симона Бар-Кохбы. Поначалу его поддержали и отдельные христианские общины, которые, однако, вскоре от него отошли. Что могло быть общего между мятежниками и теми, кто уже проповедовал смирение и считал обязательным подчинение любой власти!

В христианской литературе того времени все чаще звучат антииудейские высказывания. Между представителями двух религий разгорелась полемика, которая привела отдельных христианских авторов и целые общины даже к отрицанию Ветхого Завета.

Христианству в первые века Империи противостояли, кроме иудаизма, гностицизм, мандеизм, манихейство, митраизм.

Гностицизм — мистика познания

Одновременно с христианством в I в. на Ближнем Востоке или в Александрии возникло учение гностицизма. Свое назва-

ние оно получило от слова «гносис» (греч. *знание, познание*). «Гносис» рассматривался его сторонниками как главное связующее звено между богом и человеком. Гностики пытались объединить иудаизм, персидское учение зороастризма, вавилонские и египетские религиозные учения, отчасти — греческую философию. В гностицизме различают христианское и языческое течения. Основные положения учения гностиков были хорошо известны из сочинений ересиархов и полемических произведений христианских авторов. Находки рукописей на берегу Мертвого моря в Кумране и в Наг-Хаммади в Египте во второй половине 40-х годов XX в. дали возможность уточнить эти знания. Гностики считали, что мир предельно удален от бога, что Дух и Материя — два противоположных, не способных сблизиться начала. Гностик Феодот, пытаясь «ясно» изложить свое учение, сформулировал цепь вопросов, на которые человек должен получить ответ через «гносис»: «Кто мы, кем стали, где мы, куда заброшены, куда стремимся, как освобождаемся, что такое рождение и возрождение и т. п.»

Гностики и помыслить не могли, чтобы высший совершенный бог мог создать столь несовершенный, закосневший в материи и тьме мир. Так, гностик Василид помещал между высшим богом и миром 365 ипостасей. Мир представлялся ему творением низшего бога — Иеговы. Человек, — считал он, — порождение тьмы, влюбленной в свет, но отвергнутой и навеки ненавидящей его, однако выплеснувшей в человеке его отображение. Человек — центр мира, ибо еще до земного человека был человек космический — Антропос. Он-то и есть истинный человек.

Бог послал людям Спасителя, однако это не богочеловек, а Святой Дух, имеющий лишь иллюзорный человеческий облик. Божество не может быть унижено до плоти. Христос распинаемый — лишь призрак, казнимый на кресте, а подлинный божественный Христос проносится через все небесные слои — зоны — и сливается с божественной полнотой — плеромой. Гностики утверждали, что только «знающий» с подлинной правдой истории освободится от власти первоначал, сотворивших наш мир». Гносис освобождает и спасает человека.

Однако столь духовно изощренное и мистически-философское учение было слишком сложным для восприятия широких масс. Оно проиграло в соперничестве с доходчивыми постулатами христианства, так и оставшись уделом узких (часто тайных) кружков адептов.

Мандеисты и манихеи

Будучи последователями гностиков, мандеисты считали главным в существовании мира борьбу между Светом и Тьмой, но бога мыслили не как дух, а как божественную жизнь (эта секта до сих пор сохранилась на побережье Персидского залива).

Из гностико-христианской среды вышел Мани, основатель манихейства, проповедовавший в III в. в Персии. Он считал себя «последним пророком» после Зороастра, Будды и Христа. Мани учил о «трех временах», первое из которых характеризуется противостоянием двух основополагающих начал — Добра и Зла, Света и Тьмы. «Второе время» приносит смешение этих принципов. Свет — благой отец — порождает мать жизни, а та, в свою очередь, — первочеловека. Первочеловек вступает в сражение с силами мрака, но они захватывают его в плен. Для очищения космоса и спасения первочеловека Бог посылает «дух живой». Когда свет будет окончательно освобожден от материи, наступает «третье время» — мировая эпоха торжества Добра — и остатки материи будут сожжены мировым огнем.

Мани полагал, что до него Бог послал на Землю своего сына Иисуса Христа, но это был лишь призрак, даровавший людям «гносис», знание, и тем самым «спасавший» их. Манихейство не только противостояло христианству, но и оказывало на него определенное влияние, породив в нем различные еретические течения, в частности средневековых павликиан, богомилов и катаров-альбигойцев. Мани был казнен, а его учение в поздней Римской империи и в Византии преследовалось государством и христианской церковью.

Митраизм — «религия света» или предтеча христианства?

Одним из могущественных соперников христианства был митраизм — религиозно-этическое учение, получившее имя от древнего ирано-индийского бога Митры. Подобно тому, как сложилась легенда о Христе, за много столетий до нее возникла легенда о Митре. Рассказывали, что первыми увидели Митру пастухи, пасшие скот. Он вышел из камня, лежавшего на берегу реки под священной смоковницей, обнаженный, в фригийской шапке, с ножом в одной руке, с пылающим факелом в другой. Обрезав ножом листья смоковницы, он сплел из них себе одежду и утолил голод смоквами.

Первым подвигом Митры еще до того, как его узрели пастухи, считалась схватка с Солнцем. Победив его и надев на голову побежденного лучезарный венец, в котором тот совершает свой

путь по небу на колеснице, он заключил с Солнцем договор и обменялся рукопожатием. Митра — это бог «договора» и «дружбы». Само его имя на древнеиндийском означает «друг». Главный подвиг Митры — это длившаяся многие годы схватка с первым появившимся на Земле существом — быком. Одолев быка, Митра отнес его на плечах в пещеру, но бык вырвался и убежал в луга. С помощью еще одного своего друга, пса, Митра выследил быка и снова загнал его в пещеру и там принес в жертву.

В основе митраизма лежит идея борьбы сил Света и Тьмы, Добра и Зла в космическом масштабе. В конечном счете одержит победу Митра. Вобрав в себя представления религий Месопотамии и Малой Азии, Митра стал мыслиться создателем природы, воплощением Логоса, судьей, определяющим на том свете судьбу каждого, небесным отцом, встречающим смертных как блудных сыновей в своем сверкающем жилище на восьмом небе. Если добрые дела перевешивали, то душа умершего оставалась на небе, если же перевешивали дела злые, — демоны уносили душу грешника в подземное царство, к Князю тьмы, где ее ждут тысячи мук.

Митраисты, так же как христиане, верили во второе пришествие своего бога в последний день мира, когда Митра спустится на землю, отделит добрых от злых и, вновь принеся в жертву небесного быка, как это уже было в начале мира, даст испить праведникам напиток из его жира со священным вином (аналог христианского причащения хлебом и вином). После этого землю охватит небесный огонь, который испепелит всякое зло, и наступит вечная блаженная жизнь.

С митраизмом римляне познакомились в Малой Азии, когда вели там войну с Митридатом Эвпатором, имя которого и означает «данный Митрой». В начале Империи последователи Митры появились во всех четырех частях Римской империи, особенно много их было в римских легионах. Богослужения их проводились в подземных помещениях-митреумах, подобных той пещере, где был убит небесный бык. В культе Митры существовали семь ступеней посвящения, и каждой из них соответствовали одежды и маски — воронов, львов, быков... Эти ступени восходили к семи сферам, через которые должна была пройти душа, чтобы достичь восьмого неба. Общим же для всех митраистов было «соблюдение правды». Каждый должен был прежде всего избегать лжи, ибо она — оружие Князя тьмы.

Поначалу и христиане совершали свой культ в катакомбах, но только лишь в страхе перед преследованиями. Выйдя же на

свет божий, они потешались над митраистами, хлопающими в своих подземельях руками, как крыльями, подражающими карканью, рычащими аки львы. Но в организации христианских и митраистских общин было много общего. Во главе их стояли лица, ведавшие имуществом и деньгами верующих. И те и другие не вступали в брак. Так же устраивались совместные трапезы, имевшие идентичный смысл мистического соединения с Богом, с той лишь разницей, что митраисты, допущенные к этому причащению, приобретали степень «льва».

На протяжении нескольких столетий между митраистами и христианами шла борьба, изобилующая трагическими эпизодами. Так, попытка александрийского патриарха Георгия воздвигнуть христианский храм на развалинах митреума окончилась гибелью совершившего это кощунство (361 г.). Десять лет спустя тот же «подвиг» был повторен и в Риме префектом города христианином Гракхом, который разрушил митреум, казнил жреца Митры и зарыл его труп в митреуме, чтобы осквернить священное для верующих место. Но римская аристократия в массе своей оставалась верна Митре, ему сочувствовал и император Юлиан Отступник. Правда, самым действенным и испытанным средством борьбы с митраизмом оказалось для христиан сближение с враждебной религией. В IV в. и христиане уже обращались друг к другу «возлюбленный брат во Христе», как до них митраисты — «возлюбленный брат в Митре».

Общим для христиан и митраистов стал день рождения Бога — 25 декабря, праздник Рождества.

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Пройдя сквозь горнило гражданских войн, упадка хозяйства, крушения традиционных форм управления и внешних набегов, Римская империя доказала свою жизнеспособность и внутреннюю прочность. С конца III в. в правление императоров Луция Домиция Аврелиана (270—275) и Марка Аврелия Проба (276—282) начинается постепенное возрождение государства, укрепляется его единство, успешно отражаются нападения варваров, и стихают последние очаги кровавой смуты. В 284 г. войска в последний раз сыграли свою политическую роль, провозгласив императором Гая Аврелия Валерия Диоклетиана (284—305). С приходом к власти Диоклетиана закончился период общего кризиса римского общества и государства III в. и началась новая эпоха римской истории, длившаяся вплоть до падения Римской империи в конце V в., — эпоха домината.

Доминату суждено было стать периодом заката античной цивилизации, в недрах которой подспудно вызревали новые хозяйственные отношения, позднее получившие название ранних феодальных, складывались новые политические институты, формы управления и коренным образом изменялась вся тысячелетняя система культурных и нравственных ценностей. По своему историческому значению период Поздней Римской

империи можно назвать эпохой общественной революции, растянутой на два столетия.

При Диоклетиане и его преемниках завершается процесс превращения Римского государства в неограниченную монархию. Диоклетиан полностью порывает с основанной Августом системой принципата, когда император рассматривался не как монарх, а как первый сенатор и гражданин, наделенный особыми полномочиями и пользующийся высшим авторитетом. Попытки укрепить личную власть предпринимались уже императорами из династии Антонинов и Северов, но первым пошел на коренной разрыв с системой принципата во всех сферах государственного строительства уроженец иллирийской глубинки Диокл, он же Диоклетиан. В эпоху домината император становится абсолютным монархом, господином (*dominus*) по отношению ко всем своим подданным без различия рангов и сословий.

В Поздней Римской империи заимствуются и воспроизводятся многие порядки восточных монархий. Ранее императоры утверждали свой религиозный культ как земной личности, равной богам и наделенной сверхъестественной силой. Теперь же верховный владыка считается прямым воплощением божества. Ему воздается поклонение, как божеству, присутствующие при виде его должны вставать на колени, падать ниц, целовать края его одежды. Появление императора выливается в настоящее торжество со своим, тщательно разработанным ритуалом, который при каждом новом императоре дополнялся и оттачивался. Он и по внешнему виду выделяется из числа окружающих своим роскошным одеянием — пурпурной мантией, украшенной золотым шитьем и драгоценными камнями, золотой короной и скипетром.

Управление страной отныне осуществляется через разветвленный бюрократический аппарат как в центре, так и в провинциях. Главной задачей многочисленной армии чиновников, назначавшихся самим императором и далее вышестоящими начальниками по нисходящей линии, становится обеспечение бесперебойного поступления налогов. Обслуживание императора и его семьи не отделялось, как ранее, от общегосударственных задач. Главнейшим чиновником становится препозит императорского двора. Часто эту должность занимали евнухи! Высшие чиновники назывались комитами (первоначально «спутник императора»). Весь штат императорских канцелярий составлял как бы дворцовое войско — со своими чинами и су-

бординацией. При императоре Константине (306—337) окончательно упраздняется преторианская гвардия, слишком напоминавшая о республиканских традициях. Вместо нее учреждается дворцовая стража.

Внешне Империя эпохи домината выглядит строго централизованным всесильным государством с развитым административным аппаратом, наследственными сословиями, каждое из которых несло государственные повинности, и строгими законами, которые определяли место и обязанности каждого подданного. Государство предстает как олицетворение «справедливости», тем что заставляет «низших» работать и нести повинности, ограждая их от произвола сильных и знатных («достойных»). Всякое недовольство выявляется через огромную армию доносчиков и агентов тайной службы и беспощадно подавляется силами армии.

После Диоклетиана вся страна была разделена на двенадцать новых административных единиц — диоцезов. Диоцезы, в свою очередь, делились на провинции. Это позволило укрупнить управление Империей и усилить контроль за диоцезами со стороны центральной власти. Во главе Империи встают два высших правителя — августи: один над Западом, другой над Востоком. Помощниками их выступают цезари. Так закладывается система «четверовластия», призванная разделить систему преемственности власти и улучшить управление обособленными частями страны. Рим с этого времени теряет значение столицы Империи и начинает приходить в упадок. В V в. такая система правления логично привела к окончательному разделению единой державы на Западную и Восточную, судьба каждой из которых сложилась по-разному.

В Поздней империи коренным образом изменяется вся система налогообложения подданных. Вместо многочисленных косвенных налогов водится прямая подать на землю. Причем в эпоху домината поземельный налог начинают вносить не деньгами, а продуктами хозяйства, т.е. натурой, так как денежное обращение падает, торговля резко сокращается, и хозяйство, прежде всего сельское, возвращается, как в самые ранние времена, к натуральному характеру. Все поступления к императорскому двору и снабжение армии также были в виде натуральных продуктов. Им не требовался рынок. Поэтому в IV—V вв. вводится и поддерживается императорами прямое государственное

регулирование цен, что еще больше сокращало и без того хиреющую торговлю.

Для определения величины податей каждому жителю великой Империи, от скромного крестьянина до богатого владельца латифундий, составляются подробнейшие описания земельных участков во всех провинциях и краях Империи. Облагается налогами даже Италия, прежде не платившая их. Наблюдение за правильным поступлением налогов возлагается на владельцев поместий, советы городов и членов местных органов самоуправления — куриалов. Чтобы облегчить контроль за выплатой податей, издаются законы о запрещении крестьянам и зависимым арендаторам-колонам самовольно покидать свои участки земли, а куриалам — города. Колонами в массовом порядке становятся бывшие рабы, число которых постоянно сокращается, а положение приближается к зависимым крестьянам. Так постепенно прекращается свободное передвижение и переселение людей в пределах Империи и начинается процесс прикрепления их к земле, иными словами — закрепощения.

Тем не менее укрепление авторитета центральной власти и обеспечение внутренней безопасности наряду с удачно проведенной денежной реформой создали в первой половине IV в. благоприятные условия для развития торговли. Происходит возрождение городов после страшного разгрома в период кризиса III в. Городская верхушка становится опорой императорской власти; особые привилегии получает новое зажиточное сословие куриалов. Особенно оживилась городская жизнь в восточной части Империи, меньше пострадавшей от войн и усобиц. Вновь благоустраиваются и растут города Александрия, Антиохия, Никомедия и Эфес в Малой Азии, Фессалоники в Греции. Отстраивается и приобретает невероятную пышность новая процветающая столица Империи, основанная при императоре Константине, — Константинополь, раскинувшийся на берегу Боспорского пролива.

В эпоху Поздней империи изживают себя формы земельной собственности, характерные для античной цивилизации, прежде всего, общая (муниципальная) собственность городов и сельских общин. На ее место (и на ее земли) приходят крупные земельные владения магнатов (от *magnus*, *великий*) — землевладельческой знати, располагавшей огромными поместьями-латифундиями. Магнаты (независимо от своего происхождения) скупают земли у общин крестьян, превращая их в аренда-

торов собственных наделов — колонов, получают земельные пожалования от императора за верную (пусть даже не всегда) службу или просто захватывают земли, где только можно, пользуясь безнаказанностью. Со временем магнаты начинают влиять на политику самих императоров. Они содержат собственные военные отряды и являются полновластными хозяевами в своих несметных владениях, раскиданных подчас по всей территории государства — от Галлии и Сицилии до Нумидии и Каппадокии. Под их покровительством (патроцинием) находятся отдельные люди и целые деревни. Они становятся, по существу, подданными магнатов. Отсюда уже один шаг до крепостного права.

Экономической опорой системы домината становится громадное императорское землевладение. Выступая в качестве землевладельца, император распоряжался страной, как обширным государственным хозяйством, из которого он черпал средства на содержание разбухшего бюрократического аппарата и армии.

Важнейшей силой в эпоху Поздней империи становится христианская церковь. Последним гонителем христиан был основатель домината Диоклетиан. Но уже его преемник Константин по достоинству оценил духовный авторитет и политическую роль церкви и поставил ее на службу Империи и высшей власти, хотя сам до конца дней своих оставался язычником. Вскоре государство признало христианство не только равноправной, но и единственно истинной религией, обязательной для всего населения. Язычникам, еретикам и отступникам грозили суровые наказания со стороны не только церковных, но и светских властей.

На протяжении Поздней империи армия остается главной опорой императорской власти. Но как она изменяется! Где мощные легионы Республики или хотя бы Ранней империи; где подвижные маневренные когорты, укомплектованные римскими гражданами, всегда готовые к бою, стремительным маршем покрывавшие гигантские просторы; где мобильные вексилляции и стремительные конные алы вспомогательных войск союзников? В эпоху домината армия превращается в малоподвижную воинскую массу, поколениями проживавшую в укрепленных лагерях вдоль границ. Солдаты обзаводились семьями и хозяйством и годны были защищать разве что свою округу. Пополнялась армия уже не добровольцами, служившими за плату, а рекрутами, которых обязаны были поставлять из своих поместий магнаты сообразно с количеством своих рабов и колонов.

Но значительную, мобильную часть армии начинают составлять отряды варваров: германцев, сарматов, готов... Они посту-

пали на службу Империи в качестве союзников-*федератов* и получали за службу земли и денежное содержание, с V в. больше напоминающее дань. Нередко это был единственный способ избежать их вторжений и грабежей римских земель. Армия утратила высокие боевые навыки знаменитой римской военной организации, по своей военной тактике и вооружению она уже мало чем отличалась от ополчений варваров.

Во внешней политике императоры Поздней империи переходят от завоеваний новых земель и расширения территории державы к обороне ее протяженных рубежей от усилившегося потока вторжений варварских народов. Укрепляется пограничный лимес, отражаются нападения Персидского царства Сасанидов, сменившего на Востоке прежних извечных противников римлян парфян. Но варвары с 407 г. постоянно прорывают границу и густой жадной толпой устремляются на ухоженные и плодородные поля и нивы Империи.

Через два века развития системы домината наступает итог. Под мощными ударами варваров внутренне ослабленная Западная Римская империя окончательно разваливается на куски, а в 476 г. вождь варваров из племени скиров (или праславян-герулов?) Одоакр низложил 16-летнего последнего римского императора, по странной иронии судьбы носившего звучное имя двух великих основателей Рима — Ромул-Августул. Этот символический акт опустил занавес в развитии тысячелетней пьесы под названием «История Древнего Рима». Наступала новая эпоха — эпоха феодализма и Средневековья.

АПОФЕОЗ И ОТРЕЧЕНИЕ ДИОКЛЕТИАНА

В римских землях философы и интеллектуалы любили порассуждать об идеальном принце, «отце отечества», совершенном императоре. Для них было естественным убеждение, что повиновение земному владыке — в природе смертных, подобно поклонению богам. Только этот земной владыка должен быть настоящим «отцом отечества», заботящимся о благе подданных.

Человек, на голову которого в 284 г. легионы возложили венок римских цезарей, поначалу ничем не напоминал «идеального императора философов». Казалось, возведенный солдатами на трон необразованный уроженец Далмации Диокл, изменивший свое имя на римский лад — **Диоклетиан (284—305)**, будет

одним из многих в череде быстро сменявших друг друга «солдатских императоров». Однако произошло то, на что уже никто не надеялся, — с приходом Диоклетиана появились первые признаки стабилизации, а затем и улучшения положения в Империи. Сын вольноотпущенника, солдат, ставший командующим римской армией благодаря мужеству, личным достоинствам и благосклонности Фортуны, неожиданно оказался хорошим императором.

Диоклетиан честно и щедро расплатился с солдатами, приведшими его к престолу, но не закончил военным триумфом и пиршеством свою деятельность, как многие его предшественники. Восшествие на престол Диоклетиана стало «рубежным» в римской истории. После потрясений III в. общество жаждало стабильности любой ценой, важнейшей стала проблема восстановления реальной власти на огромной территории Империи, где царили хаос, разруха, произвол и беззаконие. В этих условиях власть должна была стать средоточием жизненных сил государства и народов, источником целенаправленной созидательной энергии. Первые шаги нового императора показали: он прекрасно знал, что нужно делать для стабилизации положения. Диоклетиан немедленно приступил к реформе власти.

Тетрархия: новая вертикаль власти

Казалось бы, для укрепления власти ее надо сконцентрировать в одних руках и в одном центре. Диоклетиан принял парадоксальное решение: чтобы консолидировать разваливавшуюся власть, он разделил ее, установив правление четырех — тетрархию. Он взял себе в соправители Аврелия Валерия Максимиана, которого тоже провозгласил августом, а затем власть двух августов — Диоклетиана и Максимиана — была подкреплена властью двух цезарей — Гая Валерия Максимиана Галерия и Флавия Валерия Констанция I Хлора. Цезари были провозглашены преемниками августов и должны были сменить их через двадцать лет. Примечательно, в отличие от схожих поползновений ряда предшественников Диоклетиан создал *систему* тетрархии, подведя под нее законную основу, и по собственной воле, а не под давлением каких-либо внешних сил. Окончательный «пакет законов» о тетрархии был принят к 293 г. Диоклетиан, однако, разделил властные полномочия, но не ответственность. Он остался ключевой фигурой в тетрархии, верховным монархом, носившим титул «Отец отечества».

Огромная территория Империи, на которой то и дело вспыхивали локальные войны, уже не могла управляться из единого центра. Она была условно разделена на четыре части. Диоклетиан, кроме того, что был «первым правителем», как август получил власть над восточной частью Римской империи; Максимиан — над западом Империи с Италией; цезарь Галерий — над Иллирией и западной частью римской Азии; цезарь Констанций Хлор — над Галлией и Британией. Номинальной столицей Империи оставался Рим, но реальные центры управления были смещены к границам. Тетрархи правили из городов-резиденций: Никомедии, Антиохии, Медиолана, Сирмия, Фессалоник и Трира. Это усиливало действенность созданной Диоклетианом системы управления, но таило в себе ядовитое зерно будущего раздела Империи. Рим, хотя и был возведен в самостоятельную административную единицу, управляющуюся советом города, уже никогда не поднялся как столица великой и единой державы, но через несколько веков стал средоточием западного христианского мира.

Сенат и народ римский, на себе испытывавшие эксперименты стольких безумцев и негодяев и видевшие, как солдаты меняли одного за другим ничтожных правителей, вдруг почувствовали, что в Империи окрепла власть, сделавшая жизнь ее подданных если не более легкой, то более стабильной и спокойной. Тетрархия была воспринята как естественное продолжение фундаментальных принципов мироздания, также имевших четверное деление: четыре элемента, лежащие в основе мира, четыре времени года, четыре темперамента и т. д. В «Истории августов» тетрархи назывались «четырьмя столпами вселенной», «четырьмя силами, мудростями, светилами», «едиными в управлении государством».

Четверовластие, конечно же, таило в себе возможность разногласий и даже жестокой борьбы. Разногласия были, но тетрархия на протяжении двадцати лет сохранила свое единство. Это единство обеспечивалось общностью государственных полномочий, личной дружбой, родственными отношениями, но в значительной степени тем, что Диоклетиан придал особое значение и особый блеск божественной природе императорской власти.

Напомним: для римлян было совершенно естественным объявлять императоров «божественными». При Диоклетиане такое обожествление приобретает восточную пышность и осо-

бую ритуальную сложность. Диоклетиан почитался как олицетворение царя богов Юпитера, Максимиан — как Геркулій, прямое продолжение Геркулеса. В Диоклетиане воплощалась божественная мудрость, провидение верховного бога, в Максимиане — героическая энергия действия. Божественное начало, как провозглашалось, реализовывалось в «согласии августов» — фундаментальном основании политики Диоклетиана, а победоносный Фатум и благосклонная Фортуна непреложно вели императора и его соправителей по пути осуществления их целей. Диоклетиан все больше верил в свое божественное предназначение и ощущал в себе зов богов и силу, дарованную ему свыше для спасения Рима.

Реформы Диоклетиана — «свет в конце туннеля»

При Диоклетиане претерпело изменение традиционное деление Империи на провинции, число которых значительно увеличилось за счет дробления прежних провинций до ста. Даже Италия впервые утратила свое привилегированное положение в Империи, все провинции (под управлением ректоров) были уравнены в правах. Несколько провинций объединялись в диоцезы (их было двенадцать, и во главе их стояли викарии).

Такое дифференцированное административное деление, с одной стороны, упорядочивало и делало более эффективным управление Империей, но с другой — породило огромную армию чиновничества. При Диоклетиане была создана своеобразная «Табель о рангах». Все чиновники и те, кто находился на службе у Империи, делились на множество разрядов, каждому из которых соответствовал определенный социальный статус, размер оплаты, почетное обращение и т.п. Такие обращения, как «Ваше сиятельство», «Ваша светлость», «Ваше превосходительство» и т. п., укрепились во время Диоклетиана.

Диоклетиан попытался регламентировать деятельность чиновничества специальными законами, кодифицировать право, реформировать систему судопроизводства. При нем было выпущено огромное число указов и постановлений, но, как это часто бывает, указы вступали в противоречие друг с другом, вновь изданное постановление отрицало предыдущее. Более того, само обилие указов, помноженное на огромное количество тех, кому надлежало «проводить их в жизнь», делало невозможным их ис-

полнение. Это особенно проявилось после ухода Диоклетиана, сдерживавшего этот процесс своим авторитетом и системой «наблюдения» за чиновниками. И через полтора столетия не только варвары, но и собственная бюрократия погубили Рим. Диоклетиан решительными мерами стремился искоренить коррупцию среди чиновничества. Наказания для провинившихся были суровыми — от отстранения от должности до полной конфискации имущества и даже казни.

Важнейшей частью преобразований Диоклетиана была реформа армии — главной опоры римской государственности с момента ее возникновения. Однако в III в. армия стала играть роковую роль в развале Империи, ибо правители превратились в игрушку в руках солдат. Диоклетиан не последовал первому побуждению — сократить армию и тем самым уменьшить расходы на ее содержание, становившиеся слишком тяжелым бременем для государства. При нем армия насчитывала до миллиона солдат. Некогда хорошо выученная, дисциплинированная римская армия, по существу, превратилась в разноплеменную толпу, в которой звучал говор германцев, кельтов, азиатов. Армия численно разрасталась, но все больше слабела.

По традиции, гражданская и военная власти в Риме были слиты. Диоклетиан лишил наместников провинций военных прерогатив. Сферой приложения деятельности военачальников теперь оставались только собственно воинские подразделения. Император строго следил за тем, чтобы в армии производились регулярные выплаты жалования. Возродилось былое почтительное отношение к ветеранам, они получили не только моральную, но и материальную поддержку, ряд привилегий. Стал более строго соблюдаться закон о наделении ветеранов по выходе из армии землей и орудиями ее обработки, соответствующими выходными пособиями.

Диоклетиан укрепил границы Империи, создал цепь пограничных укреплений и поселений, образовавших «страту Диоклетиана». Также были усовершенствованы войска «быстрого реагирования», которые при первой необходимости перемещались вдоль границ или по территории Империи.

Подверглась преобразованию система воинских званий. Государство гарантировало военным каждого звания материальное обеспечение, правовой и имущественный статус, определенные почести и привилегии. На некоторое время это послужило росту престижа военной профессии, увеличился приток

римлян в армию. Однако этот процесс имел кратковременный характер. Неблагоприятные демографические изменения приводили к тому, что сокращалось число римлян не только в армии, но и на территории Империи, а численность населения и армии увеличивалась за счет варваров. Армия все больше утрачивала свой исконно римский характер.

Подданных, однако, надо было не только защитить, но и накормить. И как во все времена, ключевым здесь был вопрос о земле. Богатство Рима создавалось не только, и даже, быть может, не столько трудом рабов, сколько трудом крестьян — мелких землевладельцев и арендаторов. При Диоклетиане развернулся процесс наделения крестьян землей. Однако колоны, «сидевшие на земле», вносились в ценз и приписывались к определенному месту, имению, селу или общине. Они не могли свободно оставлять свой участок и покидать обрабатываемую землю. Окончательно колоны были прикреплены к земле при императоре Константине, когда было разрешено продавать не только рабов, но и колонов — обязательно с землей.

Оставшиеся свободными крестьяне получили возможность дополнительно приобретать наделы. Они объединялись в товарищества (консорции), члены которых совместно владели землей и уплачивали налоги, выставляли определенное число рекрутов, помогали друг другу в обработке угодий и сельскохозяйственных работах. При Диоклетиане был издан ряд эдиктов, защищавших крестьян от насилия крупных землевладельцев и, что характерно, разбойников.

Оживление хозяйственной жизни и торговли было невозможно без регулирования налогообложения — мощного рычага государственного управления экономикой, одного из главных каналов пополнения имперской казны. Была упорядочена цензуальная форма налогов, предполагавшая регулярную (раз в 15 лет) перепись всего населения с учетом имущественного и социального положения, сбор налогов поручался специальным чиновникам — декурионам. Стала регулярно платиться особая подать (преимущественно в натуральной форме) с каждого земельного надела. Казна пополнялась и за счет неординарных налогов, большей частью взимавшихся с обеспеченных людей и, особенно, с владетельной аристократии — как правило, золотом или серебром.

Путь к выходу из кризиса лежал и через стабилизацию финансовой системы и денежного обращения, которые пришли

в полный упадок. Золото из обращения исчезло еще при Северах, затем пришла очередь серебра. Ходившие монеты не соответствовали своей номинальной стоимости, появилась масса фальшивых денег.

Хотя преобразования Диоклетиана интересны сами по себе и замечательны некоей архетипичностью для «перестроечных» периодов истории, все же главное в них то, к чему они привели в результате: в прежних границах была восстановлена Римская империя, возвращены Галлия, Британия, Испания; укреплена римская государственность — все это стабилизировало политическое и экономическое положение. Произошло своеобразное «замирение» племен и языков, успешно выиграны сражения с варварами в придунайских провинциях, усмирен Египет, отброшен от границ самый страшный враг Империи — Персия. Возрождались города, переживали подъем искусства и ремесла. Рим отступил от бездны.

Однако была сила, которой боялся сам Диоклетиан, ощущая в ней смертельный приговор Империи. Это была не римская сила, не военная и не политическая, не обладавшая легионами и богатствами, но оттого не умалившая своей необоримости, — христианство.

Эдикт о твердых ценах

При Диоклетиане расширилась добыча золота и серебра, восстанавливались рудники. Были выпущены полноценные золотая и серебряная монеты, а также медные деньги новой чеканки. В целях ограничения инфляции Диоклетиан в 301 г. издал закон, который устанавливал предельные цены на хлеб, продукты питания, товары первой необходимости, а также на предметы роскоши.

Одновременно регламентировалась плата за службу чиновникам, всем, кто находился на государственных должностях, а также людям интеллектуальных профессий. Этот эдикт, однако, оказался в числе самых неэффективных. Из-за того, что цены в различных провинциях никак не удавалось уравнивать, развивалась спекуляция, товары из «более дешевых» областей перекачивались в «более дорогие».

Эдикт о запрещении христианского культа

При Диоклетиане в последний раз развернулось суровое преследование христиан. К тому времени христианство уже вышло из катакомб. Не только рабы и забитые бедняки, но и зажиточные горожане, и богатейшие представители знати охотно разделяли идеи любви

к ближнему и смирения гордости, не отказываясь, впрочем, от престижных должностей и материального благополучия. Даже жена и дочь Диоклетиана оказались обращены в новую веру.

Не стерпев такой подрыв устоев своей божественной власти, Диоклетиан в феврале 303 г. издал указ, запрещающий на территории Империи исповедовать христианскую веру. Христианские храмы подлежали разрушению, а священные книги — преданию огню. Христианам не разрешалось собираться вместе. Последователи распятого Бога лишались всех должностей и званий, им запрещалось обращаться в суд. Государство поддерживало любые действия против христиан. Развернулась невиданная вакханалия судов, расправ, пыток и убийств христиан. Вельможи и чиновники зачастую страдали не за веру, а за теплое местечко для донощика.

Во время диоклетиановых гонений были казнены тысячи приверженцев Христа. Церковь затем канонизировала новых святых мучеников, среди которых был и святой Себастьян, — пораженный стрелами из луков начальник подразделения гвардии Диоклетиана. Однако вместо разгрома христианской церкви гонения привели к укреплению ее морального авторитета, поскольку изменились образ мысли и система ценностей в римском обществе.

Отречение от власти

После того как было пышно отпраздновано двадцатилетие правления Диоклетиана, он без колебаний выполнил обещание, данное при создании тетрархии. 1 мая 305 г. император Диоклетиан в зените славы и могущества сложил полномочия и как частное лицо удалился в свое имение на берегу родной Адриатики. Он отказался от власти почти божественной.

В Салоне (совр. Сплит), на родине Диоклетиана, был сооружен монументальный дворец. Это типичная постройка эпохи домината, следующая той же строгой геометрической формуле, которой Диоклетиан придерживался в своей политике. Фасад квадратного в плане здания обращен к морю, три остальные стороны укреплены башнями. Внутренние постройки — корпус для гвардии, провиантский склад, четырехколонный храм, мавзолей Диоклетиана — расположены в квадратах, образованных пересечением двух главных улиц.

Как не похожа эта крепость на виллу Адриана, императора-филэллина, пользовавшегося благами завоеваний своих предшественников! В основу планировки дворца положен принцип устройства римского лагеря. Это связано с милитаризацией го-

сударства и его органов, но, в конечном счете, — с изменением образа жизни. Если прежде различным частям дворца присваивались греческие названия — Академия, Лицей, то теперь для обозначения императорской резиденции употребляют, как в военном лагере, слово «преторий».

Ядром императорского лагеря-дворца был ряд помещений, предназначенных для официальных церемоний. С ростом значения императорского культа в эпоху домината в комплекс дворца включаются и сакральные сооружения. Это четырехколонный храм Юпитера и мавзолей императора, круглый внутри и восьмигранный снаружи. Мавзолей и храм находились рядом, на одной стороне оформленной колоннадой улицы, напротив атрия. Этим подчеркивалась близость обожествленного императора к его отцу — Юпитеру. Декор дворца был призван выражать идею языческой силы, господствующей над всем окружающим миром и противостоящей христианскому смиреннию и кротости.

В этом дворце Диоклетиан прожил еще одиннадцать лет до самой своей кончины в 316 г. Сохранилось почти легендарное сообщение о том, что, когда бывшие соправители Диоклетиана прибыли в Салону, чтобы умолить его вернуться на трон, он, не ответив ни слова, проводил их к грядке и с гордостью показал выращенную им капусту. Надо было понять что-то очень важное в человеческой жизни и истории, чтобы предпочесть «божественной» власти выращивание капусты.

ЕДИНОДЕРЖАВИЕ КОНСТАНТИНА: «СИМ ПОБЕДИШИ!»

Покинувший одновременно с Диоклетианом трон Максимиан не вынес спокойной жизни и вмешался в борьбу за власть, но потерпел поражение. В 306 г. римскими легионерами в Британии императором был провозглашен **Флавий Валерий Константин** (306—337), сын одного из членов тетрархии Констанция Хлора и ревностной христианки Елены. Диоклетиан заставил Констанция Хлора расстаться с женой из-за ее низкого происхождения (в молодости Елена была служанкой в солдатской таверне), однако был искренне привязан к их сыну и заботился о его воспитании.

С ранней юности Константин страстно стремился к власти. Он отличался сильной волей, телесной крепостью, был щедро

одарен разнообразными талантами, необходимыми хорошему правителю, и блестяще реализовал их в многолетней борьбе за власть, в которой одержал победу над всеми противниками. В 312 г. Константин взял верх над сыном Максимиана Максенцием, правившим Римом и Италией. Под Римом, у местечка Красные Скалы, произошло решающее сражение. Согласно христианской легенде, в разгар битвы над знаменем Константина возник христианский крест с надписью «Сим победиши!» Это ли знамение или полководческое искусство Константина помогло, но он одержал победу, а Максенций утонул в Тибре во время бегства по мосту через реку. После гибели Максенция Константин не стал расправляться с его сыновьями и сторонниками, официально простив их. Это настолько потрясло римлян, что Сенат провозгласил Константина верховным правителем Империи (у него еще оставались два соправителя) и воздвиг ему величественную триумфальную арку неподалеку от Колизея.

Эта арка необычна для Рима, ибо она, единственная, сооружена не в ознаменование побед над внешними врагами, а за победу в гражданской войне, во внутренней междоусобице. Арку Константина украсили скульптурой с триумфальной арки Траяна, считавшегося «лучшим» римским императором. Но это не был знак преемственности власти: просто у строителей не хватило времени для украшения арки Константина. Все это свидетельствовало об изменении ментальности римлян. Они забыли свои гражданские идеалы и отказались от римской свободы, стали рабски поклоняться императору, как восточному богу и абсолютному властелину.

Император Константин продолжил государственные преобразования Диоклетиана. Было усовершенствовано административное деление Империи. К диоцезам прибавились четыре префектуры — Восток, Иллирия, Италия и Галлия. Еще больше разросся и стал более дифференцированным административный аппарат. Константин окончательно отделил гражданскую власть от военной: префекты претория отныне стали гражданскими администраторами, а армией командовали магистры войска. Преторианская гвардия была распущена, ее заменили специальные подразделения дворцовой гвардии.

Император и его чиновники стремились контролировать все стороны жизни подданных. Власти сочли необходимым, чтобы жители Империи были «прикреплены» к месту своего рождения. Это касалось сословий городского населения — куриалов,

ремесленников и колонов. Каждому предписывалось навсегда оставаться в его состоянии на той ступеньке социальной иерархии, которую он занимал, и от этого никого «не освобождали привилегии, связанные с каким-либо положением», и даже повышение по службе и обогащение. В Империи Константина никто не был свободен, какое бы положение на социальной лестнице он ни занимал. От императора и представлявших его чиновников зависели благосостояние и нередко сама жизнь подданных. Так было надежней управлять Империей и собирать налоги.

В правление Константина продолжалась варваризация Империи. Особой его благосклонностью пользовались франки. При этом императоре варвары впервые были избраны римскими консулами.

Константинополь — Второй Рим

Константин не любил Рим: там все напоминало о республиканском прошлом и величии прежних императоров. Константин же сам получил титул «Великий» и хотел начать все с чистого листа. В бытность свою императором он посетил Рим всего три раза и задерживался там ненадолго. Своими штаб-квартирами он избирал разные города Империи, а в 328 г. основал новую резиденцию на месте древней мегарской колонии Византий, раскинувшейся (по странному совпадению) на семи холмах по берегам залива Золотой Рог и Боспорского пролива в Мраморном море. Освященная в 330 г. новая столица сначала была наречена Вторым, или Новым Римом, но вскоре ее стали называть по имени основателя — Константинополем (совр. Стамбул). Константинополь очень быстро превратился в огромный город. Он господствовал над Черным морем и Восточным Средиземноморьем, стал мостом между Азией и Европой.

По замыслу Константина, новая столица своим блеском и великолепием должна была затмить обветшавший Рим. В центре Константинополя был сооружен форум в форме эллипса. Его украшали две триумфальные арки, а в центре — колонна из порфира, увенчанная статуей бога Солнца, а затем самого Константина, еще позже императора Феодосия I. Широкие и просторные улицы города пересекались под прямыми углами. Их украшали дворцы, храмы, палаты знати, свезенные со всех концов Империи изящные статуи. Особенным великолепием поражала главная улица Константинополя — Меса (Средняя). При Константине в центре города была выстроена церковь Святой Софии (не сохранившаяся). Ее «наследником» стал собор Святой Софии — сооружение удивительной красоты и гармонии.

Огромный комплекс дворцовых сооружений императорской резиденции, украшенных изумительными мозаиками, классической скульптурой и живописью великих мастеров, не имел себе равных. Его богатейший интерьер, созданный руками искусных ремесленников и художников, украшали и произведения искусства, доставленные из обобраных Италии, Греции и Востока. Сохранившиеся мозаики Большого императорского дворца поражают красотой, реалистичностью, изысканной цветовой гаммой. На них изображены животные, растения, архитектурные сооружения, на некоторых — жанровые сценки: мальчик кормит ослика, цветущая девушка с кувшином на плече идет за водой...

Зодчие времени Константина придавали своим постройкам особую выразительность, много экспериментировали с формами сооружений, материалами, с пластическими средствами оформления внутреннего пространства.

В столице был сооружен огромный ипподром. Именно там, а не на гражданском форуме бился пульс жизни. Ипподром вмещал десятки тысяч зрителей, жаждавших насладиться конными соревнованиями — излюбленным развлечением константинопольцев. Ипподром становился ареной не только состязаний, но и политических столкновений, борьбы партий, носивших названия по цвету одеяний возниц — «голубые», «зеленые», «красные», «белые».

Возницы были героями константинопольцев, им воздвигались статуи (одному — даже из золота — такой чести не был удостоен сам император). На ипподроме и в цирках нередко показывали экзотических животных, бои с дикими зверями, но гладиаторские сражения уже выходили из моды, их заменяла гимнастическая борьба.

Термы, библиотеки, театры, школы никогда не пустовали. В столице имелось множество лавок, целые торговые улицы, где предлагали свой товар купцы из самых отдаленных уголков Империи.

Императорский церемониал и быт двора приобрели во времена Константина небывалую пышность. Император появлялся в драгоценной диадеме, сияние которой ослепляло, как солнце, в великолепных блистающих одеждах, позже ставших образцом для средневековых монархов. Присутствовавшие на императорских церемониях должны были склоняться в глубоком поклоне перед монархом или даже падать ниц. Ничто уже не напоминало о былой строгости римских одеяний и обрядов.

Арианство. Христианская церковь на духовном распутье

Хотя победа христианства становилась все более убедительной, она не принесла желанного мира ни государству и народу,

ни самой церкви, которая, едва выйдя из катакомб, оказалась перед угрозой теологического раскола. Если христианский теолог II в. Иринея перечислил двадцать две ереси, то «Домашняя аптечка» Епифания Саламинского в конце IV в. уже предлагала «лекарства» от 156 «зловредных учений». Нарастало церковное размежевание между Западом и Востоком, усугублявшееся разделением Империи и усиливавшееся изоляцией западных провинций. В этих условиях особое значение приобрела выработка единой, четко сформулированной и всеохватывающей догматики — основных положений вероучения, признаваемых истинными и вечными божественными установлениями, обязательными для всех верующих.

Центральным религиозным и идейным конфликтом IV в. стали споры о Троице — определяющем догмате христианского вероучения. Христиане поклонялись единому Богу, который, однако, выступал в трех лицах (ипостасях — по-греч.): Бог Отец, Бог Сын (Христос) и Бог Дух Святой. Троиединство — наиболее сложная для постижения идея христианства. И не случайно неискушенным верующим, тем более новообращенным, было очень трудно понять, каким образом три лица объединяются в едином Боге. Появилось множество толкований этой богословской проблемы. Широкое распространение получило арианство, предложившее свой, вполне рациональный вариант.

Через шесть лет после принятия в 313 г. Медиоланского (Миланского) эдикта императоров Константина и Лициния, даровавшего христианам право исповедовать их религию свободно и открыто, пресвитер александрийской церкви *Арий* заявил, что не все лица Троицы равны. Он утверждал, что только Бог Отец предвечен и неизречен. Бог Сын, т.е. Логос, воплотившийся в Христе, рожден от Бога Отца и, следовательно, не равен ему, ибо сотворен. Бог Отец предшествовал Богу Сыну, который, таким образом, оказывался не «единосущным», т.е. имеющим ту же сущность, что и Бог Отец, но только «подобосущным» — рожденным, а следовательно, и стоящим ниже. Так как на греческом слова «единосущный» и «подобосущный» отличаются только одной буквой, спор этот и получил название «спора об одной букве».

Казалось, спор носил крайне отвлеченный характер, однако повлек за собой столь реальные и сложные последствия, что потребовал неоднократного вмешательства самых высоких иерархов церкви и даже самого императора. В него было втянуто множество мирян, особенно в восточных провинциях. Современ-

ник событий, крупнейший христианский теолог Григорий Нисский свидетельствовал: «Все полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, — улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить оболов, — философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене на хлеб — отвечают: “Отец больше сына”; справишься, готова ли баня, — говорят: “Сын произошел из ничего”».

Дело доходило до прямого насилия и уличных потасовок. Людям, не сведущим в теологических тонкостях, арианство (представлявшее Христа рожденным, подобным Богу, несущим в своем человеческом совершенстве божественное начало) было гораздо понятней, чем единство трех лиц в единой божественной сущности. Спаситель — Сын Божий, посланный для искупления человеческих грехов на землю, в арианском толковании походил на античных героев, и это облегчало многим переход от язычества к христианству.

Самым бескомпромиссным противником Ария был александрийский епископ Афанасий, прославившийся своей борьбой за чистоту веры, в которой, говорили современники, он «воевал против всего света». Он настаивал на том, что все лица Троицы единосущны, следовательно Бог все-таки един.

Арианство было осуждено как ересь на Вселенском церковном соборе в Никее в 325 г., а строптивые арианские епископы и священники высланы в Дунайские провинции, где в это время происходило активное передвижение варварских племен. В дальнейшем на многочисленных соборах арианство то низвергалось, то снова набирало силу. Арианства придерживались даже некоторые императоры (Констанций II), объявлявшие его официальной религией и устраивавшие форменные гонения в духе Диоклетиана на ортодоксов, которые в свою очередь отвечали тем же с переменой правления. Лишь на соборе 381 г., на котором западное духовенство вообще отсутствовало, арианство было окончательно осуждено. Однако дальнейшие христологические споры в церкви стали одним из последствий «арианского кризиса», который так и не удалось изжить до конца, что показала история церкви в Средние века.

Дерзновенный вызов ортодоксии пресвитера Ария

Пресвитер александрийской церкви Арий (256—336), был родом из Ливии, учился у Лукиана Антиохийского, знаменитого теолога, принявшего мученическую смерть. Арий — человек талантливый и неис-

товый, был известен своим аскетизмом и пользовался популярностью среди прихожан. Арий в 318 г. обнародовал свою доктрину, возбуждавшую сомнения относительно догмата троичности Бога, причем Арий не был в этом первым. Во II в. подобные популяризации предпринимали Тертуллиан Праксей, а в III в. — Савелий из Птолемиады. В 318—319 гг. сначала александрийским епископом Афанасием, а затем поместным собором Арий был отлучен от церкви в связи с проповедью своего учения. Это стало малой искрой, которая запалила гигантский пожар. Арий обратился к другим церквям. Он отправился на север, где нашел понимание у епископов Евсевия Никомедийского и историка церкви Евсевия Цезарейского из Палестины. Отныне спор охватил весь Восток Империи.

Арий претендовал на место епископа Александрии, а когда его притязания остались втуне, разошелся вовсю. Его стихотворения и даже песни (кстати, Арий впервые включил пение в церковную службу), распевали ремесленники и матросы. Споры о Троице стали внешним толчком, способствовавшим развитию христианского ораторского искусства. Сам Арий был искусственным оратором. Однако своим учением Арий нарушал единство церкви — он покушался на изначальную и полную божественность ее основателя. Это могло породить соблазн признать подчиненное положение Христа относительно Бога Отца, а следовательно, усомниться в божественном происхождении церкви и самой ортодоксальной веры.

Сам император Константин обратился к Арию с личным посланием, в котором предлагал сделать все для сохранения единства церкви. Послание не подействовало. В 325 г. Первым Вселенским собором христианских епископов Арий был сослан в Иллирию, другие его сподвижники — в Галлию. К тому же арианство обрело немало сторонников среди придворных; предполагают важную роль сестры императора Констанции и придворного епископа Евсевия Никомедийского. Поэтому в 327 г. Арий был возвращен из ссылки, а его противник Афанасий Александрийский, в свою очередь, сослан в Трир в Галлии. В 333 г. Арий вновь осужден Константином I, а в 335 г. реабилитирован соборами в Трире и в Иерусалиме. Вскоре Константин решил отпраздновать освящение церкви Гроба Господня в Иерусалиме, которую он только что возвел, и официально причастить Ария. (Трудно даже представить последствия сего действия для судеб церкви.) Однако неистовый старец Арий скончался в Константинополе перед Пасхой.

Из речей и гимнов Ария сохранились только фрагменты. Главным же его произведением является «Фалей» («Званный пир»), — изложение арианского учения в прозе и поэтической форме. Его идеи культивировались последователями вплоть до VI в. Особенно большое распространение они получили среди варварских племен (готов, вандалов и т.д.).

Никейский Вселенский собор. «Символ веры» торжествующего христианства

Определенный итог распрей о Троице (или тринитарных споров — от лат. *trinitas* — Троица) был подведен в 325 г. на Вселенском церковном соборе в Никее (совр. Изник в Турции). В нем принимал участие сам император Константин. Никейский собор утвердил «Символ веры» (*Credo*) — краткий свод догматов христианской ортодоксии (правильной веры). «Символ веры» состоял из двенадцати утверждений: восемь первых посвящены троичности Бога, «вочеловечиванию» Иисуса Христа и искуплению грехов, четыре последних касаются церкви, крещения и «вечной жизни».

Иисус Христос — Бог Сын провозглашался единосущным и равным Богу Отцу: «Веруем в единого Бога Отца, вседержителя, творца всех видимых и невидимых, и в единого господина Иисуса Христа, Сына Божия, Бога от Бога, света от света, жизнь от жизни, сына единородного и Духа Святого».

Юлиан Отступник

Только три года отпустила судьба императору Флавию Клавдию Юлиану (332—363, ипм. с 361 г.), способному правителю, энергичному полководцу и образованнейшему человеку на все его свершения. Но они были настолько грандиозны, что христианская традиция превратила его в жестокое чудовище и нарекла Отступником. Его путь к власти был тернист. Юлиан — единственный из родственников жестокого итмператора-арианина Констанция II (337—361) — остался в живых. В 355 г. юный Юлиан стал цезарем Галлии, упорядочил управление провинцией и разгромил у Аргентората грозные племена алеманнов, франков и саксов. В 360 г. восторженные легионы провозглашают его августом вместо свергнутого Констанция.

С детства Юлиан воспитывался ортодоксальным христианином, однако постепенно под влиянием диспутов с философами-неоплатониками (в особенности со своим учителем Ямвлихом — языческим мыслителем и чудотворцем) в христианстве разочаровался. Юлиан считал эту религию грубой, нелогичной, рассчитанной на людей, не способных и не желающих мыслить. Особый протест в нем вызывал пронизывающий христианство дух рабского смирения и покорности. Покорность Юлиан считал качеством, недостойным римлянина.

Однако его привлекали этические нормы христианства, требования чистой жизни и разумная церковная организация. Юлиан попытался создать монотеистическую языческую религию с центральным культом Солнца Единого и с жреческой организацией, подобной христианской церкви. Реформа эта была поддержана римской языческой аристократией и интеллектуальными кругами, однако среди широких масс и в армии успеха не имела. Искусственно сконструированная «философская» религия Юлиана не находила отклика в сердцах простых людей. Юлиан, как многие подвижники, значительно опередил свою эпоху.

Юлиан отнюдь не развязывал репрессий против христиан. Он «всего лишь» провозгласил равенство религий и свободу вероисповедания, попутно лишив христианское духовенство огромных привилегий и государственных субсидий, которые оно получило при Константине Великом и Констанции. Одно лишь это вызвало ненависть смиренных церковных иерархов, озлобленных «кошунственным» посягательством на свои тучные земные блага и безраздельное господство над духовной и политической жизнью окормляемой паствы. Более того, в своих сочинениях Юлиан подвергал христиан осмеянию, что звучало особенно резко, поскольку было облечено в блестящую литературную форму.

Современники-язычники считали, что Юлиан воплощал в себе многие прекрасные качества монарха, заботившегося о благе своих подданных: он сократил расходы на содержание двора и бюрократического аппарата, снизил налоговое бремя, выделял немалые средства на благоустройство городов. Однако объективно его недолгое правление привело к углублению раскола римского общества. Юлиан являл собой тип реформатора, пытавшегося «сверху» исправить положение дел в государстве. Но он не понял, что погибающее общество нельзя спасти «улучшающими» реформами. Идеи веротерпимости и свободы совести еще не пробили себе дорогу. Один из достойнейших римских императоров, он, вместо прославления, заслужил проклятья потомков-христиан и имя «Отступник».

Война с персами, которую Рим вел в эти же годы, была проиграна римскими войсками и военачальниками. Римляне уступили значительную часть земель на Востоке и признали независимость Армении. В бою с персами погиб и сам император

Юлиан, пораженный копьем то ли перса, то ли римского предателя. Только немногие друзья оплакали его безвременную гибель. Заключив скоропалительный мир с персами, Рим вынужден был перебросить войска на север, где в придунайских степях нарастала новая опасность, грозившая погубить Империю, — перешли Дунай готы. После гибели Юлиана все постановления императора по вопросам религии и веротерпимости были отменены, а христианская церковь полностью восстановила свое могущество и монополию на истину.

Отцы Церкви

«Отцами Церкви» стали называть самых авторитетных богословов и церковных деятелей раннего этапа торжества христианства. На Востоке Империи крупнейшими «Отцами Церкви» считались каппадокийцы Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский, а также замечательный христианский проповедник — константинопольский епископ Иоанн Златоуст. На Западе в период «патристики» (IV—VII вв.) сформировалась фундаментальная основа христианского мировоззрения последующих веков. Сочинения «Отцов Церкви» Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного и Григория Великого стали каноническими для католической церкви. Их толковали и комментировали наряду с Библией.

Иероним Стридонский и библейский канон «Вульгата»

В те смутные времена образование было доступно немногим. Оно требовало больших материальных затрат, упорства и таланта. Всем этим с лихвой обладал выходец из Далмации Иероним (370—419). Непреодолимое стремление к знаниям привело его в Рим, где он штудировал грамматику у почтенного наставника Доната, риторику, диалектику и философию у других учителей. Страсть юноши к книгам была такова, что он их сам переписывал, если не мог достать иным путем. Из Рима Иероним отправился в Трир для изучения богословия, а затем почувствовал потребность побывать в тех местах, где проходила жизнь библейских патриархов — Иоанна Крестителя и Иисуса.

Смерть друга и собственная тяжелая болезнь стали причиной окончательного духовного перелома. С невероятными муками Иероним отказался от любимых научных занятий и целиком отдался изуче-

нию священных текстов. На Масличной горе близ Иерусалима Иероним основал общину, устроил библиотеку, открыл школу, где сам трактовал отшельникам идеи и тексты латинских авторов в христианском духе. В ходе изучения древнееврейского языка и работы над библейскими текстами Иероним обнаружил несовершенство прежнего перевода Библии на латынь («Италы»).

По поручению папы римского Дамасия он осуществил новый перевод Ветхого Завета, исправил перевод Нового Завета и снабдил эти тексты превосходными комментариями. Перевод Библии, сделанный Иеронимом, получил название «Вульгата» (т.е. «Народный») и на Тридентском соборе католической церкви в 1546 г. был объявлен каноническим.

Иероним был великолепным писателем, о чем свидетельствуют его письма за целые полвека. О них можно сказать то же, что говорили о письмах кумира Иеронима Цицерона: «Обладая этими письмами, мы не нуждаемся в связной истории». Перед нами целая галерея портретов современников, нарисованная опытным художником и психологом. Особенной популярностью у современников и в Средние века пользовались жития святых, написанные Иеронимом в подражание «Житию св. Антония», составленному Афанасием.

Выдающийся проповедник Амвросий Медиоланский

Младшим современником Иеронима был миланский епископ и «Отец Церкви» Амвросий Медиоланский (340—397), стяжавший в западном мире славу величайшего проповедника. Аристократ по рождению и воспитанию, довольно неожиданно для себя ставший епископом, он в своих страстных и полных поэтических образов проповедях осуждал богатство и насилие. Амвросий утверждал, что богачей обогащает «рубище бедных», что все люди имеют равное право на жизнь и на счастье. Обличая власть имущих, медиоланский епископ подвергал резким нападкам государство, считая, что оно должно подчиняться церкви, а епископов следует наделить не только духовной, но и светской властью.

В годы епископата Амвросия Милан (Медиолан) был центром арианства, с которым он вел непримиримую борьбу. В утверждении ортодоксии Амвросий не мог избежать определенного влияния греческих «Отцов Церкви», великих каппадокийцев. В преобразовании литургии, ее музыкальном оформлении, создании поэтических гимнов он также довольно близок к греческой традиции, чего нельзя сказать о его конкретной церковной политике, направленной на утверждение первенства римской церкви.

Алтарь победы. Последнее сражение между христианством и язычеством

В 382 г. император Грациан приказал вынести из римской Курии статую богини Виктории (Победы), стоявшую здесь со времен императора Августа, повелевшего в 29 г. до н.э. воздвигнуть Алтарь Победы в честь битвы при Акции. Этот алтарь был гордостью римского народа, символом его славы и могущества, гарантом его политического и военного счастья. Более четырех веков крылья богини Победы осеняли Рим, вдохновляли несокрушимую поступь его легионов. Приказ убрать статую Виктории наносил тяжкое оскорбление римскому Сенату, в котором преобладали язычники и номинальные христиане.

Сенат принял решение обратиться к императору с прошением о восстановлении Алтаря Победы. Эта нелегкая миссия выпала главе Сената Квинту Аврелию Симмаху, одному из наиболее уважаемых людей Империи не только из-за славы его древнего рода и высоких должностей, которые он занимал с юных лет, наконец, не только из-за огромного богатства, но и потому, что он слыл образованнейшим человеком своего времени, а честность его была безупречна.

В течение нескольких лет Симмах неоднократно отправлялся в Милан и добивался аудиенции у императора. Главным его противником оказался Амвросий Медиоланский (кстати, Симмах и Амвросий были родственниками, что не мешало их противостоянию). Столкновение двух религий, двух мировоззрений, двух социальных концепций, воплощенных в двух великих людях, было бескомпромиссным.

Симмах заявил, что разрушение Алтаря Победы — ничем не оправданное варварство. Этот Алтарь «служит гарантией общего согласия и верности каждого», это страж римской славы и римской морали. Нельзя разрушать то, что столько веков приносило счастье Риму и освящало его власть над миром. Защищая Алтарь Победы, Симмах проявил удивительную широту мышления, заявив, что «верховное существо, к которому люди обращаются с молитвами, одно и то же для всех», и каждый свободен в выборе для себя бога.

Это вызвало негодование Амвросия. Он возразил Симмаху, что победы римлянам принесли не боги, а доблесть воинов, не щадивших жизни для защиты отечества. Не следует поклоняться идолам, так как существует только один истинный Бог —

христианский. В своих проповедях Амвросий страстно говорил о равенстве всех перед Богом, о том, что земля принадлежит всем в равной степени. Более того, он осуждал неограниченное право собственности, утверждая, что природа сотворила право на совместное владение имуществом и лишь грубое присвоение, захват породили частную собственность. Это, однако, не помешало Амвросию потребовать от государства для христианской церкви тех же привилегий, которые он рьяно отвергал в отношении языческого жречества.

Последнее сражение между язычеством и христианством велось двумя достойнейшими противниками, что придало событиям пафос истинной трагедии, в которой сталкиваются настоящие герои. После исполненной страстей и накала полемики и благодаря не знающей преград энергии миланского епископа, требования Симмаха о восстановлении статуи Виктории были решительно отвергнуты. Государство сочло необходимым навсегда отмежеваться от язычества. Придворные и горожане Милана повели себя так, как нередко ведут себя люди в подобных обстоятельствах: еще недавно с восторгом внимавшие Симмаху, они отвернулись от него. В конце концов милость земной власти оказалась для них более важной, чем милость любой власти небесной, а тем более утратившей значение языческой богини Виктории.

Языческие культы вскоре были окончательно запрещены, однако указы императоров не могли искоренить их. Следы римского язычества сохранились и в «высокой» (элитарной) культуре, и в недрах народного сознания; языческие боги продолжали «жить» в крестьянской среде, что заставляло христианскую церковь искать пути не только борьбы с язычеством, но и его ассимиляции христианством. Не случайно языческие черты обнаруживаются в культах христианских святых. Язычество, подобно мифическому Гиацинту, упорно прорастало в народных обрядах, верованиях, фольклоре. Язычество и связанные с ним ереси обрели мощную поддержку и в верованиях стремительно наводнявших территорию Империи варваров.

Битва с христианством была проиграна язычеством, но кончина его оказалась не более чем иллюзией.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Противостояние римской цивилизации и варварского мира Европы уходит корнями в седую древность. Нашествия галлов

на Рим в 390 г. до н.э. и орд кимбров и тевтонов на Италию в конце II в. до н.э. сменились ответной экспансией Рима в неизведанные земли за Рейном при Цезаре, Августе и Тиберии. Покорение части Германии в I в. н.э. натолкнулось на глухое, но упорное сопротивление германцев, которое выплеснулось мощным натиском племен на римский лимес и приграничные провинции в страшные десятилетия Маркоманских войн второй половины II в. С тех пор римский и варварский миры смертельными врагами стояли в боевой готовности по обе стороны узкой полосы лимеса, копя силы для новых схваток.

Перманентная и непримиримая борьба хиреющей Римской империи и европейского варварского мира достигла своего апогея в IV—VII вв. в эпоху Великого переселения народов. Это название получил особый период истории, ознаменованный массовыми миграциями варваров с периферии Римской империи на ее тучные поля и нивы, а также в ее пределах. Полные сил варварские племена мощной лавиной обрушились с IV в. на богатую, но ослабленную тяжелым старческим недугом Римскую империю. Их неисчислимые полчища хлынули через пограничные реки — Рейн и Дунай, неся смерть и разорение римским легионам. Почти одновременно с ними из Азии в Европу выступили многочисленные племена кочевников, вызывая значительные передвижения среди местных народов. По широкой дороге орды степняков проникли до Центральной Европы и вступили в жестокую борьбу с Римом.

Многие народы в поисках новых мест обитания, возделанной возделанной земли и легкой наживы оставляли насиженные места и «пускались в те великие и сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе». Римская империя, раздираемая внутренними противоречиями, стала объектом устремлений варварских племен. Современники Великого переселения народов воспринимали его как трагедию и катастрофу. Римский историк Аммиан Марцелин писал: «По всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к нам границы. Галлию и Рецию одновременно грабили аламанны; сарматы и квады — обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакоты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Дакию грабили разбойничьи шайки готов».

Что заставляло многочисленные племена перемещаться на огромных пространствах от Скандинавского полуострова до Африки, от Китая до Пиренейского полуострова? Почему эти передвижения заканчивались переселением именно в Римскую империю? Одни ученые утверждают, что миграции азиатских и европейских племен последовали в результате внешнего толчка: какие-то племена потеснили своих соседей, а те, в свою очередь, оказали давление на других, те увлекли за собой, словно бильярдные шары, третьих и т.д. И это движение, все более разрастаясь, достигло, наконец, пределов Римской империи. По мнению других, Великое переселение народов явилось следствием перенаселения, земельной тесноты, заставившей древние племена расширять свои территории и искать новые распаханые земли для поселения. Наконец, высказывалось предположение, что причиной Великого переселения послужили слишком усердные попытки римлян подчинить себе племена Западной, Центральной и Восточной Европы, вызвавшие ответную всеобщую войну против Римской империи.

Великое переселение народов делится на три этапа. Первый (II—IV вв.) — «германский», охватывает время от *Маркоманских войн* до Адрианопольского сражения (378 г.). Вторжения варварских (германских, сарматских и др.) племен были значительны уже в конце II и на протяжении III в. В борьбе с варварами Империя потеряла Дакию и двух императоров — Деция и Валента. Новым толчком к миграциям племен послужило продвижение на Запад гуннов. Двинувшись из Приуралья, они около 370 г. перешли Волгу и затем вместе с покоренными ими аланами обрушились на готов. Осенью 376 г. часть готов (везеготы), теснимая гуннами, с разрешения римских властей поселилась на территории Империи к югу от Дуная. Притеснения римских чиновников вызвали в 377 г. восстание везеготов. К варварам присоединились беглые рабы, крестьяне и работники фракийских рудников. 9 августа 378 г. римское войско было разбито восставшими у города Адрианополя. С этого события начинается второй (IV—V вв.) — «гуннский» этап Великого переселения народов.

Чередой событий — между Адрианопольским (378 г.) и *Каталаунским* (451 г.) сражениями — отмечена присутствием гуннов в центре Европы. Кочевавшие на степном пространстве от Северного Кавказа до Среднего Дуная, гунны подталкивали многие германские племена к переселению в Империю. Зимой 394/

395 г. часть гуннов совершила набег на Сирию и Каппадокию. Везеготы во главе с Аларихом, разграбив Грецию, утвердились в Иллирике. 24 августа 410 г. они заняли и разграбили Рим. Хотя готы ушли из Рима уже 27 августа, падение «Вечного города» имело огромное моральное значение.

В течение V в. германские племена расселились по всей территории Западной Римской империи. В Юго-Западной Галлии в 418 г. везеготы создали первое «варварское королевство» с центром в Тулузе (позднее в него вошла и Испания). Оно просуществовало около 300 лет и было полностью уничтожено арабами лишь в VIII в. Высадившиеся в 429 г. в районе Тингиса (Танжера) вандалы покончили с римским господством в Северной Африке, образовав здесь Вандальское «королевство». К концу V в. на обломках Западной Римской империи сложились и такие «варварские королевства», как Свевское, Бургундское, государство Одоакра в Италии (уничтоженное остроготами в 493 г.). Свое «королевство» создали и остроготы. Оно включало Италию, Сицилию, Норик, часть Паннонии и Иллирии, а также Прованс. Возглавляемое Теодерихом (493—526) «государство» остроготов, на протяжении 62 лет оставалось самым сильным в Западной Европе, достойным соперником Византийской империи. Однако наиболее динамичным и жизнеспособным оказалось Франкское «королевство», возникшее в Северной Галлии через десятилетие после падения Римской империи. Франки захватили почти все владения везеготов в Галлии и подчинили себе «королевство» бургундов. Англы, саксы, юты, начавшие в середине V в. завоевание Британии, образовали здесь в конце V—VII в. ряд своих предгосударств. Однако из всех «варварских королевств», вышедших на «старт» в начале V в., достигли «финиша» и вплотную подошли к средневековой цивилизации лишь франки.

Гунны, утвердившиеся в начале V в. на Северном Дунае (в степях Паннонии), попытались в правление Атилы (434—453) овладеть Галлией и Италией, но были остановлены в 451 г. на Каталаунских полях. После этого сражения и битвы при Неддао союз гуннских и ряда других племен (сарматов, роксоланов, герулов, квадов и т.д.) распался. Византийский император Юстиниан (527—565) в 30—50-е годы VI в. отвоевал у вандалов Северную Африку, у остготов — Италию, а у вестготов часть Испании и восстановил там на краткое время римские порядки.

Третий этап Великого переселения народов — «славянский» (VI—VII вв.) — связан с передвижением в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе славянских племен. Выделяются три главных направления расселения славян: Балканский полуостров, Восточноевропейская равнина и регион между средним течением Дуная и Балтийским морем (совр. Польша, Восточная Германия и Чехия). Славяне, иногда поддерживаемые аварами и протоболгарами, начинают закрепляться на Балканском полуострове, который почти целиком, включая Грецию, заселяют в VII в. Здесь образовались славянские княжества, так называемые Славинии (в Пелопоннесе, Македонии), союз семи славянских племен, славяно-болгарское государство. Часть славян расселяется в Византийской империи на территории Малой Азии. Славяне распространяются и на Запад — до земель, занятых аламанными и саксами.

В ходе Великого переселения народов погибла античная цивилизация. Германцы и славяне расселились на обширной территории от Британии, Галлии и Испании до Финского залива, Верхней Волги и Дона. Обосновавшись на прекрасно возделанных полях и в древних городах Западной Римской империи, напитавшись ее живительными соками, варварские народы, хоть и с трудом, но сумели не расточить ее культуру и материальные достижения. На ее месте в крови в муках зародилась новая средневековая, а затем и современная европейская цивилизация. Политическая и этническая карта Европы, сложившаяся после Великого переселения народов, в основном продолжает существовать до наших дней.

Восстание везеготов

Вторжение гуннов из Центральной Азии в степи Северного Причерноморья имело большие и далеко идущие последствия для всей Юго-Восточной Европы. Под их ударами потерпели поражение аланы (предки осетинов), остроготы и везеготы. Пала «держава Германариха» в Поднепровье. Правда, везеготский правитель конунг Атанарих пытался задержать гуннов на берегу Днестра и даже начал готовить оборонительный рубеж на р. Прут. Но с ним осталась только часть воинов. Большинство же стало искать новые места для поселения. Наиболее подходящими им представлялись римские земли Фракии и Нижней Мёзии, богатые пастбищами и защищенные от гуннов Дунаем.

В ставку императора Валента (364—378) было направлено посольство везеготов, которое возглавлял арианский епископ Ульфила. Везеготы надеялись использовать авторитет Ульфила для смягчения римлян и избежания возможного конфликта. Готские послы просили земель для поселения, обещали быть верными союзниками — *федератами* Империи.

Наместники приняли послов и сообщили императору о просьбе везеготов. В ближайшем окружении императора мнения разделились. Главными противниками допуска варваров на территорию Империи были военные. Высшие начальники опасались за свое положение на службе: прибытие такого большого количества варваров еще дальше оттеснило бы их на задний план. Византийский историк Сократ Схоластик говорил, что «Валент рассчитывал приобрести в них (варварах. — В.Б.) готовое и благоустроенное войско против неприятелей и надеялся, что варвары будут более грозными защитниками пределов Империи, чем сами римляне». На прошедшем в Антиохии совете, победило мнение тех, кто считал просьбу везеготов большой удачей для императора, неожиданно получившего столько воинов из отдаленных земель и огромные денежные взносы, которые можно собирать по римским городам и селениям вместо рекрутских наборов. За прием варваров высказались «самые сильные и влиятельные», считавшие себя «государственными людьми», т.е. чиновная верхушка. Их поддержала торговая элита, и путь в Империю везеготам был открыт. Для поселения им отводились плодородные, но густонаселенные земли в низьях Дуная.

Готам-беженцам было предписано сдать вооружение и выдать заложников из числа знатной молодежи. Римляне брали на себя обязательство снабжать переселенцев продовольствием вплоть до получения ими первого урожая. Едва получив разрешение, везеготы бросили почти все свое имущество и устремились через Дунай. Переправа шла днем и ночью, на кораблях, лодках-однодревках, плотах и вплавь, при этом многие тонули. Аммиан Марцеллин отметил, что немало готов стало жертвой этой бурной и опасной переправы.

Организаторы переселения безуспешно пытались определить число беженцев. Многочисленная масса готов-переселенцев сравнивалась историками с ливийским песком, взметаемым ветром. Было также очень сложно проследить и за выполнением условий о сдаче оружия, а тем более об обеспечении везеготов продовольствием. Вопреки договору, везеготы стремились ору-

жие сохранить, так как не были до конца уверены в обещаниях римлян, жестокость и вероломство которых они испытывали уже не раз. Хаос и неразбериха усиливались медлительностью римских командиров и чиновников. Среди окруженных римской охраной везегов начался голод.

Используя свое положение, римские военачальники продавали продукты втридорога, выменивали за гроши у готов ценную утварь. Работоторговцы деловито скупали у переселенцев за бесценок сначала рабов, а затем и их собственных свободных детей. Готский историк Иордан сообщает, что любого раба продавали за одну лепешку или за десять фунтов говядины, а потом и за глоток скверного вина; за кусок хлеба везеготы вынуждены продавать себя в рабство.

Все это вызвало возмущение везегов, которое вылилось в открытое восстание. Его возглавили готские вожди Фритигерн и Алавива. Поводом послужили события в городе Маркианополе. Римский военачальник Лупицин устроил пир, пригласив назначенных Фритигерна и Алавива. Те прибыли с небольшой охраной, которую оставили у входа во дворец. Во время застолья Фритигерн узнал о происшествии, в котором оказались замешаны его соплеменники: толпу везегов, направлявшихся в город за продовольствием, остановила городская стража, произошла стычка, во время которой были убиты и ограблены солдаты караула. Узнав об этом, Фритигерн оставил пир и вместе с охраной умчался в готский лагерь, где поднял мятеж. К восставшим везеготам присоединились обращенные в рабство соплеменники, местные колонны и рудокопы золотых приисков Фракии. Земляки везегов служили проводниками по незнакомой местности, указывали богатые селения, убежища римлян, тайники и скрытые зернохранилища.

Восставшие везеготы двинулись на главный город Фракии Адрианополь. В составе гарнизона города числились два готских отряда под командованием Сверида и Колии. Начальник гарнизона приказал им следовать в Азию. Те попросили на сборы два дня, что показалось подозрительным и опасным. Тотчас вооружили горожан и, окружив готские отряды, потребовали немедленного выступления в поход. Готы взбунтовались, напали на горожан — одних перебили, других обратили в бегство, после чего перешли на сторону Фритигерна, который к этому времени подошел к городу. Была предпринята попытка захватить Адрианополь сходу, но везеготы столкнулись с сильным сопротивле-

нием и отказались от штурма. Фритигерн, несколько изменив свои планы, оставил один отряд у стен города, а остальных отправил опустошать близлежащие местности.

Современники и очевидцы событий рисуют страшные картины грабежей и разорений. Аммиан Марцеллин пишет: «Только самые недоступные или лежащие далеко в стороне места остались незадетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матерей младенцев и убивая их, брали в плен и матерей, забирали вдов, резав на их глазах мужей, через трупы отцов ташили подростков и юношей, вводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они довольно уже пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, вводили на чужбину».

Положение осложнялось еще и тем, что везеготы имели оружие, а местные жители были безоружны, так как по изданному в это время указу императора было запрещено носить оружие всем, кто не служил в римской армии. Даже во время нападения варваров местные жители не имели права вооружаться. Когда известие о восстании дошло до Антиохии, где в это время находился император Валент, из Армении были срочно направлены легионы под командованием Профутура и Траяна. Им удалось вытеснить восставших за обрывистые отроги Балканского хребта. В сражении у Салиция обе стороны понесли большие потери. Фритигерн обратился за помощью к гуннам и аланам, соблазняя их большой добычей. Это заставило римлян отступить от теснин, в которых были заперты везеготы, и те вместе с гуннами и аланами «рассыпались для грабежа по всей равнине Фракии». Вскоре их отряды достигли стен Константинополя и даже решились штурмовать его, что заставило Валента в мае 378 г. прибыть в Константинополь.

Жители столицы связывая постигшие страну бедствия с политикой Валента, взывали к императору: «Дай нам оружие, мы сами будем сражаться!» Однако Валент не решился на этот шаг и пока готовился к наступлению, отдельные римские отряды уже успели одержать несколько побед. Особенно успешно действовал отряд Себастьяна. Возле р. Гебр он разгромил скопище варваров, отняв огромную добычу. Эти события заставили везеготов отступить и собрать все свои силы возле Кабилы в 110 км к северу от Адрианополя. Ситуация становилась все более опас-

ной, и Валент, находившийся в крепости Ника в 25 км от Адрианополя, призвал себе на помощь Грациана, правителя западной половины Империи. Когда стало известно о приближении войск Грациана, везеготы, опасаясь окружения, выслали против него аланские отряды, а сами двинулись на Адрианополь. Летом 378 г. Валент вывел войска из Ники и сосредоточил у Адрианополя, расположив их в виде квадрата, укрепленного рвом, валом и частоколом.

Фритигерн дважды направлял послов к Валенту и обращался с предложением о мире. Император вступил в переговоры, но выдвинутые везеготами условия были суровыми. Фритигерн требовал предоставить переселенцам Фракию, где они имели бы право распоряжаться имуществом местного населения. Валент, недооценив силы противника, «вывел все войско в полном беспорядке на битву». 9 августа 378 г. у Адрианополя произошло решающее и (как покажет история) знаковое для отношений римлян с варварами сражение. Готская конница обрушилась на римскую пехоту, которая в панике бежала. Погибло две трети римской армии, многие военачальники, 35 трибунов и сам император Валент. Современниками высказывалась версия о том, что Валент скрылся в хижине, которую готы окружили и сожгли.

В результате этой катастрофы фактически весь Балканский полуостров оказался беззащитным. Везеготы подступили к Константинополю. Вдова Валента распорядилась выдать жителям столицы оружие, и с помощью наемной арабской конницы римлянам удалось отогнать варваров. Новый император, известный полководец Феодосий, отчасти силой, отчасти уступками подавил восстание везеготов; они были расселены в качестве федератов в Мёзии, Фракии и Македонии.

Феодосий I Великий

В 378 г. правителем Восточной Римской империи стал уроженец Испании и удачливый военачальник Феодосий I (379—395). В Западной Римской империи власть принадлежала императору Грациану, а затем — Евгению. Однако мощная фигура Феодосия I затмевает их бледные образы. В 383 г. Феодосий заключил мир с везеготами и поселил их в качестве *федератов* на Южном Дунае, позаботившись, чтобы у них не было поводов для возмущения, и потребовав от них обязательного несения воинской службы в специальных римских подразделениях. Он раз-

громил войска узурпаторов, прекратил междоусобную войну на Западе и в 394 г. на короткий срок в последний раз объединил Империю.

Феодосий — защитник никейского варианта христианства, объявленного ортодоксальным (истинно верным, т.е. православным). Язычество попало под полный и «решительный» запрет. Храмы языческих богов были закрыты, а некоторые — разрушены фанатически настроенными толпами торжествующих христиан. По указу 394 г. прекратили свое многовековое существование Олимпийские игры, осужденные как враждебные христианству. Иерархи христианской церкви вознаградили благочестивые усилия Феодосия прозванием «Великий».

В 395 г. Феодосий умер, разделив Империю между двумя сыновьями — Аркадием и Гонорием. Этот раздел между Западом и Востоком оказался окончательным. Образовались два самостоятельных государства с разной исторической судьбой. Западной Римской империи история отпустила всего несколько десятилетий жалкого существования, Восточной Римской империи (Византии) — более десяти веков взлетов и падений, процветания и долгого угасания.

Варваризация армии и аппарата управления

Римская армия, понесшая тяжелые потери в битве при Адрианополе, начиная с конца IV в. состояла в значительной мере из варваров, поселенных на римских границах, и варварских отрядов, нанятых на службу за жалование. Первые несли службу в провинциях, где они жили, вторые — на основе союзнического договора как *федераты*. Постепенно войска федератов, возглавляемые варварскими вождями и военачальниками, превратились в основную военную силу Римской империи.

Среди командного состава римской армии и высших сановников императорского двора становилось все больше лиц варварского происхождения. Влияние варваров при дворе в начале V в. было уже столь значительным, что они пытались выдвигать на императорский трон своих кандидатов. Варварским полководцам, которые служили Империи, даровались почетные титулы консулов и патрициев. В особо торжественных случаях они, подобно римлянам, облачались в пышные одежды официальных лиц, например, в консульские одеяния, затканые золотом и украшенные драгоценными камнями.

Проникновение варваров в государственную организацию Римской империи, их допуск к высшим, в том числе военным должностям, было вызвано нарастающим бессилием Империи в борьбе с внутренней и внешней опасностью и становилось последним средством для правителей Рима сохранить не только государство, но и самих себя.

Федераты

Федераты — вспомогательные войска, предоставленные Империи варварскими племенами (готами, гепидами, вандалами, герулами) или их вождями по договору. Федератами считались лишь те варвары, которые не были покорены или обращены в рабов. Они управлялись своими военачальниками. Войска федератов состояли, как правило, из конницы и составляли серьезную военную силу Империи. В IV—V вв. федераты не смешивались с основной армией Империи. В VI в. четкого разграничения между варварами-федератами и частями римского войска не соблюдалось.

При зарождении и в начале существования этого института войска федератов формировались из числа племен, находившихся за пределами Империи. Они получали продовольствие, а также право вести торговлю с Империей. С конца IV в. такие племена уже получали для поселения пограничные земли и жалование. Они несли военную службу на границах (особенно на дунайской) и в провинциях на Балканском полуострове. Находясь на территории Империи они были свободны от налогов и сохраняли свой образ жизни.

Фравитта и Гайна. Варвары на службе Империи

Гот по происхождению, Фравитта появился в Константинополе в 381 г. в числе ближайших дружинников конунга (вождя) везеготов Атанариха. Женился он на римлянке, а службу при дворе византийских императоров начал после смерти своего соперника — тоже гота Эриульфа. Стремительная карьера Фравитты началась при императоре Аркадии (383—408). Он достиг высших военных должностей. В 401 г. за подавление выступления готов Гайны Аркадий даровал Фравитте титул консула. Но впоследствии честолюбивый гот стал жертвой политических интриг своих противников и был казнен.

Гот из незнатного рода Гайна начал службу в войсках федератов простым солдатом. Он сделал блестящую военную карьеру благодаря личным качествам и заслугам. Командовал кавалерией в войсках *Стилихона*. Удостоен звания магистра армии Восточной империи. После гибели префекта претория Руфина, фактического главы гражданского

управления Византии, реальная власть над армией оказалась в руках Гайны.

Соединившись с восставшими готами Трибигильда, Гайна в 399 г. предпринял попытку захватить политическую власть в Византии. Население Константинополя, руководимое вожаками антигерманской группы, противниками усиления влияния варваров, восстало против готов, перебило несколько их тысяч и изгнало из столицы. В 400 г. Гайна разорил Фракию и намеревался пререйти Геллеспонт, но был задержан войсками преданного императору Аркадию гота Фравитты. Гайне удалось уйти за Дунай, но там он был схвачен гуннами и убит.

Вандал Стилихон — надежный щит Италии

Вандал по происхождению, последний римский полководец и выдающийся государственный деятель, Стилихон военную карьеру начал при императоре Феодосии. Был женат на его племяннице Серене. В 393 г. стал магистром обеих армий; с 394 г. — главнокомандующим войсками Империи. В 395 г. Стилихон был назначен опекуном несовершеннолетнего императора Гонория и в 395—408 гг. фактически возглавлял правительство Западной Римской империи.

Стилихон стремился создать мощную защиту границ Империи по Рейну и Дунаю и держать в руках политику обеих частей, будучи при этом сторонником и проводником варварского влияния. Он совершил поход в Британию. В 401 г. он блестяще отражал нападение вандалов и аланов, в 402—403 гг. наголову разгромил готов Алариха под Полленцией и Вероной, а в 406 г. — войско во главе с Радагайсом. Однако военные таланты и сильное влияние Стилихона вызвали черную зависть к нему алчной и продажной придворной камарильи. В результате дворцового переворота верный защитник Империи был свергнут и казнен в Равенне. Некому стало защищать Империю и самого слабовольного императора. Полчища германцев затопили Италию, спустя несколько лет после гибели Стилихиона пал и «Вечный город»

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Причины краха Империи лежали в истощении всех ее жизненных сил, а оно было вызвано внешними, политическими причинами и социально-экономическими. Во всемирной истории 476 год стал тем рубежом, когда прекратил существование Древний мир — античная цивилизация. Крушение Западной Римской империи ознаменовало собой гибель рабовладельческого строя и рабовладельческого производства вообще. Получил развитие новый, исторически более прогрессивный способ производства.

Очень вредными последствиями сопровождалось деление Империи на две половины, так как Восток часто усиливал смуту и мало оказывал помощи Западу. Восток справлялся с проблемами легче, ибо географически он был расположен в более благоприятной зоне, был гуще заселен, да и более способные императоры поддерживали на плаву государственный корабль. Восточная империя, которая впоследствии стала называться Византийской, превратилась в результате сложных процессов в феодальное государство, которое смогло просуществовать еще целое тысячелетие.

На Западе чрезмерное влияние на политику предводителей германских племен и их насилия умножали народные бедствия. Запад сурово поплатился за предоставление свободного доступа германцам в войско и в высшие сферы Империи. Из двух зол: либо лишить землю многих рабочих рук посредством рекрутских наборов, либо допустить иммиграцию иноземцев — было выбрано второе. Отныне престол Западной Римской империи стал игрушкой в руках вождей варварских дружин. Марионеточные равеннские императоры быстро сменяли друг друга. Варвары прочно оседают на римской территории. Военные реформы IV в. почти совершенно стерли противоположность между теми, кто защищал Империю, и теми, кто нападал на нее.

В Западной Римской империи крушение рабовладельческого строя протекало бурно, сопровождалось кровавыми войнами, переворотами, окончательно подорвавшими бывшее могущество одного из крупнейших государств Древнего мира. По вине самого Запада хозяйственная и социальная болезнь дошла до смертельного исхода. Состояние Италии было критическим. Чтобы получать хоть какие-нибудь средства из опустошаемых варварами провинций с самозваными императорами, Италия тратила на них все свои воинские силы. Потеря Африки и военно-морских сил и коммуникаций стала тяжелым ударом. Прекратилась торговля, она сузилась до рамок местного городского рынка, соответственно снизились и доходы населения, натурализовались все виды государственных платежей: налогов, военного жалования и т.д. Центр тяжести хозяйственной жизни целиком переносится в деревню.

Мелкое и среднее землевладение, связанное с городами, в период Поздней империи переживало глубокий упадок. Несмотря на сохранение больших масс рабов, ведущей фигурой сельскохозяйственного производства становятся колонны, ко-

торые вели самостоятельное хозяйство, но не пользовались никакой имущественной правоспособностью и не имели собственности на орудия производства. Это их и отличало от феодального крестьянства. В это время уже произошло юридическое прикрепление колонов к земле, рядом эдиктов была стеснена свобода перехода колонов от одного владельца к другому, что было связано с необычайной текучестью населения. Не только колоны прикрепляются к земле, но и ремесленники, обязанные вносить налоги, прикрепляются к своим коллегиям; профессии становятся наследственными. Чтобы покрыть потребности армии и чиновничества, Империя была вынуждена создавать государственные мастерские, где работали прикрепленные к ним ремесленники и рабы.

Чтобы избавиться от налогов, долгов и притеснений люди бежали к варварам. У Сальвиана мы находим яркое описание этого явления: «А между тем бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие, принадлежа к известной фамилии и получив хорошее воспитание, бывают вынуждены искать убежище у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований... хотя они чужды варварам, к которым бегут, и по нравам, и по языку... им легче привыкнуть к варварскому быту, нежели переносить несправедливую жестокость римлян».

Многие укрывались под защитой богатых землевладельцев, собственников сальтусов, которые уже не были связаны с городами и превращались в замкнутое целое и в экономическом, и в политическом отношении. Здесь колонны могли найти хоть какую-то защиту от агентов правительства. Такие поместья уже отличались от рабовладельческой крупной латифундии и превосходили в своей структуре некоторые черты феодального поместья. Но в позднеримском сальтусе эта новая форма была опутана густой сетью еще не изжитых рабовладельческих отношений, не приносящих дохода и не оправдывающих затраченный труд. Только для рабов, обслуживавших домашнее хозяйство, оставалось еще место в обществе. Тем не менее ядовитое жало рабства оставило свои следы в виде презрения свободных к производительному труду.

Это был исторический тупик, в который попал римский мир. Римское государство превратилось в гигантскую машину для выкачивания налогов и поборов, тормозя прогрессивные процессы. Более того, существенные изменения произошли

в области идеологии — и это была победа христианства. Христианское учение, возникшее на фоне общего кризиса как социальный протест городских плебеев, превратилось в государственную религию рабовладельческой Империи. Оно формировалось на основе многих категорий этики и морали, разрабатываемых в античной философии: учение о высшем разуме как творце космоса, понятие нравственного долга человека, положение о единстве человеческого рода, включающего как свободных, так и рабов. Все это позволило успешно приспособить христианство к нуждам того общественного строя, который потом пришел на смену рабовладельческому.

Потребовалось сочетание борьбы внутри общества с таким внешним фактором, как вторжение варваров на территорию Империи, чтобы приблизить гибель великой античной цивилизации и обеспечить обществу и государству дальнейшую эволюцию. История Поздней империи — это история все более возрастающего разрыва между обществом и государством, в процессе которого имперская государственность разлагалась и в результате раздробилась на Восточную и Западную. Западная империя, не способная противостоять внутренней дезинтеграции, распадается на несколько варварских «королевств», в рамках которых начинается сложный синтез отживающих античных порядков и институтов варварских обществ, формирование принципиально новых отношений, развившихся позднее в европейский феодализм.

Падение «Вечного города»

В ночь на **24 августа 410 г.** войска везеготов под предводительством конунга *Алариха*, волею императора и Сената командовавшего римской конницей, магистра армии, федерата двух Империй, Восточной и Западной, ворвались в Рим через ворота Салария. Такого ужаса «Вечный город» не переживал за всю свою многовековую историю. Три дня варвары хозяйничали в беззащитном Риме, грабили, убивали, рушили, жгли. «Погибли в Риме здания из камня, дерева и смертные люди... Множество трупов осталось незахороненными... Слуги божьи погибли от меча варваров, а служанки его уведены в рабство... Рим несчастен, ограблен, в отчаянии, втоптан в грязь, опустошен...» — писал современник событий Аврелий Августин. Лишь в двух христианских храмах — базиликах Петра и Павла — арианин Аларих

повелел не трогать людей, искавших там убежище. На третий день с огромной добычей и тысячами пленных готы покинули дымящиеся руины Рима. Среди пленников была и сестра императора Западной империи Гонория — Галла Плацидия. Позже ее насильно выдадут замуж за Атаульфа — племянника Алариха, ставшего после него предводителем везеготов.

От Рима готы двинулись на юг. Отчаявшись поселить свой народ в Италии, Аларих решил направиться в Северную Африку, житницу Империи. Теперь она представлялась его соплеменникам «спокойной страной», желанной целью их походов. Однако вскоре Аларих умер близ города Козенцы в Бруттиях (Калабрия), а его преемник Атаульф вновь оказался втянут в политические интриги империи. Он оказался лишь чуть удачливее своего дяди, создав на землях Южной Галлии Везеготское «королевство» и начав движение готов в Испанию, где вскоре после взятия Барселоны был убит.

Однако 24 августа 410 г. стал не только днем краха величия города Рима. Это был финал великой исторической трагедии взаимоотношений варварства и античной цивилизации. Правители Рима, несмотря на многовековую борьбу с варварами и блестящие победы над ними, несмотря на тонкую и искусную дипломатию, в конечном итоге так и не смогли ни обойтись без варваров, ни победить их как врага, ни привлечь их как надежного союзника. Да и чего стоил сам император Западной империи Гонорий, двор которого тогда находился в Равенне. Услышав от одного из слуг, что «Рома пала», он сначала огорчился, подумав, что погибла его любимая курица Рома, но потом успокоился, узнав, что она жива, а погиб всего лишь город Рим. «Римляне сами себе были врагами худшими, нежели внешние враги, и не столько враги их разгромили, сколько они сами себя уничтожили», — с горечью писал современник падения Рима Павел Орозий.

Варварским племенам, которые к тому времени стремились уже не только к грабежам, но к расселению на римских землях, и варварской знати, которая желала уже не только трофеев и славы удачливого захватчика, но стремилась войти в римскую элиту, принимая высшие должности и высокие титулы из рук римских императоров, тоже не удалось наладить отношения с Римом «по-римски». Немалую роль здесь сыграли жадность и вероломство самого Рима, его страх перед варварами.

Аларих, стремясь наконец найти «землю обетованную» для своего народа, то заключал договоры с Византией и Римом, ока-

зывая империям немалую военную помощь, то нарушал их, особенно тогда, когда императоры не выполняли своих обязательств. Когда его переговоры с императором Гонорием в 410 г. в очередной раз не увенчались успехом, везеготы поступили с Римом «по-варварски» — разграбили и сожгли «Вечный город».

Только правители Восточной Римской империи могли втайне радоваться трагедии Рима. Они сумели отвести опасность от собственных границ и направили варваров на Запад. В противостоянии Восточной и Западной империй, которое уже явно проявилось в начале V в., Византия смогла руками варваров сокрушительно ослабить своих соперников.

Конунг Аларих

Аларих происходил из готского рода Балтов. Родился он на Нижнем Дунае и ребенком попал вместе с отрядами везеготов на территорию Восточной империи. Служил в войсках федератов. Карьеру военачальника Аларих начал в кавалерии под командованием Гайны. В январе 395 г. везеготы, бывшие ранее федератами Византии, избрали Алариха своим конунгом. Он возглавил их поход на Константинополь. После переговоров с префектом претория патриkiem Руфином Аларих направил свое войско в Грецию, где разграбил и разрушил Афины и Коринф, опустошил Пелопоннес.

Устрашенный этим грозным походом, император Аркадий пожаловал Алариху звание магистра армии Иллирика. Стремясь расселить свой народ в Италии, Аларих совершил туда три похода (408, 409, 410 гг.) и трижды осаждал Рим, добиваясь выгодного договора с Империей. После многих неудачных переговоров, полчища готов Алариха захватили и разграбили Рим в 410 г. Умер Аларих в Южной Италии, готовясь к походу в Сицилию и Северную Африку.

Сражение на Каталаунских полях — битва народов за наследство Рима

21 июня 451 г. на широкой открытой равнине к северо-востоку от Труа в современной Франции, носившей название «Каталаунские поля», сошлись войска двух бывших союзников, а теперь непримиримых врагов: вождя гуннов Аттилы и главнокомандующего римской армией Аэция. Вряд ли Аэций вспоминал о том, что когда-то он долгое время провел среди гуннов заложником, или как пошел во главе гуннских отрядов на Равенну, чтобы вернуть себе звание главнокомандующего. Скорее, он

вспоминал те не столь давние времена, когда по велению императора подавлял мятежи и волнения в самой Империи, и в его войске гуннская конница, которой командовал Атила, была грозной силой.

Но с тех пор изменилось слишком многое. Восточная империя удачно откупилась от Атилы и подтолкнула его на Запад. Здесь и римляне, и варвары хорошо помнили неистовую жестокость гуннов. Неудивительно, что даже многие из тех, кто вел борьбу против Равеннского двора, присоединились к антигуннской коалиции, послав свои отряды на Каталаунские поля. Против Атилы в войсках Аэция сплотились везеготы, салические и рейнские франки, бургунды, саксы, аланы, армориканцы. Немало было среди воинов рабов и колонов. Их прельщал не только закон Кодекса Феодосия о предоставлении свободы и денежной награды за участие в отражении варваров; их сблизила общая опасность: Атила помышлял о покорении всей Западной Римской империи.

В войска Атилы, вторгшиеся в Галлию, кроме гуннов, входили отряды воинов покоренных им народов: готы, гепиды, скиры, бургунды, рейнские франки, герулы, ругии. Не случайно позже это сражение получило название «битвы народов».

Инициатива в выборе места сражения принадлежала «великому и ужасному» Аттиле. Все надежды возлагались на конницу. Войска Атилы разместились на равнине фронтом на юго-запад следующим образом: в центре — гунны, на правом фланге — гепиды, на левом — остроготы. Вспомогательные отряды остальных покоренных племен прикрывали фланги. Аэций обратил свои войска фронтом на северо-восток. Против гепидов расположились легионы, приведенные Аэцием из Италии, против остроготов — везеготы. В центре против гуннов были поставлены наиболее надежные и подготовленные отряды военных поселенцев из числа варваров, несших постоянную военную службу, и все остальные участники битвы, в том числе франкский король и его войско.

Согласно легенде, битва длилась семь дней, и в ней погибло более 300 тысяч человек. Более реально, однако, свидетельство современников, что сражение началось рано утром и закончилось глубокой ночью. Готский историк Иордан полагает, что погибли 165 тысяч воинов. Гунны потерпели поражение и «настолько были побеждены, что, потеряв веру в возможность продолжать битву, возвратились в свои укрепления». И хотя на сле-

дующий день «Аттила бряцал оружием, трубил в трубы, угрожая набегом», гунны так и не решились покинуть пределы укрепленного лагеря, а затем Аттила увел остатки своих войск обратно в Паннонию, откуда и начинал свой поход.

Каталаунская битва стала «началом конца» державы неистового «бича божия» Атиллы. Весной следующего 452 г. он предпринял попытку завоевать Италию, взял Аквилею, Милан и ряд других городов, но встретил упорное сопротивление со стороны ее жителей и, неся огромные потери, отступил. А после смерти Атиллы в 453 г. созданный им военно-племенной союз распался.

Правление Майориана — последние конвульсии Империи

Смерть Атиллы в 453 г. не изменила хода исторических событий, приближавших Западную империю к роковому концу. Императорский трон сделался игрушкой военных партий и переходил от одного лица к другому часто по капризу иноземных отрядов. Если варварские вожди не присваивали себе титула императора, то лишь из суеверного страха к императорскому имени. Через назначенных ими же императоров страной управляли Аэций, свев Рицимер, Орест из Паннонии, скир Одоакр. Например, Рицимер, опираясь на германские отряды возвел и низверг пять императоров: Авита, Майориана, Севера, Анфемия и Олибрива.

Несомненно, по рекомендации Рицимера восточный император Лев I назначил новым правителем Западной империи Юлия Валерия Майориана. Дед Майориана с материнской стороны был одним из военачальников Феодосия Великого, а его отец — финансовым управляющим в Галлии, где контролировал военную казну полководца Аэция. Сам Майориан много лет сражался под командованием Аэция, жена которого, испугавшись успеха молодого человека, принудила мужа отправить его в отставку. Заново призван был на военную службу Майориан Валентинианом III. После убийства императора Майориан, видимо, был кандидатом на престол, так как ему покровительствовала жена покойного Лициния Евдоксия. Но трон перешел сначала к Петронию Максиму, а потом к Авиту. В феврале 457 г. Рицимер возвел на престол Майориана (357—360).

Майориан попытался найти среди хаоса и разрухи средства для внутренней и внешней консолидации Империи. Приняв имя августа, он, прежде всего простил изнуренному населению все недоимки за прежние годы и постарался уменьшить произвол сборщиков налогов. Майориан размахнулся на издание впечатляющих законов: девять его пространных указов можно найти в конце Кодекса Феодосия II. Майо-

риан восстановил посты «защитников городов» для разбора жалоб поданных; издал закон о защите общественных зданий Рима и т.д.

Во внешней политике Майориан пытался смягчить варварскую угрозу для Римской империи извне. Так, он одержал победу над королем готов Теодерихом II и заставил население Испании и большей части Галлии считаться с собой. Далее следовало разобраться с вандалами конунга Гейзериха, создавшими в Северной Африке свое королевство (совр. Тунис) и пиратствовавшими в прибрежных водах Центрального и Западного Средиземноморья. В одном из сражений вандалы понесли большие потери, погиб зять Гейзериха. Майориан жаждал отомстить вандалам за разграбление Рима в 455 г. Он стал готовиться к войне и решил восстановить римский флот. В Аппенинах была начата заготовка леса, а по всей Империи объявлен сбор пожертвований. В 460 г. Майориан переправил флот из трехсот кораблей в Новый Карфаген на западном побережье Испании. Но этой армаде не суждено было увидеть берегов Африки.

Источники указывают на предательство римских полководцев (упоминают даже Рицимера, увидевшего угрозу себе в возросшем могуществе императора), благодаря которым Гейзерих неожиданно напал на неохраемый римский флот в заливе Лукент и сжег много кораблей. Был заключен мир с неблагоприятными для Рима условиями, согласно которым Мавретания и Триполитания признавались владениями вандалов.

Потеряв флот, Майориан вернулся в Италию сушей, пересек Альпы. Полагают, что Рицимер подготовил мятеж в Дертоне на севере Италии, в ходе которого императора вынудили отречься от престола. Через пять дней сообщили о его смерти от дизентерии, но было очевидно, что его убили.

Юный Ромул Августул: финал Западной Римской империи

Ромул Августул (461 — после 510) — последний западноримский император (31 октября 475 г. — 31 августа 476 г.). Отцом Ромула был уроженец Паннонии Орест, обладавший титулами патриция и военачальника. Орест некогда был секретарем гуннского вождя Атиллы, а при императоре Непоте, благодаря своим знаниям обычаев варваров, пользовался его большим доверием и обладал фактической властью. В августе 475 г. он поднял в Равенне мятеж против Непота, провозгласил императором своего 16-летнего сына Ромула Моммилия, который по иронии судьбы носил имя мифологического основателя Рима — Ромула. Римляне ласково, как ребенка, называли новоиспеченного императора уменьшительным именем Августул, так как императорский престол он занял, будучи отроком.

Права Ромула на престол не были признаны ни Восточной Римской империей, ни владыкой Галлии Сиагрием, ни правившим в Далмации Непотом. Орест оставил себе звание главнокомандующего войсками Империи, правил за сына и был человеком большого опыта и ума. Несколько раньше римляне приняли в качестве союзников скиров, аланов и другие готские племена. И, насколько за это время военная мощь варваров окрепла и расцвела, настолько римские военные силы пришли в ничтожество; в конце концов варвары потребовали от римлян по-честному поделить с ними все земли в Италии. Они предложили Оресту уступить им из этих земель треть, но, видя конкретную неуступчивость, тотчас убили его.

В их среде выделялся некий Одоакр — один из императорских телохранителей и вождь племени скиров или ругиев (которых относят к славянскому корню). Одоакр посулил алчным германцам удовлетворить их претензии, если они поставят его правителем. Захватив таким образом реальную власть, Одоакр передал варварам третью часть земель и тем самым крепко привязал их к себе. Вступив в тогдашнюю столицу Равенну, Одоакр 23 августа 476 г. низложил незадачливого Ромула. Однако молодость и красота последнего римского «императора» тронули Одоакра, и он даровал ему жизнь, пожаловал 6 тысяч солидов содержания и сослал на бывшую виллу Лукулла в Кампании.

Низложение Ромула Августула считается концом Западной Римской империи.

Одоакр

Новоявленный властелин Италии Одоакр и Сенат римский известили византийского императора Зенона, что не находят нужным сохранять далее для Италии императорскую власть, ибо для обеих стран довольно одного общего императора — Зенона. Сенат почтительно просил Зенона даровать Одоакру достоинство патриция и оставить ему управление италийцами. Хотя и не сразу, Зенон исполнил их просьбу и высочайше признал Одоакра как бы своим наместником, раз уж завладеть Западом самому сил не доставало. Таким образом, Одоакр в одночасье уничтожил само юридическое существование Западной Римской империи как политического института, а знаки и символы императорского достоинства отослал в Константинополь, который остался столицей единственной «законной» Империи в мире.

Одоакр образовал в Италии собственное королевство — государство Одоакра. Он покорил Далмацию, победил ругиев в Норике, даже чеканил собственные монеты. Несколько раз он был разбит в сражениях остготом Теодерихом, затем вступил с ним в союз для совместного управления, но в 493 г. был умерщвлен Теодерихом.

В правление Одоакра были существенно поколеблены социальные и политические принципы, на которых основывалось Римское госу-

дарство. Германские военные дружины перестают быть наемными войсками на службе Империи, становятся собственниками части итальянской территории и приобретают из подчиненного господствующее положение в стране, обустроиваются на своих землях по собственным законам и обычаям. Порядок социально-экономической жизни окончательно утрачивает исконный древнеримский уклад. Таким образом, Западная Римская империя и в этом отношении прекратила свое существование.

КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НА ПЕРЕПУТЬЕ ЭПОХ

Время Поздней империи — III—IV вв. — это время заката великой античной культуры, период кризиса веками складывавшегося античного мировоззрения, время возникновения новых взглядов человека на мир, духовных исканий смысла жизни в водовороте слома системы традиционных ценностей. Христианство вытесняло языческую религию. Формы хозяйства, основанные на рабстве, заменялись системой колоната. В памятниках культуры воплощалось новое, более обостренное, чем раньше, тревожное восприятие человеком бурной действительности. Этот переломный период не прошел в истории римской духовной жизни незаметно. Несмотря на кризис, в различных отраслях культуры были созданы произведения, не уступавшие памятникам классических времен.

Авторам этой эпохи досталось немало укоров за то, что они оставались учениками древних там, где от них ждали оригинальности, и проявляли эту оригинальность в самых неожиданных ситуациях. Для IV в. еще было характерно наличие людей, остающихся верными языческим традициям; еще мерцали последние отблески талантов уходящей эпохи. Раздавались голоса, выражавшие протест против христианства. В этом хоре немалую роль играли провинции. Среди творческих деятелей, писателей и поэтов, выделялись галлы, связанные с традициями античной культуры: *Авзоний*, *Аполлинарий Сидоний*, *Рутилий Намациан*; живший в Риме грек *Клавдиан*. Они продолжали воспевать величие Рима, выражать надежду на его удачное будущее, создавать картины придворной жизни и возмущаться волнами наступающих варваров.

Вновь приобретают значение риторские школы, обучающие чиновников и будущих проповедников. Заметным явлением стало философское течение неоплатонизма, основателем которого тоже был провинциал Плотин из Александрии.

Архитектура поздней античности отличается монументальностью и строгостью, но она продолжала развивать то, что было унаследовано от предыдущего периода. Термы Каракаллы в Риме предвосхитили термы, выстроенные Диоклетианом. Прототипом нового христианского храма служила древняя римская базилика. триумфальная арка Константина мало чем отличается от арки Септимия Севера. Однако в позднеримских скульптурных и живописных образах находили отражение не личные индивидуальные качества характера, а скорее общие понятия власти, жесткости и силы, выраженные в условных чертах.

Это были реалии времени. После кризиса III века появился новый правящий класс, вышедший из глубин провинциального населения, и тогда стала складываться новая культура. В Империи на смену греко-римской культуре придут провинциальные, находившиеся под сильным влиянием местных традиций и разложившие отношения, которые были привнесены римлянами, возродившись на новой жизнеспособной основе.

На смену античной приходит христианская культура, и начинается новая эпоха в истории культуры, в которую греко-римская входит лишь как одна из составляющих. Западная империя постепенно распадалась. Но спустя тысячелетие после гибели Великого города, творения античных мастеров во всех областях творчества вновь обретут вторую жизнь как высшие достижения мировой культуры.

Последний «соловей поэзии» Децим Магний Авзоний

Искушенного знатока римской литературы, риторики, греческого и латинского языков Децима Магния Авзония современники льстиво сравнивали даже с Вергилием. Родился Авзоний около 310 г. в семье врача в Бурдигале (совр. Бордо). В родном городе он начал собственную карьеру учителя грамматики и риторики. Около 365 г. император Валентиниан I пригласил его в Трир воспитателем своего сына Грациана. Авзоний сопровождал императора с сыном в их германском походе 368—369 гг. и с рвением обучал наукам будущего императора Грациана, который под влиянием идей своего воспитателя впоследствии даже пытался наладить отношения с Сенатом.

После прихода Грациана к власти Авзоний занял пост префекта, а в 379 г. стал консулом. После гибели императора при

Лугдуне (совр. Лион) Авзоний обосновался в родовом поместье в Бурдигале и целиком посвятил себя сельскому хозяйству и литературным занятиям.

Его поэтическое дарование высоко оценивалось современниками, но скорее он был не поэтом, а версификатором — стихотворцем, прекрасно владеющим техникой стихосложения. Например, он написал вирши, в которых предыдущая строка кончается тем же словом, каким начинается последующая. Игрой поэтических форм является и его стихотворение «Свадебный Центон», составленное сплошь из полустихий Вергилия. Авзоний одним из первых баловался макароническими стихами, представлявшими собой смесь латыни и греческого. Он предпочитал дактилический гекзаметр и элегическое двустишие. Стихи Авзония, как ни странно, стали важным источником по культурно-историческому развитию Галлии той же эпохи, так как Авзоний дает в них полную характеристику двадцати наиболее крупных городов Империи. Его крупная поэма «Мозелла» отличается свежестью и искренностью — она посвящалась описанию реки Мозель и ее обрамленных виноградниками берегов. Хотя слава Авзония—стихотворца канула в Лету, творчество его ценно тем, что в своих виршах он воплощал в поэтической форме научные и исторические сведения. Почил Авзоний около 395 г.

Последний певец римского могущества Клавдий Клавдиан

Хотя по происхождению Клавдиан (род. ок. 375 г.) был греком из Александрии, он стал последним из великих римских поэтов. Клавдиан подвизался при дворе императора Гонория и пользовался покровительством полководца и государственного деятеля *Стилихона*. Верный классическим литературным традициям, Клавдиан живо откликался в своих поэмах на современные ему события и описывал войны, которые приходилось вести римлянам. Он подробно раскрывал перипетии придворной жизни, восхвалял Стилихона и высмеивал его противника Руфина. Его панегирики Гонорию и Стилихону, свадебная песня «На бракосочетание Гонория и Марии» (сестры Стилихона) стали ценным историческим документом. Снискал популярность в свете его мифологический эпос «Похищение Прозерпины».

Сохранились грекоязычные эпиграммы Клавдиана «На владыку Христа» и на «На Спасителя», где автор предстает как за-

коренелый язычник. Клавдиан — последний из истых по духу римлян, кто прославлял величие своего города и надеялся на его славное будущее: «Никогда не придет конец римскому господству, потому что все другие империи погрязли в роскоши с ее пороками и ненавистью высокомерия», — чеканно звучало в веках его пророчество.

Страстный патриот и истовый язычник Клавдий Рутилий Намациан

Латинский писатель, римский дидактический поэт начала V в., уроженец Южной Галлии, потомок богатого аристократического рода, владевшего значительным поместьем Намациан в 412 г. заведовал иностранными делами Западной Римской империи, почтовой частью и оружейными мастерскими, а в 414 г. занял пост городского префекта Рима. В 416 г. он отправился морским путем на родину, чтобы спасти свое имущество от угрозы разорения варварами.

В поэме с позднейшим названием «О возвращении домой» Намациан воспевал великий Рим, который дал приют и отчизну столь разным народам (хвала городу в «Молитве богине Роме»): «То, что уничтожает другие империи, тебя восстанавливает: суть твоего возрождения в том, что ты умеешь расти и после несчастья!» Его произведение — один из лучших поэтических itinerariев (до него в этом жанре творили Гораций и Овидий), отличающийся обилием топографических и культурно-исторических данных. Произведение пронизано беззаветной привязанностью поэта к Риму, к его историческим преданиям, к началам староримского быта и староримского язычества.

Приверженец *motus maiorum*, Намациан был убежденным язычником. Он порицал христианских монахов вкупе с евреями, и даже вандала *Стилихона*. В поэме сквозь хорошую латынь и прекрасные элегические дистихи пробиваются горячие чувства поэта.

Последний историк Рима Аммиан Марцеллин

Крупнейший представитель позднеримской и всей античной историографии, Аммиан Марцеллин (ок. 330—400) предположительно родился в знатной греческой семье из Антиохии Сирий-

ской. Юношей Аммиан поступил на военную службу. При Константине II служил в императорской гвардии и участвовал в походах Юлиана Отступника против персов и аламаннов.

Аммиан Марцеллин по духу принадлежал к неоплатоникам, входил в круг знаменитого языческого ритор *Либания*, совершал далекие путешествия. Оставаясь приверженцем язычества, Марцеллин (в отличие от христиан) был веротерпим и с большим уважением отзывался о христианстве. По возвращении из Персии Аммиан Марцеллин вышел в отставку и жил сначала в родной Антиохии, а с 80-х годов IV в. в Риме, посвятив свой досуг научным занятиям. В 390 г. появилось его знаменитое сочинение под названием «Деяния» — история римских императоров от Нервы (96 г.) до смерти Валента в сражении с готами при Адрианополе. Из 31 книги первые тринадцать до наших дней не сохранились, а события книг с 14-й по 31-ю охватывают период с 353 по 378 г. Написано произведение на поздней латыни, изобилующей грецизмами.

«Деяния» Аммиана Марцеллина являются продолжением летописи Тацита, которому он подражал в группировке материала и в характеристиках исторических лиц. Историк считал, что должен быть объективным и беспристрастным, так как «историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не бывшее».

Аммиан Марцеллин был военным, и это отразилось на его труде, в котором подробно описаны походы и сражения на основе свидетельств очевидцев и участников событий. В центре его внимания находятся дворцовые интриги, борьба претендентов за власть, нелюбимые портреты императоров. Историк читал свои произведения просвещенным римлянам, которые были близки языческой сенатской группировке и обожествляли Юлиана как лучшего из римских императоров. Большую ценность представляют его сведения о социальных движениях IV в., известия о народах Юго-Восточной и Центральной Европы, Ближнего Востока.

«Деяния» дают яркую картину упадка Римской империи, которую историк объяснял пороками людей, их развращенностью, тщеславием и роскошью. Изложение исторических событий у Аммиана Марцеллина прерывается рассказами о чудесах и знамениях. Он признавал влияние Судьбы на жизнь людей и ход истории. Язык его произведения отличается пристрастием к риторике, вычурностью, излишней манерностью.

Последний энциклопедист Кассий Дион Кокцеян

Греческий историк из Никеи в Вифинии (Малая Азия) Дион Кассий жил примерно в 155—235 гг. Его отец, провинциальный аристократ, принятый в число римских сенаторов, Кассий Африкан был при Марке Аврелии наместником Далмации и Киликии. После получения риторического образования Дион Кассий в 180 г. начал служебную карьеру. Со времени императора Коммода он стал сенатором в Риме и занимал высокие государственные должности претора и консула. После 229 г. Дион Кассий по примеру многих отошел от государственных дел и вернулся на родину в Никею.

В течение 22 лет он корпел над своим главным произведением — «Римской историей» в 80 книгах на греческом языке. Труд сей стал для грекоязычного читателя таким же исчерпывающим сводом знаний о прошлом Рима, каким была некогда «История» Тита Ливия для читателя латинского. Он охватывает историю Рима по годам от основания города до времени правления Александра Севера. Склонный к риторике и общим рассуждениям, Дион Кассий подчинил им изложение фактов, что особенно повредило книгам, посвященным истории Республики. В языке и стиле он явно подражает Фукидиду. Происходящие события Дион Кассий освещает с позиции сторонника монархии, хотя и противника крайних проявлений деспотизма. До нас полностью дошли книги 36—54, в сокращении книги 55—60, частично книги 17, 79—80. Содержание утраченных частей мы узнаем из пересказов двух византийских авторов: Ксифилина и Зонары — именно благодаря их выдержкам Дион Кассий известен как «византийский Ливий». С его «Историей» были знакомы Юлиан Отступник, историк Евстахий из Епифании, Иоанн Антиохийский.

Последний ритор Империи Либаний

Второй период расцвета искусства красноречия в эпоху Римской империи относится к IV в. и совпадает со временем последней схватки «языческой» культуры с наступающим христианством. Он представлен именами Либания, Гимерия и Фемистия. Замечательной фигурой поздней греческой риторики был император-философ Юлиан. Среди его талантливых произведений есть и речи; например, прозаические гимны «К Матери богов», «К царю Солнцу».

Образцом для Юлиана был известный ритор и грамматик Либаний (314—393). Родился он в Антиохии на Оронте в знатной семье, обедневшей в результате конфискации имущества при Диоклетиане. Свое образование закончил в Афинах, где в 25 лет уже был назначен в коллегию, ведавшую преподаванием. Интриги принудили его покинуть Афины, затем последовало недолгое пребывание в Константинополе, Никее и Никомедии. Здесь его уроками пользовался будущий император Юлиан, которому старались дать христианское воспитание, и он не мог непосредственно слушать лекции Либания, но получал их через посредника. Лично они познакомились в 362 г., когда Юлиан прибыл в Антиохию, уже будучи императором.

В Никомедии Либаний одержал победу над афинским оратором Химерием, получил широкую известность и был переведен в Константинополь, где завел близкие связи с представителями литературного мира. В 354 г. он возвращается в родную Антиохию, где на протяжении 40 лет вплоть до своей смерти руководит риторической школой. Число учеников в школе Либания доходило до восьмидесяти человек. Как и чему обучались молодые люди, можно понять из сохранившегося наследия оратора. Наиболее интересны декламации — образцы, которые заучивались учениками наизусть; например, 26-я декламация Либания: «Угрюмый человек, женившийся на болтливой женщине, подает в суд на самого себя и просит смерти». Интересны его риторические упражнения (прогимнасы), с помощью которых ученики приобретали навыки отыскивать элементы, оживляющие речь. Среди этих упражнений «басня» (типа эзоповской), «диегема» (рассказ на историческую тему), «хрия» (развитие морального принципа каким-либо знаменитым человеком), «сентенция» (развитие философского положения), «экфраз» (описание памятника изобразительного искусства) и т.д.

Либаний был набожным язычником, посвященным в мистерии, он враждебно относился к христианству. Однако из его школы вышли знаменитые «отцы церкви» Иоанн Златоуст, Василий Великий, Теодор из Мопсестии и Григорий Назианзин.

Из огромного наследия Либания сохранились 64 речи, изданные лишь после смерти автора. Наиболее интересны речи, посвященные Юлиану, особенно созданный с большим чувством трогательный панегирик на его смерть, которая так подействовала на ритора, что он два года воздерживался от публичных выступлений. Широкую известность получило смелое выступ-

ление в речи «К императору Феодосию о храмах» — своеобразное «открытое письмо», содержащее просьбу защитить храмы олимпийских богов с прекрасными произведениями искусства от разорения, которое учиняют в них христианские монахи.

В речи «О рабстве» основная идея заключается в том, что, по сути, каждый человек — раб своих страстей, болезней, условий жизни и неумолимой судьбы, Мойры. Поэтому, по мнению Либания, слово «свободный» следует упразднить.

Либаний был характерным представителем того направления в литературе и философии, которое известно под именем «второй софистики», — реакционной романтической идеологии родовой знати, хранительницы отживших традиций республиканского Рима. Они пытались воссоздать классическую эллинскую литературу, аттическую прозу времени Исократа, оживить философию Платона, писали «под Демосфена», «под Аристофана». Кумиром Либания был великий Демосфен, он исследовал стиль его речей и даже свой труд предварил жизнеописанием философа. Недаром византийские лексикографы называли Либания «Малым Демосфеном». Как все софисты, Либаний воспевал мир эллинских богов и горячо приветствовал реформу Юлиана, восстановившего на время древние культы. Христианство оставалось для него силой, губительно действующей на все прекрасное, что было создано эллинской культурой.

Либаний слыл мастером эпистолярного жанра, сохранилась его обширная корреспонденция (1544 письма). С ним переписывались Аммиан Марцеллин, Фемистий и Юлиан Отступник. О судьбе Либания мы знаем довольно много из его автобиографии, переписки и речей, а также из его биографии, написанной Евнапием.

Неоплатонизм

Неоплатонизм — религиозно-философское направление, сохранившее свое влияние вплоть до XVIII в. К неоплатоническим школам традиционно причисляют: римскую, к которой относится основатель неоплатонизма Плотин (ученик Аммония Саккаса) и его ученики Амелий и Порфирий; сирийскую, основанную Ямвлихом (Феодор Азинский, Сопатр, Дексипп); пергамскую, основанную Эдесием Каппадокийским (к ней принадлежали император Юлиан и Саллюстий); афинскую (Плутарх Афинский, Сириан, Прокл Дамаский) и александрийскую (Ам-

моний Симпликий, Гермий, Элий). Латинскими неоплатониками позднего времени были как христианин Марий Викторин, так и противник христианства Макробий, и др. В 529 г. император Юстиниан запретил изучение языческой философии и распустил платоновскую Академию в Афинах, бывшую последним оплотом языческого неоплатонизма.

Корни неоплатонизма содержатся в воззрениях Плотина, опиравшегося на учение Платона в сплаве с элементами Аристотеля, стоиков и пифагорейцев. Плотин полагал, что перво-сущностью мира является недоступное определениям божество. Божество порождает из себя Мир, низшей ступенью которого представляется материя — источник зла. Человеческая душа стоит на грани Света и Тьмы, и только путем самосовершенствования и аскетизма человек может возвыситься до соприкосновения с божеством.

Плотин родился в 204 г. в Египте, в 28 лет оказался в Александрии, одиннадцать лет учился у Аммония Саккаса, в 244 г. прибыл в Рим, где и прожил до своей смерти в 269/270 г. В поисках восточной мудрости Плотин записался в армию императора Гордиана III и после неудачной кампании против Персии оказался вновь в Риме. Плотин довольно быстро создал кружок из знатных людей, что после воцарения Галлиена сделало его близким ко двору философом. Плотин не стал «придворным идеологом», но был духовником Галлиена. Смерть императора стала причиной распада римского кружка.

Ученики Плотина разъезжаются из Рима, а трактаты Плотина лишились проповеднического энтузиазма. Евстохий, рассказывая о смерти Плотина, приводил его последние слова, «что сейчас он попытается слить то, что было божественного в нас, с тем, что есть божественного во всем; и тут змея проскользнула под постелью, где он лежал, и исчезла в отверстии стены, а он испустил дыхание». Особая роль в формировании неоплатонизма принадлежит ученику Плотина Порфирию, который не только систематизировал и издал трактаты основателя своей школы, но и вернулся к обычаю писать «Комментарии» на диалоги Платона.

Ученики Плотина выступали в качестве защитников языческой религии против христианства, (как Порфирий) и даже пытались создать учение о боге (теология), которое бы объединило все культы древнего мира, правда, исключая христианство. Сторонником неоплатонизма был Юлиан Отступник. Неоплатонизм, тем не менее, пытался разрешить те же вопросы, что и

христианство. Неудивительно, что его положения оказали подспудное влияние на христианскую догматику и его следы обнаруживаются в рассуждениях Фомы Аквинского, в средневековой мистике.

Аврелий Пруденций Клемент — зачинатель христианской поэзии

Ранний христианский латиноязычный поэт (ок. 350 — ок. 410) Аврелий Пруденций Клемент родился в Испании (вероятно, в Таррагоне), в знатной семье. Сначала он посвятил себя правоведению, а позднее был наместником и судьей в двух крупных городах. При дворе императора (скорее всего Гонория) был назначен на высокую должность. Неожиданно в расцвете сил, на 57-м году жизни Клемент удалился в монастырь, отказался от мирских почестей, желая посвятить себя поэзии и вере. В последний год жизни им были написаны замечательные поэтические произведения в религиозном духе.

Стихотворения Пруденция разнообразны с точки зрения метрики, образцом для многих из них послужили произведения св. Амвросия. Среди сохранившихся работ — двенадцать «Повседневных гимнов», написанные девятью различными лирическими размерами. В них описываются те часы дня, в которые предписывались молитвы — воспоминания событий из Нового Завета. Поэма «О Божестве», которой предшествует небольшой гимн «О Троице» написана дактилическим гекзаметром.

«Душевное боренье» («Психомахия») — первый пример аллегорической поэзии на Западе — изложено гекзаметрическим четверостишьем. Это наиболее знаменитое произведение поэта, изображающего борьбу добродетелей и пороков в человеческой душе. Написано оно в двух книгах и является подробным обличением языческих верований, направленным против современника Пруденция знаменитого оратора Симмаха. Произведение содержит немало сведений об отдельных аспектах взаимоотношений церкви и государства. В своей концепции власти Пруденций проводит идею о неоспоримом праве императора контролировать все сферы деятельности своих подданных и руководить их религиозной жизнью. На примере описания императора Феодосия Великого Пруденций создает образ идеального правителя, которому приписывает честь окончательного изгнания язычества из Рима, а его сына Гонория призывает упразднить гладиаторские игры — символ языческого прошлого Рима.

Со страниц «Книги о венцах» звучат 14 гимнов о римских и испанских мучениках и мученицах первых веков христианства. Две основы мирозозерцания — христианство и уверенность в могуществе и величии Рима — определяют содержание его творчества.

Пруденций — убежденный и ревностный христианин, его произведения носят характер страстной проповеди новой религии. Но он не порвал связи с языческой римской литературой, продолжая следовать ее поэтике. Не случайно, Р. Бентли в свое время назвал Пруденция «Горацием и Вергилием христианства».

Последний ревнитель воинской славы Рима Флавий Вегеций Ренат

Историко-теоретический труд римского историка и теоретика военного искусства Вегеция (конец IV — начало V в.) «О военном деле» в 4 книгах (118 глав) создавался в период разложения некогда мощной римской военной организации и упадка военного искусства. Тогда невольно взоры военных теоретиков стали обращаться к славному прошлому. Вегеций, тщательно изучив причины побед и обстоятельства поражений армий былых времен, изложил общую теорию военного искусства на основе богатого военно-исторического опыта греков и, особенно, римлян. Написанная лаконичным языком, кратко и ясно, работа Вегеция по сути является уставом древнеримской армии.

В своем труде Вегеций рассматривает вопросы комплектования, обучения и организации армии, описывает боевые порядки и тактические приемы, приводит основные правила ведения войны и боя, излагает способы обороны и осады крепостей. Так, по словам Вегеция, при комплектовании армии новобранцев надо набирать из стран с умеренным климатом, горожанам следует предпочитать народ из деревни, также армии необходима молодежь, отличающаяся подвижностью и легкостью. Обучение армии — залог ее победы. «Нет государства сильнее, счастливее и славнее, чем то, которое богато обученными воинами».

Служба в войсках должна быть не просто длительной, но с ежедневными полевыми тренировками, с обучением бойцов труду. Солдат надо заставлять рубить лес, носить тяжести, прыгать через рвы, плавать, бегать в вооружении, причем учебное оружие должно быть тяжелее боевого, как это было в римских легионах времен республики. После четырех месяцев обучения

новобранцев заносили в воинские списки и приводили к военной присяге. «Воины клянутся, что они будут делать старательно все, что прикажет император, никогда не покинут военной службы, не откажутся от смерти во имя римского государства». Вегетий постоянно замечает, что победа не приходит сама, ее надо подготовить упорным трудом. Необходимо остерегаться начинать бой с войском, колеблющимся и напуганным. Предводитель должен тщательно выбирать поле боя и обращать внимание на солнце, пыль и ветер. Все это должно находиться в тылу своих войск и ослеплять врага.

Весь труд Вегетия проникнут стремлением автора возродить былое могущество пришедшей в упадок Римской империи, который он объяснял забвением военного дела и опыта. К сожалению, для решения этого вопроса он смотрел назад, в республиканское время, где искал рецепты для настоящего. В этом его ограниченность, обусловленная историческими условиями. Но его несомненная заслуга в том, что он первым изложил теорию военного искусства античного мира.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 1994 (1996).

Аппиан. Гражданские войны. М., 1994 (и др. изд.).

Аппиан Александрийский. Римская история /Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1998 (включая «Гражданские войны»).

Варрон Теренций. О сельском хозяйстве. М., Л., 1964.

Вегетий Ренат Флавий. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Флавий Вегетий Ренат. (Серия: Античная библиотека). СПб.: Алетейя, 1996.

Веллей Патеркул. Римская история / Ст. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой. Воронеж, 1985.

Вергилий Марон Публий. Собрание сочинений. СПб., 1994.

Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.Н. Кондратьева; под ред. А.И. Доватура. М.: Наука, 1992.

Геродиан. История императорской власти после Марка. М.: РОССПЭН, 1995.

Гораций. Собрание сочинений. СПб., 1993.

Дигесты Юстиниана / Пер. И.С. Перетерского. М., 1984.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т. / Пер. Л.Л. Кофанов, Н.Г. Майорова, И.Л. Маяк, И. Наджафова, А.М. Сморгчов, В.Н. Токмаков, А.Я. Тыжов, А.В. Щеголев; отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи — XXI, 2005. Т. I—III.

Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана: лат. текст и русс. пер. М., 1977.

Законы XII таблиц / Сост., пер. и статья Л.Л. Кофанова; отв. ред. В.М. Уколова. М.: ИВИ РАН, 1996.

Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. О Галльской войне. О Гражданской войне. Об Александрийской войне. Об Африканской войне/ Пер. и коммент. М.М. Покровского. М., 1993 (Серия «Литературные памятники») (репринт. изд. 1948 г.).

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960; СПб.: Алетейя, 1997.

Иосиф Флавий. Иудейская война / Подгот. текста, предисл. и примеч. К.А. Ревяко, В.А. Федосика. Минск, 1991.

Катон Порций. О земледелии / Пер. М. Сергеевко. М., Л., 1963.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и коммент. Н.Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ. 1992.

Ливий Тит. История Рима от основания города / Под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе. М.: Наука, 1989—1993. Т. I—III (Серия «Памятники исторической мысли») (и др. переизд.).

- Лукан М.А.* Фарсалия, или поэма о гражданской войне. М.; Л., 1951.
- Лукиан.* Сочинения: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001.
- Лукреций.* О природе вещей. М.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. I / Ред. лат. текста и перевод Ф.А. Петровского; 1947. Т. II / Ст., коммент., фрагменты Эпикура и Эмпедокла сост. Ф.А. Петровский.
- Малые римские историки: *Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Амеллий.* М., 1996.
- Марциал Марк Валерий.* Эпиграммы. СПб., 1994.
- Овидий Публий Назон.* Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1978.
- Овидий.* Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. I—II.
- Орозий Павел.* История против язычников: пер. с лат. СПб.: Алетейя, 2001.
- Плиний Младший.* Письма: 2-е изд./Пер. М. Сергеев, А. Доватура. М., 1982; 3-е изд. 1984.
- Плиний Старший.* Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и примеч. Г.А. Тароняна. М., 1994.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. 2-е изд. / Подгот. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. М.: Наука, 1994. Т. I—II (Серия «Литературные памятники»).
- Полибий.* Всеобщая история / Пер. Ф.Г. Мищенко. СПб., 1994—1995. Т. I—III.
- Римские историки IV в. н.э. (*Евтропий. Секст Аврелий Виктор. Евнапий*): Сб. / Отв. ред. М.А. Тимофеев. М.: РОССПЭН, 1997.
- Саллюстий Крисп Гай.* Сочинения / Пер., ст. и коммент. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1981 (Серия «Памятники исторической мысли»).
- Светоний Транквила Гай.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993 (Серия «Литературные памятники») (переизд. СПб.: Алетейя, 1998 и др. изд.).
- Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию и трагедии. М., 1986.
- Тацит Корнелий.* Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. I—II (Серия «Литературные памятники») (М.: Ладомир, 2001).
- Тертуллиан Квинт Сентимий Флорент.* Избранные сочинения / Сост. и общая ред. А.А. Столярова. М.: Прогресс, 1994.
- Фронтин Секст Юлий.* Военные хитрости (Стратегемы). (Серия «Античная библиотека»). СПб., 1996.
- Цицерон Марк Туллий.* Диалоги: О государстве. О законах / Изд. подгот. И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн, С.Л. Утченко. М.: Наука, 1994 (Серия «Литературные памятники») (репринт. изд. 1966 г.).
- Цицерон Марк Туллий.* Об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1994.
- Цицерон Марк Туллий.* Речи: в 2 т. / Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1993 (Серия «Литературные памятники») (репринт. изд. 1962 г.).
- Ювенал.* Сатиры. СПб., 1994.
- Юлий Павел.* Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. Е.М. Штаерман; сост. и отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Зерцало, 1998.

Хрестоматии

История Древнего Рима. Тексты и документы: учеб. пособие. В 2 ч. / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа. 2004. Ч. 1: Общество. Государство. Религия; 2005. Ч. 2.

Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1989.

Хрестоматия по истории Древнего мира / Под ред. В. Струве. М., 1953. Т. 3: Древний Рим.

Хрестоматия по истории Древнего мира. Эллинизм. Рим / Под ред. В.Г. Боруховича, С.Ю. Монахова, В.Н. Парфенова. М., 1998.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М., 1962.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987.

Учебники и учебные пособия

Античная литература / Под ред. А.А. Тахо-Годи: 2-е изд. М.: Просвещение, 1973.

Античность как тип культуры. М., 1988.

Барди П. Атлас Древнего мира: Древняя Греция. Древний Рим. М: Астрель: Аст, 2000.

Боголенов А. Учебник истории римского права. М., 1958.

Галанза П.В. Государство и право Древнего Рима. М., 1963.

Герье В.И. История римского народа: курс лекций. М., 1887 (пер. изд. М.: Просвещение, 2002).

Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима. Ранняя монархия и республика: учеб. пособие. Ярославль, 2004.

Древний Рим. История, быт, культура: из книг современных ученых / Сост. Л.С. Ильинская. М.: Московский Лицей, 1997.

История Древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М.: Наука, 1982. Кн. 2: Расцвет древних обществ; М.: Наука, 1982. Кн. 3: Упадок древних обществ; Изд. 3-е, исправл. и доп. 1989.

История Древнего Рима: учеб. для вузов по спец. «История». 4-е изд. / Под ред. В.И. Кузищина. М., Высшая школа, 2000.

Ковалев С.И. История Рима. Л., 1948; 2-е изд. доп. и испр. Л., 1986.

Ковалев С.И., Штаерман Е.М. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1959.

Машкин Н.А. История Древнего Рима: 3-е изд. М., 1956.

Мозеров В.Д. и др. Античная культура: учеб. пособие по курсу истории мировой культуры для студентов вузов. Саранск, 2000.

Нетушил И.В. Обзор римской истории. Харьков, 1916.

Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана: Учебн. пособие. М.: Зерцало, 1997.

Покровский И.А. История римского права / Вступ. ст., пер. с лат. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб., 1998; исправл. изд. СПб., 1999.

Разин В.А. История военного искусства. М.: Полигон, 1994.

Общие работы

Алферова М.В. История Древнего Рима. СПб.: Литера, 2002.

Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире: сб. ст. / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2002.

Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

Всемирная история: эллинистический и римский периоды / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. М.: Минск, 1999.

Грант М. История Древнего Рима / Пер. с англ. Л. Кныша. М: Терра—Книжный клуб, 2003.

Дельбрюк К. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. I; (переизд. СПб., 1994).

Древние цивилизации: Древний Рим (Избр. ст. из журнала «Вестник Древней истории»). М.: Ладомир, 1997.

Древний Рим: Драматургия. Проза. Историография. Красноречие. Философия / Общ. ред. А.Л. Мясникова. СПб.: Автограф, 1996.

Евсеев К.П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. СПб., 2005 («Теория и история государства и права»).

Женщина в античном мире. М.: Наука, 1995.

Жреческие коллегии в Раннем Риме: к вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М.: Наука, 2001.

Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование). Свердловск, 1988.

История Европы. М.: Наука, 1988. Т. I: Древняя Европа.

История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. I.

Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1985. Т. I—II.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 46—508.

Массон В.М. Экономика и социальная структура древних обществ. Л., 1976.

Моммзен Т. История Рима. СПб.: Наука, 1994. Т. I: До битвы при Пидне; Т. II: От битвы при Пидне до смерти Суллы; 1995. Т. III: От смерти Суллы до битвы при Тапсе; Т. V: Провинции от Цезаря до Диоклетиана.

Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Харьков, 1894—1897. Вып. 1—2.

Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 1972.

Новицкий И.Б. Римское право. М., 1998.

Скрипшев Е.А. Основы римского права. М., 1998.

Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М., 1971.

Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1980.

Утченко С.Л. Глазами историка: сб. ст. М., 1964.

Ферреро Г. Величие и падение Рима / Авт. вступ. ст. Э.Д. Фролова. СПб.: Наука; Ювента, 1997—1998. Т. 1—2.

Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь (любое изд.).

Штаерман Е.М. История крестьянства в Древнем Риме. М.: Наука, 1996.

Литература к главам I—II

Блок Р. Этруски: Предсказатели будущего / Пер. с англ. Л.А. Егорьевского, М: Центрполиграф, 2004.

Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этруски. М., 1970.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986.

Залесский Н.Н. К истории этрусской колонизации Италии. VII—IV вв. до н.э. Л., 1965.

Залесский Н.Н. Этруски в Северной Италии. Л., 1959.

Ильинская Л.С. Легенды и археология. М., 1988.

Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1983.

Кондратов А.М. Этруски — загадка номер один. М., 1977.

Майяни З. Этруски начинают говорить. М., 1966.

Маяк И.Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М.: Изд-во МГУ, 1983.

Немировский А.И. История раннего Рима и Италии: возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.

Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.

Немировский А.И. Этруское зеркало. М., 1969.

Немировский А.И. Этруски: от мифа к истории. М., 1983.

Немировский А.И. Нить Ариадны. Воронеж, 1989.

Нечай Ф.М. Образование Римского государства. Минск, 1972.

Соколов Г.И. Искусство этрусков. М., 1990.

Циркин Ю.Б. Мифы Древнего Рима. М., 2000.

Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987.

Этруски: итальянское жизнелюбие // Исчезнувшие цивилизации. М.: Терра, 1998.

Литература к главам III—V

Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001.

Бобровникова Т.А. Сципион Африканский: картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Воронеж, 1998. Кн. 1: Война; Кн. 2: Мир.

Буассье Г. Собрание сочинений: в 10 т. / Пер. с фр. под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1993. Т. 1: Цицерон и его друзья: очерк о римском обществе времен Цезаря.

Горьков С.Ю. Рим и Карфаген. Великая морская война. М.: Наследие, 2003.

Гурин И.Г. Серторианская война (81—71 гг.): исторические провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара: Самар. ун-т, 2001.

Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней римской Республике (V—III вв. до н.э.) Ярославль, 1996.

Дементьева В.В. Римское республиканское междоусобице как политический институт. М., 1998.

Дементьева В.В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью М.: Инфомедиа Паблицерс, 2000.

Дементьева В.В. Децемвират в римской государственной-правовой системе середины V в. до н.э. М.: Инфомедиа Паблицерс, 2003.

Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н.э. М., 1964.

Заборовский Я.Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.

Зелинский Ф.Ф. Римская республика / Пер. с польск. Н.А. Папчинской. СПб.: Алетейя, 2002.

Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: историко-правовое исследование. Свердловск, 1976.

Кацесв В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220—146 гг. до н.э. М., 1993.

Кнабе Г.С. Древний Рим: история и повседневность. М., 1986.

Ковалев С.И. Проблема происхождения патрициев и плебеев // Труды юбилейной научной сессии. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 202—244.

Корфанов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI—IV вв. до н.э.). М.: Юрист, 1994.

Кузицин В.И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. — I в. н.э.). М., 1976.

Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1975.

Кучеренко Л.П. Сословная борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме: Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1990.

Лившиц Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск, 1960.

Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н.э. М., 1971.

Маяк И.Л. Римляне ранней республики. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Маяк И.Л. Женщина в раннем Риме (V—IV вв. до н.э.) // Женщина в античном мире. М.: Наука, 1995.

Маяк И.Л. Римляне в быту и на общественном поприще (ранняя Республика) // Человек и общество в античном мире. М.: Наука, 1998.

Нечай Ф.М. Рим и итальянцы. Минск, 1963.

Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987.

Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1982.

Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. М.: Книжная находка, 2003.

Савельев В.А. Римское частное право. М., 1995.

Сергеев М.Е. Простые люди древней Италии. М., Л., 1964.

Токмаков В.Н. Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (VI—V вв. до н.э.) // ВДИ. 1994. № 3. С. 39—49.

Токмаков В.Н. Структура и построение римского войска Ранней республики // ВДИ. 1995. № 4. С. 138—160.

Токмаков В.Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики // ВДИ. 1997. № 1. С. 43—59.

Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI—IV вв. до н.э.). М., 1998.

Трухина Н.Н. Сенатские группировки и колонизация Италии в I четверти II в. до н.э. // Проблемы всеобщей истории. М., 1974.

Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики II в. до н.э. М., 1986.

Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952

Утченко С.Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969.

Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972 (2-е изд. М., 1986).

Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1977.

Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима (III—I вв. до н.э.). М., 1977.

Утченко С.Л. Цезарь; Цицерон. М.: Мысль, 1998.

Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима / Пер. с нем., послеслов. и коммент. Е.В. Ляпустиной. М.: Мысль, 1992.

Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М.: Наука, 1978.

Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1985. Гл. 1.

Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1985. Гл. 2.

Штаерман Е.М. Римское право // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1985. Гл. 3.

Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: Восток и Запад / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1992. Гл. 5.

Литература к главам VI—VIII

Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983.

Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1984.

Басле М.-Фр. Апостол Павел: пер. с фр. Ростов н/Дону, 1999.

Бокщанин А.Г. Социальный кризис Римской империи в I в. н.э. М., 1954.

Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960—1966. Ч. 1—2.

Буассье Г. Собрание сочинений: в 10 т. / Пер. с фр. под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1993. Т. 2: Оппозиция при Цезарях.

Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990 (2-е изд. СПб.: Алетейя, 1999).

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000.

- Виппер Р. Ю.* Рим и раннее христианство. М., 1954.
- Виппер Р. Ю.* Очерки по истории Римской империи: Рим и раннее христианство. Ростов н/Дону, 1995.
- Власов С. М.* Деяния Константина Великого. М., 1999.
- Гиббон Эд.* История упадка и крушения Римской империи / Пер. с англ. В. Н. Неведомского. М., СПб., 1994.
- Гиббон Эд.* Закат и падение Римской империи: в 7 т.; пер. с англ. М.: Терра, 1997. Т. 1—7 (др. изд. СПб.: Наука, 1999—2003. Т. 1—7).
- Голубцова Е. С.* Община, племя, народность в античную эпоху. М.: Наука, 1998.
- Грант М.* Двенадцать Цезарей: пер. с англ. М., 1998.
- Грант М.* Римские императоры: биографический справочник правителей Римской империи, 31 г. до н.э. — 476 г. н.э.: пер. с англ. М.: Терра, 1998.
- Гриффин М. Т.* Нерон. Конец династии: пер. с англ. М.: Терра — Книжный клуб, 1999.
- Дуров В. С.* Нерон, или актер на троне. СПб.: Алетейя, 1994 (Серия «Античная библиотека»).
- Егоров А. Б.* Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принциата. Л., 1985.
- Зелинский Ф. Ф.* Римская империя / Пер. с польск. и подбор глав Н. А. Папчинской. СПб.: Алетейя, 1999.
- Зелинский Ф. Ф.* Соперники христианства (Ст. по истории античной религии): репринт. изд. СПб.: Алетейя, 1995.
- Иисус Христос в документах истории / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Г. Деревенского. СПб., 1998.*
- Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981 (Серия «Научные биографии»).
- Князький И. О.* Император Диоклетиан и конец античного мира: государственные и правовые реформы начала Домината. М., 1999.
- Ковалев С. И.* Основные вопросы происхождения христианства. Л., 1964
- Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985.
- Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999.
- Коптев А. В.* Кодекс Феодосия и римский колонат: учеб. пос. Вологда, 1996.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.
- Колосовская Ю. К.* Паннония в I—III вв. М., 1978.
- Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае. I—IV вв. н.э. М.: Наука, 2000.
- Крист К.* История времен Римской империи от Августа до Константина: Ист. 6-ка Бека: в 2 т. Ростов н/Дону, 1997.
- Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
- Кудрявцев О. В.* Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. М., 1954.

Ле Бозк Я. Римская армия эпохи ранней Империи. / Пер. с фр. М.С. Челинцевой; под ред. В.Н. Токмакова. М.: РОССПЭН, 2001.

Махлаюк А.В. Армия Римской империи: очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000.

Машкин Н.А. Принципат Августа: (Происхождение и социальная сущность). М., Л., 1949.

Межеричский Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.: Калуга, 1994.

Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут; Консультант плюс, 2003.

Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб.: Алетея, 2001.

Пилат Б.В. Две тайны Христа. 2-е изд. М.: Когелет, 2001.

Портнягина И.П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата: учеб. пособие. Калинин, 1989.

Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. / Л.П. Маринович, Е.С. Голубцова, И.Ш. Шифман, А.И. Павловская. М., 1977.

Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. / Е.М. Штаерман, В.М. Смирин, Н.Н. Белова, Ю.К. Колосовская. М., 1977.

Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М., Л., 1949.

Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства / Вступ. ст. И.С. Свенцицкой. М., 1990.

Ременников А.М. Борьба племен Северного Подунавья и Приднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984.

Ренан Э. Апостолы. М.: Терра, 1991 (репринт.).

Ренан Э. Жизнь Иисуса. М.: Вся Москва, 1991.

Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1990 (1991).

Ренан Э. История первых веков христианства: пер. с фр. (репринт.). М., 1991.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. М.: Наука, 2000. Т. I—II.

Свенцицкая И.С. От общины к церкви (О формировании христианской церкви). М., 1985.

Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории М., 1987 (переизд. 1988, 1989 и др.).

Стручалина Р.А. Социально-политический кризис Римской империи (конец II в. н.э.): учеб. пособие. Саратов, 1979.

Уколова В.И. «Последний римлянин» Бозций. М.: Наука, 1987 (Серия «Из истории мировой культуры»).

Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М.: МГУ, 1979 (переизд. Смоленск, 1995, 1998).

Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М.: МГУ, 1990.

Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М.: Наука, 1979.

Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. Кишинев, 1990.

Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990.

Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М., 1961.

Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М.: Наука, 1975.
Энгельс Ф. О первоначальном христианстве: сб. М., 1990.

Научно-популярная и художественная литература

Алексеев Г.А. Как погибали римские императоры // Цареубийство: Гибель земных богов. М., 1998.

Баррет Э.А. Калигула: пер. с англ. М.: Терра — Книжный клуб, 1999.

Бейкер Дж. Тиберий: преемник Августа / Пер. с англ. Н.А. Поздняковой. М.: Центрполиграф, 2004.

Бенуа-Мешен Ж. Юлиан Отступник, или опаленная мечта. М.: Молодая гвардия, 2001 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Берне А. Брут: Убийца — идеалист / Пер. фр. Е.В. Головиной. М.: Молодая гвардия, 2004 (Серия «Жизнь замечательных людей»)

Ботвинник М.Н. и др. Жизнеописания знаменитых греков и римлян. М., 1987.

Булвер-Литтон Эд. Последние дни Помпеи. М., 1988.

Вейс Г. История культуры народов мира: пер. с нем. М.: Эксмо, 2004. Т. 4: Возвышение и упадок империи. Древний Рим: Обычаи и нравы. Костюм. Украшения. Вооружения. Храмы и жилища.

Вестбери Г. Актея (Об императоре Нероне): пер. с англ.; *Еске-Хонинский Т.* Последние римляне: пер. с польск. М., 1993 (Всемирная история в романах. Вып. 1).

Видал Гор. Юлиан / Пер. с англ. Е. Цыпина. СПб., 1994.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Воген А.К. Этруски. М.: РОССПЭН, 1998.

Всемирная история. Древний мир / Под ред. В.П. Будановой. М., 2003. Раздел IX: Древний Рим / *В.Н. Токмаков.*

Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995.

Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск: Русич, 2000.

Грант М. Нерон: Владыка земного ада / Пер. с англ. О.Д. Сидоровой. М.: Центрполиграф, 2002.

Грималь П. Сенека, или совесть империи. М.: Молодая гвардия, 2003 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Грималь П. Цицерон. М.: Молодая гвардия, 1991 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Дан Ф. Аттила. Падение империи: пер. с нем. М., 1994 (Серия «Легион, 4»).

Джованьоли Р. Спартак. Мессалина (любые изд.).

Древний мир глазами современников и историков: кн. для чтения в 2-х ч. Ч. II: Греция и Рим / Отв. ред. А.В. Голубев: Интерпракс, 1994.

Древний Рим: Путеводитель по истории / В.П. Буданова, В.Н. Токмаков, В.И. Уколова, Н.А. Чаплыгина; под ред В.П. Будановой. М.: Эксмо, 2002.

Езерский М.В. Гракхи; Марий и Сулла: ист. ром. М.: Терра; Уникум, 1999.

Знаменитые греки и римляне. СПб., 1993.

Ибаньес Б. Ганнибал (*Бласко Ибаньес*. Куртизанка Сонника: пер. с исп.; *Оппель К.* Меч Ганнибала: пер. с нем.; *Немировский А.И.* Три войны). М., 1994 (Серия «Легион, 10»).

- Инаф Фр.* Сулла: пер. с фр. Ростов н/Дону, 1997.
- Коннолли П.* Греция и Рим: Энциклопедия военного искусства на протяжении 12 веков: пер. с англ. М.: Эксмо, 2000.
- Кораблев И.Ш.* Ганнибал. М., 1976 (2-е изд. 1981); Ростов н/Дону, 1997.
- Кулидж О.* Римляне / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2002.
- Курти П.* Империя (под развалинами Помпеи): пер. с ит. М., 1994 (Серия «Легион, 9»).
- Ладинский Ант.* В дни Каракаллы. Минск, 1987.
- Ладинский Ант.* XV легион. М.: Эксмо, 1994.
- Лансель С.* Ганнибал. М.: Молодая гвардия, 2002 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Лесков В.А.* Спартак. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1987 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Ломбар Ж.* Агония. Византия: пер. с нем. М., 1993 (Серия «Легион, 1).
- Лубченков Ю.Н.* Все полководцы мира. Древний мир. Средние века. М.: Вече, 2001.
- Наппо С.* Помпеи (Атлас чудес света). М.: Бертельсманн Медиа Москау, 2001.
- Немировский А.И.* Мифы Древности. Италия: научно-художественная энциклопедия. М.: Лабиринт, 2001.
- Остерман Л.* Римская история в лицах. М.: О.Г.И., 1997.
- Падение Рима. IV—V вв.: сб. / Сост. М.А. Тимофеев. М.: Вече, 1998.
- Пескарин С.* Рим (Атлас чудес света). М.: Бертельсманн Медиа Москау, 2001.
- Полупуднев В.М.* Митридат. М.: «Келвори», 1994.
- Помпеи: сгинувший город / Пер. с англ. Т. Азаркович. М.: Терра, 1997.
- Римские древности: краткий очерк / Под ред. И.В. Алферовой. Смоленск: Русич, 2000.
- Санчурский Н.* Римские древности. М., 1995.
- Сенкевич Г.* Куда идешь? (Камо грядеши?) (лю бое изд.).
- Сергеенко М.Е.* Жизнь в Древнем Риме. СПб.: Летний Сад, журнал «Нева», 2002.
- Сергеенко М.Е.* Помпеи. М., Л., 1949.
- Суздальский Ю.П., Селецкий Б.П., Ю.М. Герман.* На семи холмах: очерки культуры Древнего Рима. М., 1965.
- Уайлдер Т.* Мартовские иды. М., 1981.
- Уколова В.И.* Поздний Рим: Пять портретов. М.: Наука, 1992.
- Харт Б.Л.* Сципион Африканский: победитель Ганнибала / Пер. с англ. Б.Э. Верпаховского. М.: Центрполиграф, 2003
- Эберс Г.* Каракалла (Тернистым путем): пер. с нем. М., 1993 (Серия «Легион, 4»).
- Экштейн Э.* Нерон: пер. с нем.; *Рамбо А.* Печать Цезаря: пер. с фр. М., 1993 (Серия «Легион, 8»).
- Этьен Р.* Цезарь / Пер. с фр. Э.М. Драйтовой. М.: Молодая гвардия, 2003 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Учебное издание

**Буданова Вера Павловна,
Токмаков Валерий Николаевич,
Уколова Виктория Ивановна,
Чаплыгина Нелли Александровна**

ДРЕВНИЙ РИМ

Учебное пособие для вузов

**Руководитель проекта —
академик РАН А.О. ЧУБАРЬЯН**

Редакция «Образовательные проекты»

**Ответственный редактор С.А. Юшина
Художественный редактор Т.Н. Войткевич
Технический редактор А.Л. Шелудченко
Корректор И.Н. Мокина**

**Оригинал-макет подготовлен
ООО «БЕТА-ФРЕЙМ»**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953005 — литература учебная**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д001056.03.05 от 10.03.2005 г.**

**ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр. Ольминского, д. 3а**

**ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 19А, оф. 214**

**Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

**По вопросам приобретения книг обращаться по адресу:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7 этаж**

**Отдел реализации учебной литературы
«Издательство группы АСТ»
Справки по телефону: (095) 615-53-10, факс 632-17-04**

Древний Рим

Учебное пособие для вузов

Учебное пособие «Древний Рим» посвящено тысячелетней истории древнеримской цивилизации от времени появления первых общин латинских поселенцев в Италии и рождения Рима до гибели Западной Римской империи в ходе бурной эпохи Великого переселения народов.

Пособие состоит из 8 глав: «Племена и народы Древней Италии», «Рим в эпоху царей», «Период Ранней республики (V—IV вв. до н. э.)», «Превращение Рима в

Средиземноморскую державу», «Эпоха Поздней республики и гражданских войн», «Ранняя Римская империя», «Кризис Римской империи», «Поздняя Римская империя». Каждая глава имеет четкую структуру, облегчающую поиск нужного материала. Приводятся объяснения основных исторических терминов и понятий изучаемого периода.

Авторы книги — ведущие специалисты Российской академии наук, известные ученые-историки, имеющие богатый опыт преподавательской работы.

Для студентов высших учебных заведений, преподавателей и всех, интересующихся историей.

ISBN 5-17-035857-1

9 785170 358571